

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский Томский
государственный университет»

На правах рукописи

Родченко Юлия Игоревна

Французская литература
в томской периодике конца XIX – начала XX в.

10.01.01 – Русская литература

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Кафанова Ольга Бодовна

Томск – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том 1

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. ФРАНЦУЗСКИЕ АВТОРЫ В ТОМСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.	15
1.1. Особенности критической рецепции французской литературы в томской периодике.....	15
1.1.1. Томские критики о развитии современной французской словесности.....	18
1.1.2. Французские романисты в оценке томских критиков.....	38
1.1.2.1. Творчество Э. Золя в критических публикациях.....	38
1.1.2.2. Критическая рецепция творчества Г. де Мопассана, А. Франса и А. Доде.....	56
2. ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ТОМСКОЙ ПЕРИОДИКЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.....	65
2.1. Томский «переводной цикл» новелл Г. де Мопассана.....	66
2.1. Новеллистика А. Доде в томских переводах.....	87
2.1. Переводческая интерпретация рассказов А. Франса.....	100
2.1. Литература «второго ряда» в переводе томских авторов.....	113
3. ФРАНЦУЗСКИЕ АВТОРЫ НА ТОМСКОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ СЦЕНЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.....	129
3.1. Основные этапы развития театра в Томске (1848–1917).....	129
3.2. Французские пьесы в репертуаре томского театра	140
3.2.1. Театр классицизма: «Тартюф» и «Дон Жуан» Ж.-Б. Мольера.....	140
3.2.2. Театр романтизма: В. Гюго	147
3.2.3. «Хорошо сделанная пьеса» (Э. Скриб, В. Сарду, А. Дюма-сын)...	153
3.2.4. Театр неоромантизма: пьесы Э. Ростана	167
3.2.5. Новая драма: М. Метерлинк	178
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	187
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ .	192

Том 2

ПРИЛОЖЕНИЕ.....	222

ВВЕДЕНИЕ

Для современной российской гуманитарной науки характерно повышенное внимание к изучению истории культурной жизни провинции как «особого слоя и аспекта Центра, живущего самого собою, в себе и для себя»¹. Многие историко-литературные и культурологические исследования посвящены поиску истоков и факторов, определяющих развитие региональной идентичности. В связи с этим совершенно обоснован рост интереса к местной периодике, которая представляет собой богатейший источник материалов о культурной жизни региона.

Газеты, которые выступали средством массовой информации и выполняли просветительскую и культуртрегерскую функцию в Томске в конце XIX – начале XX в., сыграли исключительную роль в становлении регионального самосознания.

В конце XIX – начале XX в. на страницах томской периодики появляются тексты, свидетельствующие о формировании особой философии региональной самоидентификации. Важное место среди них занимают публикации, так или иначе связанные с восприятием процессов и феноменов инонациональных культурных традиций. Одним из способов самоопределения томичей выступает публикация в местных газетах конца XIX – начала XX в. художественных переводов, театральных рецензий и критических статей, посвященных западноевропейской словесности. Авторами этих публикаций являются представители активно формирующегося в это время социального слоя либерально настроенной сибирской интеллигенции.

Значение областнической идеи в развитии региональной печати убедительно обосновано в исследовании Н.В. Жиликовой. По итогам работы автор приходит к выводу о том, что «благодаря сотрудничеству с областниками сибирские газеты и журналы приобретали концептуальный

---

¹ Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001. С. 80.

характер, становились базой для формирования регионального самосознания»².

Положение о структурообразующей роли англоязычной литературы в рецептивном дискурсе томской периодики конца XIX – начала XX в. доказательно развернуто в диссертации В.Н. Горенинцевой, в которой исследовательница утверждает, что «практически каждая публикация об Америке активно использовалась как повод для обсуждения наиболее важных локальных вопросов»³.

Однако ведущую роль в культурной геополитике России на рубеже веков играли русско-французские отношения. Период, исследуемый в настоящем диссертационном сочинении, с начала 1880-х гг. до революции 1917 г., маркируется интенсивными контактами двух держав, оформившимися в истории международных отношений в виде франко-русского союза.

В настоящее время русско-французские культурные и литературные связи рубежа XIX–XX вв. стали традиционным объектом изучения российской гуманитарной науки⁴. Однако до сих пор рецепция французской литературы в провинциальном дискурсе СМИ не становилась специальным объектом исследования.

Настоящая диссертация посвящена выявлению особенностей критической, переводческой и театральной рецепции французской литературы в томской периодике конца XIX – начала XX в.

Актуальность диссертационного исследования, с одной стороны, связана с повышенным интересом современной гуманитарной науки к

---

² Жиликова Н.В. Журналистика Томской губернии второй половины XIX – начала XX века: идея областничества : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10. СПб, 2012. С. 22.

³ Горенинцева В.Н. Рецепция английской и американской литературы в томской периодике конца XIX – начала XX вв. : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Томск, 2009. С. 148.

⁴ См.: Данилова О.С. Французское «славянофильство» конца XIX – начала XX века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Екатеринбург, 2005. 234 с.; Лазновская Г.Ю. Франция и французы в восприятии русской интеллигенции второй половины XIX в. : дис. ... канд. ист. наук : 24.00.01. Волгоград, 2009. 230 с.; Быстрова Ю.М. Русско-французские культурные связи в конце XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Саратов, 2010. 264 с.; Рудикова Н.А. Образы Парижа в русской и французской литературах конца XVIII – середины XIX вв.: диалог культур : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Томск, 2011. 222 с.; Богданович Е.В. Стихотворное послание 1810-х – начала 1820-х гг. в контексте русской и французской поэтических традиций : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. СПб, 2011. 203 с.

геокультурным аспектам развития провинции, а с другой – к проблеме диалога культур, выражающегося в восприятии инонациональной литературы, а также рядом частных факторов. Во-первых, она определяется обращением к новому материалу рецепции творчества французских писателей в России, позволяющему обновить и расширить исследовательскую базу компаративистики; во-вторых, впервые предпринятой попыткой целостного научного осмысления регионального восприятия французской словесности в широком и локальном историко-культурном контексте и, в-третьих, необходимостью восстановления и осмысления целого ряда фактов культурной жизни Томска 1890-1910-х гг.

Научная новизна исследования может быть определена следующим образом:

1) впервые комплексно рассмотрен «провинциальный» срез российской рецепции французской литературы, дополняющий общий контекст восприятия творчества ряда французских авторов в России на рубеже XIX–XX вв.;

2) обобщен и систематизирован материал литературно-критической, переводческой и театральной рецепции французской литературы в томских дореволюционных газетах, впервые вводимый в научно-исследовательский оборот;

3) выявлен и проанализирован корпус переводов произведений французских авторов, опубликованных на страницах томских газет;

4) исследованы стратегии перевода и адаптации произведений французской литературы в переводах, выполненных специально для томской периодики;

5) определено место французской драмы в репертуаре томского театра конца XIX – начала XX в.

История изучения вопроса. Первые попытки систематического описания сибирской дореволюционной периодики были предприняты в

работах публицистов и теоретиков сибирского областничества В.М. Крутовского⁵ и А.В. Адрианова⁶.

В советское и постсоветское время к изучению сибирской провинциальной прессы обращались, Л.С. Любимов⁷, Л.Л. Ермолинский⁸, С.И. Гольдфарб⁹, Ю.Л. Мандрика¹⁰.

Настоящее диссертационное исследование осуществлялось в рамках проекта кафедры романо-германской филологии ТГУ по исследованию рецепции западноевропейской и американской литератур, организованного профессором О.Б. Кафановой.

Полученные в ходе исследования результаты прошли апробацию на всероссийских конференциях «Сибирский текст в русской культуре» (Томск, 2002, 2006, гранты РГНФ), «Европейская литература в зеркале томской периодики конца XIX – начала XX в.» (Томск, 2008, грант РГНФ), международном российско-австрийском семинаре «Sibirien – Russland – Europa. Fremd – und Eigenwahrnehmung» («Сибирь – Россия – Европа. Восприятие своего и чужого»), состоявшегося в Университете Граца (Австрия, 2011), а также на научном семинаре «Театральный хронотоп в контексте городского сибирского текста конца XIX – начала XX в.» (Томск, 2013, грант РГНФ).

По итогам состоявшихся конференций был сделан вывод о том, что обнаружение и систематизация материалов рецепции западноевропейской литературы на страницах томской периодики XIX – начала XX в. «открывают новые перспективы в понимании соотношения между Сибирью, Центром и «заграницей», восстанавливая недостающие звенья единого процесса развития

⁵ См.: Крутовский В.М. Периодическая печать в Томске // Город Томск. Томск, 1912. С. 279–309.

⁶ См.: Адрианов А.В. Периодическая печать в Сибири с указателем изданий в 1918 г. Томск, 1919. 31 с.

⁷ См.: Любимов С.Л. История сибирской печати : учебное пособие для студентов отделения журналистики. Иркутск, 1982. 78 с.

⁸ См.: Ермолинский Л.Л. Сибирские газеты 70–80-х годов 19 века. Иркутск, 1985. 134 с.

⁹ См.: Гольдфарб С.И. Д.А. Клеменц – революционер, ученый, публицист. Иркутск, 1986. 172 с.; Он же. Газетное дело в Сибири (XIX – начало XX в.) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Иркутск, 2003. 426 с.

¹⁰ См.: Мандрика Ю.Л. Неофициальная часть губернских ведомостей как тип провинциального издания : на материале «Тобольских губернских ведомостей» : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Воронеж, 2004. 159 с.; Он же. Провинциальная частная печать : спорные вопросы становления периодики Сибири. Тюмень, 2007. 103 с.

мировой культуры и в то же время оттеняя своеобразие его протекания в столь значительном российском регионе, как Сибирь»¹¹

В результате проведения семинара по томскому театру было обнаружено, что в Томске ранее, чем в других городах Сибири сформировался театральный хронотоп, становление, которого явилось свидетельством высокого уровня культурного развития региона¹².

В настоящее время исследования продолжают. В частности, готовится к изданию библиография литературно-критических материалов и переводов и антология переводов французских художественных текстов, обнаруженных в томских дореволюционных газетах.

Объектом диссертации являются материалы критики, посвященные французской литературе, а также томские переводы с французского, опубликованные в местной периодике с 1883 по 1915 г. При этом начальная точка отсчета исследования знаменует появление первой литературно-критической публикации о французских авторах в первом частном томском периодическом издании «Сибирской газете». Конечная дата соответствует появлению последней публикации о французском дискурсе в лидирующей газете на томском рынке печати начала XX в. – «Сибирской жизни».

В результате целостного осмысления французского текста на страницах сибирских газет в контексте английского и немецкого выявлено преобладание в рецептивном дискурсе томской периодики публикаций, связанных с французской словесностью.

В ходе исследования было обнаружено и проанализировано 104 литературно-критические публикации разных жанров, посвященные французским литераторам. Материалы, напрямую или косвенно подтверждающие интерес сибиряков к французской литературе, содержатся практически во всех газетных рубриках, начиная от небольших хроникальных

---

¹¹ Европейская литература в зеркале сибирской периодики конца XIX – начала XX в. Томск, 2009. С. 3.

¹² См.: Доманский В.А., Кафанова О.Б., Олицкая Д.А. Научный семинар на тему: «Театральный хронотоп в контексте городского сибирского текста конца XIX – начала XX вв.» // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 266–268.

заметок и заканчивая циклами обзоров, представляющих вершину эволюции этого жанра в томской периодике. Авторами некоторых из них являются такие известные в российском и региональном масштабе критики, как Ф.В. Волховский, Г.А. Вяткин, В.А. Долгоруков. Большая часть публикаций принадлежит местным деятелям культуры, чье наследие до сих пор остается малоизученным: Е.Г. Григорьеву, И.А. Иванову, А.С. Качоровской, А.О. Станиславскому, П.Л. Черневичу.

В процессе работы также выявлено 224 перевода с французского, выполненных специально для той или иной томской газеты (что соответствует объему переводов немецкой и английской литературы, взятому в совокупности).

В изучении французского компонента репертуара томского театра использовались материалы центральной и местной периодической печати, освещающие историю развития театрального дела в Томске. Под углом зрения интересующей нас проблематики в научный оборот водятся материалы рукописи кандидата искусствоведческих наук А.С. Иванова о полуторавековой истории местного театра, обнаруженной в архиве Томского драматического театра.

Предметом диссертации является изучение особенностей восприятия французской литературы в томских дореволюционных газетах (критики, переводов, театральной рецепции) как в локальном, так и в широком культурно-историческом контексте эпохи рубежа веков.

Материал исследования составляют публикации в центральной и местной периодике, а также архивные документы, в частности:

1) публикации по рецепции французской литературы, отобранные в результате фронтального просмотра годовых подшивок «Томских губернских ведомостей» (1857–1917), «Сибирской газеты» (1881–1888), «Сибирского вестника» (1885–1905), «Сибирской жизни» (1897–1916), «Сибирских отголосков» (1907–1910);

2) материалы российских «толстых» журналов, по которым составлялись томские литературные обозрения или в которых были представлены более ранние переводы анализируемых произведений французских авторов: «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Русское богатство», «Вестник иностранной литературы», «Новое обозрение иностранной литературы» и другие;

3) французские художественные тексты и их переводы на русский язык;

4) материалы центральных газет и журналов, содержащих провинциальные корреспонденции о томском театре: «Театрал», «Театр и искусство», «Суфлер», «Артист» и другие;

5) материалы архива Томского драматического театра.

Методология исследования основана на принципах комплексного анализа, синтезирующего различные подходы и методики.

Безусловно важными в методологическом плане явились труды по региональному культуроведению Н.К. Пиксанова, И.М. Гревса, П.Н. Сакулина, М.С. Кагана, В.Л. Каганского и др.

При интерпретации понятия «локальный текст» русской культуры учитывались работы по семиотике пространства Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, В.В. Абашева, А.П. Люсого, а также о «сибирском тексте» М.К. Азадовского, В.Г. Одинокова, К.В. Анисимова, В.А. Доманского, А.П. Казаркина, О.Б. Кафановой, Н.В. Серебренникова, А.С. Янушкевича и др. В настоящем исследовании «сибирский текст» рассматривается как особый многослойный субстрат русской культуры, структурными уровнями которого является не только литературный, публицистический, литературно-критический текст (оригинальный или переводной), но и историко-культурная составляющая¹³. Вместе с тем основой для рассмотрения зарубежной литературы в структуре томской периодики стали публикации сотрудников

¹³ См.: Доманский В.А. Структурные уровни сибирского текста // Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2007. Вып. 2. С. 50–59; Он же. Субстраты томского текста // Северный и Сибирский тексты русской литературы как сверткесты: типологическое и уникальное : сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, 9–11 октября 2013 г. Архангельск, 2014. С. 101–111.

кафедры романо-германской филологии: В.Н. Горенинцевой, Д.В. Лобачевой, О.Б. Кафановой, Н.Е. Никоновой, Д.А. Олицкой, Н.Е. Разумовой.

Изучение литературно-критических жанров осуществлялось с опорой на научные изыскания Л.Я. Вороновой, Б.Ф. Егорова, В.Н. Коновалова, Л.М. Пивоваровой.

Теоретической базой для изучения французско-русского межкультурного диалога послужили работы отечественных компаративистов М.П. Алексева, А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунского, Ю.Д. Левина, Б.Г. Реизова и др. Анализ художественных переводов осуществлялся с опорой на труды отечественных и зарубежных переводоведов: Л.С. Бархударова, В.С. Виноградова, Л. Венути, Л.Н. Галеевой, Н.К. Гарбовского, Т.А. Казаковой, В.Н. Комиссарова, А. Поповича, П.М. Топера, Т. Торопа, А.В. Федорова, А.Д. Швейцера.

Важное значение для предпринятого исследования имеют труды по истории и теории театра А.А. Аникста, Г.Н. Бояджиева, П.А. Маркова, С.С. Мокульского, И.Ф. Петровской, В.Е. Хализева и др.

Таким образом, интегративный характер работы детерминирует методологию исследования, в основу которой положены сравнительно-сопоставительный, лингвокультурологический, библиографический и историко-литературный методы.

Цель диссертационного исследования – выявление, систематизация и анализ фактов восприятия французской литературы на страницах томской дореволюционной периодики.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские **задачи**:

1. Выявить и систематизировать фактографический материал, связанный с рецепцией французской литературы в томских периодических изданиях конца XIX – начала XX в.;

2. Осмыслить материалы критической рецепции французской литературы, выявить региональную специфику ее восприятия;

3. Провести анализ томских переводов произведений французских авторов, охарактеризовать интерпретативную позицию переводчиков, переводческих стратегий, определить приемы адаптации оригинальных текстов;

4. Изучить процесс формирования репертуара томского театра на предмет реализации диалогических схождений русской и западноевропейской театральных традиций.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что она вносит вклад в разработку методологии исследования различных видов рецепции иноязычной литературы в региональном дискурсе СМИ как принципиально важного структурного элемента сибирского текста русской культуры.

Практическая значимость работы определяется тем, что ее результаты могут быть использованы при подготовке лекционных курсов и спецкурсов по истории литературного регионализма, литературной критики Сибири, теории и практики перевода, истории культуры Сибири, а также в краеведческой работе.

Апробация результатов исследования осуществлялась в ходе участия в методических и методологических семинарах кафедры романо-германской филологии (2012–2014 гг.), а также научном семинаре «Театральный хронотоп в контексте городского сибирского текста конца XIX – начала XX вв.» (Томск, 6 июля 2013 г.).

Основные положения диссертационного исследования были изложены в докладах, представленных на 16 научно-практических конференциях всероссийского и международного уровней: «Коммуникативные аспекты языка и культуры» (Томск, 2009–2012 гг.); «Актуальные вопросы истории, международных отношений и документоведения» (Томск, 2013 г.); «Наука и образование» (Томск, 2009, 2010, 2011, 2012, 2014 гг.); «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2009–2014 гг.).

По теме диссертации опубликована 21 статья, из них 6 – в научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации для опубликования основных результатов кандидатских исследований.

Структура диссертации обусловлена методологией компаративистских исследований, выделяющей в качестве основных аспектов критику, перевод и театральную рецепцию¹⁴. Работа включает в себя два тома: первый том состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников и литературы, второй том диссертации включает в себя Приложение.

В первой главе – **«Французские авторы в томских периодических изданиях конца XIX – начала XX в.»** – исследуется критическое восприятие французской литературы, выраженное в переводных и оригинальных публикациях; выявляются основные критические жанры; определяются критерии оценки художественного произведения. Литературно-критические материалы рассматриваются с учетом особенностей культурно-исторической ситуации в регионе и в широком геокультурном контексте.

Во второй главе – **«Переводческая рецепция французской литературы в томской периодике конца XIX – начала XX в.»** – осуществляется анализ выявленных переводов художественных произведений французских авторов; определяются основные переводческие стратегии; характеризуются стратегии адаптации оригинала для томского читателя. Особенности переводческой рецепции исследуются в рамках лингвокультурологического подхода, имеющего своей целью выявление основных адаптивных стратегий иноязычного текста и механизмов его «встраивания» в принимающую культуру.

В третьей главе – **«Французские авторы на томской театральной сцене конца XIX – начала XX в.»** – представлено краткое описание основных

---

¹⁴ См.: Левин Ю.Д. Восприятие творчества инациональных писателей // Историко-литературный процесс : проблемы и методы изучения. Л., 1974. С. 237–273.

этапов развития томского театра в период с 1848 по 1917 г.; исследуются особенности театральной рецепции французской драмы, эволюция зрительского восприятия классической и современной драматургии; определяются критерии оценки театральных постановок томскими критиками.

Приложение к диссертации состоит из двух частей. В первую часть Приложения вошла библиография критических статей и театральных рецензий, посвященных французской литературе. Каждая публикация снабжена аннотацией ее содержания. Театральные рецензии дополняются информацией о развитии театрального дела в Томске в конце XIX – начале XX в. Подробная характеристика дается лишь тем театральным сезонам, когда на сцене томского театра инсценировались произведения французских авторов. Вторая часть Приложения содержит антологию переводов с французского, выполненных специально для томских газет в конце XIX – начале XX в.

Положения, выносимые на защиту:

1. Критическая, переводческая и театральная рецепция французской литературы в томской периодике конца XIX – начала XX в. занимает ведущее место в пространстве восприятия других инонациональных литературных традиций. Томские авторы представляют в совокупности формирующийся в России слой либеральной интеллигенции, которая во многом выстраивает взгляд на собственную роль и место в жизни России, а также остальном геокультурном пространстве за счет адаптации элементов зарубежного социального и политического опыта к самобытным условиям региона.

2. Критическая рецепция французской литературы на страницах томской периодики конца XIX – начала XX в. сосредоточена в первую очередь на современных авторах (Э. Золя, Г. де Мопассане, А. Франсе, А. Доде, П. Бурже и Ш. Бодлере), при этом тип восприятия и критической интерпретации современных течений французской словесности является диалектичным. В 1890-е гг. в оригинальных статьях томских критиков наблюдается стратегия неприятия литературных направлений эпохи

«fin de siècle», наряду с которой в 1910-х гг. обнаруживается тенденция к активному освоению новейших веяний французской литературы (например, поэтического наследия Ш. Бодлера в интерпретации А.С. Качоровской).

3. Переводческая рецепция французской литературы в томской периодике конца XIX – начала XX в. дополняет критическую и выстраивается на восприятии новелл социально-бытовой, военной и любовной тематики. Большинство томских переводов характеризуются содержательной и стилистической адекватностью по отношению к оригиналам, проявляя одновременно признаки адаптации произведений французских авторов для местного читателя, основным направлением которой является «одомашнивание» культурно-исторических реалий. В отдельных случаях адаптация носит характер приспособления ко вкусам массового читателя и приводит к трансформации нравственно-эстетического канона произведения в переводе.

4. Репертуар томской сцены конца XIX – начала XX в. включает в себя лучшие произведения классической и современной французской драмы: постановки пьес Ж.-Б. Мольера, В. Гюго, Э. Скриба, В. Сарду, А. Дюма-сына, Э. Ростана, М. Метерлинка. При этом парадигма критериев отбора и оценки материала обуславливается пониманием театрального искусства как народной школы.

5. Французская драматургия играет важную роль в формировании репертуара томской сцены: томский театр проходит путь от усвоения эстетических принципов классической драматургии («Тартюф» и «Дон Жуан» Ж.-Б. Мольера) к осмыслению произведений в духе «la pièce bien faite» Э. Скриба и В. Сарду, неоромантизма Э. Ростана и «новой драмы» М. Метерлинка.

1. ФРАНЦУЗСКИЕ АВТОРЫ В ТОМСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

1.1. Особенности критической рецепции французской литературы в томской периодике

Система критических жанров в томских газетах складывалась под влиянием общих тенденций развития критики конца XIX – начала XX в. В то же время у томской газетной периодики имелась своя специфика, обусловленная периферийностью литературного процесса и задачами, стоявшими перед местной журналистикой. Одной из целей томских периодических изданий являлось не только оперативное реагирование на текущие события, но и целостное осмысление мировой литературной и общественной жизни.

Французская литература, представляющая синтез новых сложных философских и эстетических тенденций (декаданс, символизм, импрессионизм, натурализм), побуждала местных критиков и журналистов к их активному обсуждению и анализу. Всего на страницах томской периодики была обнаружена 61 критическая статья: 48 в «Сибирском вестнике» и 13 в «Сибирской жизни». Количество оригинальных публикаций превышало количество материалов, перепечатанных из центральной прессы. 37 публикаций принадлежали перу томских критиков, остальные 24 были заимствованы ими из других периодических изданий.

Рецепция французской литературы в томской периодике нашла отражение в самых разных жанрах и рубриках. Ведущим жанром литературной критики, наиболее активно способствующим популяризации западноевропейской литературы среди местной аудитории, стало обозрение. Оперативность, систематичность и ориентированность на широкие читательские круги делали обозрения удобным инструментом воспитания мыслящего читателя, развития его вкуса и формирования привычки к

регулярному чтению. Обозрения французской литературы, представленные в томской периодике, можно разделить на три основных типа: информационные, предметно-тематические и фельетонные.

Примером обозрения информационного типа, знакомящего местного читателя с публицистикой и беллетристикой не всегда доступных ему «толстых» журналов, могут служить две публикации, размещенные на страницах «Сибирского вестника» за 1888 г. В них читатель узнает о новом сочинении молодого французского критика и романиста П. Бурже «Очерки современной психологии».

К обозрению информационного типа можно отнести и перевод статьи итальянского социолога Г. Ферреро «Больны ли мы?», выполненный корреспондентом «Сибирского вестника» П.Л. Черневичем в 1893 г. Статья Г. Ферреро была заимствована из французского журнала «Revue des Revues» и затрагивала актуальный вопрос о причинах невроза и пессимизма, охвативших европейское общество конца XIX в.

Вообще рецепция французской литературы в томской периодике конца XIX в. характеризуется усиленным вниманием к западноевропейской социологии, психологии и философии. В «Сибирском вестнике» за 1893 г. опубликованы три перепечатанных из центральной периодики обозрения, составленные по русским переводам трудов итальянского врача-психиатра Ч. Ломброзо, его ученика, писателя М. Нордау и французского критика А. Албала. Все три статьи, так или иначе, касаются вопроса нравственной деградации современных французских писателей.

Среди предметно-тематических обозрений обращает на себя внимание ряд публикаций, посвященных особенностям развития современной французской литературы. Так, в «Сибирском вестнике» за 1893 г. выходят сразу три оригинальные статьи томских критиков о последних тенденциях во французской литературе, вводящие в кругозор местного читателя творчество символистов эпохи «fin de siècle»: П. Верлена, С. Малларме, Ж. Мореаса и А. Рембо. Новые направления в литературе представляются читателю не как

изолированные явления, а как напрямую обусловленные изменениями в общественном сознании.

К обозрениям фельетонного типа можно отнести опубликованный в «Сибирской жизни» за 1910 г. цикл «Литературные очерки», в котором томская журналистка А.С. Качоровская представляет вполне профессиональный анализ стиля и содержания поэзии Ш. Бодлера.

На страницах «Сибирского вестника» появляется также сразу два цикла фельетонных обозрений П.Л. Черневича. Первый из них посвящен описанию трилогии Э. Золя «Три города» (1894–1896). Пересказывая содержание анализируемых романов французского автора, П.Л. Черневич ставит перед собой задачи скорее идеологические, чем эстетические. Так, рассматривая отношение Э. Золя к вопросу современного религиозного кризиса, критик пытается выяснить общественную идею его произведений. Второй цикл П.Л. Черневича, вышедший в 1898 г. под названием «Загадочная драма», в подробностях информирует томского читателя о развитии нашумевшего в Европе дела А. Дрейфуса и участия в нем Э. Золя.

В целом, Э. Золя становится наиболее популярной фигурой в томской периодике из всех западноевропейских авторов. Посвященные ему материалы появляются во многих рубриках «Сибирского вестника» и «Сибирской жизни» и впечатляют своим разнообразием: хроникальные заметки, рецензии на новые романы писателя, некрологи, вышедшие в 1902 г. в связи с его трагической гибелью.

Большинство публикаций о Э. Золя представляют собой перепечатки из центральных и провинциальных периодических изданий. Среди оригинальных статей, посвященных писателю, можно выделить два некролога, по-разному осветившие его жизненный путь. В то время как корреспондент «Сибирского вестника» превозносит Э. Золя за его активное участие в деле А. Дрейфуса, критик «Сибирской жизни» стремится осмыслить его вклад в литературу. Жанр литературного портрета, являющего собой анализ творчества писателя в связи с его личностью, был представлен в томских газетах не только

некрологами. На страницах «Сибирской жизни» за 1912 г. появляется юбилейная статья в честь десятилетней годовщины смерти Э. Золя.

Еще одним популярным жанром в томских газетах были рецензии, так же, как и обзоры, хорошо приспособленные для оперативного анализа и оценки литературных явлений. К жанру рецензии можно отнести, прежде всего, небольшие заметки, появлявшиеся в рубриках «Библиография» и «Новые книги и журналы» и представляющие собой краткие информационные справки о выходе в свет новых изданий, переведенных с французского. Вместе с тем к этому жанру относятся развернутые рецензии на отдельные произведения французских писателей. К последнему типу принадлежит появившаяся в «Сибирском вестнике» за 1891 г. статья В.А. Долгорукова о сочинении Э. Ренана «История народа израильского», а также статьи о романах Э. Золя «Разгром» А.О. Станиславского и «Доктор Паскаль» некоего «К. В-ва», вышедшие в этой же газете в 1893 г.

1.1.1. Томские критики о развитии современной французской словесности

Стремясь ввести томского читателя в широкий круг общекультурных проблем, дать почувствовать собственную «равноценность» со столичным читателем, томская периодика активно откликается на события западноевропейской и, в частности, французской литературной жизни.

Первая статья о французской литературе появляется на страницах февральского номера «Сибирского вестника» за 1888 г. в рубрике «Фельетон»¹⁵. Томский рецензент, скрывший свое имя под псевдонимом «Фауст», знакомит читателей с содержанием первых двух книжек (за январь и февраль 1888 г.) нового столичного историко-литературного журнала «Пантеон литературы». Кратко описав опубликованные там статьи, «Фауст» решает подробно остановиться на еще не появившемся в отдельной продаже сочинении молодого французского критика и романиста П. Бурже «Очерки современной

---

¹⁵ Фауст. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1888. № 25 (26 февраля). С. 2.

психологии» («Essais de psychologie contemporaine», 1883), в котором автор представляет психологические характеристики Ш. Бодлера, Э. Ренана, И. Тэна, Стендаля и И.С Тургенева.

«Фауст» отмечает, что в своих очерках П. Бурже пытается объяснить причину пессимизма современных литераторов: «По поводу Ренана и бр. Гонкур автор указал зародыш меланхолии, облеченной в дилетантизм; по поводу Стендаля, Тургенева – отметил некоторые пагубные последствия космополитической жизни и т.д.»¹⁶.

Рецензент указывает также на то, что сочинение П. Бурже предваряет статья знаменитого французского крика Ж. Леметра, в которой тот утверждает, что ум П. Бурже в независимости от того «любим мы его или нет, <...> является одною из самых богатых и самых выдающихся составных сил литературного и нравственного развития второй половины нашего века»¹⁷.

Заканчивая свою статью, «Фауст» с сожалением говорит о том, что сибирскому читателю, заинтересовавшемуся новым журналом, вряд ли удастся познакомиться с ним поближе, поскольку в городской библиотеке вместо отсутствующего там «Пантеона литературы» ему предложат пользующиеся популярностью художественно-юмористические журналы с карикатурами «Шут» или «Стрекозу».

Обращение «Пантеона литературы», а вслед за ним и «Сибирского вестника», к очеркам П. Бурже не является случайным. В конце XIX в. этот французский писатель приобретает известность в Европе как тонкий психолог, исследующий различные состояния человеческой души. Так, в журнале «Русское богатство» за 1904 г. отмечается, что в своих психологических этюдах П. Бурже-критик занимается «анализом форм чувствования писателей и отражения в литературе «моральной» жизни Франции во второй половине XIX в.»¹⁸.

¹⁶ Фауст. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1888. № 25 (26 февраля). С. 2.

¹⁷ Фауст. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1888. № 25 (26 февраля). С. 2.

¹⁸ Кудрин Н.Е. Галерея современных французских знаменитостей. П. Бурже // Русское богатство. 1904. № 3 (март). С. 115.

В то же время основной заслугой П. Бурже-романиста признается возрождение во Франции жанра любовно-психологического романа. По словам корреспондента «Русского вестника» (1895), писатель «обратил внимание на состояние души и анализ совести изображаемых в романе лиц», чем, по его мнению, «явно и намеренно пренебрегали многие из французских романистов»¹⁹. О широкой популярности П. Бурже свидетельствует также и перевод трех его новелл, сделанный специально для «Сибирского вестника».

В ноябре 1888 г. томский «Фауст» знакомит читателей с сентябрьской книжкой еще одного столичного журнала «Северный вестник»²⁰. Опираясь на опубликованные в нем материалы, критик предлагает рассмотреть живо интересовавший всех мыслящих людей той эпохи вопрос о смысле бытия. Желая показать, какое решение метафизического вопроса нашли во Франции (в «горниле цивилизации», по словам журналиста), «Фауст» вновь обращается к цитированию «Очерков по современной психологии» П. Бурже: «Мы живем в эпоху метафизического разрушения, когда всякого рода обломки учений покрывают землю; у нас (в Европе) не только нет той общей веры, какая была у людей XVII века, которая направляла все совести, руководила всеми действиями, но мы даже утратили способность к отрицанию веры»²¹. Согласно П. Бурже, люди уверовали в то, что истина кроется в противоречивых гипотезах о природе вселенной и человека. Однако вместе с тем он считал, что наука не может дать полного удовлетворения нашему сердцу, разъедаемому духом анализа.

По утверждению Ж. Леметра, размышляя над человеческой судьбой, П. Бурже находил ее непостижимой, поскольку не обладал для своего успокоения «ни христианской верой, ни наивным упованием на прогресс»²². Только два десятилетия спустя мировоззрение П. Бурже окончательно изменится в сторону всецелого принятия позиций католицизма, пока же в

---

¹⁹ Ачкасов П.Б. Письма о литературе. Поль Бурже // Русский вестник. 1895. Т. 239 (август). С. 254.

²⁰ Фауст. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1888. № 77 (4 ноября). С. 1.

²¹ Фауст. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1888. № 77 (4 ноября). С. 1.

²² См.: Леметр Ж. Поль Бурже // Современные писатели. СПб., 1891. С. 50.

«Очерках современной психологии» он предстает перед читателем как исследователь тревог и исканий человека переломной эпохи «fin de siècle».

Возможно, именно поэтому томский «Фауст», как и любой мыслящий человек не чуждый размышлений о сущности бытия, рекомендует обратиться к очеркам П. Бурже тем, кто стремится найти ответы на метафизические вопросы или желает лучше понять значение многих современных общественных явлений. Сочинение писателя критик характеризует как «хорошую книгу», полную «глубоких и примиряющих мыслей, высказанных языком вполне понятным»²³.

Следующая заметка о французской литературе, опубликованная в июльском номере «Сибирского вестника» за 1891 г., представляет собой перепечатку из майской книжки «Вестника Европы» с небольшими пояснениями томского критика Всеволода Алексеевича Долгорукова, скрывшегося за одним из своих псевдонимов «Всеволод Сиб-ский»²⁴.

Потомок княжеского рода, В.А. Долгоруков был лишен титула и сослан в Сибирь по делу о подлоге. В Томске он принимал деятельное участие в литературном отделе «Сибирского вестника», всегда проявляя глубокий интерес к театральному делу, а с конца 80-х гг. XIX в. возобновил сотрудничество в столичной периодике, в том числе в таких газетах как «Суфлер», «Театральный мирок», а также в журнале «Артист». В 1899 г. на даче в с. Заварзино он даже открыл собственный летний театр²⁵. Своей журналистской и общественной деятельностью Долгоруков способствовал включению Сибири в общеевропейский культурный процесс.

В.А. Долгоруков представляет томским читателям небольшую выдержку из статьи известного русского писателя и публициста К.К. Арсеньева о новом сочинении Э. Ренана под названием «История народа израильского» («Histoire

²³ Фауст. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1888. № 77 (4 ноября). С. 1.

²⁴ Всеволод Сиб-ский [В.А. Долгоруков]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1891. № 79 (14 июля). С. 3.

²⁵ См.: Кафанова О.Б. «Сибирский текст» В.А. Долгорукова // Н.П. Анциферов. Филология прошлого и будущего : по материалам международной научной конференции «Первые Московские Анциферовские чтения» (25–27 сентября 2012 г.). М., 2012. С. 421–425; Всеволод Алексеевич Долгоруков : сборник материалов. Томск, 2013. 239 с.

du peuple d'Israel», 1887–1893): «Тогдашние израильские мыслители были первыми изобличителями мирской неправды <...> Они шли вразрез с интересами своего маленького народа, но способствовали, зато, основанию великого религиозного здания, послужившего приютом для человеческого рода»²⁶.

В статье не содержится никаких сведений об авторе и о направлении его творчества, поэтому создается впечатление, что статья К.К. Арсеньева предназначается для читателя, достаточно близко знакомого с сочинениями Э. Ренана, применившего идеи позитивизма к религии. Действительно, ко времени появления в России «Истории израильского народа», многие сочинения Э. Ренана уже были переведены на русский язык и опубликованы в центральных российских журналах или изданы в виде отдельных брошюр. Однако не каждый томский читатель был знаком с личностью и творчеством французского автора, поэтому рецензия В.А. Долгорукова о новой книге Э. Ренана была понятна и интересна лишь небольшой части томской аудитории.

Еще одна статья о Э. Ренане появилась в «Сибирском вестнике» в январе 1893 г., спустя три месяца после смерти философа. Она была заимствована из ноябрьского номера «Вестника Европы» за 1892 г. томским критиком, подписавшимся криптонимом «И.Д.»²⁷. Местный рецензент решает познакомить сибирских читателей с личностью и взглядами Э. Ренана, поскольку, по его мнению, он является «крупной фигурой» XIX в. В библиографической заметке дается характеристика жизненной позиции Э. Ренана: основным смыслом его жизни было стремление к истине, высшему умственному и нравственному совершенству; вера философа-позитивиста в науку и прогресс была для него неизменным источником вдохновения на протяжении всей жизни. Э. Ренан был мягок и добр по отношению к людям,

---

²⁶ Всеволод Сиб-ский [В.А. Долгоруков]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1891. № 79 (14 июля). С. 3.

²⁷ И.Д. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1893. № 4 (8 января). С. 2.

не гнался за успехом, а старость оказалась для него временем «нравственного довольства».

Много внимания в статье уделяется и уникальному авторскому стилю, благодаря которому Э. Ренан смог популяризировать философские идеи и беллетризовать свои сочинения на религиозные темы: «Истинная слава Ренана, главная заслуга его в мастерстве французских стиля и языка и примеси художественного идеализма, которую он внес в серьезные вопросы знания»²⁸. Эти слова относились к манере Э. Ренана художественно воспроизводить прошлое при помощи добавления разнообразных субъективных и произвольных характеристик, которые превращали сухие исторические факты в захватывающее повествование. Так, описывая историю возникновения христианства, Э. Ренан пытался нарисовать живую картину происходящего как художник, а не критик или исследователь прошлого. Именно поэтому сочинения писателя на столь серьезные темы имели огромную популярность.

Очередная статья о французской литературе, опубликованная в «Сибирском вестнике» в 1893 г., была напечатана анонимно и не содержала в себе указания на перепечатку из столичных газет или журналов. Это содержательное и солидное обозрение размещалось в рубрике «Фельетон» под заголовком «Новые веяния» и включало в себя несколько разделов, посвященных характеристике уже «отжившего свой век» натурализма, а также новых направлений во французской литературе²⁹.

Первый из разделов обозрения под названием «Отходная натурализму» повествует о «смерти» школы, которая явилась «законным порождением» материализма и позитивизма. По словам томского критика, братья Гонкур, А. Доде и даже сам Э. Золя признали, что время господства натурализма подошло к концу. В следующем разделе, озаглавленном «Характеристика декадентства», автор сообщает о том, что в литературной сфере постепенно

---

²⁸ И.Д. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1893. № 4 (8 января). С. 2.

²⁹ Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1893. № 13 (29 января). С. 2.

добивается господства группа писателей «с кличкой» декадентов. По словам критика, декадентство является ответом на крайности «плоского и грубого» натурализма. В своем желании уйти от действительности декаденты напоминают романтиков, но отличаются от них тем, что хотят как можно точнее понять и проанализировать не мысли и чувства людей, а настроение окружающего мира: «Декаденты пытаются уловить все оттенки нервной жизни. Для них звуки видимы, краски поют, голоса пахнут»³⁰.

Среди других характерных черт этого направления автор называет искусственность в изображении действительности, удаление от природы, лихорадочное стремление к мистическому, безграничному и чудовищному. К главным представителям декаданса критик вполне справедливо относит французских поэтов С. Малларме, П. Верлена, А. Рембо и Ж. Мореаса, а также прозаиков Ж.-К. Гюисманса, Ж. Пеладана и Г. де Мопассана. Названные имена действительно репрезентируют символизм в поэзии и прозе, который традиционно относится к декадансу, хотя некоторые из названных художников (например, Г. де Мопассан) шире и разнообразней как по мироконцепции, так и по эстетическим ориентирам и поэтическим приемам.

В обзоре говорится и о том, какое влияние оказала книга французского дипломата, историка и критика литературы Э.М. де Вогюэ «Русский роман» («Le roman russe», 1886) на его соотечественников. Под влиянием этого произведения появилась целая группа представителей нового направления: «На место формулы натурализма воспроизводить «куски, вырванные из жизни», становится формула реального искусства в истинном смысле этого слова – изображать не то, что есть, а то, что должно быть, не факты и явления, а дух, смысл, правду жизни»³¹.

То есть писатель берет на себя роль «властителя дум», миссия которого заключается в том, чтобы вести человека к нравственным идеалам. Именно эти принципы поразили Э.М. де Вогюэ в романах таких русских писателей,

---

³⁰ Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1893. № 13 (29 января). С. 2.

³¹ Там же.

как И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский; принципы их искусства и легли, по его мнению, в основу нового направления в литературе, среди представителей которого были названы П. Бурже, а также писавший на французском языке швейцарский автор Э. Род. Обзорение завершалось утверждением, что эпоха «fin de siècle» характеризуется не только «нервно-духовной дряблостью, общей деморализацией, чудовищными извращениями культуры», но и явлениями положительными, связанными с серьезным, многообещающим будущим.

Еще одно обозрение о новых направлениях во французской литературе конца XIX в., опубликованное в «Сибирском вестнике» за 1893 г., является перепечаткой статьи известного литературного критика Н.К. Михайловского, заимствованной из январского номера московского журнала «Русская мысль»³². Корреспондент «Русской мысли», опираясь на труды итальянского врача-психиатра Ч. Ломброзо и его ученика, врача и писателя М. Нордау, попытался выявить симптомы нравственного вырождения среди французских писателей, принадлежащих к новым литературным школам. Н.К. Михайловский апеллирует к имени Ч. Ломброзо из-за популярности его врачебной теории о существовании некой параллели между гениальностью и ненормальностью, подробно описанной им в книге «Гениальность и помешательство» («Genio e follia», 1863). Это сочинение было переведено на русский язык в 1885 г. и сразу привлекло внимание читательской аудитории, поскольку в нем в популярной форме объяснялись причины психической болезни многих гениальных художников. Естественно, что журналисты ухватились за данную теорию, пытаясь понять явления, происходившие в европейской культуре на рубеже XIX–XX в.

Н.К. Михайловский черпает также сведения в книге М. Нордау «Вырождение» («Entartung», 1892), в которой автор подвергает резкой критике «дегенеративное искусство» эпохи «fin de siècle» на примере творчества ведущих европейских писателей и мыслителей. Вслед за М. Нордау,

---

³² И.Д. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1893. № 30 (12 марта). С. 1.

корреспондент «Русской мысли» выбирает три литературных течения, которые подвергаются наибольшей критике.

Сначала Н.К. Михайловский представляет на суд читателей негативный отзыв о школе символизма и ее главных представителях в лице П. Верлена, М. Метерлинка, Ж. Мореаса и Ш. Бодлера. Вот как он описывает поэзию Верлена: «Не найдется, кажется, в сфере половой жизни такой извращенности, которую он не решился бы воспеть рядом с горячей исповедью убежденного католика и благочестиво покаянными воплями»³³. Пытаясь доказать читателям, насколько бессвязным является творчество символистов, Н.К. Михайловский приводит перевод отрывка из стихотворения М. Метерлинка из сборника стихов «Теплицы» («Les Serres chaudes», 1889). Критикуется также и школа мистицизма, в частности, личность Ж. Пеладана, объявившего себя магом, духовным преемником тамплиеров и розенкрейцеров, а также хранителем чаши Грааля. Стиль же декадентов Н.К. Михайловский называет «манерно вычурным и вымученным».

Отрицательная характеристика символистской поэтики находит прямое обоснование в идеологии либерального народничества. Как приверженец и один из главных теоретиков этого общественно-политического движения, Н.К. Михайловский считал декаданс привозным растением с Запада, не имеющим корней в русской действительности, а возникновение символизма связывал с безвкусицей и тщеславием французских поэтов, желающих приобрести всемирную славу. Негативное отношение критика к новым литературным течениям нашло отражение в целом ряде статей о французском символизме и его «русском отражении»³⁴, в которых он упрекал новоявленных поэтов в тяготении к мистике, формализму, аморализму и «безответственности инстинктов».

³³ И.Д. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1893. № 30 (12 марта). С. 1.

³⁴ См.: Михайловский Н.К. Декаденты, символисты, маги и проч. // Полн. собр. соч. : в 10 т. СПб, 1909. Т. 7. Стб. 512–520; Он же. Русское отражение французского символизма // Там же. Стб. 519–547; Он же. Еще о декадентах, символистах и магах // Там же. Стб. 546–589.

В этом же году на страницах «Сибирского вестника» в рубрике «Очерки заграничной жизни» появляется оригинальное обозрение томского критика, подписавшегося инициалами «К. В-ков»³⁵. Оно посвящено сразу нескольким темам. В первую очередь, автор дает читателю общее представление о состоянии современной французской литературы, подробно рассматривая причины «порчи стиля» у молодых писателей, далее он представляет небольшие заметки о П. Бурже, Э. Золя, Э. Ренане и И. Тэне.

По мнению томского критика, в современной французской литературе царит анархия – эпидемия писательства охватила массу молодежи, в результате чего появилось множество бездарных и «вымученных» произведений. Рассуждая о сложившейся ситуации, он апеллирует к статье французского критика А. Албала (A. Albalat, 1856–1935) о современной французской литературе, опубликованной в мартовском номере журнала «Nouvelle Revue» за 1893 г. В ней как о главной проблеме молодых писателей говорится об «умственной распущенности и упадке эстетического чувства». По словам томского критика, именно Ш. Бодлер распространил особую напыщенность и болезненную изысканность стиля, стремясь перенять который, современные писатели создают нечто «крайне причудливое».

«К. В-ков» также отмечает, что помимо влияния Ш. Бодлера порча стиля во французской литературе произошла из-за изменения характера писателей и читающей публики – пессимизм и мрачное настроение европейского общества отчасти объясняется политическим недовольством, естественным следствием которого является охвативший интеллигенцию невроз. Далее он ссылается на популярную теорию итальянского врача-психолога и криминалиста Ч. Ломброзо, утверждая, что невроз чаще всего встречается у гениальных людей, например, у недавней жертвы психоза Г. де Мопассана. Пытаясь объяснить причины возникновения умопомешательства у одаренных личностей, критик приводит цитату из Г. де Мопассана, о том, что, утратив вдохновение, многие писатели стремятся выйти за пределы познаваемого и

---

³⁵ К. В-ков. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1893. № 44 (21 апреля). С. 3.

проникнуть в суть неизведанного, тем самым истощая «механизм своей мысли» и становясь жертвами болезни мозга. К числу таких литераторов Г. де Мопассан относит Г. Гейне, Ш. Бодлера, О. Бальзака, Дж. Г. Байрона, А. Мюссе, Ж. Гонкура, существенно выходя за круг своих французских современников.

Еще одной причиной слабоумия, охватившего современных литераторов томский критик считает желание многих из них легким путем добиться славы и денег. По этой причине писатели подчиняют свое творчество вкусу массового читателя, который требует «порнографии», а, создавая подобного рода «эксcrementально-порнографическую» литературу, большая часть ее авторов становятся жертвами своей фантазии и начинают верить в волшебство и магию, описанную ими в собственных произведениях.

Отрицание томской критикой (представленной местной либеральной интеллигенцией) многих явлений современной европейской культуры становится одним из способов утверждения самобытности собственного взгляда на мировые литературные процессы путем выделения «себя» из пространства «иного».

Далее «К. В-ков» обращается к творчеству П. Бурже, стоящего, по его мнению, во главе французского романа наряду с Э. Золя, А. Доде и Г. де Мопассаном. Он отмечает, что этот автор прославился своими аналитическими произведениями, в которых показал себя замечательным психологом-моралистом: «Ученик» («Le disciple», 1889) и «Земля обетованная» («La Terre Promise», 1892).

В оценке творчества П. Бурже «К. В-ков» идет вслед за общероссийской критикой: популярность писателя в России конца XIX в. была настолько велика, что русские литературные журналы нередко приравнивали славу П. Бурже к славе Г. де Мопассана. Так, в «Книжках недели» за 1893 г. историк литературы Л.Ю. Шепелевич признавал П. Бурже и Г. де Мопассана самыми популярными авторами среди плеяды современных французских

романистов³⁶. Журнал «Русская мысль» за 1894 г. указывал на одинаковую роль П. Бурже и Г. де Мопассана в привитии французской публике отвращения к натуралистическому роману: П. Бурже «освежил французский роман моральным анализом», а Г. де Мопассан представил «истинно реальный роман без шаржа, с несравнимой ясностью и рельефностью»³⁷.

Совсем по другому поводу упоминалась в статье томского корреспондента и личность Э. Ренана: критику хотелось выяснить, как много зарабатывал известный французский писатель и мыслитель при жизни. По его сведениям, книги приносили Э. Ренану лишь гроши, поскольку он был предан единственному издателю, выпустившему первый сборник его сочинений. По словам «К. В-кова», как профессор и член академии наук Э. Ренан получал очень незначительную по тем временам сумму – всего 6000 рублей в год, поэтому после смерти писателя его жена вынуждена была продать великолепную библиотеку покойного по истории и филологии Востока более чем в 2000 томов. «К. В-ков» высказал предположение, что Э. Ренан по важности поднимаемых им идей займет такое же место в литературе XIX в., какое занял Вольтер в литературе XVIII в.

Конец статьи томский критик посвятил описанию творчества прославленного французского критика и историка литературы И. Тэна, который скончался от «сахарной болезни» за два месяца до выхода в свет данного номера «Сибирского вестника». Томский рецензент не мог не отметить, какое глубокое влияние оказал И. Тэн на литературу и искусство 1860-х гг. и на поколение, выросшее в годы Второй империи и первые годы Третьей республики во Франции: «Эмиль Золя провозгласил это энергичнее, чем кто-либо, признавая, что отчасти обязан И. Тэну той своей идеей, что всякое существо есть необходимый продукт среды»³⁸. Замечание это было совершенно справедливым, поскольку идеи позитивизма, утверждаемые и распространяемые И. Тэном, послужили философской основой натурализма.

³⁶ См.: Шепелевич Л.Ю. Романист-психолог. Поль Бурже // Книжки недели. 1893. № 8 (август). С. 5–33.

³⁷ С.Л. Поль Бурже // Русская мысль. 1894. кн. 9 (сентябрь). С. 90.

³⁸ К. В-ков. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1893. № 44 (21 апреля). С. 3.

Таким образом, данная статья представляется одной из самых информативных публикаций о современной французской литературе, опубликованных в томской периодике рубежа XIX–XX в.

В сентябре 1893 г. в «Сибирском вестнике» в рубрике «Фельетон» было опубликовано обозрение под заголовком «Больны ли мы?», явившееся перепечаткой из французского журнала «*Revue des Revues*»³⁹. Оригинальная статья принадлежала итальянскому социологу и историку Г. Ферреро (G. Ferrero, 1871–1942) и была посвящена актуальному вопросу о причинах невроза и пессимизма, охвативших европейское общество конца XIX в. Перевод статьи на русский язык выполнил постоянный литературный корреспондент «Сибирского вестника» Петр Львович Черневич, чью богатую начитанность и обширную эрудицию отмечали современники⁴⁰. Уроженец Саратова, он начал сотрудничать в газете с 1891 г., публикуя статьи по вопросам науки, искусства и литературной критики.

Выбор темы для публикации на страницах томской газеты был обусловлен злободневностью поднимаемого в статье вопроса, постоянно обсуждаемого в европейской печати и вызывающего интерес как в российском, так и томском обществе. Ее автор, Г. Ферреро, являлся одним из учеников и последователей Ч. Ломброзо (чье имя уже было известно томским читателям), а также родственником своего учителя, поскольку женился на его дочери.

Статья Г. Ферреро начиналась с вопроса о том, не является ли весь мир громадной больницей и не стремятся ли все люди попасть в сумасшедший дом, ведь все вокруг – романисты, поэты, философы, журналисты и медики – твердят о какой-то страшной болезни, мучающей душу человека эпохи «*fin de siècle*». Г. Ферреро заключает: «Болезнь, вырождение, невроз – вот современная троица, вот модная тема»⁴¹. Эту мысль он пытается развить на примере творчества современных литераторов.

---

³⁹ Чернч. [П.Л. Черневич]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1893. № 107 (14 сентября). С. 2.

⁴⁰ См.: Черневич П.Л. // Томский некрополь : списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах, 1827–1939. Томск, 2001. С. 72. Ст. 485.

⁴¹ Чернч. [П.Л. Черневич]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1893. № 107 (14 сентября). С. 2.

Так, цикл Э. Золя «Ругон-Маккары» он называет «памятником, воздвигнутым в честь охватившей всех болезни». Братья Гонкур, по его мнению, несколько раз «обращали свои романы в какую-то клинику», в то время как П. Бурже, видя болезненное состояние современного общества, предложил всем «отправиться в монастырь». Э. Ренан и И. Тэн признаны им самыми страшными пессимистами, а искусство Л.Н. Толстого названо в статье «патологической анатомией» всего общества. Ф.М. Достоевский, по мнению Г. Ферреро, рисует целую «эпопею безумия», изображая одних только проституток, эпилептиков, самоубийц и идиотов, пока Г. Ибсен без отдыха «зондирует» бездны порока и глупости.

Г. Ферреро включает в перечень «больных» литераторов двух выдающихся русских классиков, которые, как правило, воспринимались вне рамок декаданса. Он убежден, что отчаяние охватило не только писателей, но и ученых. Самым популярным ученым-пессимистом автор признает Ч. Ломброзо, который приобрел известность именно потому, что научным путем попытался проанализировать причины будоражащего всех невроза. Г. Ферреро полагал, что ученые, литераторы и художники в независимости друг от друга создали «памятник вырождению знаменитого *fin de siècle*».

Любопытно, что итальянский социолог расширяет контекст своих примеров ссылкой на русскую литературу: Л.Н. Толстой появляется в этом ряду, по-видимому, в связи с его повестью «Крейцерова соната», вызвавшей острую полемику не только в России, но и в Европе. Что касается Ф.М. Достоевского, то главные герои его основных произведений – от «Преступления и наказания» до «Идиота», «Братьев Карамазовых» или «Бесов» – действительно страдали раздвоением личности и деформацией сознания.

Автор статьи ищет ответа на вопрос, стоит ли признать себя больным, если все вокруг только и делают, что твердят об этом, а затем сам дает ответ на него. Г. Ферреро уверен, что было бы большой ошибкой ставить диагноз по отношению к целой эпохе на основании данных, черпаемых из книг и

произведений искусства, поскольку общество в большинстве своем состоит из обычных, не страдающих психическими отклонениями людей. Г. Ферреро объясняет, почему искусство и наука оказывают предпочтение болезненным явлениям жизни. Во-первых, ненормальность и уродство всегда приковывают к себе всеобщее внимание, возбуждая любопытство и пробуждая фантазию. Во-вторых, большая часть писателей, будучи больными, находятся в благоприятных условиях для того, чтобы описывать патологические состояния, с которыми они знакомы по личному опыту. Последней же причиной является то, что, изображая ужасы жизни, гениальные личности пытаются тем самым облегчить страдания собственной души. В заключение Г. Ферреро приходит к оптимистичному выводу о том, что пессимизм в науке и искусстве не имеет большого значения для основной массы людей, поскольку на самом деле жизнь ни хороша, ни дурна.

Обозрение, опубликованное на страницах «Сибирского вестника» в октябре 1899 г., представляет собой пересказ статьи французского журналиста Фредерика Лолье (Loliée), посвященной проблемам упадка французской беллетристики и вырождения жанра фельетона⁴². Источник публикации остался неизвестным, а корреспондент «Сибирского вестника», который, по-видимому, перевел заметку, скрылся за инициалами «М. П-с».

В обозрении говорится о том, что большинство повестей и романов, печатаемых во французских журналах и газетах, «заклеймены отпечатком заказа и притом чисто фабричного и даже ремесленного исполнения»⁴³. Французский журналист сетует на то, что писатели-фельетонисты, далеко не всегда являются настоящими авторами произведений, появляющихся во французской периодике под их именем. На самом деле авторство многих фельетонов принадлежит не самым благонадежным и порядочным личностям, поэтому современная французская повесть не может служить воспитанию или развитию читателя, а скорее наоборот «оглуляет» его. При этом он приводит

---

⁴² М. П-с. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1899. № 222 (12 октября). С. 2.

⁴³ Там же.

курьезную историю, произошедшую с одним из популярных французских фельетонистов: оставшись без помощника, который долгое время писал за него некий роман под названием «Пьяная кровь», «писатель» был вынужден прочитать первые два тома «своего» произведения, чтобы самостоятельно его завершить.

Все девять представленных публикаций о французской литературе конца XIX в. появились на страницах «Сибирского вестника» в рубрике «Фельетон», поэтому отличались гораздо большей информативностью по сравнению с тремя наибольшими заметками, появившимися в рубрике «Среди газет и журналов» этого же издания.

Так, первая заметка, опубликованная в «Сибирском вестнике» за 1899 г., представляет собой перепечатку из московских «Русских Ведомостей» и знакомит читателя с соображениями французского поэта С. Прюдома относительно участи женщин в XX в.⁴⁴ С. Прюдом уверен, что промышленный прогресс приведет к тому, что социальная роль женщин изменится; выполняя мужскую работу, они будут все более и более походить на мужчин, поэтому женское очарование и красота исчезнут: «Развитие промышленности приведет, таким образом, человечество в XX веке к уничтожению или сведению до минимума эстетического чувства»⁴⁵.

Во второй заметке, представленной на страницах «Сибирского вестника» за 1900 г. и заимствованной из газеты «Киевлянин», приведен отрывок из статьи французских писателей Поля и Виктора Маргерит под названием «L'art social» («Социальное искусство»). В публикации, посвященной новым явлениям французской литературы, авторы размышляют о появлении новаторской тенденции: молодые писатели начинают освобождаться в своих произведениях «от бесплодного анализа своего «я», от жалких психологических исследований в области вечного адюльтера, от изображения только нравов и даже по преимуществу одних дурных»⁴⁶.

---

⁴⁴ Среди газет и журналов // Сибирский вестник. 1899. № 49 (4 марта). С. 3.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Среди газет и журналов // Сибирский вестник. 1900. № 117 (1 июня). С. 3.

Кроме того, по мнению братьев Маргерит, современные французские романисты выказывают интерес к общественным вопросам и стараются отображать в своих произведениях социальные движения, передающие дух времени, что указывает на положительные изменения в литературе в целом. В качестве одного из представителей новых веяний называется имя Э. Рода, швейцарского романиста, писавшего на французском языке.

Третья заметка, опубликованная в «Сибирском вестнике» в 1900 г., перепечатана из московской газеты «Новости дня» и представляет собой краткую характеристику «натуризма»⁴⁷, появившегося во французской литературе. Главой этого течения назван молодой талантливый писатель Сен-Жорж де Буэлье (Bouhéliier), который провозгласил, что натурализм возник в противовес мрачному символизму как реакция против культа всего нереального и искусственного. С.-Ж. де Буэлье утверждает, что поэты-натуристы описывают красоту природы и реальной жизни, и определяет натурализм как опозитизированную форму натурализма.

Интересно, что данная заметка попала на страницы сибирской периодики, поскольку литературное течение, описанное в статье, не получило широкого развития даже в самой Франции. Известно, что С.-Ж. де Буэлье был хорошо знаком с Э. Золя и в целом разделял его натуралистическую концепцию, помимо этого в 1897 г. он совместно с писателем Морисом ле Блоном (Blond) организовал журнал «La Revue naturiste», существование которого продлилось недолго. Вообще конец XX в. можно охарактеризовать как переломный период для французской поэзии или как время появления множества литературных направлений и школ, среди которых возникло и кратковременное движение натурализма.

С 1900 г. «Сибирский вестник» перестает публиковать статьи о французской литературе, эту функцию берет на себя «Сибирская жизнь», на страницах которой появляется всего три публикации; две из которых касаются творчества Ш. Бодлера. Необходимо отметить, что после смерти поэта (1867),

---

⁴⁷ Среди газет и журналов // Сибирский вестник. 1900. № 257 (24 ноября). С. 4.

считавшегося одним из провозвестников декаданса и символизма, прошло уже достаточно времени, чтобы можно было осмыслить его вклад в искусство объективно и непредвзято.

В 1903 г. на страницах «Сибирской жизни» в рубрике «Библиография» появляется небольшая рецензия на публикацию «Маленьких поэм в прозе» Ш. Бодлера в переводе А. Александровича (А.А. Булгакова)⁴⁸. Анонимный автор заметки не указывает ни место, ни время появления сборника. Известно, что «Маленькие поэмы в прозе» были впервые изданы в Москве в 1902 г. В рецензии содержится характеристика Ш. Бодлера. Томский автор особо подчеркивает, что читатель, знакомый с творчеством французского поэта, несомненно, уже успел полюбить «этого чуткого и глубокого знатока больных сторон человеческой души, этого своеобразного и неподражаемого художника», и поэтому будет рад появлению маленьких поэм в прозе на русском языке. Кроме того, по его словам, русскому переводчику удалось передать своеобразие «художественной физиономии» Ш. Бодлера.

Семь лет спустя на страницах «Сибирской жизни» за 1910 г. появляется литературно-критический цикл обзрений о Ш. Бодлере под названием «Заметки о модернизме», авторство которого принадлежит томской журналистке А.С. Качоровской. Цикл представляет собой ее размышления о стиле и содержании поэзии Ш. Бодлера и состоит из двух обзрений, опубликованных в разных номерах газеты.

В первом обзрении А.С. Качоровская профессионально рассуждает о такой характеристике стихотворений Ш. Бодлера, как музыкальность и ритмичность: «Язык Бодлера создает не только фон, рельеф и внутреннюю глубину образов, но обнажает и Ритм с его тишиной»⁴⁹. Свои выводы о схожести функции ритма в музыке и поэзии, она подкрепляет примерами из стихотворений поэта, вошедших в сборник «Цветы зла» («Les Fleurs du mal», 1857–1868). Русский переводчик остается при этом неизвестным.

---

⁴⁸ Библиография // Сибирская жизнь. 1903. № 99 (9 мая). С. 3.

⁴⁹ Качоровская А.С. Литературные очерки // Сибирская жизнь. 1910. № 187 (24 августа). С. 3.

Во втором обзоре, продолжая цитировать стихотворения из «Цветов зла», А.С. Качоровская доказывает, что Ш. Бодлер рассматривает вещественные явления как символ психо-космических сил. На этот раз она указывает имя переводчика каждого из анализируемых ею стихотворений. Она цитирует Ш. Бодлера либо в переводе революционера-народовольца П.Ф. Якубовича (скрывшего свое имя под псевдонимом «Мельшин»), либо в переводе поэта и теоретика символизма Л.Л. Кобылинского (известного под псевдонимом «Эллис»)⁵⁰. В итоге А.С. Качоровская приходит к выводу о том, что стиль и содержание поэзии Ш. Бодлера являются характерными чертами литературы «направления модерн». Рассмотрение теоретических основ стихосложения, глубокий и вполне профессиональный анализ, рассчитанный на подготовленного читателя, свидетельствует не только о возросшем уровне сибирской литературной критики, но и качественно изменившемся уровне томской читающей публики.

Последняя заметка о французской литературе рубежа XIX–XX в. появляется на страницах «Сибирской жизни» 1912 г. в рубрике «Библиография»⁵¹. В ней сообщается о публикации сборника стихотворений П. Верлена в переводе В. Брюсова, вышедшего в московском книгоиздательстве «Скорпион» в 1911 г. Рецензия принадлежит перу молодого томского критика И.А. Иванова и выражает его достаточно критичное мнение об уровне перевода В.Я. Брюсова. И.А. Иванов утверждает: «Свободно обращаться со смыслом стихов П. Верлена можно не разрешить даже и Брюсову»⁵². В подтверждение своей мысли он приводит строки из оригинального стихотворения Верлена и перевода, сетуя на то, что русский поэт неверно передает значение некоторых французских слов. Стихи Верлена, в большей мере, чем произведения кого-либо из его современников, отличала необычайная музыкальность, о чем поэт заявил в своем программном

---

⁵⁰ Качоровская А.С. Литературные очерки // Сибирская жизнь. 1910. № 190 (27 августа). С. 2.

⁵¹ Иванов И.А. Библиография // Сибирская жизнь. 1912. № 51 (3 марта). С. 4.

⁵² Иванов И.А. Библиография // Сибирская жизнь. 1912. № 51 (3 марта). С. 4.

стихотворении «Искусство поэзии»: «О музыке на первом месте!» («Art poétique»: «De la musique avant toute chose!», 1874). Кроме того им свойственна сложная образность, своеобразный музыкально-живописный стиль. Именно поэтому при переводе на иностранный язык было очень трудно, а иногда и просто невозможно полноценно передать одновременно форму и содержание символистской поэзии и звукописи.

Необходимо отметить, что политика томских газет в отношении заимствованных текстов носила принципиальный характер: критики знакомили читателей только с теми публикациями, которые позволяли им наиболее убедительно обосновать собственную идеологическую позицию, очень часто отличавшуюся от точки зрения авторов оригинального материала.

Это наблюдение в равной степени правомерно и относительно английского текста в томской периодике конца XIX – начала XX в. В.Н. Горенинцева, опираясь на данные фронтального просмотра томских газет конца XIX – начала XX в., пришла к выводу, что томская критика воспринимала символизм и декаданс как недостойное искусство. Причин подобного отношения было несколько: преобладание демократически настроенного читателя, восприятие новейших течений как продукта рафинированной культуры центра, и, наконец, сложность самого литературного явления, к которому даже столичные критики подходили с осторожностью⁵³.

В целом, публикация как заимствованных, так и оригинальных материалов о современной французской литературе на страницах местных газет стала способом развития собственного регионального самосознания.

---

⁵³ См.: Горенинцева В.Н. Рецепция английской и американской литературы в томской периодике конца XIX – начала XX вв. С. 98.

1.1.2. Французские романисты в оценке томских критиков

1.1.2.1. Творчество Э. Золя в критических публикациях

Начиная с 1893 г. и на протяжении следующих десяти лет, томская периодика публикует сообщения о жизни и творчестве Э. Золя. На страницах «Сибирского вестника» и «Сибирской жизни» обнаружено более тридцати критических публикаций, посвященных личности писателя. Ни один другой французский автор не удостоился такого пристального внимания со стороны местных газет. Тем не менее, томская критическая рецепция отстала от столичной на целых двадцать восемь лет.

Первые упоминания о Э. Золя в центральной российской периодике появляются еще в 1865 г. после публикации одобрительного отзыва русской критики о сборнике рассказов писателя «Сказки Нинон» («Contes à Ninon», 1864) на страницах петербургского журнала «Отечественные записки». Уже в первой половине 1870-х гг. популярность Э. Золя в России становится даже выше, чем во Франции, где он считается практически запрещенным писателем. С 1875 г. по 1880 г. Э. Золя сотрудничает со столичным журналом «Вестник Европы», редактором которого является видный публицист и общественный деятель М.М. Стасюлевич. Привлечение Э. Золя к постоянному сотрудничеству в российском издании осуществляется при посредничестве И.С. Тургенева. Десятки писем содержат подробную информацию о его переговорах с М.М. Стасюлевичем и даже точные суммы гонораров⁵⁴.

В течение пяти лет, ежемесячно посылая «Парижские письма», Э. Золя публикует 64 статьи, в которых он рассказывает русской аудитории о литературной деятельности современных французских авторов. В целом, сотрудничество молодого французского литератора с российским «Вестником Европы» было плодотворным «как для Золя, который опосредованно

---

⁵⁴ См.: Кафанова О.Б. «Крупная фигура» (Э. Золя в оценке И.С. Тургенева) // Тургеневские чтения : материалы международной научной конференции «И.С. Тургенев и Франция», Москва, 24–27 ноября 2010 г. М., 2011. Вып. 5. С. 103–114.

знакомился с интересами и психологией русской публики и разрабатывал для нее новые сюжеты, так и для русского литературного процесса, в который активно вторгалась теория и художественная практика натурализма»⁵⁵.

Довольно часто теоретические работы Э. Золя об искусстве и литературе русские читатели получали непосредственно из рук автора и были его первыми судьями. В предисловии к сборнику трудов «Экспериментальный роман» Э. Золя писал: «Россия в один из страшных для меня часов безысходности вернула мне уверенность и силы, ибо дала мне трибуну и самого просвещенного, страстного читателя в мире»⁵⁶.

Роль русской аудитории в судьбе произведений Э. Золя оставалась значительной и в 1880-е гг., переводы его романов регулярно появлялись на страницах столичных журналов. Повторный всплеск интереса к творчеству писателя возникает в начале 1890-х гг. в связи с делом А. Дрейфуса. Именно в этот период в томской периодике выходят первые сообщения о французском писателе.

Знакомство томичей с личностью и творчеством Э. Золя начинается в 1893 г., когда на страницах томской печати появляются две рецензии о последних романах писателя из цикла «Ругон-Маккары» («Les Rougon-Macquarts», 1871–1893) – «Разгром» («La Débâcle», 1893) и «Доктор Паскаль» («Le Docteur Pascal», 1893). Необходимо отметить, что статья о «Разгроме», написанном Э. Золя в июне 1892 г., появляется в «Сибирском вестнике» уже через полгода, в январе 1893 г. А к «Доктору Паскалю» эта же газета обращается в апреле 1893 г., еще до того, как это произведение было закончено самим Э. Золя. Очевидно, что к началу 1890-х гг. томские корреспонденты начинают живо интересоваться творчеством французского писателя.

В романе «Разгром» Э. Золя описывает не только поражение Франции в ходе франко-прусской войны 1870–1871 г., но и крах эпохи Второй империи в

⁵⁵ Кафанова О.Б. Тургенев и Золя: конструктивный и полемический дискурс // Спасский вестник. 2011. Вып. 19. С. 87.

⁵⁶ Золя Э. Собр. соч. : в 26 т. М., 1966. Т. 24. С. 423.

целом, конец социальной истории одной семьи. Именно поэтому данное произведение вызывает резкую критику в адрес романиста не только во французском читающем мире, но и в русском (в том числе томском) критическом дискурсе. Об этом свидетельствует рецензия постоянного корреспондента «Сибирского вестника» Артура Оскаровича Станиславского, опубликованная в томской газете в январе 1893 г.⁵⁷.

Уроженец Царства Польского, сын поляка и француженки, А.О. Станиславский прекрасно владел французским языком. В 1863 г. он принял участие в польском восстании, был ранен и подвергнут военному суду, бежал сначала в Германию, а затем во Францию, где окончил курс в Парижском институте путей сообщения. По возвращении в Россию служил на каменноугольных копях в Екатеринославской губернии, на Урале, на Алтае и в томской контрольной палате. В молодости принимал деятельное участие в издававшейся его отцом «Encyclopedia Polska», а затем сотрудничал в «Сибирском вестнике», «Вестнике золотопромышленности», в «Енисее», «Сибирской торговой газете», «Slovo», «Kraj». Он писал фельетоны из заграничной жизни, передовые статьи по вопросам золотопромышленности, горного дела, был корреспондентом парижского «Figaro»⁵⁸.

В своей рецензии о романе Э. Золя «Разгром» А.О. Станиславский, отмечая ожесточенную полемику вокруг романа, с иронией пишет: «Французские и немецкие офицеры продолжают ломать копыя из-за вопроса: был ли Наполеон III нарумянен, как утверждает Э. Золя, в день Седанского погрома, – или нет»⁵⁹. В целом критик высказывает мысль о том, что Э. Золя слишком поверхностно отнесся к историческим событиям прошлого и злоупотребил собственной фантазией.

⁵⁷ А. С-ский [А.О. Станиславский]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1893. № 9 (20 января). С. 3.

⁵⁸ См.: Станиславский А.О. // Томский некрополь : списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах, 1827–1939. Томск, 2001. С. 54. Ст. 331.

⁵⁹ А. С-ский [А.О. Станиславский]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1893. № 9 (20 января). С. 3.

К работе над последним романом цикла «Ругон-Маккары» – «Доктор Паскаль» – Э. Золя приступает в декабре 1892 г. и заканчивает его ровно через пять месяцев. Главный герой произведения доктор Паскаль Ругон, убежденный последователь теории наследственности, в течение многих лет собирает данные о жизни своих предков и приходит к выводу о закономерности индивидуальных судеб каждого члена семьи. Роман представляет известный интерес как сочинение, в котором Э. Золя подводит итоги своей двадцатипятилетней работы над циклом и завершает биологическую историю семьи. Кроме того, образ ученого, доктора Паскаля, связывает «Ругон-Маккары» с последующими произведениями писателя, в которых человек науки занимает важное место.

Рецензия о романе «Доктор Паскаль» в «Сибирском вестнике» за 1892 г. начинается с точной информации о появлении книги во французской печати. Так, критик, подписавшийся криптонимом «К. В-ков», упоминает о том, что первые главы романа были опубликованы на страницах парижского журнала «Revue hebdomadaire» в марте 1893 г., а переводы на русский язык стали печататься в российских периодических изданиях буквально несколько недель спустя. «К. В-ков» отмечает, что Э. Золя намеревается полностью опубликовать свое произведение к 17 июня 1893 г. Критик также дает краткое описание сюжета произведения: «Le Docteur Pascal» будет кратким любовным романом с чрезвычайно малым числом персонажей, чрезвычайно простым в ходе действия»⁶⁰. Он также отмечает, что роман, двадцатый в цикле, является как бы его философским, социальным, моральным и физиологическим «резюме».

Едва закончив работу над эпопеей «Ругон-Маккары», Э. Золя в 1893 г. принимается за антиклерикальную трилогию под названием «Три города» («Les Trois Villes»), в которую вошли романы: «Лурд» («Lourdes», 1894), «Рим» («Rome», 1896), «Париж» («Paris», 1898). Антирелигиозная направленность творчества Э. Золя проявилась еще в романе «Завоевание

⁶⁰ К. В-ков. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1893. № 44 (21 апреля). С. 3.

Плассана» («La Conquête de Plassans», 1874). Однако в период усилившихся во французском обществе мистико-религиозных настроений эпохи «fin de siècle» Э. Золя решает нанести удар церкви уже не в лице отдельных священнослужителей, а избрав мишенью всю католическую иерархию.

Романы объединяет один герой – аббат Пьер Фроман. Сын ученого-химика и верующей женщины, Пьер унаследовал от отца ясность мысли, склонность трезво судить о жизни, а мать повлияла на его решение стать священником. Но уже в годы обучения в духовной семинарии в душе Пьера вспыхнуло возмущение против избранного им пути. Э. Золя разоблачает клерикализм сверху донизу – от мнимых чудес Лурда до циничных интриг Ватикана и реакционности самого папы, на которого поначалу уповаает молодой аббат. Разочаровавшийся герой обретает новый символ веры – счастье человечества в союзе науки и труда.

В томской периодике первые сообщения о романе «Лурд» из нового цикла Э. Золя «Три города» появляются в сентябре 1894 г., уже через два месяца после публикации романа в Париже. Освещением для томичей нового цикла Э. Золя занимался корреспондент «Сибирского вестника» П.Л. Черневич.

В большинстве случаев критические статьи П.Л. Черневича не только о творчестве Э. Золя, но и о французской литературе в целом публиковались в рубрике «Фельетон» в разделе так называемой «Литературной беседы». В одном из своих обзоров критик разъясняет читателям, что представляет собой газетный жанр, в котором он работает. Отвечая на вопрос, что же следует понимать под определением «литературная беседа» – реферативное изложение содержания книг и журналов, которые не доступны широкому кругу читателей, или критическую беседу на основе прочитанного материала – П.Л. Черневич отдает предпочтение второму варианту. Иначе, как он полагает, «труд пишущего» будет походить «на ученическую работу, никому не интересную»⁶¹.

⁶¹ Чернч. [П.Л. Черневич]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1893. № 59 (26 мая). С. 1.

По мнению П.Л. Черневича, работа критика сопоставима с работой писателя, потому что «он дополняет и разъясняет последнего», «служит переводчиком его божественного языка, красоты которого недоступны всем в равной степени»⁶². Главными принципами литературной критики он считает объективность, конструктивность и доброжелательность.

«Литературные беседы» П.Л. Черневича о трилогии Э. Золя «Три города» можно рассматривать по отдельности, однако они обнаруживают стремление к циклизации: критик подчеркивает связь между всеми сообщениями, отсылая читателя к уже обсуждавшемуся материалу. Публикуя на страницах «Сибирского вестника» свое первое обозрение о романе Э. Золя «Лурд», П.Л. Черневич рассчитывал привлечь внимание томских читателей к его судьбе во Франции. Так, в начале обзора критик указывает на непомерный интерес к роману французских читателей, который возникает в связи с негативной реакцией католического духовенства, усмотревшего в нем кощунственное отношение к религии и церкви.

П.Л. Черневич сообщает о том, что 21 сентября 1894 г. папа римский подписал декрет о наложении духовного запрещения на книгу. В числе авторов, чьи произведения попали в «индекс» запрещенной литературы П.Л. Черневич называет имена О. де Бальзака, Ж. Санд, В. Гюго, Стендаля, Дюма-отца и сына, Э. Ренана и многих других французских писателей, замечая, что теперь можно поздравить и Э. Золя с занесением его произведений в этот список великих мыслителей. Он приводит отрывки из интервью Э. Золя, данного им одной французской газете, в котором писатель рассказывает о причинах резкой критики, обрушившейся на его новый роман со стороны духовного мира: «Они на меня негодуют за то, что я осветил всю материальную сторону их предприятия в Лурде, обнаружил все их тайны»⁶³. В конце интервью Э. Золя отмечает, что возникшая вокруг «Лурда» шумиха затруднит сбор материала для второго романа серии под названием «Рим».

⁶² П.Ч. [П.Л. Черневич]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1895. № 69 (16 июня). С. 2.

⁶³ Чернч. [П.Л. Черневич]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1894. № 130 (6 ноября). С. 2.

Отметив все эти факты и вызвав интерес публики, П.Л. Черневич заканчивает обозрение обещанием представить подробный анализ романа «Лурд» в своем следующем обзоре.

Обещанная публикация о «Лурде» появляется на страницах «Сибирского вестника» ровно через месяц. Наряду с информацией об истории создания романа П.Л. Черневич включает в обозрение также пересказ сюжета и детальный анализ его идейного содержания. В первую очередь критик объясняет томским читателям, как провинциальный французский город Лурд приобретает славу «святого» места и становится центром паломничества больных и страждущих со всей Европы. Далее он сообщает о первом впечатлении Э. Золя от посещения этого города в 1891 г.

Рассматривая письма и наброски писателя, П.Л. Черневич прослеживает, как уверенность Э. Золя в том, что Лурд является истинным приютом доброты, милосердия и самопожертвования, сменяется скептическим отношением и стремлением к научному обоснованию происходящих там чудесных исцелений: «Несколько же месяцев спустя автор «Ругон-Макаров» освобождается совершенно от своего полурелигиозного настроения, становится снова грубым протоколистом, считающимся лишь с внешней, а не внутренней сущностью вещей»⁶⁴. По мнению критика, Э. Золя берется за совершенно «чуждую» ему тему после пережитого, но так и непонятого им чувства экзальтации, которое он испытал при посещении Лурда. С его точки зрения, Э. Золя смотрит «слишком поверхностно» на современный религиозный кризис.

Та же тенденция наблюдается и в обозрении П.Л. Черневича о втором романе трилогии «Рим», которая появляется в «Сибирском вестнике» два года спустя. Изложение содержания романа здесь плавно перетекает в морально-философские рассуждения о современной развращенности нравов, о необходимости «иметь веру в высшее правосудие для того, чтобы переносить

---

⁶⁴ П.Ч. [П.Л. Черневич]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1894. № 143 (6 декабря). С. 1.

гнузность земной жизни»⁶⁵. И здесь мысль о довольно поверхностном осмыслении французским романистом вопросов религии становится первостепенной: «Сила христианства вовсе не в папах и черном мире, а прежде всего в нем самом, <...> но Э. Золя так глубоко не заглянул вглубь вещей, оставаясь по-прежнему строгим протоколистом»⁶⁶.

Подобное суждение о романе Э. Золя «Рим» было высказано и в центральной прессе, поскольку российской культуре было чуждо позитивистское отношение к религии. Однако русская критическая мысль сходилась на понимании важности и актуальности выбранной романистом темы религиозного кризиса.

Завершающий трилогию роман «Париж» не вызвал отклика у томской критики. В обзоре о «Риме» П.Л. Черневич поделился своими размышлениями о еще ненаписанном сочинении Э. Золя. По его мнению, заключительная часть трилогии не будет существенно отличаться от двух предыдущих книг, поскольку автор, ища решение социальных и нравственных вопросов, не сможет отказаться от своего «суеверного до смешного» преклонения перед наукой.

Итак, представляя местным читателям романы Э. Золя из цикла «Три города», П.Л. Черневич пытается выяснить общественное значение анализируемых им произведений, провести параллель между вопросами, поднимаемыми в книгах, и актуальными проблемами современной жизни. В целом поздние романы Э. Золя становятся у томских критиков поводом для высказывания их собственных взглядов на значение религии, философии, науки в жизни. Это было обусловлено тем, что в последние годы жизни Э. Золя действительно вышел за пределы литературной парадигмы. Закономерно, что его перестали воспринимать как исключительно литератора, но видели в нем преимущественно крупного общественного деятеля. Немало

---

⁶⁵ П.Ч. [П.Л. Черневич]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1896. № 166 (1 августа). С. 2.

⁶⁶ Там же.

этому способствовало и его активное участие в деле А. Дрейфуса, получившем широкое освещение и в томской печати.

В течение всего 1898 г. «Сибирский вестник» информирует томичей о развитии «L'affaire» (под таким названием дело А. Дрейфуса было известно в конце XIX в.), о борьбе Э. Золя против произвола военного ведомства и предвзятости судей. Вот какое описание сложившейся во Франции ситуации можно встретить на страницах томской газеты в 1898 г.: «Европа до сих пор еще не видела и не слыхала ничего подобного. История не знает примера уголовно-политического дела, которое возбуждало бы во всех слоях образованного мира столь захватывающий интерес»⁶⁷. «Сибирский вестник» описывает судебные процессы по делу А. Дрейфуса и Э. Золя в детальных подробностях, поэтому обозрения и хроникальные заметки на эту тему появляются сразу в нескольких рубриках: «Текущая заметка», «Телеграммы русского телеграфного агентства», «Среди газет и журналов» и «Фельетон».

Из материалов томской газеты местные читатели узнали о том, что в 1898 г. особенно крупным фактом публицистической и общественной деятельности Э. Золя явилось его выступление в защиту А. Дрейфуса. Под влиянием антисемитски настроенных монархических и клерикальных кругов, офицер генерального штаба французской армии Альфред Дрейфус, еврей по происхождению, был ложно обвинен в шпионаже в пользу Германской империи, осужден военным судом и сослан на каторгу. Убедившись в невиновности А. Дрейфуса, Э. Золя выступает в его защиту и пишет открытое письмо президенту Французской республики Феликсу Форю, в котором обвиняет высшую военную власть в предвзятости и антисемитизме и требует пересмотра дела.

Письмо Э. Золя, известное под названием «J'accuse» («Я обвиняю»: с этих слов начинается каждый его абзац), было опубликовано на первой странице французской газеты «L'Aurore» 13 января 1898 г. и вызвало

---

⁶⁷ П.Ч. [П.Л. Черневич]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1898. № 241 (8 ноября). С. 2.

огромный резонанс не только на родине писателя, но и за ее пределами. «Словно громовой удар разразился над Францией, и раскаты его отозвались громким эхом почти по всему миру», – сообщалось в томской газете⁶⁸. В одном Париже было продано около двухсот тысяч экземпляров газеты с «обвинением» Э. Золя.

Страстная защита А. Дрейфуса навлекла на Э. Золя преследование со стороны французского правительства, 23 февраля 1898 г. писателя привлекают к ответственности по обвинению в клевете, после чего ему приходится бежать в Лондон, в то же время во Франции его заочно приговаривают к году тюремного заключения и денежному штрафу. Томские читатели узнают об этом событии благодаря телеграмме, опубликованной на страницах «Сибирского вестника», в которой говорится: «Суд приговорил Э. Золя к заключению в тюрьме на один год и к 3000 франков штрафа»⁶⁹. Кроме того, «Сибирский вестник» также знакомит томичей и с письмом Э. Золя, написанным им в связи с отъездом за границу и опубликованным в «L'Aurore»⁷⁰.

Благодаря мужественному выступлению Э. Золя дело А. Дрейфуса получило широкую огласку и буквально всколыхнуло мировое общественное мнение: «В него вмешались чуть ли не все передовые люди Франции – ученые мыслители, художники, писатели»⁷¹. В итоге в 1906 г. дело пересматривают, президент лично дает помилование А. Дрейфусу, через некоторое время получившему повышение в звании и орден Почетного легиона. Однако Э. Золя не доживет до этого дня: 29 сентября 1902 г. он умрет в своей парижской квартире от отравления угарным газом. Причем по одной из версий следствия его смерть явилась преднамеренным злодеянием антидрейфусаров.

⁶⁸ П.Ч. [П.Л. Черневич]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1898. № 42 (24 февраля). С. 2.

⁶⁹ Телеграммы российского телеграфного агентства // Сибирский вестник. 1898. № 146 (9 июля). С. 1.

⁷⁰ Среди газет и журналов // Сибирский вестник. 1899. № 159 (25 июля). С. 3.

⁷¹ П.Ч. [П.Л. Черневич]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1898. № 40 (21 февраля). С. 2.

В Томске освещением «L'affaire» занимался постоянный корреспондент «Сибирского вестника» П.Л. Черневич, который рецензировал и романы из цикла Э. Золя «Три города». Он опубликовал цикл обзоров из трех статей под названием «Загадочная драма», в котором в мельчайших подробностях познакомил томских читателей с «главными перипетиями» истории. Томский критик оказался настолько эмоционально вовлеченным в расследование дела А. Дрейфуса, что сам взял на себя роль следователя и обвинителя, красноречиво называя антидрейфусаров «грязной шайкой мошенников и скопищем иезуитов, которым вверена судьба Франции и которые своим сапогом наступают на нацию, чтобы заглушить голос истины»⁷².

Цикл обзоров о деле А. Дрейфуса П.Л. Черневич завершил фельетоном с говорящим названием «La grande bataille» («Великое сражение»), имея в виду огромный резонанс по всей Европе, который получил данный процесс. Делая заключительный вывод, критик вышел за рамки одного события и перешел от описания частного уголовного процесса к анализу общего кризисного состояния Третьей республики. Основная проблема, по мнению П.Л. Черневича, кроется в слабости французского парламентского режима и отсутствии стабильного правительства, что привело к тому, что палата должна была подвергнуть голосованию вопрос, какая власть главенствует в республике – военная или гражданская. Детально проанализировав развитие дела А. Дрейфуса, журналист подвел итог: «Франция более чем когда-либо нуждается в упорядочении внутреннего своего устройства и в людях, которые могли бы произвести необходимые реформы»⁷³. Выполняя задачу критика-просветителя, П.Л. Черневич пришел к осознанию «включенности» томского читателя в европейскую политику, заставляя читателя задуматься над великим значением разразившегося скандала. Судебный процесс по делу Э. Золя стал прекрасным поводом,

---

⁷² П.Ч. [П.Л. Черневич]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1898. № 42 (24 февраля). С. 2.

⁷³ П.Ч. [П.Л. Черневич]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1898. № 241 (8 ноября). С. 2.

давшим ему возможность затронуть вопрос о справедливости устройства общества, волнующий всех мыслящих людей конца XIX в.

В 1902 г. томская периодика вновь обращается к личности и творчеству Э. Золя на этот раз в связи с трагической смертью писателя 29 сентября 1902 г. На страницах местных газет за этот год было обнаружено четыре некролога Э. Золя и более двенадцати заметок об этом событии. Появление такого количества публикаций на страницах томских газет свидетельствует о неусыпном внимании критиков и читателей к личности французского писателя.

Э. Золя скончался от отравления угарным газом в возрасте 62 лет. Одни считали, что произошел несчастный случай, другие говорили о самоубийстве, третьи – о политическом убийстве. Единственное, что оказалось достоверным – дымоход камина, действительно, оказался забит строительным мусором.

«Сибирский вестник» публикует первый некролог о смерти писателя спустя всего четыре дня после трагедии. Сообщение начинается следующими словами: «Телеграф принес грустную весть о кончине знаменитого французского романиста, отца натуралистической школы Э. Золя»⁷⁴. В нем приводятся самые общие сведения о биографии писателя: служба в купеческой конторе, появление первого сборника литературных произведений «Сказки Нинон», сотрудничество в «Вестнике Европы», участие в процессе по делу А. Дрейфуса.

Более ценной представляется статья-некролог, написанная профессором Императорского Томского университета М.И. Боголеповым⁷⁵, который вошел в новую редакцию «Сибирского вестника» в 1902 г. Томский ученый отмечает заслуги Э. Золя прежде всего как общественно-политического деятеля. М.И. Боголепов пишет: «Может быть, некогда настанет такое время, когда забудутся романы Золя <...>, но его геройская борьба за вековечную правду,

---

⁷⁴ Эмиль Золя // Сибирский вестник. 1902. № 203 (20 сентября). С. 2.

⁷⁵ См.: Михаил Иванович Боголепов и идея планирования народного хозяйства // Личность в истории Сибири XVIII–XX веков : сборник биографических очерков. Новосибирск, 2007. С. 161–172.

его страстная защита поправленных прав человеческой личности навеки сохранит имя почившего писателя на страницах человеческой истории»⁷⁶.

В некрологе, опубликованном на страницах «Сибирской жизни», местный критик, подписавшийся криптонимом «В.Ф.», дает подробную характеристику жизненного пути, литературной и политической деятельности Э. Золя. Много внимания журналист уделяет становлению Э. Золя как писателя, рассказывая о публикации его первых прозаических произведений и критических статей во французских журналах. По справедливому мнению «В.Ф.», только лишь замысел цикла «Ругон-Маккары» приводит романиста к его «настоящему» пути, где «Золя показался во весь свой могучий рост и указал новый путь для романа»⁷⁷.

Публикации о писателе, перепечатанные из центральной прессы, знакомят томских читателей с отзывами зарубежных критиков о таланте и жизненной позиции Э. Золя.

Так, в заметке «Георг Брандес о Золя», заимствованной из московской либеральной газеты «Курьер» за 1902 г. местная аудитория знакомится с личными воспоминаниями знаменитого датского критика. Называя роман «Жерминаль» («Germinal», 1885) в числе лучших, он отмечает, что за тридцать три года своей литературной деятельности Э. Золя «не выпустил ни одной плохой книги, создав дюжину превосходнейших произведений ума»⁷⁸. Близко знакомый с Э. Золя с 1870 г., Г. Брандес упоминает о том, что в последние годы жизни тот не переставал говорить о своей борьбе за правду и охотно рассказывал об участии в деле А. Дрейфуса.

Следующая небольшая заметка, также перепечатанная «Сибирским вестником» из газеты «Курьер», представляет собой краткое описание реакции французской и иностранной прессы на смерть Э. Золя. Особенностью отзывов, появляющихся во Франции, является страстная полемика вокруг личности Э. Золя между почитателями его таланта и оппозиционно настроенными

⁷⁶ Боголепов М.И. Памяти Э. Золя // Сибирский вестник. 1902. № 203 (20 сентября). С. 2.

⁷⁷ В.Ф. Эмиль Золя // Сибирская жизнь. 1902. № 205 (20 сентября). С. 3.

⁷⁸ Георг Брандес о Золя // Сибирский вестник. 1902. № 212 (3 октября). С. 2.

националистами. В большинстве случаев зарубежная печать воздает должное выдающемуся романисту. Тем не менее, неизвестный автор статьи указывает на своеобразие иностранных некрологов: «Замечательно, что почти во всех статьях, посвященных покойному, защитник А. Дрейфуса оттесняет на второй план романиста»⁷⁹. Подобные отзывы были характерны для большей части английских изданий, поскольку в глазах англичан Э. Золя представлялся, прежде всего, общественным деятелем, осужденным за активную борьбу по защите А. Дрейфуса. Ведь именно Англия стала убежищем Э. Золя во время судебного процесса, возбужденного против него на родине.

Еще одна заметка, помещенная в «Сибирском вестнике», передает содержание речей, произнесенных на могиле Э. Золя⁸⁰. Она заимствована из центральной газеты, однако, без ссылки на какой-либо определенный источник. Благодаря этому небольшому по объему сообщению томские читатели получают возможность познакомиться со словами, произнесенными министром народного просвещения Ж. Шомье, председателем Общества литераторов А. Эрманом и писателем А. Франсом во время похоронной церемонии на Монмартрском кладбище в Париже.

Некролог «Памяти Золя», также опубликованный в «Сибирском вестнике», представляет собой перепечатку из ежедневной московской газеты «Новости дня». Ее анонимный автор позиционирует Э. Золя как родоначальника нового течения в литературе – натурализма или «золаизма». Из всего творческого наследия писателя он выносит на первый план эпопею «Ругон-Маккары», называя ее «энциклопедией жизни и чувства». Критик также дает положительный отзыв о романе «Париж», высказывая мнение, что это, возможно, настоящий шедевр Э. Золя, еще не нашедший достойной оценки. Он не забывает упомянуть о враждебности по отношению к Э. Золя на его родине. В связи с этим журналист замечает: «Только близорукая самоуверенность может думать, что одним небрежным взмахом отделается от

---

⁷⁹ Дневник печати // Сибирский вестник. 1902. № 213 (4 октября). С. 3.

⁸⁰ Дневник печати // Сибирский вестник. 1902. № 216 (8 октября). С. 2–3.

золаизма и того переворота, какой им совершен. Долго еще будут чувствоваться отзвуки этой литературной революции и глушить голоса глашатаев новой, будто бы художественной истины»⁸¹.

Интерес вызывает еще одна статья, опубликованная в «Сибирском вестнике» за 1902 г. – перепечатка из московских «Русских ведомостей» под названием «Школа трубочистов в Берлине». Ее автор, некая Екатерина Янжуйль, акцентирует внимание читателей на предположительной причине смерти Золя – плохо прочищенном дымоходе камина. «Нет сомнения, – пишет она, – что если бы камин его спальни не только был устроен более рационально, но и находился в должной чистоте, катастрофа была бы немыслима»⁸². Затем Е. Янжуйль рассуждает о том, что немцы давно поняли важность правильного устройства отопления в домашнем быту и даже открыли курсы трубочистов при одной из столичных народных школ. В итоге журналистка приходит к невероятному выводу о том, что Э. Золя до сих пор был бы жив, если бы обитал в Берлине, а не в Париже.

В целом статьи по поводу смерти Э. Золя, появившиеся в томской периодике начала XX в., отличаются достаточно большим объемом, поскольку уведомляют читателя не только о неожиданной кончине писателя, но и знакомят с биографией и творчеством романиста, в большинстве случаев делая акцент на его общественно-политической деятельности.

Трагическая смерть Э. Золя возбудила повышенный интерес к его личности, поэтому на страницах томской периодики за 1902 г. помимо некрологов появляются несколько любопытных заметок, так или иначе имеющих отношение к судьбе знаменитого романиста. Одной из самых необычных является заметка о странностях Э. Золя, заимствованная «Сибирским вестником» из неизвестного зарубежного издания. Анонимный автор пишет: «Золя был мучеником известной формы ипохондрии, рабом

---

⁸¹ Памяти Золя // Сибирский вестник. 1902. № 208 (26 сентября). С. 2.

⁸² Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1902. № 233 (30 октября). С. 2.

необъяснимых для него самого бесцельных привычек»⁸³. Он утверждает, что бессознательно бродя по комнатам, Э. Золя имел обыкновение считать все двери, окна и газовые рожки, попадавшиеся ему на глаза, а перед отходом ко сну должен был прикоснуться к окружающим его предметам в определенной последовательности.

В 1902 г. на страницах сразу двух томских газет («Сибирского вестника»⁸⁴ и «Сибирской жизни»⁸⁵) с разницей в один день появляется одна и та же рецензия на последний роман Э. Золя «Истина» («Vérité», 1902), перепечатанная из газеты «Русские ведомости». В этой публикации описывается сюжет и основная мысль сочинения писателя, которое он корректировал уже перед самой смертью. Роман назван «криком негодования против жестокости, нетерпимости и властолюбия клерикалов»⁸⁶. Однако в статье не приводится никакой информации о том, что «Истина» является третьей книгой из цикла «Четыре Евангелия» («Les Quatre Évangiles», 1898–1902), в котором Э. Золя практически отходит от позиций реализма и натурализма и создает социальную утопию, основанную на вере в конечное торжество справедливости.

Заметка под названием «Макс Нордау о Золя» была перепечатана «Сибирским вестником» из популярной провинциальной газеты того времени «Одесские новости». В ней приводится речь М. Нордау, которую он произнес на открытии национального европейского университета в Париже в 1902 г. и посвятил трагически скончавшемуся Э. Золя. Характеризуя личность погибшего романиста, М. Нордау, будучи одним из основателей Сионистской организации и евреем по происхождению, не мог не остановить свое внимание на отношении Э. Золя к еврейскому народу. Он начал свою речь с упоминания о том, что в начале своей писательской карьеры Э. Золя был антисемитом, что особенно ярко проявилось в его романе «Деньги» («L'Argent», 1891). Однако со временем романист «стал уважать народ, который в продолжение стольких

⁸³ Обо всем // Сибирский вестник. 1902. № 225 (18 октября). С. 3.

⁸⁴ См.: Последний роман Золя // Сибирский вестник. 1902. № 218 (10 октября). С. 2.

⁸⁵ См.: Содержание последнего романа Э. Золя // Сибирская жизнь. 1902. № 221 (11 октября). С. 3.

⁸⁶ Последний роман Золя // Сибирский вестник. 1902. № 218 (10 октября). С. 2.

лет, несмотря на презрение и ненависть всех к нему, умел сохранить в себе много достойных и хороших сторон»⁸⁷. В конце своей речи М. Нордау воздал должное французскому автору как «ярому защитнику» А. Дрейфуса, заявив, что Э. Золя был великим «писателем-человеком».

Благодаря заметке, заимствованной «Сибирским вестником» из газеты «Московские ведомости» за 1902 г., томские читатели узнали, что в год смерти Э. Золя в Петербурге состоялась публичная лекция П.Д. Боборыкина о скончавшемся французском авторе⁸⁸. Русский писатель и журналист, лично знавший Э. Золя с 1878 г., был одним из ранних популяризаторов его творчества в России и, пожалуй, наиболее ярким представителем натурализма в русской литературе⁸⁹.

В 1903 г. в «Сибирском вестнике» появляется статья из «Одесских новостей» о ликвидации имущества Э. Золя: «В пустующем зале продают обстановку, среди которой жил и работал Эмиль Золя, его книги, картины, художественные вещи, мебель»⁹⁰. Далее приводятся разъяснения по этому поводу вдовы Э. Золя, которая отдала большую часть наследства двум внебрачным детям писателя. Подобная публикация свидетельствует об интересе журналистов и читателей к разнообразным фактам жизни Э. Золя и его близких.

В 1912 г. «Сибирская жизнь» перепечатывает из столичной газеты «Речь» статью, написанную в честь десятилетней годовщины со дня смерти Э. Золя. По словам неизвестного корреспондента, ежегодно друзья и почитатели Э. Золя в первое воскресенье после дня смерти писателя устраивают паломничество в его загородный дом в Медане, пожертвованный вдовой Э. Золя комитету общественного призрения. Итак, в 1912 г. большое количество людей наполняет имение Э. Золя: «Все заслуженные дрейфусары, окруженные молодежью, были в сборе, чтобы отдать долг памяти великого

---

⁸⁷ Макс Нордау о Золя // Сибирский вестник. 1902. № 254 (26 ноября). С. 2.

⁸⁸ См.: Внутренняя хроника // Сибирский вестник. 1902. № 252 (23 ноября). С. 3.

⁸⁹ См.: Клерман М.К. Эмиль Золя в России // Литературное наследство. 1932. Т. 2. С. 235–249.

⁹⁰ Дневник печати // Сибирский вестник. 1903. № 58 (13 марта). С. 2.

писателя-гражданина»⁹¹. На встрече присутствует и сам А. Дрейфус, а также много других офицеров в форме, а военный оркестр исполняет траурный марш. Таким образом, большинство хвалебных речей в честь Э. Золя сводятся к воспоминаниям о его участии в «дрейфусиаде» и ее положительных результатах, которых нельзя было бы добиться без его помощи.

Последний раз имя Э. Золя появляется на страницах «Сибирской жизни» в 1913 г. в информационном обозрении «Что читают железнодорожные служащие?»⁹². В публикации говорится о только что вышедшем в свет отчете библиотеки «Сибирской железной дороги» за 1912 г., который дает подробную характеристику предпочтений железнодорожных служащих. Автор статьи, подписавшийся криптонимом «А.», приводит точные данные о количестве газет, журналов и книг, выписанных из библиотек железной дороги. Он упоминает, что излюбленным чтением сибиряков является беллетристика, как русская, так и зарубежная, а самым востребованным иностранным автором оказывается Э. Золя. Всего из библиотек Томска было запрошено 516 изданий, содержащих произведения романиста. Исходя из этих данных, можно утверждать, что Э. Золя был одним из самых популярных и любимых авторов томских читателей, что подтверждает прочную связь французского писателя с Россией.

Итак, томская критика проявляет интерес не только к общественной деятельности Э. Золя, приобретшего всемирную славу борца за социальную справедливость благодаря участию в деле А. Дрейфуса, но и к творчеству писателя, сосредоточивая свое внимание на его поздних романах. Такой ракурс объясняется тем, что «поздний» Э. Золя обращается преимущественно к социально-политическим аспектам современной жизни, востребованным в пространстве сибирской периодики.

---

⁹¹ Э. Золя // Сибирская жизнь. 1912. № 240 (30 октября). С. 5.

⁹² А. Что читают железнодорожные служащие? // Сибирская жизнь. 1913. № 150 (10 июля). С. 2.

1.1.2.2. Критическая рецепция творчества Г. де Мопассана, А. Франса и А. Доде

В отличие от Э. Золя другие французские романисты конца XIX – начала XX в. не удостоились столь пристального внимания томских критиков, тем не менее, можно выделить трех писателей, чьи имена были хорошо знакомы томским читателям. Г. де Мопассан, А. Франс и А. Доде запомнились местной аудитории благодаря большому количеству переводов их новелл, опубликованных в томских газетах. Помимо многочисленных переводов на страницах «Сибирского вестника» и «Сибирской жизни» было помещено несколько критических статей о творчестве этих авторов.

Томская критическая рецепция Г. де Мопассана хронологически «отстала» от столичного восприятия его творчества. Первая критическая заметка о нем появилась в Томске только в 1890 г. В центральной периодике о Г. де Мопассане заговорили уже с начала 1880-х гг., чему способствовало его тесное сближение в 1881–1883 г. с И.С. Тургеневым. И.С. Тургенев высоко ценил начинающего писателя, ученика своего друга Г. Флобера, просматривал его рукописи, помогал ему советами и указаниями, а также устроил публикацию его произведений (как и в случае с Золя) в «Вестнике Европы». В Томске наибольший интерес к творчеству Г. де Мопассана проявила газета «Сибирский вестник». С 1890 по 1894 г. на ее страницах появились четыре публикации, посвященные жизни и творчеству французского писателя.

Первое обозрение было опубликовано в «Сибирском вестнике» за 1890 г. в рубрике «Фельетон»⁹³. Полное название обозрения – «Крейцерова соната». «Наше сердце». Бабы стоны. Вымирание Франции» – указывает на его обобщающий характер, поскольку в одном ряду оказываются произведения русской и французской литературы. Его автор, скрывшийся за криптонимом «Х.», предлагает читателям задуматься о проблемах, которые делают их сознательными участниками общечеловеческой жизни. Своей главной целью

⁹³ Х. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1890. № 104 (12 сентября). С. 2.

он ставит рассмотрение вопроса брака на примере трех разных произведений. «Х.» сравнивает повесть Л.Н. Толстого «Крейцерова соната» (1889), очерк корреспондента столичного журнала «Юридический вестник» Я.И. Лудмера «Бабы стоны: из заметок мирового судьи» (1884)⁹⁴ и роман Г. де Мопассана «Наше сердце» («Notre cœur», 1890). Различные по форме, данные сочинения объединены общей идеей: современное общество страдает от несчастных супружеских союзов, однако, по мнению томского критика, до сих пор не может четко сформулировать свое отношение к подобным явлениям.

В первую очередь «Х.» берется за анализ повести Л.Н. Толстого, что обусловлено несколькими причинами. Во-первых, по его выражению, граф Л.Н. Толстой уже десять лет является единственным «будильником» русской общественной мысли. Во-вторых, хотя цензура и не пропускает «Крейцерову сонату» в печать, это не мешает произведению очень быстро сделаться общественным достоянием, что свидетельствует о злободневности поднятой в сочинении темы. В-третьих, общественный резонанс вокруг повести Л.Н. Толстого достигает такого размаха, что ярким его противником становится сам высокопреосвященный Никанор, архиепископ Херсонский и Одесский. «Х.» кратко пересказывает содержание «Крейцеровой сонаты» и делает вывод о том, что проблема несчастных браков вовсе не является явлением, распространенным исключительно в высших слоях общества. Для доказательства данного факта журналист ссылается на очерк Я.И. Лудмера об ужасах семейной жизни простых «русских баб».

Надо заметить, что прямое сопоставление этих произведений страдает натяжкой, потому что у Л.Н. Толстого содержится более или менее явное отрицание половой любви, в то время как Я.И. Лудмер имеет в виду исключительно социально-нравственную подоплеку проблемы.

Вновь обращаясь к повести Л.Н. Толстого, критик сравнивает ее с романом Г. де Мопассана «Наше сердце», отдавая предпочтение последнему с

---

⁹⁴ См.: Лудмер Я.И. Бабы стоны : из заметок мирового судьи // Юридический вестник. 1884. № 11. С. 446–467; Он же. Там же. № 12. С. 658–679.

художественной точки зрения. «Картина Толстого <...> производит глубокое впечатление, которое было бы еще сильнее, <...> если бы Толстой, создавая свое произведение, не морализировал, а оставался только художником, как это сделал даровитый французский беллетрист Гюи-де-Мопассан», – считает он⁹⁵.

Томский критик заключает, что уменьшение рождаемости и сокращение числа браков являются прямым следствием неправильного отношения людей к самому этому институту. По его мнению, эта проблема становится все более и более актуальной в конце XIX в. Необходимо отметить быструю реакцию томской периодики на публикацию нового сочинения Г. де Мопассана. Год его появления во Франции и время публикации данной статьи совпадают.

Интересно, что Л.Н. Толстой достаточно резко отзывался о романе Г. де Мопассана «Наше сердце»: «В последнем романе «Notre sœur» положение действующих лиц самое уродливое, дикое и безнравственное, и лица эти ни с чем уже не борются, а только ищут наслаждений – тщеславных и чувственных, половых, и автор как будто сочувствует их стремлениям»⁹⁶. Очевидно, Л.Н. Толстой не видел ничего общего между собственной «Крейцеровой сонатой», направленной против половых отношений как основы брака, и почти импрессионистическим романом Г. де Мопассана, дающим тончайший анализ нюансам и переживаниям эротического чувства. По мнению русского писателя, половые отношения низводят человека до уровня животного, поэтому достичь в них гармонии просто невозможно. Главный герой романа Г. де Мопассана, наоборот, тоскует по этой гармонии как высшему наслаждению, поскольку не находит в своей возлюбленной того всепоглощающего, страстного чувства, о котором он мечтал. Таким образом, отмеченная томским критиком оппозиция Л.Н. Толстого и Г. де Мопассана по моральным и художественным критериям является вполне справедливой.

Второй раз имя Г. де Мопассана появляется в «Сибирском вестнике» в 1892 г. в связи с попыткой суицида больного писателя. Автор обзора,

⁹⁵ Х. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1890. № 104 (12 сентября). С. 2.

⁹⁶ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. М., 1951. Т. 30. С. 14.

постоянный корреспондент газеты, А.О. Станиславский, пишет: «Guy de Maupassant недавно сошел с ума и двукратно, неудачно покушался на самоубийство»⁹⁷. Пытаясь понять причину его заболевания, критик ссылается на все возрастающее употребление наркотиков среди интеллектуальной элиты французского общества: «Оказывается, что Мопассан вел неправильную и довольно распущенную жизнь, а, принимаясь за литературный труд, возбуждал себя одуряющими средствами»⁹⁸. Далее А.О. Станиславский рассказывает о двух неудавшихся попытках самоубийства писателя и о его помещении в дом для душевнобольных. Известно, что французский писатель, действительно, злоупотреблял возбуждающими веществами. Так, в беллетризованной биографии Г. де Мопассана Анри Труайя неоднократно упоминает о том, что он принимал «одуряющие средства», в частности эфир⁹⁹. Известно, что писатель был помещен в психиатрическую лечебницу в январе 1892 г., а обозрение А.О. Станиславского об этом событии появилось на страницах «Сибирского вестника» в феврале того же года. Таким образом, томская критика достаточно быстро прореагировала на шокирующее известие о болезни Г. де Мопассана.

В очередной раз публикация о жизни Г. де Мопассана появляется на страницах «Сибирского вестника» в 1893 г. Ее автор «К. В-ков» сообщает о свирепствующем среди европейской интеллигенции неврозе, ссылаясь на расстройство, обнаруженное у Г. де Мопассана: «Живым примером может служить недавняя жертва психоза – известный Гюи-де-Мопассан»¹⁰⁰. Вместе с тем «К. В-ков» дает положительную оценку творчества писателя, утверждая, что Г. де Мопассан наряду с А. Доде и Э. Золя стоит во главе современного французского романа.

Последнее упоминание о Г. де Мопассане содержится в обозрении фельетонного типа под названием «Любовь», появившемся в «Сибирском

⁹⁷ А. С-ский [А.О. Станиславский]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1892. № 21 (19 февраля). С. 3.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ См.: Труайя А. Ги де Мопассан. М., 2005. 411 с.

¹⁰⁰ К. В-ков. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1893. № 44 (21 апреля). С. 3.

вестнике» в 1894 г. за подписью постоянного корреспондента газеты П.Л. Черневича. В нем критик размышляет о чувстве любви с претензией на научную основательность. Он ссылается на концепцию А. Шопенгауэра, а также приводит дарвиновскую теорию полового подбора. П.Л. Черневич пытается понять сущность любви, ее мотивы, процесс зарождения, сравнивает мужское и женское понимание любви, патологическую и идеальную любовь. В качестве материала для изучения этого вопроса он привлекает литературный контекст, помещая в него Г. де Мопассана: «Большинство наших писателей, считающих исследование любви своим предметом, скорее затеняет процесс зарождения ее, чем разъясняет его. Только немногие труды, как, например, некоторые романы Толстого, Бальзака, Поля Бурже, Гюи де Мопассана, могут оказать помощь исследователю в деле любви»¹⁰¹. Имя Г. де Мопассана появляется в таком контексте, который позволяет привлечь к нему внимание томских читателей.

Еще одна томская газета – «Сибирская жизнь» – также обращается к творчеству Г. де Мопассана, хотя и значительно позднее. В № 80 за 1913 г. выходят сразу две библиографические рецензии о книжных новинках в отделе «Новые книги и журналы»¹⁰². Данная рубрика носила информативно-рекламный характер, освещая ситуацию на отечественном книжном рынке. Авторство обеих рецензий принадлежит постоянному сотруднику газеты, известному сибирскому деятелю культуры и просвещения, Г.А. Вяткину¹⁰³.

В первой рецензии он сообщает о публикации в московском издательстве «Посредник» первого тома «Произведений Гюи-де-Мопассана, избранных Л.Н. Толстым» в «безукоризненном» переводе Л.П. Никифорова.

Вторая рецензия посвящена описанию книги Ф. Тассара «Воспоминания о Гюи-де-Мопассане его слуги Франсуа», опубликованной в Санкт-Петербурге

¹⁰¹ Чернч. [П.Л. Черневич]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1894. № 10 (23 января). С. 3.

¹⁰² Г.В. [Г.А. Вяткин]. Новые книги и журналы // Сибирская жизнь. 1913. № 80 (9 апреля). С. 2.

¹⁰³ См.: Вяткин Г.А. // Русские писатели, 1800–1917 : биографический словарь : в 5 т. М., 1989. Т. 1. С. 506 – 507; Средства массовой информации Новоиколаевска-Новосибирска, 1906–2006 гг. : словарь-справочник. Новосибирск, 2007. С. 329–331.

в 1913 г. По мнению Г.А. Вяткина, до последнего времени еще не было издано «подробной и безукоризненной» биографии Г. де Мопассана, поэтому он рассматривает информацию, представленную близким писателю человеком как довольно ценную. Тем не менее, отношение критика к появившейся книге весьма неоднозначно: «В ней много неинтересных мелочей и совершенно лишних отступлений в сторону, но немало и значительных, захватывающих внимание страниц, с разных сторон освещающих личность писателя»¹⁰⁴. Рецензент критически высказывается о стиле непрофессионального автора, но рекомендует прочесть новое произведение. Выделяя Г. де Мопассана как писателя, заслуживающего особого внимания читателей, Г.А. Вяткин указывает на свое личное отношение к нему: «В истории не только французской, но и всемирной литературы Мопассан занимает достаточно почетное место для того, чтобы каждая строка воспоминаний о нем ценилась высоко»¹⁰⁵.

Подводя итог, можно сказать, что томские критики акцентируют внимание читателей на биографии писателя, при этом он предстает как незаурядный художник, заслуживающий особого внимания.

Еще одним французским писателем, чья личность привлекла внимание томских критиков, стал выдающийся мыслитель, создатель философского интеллектуального романа, лауреат Нобелевской премии по литературе, А. Франс. Однако за исключением русских переводов новелл писателя вся информация о жизни и творчестве А. Франса, появившаяся на страницах томской периодики начала XX в., сводится всего к двум небольшим публикациям. Первое упоминание о писателе, появившееся в «Сибирском вестнике» за 1902 г., связано с перепечаткой из петербургской газеты «Новое время» небольшого очерка А. Франса о конце света¹⁰⁶.

По словам французского романиста, конец света неизбежен и человеческий род непременно исчезнет с лица земли из-за глобального

---

¹⁰⁴ Г.В. [Г.А. Вяткин]. Новые книги и журналы // Сибирская жизнь. 1913. № 80 (9 апреля). С. 2.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Среди газет и журналов // Сибирский вестник. 1902. № 19 (23 января). С. 2.

похолодания, когда планета станет слишком холодна и суха, а солнце погаснет. А. Франс иронизирует над тщетностью человеческого бытия и бесплодными попытками философов и литераторов оставить свой след в истории человечества, осужденного на исчезновение. По его мнению, все науки и искусства будут забыты людьми, которые станут влечь свое существование в ледниковых пещерах, а затем и вовсе вымрут.

Анонимный томский критик, по-видимому, не разделяя тонкой иронии французского писателя, в конце статьи замечает: «Интересно, что автору жаль не человека, а поэм Гомера и греческих мраморов! Можно думать, что конец света уже давно наступил»¹⁰⁷.

Вторая критическая заметка о личности А. Франса была опубликована на страницах «Сибирской жизни» в августе 1911 г. Удалось установить, что данная статья была заимствована из «Петербургской газеты», вышедшей месяцем ранее, в июле 1911 г. Она характеризует А. Франса как человека, не стремящегося к наградам и почестям. Неизвестный корреспондент отмечает, что писатель отказался от степени командора Ордена Почетного легиона, предложенной ему министром народного просвещения, не считая себя его достойным, поскольку даже такие великие писатели, как В. Гюго и А. де Ламартин не удостоились столь высокой награды. Далее журналист не без язвительности замечает, что как только «пресловутый» поэт Э. Ростан узнал об отказе А. Франса, он немедленно явился к министру и «выпросил», чтобы отвергнутый знак отличия был пожалован ему. На что последний ответил: «Берите, раз вы не брезгаете»¹⁰⁸. Это своего рода сенсационное известие было выбрано для публикации в томской газете, поскольку показывало личные качества известных французских литераторов.

Из этих сведений томские читатели вряд ли смогли получить адекватное представление о личности крупнейшего современного французского писателя и критика. Интересно, что, уделяя пристальное внимание участию Э. Золя в

---

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ В мире литературы, искусства и науки // Сибирская жизнь. 1913. № 170 (2 августа). С. 5.

деле А. Дрейфуса, томская критика ничего не пишет о немаловажной роли А. Франса в этом же судебном процессе. Ведь именно он первым поставил свою подпись под знаменитым письмом Э. Золя «J'accuse». Семь переводов новелл А. Франса, опубликованные в томских газетах в период с 1903 по 1907 г., отчасти компенсировали отсутствие полноценной информации о писателе и, по-видимому, помогли местным читателям составить некоторое представление о характере его творчества.

Третьим французским писателем, объем переводческой рецепции которого в томской периодике конца XIX – начала XX в. несопоставим с объемом критической, стал А. Доде. На страницах декабрьского номера «Сибирской жизни» за 1897 г. помещен некролог писателю¹⁰⁹. Он был единственным откликом о личности и творчестве художника. Анонимный критик рассказывает читателям о самых ярких эпизодах из жизни А. Доде – тяжелом полном лишении, детстве, отсутствии возможности получить высшее образование, о переезде в Париж в возрасте семнадцати лет в поисках средств к существованию и, наконец, о характере литературной деятельности талантливого автора.

Можно с уверенностью утверждать, что томские читатели были очень плохо знакомы с личностью и творчеством А. Доде, а у местной критики отсутствовал собственный взгляд на произведения этого представителя современного французского романа. Доказательством того, что томская критическая рецепция творчества А. Доде основывалась на общероссийской, служат публикации в центральных российских изданиях. Так, в некрологе, вышедшем в «Русских ведомостях» за 1897 г., литературный критик И.Н. Игнатов, опровергает принадлежность А. Доде к натуралистическому течению, приводя множество примеров, когда прототипами персонажей писателя становились реальные люди¹¹⁰.

---

¹⁰⁹ Альфонс Доде // Сибирская жизнь. 1897. № 264 (10 декабря). С. 3.

¹¹⁰ См.: Игнатов И.Н. Альфонс Доде // Русские ведомости. 1897. № 344 (13 декабря). С. 3.

То же самое делает и томский журналист на страницах «Сибирской жизни». Он утверждает, что А. Доде нельзя считать представителем натуралистического направления в литературе, несмотря на то, что в своих главных романах он сознательно концентрирует свое внимание на изображении современного социального и политического быта¹¹¹.

Итак, сообщения о французской литературе содержались во всех литературно-критических рубриках томских газет. Информационные обзоры, представлявшие собой как оригинальные статьи, так и перепечатки обзоров критики из центральной периодики, знакомили местного читателя с французской литературой в рамках научно-просветительского дискурса. Выполняя просветительские задачи, томские периодические издания регулярно публиковали рецензии, сообщающие о новинках книжного рынка. Содержание литературно-критических и публицистических материалов томской периодики последней трети XIX – начала XX в., посвященных Э. Золя, отразило повышенный интерес критики к общественно-политической деятельности писателя в связи с его участием в судебном процессе по делу А. Дрейфуса.

Критика, посвященная Г. де Мопассану, А. Франсу и А. Доде в томских изданиях конца XIX – начала XX в. являлась, скорее, дополнением к солидной подборке переводов их новелл, появившихся на страницах «Сибирского вестника», «Сибирской жизни» и «Сибирских отголосков».

---

¹¹¹ См.: Альфонс Доде // Сибирская жизнь. 1897. № 264 (10 декабря). С. 3.

2. ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ТОМСКОЙ ПЕРИОДИКЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

Томская периодика сыграла важную роль в просвещении и приобщении сибирского общества к явлениям мировой культурной жизни. Наряду с интересом к общественным и политическим событиям Западной Европы, в сибирской периодике конца XIX – начала XX в. ярко пролеживается интерес к творчеству иностранных писателей. Как справедливо отмечает, В.А. Доманский, отличительной чертой томской периодики является ее литературность¹¹². Именно газеты знакомили читателей с творческим наследием зарубежных писателей, перенимая, таким образом, функции литературных журналов и альманахов, появившихся в Сибири значительно позднее, лишь в начале XX в.

Наибольшее количество произведений, переведенных с французского языка специально для томских газет или перепечатанных из других источников, было опубликовано на страницах «Сибирского вестника» и «Сибирской жизни». Переводы из французской авторов начинают появляться в «Сибирском вестнике» в 1890 г. и стабильно публикуются вплоть до закрытия газеты в 1905 г. Пик интереса к французской литературе в «Сибирской жизни» приходится на 1902–1907 г., после чего на смену иноязычной прозе и поэзии приходит творчество сибирских писателей и поэтов.

Среди зарубежных писателей, чьи переводы появлялись в томской периодике, самыми востребованными оказались именно французские авторы. Благодаря местным изданиям читатели получили возможность познакомиться с творческим наследием Г. де Мопассана, А. Доде, А. Франса, а также с прозой французских авторов «второго» ряда: П. Бурже, Ф. Коппе и О. Мирбо. Всего на страницах томских газет было появилось 43 перевода произведений вышеупомянутых авторов.

---

¹¹² См.: Доманский В.А. Томская периодика XIX – начала XX в. как культурный феномен // Европейская литература в зеркале сибирской периодики конца XIX – начала XX в. Томск, 2009. С. 17.

2.1. Томский «переводной цикл» новелл Г. де Мопассана

В период с 1891 г. по 1904 г. в «Сибирском вестнике» и «Сибирской жизни» был опубликован «переводной цикл» из тринадцати новелл Г. де Мопассана, двенадцать из которых были маркированы как специально переведенные для местных газет, а одна являлась перепечаткой из другого источника. Среди всех зарубежных авторов, чьи переводы появлялись в томских изданиях, Г. де Мопассан оказался самым востребованным.

Повышенное внимание провинциальной прессы к Г. де Мопассану определялось рядом причин. Прежде всего, оно обуславливалось его всемирной известностью. Можно с уверенностью говорить о том, что Г. де Мопассан был одним из самых читаемых писателей своего времени. Его известность в России была также чрезвычайно велика, чему способствовала дружба французского писателя с И.С. Тургеневым, который стал первым пропагандистом Г. де Мопассана в России, а также высокая оценка его творчества со стороны Л.Н. Толстого и А.П. Чехова.

Кроме того, интерес к произведениям Г. де Мопассана подкреплялся скандальной репутацией писателя. На страницах «Сибирского вестника» в 1892–1893 г. появились две заметки биографического характера о злоупотреблении Г. де Мопассана наркотическими средствами, его сумасшествии, попытке самоубийства и, наконец, смерти в клинике для душевнобольных.

Тем не менее, основной причиной популярности французского писателя явилось его новаторство в новеллистическом жанре. Он развил и довел до совершенства структуру традиционной новеллы, построенной на анекдотической основе. Но, с другой стороны, он создал и новый тип психологической новеллы, в которой занимательность выступала только канвой для углубления во внутренний мир человека и постановки глубоких философских проблем.

Ориентируясь на вкусовые предпочтения своих читателей, местные газеты публикуют переводы новелл различной тематики. К тому же, жанр новеллы ввиду своего небольшого объема был наиболее удобен для публикации в периодике, поэтому произведения Г. де Мопассана, автора более двухсот пятидесяти новелл, представляли собой богатый материал для томских газет. Средний промежуток времени между публикацией новелл Г. де Мопассана во Франции и в Томске составлял от десяти до двадцати лет. Любопытно отметить, что томские газеты начинают проявлять наибольший интерес к творчеству Г. де Мопассана уже после его смерти. Всего три из тринадцати новелл публикуются до 1893 г.

Проблематика новелл Г. де Мопассана не испытывала существенных изменений на протяжении его десятилетнего творчества, писатель оставался верен нескольким темам: одиночество человека, любовь и смерть. Однако с течением времени новела писателя претерпевает жанровую эволюцию. От традиционной структуры с событием (анекдотом) в центре повествования Г. де Мопассан идет к изображению внутреннего мира человека, при котором событие становится лишь фоном, и, наконец, к полному отказу от события. Его интересует человек в момент «озарения», выхода за пределы повседневной будничной реальности. К концу творчества все очевиднее становится уход писателя в чистый психологизм и к новым нереалистическим средствам художественной выразительности, которые он черпал в импрессионистической и символистской поэтике.

Для публикации в местных газетах томские журналисты выбирают новеллы из первого периода творчества Г. де Мопассана (1880–1887), который в основном укладывается в реалистическую парадигму и характеризуется относительным равновесием жизнерадостных и пессимистических настроений.

Три переводчика – А.О. Станиславский, П.Л. Черневич, а также некая переводчица, скрывшая свое имя за подписью «М.Ш.» – познакомили томских

читателей с творчеством Г. де Мопассана на страницах «Сибирского вестника». Для «Сибирской жизни» новеллы Г. де Мопассана переводили «М.В.» и «А. Сак», полные имена которых не удалось установить.

Большую часть новелл Г. де Мопассана перевел постоянный сотрудник «Сибирского вестника» А.О. Станиславский, также являвшийся корреспондентом парижского «Фигаро». Именно из этой французской газеты он заимствовал новеллы Г. де Мопассана «Страх» и «Взгляды полковника», на что указывают примечания к его переводам. Все шесть переводов, выполненных А.О. Станиславским специально для «Сибирского вестника», демонстрируют стратегию лингвокультурной адаптации текста оригинала, целью которой является снятие потенциальных трудностей восприятия на лексико-семантическом, синтаксическом и стилистическом уровнях текста.

В 1891 г. «Сибирский вестник» публикует сразу две новеллы Г. де Мопассана из сборника «Сказки дня и ночи» («Contes du jour et de la nuit», 1885) – «Роза» («La Rose») ¹¹³ и «Отцеубийца» («Un parricide») ¹¹⁴ – в переводе Станиславского. В «Сказки дня и ночи» вошли новеллы самого разного содержания (от смешных и трогательных до трагических и даже жестоких), опубликованные Г. де Мопассаном во французских газетах «Le Gil Blas» и «Le Gaulois» в период с 1882 по 1884 г. Особенностью данного сборника явилось отсутствие какой-либо господствующей тематики, присущей остальным циклам Г. де Мопассана. Сам писатель не считал этот сборник удачным. В своем письме к издателю В. Авару по поводу продаж своих книг он писал: «Вот только что я получил от Марпона извещение о том, что «Туан» и «Сказки дня и ночи» разошлись – первый десятой тысячей, второй – одиннадцатой. И это притом, что это две мои самые скверные книги, выпущенные в продажу по пяти франков, без всякой рекламы» ¹¹⁵. Несмотря на

¹¹³ Мопассан Г. де. Роза / А.О. Станиславский // Сибирский вестник. 1891. № 66 (12 июня). С. 3.

¹¹⁴ Мопассан Г. де. Отцеубийца / А.О. Станиславский // Сибирский вестник. 1891. № 68 (16 июня). С. 2–3. Далее страницы указываются в тексте.

¹¹⁵ Труайя А. Ги де Мопассан. М., 2005. С. 193.

подобное отношение автора к своему творению, сборник приобрел широкую популярность среди французских читателей.

Новелла «Роза», в которой представлены рассуждения женщин о любви, является примером насмешливого юмора писателя. По своей форме это типичная новелла-анекдот. Главная героиня рассказывает подруге историю о том, как четыре года назад она наняла горничную, которая оказалась беглым каторжником, осужденным за изнасилование и убийство нескольких женщин. При этом больше всего рассказчицу возмущает тот факт, что, постоянно находясь рядом, каторжник не проявил никакого интереса к ней самой как женщине.

Характерной чертой данного перевода А.О. Станиславского является русификация французских имен. Так, «Пьер Куртен» (Pierre Courtin) превращается в «Петра К.», «Франсуа Пинго» (François Pingau) – во «Франца П.», а «Жан-Николя Лекапе» (Jean-Nikolas Lecapet) и вовсе становится «Иваном Николаем Лекапе». Помимо этого томский переводчик находит функциональный эквивалент французскому обращению «мадам» (madame), заменяя его на привычное для русского читателя «барыня». Возможно, подобные трансформации несколько актуализировали историю. Как бы то ни было, А.О. Станиславскому удалось передать иронию Г. де Мопассана.

В новелле «Отцеубийца» изображается сцена в суде, где слушается дело об убийстве супружеской пары. Основная часть новеллы – монолог подсудимого, незаконнорожденного сына этой четы, брошенного родителями еще в младенчестве. Позднее сочетавшись законным браком, отец и мать вспомнили о своем сыне и решили позаботиться о его судьбе. Однако их забота состояла только в денежных подачках, они побоялись признать его своим ребенком перед обществом. Узнав тайну своего рождения, подсудимый попытался сблизиться с родителями, но они грубо оттолкнули его, обвинив в

шантаже и насилии. Не выдержав повторного предательства, сын убил своих родителей.

Тема внебрачного, родившегося в результате адюльтера и покинутого ребенка волнует Г. де Мопассана на протяжении всего его творчества. Пристальное внимание писателя к данной проблеме объясняется отчасти его философским пессимизмом, отчасти сомнениями в собственном происхождении. Он не опровергал слухов о своем незаконном рождении: «Я вырос со смутным ощущением, что на мне лежит какое-то позорное пятно. Другие дети называли меня однажды «ублюдком»¹¹⁶. До сих пор вопрос о происхождении Г. де Мопассана остается открытым из-за недостатка сведений о жизни писателя и его матери.

В отличие от занимательной «Розы», новеллу «Отцеубийца» можно назвать психологической. Здесь событие – убийство – становится поводом для исследования внутреннего мира убийцы и его жертв, в ходе которого нравственная правота парадоксальным образом оказывается на стороне преступника.

Как и при переводе новеллы «Роза» А.О. Станиславский использует стратегию русификации иноязычных реалий. Описывая своего героя, Г. де Мопассан замечает, что у него не было фамилии, но за изысканность манер товарищи прозвали его «Буржуа» (Bourgeois). У Станиславского этот герой получает прозвище «Барин». В оригинале героя воспитывает «кормилица» (poutrice), в томском переводе его отправляют «куда-то к мамке».

Адаптируя текст оригинала, А.О. Станиславский опускает малоинформативную для томских читателей отсылку к именам французских политических деятелей Леона Гамбетты и Жюль Гриви, выступавших против Парижской коммуны, сокращая при этом целый пласт эмоционально-окрашенной лексики:

---

¹¹⁶ Лану А. Мопассан. М., 1971. С. 122.

Maupassant
*Il a entendu des républicains, des femmes même, oui, des femmes! demander le sang de M. Gambetta, le sang de M. Grévy; son esprit malade a chaviré; il a voulu du sang, du sang de bourgeois!*¹¹⁷. Ce n'est pas lui qu'il faut condamner, messieurs, c'est la Commune!¹¹⁸.

Подстрочник
*Он услышал республиканцев, даже женщин, да, женщин! требующих крови Г. Гамбетты, крови Г. Гриви; его больной разум пошатнулся; он захотел крови, крови буржуа. Это не его нужно винить, господу, а Коммуну!*¹¹⁹.

Пер. Станиславского
 Не его нужно осуждать – господу, осуждайте коммуну! (С. 3).

Возможно, томский перевод не до конца передает исторический колорит отрывка, но в смысловом отношении не уступает оригиналу. Тема одинокого, брошенного на произвол судьбы ребенка звучит одинаково пронзительно как в оригинале, так и в переводе.

В 1892 г. на страницах «Сибирского вестника» появляется перевод третьей новеллы Г. де Мопассана «Страх» («La peur»)¹²⁰, сделанный А.О. Станиславским. Эта новелла вошла в сборник «Рассказы вальдшнепа» («Contes de la becasse», 1883), который, по замыслу Г. де Мопассана, должен был стать собранием забавных, серьезных и сентиментальных охотничьих историй в старинном духе. Новелла «Страх» представляет собой мистическую историю о природе страха. Главный герой рассказывает о двух случаях, при которых он испытал это чувство. Первый случай произошел в Африке, когда рассказчик вместе со своим близким другом пересекал пустыню. Внезапно раздался бой барабанов, и его друг упал с лошади, сраженный солнечным ударом.

Второй случай произошел зимой в одном из лесов северо-восточной Франции, куда рассказчик отправился на охоту. Переночевать герой должен был у лесничего, который убил браконьера два года тому назад. Лесничий

¹¹⁷ Здесь и далее курсив наш – Ю.Р.

¹¹⁸ Maupassant G. de. Un parricide [La ressource électronique] // Wikisource : la bibliothèque libre. Les données électroniques. URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Contes_du_jour_et_de_la_nuit/Un_parricide (la date de l'accès: 14.05.2011).

¹¹⁹ Здесь и далее подстрочник наш – Ю.Р.

¹²⁰ Мопассан Г. де. Страх / А.О. Станиславский // Сибирский вестник. 1892. № 25 (28 февраля). С. 2–3. Далее страницы указываются в тексте.

рассказал герою, что призрак покойного приходит к нему каждый год и вскоре должен навестить его вновь. Рассказчик отказался верить в это, но через какое-то время завyla хозяйская собака и, не прекращая воя, стала обходить комнату. Спустя два часа собаку выбросили за дверь. Вой сразу прекратился, но в это время все присутствующие услышали, как кто-то крадется вдоль стен, слегка царапая их. В окне показалась белая голова, хозяин выстрелил, а на следующий день у стены за дверью нашли труп собаки с простреленной головой.

Переводя данную новеллу на русский язык, А.О. Станиславский, как и в других случаях, остается верен стратегии лингвокультурной адаптации текста или стратегии «одомашнивания» (термин, предложенный еще Ф. Шлейермахером и актуализированный в современной теории перевода Л. Венути)¹²¹, проявляющейся наиболее ярко на лексико-семантическом уровне.

Примером тому может служить трансформация слова «крестьянин» (*peysan*) в «местного мужика», замена словосочетания «два рослых парня» (*deux grands gaillards*) на «двух дюжих молодцев». В качестве функционального эквивалента для слова «забор» (*palissade*) переводчик выбирает характерно сибирский вариант – «заплот».

В томском переводе есть и две смысловые ошибки: «северо-восток Франции» (*nord-est de la France*) по неизвестной причине получает противоположное обозначение, становясь «юго-западом Франции». А следующее предложение обнаруживает весьма комичный вариант перевод, хотя подобная ошибка может быть и опечаткой наборщиков текста:

Maupassant Et soudain tous ensemble, <i>nous eûmes une sorte de sursaut</i> ¹²² .	Подстрочник Внезапно все <i>мы вздрогнули</i> .	Пер. Станиславского Внезапно все <i>мы вздремнули</i> . (С. 2).

¹²¹ См.: Venuti L. *The Translator's Invisibility : a History of Translation*. London; New York, 1995. 353 p.

¹²² Maupassant G. de. *La Peur* [La ressource électronique] // Wikisource : la bibliothèque libre. Les données électroniques. URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Contes_de_la_b%C3%A9casse/La_Peur (la date de l'accès: 14.05.2011).

В 1893 г. А.О. Станиславский переводит еще одну новеллу Г. де Мопассана, посвященную теме страха, – «Ободранная рука» («La main d'écorché»)¹²³. Эта новелла была опубликована начинающим писателем в 1875 г. в альманахе «Pont-à-Mousson» под псевдонимом «Жозеф Прюнье». Впоследствии она вошла в состав посмертно опубликованного сборника Г. де Мопассана «Мисти» («Mistie», 1912), который был составлен из ранних новелл 1870-х гг. и из ряда эскизных, недоработанных произведений писателя.

В своих мистических новеллах Г. де Мопассан стремился передать атмосферу страха перед непонятным и сверхъестественным. Показывая, как под воздействием необъяснимых явлений даже самый рациональный человек начинает испытывать чувство страха, писатель рассчитывал на достижение определенного, заранее продуманного эффекта, поражающего читателя в кульминационном пункте новеллы. В этом своем стремлении Г. де Мопассан шел следом за Ж. де Нервалем, Э. По, Э.Т.А. Гофманом.

Главным героем новеллы «Ободранная рука» является молодой студент-юрист Пьер, который привозит из Нормандии трофей – кисть руки с ободранной кожей, принадлежавшую известному преступнику. Молодой человек ради смеха вешает кисть на звонок над своей кроватью. На следующее утро происходит ужасное покушение на его жизнь, на шее Пьера обнаруживают отпечатки пяти пальцев. После пережитого молодой человек сходит с ума и попадает в психиатрическую клинику. В течение семи месяцев он находится в постоянном бреде, ему кажется, что его преследует призрак. Однажды, вскочив с постели, Пьер восклицает: «Возьми ее! возьми ее! Он душит меня! Помогите! помогите!»¹²⁴. Обойдя комнату два раза, он падает замертво на пол.

---

¹²³ Мопассан Г. де. Ободранная рука / А.О. Станиславский // Сибирский вестник. 1893. № 120 (15 октября). С. 2–3.

¹²⁴ Мопассан Г. де. Ободранная рука / А.О. Станиславский // Сибирский вестник. 1893. № 120 (15 октября). С. 3. Далее страницы указываются в тексте.

Переводя новеллу, А.О. Станиславский традиционно изменяет имя главного героя с «Пьера» (Pierre) на «Петра». «Изгородь» (palissade) он называет на сибирский манер «заплотом», а «кюре» (curé) превращает в «священника».

Стремление А.О. Станиславского к «одомашниванию» текста приводит к изменению характеристики персонажа, речь которого переводчик приспособливает русско-сибирскому разговорному дискурсу о выпившем человеке:

Maupassant	Подстрочник	Пер. Станиславского
<i>Tu viens de te griser, riposte un troisième, et comme tu as senti le punch chez Louis, tu es monté pour recommencer</i> ¹²⁵ .	<i>Ты напился, возразил третий, и, узнав, что у Луи есть пунш, явился за добавкой.</i>	<i>Ты налимонился, – заметил третий, – и как почувял пунш у Луи, прибежал, чтобы поправиться на другой бок. (С. 3).</i>

Кроме того, А.О. Станиславский исключает из русского перевода упоминание о католическом монашеском ордене Траппистов. В данном случае сокращение малоинформативной для томского читателя французской реалии может быть признано оправданным и не ведущим к смысловым потерям.

В 1895 г. А.О. Станиславский переводит новеллу «L'orphelin» из посмертного сборника Г. де Мопассана «Дядюшка Милон» («Le père Milon», 1899). В его переводе новелла получает название «Воспитанник»¹²⁶, хотя в оригинале звучит как «Сирота». Скорее всего, при выборе заглавия А.О. Станиславский отталкивался от содержания новеллы, героем которой является брошенный ребенок, находящийся на воспитании у приемной матери. В оригинале автор иронически обыгрывает понятие «сирота», поскольку в итоге его герой, прикрываясь своим сиротством, жестоко и расчетливо расправляется с женщиной, которая воспитала его как родного сына.

¹²⁵ Maupassant G. de. La Main d'écorché [La ressource électronique] // Wikisource : la bibliothèque libre. Les données électroniques. URL: http://fr.wikisource.org/wiki/La_Main_d%E2%80%99C3%A9corch%C3%A9 (la date de l'accès: 14.05.2011).

¹²⁶ Мопассан Г. де. Воспитанник / А.О. Станиславский // Сибирский вестник. 1895. № 56 (17 мая). С. 3. Далее страницы указываются в тексте.

Несмотря на то, что название томского переводчика не передает скрытого смысла оригинального заголовка, сам перевод А.О. Станиславского можно признать самым удачным из всех. В значительной степени адекватности перевода способствовало то, что в оригинале текст новеллы отличался лаконичностью повествования и отсутствием культурно-специфической лексики. Вместе с тем, уже на примере первого абзаца новеллы очевидно, что А.О. Станиславский стремился тщательно следовать тексту оригинала, сохраняя авторский замысел и манеру повествования Г. де Мопассана. В частности, переводчик не упускает ни одной детали, воссоздавая образ главной героини:

Maupassant	При грустных обстоятельствах г-жа Сурс взяла этого мальчика на воспитание. Ей было тогда тридцать шесть лет; она была старой девой. Будучи еще малюткой, она как-то соскользнула с колен задремавшей няньки и упала на камин, где получила жестокие ожоги, обезобразившие ее лицо, вследствие этого недостатка она не могла выйти замуж, не желая, чтобы на ней женились ради денег. (С. 3).
Mademoiselle Source avait adopté ce garçon autrefois en des circonstances bien tristes. Elle était âgée alors de trente-six ans et sa difformité (elle avait glissé des genoux de sa bonne dans la cheminée, étant enfant, et toute sa figure, brûlée horriblement, était demeurée affreuse à voir) sa difformité l'avait décidée à ne se point marier, car elle ne voulait pas être épousée pour son argent ¹²⁷ .	

В этом же году А.О. Станиславский переводит новеллу «Взгляды полковника» («Les Idées du Colonel»)¹²⁸, посвященную франко-прусской войне. Тема войны, которую Г. де Мопассан пережил юношей, стала одной из главных в творчестве писателя и во многом определила его мироконцепцию.

Новелла «Взгляды полковника» является частью сборника «Иветта» («Yvette», 1884), состоящего из психологических произведений грустного и элегического содержания, персонажи которых сталкиваются с грязной и жестокой изнанкой жизни. Для того чтобы сильнее оттенить грустную интонацию сборника, Г. де Мопассан включил в него несколько новелл, построенных на анекдотичной основе. Подобного рода произведением и

¹²⁷ Maupassant G. de. L'orphelin [La ressource électronique] // Maupassant par les textes. Les données électroniques. URL: <http://maupassant.free.fr/textes/orphelin.html> (la date de l'accès: 14.05.2011).

¹²⁸ Мопассан Г. де. Взгляды полковника / А.О. Станиславский // Сибирский вестник. 1895. № 128 (13 октября). С. 2. Далее страницы указываются в тексте.

является новелла «Взгляды полковника», которая демонстрирует иронический взгляд Г. де Мопассана на франко-прусскую войну. В ней писатель с юмором описывает незадачливых и бестолково отступающих французских солдат, которые при виде хорошенькой женщины способны пересилить себя и совершить подвиг. Главный герой новеллы полковник Лапорт рассуждает о врожденной пылкости француза, для которого главным стимулом в жизни является женщина. В подтверждение своих слов полковник вспоминает случай из военного времени, когда разбитый пруссаками отряд французских разведчиков заметно оживляется при встрече с замерзшей и уставшей девушкой: солдаты отдают ей свои шинели, обмениваются шутками, без труда преодолевают голод и холод и даже побеждают дюжину прусских уланов.

При переводе этой новеллы А.О. Станиславский остается верен выбранной им стратегии русификации французского текста, поэтому для французских реалий он выбирает русские эквиваленты: «отец» девушки (père) в его переводе становится «батюшкой», «мадмуазель» (mademoiselle) – «барышней», «сержант» (sergent) назван «фельдфебелем», а солдатские «кепи» (képis) – «фуражками».

На уровне стилистики текста в томском переводе наблюдается расширение пласта эмоционально-окрашенной лексики. Одну из реплик полковника, А.О. Станиславский переводит, используя русские междометия и фразеологию, от чего речь персонажа становится более экспрессивной:

Maupassant	Подстрочник	Пер. Станиславского
C'est fini, jamais mes pauvres diables d'hommes n'arriveront ¹²⁹ .	Все кончено, моим беднягам ни за что не дойти.	<i>Дело дрянь!</i> Моим бедным людям не добраться туда. <i>Придется кости положить.</i> (С. 2).

Говоря о том, что женщина в отличие от коменданта Парижа генерала Л.Ж. Трошю могла бы защитить французскую столицу от захвата прусскими войсками, полковник вспоминает имя Святой Женевьевы, которая согласно

¹²⁹ Maupassant G. de. Les idées du Colonel [La ressource électronique] // Wikisource : la bibliothèque libre. Les données électroniques. URL: [http://fr.wikisource.org/wiki/Yvette_\(recueil\)/Les_Id%C3%A9es_du_Colonel](http://fr.wikisource.org/wiki/Yvette_(recueil)/Les_Id%C3%A9es_du_Colonel) (la date de l'accès: 14.05.2011). Далее текст цитируется по этому источнику.

легенде спасла Париж от нападения норманнов и с тех пор считается покровительницей города. В переводе А.О. Станиславского упоминание об этой святой заменяется отсылкой к другой более известной исторической личности – Жанне д'Арк:

Maupassant	Подстрочник	Пер. Станиславского
Ce n'est pas un Trochu qu'il fallait à Paris, mais une <i>Sainte Geneviève</i> .	Парижу нужен был не Трошю, а <i>Святая Женевьева</i> .	Париж не нуждался бы ни в каком Трошю; ему нужна была <i>новая Жанна</i> . (С. 2).

Подобрав такой эквивалент, переводчик снял потенциальное затруднение в восприятии чужой реалии, сохранив при этом ее основную функцию, т.к. выбранное им имя, без сомнения знакомое и большинству томских читателей, так же, как и в оригинале, связано с образом женщины-спасительницы Франции.

Итак, одной из характерных черт рассмотренных переводов А.О. Станиславского является адаптация новелл Г. де Мопассана к принимающей культуре. Безусловным преимуществом такого подхода стала доступность и понятность текста перевода. Вместе с тем переводчику иногда не удавалось избежать излишней русификации (например, имен собственных, обращений и бытовых реалий), в результате которой текст лишался в переводе «чужого» культурного фона, знакомого даже любому томскому читателю.

В целом нельзя не отметить, что переводы А.О. Станиславского отличались высокой степенью точности по отношению к оригиналу, с одной стороны, и художественной целостностью, с другой, что позволяет оценивать их как адекватные.

Авторство переводов еще трех новелл Г. де Мопассана, опубликованных в «Сибирском вестнике», принадлежит томской переводчице, скрывшей свое имя за криптонимом «М.Ш.».

В 1903 г. появляется ее перевод новеллы «Мадмуазель Фифи» («Mademoiselle Fifi»)¹³⁰ из одноименного сборника Г. де Мопассана, первое издание которого было опубликовано в 1882 г. Так же, как и «Взгляды полковника», эта новелла посвящена теме франко-прусской войны, однако освещает ее отнюдь не с иронической точки зрения.

Немецкие офицеры вот уже три месяца занимают замок Ювиль около Руана: они пьют, бесчинствуют и варварски уничтожают исторические ценности. Устав от однообразного времяпрепровождения, офицеры приглашают в замок проституток. Пруссаки, и, в частности, Вильгельм фон Эйрик, которого прозвали «Мадмуазель Фифи» за точеный девичий стан, опьянены победой и хвастаются тем, что все женщины Франции будут принадлежать им. Одна из проституток, молодая еврейка Рашель, искренне возмущена их разговорами. В порыве гнева она всаживает десертный нож в горло «Мадмуазель Фифи» и убегает через окно. Прусским офицерам так и не удастся найти ее. Рашель будет прятаться на колокольне до конца войны, а после выйдет замуж за порядочного человека, полюбившего ее за совершенный подвиг.

Томский перевод «М.Ш.» обнаруживает стратегию трансформации нравственно-эстетического канона оригинального текста: переводчица «изымает» принципиально важные для Г. де Мопассана сравнения, которые являются признаком авторского стиля писателя. В своих новеллах Г. де Мопассан максимально конкретен, его описания персонажей и природы насыщены метко подмеченными деталями, которые буквально «врезаются» в память читателей. Так, чтобы подчеркнуть то, что проливной дождь идет в окрестностях Руана круглый год, он иронично называет эту местность «ночным горшком Франции», но «М.Ш.» игнорирует это сравнение:

---

¹³⁰ Мопассан Г. де. Мадмуазель Фифи / М.Ш. // Сибирский вестник. 1903. № 207 (24 сентября). С. 2–3. Далее страницы указываются в тексте.

Maupassant	Подстрочник	Пер. М.Ш.
La pluie tombait à flots, <...> une vraie pluie des environs de Rouen, <i>ce pot de chambre de la France</i> ¹³¹ .	Шел проливной дождь, <...> настоящий дождь окрестностей Руана, <i>этого ночного горшка Франции.</i>	Дождь лил проливной, <...> настоящий нормандский дождь, какой бывает в окрестностях Руана. (С. 2).

Давая характеристику прусским офицерам, Г. де Мопассан стремится подчеркнуть их ограниченность и варварское поведение при помощи сравнения с грубыми животными, однако при переводе «М.Ш.» опускает именно ту часть предложения, в которой говорится о негативном отношении автора к прусским оккупантам:

Maupassant	Подстрочник	Пер. М.Ш.
Les autres, tout à fait saouls, <i>secoués soudain par un enthousiasme militaire, un enthousiasme de brutes,</i> saisirent leurs verres en vociférant: «Vive la Prusse!» et les vidèrent d'un seul trait.	Остальные, совершенно пьяные, <i>охваченные военным энтузиазмом, энтузиазмом скотов,</i> подняли свои бокалы с ревом: «Да здравствует Пруссия!» – и залпом их осушили.	Остальные, совсем пьяные, схватились за свои стаканы и с криком «Да здравствует Пруссия!» осушили их одним махом. (С. 2).

По-видимому, переводчик-женщина сознательно устраняет все грубости, обедняя, тем самым колоритный язык подлинника.

В 1904 г. на страницах «Сибирского вестника» появляется перевод новеллы «Нищий» («Le gueux»)¹³², также сделанный «М.Ш.». Во Франции эта новелла была впервые опубликована 9 марта 1884 г. в газете «Le Gaulois», а затем вошла в сборник «Сказки дня и ночи». Томский перевод появился лишь двадцать лет спустя, однако тема произведения, в котором Г. де Мопассан описывает трагическую судьбу человека, выброшенного на дно жизни, звучит актуально всегда. Главным героем новеллы является калека, попавший под экипаж из-за того, что деревенский булочник ради забавы решил напоить его. Крестьяне дали ему прозвище «Колокол», поскольку его фигура, качающаяся между двух костылей, его очень напоминала. Однако горе несчастного не

¹³¹ Maupassant G. de. Mademoiselle Fifi [La ressource électronique] // Wikisource : la bibliothèque libre. Les données électroniques. URL: [http://fr.wikisource.org/wiki/Mademoiselle_Fifi_\(recueil\)/Mademoiselle_Fifi](http://fr.wikisource.org/wiki/Mademoiselle_Fifi_(recueil)/Mademoiselle_Fifi) (la date de l'accès: 14.05.2011). Далее текст цитируется по этому источнику.

¹³² Мопассан Г. де. Нищий / М.Ш. // Сибирский вестник. 1904. № 98 (8 мая). С. 2. Далее страницы указываются в тексте.

вызывает у них никаких чувств, кроме презрительного равнодушия и нерасположения. В итоге его находят мертвым от истощения.

В трактовке крестьянина Г. де Мопассан стоит на позициях позитивизма, свойственного большинству французских реалистов XIX в., которые утверждали идею детерминизма. Среда, детерминирующая человека, с их точки зрения, прежде всего, включала биологическую природу. Крестьянство, с его непреодолимой мелкособственнической психологией, дикостью, жестокостью и темнотой ужасало Г. де Мопассана. Долгое время крестьяне были для него людьми, которые не думают, а лишь угадывают происходящее животным инстинктом¹³³.

В данной новелле для писателя было важно с натуралистической точки зрения показать биологическую сущность человека, оказавшегося на самом дне, поэтому описание внутреннего мира героя часто переплетается с описанием животного мира. При переводе «М.Ш.» вновь обращается к стратегии редукции и исключает из русского текста прямые и грубые сравнения нищего с животным:

Maupassant	Подстрочник	Пер. М.Ш.
Il dégringolait de ses béquilles, se laissait tomber à la façon d'une loque, et il se roulait en boule, devenait tout petit, invisible, rasé comme un lièvre au gîte, confondant ses haillons bruns avec la terre ¹³⁴ .	Он срывался со своих костылей, падал как тряпка и катился, свернувшись в клубок, становясь совсем маленьким, невидимым, <i>сжимаясь, как заяц в логове</i> , смешиваясь своими бурными лохмотьями с землей.	Он соскакивал со своих костылей, падал, точно какая-то бесформенная масса, шаром катился по земле, прижимаясь к ней своими темными лохмотьями, делался незаметным, совсем маленьким. (С. 2).

Сравнения героя с животными, не вошедшие в текст перевода, помогают глубже показать интерес Г. де Мопассана к физиологическому началу человека, изобразить человека как существо, которым движут лишь природные инстинкты. Однако богатая стилистика писателя, по всей

¹³³ См.: Данилин Ю.И. Мопассан: критико-биографический очерк. М., 1951. С. 136.

¹³⁴ Maupassant G. de. Le Gueux [La ressource électronique] // Wikisource : la bibliothèque libre. Les données électroniques. URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Contes_du_jour_et_de_la_nuit/Le_Gueux (la date de l'accès: 14.05.2011). Далее текст цитируется по этому источнику.

видимости, отпугивает переводчицу своей кажущейся грубостью, поскольку она игнорирует еще одно яркое сравнение:

Maupassant	Подстрочник	Пер. М.Ш.
Cloche, escaladant de nouveau ses béquilles, se mit en marche pour aller ramasser sa chasse, avec des mouvements pareils à ceux des poules.	Колокол, вновь взбираясь на свои костыли, пошел поднимать свою добычу, напоминая курицу своими движениями.	Колокол, взобравшись опять на костыли, отправился подобрать свою добычу. (С. 2).

Через четыре дня после публикации перевода новеллы «Нищий» на страницах «Сибирского вестника» появился выполненный «М.Ш.» перевод новеллы «Рука» («La Main») ¹³⁵. Идейной базой для этой новеллы послужила первая из напечатанных новелл Г. де Мопассана «Рука трупа» («La Main d'écorché»).

В связи с душевной болезнью Г. де Мопассана некоторые исследователи его творчества выделяют особую группу новелл, в которых отражены мистические ощущения, патологические чувства и предчувствие неизбежной смерти. Очевидно, эти черты стали следствием тех болезненных настроений, которые тревожили писателя и развились впоследствии в тяжелое психическое заболевание. В этих новеллах, представляющих собой описание галлюцинаций и кошмаров, преследующих рассказчиков, очень часто выражается сомнение в реальности всего изображаемого ¹³⁶. К таким произведениям принято относить и новеллу «Рука».

Главный герой новеллы господин Бермютье в разговоре о сверхъестественных явлениях приводит случай из собственной жизни. Работая следователем в небольшом городке, он бывал в гостях у англичанина, про которого ходили необычные слухи. Однажды среди трофеев сэра Джона Бермютье заметил человеческую руку, прикованную цепью к стене. Англичанин объяснил, что эта рука принадлежала его злейшему врагу,

¹³⁵ Мопассан Г. де. Рука / М.Ш. // Сибирский вестник. 1904. № 101 (12 мая). С. 3. Далее страницы указываются в тексте.

¹³⁶ См.: Вульфвич Т.Л. Творчество Мопассана. М., 1962. С. 34.

рассказывая об этом, он пребывал в волнении и вел себя так, как будто ожидал нападения. Спустя год Бермюте узнал об убийстве англичанина. По словам доктора, производившего осмотр трупа, можно было подумать, что сэр Джон был задушен скелетом. Во рту трупа был найден палец от руки, которая исчезла со стены. На другой день исчезнувшая рука была найдена на кладбище на могиле сэра Джона.

Сравнительный анализ позволяет утверждать, что перевод новеллы «Рука», выполненный для томской газеты переводчицей «М.Ш.» очень близок оригиналу. В частности, одним из примеров, демонстрирующих ее внимательное отношение к стилистическим приемам, использованным в тексте новеллы, может служить сохранение индивидуальной речевой характеристики персонажа сэра Джона, который говорит с английским акцентом. Переводчица удачно воссоздает прием стилизации речи иностранца, стремясь к адекватному воздействию перевода на читателя:

Maupassant	Il me reçut avec toute la méticuleuse courtoisie anglaise, parla avec éloge de la France, de la Corse, déclara qu'il aimait beaucoup <i>cette pays, cette rivage</i> ¹³⁷ .	Пер. М.Ш.	Он принял меня с самой изысканной английской любезностью и с похвалой отзывался о Франции и Корсике, заявляя, что он очень любит « <i>этот страна и эту берег</i> ». (С. 3).

В 1903 г. на страницах «Сибирской жизни» публикуется новелла «Письмо утопленника» («Lettre trouvée sur un noyé»)¹³⁸ в переводе некоего «М.В.». Впервые эта новелла была напечатана в газете «Le Gil Blas» 8 января 1884 г. за подписью «Мофриньез», а затем вошла в сборник «Разносчик» («Le colporteur», 1900).

Новелла представляет собой посмертное письмо молодого человека, в котором он признается в своей неспособности любить и пытается дать этому объяснение. Тема любви занимала огромное место в творчестве

¹³⁷ Maupassant G. de. La Main [La ressource électronique] // Wikisource : la bibliothèque libre. Les données électroniques. URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Contes_du_jour_et_de_la_nuit/La_Main (la date de l'accès: 14.05.2011).

¹³⁸ Мопассан Г. де. Письмо утопленника / М.В. // Сибирская жизнь. 1903. № 248 (14 ноября). С. 2. Далее страницы указываются в тексте.

Г. де Мопассана и являлась одним из средств проникновения в мир человеческой психики. Форма исповеди, выбранная писателем для этой новеллы, придает ей оттенок особой искренности. Финал новеллы трагичен – труп молодого человека, в кармане которого лежало это письмо, находят в реке.

Томский перевод новеллы представляет собой образец достаточно точного перевода, вместе с тем наблюдаются и некоторые отступления от текста оригинала. Во-первых, это подзаголовок новеллы, содержащий указание на то, что она представляет собой «посмертный рассказ Гюи де Мопассана». Однако, возможно, он был добавлен не переводчицей, а редакцией «Сибирской жизни» с целью привлечения внимания читательской аудитории. Во-вторых, «М.В.» не всегда сохраняет синтаксический строй оригинала, как, например, во фрагменте, в котором герой рассуждает о неведомом ему чувстве любви:

Maupassant

*Vous ne pouvez croire qu'un homme n'ait été frappé par l'amour? Eh bien, non, je n'ai jamais aimé, jamais! D'où vient cela? Je n'en sais rien. Jamais je ne me suis trouvé dans cette espèce d'ivresse du cœur qu'on nomme l'amour! Jamais je n'ai vécu dans ce rêve, dans cette exaltation, dans cette folie où nous jette l'image d'une femme. Je n'ai jamais été poursuivi, hanté, enfiévré, emparadisé par l'attente ou la possession d'un être devenu tout à coup pour moi plus désirable que tous les bonheurs, plus beau que toutes les créatures, plus important que tous les univers!*¹³⁹.

Пер. М.В.

Вам плохо верится, чтобы человек ни разу не испытывал чувства любви. А между тем, это так, я никогда не любил, никогда. Отчего? Не знаю. Никогда я не испытывал того дурмана, который зовется любовью. Никогда я не переживал этого состояния мечтательности, экзальтации, безумия, в которое нас повергает образ любимой женщины. Никогда не владело мной, захватив всего нераздельно, туманя мозг, разгорячая воображение, и наполняя душу неземным блаженством, предвкушение обладания существом, ставшим вдруг дороже всего в мире, прекраснее и важнее всей вселенной. (С. 2).

Если на лексическом уровне степень экспрессивности оригинала сохранена в полной мере благодаря верному подбору слов (экзальтация, безумие, дурман, блаженство и т.д.), описывающих состояние героя, то на

¹³⁹ Maupassant G. de. Lettre trouvée sur un noyé [La ressource électronique] // Wikisource : la bibliothèque libre. Les données électroniques. URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Lettre_trouv%C3%A9_sur_un_noy%C3%A9 (la date de l'accès: 14.05.2011).

синтаксическом уровне она в значительной степени снижена, т.к. переводчик пренебрегает восклицательными знаками, а из двух вопросительных сохраняет только один.

Очерк Г. де Мопассана «В облаках» («Sur les nuages») был переведен сразу двумя томскими переводчиками. Первый перевод под названием «На воздушном шаре» был сделан П.Л. Черневичем и опубликован на страницах «Сибирского вестника» в 1893 г.¹⁴⁰ Второй перевод, озаглавленный автором, который скрыл свои имя за псевдонимом «А. Сак», – «На баллоне», – появился в «Сибирской жизни» спустя одиннадцать лет¹⁴¹.

В 1887 г. Г. де Мопассан, не удовлетворившись шумом, производимым его книгами, решает удивить публику, поднявшись на воздушном шаре, названном им «Орля» («Hurla»). 8 июля 1887 г. состоялся первый полет писателя, который получил широкое освещение во французской прессе. Стремясь извлечь из этого вызванного любопытством успеха максимум возможного, 16 июля 1887 г. Г. де Мопассан публикует описание своего подвига в газете «Le Figaro» под заглавием «От Парижа до Гейста» («De Paris à Heyst»). Год спустя, 25 июля 1888 г., в журнале «La Lecture» он печатает сокращенный вариант очерка под названием «В облаках».

Очерк во всех красках передает впечатление автора от пребывания в воздухе, о том, как с высоты все на земле выглядит мелким и незначительным. Только в красоте природы находит Г. де Мопассан ту гармонию и совершенство, которую человек тщетно ищет в мире.

Перевод П.Л. Черневича был опубликован через неделю после смерти Г. де Мопассана, поэтому в предисловии к нему переводчик упомянул о недавней кончине писателя от «наследственного помешательства», а также отметил, что перевод очерка «Sur les nuages» до сих пор не был нигде

¹⁴⁰ Мопассан Г. де. На воздушном шаре / П.Л. Черневич // Сибирский вестник. 1893. № 85 (25 июля). С. 2–3. Далее страницы указываются в тексте.

¹⁴¹ Мопассан Г. де. На баллоне / А. Сак // Сибирская жизнь. 1904. № 206 (22 сентября). С. 2. Далее страницы указываются в тексте.

напечатан. Интересно, что одиннадцать лет спустя «А. Сак», сославшись на французскую газету «Le Figaro», также сообщил читателям, что представляет им еще нигде не опубликованный очерк Г. де Мопассана.

Сравнение этих переводов позволяет говорить о том, что, сохраняя в целом структуру повествования и общий художественно-образный строй оригинала, каждый из томских переводчиков, тем не менее, демонстрирует и свой стиль. В качестве примера приведем отрывок, в котором Г. де Мопассан лирично и с утонченным изяществом описывает полет сквозь облака:

Maupassant	Пер. Черневича	Пер. А. Сак
Nous pénétrons dans les nuages. C'est, d'abord, un voile qui nous enveloppe, léger et transparent. Il s'épaissit, devient gris, opaque, se resserre sur nous, nous emprisonne, nous enferme, nous étreint. Puis, bientôt, cette muraille de brouillard humide et sombre s'éclaircit, blanchit, s'éclaire. Nous glissons à présent à travers une ouate vaporeuse, à travers une fumée de lait, à travers une buée d'argent ¹⁴² .	Мы проникаем в облака. Легкая, прозрачная завеса окутывает нас. Она сгущается, становится серою, непрозрачною, сжимает и охватывает, запирает и сдавливает нас. Затем, вскоре эта стена влажного и мрачного тумана светлеет, белеет, освещается. Мы летим теперь через легкую ткань из паров; через молочную дымку или раствор серебра. (С. 3).	Мы пронизываем облака. Сначала нас будто окутывает тонкий, прозрачный занавес, который, понемногу утолщаясь, делается даже серым, темнеет, еще более усиливается, словно мы падаем в темницу сжимающую нас. Затем, скоро эту туманную стену, сырую и темную, понемногу освещает солнце, появляются отблески света – она постепенно яснее, и делается совершенно светло. Мы катимся теперь точно в молочной дымке, слегка серебрящейся дымке. (С. 2).

Оба переводчика воссоздают все основные образные элементы текста оригинала и их последовательность, в частности, сохраняют принцип вариативного семантического повтора, нагнетающего впечатление. Вместе с тем, они пользуются разными средствами, чтобы передать читателю всю полноту чувств, описанных в оригинале. «А. Сак» прибегает к сравнениям (будто, словно, точно) и распространению образов оригинала (словно мы попадаем в темницу). Перевод П.Л. Черневича более лаконичен, его синтаксический строй более упорядочен и в этом он точнее воспроизводит индивидуально-авторский стиль Г. де Мопассана. То же самое можно сказать

¹⁴² Maupassant G. de. Sur le nuages [La ressource électronique] // Maupassant par les textes. Les données électroniques. URL: <http://maupassant.free.fr/chroniq/nuages.html> (la date de l'accès: 14.05.2011).

и о передаче отдельных образов (легкая ткань из паров, раствор серебра), придающих описанию определенную степень поэтичности.

В 1902 г. еще одна новелла Г. де Мопассана «Плетельщица стульев» («La rempailleuse») под заголовком «Любовь»¹⁴³ была перепечатана «Сибирским вестником» из газеты «Киевское слово». Сравнительно-сопоставительный анализ оригинала и русского перевода в данном случае не имеет принципиального значения, поскольку перевод был сделан не томским автором.

Таким образом, на страницах томской периодики конца XIX – начала XX в. появляется цикл из тринадцати новелл Г. де Мопассана, различных по тематике и проблематике. В местных газетах публикуются мистические новеллы («Страх», «Рука», «Ободранная рука»), новеллы, посвященные теме франко-прусской войны («Мадмуазель Фифи», «Взгляды полковника»), новеллы о любви («Любовь», «Письмо утопленника») и о незаконнорожденных детях («Отцеубийца», «Воспитанник»), даже документальные очерки («На воздушном шаре», «На баллоне»).

Представленный цикл новелл характеризуется богатством изображенных социальных типов и человеческих характеров. Собранные вместе, они дали томским читателям исчерпывающее представление об основных особенностях новеллистики Г. де Мопассана, изображающей все социальные сферы французского общества в самых разных аспектах: с едкой сатирой и неподражаемым лиризмом, юмором и глубоким философским анализом.

Томские переводы новелл Г. де Мопассана обнаруживают реализацию разных переводческих стратегий. Так, переводы А.О. Станиславского («Роза», «Отцеубийца», «Страх», «Ободранная рука», «Воспитанник», «Взгляды полковника»), в целом характеризующиеся адекватностью, демонстрируют также осуществление стратегии лингвокультурной адаптации для местного читателя. Подходы переводчицы «М.Ш.» варьируются в зависимости от

---

¹⁴³ Мопассан Ги де. Любовь // Сибирская жизнь. 1903. № 226 (19 октября). С. 2.

выбранной новеллы: наряду с общим стремлением к точной передаче оригинала, в двух из трех ее переводов («Мадмуазель Фифи», «Нищий», «Страх»), тем не менее, наблюдаются тенденции к трансформации нравственно-эстетического канона произведения. Разделенные десятью годами переводы очерка Г. де Мопассана «В облаках», выполненные П.Л. Черневичем и «А. Сак», обнаруживают две индивидуальные стратегии воссоздания оригинала при сохранении его инварианта.

2.2. Новеллистика А. Доде в томских переводах

А. Доде известен, прежде всего, как создатель литературного образа провансальского героя, фантазера и хвастуна Тартарена из Тараскона из одноименного романа-трилогии. Ее первая часть «Необычайные приключения Тартарена из Тараскона» («Aventures prodigieuses de Tartarin de Tarascon», 1872) принесла А. Доде всемирную славу, которая, несомненно, затмила вышедшие вслед за ним сборники новелл писателя «Рассказы по понедельникам» («Contes du lundi», 1873) и «Жены артистов» («Les Femmes d'artistes», 1874).

Оба сборника были составлены из новелл, написанных А. Доде в один из самых тяжелых периодов его жизни. В 1872 г. провал пьесы «Арлезианка» («L'Arlésienne», 1872) настолько обескуражил писателя, что он собирался бросить литературу и поступить на службу. Кроме того, кредиторы отца начали осаждать братьев Доде. Лишь под влиянием жены писатель соглашается опять приняться за работу. На два года молодая семья уезжает в Шанрозе, где А. Доде пишет новеллы для периодических изданий. Большая часть из них составила сборник «Рассказы по понедельникам», остальные вошли в сборник «Жены артистов».

В томской периодике новеллистика А. Доде оказалась на редкость востребованной. А. Доде стал вторым по популярности автором после Г. де Мопассана. Всего на страницах томских газет вышел перевод девяти новелл А. Доде. В период с 1890 г. по 1894 г. в «Сибирском вестнике»

публикуются пять новелл из сборника А. Доде «Рассказы по понедельникам»: «Партия на биллиарде», «Знаменосец», «Пирожки», «Плохой зуав», «Прусак Велизария». Переводчиком всех пяти произведений был А.О. Станиславский.

«Сибирская жизнь» также обращается к рассказам из этого сборника А. Доде: в 1897 г. на страницах газеты появляется анонимный перевод «Партии на биллиарде», а в 1905 г. перепечатка новеллы «Смерть Шовена».

Основную часть сборника «Рассказы по понедельникам» составили новеллы, посвященные франко-прусской войне, которая застала А. Доде в деревне Шанрозе, близ Парижа, где он жил в доме у своего тестя Жюля Аллара. В день объявления войны, 16 июля 1870 г., писатель, прыгая с лодки, сломал себе ногу. Прикованный к постели, он особенно тяжело переживал поражение французской армии. В эти дни А. Доде писал своему кузену и другу Тимолеону Амбруа: «Если бы я был здоров, то в такой момент, как сейчас, я уж непременно где-нибудь сложил бы голову или готов был бы это сделать. Какой-то совсем новый инстинкт толкает меня, инстинкт патриотизма»¹⁴⁴.

Вернувшись в Париж, А. Доде, несмотря на крайнюю близорукость и поврежденную ногу, записывается в Национальную гвардию. 96 батальон, в шестой роте которого служит писатель, принимает участие в битве при Шампиньи (2–3 декабря 1870 г.). Результатом пережитых писателем ужасов войны и становятся «Рассказы по понедельникам», в которых он обличает бездарных военачальников, ответственных за поражение Франции, и прославляет истинно патриотические чувства и беспредельное мужество простого народа. Таким образом, он предвосхищает тематику военных новелл Г. де Мопассана.

Новелла «Партия на биллиарде» («La Partie de billard») вызывает интерес сразу у двух томских газет, возможно потому, что, являясь первой в цикле, она задает тон всему сборнику, намечает его главные темы и мотивы. В новелле изображен маршал, самозабвенно играющий в биллиард, в то время как его

---

¹⁴⁴ Доде А. Собр. соч. : в 7 т. М., 1965. Т. 1. С. 535.

солдаты дрожат от холода под дождем, ожидая приказа о наступлении. Прусские войска открывают огонь, гибнут люди, а маршал спокойно доигрывает партию.

Новелла построена на принципе контраста, характерном для авторского стиля А. Доде. Обессиленная, изнуренная толпа солдат, ждущая нападения неприятеля, противопоставлена величавому покою замка, где все сверкает и где жизнь идет своим чередом. В финале сохраняется та же двухплановость: нарастающая напряженность действия разрешается в удачном ударе главнокомандующего по бильярдному шару, а оставленные без командования войска спасаются бегством. Почти фарсовая развязка одной сюжетной линии оборачивается трагедией в другой. По существу данная новелла описывает поражение всей французской армии, преданной военным начальством.

Впервые томские читатели знакомятся с «Партией на бильярде» в переводе А.О. Станиславского, появившимся на страницах «Сибирского вестника» в сентябре 1890 г.¹⁴⁵. «Сибирская жизнь» публикует анонимный перевод этой новеллы в декабре 1897 г.¹⁴⁶.

При сравнении двух томских вариантов новеллы становится очевидно, что перевод А.О. Станиславского отличается более бережным отношением к тексту оригинала. Несмотря на русификацию иностранных реалий (замок, построенный в стиле Людовика XIII («beau château Louis XIII»), в котором размещается штаб главнокомандующего, он называет то «княжеской резиденцией», то «барским жилищем»), ему удается сохранить синтаксическую организацию французского текста. Лаконичные, но емкие предложения, придающие выразительность и живость оригиналу, являются отличительной чертой как оригинала, так и перевода А.О. Станиславского.

В то же время самым ярким недостатком перевода «Сибирской жизни» является нарушение абзацного деления и излишнее распространение предложений, что приводит к нарушению динамизма нарратива,

---

¹⁴⁵ Доде А. Партия на бильярде / А.О. Станиславский // Сибирский вестник. 1890. № 105 (11 сентября). С. 2. Далее страницы указываются в тексте.

¹⁴⁶ Доде А. Партия на бильярде // Сибирская жизнь. 1897. № 278 (28 декабря). С. 2. Далее страницы указываются в тексте.

свойственного стилю А. Доде. Если оригинал включает двадцать шесть красных строк, то в анонимном переводе их всего шесть. Нарушение авторского стиля в переводе возникает также из-за объединения предложений, как это демонстрирует следующий пример:

Daudet Pendant ce temps, le vacarme redouble. Aux secousses du canon se mêlent les déchirements des mitrailleuses, les roulements des feux de peloton. Une buée rouge, noire sur les bords, monte au bout des pelouses. Tout le fond du parc est embrasé. Les paons, les faisans effarés clament dans la volière; les chevaux arabes, sentant la poudre, se cabrent au fond des écuries¹⁴⁷.	Пер. Станиславского Шум увеличивается. К пушечному грому присоединилась трескотня митральез и переливы батальонного огня. Красноватые облака дыма с черной каймой поднимаются над парком; в глубине его начался уже бой. Павлины и фазаны, перепуганные, кричат в птичнике, в конюшнях арабские лошади почуяли уже пороховой дым, ржут и встают на дыбы. (С. 2).	Пер. «Сибирской жизни» В это время шум увеличивается: к сотрясениям, происходящим от пушечных выстрелов, примешивается рев митральез, раскаты выстрелов ружейных. Красный туман, края которого черны, окутывает лужайки; вся глубь парка горит; павлины и фазаны неистово орут в птичьей домике, арабские лошади, чувствуя порох, подымаются на дыбы... (С. 2).

Кроме того, перевод «Сибирской жизни» в некоторой степени страдает буквализмом, подтверждением чему являются встречающиеся в нем очевидные следы калькирования текста оригинала:

Daudet De l'autre côté, du côté intime de la maison, les charmillles font des trouées lumineuses, la pièce d'eau où nagent des cygnes s'étale comme un miroir.	Подстрочник С внутренней стороны дома, из беседок открывается вид на пруд, где, как в зеркале, плавают лебеди.	Пер. «Сибирской жизни» С интимной стороны жилища, здесь и зеркальный прудок, на воде которого плавают лебеди. (С. 2).

Несмотря на наличие неточностей в томских переводах, они оба транслируют основную идею новеллы А. Доде, обличающей эгоизм и равнодушие к судьбе родины аристократической верхушки французской армии.

В октябре 1890 г. «Сибирский вестник» помещает перевод новеллы «Знаменосец» («Le Porte-drapeau»)¹⁴⁸. В центре внимания писателя одно из

¹⁴⁷ Daudet A. La Partie de billard [La ressource électronique] // Wikisource : la bibliothèque libre. Les données électroniques. URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Les_Contes_du_lundi/La_Partie_de_billard (la date de l'accès: 23.07.2012). Далее текст цитируется по этому источнику.

¹⁴⁸ Доде А. Знаменосец / А.О. Станиславский // Сибирский вестник. 1890. № 119 (17 октября). С. 2–3. Далее страницы указываются в тексте.

самых крупных сражений франко-прусской войны – битва при Гравелоте 18 августа 1870 г. Знамя полка падало двадцать два раза, и сразу же его подхватывал очередной знаменосец. Двадцать третьим знаменосцем того сражения становится сержант Орню, старый солдат, прослуживший во французской армии двадцать лет и едва умевший подписать свою фамилию.

Изображая различные эпизоды франко-прусской войны, А. Доде рисует и различные типы ее участников. В отличие от бездарного маршала, увлеченного партией на биллиарде и забывшего свой долг перед родиной, героем новеллы «Знаменосец» становится малограмотный солдат, который проявляет себя истинным патриотом. В день битвы нет человека счастливее сержанта Орню, гордо держащего лохмотья, оставшиеся от знамени:

Daudet

Ce fut le seul orgueil de cette vie d'humilité. Du coup la taille du vieux troupière se redressa. Ce pauvre être habitué à marcher courbé, les yeux à terre, eut désormais une figure fière, le regard toujours levé pour voir flotter ce *lambeau d'étoffe* et le maintenir bien droit, bien haut, au-dessus de la mort, de la trahison, de la déroute¹⁴⁹.

Пер. Станиславского

Это была единственная честь и гордость, выпавшая на долю скромной жизни этого человека. Вся фигура старого солдата выпрямилась. Бедняга привык же ходить сторбленный, с опущенными к земле глазами, – теперь он держался прямо, глаза всегда глядели вверх, чтобы видеть, как развеваются эти *клочья* материи, чтобы их держать прямо, высоко – выше смерти, выше измены и поражения (С. 2).

В образе сержанта Орню А. Доде воплощает прекрасные качества простого народа, которому чужды показная храбрость, мелочность и тщеславие титулованных главнокомандующих. Как показывает приведенный отрывок перевода А.О. Станиславского, переводчик стремится адекватно передать и героический пафос новеллы, и все детали образа сержанта. Единственным упущением здесь можно считать слово «клочья», по своей стилистической окраске несколько нарушающее общий тон повествования.

Даже когда лучшие войска, деморализованные бездействием и недостатком продовольствия, решают сдаться неприятелю, Орню не теряет веры в победу. Однако приказ маршала сдать оружие и знамена неприятелю рассеивает все его мечты. Увидев, как прусские офицеры безучастно кидают

¹⁴⁹ Daudet A. Le Porte-drapeau [La ressource électronique] // Wikisource : la bibliothèque libre. Les données électroniques. URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Les_Contes_du_lundi/Le_Porte-drapeau (la date de l'accès: 23.07.2012).

знамена французской армии на грязную мостовую, Орню бросается к ним в надежде спасти знамя своего полка, но погибает, сраженный пулей.

В ноябре 1890 г. на страницах «Сибирского вестника» появляется новелла А. Доде «Пирожки» («Les Petits Pâtés»)¹⁵⁰. Действие новеллы происходит в Париже, в мае 1871 г., сразу после подписания мирного договора с Пруссией. Пирожник Сюро отправляет своего помощника отнести пирожки господину Бонникару, семья которого привыкла каждое воскресенье ровно в полдень лакомиться свежими пирожками.

В этот день в Париж входят версальские войска, выступающие на стороне главы французского правительства Адольфа Тьера против участников Парижской коммуны (революционного органа самоуправления, образованного в столице Французской республики в марте 1871 г.). На улицах города царит необычайное оживление, коммунары тащат пушки и воздвигают баррикады, на каждом шагу встречаются группы возбужденных вооруженных людей, и мальчик-посыльный оказывается увлеченным бешеным движением толпы. Господин Бонникар, разъяренный отсутствием пирожков, отправляется к Сюро, но по дороге его, как и массу других людей, оказавшихся в это время на улице, арестовывают войска А. Тьера и отправляют под конвоем в Версаль, где заточают во дворе Оранжереи. Здесь господин Бонникар встречает и мальчика-посыльного, который, как ни в чем не бывало, протягивает ему коробку с пирожками, спрятанную под его передником. В финале писатель иронично замечает, что, несмотря на государственный переворот и арест, традиция героя лакомиться выпечкой каждое воскресенье не нарушается.

В этой новелле А. Доде насмехается над буржуа, превыше всего ставящего потребности плоти и удовольствия, от которых он не может отказаться даже в самые переломные моменты истории. Неудержимая страсть всегда получать то, что ему хочется, лишает героя здравого смысла, в результате чего его жизнь подвергается опасности.

---

¹⁵⁰ Доде А. Пирожки / А.О. Станиславский // Сибирский вестник. 1890. № 128 (7 ноября). С. 2–3. Далее страницы указываются в тексте.

Томскому читателю новелла «Пирожки» была представлена в переводе А.О. Станиславского, которому в полной мере удалось передать основной художественный прием, лежащий в основе текста оригинала, а именно иронию, с которой А. Доде описывает злоключения несчастного господина Бонникара:

Daudet	Пер. Станиславского
M. Bonnicar protestait de plus en plus, levait sa canne, racontait son histoire pour la centième fois. Par malheur cette invention de petits pâtés paraissait si absurde, si incroyable au milieu de ce grand bouleversement, que les officiers ne faisaient qu'en rire¹⁵¹.	Г. Б. протестовал, божился, поднимал к небу свою трость и в сотый раз рассказывал приключение с пирожками. К несчастью, среди совершившегося крупного переворота, вся эта история показалась такой нелепой, смешной выдумкой, что офицеры только улыбались, слушая ее. (С. 3).

В отличие двух вышеописанных произведений А. Доде, новелла «Плохой зуав» («Le Mauvais Zouave») подвергается значительной лингвокультурной адаптации. В «Сибирском вестнике» за 1891 г. она появляется под названием «Плохой солдат»¹⁵². Чтобы не вводить томских читателей в недоумение, А.О. Станиславский заменяет французское понятие «зуав» (обозначающее военнослужащего легкой пехоты во французских колониальных войсках) подходящим функциональным эквивалентом «солдат». Новелла повествует о кузнеце Жорже Лори, который после возмутившей его встречи с молодыми солдатами-дезертирами объявляет жене, что за подобный поступок убил бы собственного сына. Когда же его старший сын бежит с фронта, кузнец, вняв уговорам жены, оставляет ему жизнь, но уходит на службу вместо плохого солдата.

В этой новелле А. Доде вновь возвращается к теме патриотизма простого народа, прославляя кузнеца, который, не простив сыну его слабовольного дезертирства, уходит защищать родину вместо него. А.О. Станиславский верно передает содержание новеллы, однако, адаптируя текст, прибегает к русификации французских реалий. Так, «мать» (mère)

¹⁵¹ Daudet A. Les Petits Pâtés [La ressource électronique] // Wikisource : la bibliothèque libre. Les données électroniques. URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Les_Contes_du_lundi/Les_Petits_P%C3%A2t%C3%A9s (la date de l'accès: 23.07.2013).

¹⁵² Доде А. Плохой солдат / А.О. Станиславский // Сибирский вестник. 1891. № 106 (14 сентября). С. 3.

переводчик на русский манер называет «матушкой», «отца» (père) – «батюшкой», а «женщин» (femmes) – «бабами». Подобные вкрапления в текст, повествующий о службе зуавов в Алжире, кажутся неуместными и даже нелепыми. Тем не менее, перевод А.О. Станиславского, также как и французский оригинал, транслирует мысль о том, что именно тихие и незаметные люди, которые испытывают чувство долга перед родиной, способны совершать по-настоящему храбрые и мужественные поступки.

Еще одна новелла А. Доде «Прусак Велизария» («Le Prussien de Bélisaire»), опубликованная в «Сибирском вестнике» в апреле 1894 г., в переводе А.О. Станиславского получает более обобщенное название «Рассказ Велизария»¹⁵³. Несмотря на то, что русский перевод заголовка не совпадает с оригиналом, он представляется более благозвучным и полностью отражает содержание новеллы. По композиции данная новелла представляет собой «рассказ в рассказе». Автор предлагает читателям познакомиться с услышанной им в кабачке историей столяра Велизария. Событие, описанное в ней, относится ко времени отступления прусских войск с территории Франции. Деревенский житель Велизарий, на время осады переселившийся с семьей в Париж, решает осмотреть свой прежний дом и отправляется в пригород вместе с сыном. По дороге в свою деревню он видит разоренные сады, разграбленные и разрушенные дома, и едва сдерживает себя, чтобы не наброситься на встречающихся ему по пути пруссаков. Придя к себе в дом, он находит там прусского солдата. Накопившаяся за время путешествия злоба выплескивается наружу и Велизарий убивает его, а затем скрывается вместе с сыном. Ночью герой тайно возвращается назад, чтобы скрыть улики своего преступления, иначе все еще занимавшие деревню прусские солдаты обвинят в убийстве его товарища, единственного жившего в деревне француза – рыболова Жако. Итак, Велизарий, рискуя жизнью, возвращается за телом убитого пруссака и кидает его в Сену.

---

¹⁵³ Доде А. Рассказ Велизария / А.О. Станиславский // Сибирский вестник. 1894. № 43 (13 апреля). С. 2. Далее страницы указываются в тексте.

Перевод А.О. Станиславского не только адекватно отражает содержание новеллы (перед читателем возникает образ патриота, возмущенного тем, что враги разоряют его родной дом), но также передает эмоциональность и образность простой речи рассказчика. Перевод следующего отрывка подтверждает изобретательность томского переводчика в поисках подходящих эквивалентов разговорных выражений, встречающихся в оригинале:

Daudet

Finale­ment, quand je me crois assez avant, je lâche mon *bonhomme*... Va te promener, le voilà qui s'envase. Plus moyen de le faire bouger. Je pousse, je pousse... *hue donc!*... Par bonheur, il arrive un coup de vent d'est. La Seine se soulève, et je sens *le macchabée qui démarre tout doucement*. Bon voyage!¹⁵⁴.

Пер. Станиславского

Наконец, когда мне показалось, что я уже отошел довольно далеко от берега, бросаю моего *солдатика*... Ступай, – но он завяз в тине. Никак не сдвинуть его с места. Пихаю, толкаю... *ничего не могу поделать*... К счастью подул западный ветер и погнал воду к берегу, я почувствовал, что мой пруссак *снялся с якоря и тихонько отчаливает*... Счастливого пути. (С. 2).

В 1905 г., спустя восемь лет после смерти А. Доде, «Сибирская жизнь» обращается к сборнику писателя «Жены артистов», публикуя перевод двух новелл: «Семья певцов» и «Недоразумение». В отличие от «Рассказов по понедельникам» этот сборник был посвящен проблемам семьи, брака, любви и творчества, а также теме бытийного одиночества художника. А. Доде был на редкость счастливым в браке, поскольку нашел в своей жене Юлии (урожденной Аллар) не только друга, способного понять и разделить его стремления, но и тонкого ценителя и первого редактора всех своих сочинений. Но, по закону контраста, он обращается к тому, что наблюдал в дни своей молодости в среде парижской богемы.

Сборник имеет вполне определенную структуру, которая позволяет читателю познакомиться с нравами французского общества конца XIX в. Автор начинает повествование с пролога, в котором поднимает вопросы, проходящие через весь цикл. Во многом этому способствует избранная А. Доде форма диалога между двумя героями (художником и поэтом), которые

¹⁵⁴ Daudet A. Le Prussien de Bélisaire [La ressource électronique] // Wikisource : la bibliothèque libre. Les données électroniques. URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Les_Contes_du_lundi/Le_Prussien_de_B%C3%A9lisaire (la date de l'accès: 23.07.2013).

придерживаются противоположных точек зрения в вопросах брака и любви. Позиция художника заключается в полном отрицании брака в артистической среде. Согласно его концепции супружеская жизнь может привести лишь к полной утрате таланта или его измельчанию. Поэт отстаивает противоположную точку зрения.

Все мотивы и темы, присутствующие в прологе цикла, получают свое развитие в дальнейшем повествовании. Его кульминационным моментом, по-видимому, служит новелла «Недоразумение» («Un Malentendu»), в которой представлен мужской и женский взгляд на вопрос о взаимоотношениях в браке. Перевод этой новеллы появляется на страницах «Сибирской жизни» за 1905 г. под названием «Роковая ошибка»¹⁵⁵. Переводчик, скрывший свое имя за псевдонимом «А.Р. Сак», усиливает драматическое звучание заголовка в надежде увлечь читателя захватывающей историей.

Новелла рассказывает историю поэта, взявшего в жены женщину, которая при знакомстве показалась ему интересной и начитанной. Однако вскоре после свадьбы ему открылась истинная сущность его жены, думающей только о материальных делах и совершенно не читающей книг. Герой находится в постоянном унынии, друзья отворачиваются от него, а пребывание в обществе знакомых жены и вовсе разочаровывает его и вызывает отвращение. Жена изо всех сил пытается добиться прибыльной должности для своего мужа, а тот лишь углубляется в свою работу, отдаляясь от общества и погружаясь в одиночество.

Важно отметить, что оригинальный текст новеллы имеет двухчастную структуру, включая в себя «Версию жены» («Version de la femme») и «Версию мужа» («Version du mari»), тесно переплетенных друг с другом. В этих признаниях герои объясняют причины своего несчастья в браке. «А.Р. Сак» переводит только мужской вариант истории. Возможно, причиной подобного переводческого решения был крайне ограниченный объем рубрики

---

¹⁵⁵ Доде А. Роковая ошибка / А.Р. Сак // Сибирская жизнь. 1905. № 9 (13 января). С. 3. Далее страницы указываются в тексте.

«Маленький фельетон», в которой публиковался перевод новеллы. Более обоснованным, однако, представляется неспособность и неготовность переводчика принять диалектичную и диалогичную позицию автора. Он ограничился передачей мужской точки зрения на события, которая, по его мнению, выглядела более лаконичной и понятной. Возможно, переводчик считал доводы мужа более объективными, принципиально не принимая женской позиции.

На страницах «Сибирской жизни» оригинальный текст новеллы не только теряет свою целостность, но и сам замысел А. Доде подвергается значительному изменению, из-за чего новелла приобретает специфику бытописательного повествования. Особенно ярко это проявляется в сравнении с первым русским переводом новеллы, сделанным демократом А.Н. Плещеевым в 1886 г.¹⁵⁶.

«А.Р. Сак» примерно на четверть сокращает оригинальную «Версию мужа», исключая большую часть описаний внутреннего мира и переживаний героя. Так, в томский перевод не был включен следующий отрывок текста, объясняющий, насколько герою было важно найти жену, которая будет разделять его увлечение поэзией:

Daudet	Пер. Плещеева
Je craignais aussi la famille, ce terrible enlacement d'affections bourgeoises, accapareuses, qui vous emprisonnent, vous rapetissent, vous étouffent ¹⁵⁷ .	Я боялся также семьи, этих ужасных буржуазных нежностей и объятий, которые душат вас, лишают простора, не дают вам свободно дышать, суживают ваше существование. (С. 61).

В некоторых случаях томский переводчик высказывает мысли, прямо противоположные авторской идее, трансформируя таким образом нравственно-эстетический пафос новеллы:

¹⁵⁶ Доде А. Недоразумение / А.Н. Плещеев // Жены артистов : очерки нравов. СПб., 1886. С. 61–68. Далее страницы указываются в тексте.

¹⁵⁷ Daudet A. Un Malentendu [La ressource électronique] // Textes libres. Les données électroniques. URL: http://textes.libres.free.fr/francais/alphonse-daudet_les-femmes-d-artistes.htm#6 (la date de l'accès: 23.07.2014).

Daudet	Пер. Плещеева	Пер. А.Р. Сак
Je me disais: « <i>Elle me devra tout</i> ». Quelle joie de former cet esprit naïf aux belles choses, d'initier cette âme pure à mes enthousiasmes, à mes espérances, de donner la vie à cette statue!	Я говорил себе: « <i>Она будет мне всем обязана</i> ». Как отрадно будет развить этот наивный ум, посвятить эту чистую душу в свои восторги, в свои надежды, сделать её способной к восприятию всего прекрасного, вдохнуть жизнь в эту статую! (С. 62).	Я говорил себе: « <i>Она будет для меня всем</i> . Какая радость иметь около себя существо с чистою детскою душою. Она будет моею музою, она вдохнет в меня новый энтузиазм!». (С. 3).

А. Доде пытается показать всю безысходность положения творческой натуры героя, который теряет вкус к поэзии из-за постоянных разногласий с женой, что томский переводчик вновь интерпретирует по-своему:

Daudet	Пер. Плещеева	Пер. А.Р. Сак
A mesure qu'elle m'envahissait de ces détails bêtes, <i>je sentais s'en aller de moi le goût et le désir du travail</i> .	По мере того, как она приставала ко мне с разными глупыми мелочами, я чувствовал, что охота к труду у меня пропадает. (С. 67).	По мере того, как жена приставала ко мне со своими глупыми требованиями, я все больше и больше углублялся в работу, в которой находил свой отдых. (С. 3).

Новелла А. Доде «Семья певцов» («Un Ménage de chanteurs») появляется в «Сибирской жизни» в переводе этого же «А. Сак» под заголовком «Брачная жизнь артистов»¹⁵⁸. В центре новеллы семья оперных певцов, которые нашли друг друга на сцене. Весь Париж говорит о них как о самой талантливой и многообещающей паре. Однако вскоре все меняется, молодая жена из ученицы своего супруга превращается в зрелую певицу, и муж начинает испытывать слепую зависть и обиду к ее успеху. Все чаще в его голосе начинают звучать грубые, язвительные нотки, однажды, читая одну из рецензий на ее выступление, он обвиняет жену в адюльтере. В финале новеллы супруг на глазах у публики освистывает жену во время исполнения дуэта, в результате чего любимица зрителей убегает со сцены в слезах. При переводе новеллы «А. Сак» вновь прибегает к трансформации нравственно-эстетического канона оригинала, выпуская все лирические отступления

¹⁵⁸ Доде А. Брачная жизнь артистов / А. Сак // Сибирская жизнь. 1905. № 3 (5 января). С. 3.

автора, позволяющие глубже понять чувства героев, и тем самым лишая свой перевод выразительности и глубины изображения, присущей подлиннику.

Последней новеллой А. Доде, опубликованной в томской периодике, становится «Смерть Шовена» («La Mort de Chauvin»)¹⁵⁹ из сборника «Рассказы по понедельникам». Перепечатанная из газеты «Харьковский листок», она не представляет интереса в плане сравнительно-сопоставительного анализа с оригиналом, однако сам факт ее публикации подтверждает интерес томичей к творчеству А. Доде даже после его смерти.

Появление новелл А. Доде на страницах томской периодики позволяет проследить общую редакционную политику в отборе произведений для публикации. Так, редакция «Сибирского вестника» представляет новеллы о франко-прусской войне. Популярность этой тематики, думается, связана с геокультурной ситуацией на международной арене 1890-х–1910-х гг., периодом активного сближения между Россией и Францией в рамках военного союза. В то же время «Сибирская жизнь» представляет на своих страницах новеллы семейно-бытовой тематики, привлекательные для массового читателя занимательностью своего сюжета.

Резюмируя проведенный анализ переводов новелл А. Доде, можно говорить о том, что свое адекватное воплощение они получили в переводах, выполненных А.О. Станиславским, демонстрирующих достаточно высокую переводческую культуру. В частности, она проявилась в сохранении основных компонентов индивидуально-авторского стиля, благодаря чему томский читатель мог почувствовать всю самобытность французского писателя.

Переводы «А. Сак» значительно уступали по своему уровню переводам А.О. Станиславского, т.к. сопровождалась произвольными трансформациями (от значительных сокращений текста до изменений в нравственно-эстетическом пафосе произведения), нарушающими авторский замысел, а потому не могли являться равноценной заменой оригинала.

---

¹⁵⁹ Доде А. Смерть Шовена // Сибирская жизнь. 1905. № 220 (2 ноября). С. 2.

2.3. Переводческая интерпретация рассказов А. Франса

Начало знакомства русских читателей с переводами произведений А. Франса относится к 1880-м гг. В 1883 г., всего через год после публикации во Франции, выходит перевод одного из ранних романов писателя «Желания Жана Сервьена» («Les Désirs de Jean Servien», 1882), в 1891 г. появляется повесть «Таис» («Thaïs», 1890), в 1897 г. переводится «Красная лилия» («Le Lys rouge», 1894). Таким образом, русскую рецепцию творчества А. Франса можно назвать вполне оперативной. А. Франс входит в духовную жизнь столичной русской интеллигенции как тонкий скептик, проповедник гуманизма и ценитель прекрасного, превыше всего ставящий человеческий разум.

В первое десятилетие XX в. особую популярность в России приобретают новеллы А. Франса и его автобиографические романы, перевод которых появляется на страницах популярных толстых журналов. В это же время переводы из А. Франса начинают публиковаться на страницах томских газет. Хронологическое отставание провинциальной рецепции от столичной составляет не более четырех лет.

В 1903–1904 г. в местных газетах выходят восемь небольших рассказов А. Франса, посвященных его детским воспоминаниям. Можно выделить несколько причин появления этих произведений в томской периодике. Во-первых, это все возрастающая популярность писателя в Центральной России. Во-вторых, мемуары всегда представляют собой богатый материал для публикаций, неизменно вызывающий интерес читателей. Детская непосредственность и искренность, которую писатель запечатлевает в своих воспоминаниях, способна очаровать даже самого предвзятого критика. К тому же, книги воспоминаний А. Франса характеризуются фрагментарной композицией, позволяющей легко вычлнить из них отдельный целостный фрагмент. По мнению Я.В. Фрида, автобиографические романы писателя представляют собой «сюиту портретов, мозаику из отрывков, стихотворений в

прозе, размышлений»¹⁶⁰. К мозаичности А. Франса толкал темп его работы: совмещение журналистской практики с работой над книгами, а также стремление использовать все ранее написанное.

В 1903 г. в «Сибирском вестнике» публикуются три рассказа из автобиографического произведения писателя «Книга моего друга» («Le Livre de mon ami», 1885) в переводе «М.Ш.». В Петербурге первый полный перевод этой книги появляется всего двумя годами ранее на страницах «Нового журнала иностранной литературы» за 1901 г.¹⁶¹.

Свои воспоминания А. Франс претворяет в обобщенный и общечеловеческий образ счастливого детства. Обыкновенное детство – мир чистоты, далекий от уродливого буржуазного стиля жизни, мир естественных и гармоничных отношений. Здесь А. Франс находит прочные и поэтические связи между людьми. Семья маленького Пьера едина нерасторжимостью любви. Жизнь мальчика прекрасна ощущением вечной гармонии с миром, поэзией его узнавания.

В рассказе «Кисть винограда» («La Grappe de raisin»)¹⁶², опубликованном в «Сибирском вестнике» от 8 октября 1903 г., перед читателем предстает беззаботный маленький Пьер Нозьер, под именем которого А. Франс изображал себя в детстве. Мальчик радуется мелочам, невидимым для взрослых, и наслаждается своей жизнью. В то же время он завидует сыну прачки, Альфонсу, который целыми днями бродит по двору, шлепает по лужам и играет с бродячими собаками. Пьер сутками наблюдает за ним из окна. Но мать не разрешает Пьеру общаться с Альфонсом, объясняя это тем, что мальчик происходит из неблагополучной семьи. Пьера трогает история несчастного ребенка и, чтобы выразить свою симпатию, он спускает Альфонсу из окна красивую кисть винограда.

¹⁶⁰ См.: Фрид Я.В. Анатолий Франс и его время. М., 1975. С. 173.

¹⁶¹ См.: Франс А. Воспоминания моего друга / С.С. Мириманова // Новый журнал иностранной литературы. 1901. № 7. С. 1–16; Он же. Там же. № 8. С. 17–32; Он же. Там же. № 9. С. 33–48; Он же. Там же. № 10. С. 49–64; Он же. Там же. № 11. С. 65–92.

¹⁶² Франс А. Кисть винограда / М.Ш. / Сибирский вестник. 1903. № 231 (23 октября). С. 2. Далее страницы указываются в тексте.

Перевод этого рассказа, выполненный томской переводчицей «М.Ш.» является точным, переводчица допускает лишь единственное отступление от оригинала, «изымая» иноязычный топоним, который мог быть незнаком томским читателям:

France	Подстрочник	Пер. М.Ш.
Il y avait sur le buffet, dans une coupe, de magnifiques raisins de <i>Fontainebleau</i> ¹⁶³ .	На буфете, в вазе, лежал великолепный виноград из <i>Фонтенбло</i> .	На буфете стояла ваза с великолепным виноградом. (С. 2).

Точное следование тексту оригинала как на лексическом, так и на синтаксическом уровне позволяет «М.Ш.» передать поэтическое мировосприятие наивного ребенка, глазами которого герой рассказа А. Франс смотрит на жизнь:

France	Пер. М.Ш.
J'étais heureux. Mille choses, à la fois familières et mystérieuses, occupaient mon imagination, mille choses qui n'étaient rien en elles-mêmes, mais qui faisaient partie de ma vie. Elle était toute petite, ma vie; mais c'était une vie, c'est-à-dire le centre des choses, le milieu du monde.	Я был счастлив. Тысячи вещей, привычных и в то же время таинственных, занимали мое воображение, тысячи вещей, которые сами по себе были ничтожны, но которые составляли часть моей жизни. Она была совсем маленькая, моя жизнь, но все-таки это была жизнь, т.е. центр всех вещей, всего мира. (С. 2).

В рассказе «Дама в белом» («*La Dame en blanc*»)¹⁶⁴, опубликованном в «Сибирском вестнике» от 26 октября 1903 г., главным действующим лицом вновь является маленький Пьер Нозьер. Он часто заходит в гости к своим соседкам, имен которых он не помнит, поэтому одну из них он называет «дамой в белом», а другую – «дамой в черном». Он любит бывать у них, потому что они балуют его и угощают сладостями. Спустя тридцать лет на балу в министерстве иностранных дел Пьера знакомят с госпожой «Х.», которая оказывается той самой «дамой в белом» из его детства. Она радуется встрече со своим старым знакомым и, вспомнив, как сильно он любил пирожные, приглашает его на чай. На вопрос Пьера о том, что случилось с

¹⁶³ France A. Le Livre de Pierre. Premières conquêtes [La ressource électronique] // Wikisource : la bibliothèque libre. Les données électroniques. URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Le_Livre_de_Pierre_-_Premi%C3%A8res_conqu%C3%AAtes (la date de l'accès: 28.09.2013). Далее текст цитируется по этому источнику.

¹⁶⁴ Франс А. Дама в белом / М.Ш. // Сибирский вестник. 1903. № 217 (8 октября). С. 2. Далее страницы указываются в тексте.

«дамой в черном», госпожа «Х.» отвечает, что ее тетушка давно умерла и теперь она сама стала «дамой в черном».

При переводе данного рассказа «М.Ш.» допускает лишь одну неточность, переводя топоним «Китай» (Chine) в отдельных местах как «Япония», что приводит к путанице: «дама в белом» просит мужа, который находится в Японии, прислать Пьеру голубых рыбок из Китая. Однако в остальном перевод «М.Ш.» является в полной мере адекватным, что демонстрирует следующий отрывок:

France	J'appris qu'ils venaient de Chine et je me promis d'y aller. La difficulté était de m'y faire conduire par ma bonne. J'avais acquis la certitude que la Chine était derrière l'Arc de Triomphe, mais je ne trouvais jamais moyen de pousser jusque-là ¹⁶⁵ .	Пер. М.Ш.	Я узнал, что они приехали из Китая, я решил непременно побывать там. Я составил себе твердое убеждение, что Китай находится за Триумфальной Аркой, и затруднение состояло лишь в том, чтобы заставить няню проводить меня туда, чего я никак не мог добиться. (С. 2).

Перевод третьего рассказа «Андре» («André») появляется в «Сибирском вестнике» 29 ноября 1903 г.¹⁶⁶. В центре рассказа – маленький Андре – сын недавно скончавшегося доктора Тревьера. Мальчик постоянно болеет и, чтобы улучшить здоровье сына, его мать, вдова Тревьер, отправляется в деревню к родителям своего бывшего мужа. Здесь они с сыном отдыхают и радуются прелестям жизни на природе. Однажды во время прогулки они встречают господина Лассаля, который начинает оказывать знаки внимания вдове Тревьер. Несмотря на то, что Андре ревнует свою мать, она соглашается принять предложение руки и сердца господина Лассаля.

В отличие от двух уже рассмотренных переводов, в переводе рассказа «Андре» «М.Ш.» нарушает принципы адекватного перевода. В частности, она прибегает к приему нейтрализации, опуская метафоры, придающие особую яркость и индивидуальность речи главного героя:

¹⁶⁵ France A. Le Livre de Pierre. Premières conquêtes [La ressource électronique] // Wikisource : la bibliothèque libre. Les données électroniques. URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Le_Livre_de_Pierre_-_Premi%C3%A8res_conqu%C3%AAtes (la date de l'accès: 28.09.2013). Далее текст цитируется по этому источнику.

¹⁶⁶ Франс А. Андре / М.Ш. // Сибирский вестник. 1903. № 258 (29 ноября). С. 2 Далее страницы указываются в тексте.

France	Подстрочник	Пер. М.Ш.
La visite se passa sans que la veuve et le visiteur eussent échangé quatre paroles, mais leurs regards avaient plusieurs fois croisé des lueurs, comme ces éclairs qui jaillissent entre ciel et terre dans les chaudes nuits d'été ¹⁶⁷ .	В течение визита вдова и посетитель не обменялись и четырьмя словами, но взгляды их часто встречались, <i>и тогда их глаза блестели, как молнии, которые внезапно вспыхивают между небом и землей в жаркие летние ночи.</i>	В течение визита вдова и посетитель не обменялись и четырьмя словами, но взгляды их часто встречались. (С. 2).

Однако самой неожиданной трансформацией является изменение финала рассказа. После фразы вдовы Тревьер, в которой она объясняет засыпающему сыну, что его родной отец никогда не вернется к ним, потому что его больше нет в живых, «М.Ш.» перестает следовать оригиналу:

France	Подстрочник	Пер. М.Ш.
«Dors! Il ne reviendra pas». Et pourtant deux mois plus tard il revint. Il revint sous la grosse figure hâlée de M. Lassalle, le nouveau maître de la maison. Et le petit André recommença de jaunir, de maigrir et de tomber en langueur. Maintenant il est guéri. Et il aime sa bonne comme autrefois il aimait sa mère. Il ne sait pas que sa bonne a un amoureux.	«Спи! Он не вернется». <i>Однако спустя два месяца он вернулся. Он вернулся в образе огромного загорелого господина Лассаля, нового хозяина дома. И маленький Андре снова начал желтеть, худеть и страдать от изнеможения. Сейчас он здоров. И он любит свою няню, как когда-то любил свою мать. Он не знает, что у его няни есть любовник.</i>	«Спи, он не вернется». <i>Господин Лассаль не имеет надежды, его предложение отвергнуто. Вечером, сидя в своей комнате, украшенной картинами, он думает о том, что зимние вечера очень печальны, когда одинок. Он больше не виделся с вдовой, но когда друзья его спрашивают, что с ней случилось, он мужественно и с увлечением, под которым скрывается большое горе, отвечает: «Она по-прежнему, даже более чем прежде, прекрасная т-те Тревьер».</i> (С. 2).

Таким образом, данный перевод «М.Ш.» становится скорее своеобразной манифестацией нравственной позиции самой переводчицы, чем передает позицию автора. В переводе мадам Тревьер не выходит замуж, а Андре не получает отчима в лице господина Лассаля, которого он невзлюбил с самого начала их знакомства. Скорее всего, такой исход событий больше импонирует переводчице как женщине, которая не хочет разрушать идиллию отношений матери и ребенка. Таким образом, при переводе происходит

¹⁶⁷ France A. Le Livre de Suzanne. Les Amis de Suzanne [La ressource électronique] // Wikisource : la bibliothèque libre. Les données électroniques. URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Le_Livre_de_Suzanne_-_Les_Amis_de_Suzanne (la date de l'accès: 28.09.2013). Далее текст цитируется по этому источнику.

трансформация нравственно-эстетического пафоса рассказа А. Франса, финал которого проникнут ироничным скепсисом.

В 1904 г. «Сибирская жизнь» обращается ко второму автобиографическому роману А. Франса «Пьер Нозьер» («Pierre Nozière», 1899), впервые переведенному на русский язык в «Новом журнале иностранной литературы» за 1900 г.¹⁶⁸ Томский переводчик К. Мирович представляет перевод одной главы романа под названием «Из маминых сказок» («Les contes de maman»). Глава состоит из пяти небольших рассказов, героями которых вновь становятся дети, воспринимающие мир таким, какой он есть, а, возможно, и более поэтичным, во всем его великолепии и разнообразии.

Перевод первых трех рассказов из этой главы – «Школа», «Дитя» и «Роза и Мир» – появляется в № 69 «Сибирской жизни» за 1904 г.¹⁶⁹

В центре первого рассказа «L'école» («Школа») – Роза Бенуа – ученица начальных классов женской школы мадмуазель Жансень. Маленькая Роза воспринимает окружающую действительность сквозь призму собственных эмоций и чувств. Она твердо верит в то, что может общаться с домашними животными, которые являются ее лучшими друзьями.

France	Пер. Мировича
Elle est bien sûre d'entendre le langage de son gros chien Tom et de son petit serin Cuip. Elle a raison: les animaux ont toujours parlé et ils parlent encore; mais ils ne parlent qu'à leurs amis. Rose Benoist les aime et ils l'aiment. C'est pour cela qu'elle les comprend. Pour s'entendre, il n'est tel que de s'aimer¹⁷⁰.	Она уверена, что слышит разговор своей огромной собаки Тома и маленькой канарейки Кюип. И она права: животные всегда говорили и теперь все говорят, но говорят только с друзьями. Роза Бенуа любит их, и они ее любят. Потому-то она и понимает их. Для того чтобы понимать друг друга, надо только любить. (С. 2).

Второй рассказ «Marie» («Мари») появляется в томском переводе под обобщенным названием «Дитя». Очевидно, К. Мирович прибегает к приему

¹⁶⁸ См.: Франс А. Пьер Нозьер / С.С. Мириманова // Новый журнал иностранной литературы. 1900. Т. 1. № 1. С. 1–16; Он же. Там же. № 2. С. 17–32; Он же. Там же. № 3. С. 33–56.

¹⁶⁹ Франс А. Из маминых сказок / К. Мирович // Сибирская жизнь. 1904. № 69 (6 апреля). С. 2. Далее страницы указываются в тексте.

¹⁷⁰ France A. Les contes de maman [La ressource électronique] // Wikisource : la bibliothèque libre. Les données électroniques. URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Pierre_Nozi%C3%A8re/1/05 (la date de l'accès: 28.09.2013). Далее текст цитируется по этому источнику.

генерализации для того, чтобы в лице главной героини создать собирательный образ ребенка. Кроме того, переводчик русифицирует имя девочки, превращая ее из «мадмуазель Мари» в «Марию», к которой няня обращается на «ты», забывая о благородном происхождении своей подопечной.

Третий рассказ «Jacqueline et Miraut» («Жаклин и Миро») К. Мирович озаглавливает «Роза и Миро». Причина лингвокультурной адаптации очевидна: непривычное для Сибири имя «Жаклин» заменяется общеизвестным именем иностранного происхождения «Роза». В рассказе описываются дружеские отношения девочки и собаки. Они не просто знакомы, их уже долгое время связывает искренняя и сердечная дружба. У А. Франса они становятся похожи: оба наивны, искренни, чисты, у них отсутствует страх перед жизнью. Их вселенная ограничивается общим домом, и для них нет ничего важнее, чем они сами. Таким образом, маленькая девочка и собака становятся равны между собой в своем инстинктивном восприятии мира.

France	Пер. Мировича
Jacqueline et Miraut sont de vieux amis. Jacqueline est une petite fille et Miraut est un gros chien. Ils sont du même monde, ils sont tous deux rustiques: de là leur intimité profonde. Depuis quand se connaissent-ils? Ils ne savent plus: cela passe la mémoire d'un chien et celle d'une petite fille.	Роза и Миро – задушевные друзья. Роза – маленькая девочка, а Миро – огромный пес. Оба они из одного круга, так как оба деревенские жители. Отсюда их огромная взаимная любовь. С каких пор они познакомились и стали друзьями – они не помнят: это превышает силу памяти большой собаки и маленькой девочки. (С. 2).

Из-за небольшого объема рубрики «Фельетон» перевод еще двух рассказов из главы «Мамины сказки» появляется в № 72 «Сибирской жизни»¹⁷¹. Четвертый рассказ «Les fautes des grands» («Ошибки взрослых») назван томским переводчиком «Промахи сильных». Такая интерпретация существительного «grands», действительно, возможна, однако в данном случае она плохо соотносится с названием главы, в рамках которой существуют рассказы.

Главными героями рассказа являются пять мальчиков: Роже, Марсель, Бернар, Жак и Этьен. В томском переводе Роже становится «Леоном», а Этьен

¹⁷¹ Франс А. Из маминых сказок / К. Мирович // Сибирская жизнь. 1904. № 72 (28 марта). С. 2–3. Далее страницы указываются в тексте.

– «Подем». Мирович изменяет имена героев, хотя в данном случае такая трансформация кажется бессмысленной. Пятеро мальчиков спешат на встречу со своим другом Жаном. Поль, самый младший из них, никак не может догнать своих друзей. Остальные настолько поглощены происходящим вокруг, что даже не замечают Поля и оставляют его позади. Увидев лягушку, четверо старших мальчиков устремляются за ней через болото и пачкают свою чистую одежду. В этом и заключается их главная ошибка: теперь они вынуждены вернуться домой, потому что не могут продолжать путь в таком безобразном виде. Когда они окажутся дома, матери отругают их за безрассудное поведение, и только самый младший Поль избежит катастрофы, которая постигнет его старших товарищей. Так, со свойственной ему добродушной иронией А. Франс признает, что всем людям свойственно ошибаться.

Пятая история «*À travers champs*» («По полям») получает название «На лоне природы», которое звучит более живописно. В ней рассказывается о прогулке брата и сестры: Катрин (в томском переводе – Кати) и Жана. Они гуляют по полям и лугам, девочка составляет венки из цветов и представляет себя дамой в красивых головных уборах, а ее брат играет с хлыстом, погоняя невидимый табун лошадей. Вскоре наступает вечер, чувствуя усталость и голод, дети возвращаются домой.

Следующий отрывок демонстрирует, что перевод К. Мировича очень близок оригиналу:

France
Elle se fait des guirlandes et des couronnes et se suspend des clochettes aux oreilles; elle est maintenant ornée comme l'image rustique d'une vierge vénérée des bergers. Son petit frère Jean, occupé pendant ce temps à conduire des chevaux imaginaires, l'aperçoit ainsi parée. Aussitôt il est saisi d'admiration. Un sentiment religieux pénètre toute sa petite âme¹⁷².

Пер. Мировича
Вся она в венках и в гирляндах и возле ушей – цепь колокольчиков. Так пастухи украшают свою чтимую икону. Маленький Жан, справлявшийся все это время с воображаемым табуном лошадей, вдруг замечает сестру, убранную цветами и зеленью. Он изумлен до глубины души и любуется ею; его охватывает чувство религиозного восторга. (С. 2).

¹⁷² France A. Les contes de maman [La ressource électronique] // Wikisource : la bibliothèque libre. Les données électroniques. URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Pierre_Nozi%C3%A8re/1/05 (la date de l'accès: 28.09.2013). Далее текст цитируется по этому источнику.

Таким образом, все рассмотренные переводы К. Мировича из книги детских воспоминаний А. Франса являются в целом адекватными. Переводчик очень внимателен при передаче непосредственности и искренности мировосприятия детей, которое занимает очень важное место в этих рассказах. Интерпретативный подход К. Мировича проявляется в основном на уровне названий рассказов, которые представляют собой сильную позицию текста и задают определенную установку на их восприятие читателем. Сравнительный анализ показал, что в переводах К. Мировича авторская установка нередко претерпевала изменения.

Переводы К. Мировича также характеризуются лингвокультурной адаптацией оригинала (чаще всего русификацией имен), которую, однако, следует рассматривать скорее как общую тенденцию большинства переводов, появившихся на страницах томских газет.

В 1905–1907 г. томские газеты обращаются к рассказам А. Франса о Великой французской революции. В декабре 1905 г. «Сибирская жизнь» публикует перевод рассказа «Anecdote de floréal, an II» («Эпизод из времен флореаля II года республики»). Первый русский перевод этого произведения появляется всего годом раньше на страницах журнала «Русская мысль»¹⁷³. Его тематика оказывается как нельзя более актуальной на фоне кровавых октябрьских событий в Томске в 1905 г. и революционного подъема, охватившего всю страну.

А. Франсу свойственно скептическое отношение к революции и ее итогам, что соответствовало его мироконцепции, отвергающей фанатизм и догматизм. Рассказ повествует о невинной жертве французской революции, бывшей аристократке Фанни д'Авене, приговоренной к смерти за укрывательство беглецов и ожидающей смертной казни в тюрьме. Когда дочь тюремщика, Роза, предлагает ей помощь в побеге, желая использовать эту возможность для того, чтобы сбежать со своим возлюбленным из Парижа,

---

¹⁷³ См.: Франс А. Происшествие, случившееся в месяце флореале II года / В.А. Кошевич // Русская мысль. 1904. № 12. С. 37–41.

Фанни отказывается, зная, что в случае раскрытия их плана девушку ждет смерть.

Рассказ входит во второй сборник новелл А. Франса «Перламутровый ларец» («L'Étui de nacre», 1892), в котором писатель во всех подробностях обрисовал бурную эпоху 1789–1794 г. в истории Франции: от предреволюционного брожения и взятия Бастилии до наивысшего подъема якобинского террора. Большим достоинством сборника стало раскрытие противоречивой сущности революции – трагического несоответствия идеалистических целей революционеров и итогов революции. А. Франс оценивает революцию с позиции гуманиста, пытаясь понять, привнесла ли она положительные изменения в жизнь французского народа и постепенно приходит к полному разочарованию и заключению о бесплодности всех революций и о тщете социального действия вообще.

Позиция французского автора была близка редакции «Сибирской жизни», издаваемой томской кадетской партией, которая выступила против революционных действий по свержению русской монархии. Можно говорить о том, что образ аристократки Фанни д'Авене по своей сути был близок образу русского дворянина, либерала, выступающего против ненужной жесткости и насильственных действий, в большинстве случаев приводящих к смертям ни в чем неповинных жертв.

Первый томский перевод рассказа «Anecdote de floréal, an II» был выполнен в 1905 г. неизвестным переводчиком, подписавшимся криптонимом «М.Л.». В его интерпретации произведение получило название «Добровольная жертва»¹⁷⁴. Такое название напрямую раскрывало квинтэссенцию рассказа и снимало потенциальное затруднение понимания, которое могло возникнуть у томских читателей при дословном переводе заголовка.

Оригинальное название рассказа указывало на самый жестокий период революции – весну 1794 г. по французскому республиканскому календарю – времени проведения якобинского террора, унесшего жизни тысяч невинных

---

¹⁷⁴ Франс А. Добровольная жертва / М.Л. // Сибирская жизнь. 1905. № 254 (16 декабря). С. 2. Далее страницы указываются в тексте.

жертв. Не каждый томский читатель знал, что во Франции с 1793 по 1806 г. времяисчисление велось по собственному республиканскому календарю, поэтому эквивалент, выбранный «М.Л.» выглядит вполне уместным.

Два года спустя, в октябре 1907 г., «Сибирская жизнь» повторно публикует на своих страницах этот рассказ, однако на этот раз томский переводчик, скрывший свое имя за криптонимом «П.А.», точно передает в переводе название: «Из воспоминаний о Флореале, второго года республики»¹⁷⁵.

Перевод, выполненный «М.Л.», обнаруживает почти полное соответствие оригиналу. В свою очередь в переводе «П.А.» реализуется стратегия трансформации нравственно-эстетического своеобразия оригинала, которая ярко проявляется на уровне стилистики русского текста.

Перевод «П.А.» превышает по своему объему оригинал, т.к. изобилует вставками, придающими излишнюю эмоциональность довольно строгому лаконизму повествования А. Франса. Например, в следующем отрывке «П.А.» добавляет два новых предложения и несколько красочных эпитетов:

France	Подстрочник	Пер. М.Л.	Пер. П.А.
Il lui souvint de celui qui l'aimait et à qui elle ne s'était pas donnée, et un regret aussi cruel qu'un remords déchira son cœur. Des larmes ardentes comme la volupté roulèrent sur ses joues ¹⁷⁶ .	Он напомнил ей того, кто любил ее, и кому она не отдалась, и сожаление, такое же жестокое, как угрызения совести, разрывало ее сердце. Слезы, жгучие, как наслаждение, катились по ее щекам.	Она вспомнила о том, кто любил ее, и кому она не отдалась, и сердце ее сжалось от сожаления. Горячие слезы покатались по щекам. (С. 2).	Она вспомнила некогда любимого человека, и горькое сожаление и мучительное угрызение совести рвало ей душу на тысячу кусков... Она боялась, она страшилась тогда исполнить свое желание!.. Теперь все это – лишь отошедшие в область истории воспоминания.... По ее разгоряченным страстью щекам катились крупные обжигавшие ее слезы. (С. 3).

¹⁷⁵ Франс А. Из воспоминаний о Флореале, второго года республики / П.А. // Сибирская жизнь. 1907. № 145 (21 октября). С. 3. Далее страницы указываются в тексте.

¹⁷⁶ France A. Anecdote de floréal, an II [La ressource électronique] // Wikisource : la bibliothèque libre. Les données électroniques. URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Anecdote_de_flor%C3%A9al,_an_II (la date de l'accès: 28.09.2013). Далее текст цитируется по этому источнику.

Также можно привести множество других примеров использования эмоционально-оценочных приращений в переводе «П.А.»:

France	Подстрочник	Пер. М.Л.	Пер. П.А.
La fille du porte-clefs pria, pleura, supplia longtems. Elle s'agenouilla et saisit le bord de la robe de Fanny.	Дочь тюремщика долго просила, плакала, умоляла. Она опустилась на колени и схватилась за край платья Фанни.	Дочь сторожа долго просила, плакала, умоляла и бросилась, наконец, на колени перед Фанни, схватившись за край ее платья. (С. 2).	Дочь привратника долго плакала и умоляла графиню согласиться. Она опустилась на колени и, <i>целуя складки ее платья, убеждала ее бежать.</i> (С. 3).

Сравнивая два представленных перевода следует отметить, что «сдержанность» перевода «М.Л.» в большей степени передает индивидуально-авторский стиль А. Франса, в то время как чрезмерная насыщенность избитыми метафорами в переводе «П.А.» скорее отражает стиль самого переводчика. Тем не менее, основной пафос рассказа А. Франса удалось передать обоим переводчикам: революция предстает как террор, в результате которого гибнут невинные люди. Такая позиция писателя полностью совпадала с платформой томской либеральной газеты.

Еще один рассказ А. Франса о Великой французской революции был напечатан в «Сибирских отголосках» (1907–1910) – газете, издававшаяся под редакцией одного из первых профессиональных журналистов Сибири В.А. Долгорукова. Летом 1907 г. новелла «Госпожа де Люзи» («Madame de Luzu»), вошедшая во второй сборник рассказов А. Франса «Перламутровый ларец», появилась в газете в переводе некоего «М.Г.»¹⁷⁷. При этом томская рецепция произведения отстала от столичной всего на четыре года: его первый русский перевод был опубликован на страницах «Нового журнала иностранной литературы» в 1903 г.¹⁷⁸.

Рассказ повествует об отважной аристократке Полине де Люзи, укрывшей в своем доме философа Планшоне, преследуемого революционными властями. Ей противопоставлен образ героя-якобинца, бывшего мясника,

¹⁷⁷ Франс А. Госпожа де-Люзи / М.Г. // Сибирские отголоски. 1907. № 43 (28 августа). С. 2–3. Далее страницы указываются в тексте.

¹⁷⁸ Франс А. Мадам де Люзи / Е.В. // Новый журнал иностранной литературы. 1903. Т. 3. № 7. С. 7–9.

ставшего начальником отдела гражданской стражи, Любена, который мстит старому аристократу за личные обиды. Тем не менее, госпоже де Люзи и главному герою, от лица которого ведется повествование, путем невероятных усилий удается спасти несчастного философа.

Перевод «М.Г.» не демонстрирует единой переводческой стратегии, т.к. в нем встречаются разнонаправленные трансформации. Так, в ряде случаев, переводчик добавляет отдельные детали:

France		Подстрочник		Пер. М.Г.
A la lanterne, l'aristocrate! ¹⁷⁹ .		На башню, аристократ!		На башню, аристократ! <i>Посадить его голову на копьё!</i> (С. 2).

В других случаях он использует стратегию редукции, вероятно, стремясь не перегружать текст перевода подробностями, с его точки зрения, принципиально не важными для понимания смысла. Так, описывая погром, произведенный гвардейцами, «М.Г.» выпускает целое предложение:

France		Подстрочник
Le plafond craquait; on entendait des menaces, de gros rires, des coups de pied et des coups de baïonnette dans les cloisons.		Потолок трещал; были слышны угрозы, громкий смех, топот ног и удары штыков по перегородке.

Рассказ заканчивается спасением Планшоне: гвардейцы, напившись и разгромив погреб, покидают дом, так и не найдя философа, который в полуобморочном состоянии от страха прячется за ширмой в спальне госпожи де Люзи. «М.Г.» снова добавляет к последней фразе героини еще одно выражение:

France		Пер. М.Г.
Dieu soit loué! s'écria-t-elle. Monsieur Planchonnet, vous m'avez fait une peur affreuse. Je vous croyais mort.		Слава Богу, вскричала она, Планшонэ, вы меня страшно напугали, я подумала, что вы умерли. <i>Обращаясь ко мне, она прибавила: «бедный друг, для вас было таким удовольствием повторять мне от времени до времени, что любите меня; теперь вы мне этого не скажете!»</i> (С. 3).

Отметим, что данное добавление не несет никакой дополнительной смысловой нагрузки и никак не влияет на финал рассказа. Выявленная вольность тем не менее не помешала переводчику передать основную мысль

¹⁷⁹ France A. Madame de Luzy [La ressource électronique] // Wikisource : la bibliothèque libre. Les données électroniques. URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Madame_de_Luzy (la date de l'accès: 28.09.2013). Далее текст цитируется по этому источнику.

рассказа А. Франса, в котором крайняя революционность показана как догматизм, враждебный человеку. Именно благодаря этой идее произведение оказалось актуальным для томского читателя в один из самых сложных периодов истории России и Сибири.

Таким образом, представленные на страницах томских газет переводы произведений А. Франса демонстрировали различную степень адекватности оригиналу и различные переводческие стратегии. Но в своей совокупности они позволили томскому читателю познакомиться с творчеством А. Франса – одного из самых элитарных художников Франции рубежа XIX–XX вв.

2.4. Литература «второго ряда» в переводе томских авторов

Беллетристика составила основной корпус переводов с французского, обнаруженных на страницах томской периодики. Всего в местных газетах было опубликовано около 200 новелл, авторство которых принадлежало французским беллетристам.

По справедливому замечанию В.Н. Горенинцевой «стремление удовлетворить вкусы массового читателя обусловило появление в томской периодике большого количества переводов из второстепенных беллетристов, чьи произведения, как предполагалось, должны были привлекать читателя занимательным сюжетом либо актуальной тематикой»¹⁸⁰.

Некоторые из французских авторов, к которым обращались томские переводчики, получили мировую известность, большая часть из них являлись малоизвестными фельетонистами, ряд французских новелл появился в местных газетах анонимно, в таких случаях единственным маркером источника перевода выступала помета «с французского». Большинство переводов являются оригинальными, о чем свидетельствует указание на то, что они были выполнены «специально» для конкретной газеты.

Для сравнительно-сопоставительного анализа были выбраны произведения трех беллетристов или так называемых авторов «второго ряда»

¹⁸⁰ Горенинцева В.Н. Стратегии адаптации переводного художественного текста в томской периодике конца XIX – начала XX в. (на материале переводов с английского) // Издательская деятельность и перевод : сборник материалов Первой всероссийской научно-прикладной конференции 20–22 мая 2010 г. (г. Томск). Томск, 2011. С. 319.

(П. Бурже, Ф. Коппе и О. Мирбо), пользовавшихся наибольшей популярностью при жизни, но вскоре вышедших из моды и практически забытых.

Знакомство томских читателей с французской беллетристикой конца XIX в. начинается с трех новелл Поля Бурже (Paul Bourget, 1852–1935): «Женщина в сорок лет», «Возраст любви» и «Незнакомая подруга».

В конце XIX в. творчество П. Бурже получает широкую популярность в Европе, многие из его книг активно переводятся на русский язык. Новаторство писателя заключалось в том, что в период господства натурализма он возрождает во Франции жанр любовно-психологического романа, выделяя в нем область исследования любви и ее различных проявлений.

Героинями романов П. Бурже становятся исключительно аристократки: «Его интересуют переживания, настроения и чувства женщин того класса, в жизни которого любовь искони играла гораздо более важную роль, чем в жизни других сословий»¹⁸¹. Произведения романиста, посвященные вопросу любви, приобрели огромную популярность среди женской читательской аудитории, что в значительной степени способствовало его литературному успеху. В 1894 г. корреспондент «Русской мысли» назвал французского романиста «любимцем дам» и даже представил обобщенный образ поклонницы его романов: «Читательница Поля Бурже <...> принадлежит к средней буржуазии, где женщины более или менее развиты и где книга, зачастую, является единственным средством развлечься, забыться среди тяжелой, однообразной, тривиальной жизни»¹⁸².

Тем не менее, произведения романиста были лишены истинно художественной ценности, что было отмечено уже многими его современниками. Так, известный французский критик Ж. Леметр, замечая, что многие из написанных П. Бурже страниц замечательны «мужественностью и прекрасной ясностью чисто-философского ума», полагал, что он является «чистейшим дилетантом времени упадка, исполненным аффектации и

---

¹⁸¹ Бурже П. Женское сердце. М., 1992. С. 265.

¹⁸² С.Л. Поль Бурже // Русская мысль. 1894. Кн. 9 (сентябрь). С. 87.

искусственности», и советовал ему не ограничивать круг своих интересов анализом исключительно природы любви¹⁸³.

В начале XX в. отношение русской критики к произведениям П. Бурже также меняется. Уже в 1904 г. журнал «Русское богатство» указывает на ограниченность творчества писателя: «Посвящая все свои романы вопросу о любви, П. Бурже и этот-то вопрос берет лишь в узкой форме половых отношений, хотя и изукрашает этот сюжет психологическими утонченностями и несколько наивно-восторженным описанием светского великолепия»¹⁸⁴.

К тому же, начиная с 1901 г. радикально изменяется и сам характер творчества П. Бурже: романист начинает расценивать жизнь с позиций католицизма и клерикализма, что приводит к стремительной потере его популярности среди читателей.

Широкую известность П. Бурже в конце XIX в. подтверждает появление трех новелл писателя на страницах «Сибирского вестника». Новелла «À quarante ans» («В сорок лет»), которая в 1898 г. войдет в сборник «Recommcements», появляется на страницах «Сибирского вестника» в 1893 г. в переводе П.Л. Черневича под заголовком «Женщина в сорок лет»¹⁸⁵. Томский переводчик уточняет название произведения, указывая читателю на его тему.

В этой новелле П. Бурже проводит аналогию между временами года и возрастом женщины. По его мнению, лето обычно ассоциируется с расцветом молодости, а зима с «ясностью старости» и лишь весной женщина любого возраста преображается и чувствует себя прекрасной и желанной. В пример он приводит историю зрелой маркизы Андрианы и ее возлюбленного молодого Жюльена Дорзена. Не видевшись много лет, они вновь решают встретиться. Маркиза, к тому времени достигшая сорокалетнего возраста, готова встретиться только весной, потому что лишь в это время года чувствует себя молодой и привлекательной. Увидев ее вновь, герой поражен ее неувядающей красотой и вновь теряет голову, как это было много лет назад; маркиза же

¹⁸³ См.: Леметр Ж. Поль Бурже // Современные писатели. СПб., 1891. С. 42–58.

¹⁸⁴ Кудрин Н.Е. Галерея современных французских знаменитостей. П. Бурже // Русское богатство. 1904. № 3 (март). С. 118.

¹⁸⁵ Бурже П. Женщина в сорок лет / П.Л. Черневич // Сибирский вестник. 1893. № 40 (11 апреля). С. 2–3. Далее страницы указываются в тексте.

кокетливо признается, что недавно стала бабушкой и этой весной она наслаждается своей красотой в последний раз.

Описанная история не представляет особого интереса и используется автором для того, чтобы понять, может ли женщина в зрелом возрасте вызывать чувство любви. Причем любовь рассматривается им лишь в узких рамках физического влечения. Согласно П. Бурже, с утратой внешней привлекательности сорокалетняя женщина утрачивает и возможность быть любимой, поэтому она отчаянно стремится насладиться последней весной своей жизни. Эту мысль оригинала транслирует и перевод П.Л. Черневича:

Bourget	Пер. Черневича
Ce qu'il lui fait, ce que lui souhaitera celui qui l'aime, n'est-ce pas au contraire la fête du printemps qui leur sont comptés, à elle parce que dans deux, dans trois, dans quatre, dans cinq, elle aura perdu ce reste magique de son charme, à lui parce qu'il ne pourra plus alors l'aimer que dans la douleur, s'il est romanesque, ou, s'il ne l'est pas, dans l'habitude, misère pire! Et, dans cette grâce enivrante d'avril, tous deux sentent trop bien la fuite de la vie, – mais ils la sentent en se grisant de cette vie qui passe. C'est un renouveau de beauté pour elle et d'amour pour lui, avec un effort pour ne pas perdre une goutte de cette coupe de jeunesse qui leur est tendue une fois encore...¹⁸⁶.	Напротив, ей нужно все, что только может приблизить того, кто ее любит. Ей нужна весна, одна из тех весен, которые для нее уж сочтены, так как в прошествии их вся магическая сила ее вдруг исчезнет, и мужчина будет любить ее с болью, если он романтичен, или только по привычке, если он не таков. А между тем, в восхитительные апрельские дни ее милый и она чувствуют так сильно течение жизни, чувствуют его, упиваясь уходящей жизнью. Это время – возрождение красоты для нее и любви для него с последним усилием не потерять ни капли из этой драгоценной чаши, что протянута им в последний раз. (С. 3).

Еще одна новелла из сборника «Recommencements» под названием «Возраст любви» («L'Âge de l'Amour»), опубликованная в «Сибирском вестнике» в 1896 г. в переводе неизвестного «А.М.»¹⁸⁷, доказывает мысль П. Бурже о том, что мужчина воспринимает женщину прежде всего как объект собственного желания. По мысли писателя, любовь мужчины включает в себя элемент творчества: он любит созданный им самим идеальный образ возлюбленной, который он встречает во многих женщинах на протяжении

¹⁸⁶ Bourget P. À quarante ans [La ressource électronique] // *Recommencements*. Paris, 1897. P. 183–198. La version électronique de la publication typographique. URL: <http://www.archive.org/stream/recommencements00/bouruoft#page/183/mode/1up> (la date de l'accès: 17.06.2014).

¹⁸⁷ Бурже П. Возраст любви / А.М. // *Сибирский вестник*. 1896. № 236 (31 октября). С. 2. Далее страницы указываются в тексте.

всей своей жизни¹⁸⁸. И если утратив очарование молодости, женщина не может надеяться испытать чувство любви, то мужчина, имеет возможность переживать его многократно, влюбляясь в очередной образ своей мечты. В соответствии с этим возраст любви мужчины неограничен, в то время как для женщины возраст любви заканчивается с наступлением зрелости.

Об этом свидетельствует и история писателя Пьера Фошери, который в пожилом возрасте влюбляется в юную девушку, точную копию его первой возлюбленной, но не раскрывает ей своих чувств, осознав, что уже слишком стар для любви вообще.

Основное внимание П. Бурже сосредоточено на анализе вновь вспыхнувшего чувства влечения, которое овладевает пожилым мужчиной при знакомстве с молодой девушкой, как две капли воды похожей на его первую любовь. Томский переводчик адекватно передает авторский замысел, что подтверждает перевод отрывка, посвященного описанию душевных терзаний главного героя:

Bourget

Ce n'est pas en deux phrases décousues, c'est dans des pages et des pages qu'il faudrait étudier les étranges sentiments dont j'ai vu mon amie atteint: cette tendresse à la fois présente et rétrospective pour un être mort à travers un être vivant, cet hypnotisme de l'âme qui ne sait où finissent les souvenirs et les rêves, où commence l'émotion réelle, cet emmèlement quotidien de ce qu'il y a de plus lointain au monde: le fantôme d'une fiancée perdue, avec ce qu'il y a de plus vivant, de plus frais, de plus irrésistiblement naïf et spontané, une jeune fille...¹⁸⁹.

Пер. А.М.

Нельзя выразить этого двумя фразами во время разговора, для этого потребуются целые страницы, чтобы изучить те исключительные чувства, которые волновали моего друга: эта нежность в одно время и настоящая и оглядывающаяся на прошлое, к мертвому существу через живое, эта полугаллюцинация души, не знающей, где кончаются воспоминания и мечты, и где начинается реальное чувство, это ежедневное смешение того, что было давно – не от мира сего, призрак потерянной невесты и той, которая была самой жизненной, самой свежей, необыкновенно наивной, молодой девушкой. (С. 2).

Перевод третьей новеллы П. Бурже был выполнен неизвестным переводчиком, подписавшимся криптонимом «Ел.А.», и представлен на

¹⁸⁸ См.: Бурже П. Женское сердце. С. 264.

¹⁸⁹ Bourget P. L'Âge de L'Amour [La ressource électronique] // Recommencements. Paris, 1897. P. 87–112. La version électronique de la publication typographique. URL: <http://www.archive.org/stream/recommencements00bouruoft#page/87/mode/1up> (la date de l'accès: 17.06.2014).

страницах «Сибирского вестника» в 1898 г.¹⁹⁰. В оригинале новелла входит в изданный в 1889 г. сборник «Pastels (dix portraits de femmes)», под заголовком «Autre Inconnue» («Еще одна незнакомка»). Такое название новеллы звучит уместно, поскольку ей предшествует рассказ, озаглавленный «Inconnue» («Незнакомка»).

Для томского перевода «Ел.А.» выбирает вполне подходящее название «Незнакомая подруга». Новелла представляет собой воспоминания автора о прекрасной незнакомке, которую он видел всего два раза в жизни. В первый раз он встречается с ней, красивую и сияющую, несмотря на зрелый возраст, под руку с красивым молодым человеком, выглядящим намного младше нее, что побуждает посчитать их любовниками. Четыре года спустя рассказчик видит ее вновь в сопровождении уже немолодого состоятельного господина, рядом с которым незнакомка выглядит безучастной и утомленной, из чего автор сразу догадывается, что они женаты. По унылому и отрешенному взгляду незнакомки автор понимает и то, что молодой любовник оставил ее, поскольку она находилась уже не в том возрасте, когда могла бросить его первой.

Таким образом, эта новелла, как и две предыдущие, доказывает, насколько трудно женщине из высшего света обрести настоящую любовь, поскольку ее жизнь света стеснена множеством традиций и правил. С самого начала общество ставит ее в неблагоприятные условия: в большинстве случаев девушка выходит замуж за состоятельного человека, способного обеспечить ее будущее, но к которому та не чувствует ни капли влечения. Не представляя своей жизни без любви, она ищет ее вне брака, но, даже изменяя мужу, героиня П. Бурже становится жертвой ловеласов, которых привлекает возможность обладания молодой и привлекательной женщиной. Теряя обаяние молодости, она навсегда лишается возможности быть любимой.

Томский перевод новеллы, также как и два предыдущих, демонстрирует ориентированность на передачу особенностей оригинального текста, доказательством чего служит перевод следующего фрагмента оригинала:

---

¹⁹⁰ Бурже П. Незнакомая подруга / Ел.А. // Сибирский вестник. 1898. № 67 (25 марта). С. 3. Далее страницы указываются в тексте.

Bourget

Comme cette femme était si triste, comme elle semblait si lassée, si revenue de toute joie, elle que j'avais vue ravie et radieuse, je pensait involontairement au jeune homme qu'elle m'avait paru tant aimer. <...> Non, ce n'était pas elle, qui l'avait quitté la première. Elle n'avait, hélas! ni l'âge, ni surtout l'âme des abandons¹⁹¹.

Пер. Ел.А.

Так как эта женщина, которую несколько лет назад я видел такой счастливой и сияющей, казалась теперь такой утомленной, такой безучастной, то я невольно подумал о человеке, которого она, как мне тогда показалось, так горячо любила. <...> Нет, не она его бросила. Ее годы, к сожалению, не были уже из тех, в которые уходят первыми, да и душа ее была создана не для того. (С. 3).

Несмотря на популярность творчества П. Бурже в России, наиболее востребованным французским автором-беллетристом в томской периодике оказался Франсуа Коппе (François Coppée, 1842–1908) – на страницах местных изданий было опубликовано шесть переводов новелл этого писателя.

При жизни Ф. Коппе был одним из самых читаемых авторов своего времени, но был известен, прежде всего, как поэт. В своих ранних стихотворениях он предстает истинным парнасцем, стремящимся достичь гармонии в стихосложении. Однако уже в раннем творчестве поэта обнаруживается несоответствие выразительной формы парнасского стиха с обыденностью и даже пошлостью сюжетов его поэзии.

Увлечшись темами из повседневной жизни Парижа, Ф. Коппе создает неглубокие стихи, в которых воспекает мещанское видение мира. Менее известная новеллистка Ф. Коппе также запечатлела идеализированный образ обывательского мирка. Пользуясь бытовыми темами, писатель буквально «штампует» произведения так называемого социально-филантропического жанра. В отличие от П. Бурже, героями новелл которого являются исключительно аристократы, в центре произведений Ф. Коппе всегда находится простой человек из народа, испытывающий всевозможные лишения, но непременно честный и добропорядочный. Стереотипные сюжеты были призваны вызвать сочувствие читателя, поэтому пользовались особой популярностью среди женской аудитории.

¹⁹¹ Bourget P. Autre Inconnue [La ressource électronique] // Pastels : dix portraits de femmes. Paris, 1889. P. 319–330. La version électronique de la publication typographique. – URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k68677c/f325.image> (la date de l'accès: 17.06.2014).

Пять из шести новелл, переведенных в Томске, повествуют о простых людях, с искалеченными тяготами жизни судьбами. В центре новеллы «Прощаю!» («Le pardon»)¹⁹² – бедный ремесленник Тони Робе. Героем новеллы «Кусок хлеба» («Le morceau de pain»)¹⁹³ является вечно голодный сирота Жан-Виктор, радующийся любому брошенному ему куску хлеба. В новелле «Ревность» (опубликованной в «Сибирском вестнике»¹⁹⁴ и «Сибирской жизни»¹⁹⁵) речь идет о небогатом кассире, укравшем деньги из собственного магазина, чтобы купить подарок своей возлюбленной. Главный герой новеллы «Рождественский подарок»¹⁹⁶ – бедный художник, вынужденный отказаться от творческой карьеры, чтобы содержать себя и свою больную мать.

Все пять томских переводов новелл Ф. Коппе обнаруживают реализацию стратегии адекватного перевода и достаточно точно передают содержание оригинальных текстов. Перевод новеллы «Рождественский подарок», которая в 1903 г. вошла в сборник «Contes pour les jours de fête», ярче других отражает душещипательный пафос новеллистики писателя. Оригинальное название произведения – «Les fiancés de Noël» – может быть переведено на русский язык как «Помолвка на Рождество». Однако «Рождественский подарок» – вариант, предложенный переводчицей «М.Ш.», представляется не менее удачным, поскольку отражает содержание новеллы более образно – помолвка является самым желанным рождественским подарком для героя.

В центре повествования – бедный художник Дезире Мюге. Чтобы дать сыну достойное образование, его родители пожертвовали всем, что имели, он же старался отплатить им тем же, мучаясь угрызениями совести:

Coppée	Fils exemplaire, il voyait vieillir dans la gêne, à cause de lui, des parents bien aimés, s'abstenait, par devoir, de tout	Пер. М.Ш.	Будучи нежным сыном, он видел, что его любимые родители стареют в нужде и лишениях из-за него, и по чувству долга

¹⁹² Коппе Ф. Прощаю! / А. Михайлович // Сибирский вестник. 1894. № 47 (27 апреля). С. 1–3.

¹⁹³ Коппе Ф. Кусок хлеба / И.М. О-вич // Сибирский вестник. 1898. № 209 (29 сентября). С. 2.

¹⁹⁴ Коппе Ф. Ревность / А. Ф-ман // Сибирский вестник. 1900. № 54 (9 марта). С. 2; Он же. Там же. № 58 (14 марта). С. 2.

¹⁹⁵ Коппе Ф. Ревность // Сибирская жизнь. 1900. № 212 (1 октября). С. 2; Он же. Там же. № 214 (4 октября). С. 2.

¹⁹⁶ Коппе Ф. Рождественский подарок / М.Ш. // Сибирский вестник. 1900. № 237 (2 ноября). С. 2–3. Далее страницы указываются в тексте.

plaisir, de toute distraction, et se demandait parfois, avec un grand frisson, s'il n'avait pas manqué sa vie et ce qu'il allait devenir¹⁹⁷.

отказывал себе в развлечениях, по временам с невольным ужасом спрашивая себя – что же дала ему жизнь, и чего он может ждать от нее. (С. 2).

Когда его отец умер, а мать почти ослепла от постоянного шитья, Дезире пришлось устроиться на работу в анатомический театр, где целыми днями, преодолевая страх и отвращение, он рисовал больные органы, изъятые из трупов. Благодаря такой работе художник мог содержать себя и свою больную мать, однако жизнь не приносила ему никакой радости.

Еще будучи студентом, он встретил в Лувре начинающую художницу, такую же бедную, как и он, вынужденную содержать парализованного отца. Они хотели пожениться, но поняв, что не смогут обеспечить себя и своих больных родителей, решили не видеться. Спустя десять лет, накануне Рождества, возлюбленная Дезире появилась на пороге его дома и рассказала свою историю:

Coppée

Clara qui a perdu son père il y a deux ans, qui a vainement tâché de gagner son pain en donnant des leçons, qui a souffert la pire pauvreté, qui, depuis trois jours.. oh! cela fend le cœur!... couchant à l'asile de nuit, et, qui, n'y étant plus recue ce soir, – tu sais, on ne vous y garde que trois jours, – a failli se jeter à la Seine!...

Пер. М.Ш.

Два года назад Клара лишилась своего отца, тщетно старалась заработать себе хлеб уроками, терпела самую ужасную бедность... Она уже три дня – о, это разрывает мне сердце! – ночевала в ночлежном приюте, а сегодня, когда ее не пустили туда – ты знаешь, там можно ночевать не более трех дней подряд, – едва не бросилась в Сену...(С. 3).

Пребывая в отчаянии, она решилась обратиться за помощью к Дезире, который воспринял ее появление в своей жизни как самый прекрасный рождественский подарок.

Содержание еще одной новеллы Ф. Коппе «Воспоминания сына» («Souvenir filial»)¹⁹⁸, опубликованной в «Сибирском вестнике» за 1900 г., разительно отличалось от остальных произведений писателя, представленных в Томске. На склоне лет Ф. Коппе превратился в ревностного католика и

¹⁹⁷ Coppée F. Les fiancés de Noël [La ressource électronique] // La bonne souffrance : Contes pour les jours de fête. Paris, 1907. P. 175–192. La version électronique de la publication typographique. – URL: <https://archive.org/stream/labonnesouffran00coppgoog#page/n188/mode/1up> (la date de l'accès: 17.06.2014). Далее текст цитируется по этому источнику.

¹⁹⁸ Коппе Ф. Воспоминания сына / В. Я-ва // Сибирский вестник. 1900. № 117 (1 июня). С. 2.

изложил свои взгляды на страницах книги «La Bonne Souffrance» (1898), частью которой стала новелла «Воспоминания сына». В ней описаны воспоминания юноши о своей умершей матери, которую он считает святой и сравнивает с Божией Матерью. В надежде встретиться с ней в вечной жизни герой обращается с молитвой к Богу.

В прозаический текст новеллы Ф. Коппе включает строфу из своего стихотворения «На воздухе и в комнатах» («Promenades et intérieurs»), вошедшего в сборник «Смиранные» («Les Humbles», 1872). При этом он сообщает читателю, что обычно не приводит своих старых стихов, однако в этом случае делает исключение, поскольку всегда хранит в памяти строки, напоминающие ему о том прекрасном времени, когда его мать была жива.

Томская переводчица «В. Я-ва», полное имя которой не удалось установить, переводит текст Ф. Коппе точно, почти дословно, адекватно передавая морализаторский тон новеллы, однако стихи писателя приводит на французском языке. Возможно, она не рискует переводить поэтическое вкрапление, боясь искажения его семантики и синтаксиса.

В целом, сентиментально-бытовые новеллы Ф. Коппе, повествующие о трудностях жизни людей из народа, также как и новелла о любви героя к умершей матери, оказались близки и понятны среднему томскому читателю, поэтому и были выбраны для публикаций в местных газетах.

Еще одним автором «второго ряда», чьи произведения пользовались популярностью в Томске, был Октав Мирбо (Octave Mirbeau, 1848–1917). На рубеже XIX и XX в. О. Мирбо был широко известен в России: чаще всего его книги переводились именно на русский язык, некоторые из них даже по несколько раз. В 1907–1911 г. в Москве в издательстве В.М. Саблина вышло полное собрание его сочинений в 10 томах. О. Мирбо называли бунтовщиком, анархистом и обличителем пороков современного общества. В 1909 г. корреспондент «Нового журнала для всех» описал направление его творчества следующим образом: «Бестрепетной рукой он обнажает все язвы современной Франции, <...> заводит нас во внутренние комнаты тех маркиз, гостиные

которых так поэтично живописал Бурже, <...> показывает нам ложь, ложь и ложь»¹⁹⁹. «Вестник литературы» в 1905 г. также дал восторженную оценку таланта писателя: «Серьезный и вдумчивый социальный мыслитель, талантливый выразитель своих чувств и мыслей – нервной силой своего таланта, болезненностью и напряженной чуткостью некоторых своих произведений он напоминает нашего Достоевского»²⁰⁰.

О. Мирбо известен, прежде всего, своим романом «Сад пыток» («Le Jardin des supplices», 1899), в котором он приводит анализ психологической развращенности современного общества, а также книгой «Дневник горничной» («Le Journal d'une femme de chambre», 1900), изобличающей пороки представителей высшего света. Публикация этих произведений произвела настоящую сенсацию, как во Франции, так и в России: до О. Мирбо никто не решался с такой смелостью, граничащей с цинизмом, сдернуть завесу с самых грязных закоулков светского общества. В настоящее время именно эти две книги О. Мирбо, переизданные на русском языке в конце XX в., пользуются популярностью у современного читателя.

В Томске всеобщее увлечение творчеством О. Мирбо нашло свое отражение в пяти переводах, опубликованных в местных газетах в период с 1901 по 1907 г. С опозданием на пару лет в 1909 г. на страницах «Сибирской жизни» появилась критическая заметка о характере творчества знаменитого писателя. По словам местного критика П. Николаева, «гнойные язвы клерикальных слоев», которые О. Мирбо нащупывает «с невиданной смелостью и искусством», являлись излюбленной темой многих произведений писателя²⁰¹.

Действительно, два из опубликованных в Томске перевода были посвящены теме разоблачения пороков духовенства. Новелла «Исповедь Жибори» («La Confession de Gibory») ²⁰² из сборника «Рассказы из хижин» («Contes de la chaumière», 1894) повествует о крестьянине, который старательно

¹⁹⁹ Богданович Т. Салонный бунтовщик // Новый журнал для всех. 1909. № 6 (апрель). Стб. 90.

²⁰⁰ Стефановский К. Французский беллетрист-мыслитель // Вестник литературы. 1905. № 22 (23 ноября). Стб. 492.

²⁰¹ См.: Николаев П. Фельетон «Сибирской жизни» // Сибирская жизнь. 1909. № 26 (1 февраля). С. 3.

²⁰² Мирбо О. Исповедь Жибори / М.Г. // Сибирская жизнь. 1907. № 72 (20 июля). С. 2.

избегает исповеди на протяжении многих лет. Местный священник, живущий по соседству, неоднократно предпринимает попытки его исповедать. В итоге хитрый крестьянин обещает покаяться в обмен на бутылку старого бургундского вина. Священник приходит к нему в дом, но бутылка случайно разбивается, и исповедь вновь откладывается на неопределенный срок. Томский перевод новеллы, сделанный неким «М.Г.», очень точно передает все лексические и синтаксические особенности оригинала.

Если «Исповедь Жибори» носит сатирический характер, то в новелле «Крестины» («Un baptême»)²⁰³ О. Мирбо уже в полный голос осуждает пристрастие клерикалов к наживе, их грубость и черствость. Священник местного прихода объявляет дочь бедного крестьянина, пришедшего в церковь окрестить ребенка, бесноватой. За 10 франков он обещает изгнать из девочки беса и допустить ее к обряду крещения. Когда у крестьянина не находится нужной суммы, священник соглашается помочь ему за пять франков, четверть урожая картофеля и двенадцать фунтов масла.

Томский перевод, выполненный переводчиком, скрывшим свое имя за криптонимом «Е.Г.», передает обличительный характер новеллы. Фрагмент текста, в котором О. Мирбо с сарказмом описывает роскошное убранство церкви, может быть приведен в качестве примера адекватного перевода:

Mirbeau
Le vicaire n'était point arrivé quand ils se présentèrent à l'église. Il fallut l'attendre. Le parrain et la marraine s'agenouillèrent devant l'autel de Sainte-Anne, et marmottèrent des oraisons; la vieille berçait l'enfant qui se plaignait, mêlant ses prières aux refrains endormeurs; le père regarda les colonnes, les voûtes, tout cet or, tout ce marbre, surgi de la croupissante misère d'un pays désolé, comme sous la baguette d'une fée²⁰⁴.

Пер. М.Ш.
Когда они пришли в церковь, священника еще там не было. Приходилось дожидаться. Крестный отец и крестная мать опустили на колени перед изображением св. Анны и забормотали вполголоса молитвы. Старушка укачивала тоскливо стонавшего ребенка, инстинктивно перемешивая свои молитвы с колыбельными припевами. Отец безучастно разглядывал церковные колоннады, тяжелые своды, весь этот мрамор, все это золото, всю эту роскошь, которая, как бы по мановению волшебницы, поднималась здесь над непроходимой нищетой обездоленной страны. (С. 3).

²⁰³ Мирбо О. Крестины / Е.Г. // Сибирская жизнь. 1907. № 28 (20 мая). С. 3–4. Далее страницы указываются в тексте.

²⁰⁴ Mirbeau O. Un baptême [La ressource électronique] // Atramenta : lire, écrire, partager. Les données électroniques. URL: http://www.atramenta.net/lire/contes-iii/26185/47#oeuvre_page (la date de l'accès: 17.06.2014).

В новелле «Эй! Дядюшка Николай!» («Hé! Père Nicolas!») из сборника «Письма из моей хижины» («Lettres de ma chaumière», 1886) О. Мирбо реалистично описывает суровую жизнь крестьян. В центре новеллы – рассказчик, который совершает загородную прогулку с другом. Устав от жары, он предлагает своему спутнику передохнуть и выпить молока на ферме у его знакомого дядюшки Николая. Придя к нему в дом, они застают там лишь его жену, которая сообщает, что вчера ее муж умер, и предлагает им войти в дом, чтобы почтить покойника, лежащего в гробу. Путники заходят в комнату, а хозяйка, угощая их молоком, начинает в подробностях описывать смерть дядюшки Николая, говоря об этом как о самом обычном происшествии. Герои покидают дом, не зная, как относиться к подобной бесчувственности вдовы.

«Сибирский вестник» дважды обращается к этой новелле. В 1901 г. выходит первый перевод, выполненный переводчиком, скрывшим свое имя за криптонимом «Т.»²⁰⁵, в 1904 г. новелла публикуется в переводе «М.Ш.»²⁰⁶.

Эта новелла была написана в ранний период творчества, когда О. Мирбо тесно сближается с кружком молодых писателей-натуралистов. Именно поэтому, стараясь как можно реалистичнее и правдивее изобразить быт и мировоззрение крестьян, он обращается к принципам натуралистической эстетики. Так, основное внимание писателя концентрируется на описании натуралистических подробностей смерти главного героя его вдовой, для которой смерть мужа является поразительно обыденным событием.

Речь крестьянки экспрессивна и индивидуализирована: она изобилует просторечными выражениями, которые придают ее словам некоторую фамильярность и грубость.

Переводчик «Т.» прибегает к трансформации оригинала, нейтрализуя стилистически окрашенную лексику, и тем самым лишая персонаж его индивидуальной речевой характеристики. В то же время «М.Ш.» заменяет французские разговорные слова русскими просторечиями, которые являются

²⁰⁵ Мирбо О. Дядя Николай / Т. // Сибирский вестник. 1901. № 173 (10 августа). С. 2. Далее страницы указываются в тексте.

²⁰⁶ Мирбо О. Эй дядя Николай / М.Ш. // Сибирский вестник. 1905. № 125 (16 июня). С. 2. Далее страницы указываются в тексте.

их функциональными эквивалентами, поэтому ее перевод адекватно передает особенности речи крестьянки:

Mirbeau	Пер. Т.	Пер М.Ш.
<i>Hier, j' vas au marché; quand je reviens, v'là-t-y pas que l' père Nicolas était assis, la tête cont' la table, les bras ballants, et qu'y n'bougeait pas pus qu'eune pierre. «Moun homme!» qu' j'y dis. Ren. «Père Nicolas, moun homme!», qu' j'y dis cont' l'oreille. Ren, ren, ren en tout. Alors, j' l' bouge comme ça. Mais v'là-t-y pas qu'y s' met à branler, pis qu'y chute su l' plancher, pis qu'y reste sans seulement mouver eune patte, et noir, noir quasiment comme du charbon. «Bon sens, qu' j' dis, l' père Nicolas qu'est mô!» Et il était mô, monsieur Joseph, tout à fait mô... Mais vous n' buvez point... Ne v' gênez pas... J'en ai cor, allez...²⁰⁷.</i>	<i>Вчера пошла я на рынок; когда воротилась вот, вижу: дядя Николай сидел, головой на стол, склонившись, руки висели, и он не шевелился, как камень. «Муж!» – сказала я ему. – Ничего. – «Дядя Николай! Муженек!» – вскричала я ему на ухо. – Ничего, ничего, совсем ничего. Тогда я пошевелила его, – так вот. Но вот как пошевелила его, – он потом и упал на пол, да лежит там, не шевеля ни одной лапой, – и черный, черный, почти как уголь. «Значит, говорю, умер дядя Николай!» – И он умер... но вы не пьете... Не стесняйтесь... (С. 2).</i>	<i>Вечор я пошла на базар. Прихожу назад, а дядя Николай сидит, опустил голову на стол, руки повисли, и не шевелится, как каменный. Муженек!» – говорю я – молчит! «Дядя Николай, муженек!» – кричу ему над самым ухом – как есть ни гугу! Тогда я давай толкать его, вот этак. Тут он зашатался, да и упал на пол, ни рукой, ни ногой не шевельнется, а сам черный-пречерный. «Право слово, – говорю я, – дядя Николай помер!» И правда, он уж мертвый был... Но вы кушайте... Не стесняйтесь: у меня еще найдется... (С. 2).</i>

Итак, несмотря на то, что оба перевода достаточно верно передают содержание новеллы, перевод «М.Ш.» представляется более адекватным, поскольку отражает экспрессивность и колорит авторского стиля.

Помимо реалистических новелл, О. Мирбо создает и ряд мистических произведений, в которых прослеживается явное подражание американскому писателю Э. По. Однако в отличие от него, О. Мирбо чересчур сгущает краски и превращает реальные события в небылицы, напоминающие мрачный фарс. По словам русской переводчицы и критика З.А. Венгеровой, «ужасные» рассказы О. Мирбо не производят сильного впечатления на читателя: «Ему недостает богатства вымысла, и все его эффекты основаны только на совершенно неправдоподобных преувеличениях реальных происшествий»²⁰⁸.

²⁰⁷ Mirbeau O. Hé! Père Nicolas! [La ressource électronique] // Contes de la chaumière. Paris, 1923. P. 117–124. La version électronique de la publication typographique. – URL: <https://archive.org/stream/contesdelachaumi00mirb#page/117/mode/1up> (la date de l'accès: 17.06.2014).

²⁰⁸ Венгерова З.А. Октав Мирбо // Литературные характеристики : в 3 кн. СПб., 1910. Кн. 3. С. 240.

Эту мысль критика ярко подтверждает перевод новеллы «Безумные» («*Ils étaient tous fous*»)²⁰⁹, перепечатанный «Сибирской жизнью» из «Харьковского листка» в 1905 г. В произведении описан мрачный эпизод франко-прусской войны, потрясший рассказчика до глубины души. Находясь в кольце осады, французская армия медленно отступает, оставляя за собой тысячи раненых и убитых. Выжившие солдаты настолько истощены из-за отсутствия провианта, медикаментов и постоянного холода, что не в силах помочь своим раненым товарищам, и передвигаются буквально по их телам. Однажды ночью рассказчик становится свидетелем страшной картины, которая преследует его каждый день. В ночной темноте он наталкивается на две сотни раненых, истекающих кровью солдат, которые в припадке охватившего их безумия в нагом виде танцуют на морозе. Если эта новелла и могла поразить читателя, то отнюдь не страшным сюжетом, а, скорее, его нелепостью.

В отличие от произведений других авторов новеллы О. Мирбо, опубликованные в томской периодике, не обладают тематическим единством. Наиболее вероятной причиной их появления в местных газетах является не только наличие захватывающей фабулы, но и огромная популярность творчества О. Мирбо в России в конце XIX – начале XX в.

Итак, новеллистика П. Бурже, Ф. Коппе и О. Мирбо не принадлежит к числу хорошо известных современному русскому читателю, между тем она явилась заметным явлением литературной жизни российской провинции рубежа XIX–XX в.

Необходимо отметить, что основной корпус переводов зарубежной литературы составляет беллетристика, которая была призвана удовлетворить вкусы массового читателя. Преобладание переводов с французского объясняется двумя причинами. Во-первых, активным развитием массовой литературы во Франции. Так, уже в 1845 г. В.Г. Белинский пишет о том, что

²⁰⁹ Мирбо О. Безумные // Сибирская жизнь. 1905. № 218 (30 октября). С. 2–3.

переводы с французского «наводняют все другие европейские литературы»²¹⁰. Во-вторых, интенсивными контактами Франции и России на рубеже XIX–XX вв., оформившимися в истории международных отношений в виде франко-русского союза.

По мере становления собственно сибирской беллетристики художественные переводы с иностранных языков «начинают служить просветительским целям, приобщая к мировому культурному процессу массового читателя, не владеющего иностранными языками и имеющего ограниченный доступ к столичным журналам и книгам»²¹¹.

В начале XX в. томские переводчики все чаще обращаются к авторам, получившим признание в столичной критике (Г. де Мопассан, А. Франс, Э. Золя), избирательный характер рецепции позволяет говорить о наличии собственных критериев отбора произведений и определенной стратегии перевода.

Резюмируя проведенный анализ переводов французской литературы, можно отметить, что большинство из них вполне адекватно воссоздают оригинальные произведения французских авторов для томского читателя, передавая не только основную идею, но и манеру повествования каждого из авторов.

Вместе с тем довольно значительная часть томских переводов обнаруживает реализацию установки на «приближение» переводного произведения ко вкусам массового читателя. Используя различные приемы трансформации, томские переводчики пытаются сделать оригинальный текст, более близким реципиенту, снять потенциальные трудности восприятия. В некоторых случаях стремление к адаптации оригинала приводит переводчиков к русификации, что заметно в переводах А.О. Станиславского и К. Мировича.

---

²¹⁰ См.: Библиографическая хроника // Отечественные записки. 1845. Т. 43, № 11. С. 3.

²¹¹ Горенинцева В.Н. Рецепция английской и американской литературы в томской периодике конца XIX – начала XX вв. С. 198.

3. ФРАНЦУЗСКИЕ АВТОРЫ НА ТОМСКОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ СЦЕНЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

3.1. Основные этапы развития театра в Томске (1848–1917)

На рубеже XIX–XX в. важным элементом городской культуры Сибири стал театр. Он одновременно выполнял несколько взаимосвязанных функций: был средством общения и просвещения населения, трибуной и зеркалом общественной жизни страны, региона, города.

Материалы периодической печати являются самым обширным источником информации о томском театре. Исходя из анализа газетных материалов, можно говорить о формировании театрального хронотопа томского текста последней трети XIX – начала XX в.

В данном контексте под театральной хронотопом следует понимать пространственно-временной континуум, который распространяется на все «атрибуты», способствующие формированию театрального дела и театра в целом. Это театральные площадки и здания театра, труппы, актеры, репертуар, критики и печатные органы, в которых бы постоянно отражались театральные постановки, а также развитие их реципиента – зрителя²¹².

О формировании в Томске постоянного профессионального театра и сложившегося репертуара можно говорить начиная лишь с 1883 г., спустя более 30 лет после появления первого томского театра. Именно с этого времени в репертуар театра прочно входят произведения французских авторов. Обращение к французской театральной рецепции невозможно вне контекста общего развития томского театра. В связи с этим необходимым представляется небольшой экскурс в историю становления театрального дела в Томске в конце XIX – начала XX в.

---

²¹² См.: Кафанова О.Б. Театральный хронотоп Сибирского текста // Северный и Сибирский тексты русской литературы как сверхтексты: типологическое и уникальное : сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием «Северный и Сибирский тексты русской литературы: типологическое и уникальное», 9–11 октября 2013 г. Архангельск, 2014. С. 112–122.

Становление драматического театра в Томске прошло ряд этапов, характерных для большинства сибирских городов. Вначале спектакли проходили на временных площадках, например в здании Гарнизонных казарм²¹³. Летом 1848 г. в первый раз Томск посетила работавшая в Сибири небольшая актерская труппа под управлением И. Маркевича. Успех был настолько большим, что уже в 1848–1850 г. в городской роще (позже ставшей Университетской) было выстроено первое театральное здание, которое просуществовало 32 года. Деньги на строительство театра были собраны за несколько месяцев по подписке городским главой – известным золотопромышленником А.Е. Филимоновым. Городская управа отвела место под театр с условием его дальнейшего освобождения для постройки первого сибирского университета, поэтому вместо капитального здания было решено соорудить деревянный театр: «О внешней привлекательности здания, столь необходимой храму Мельпомены в эстетических целях, никто не позаботился <...>. Деревянное, крытое тесом здание, по отзывам очевидцев, более походило на сарай, чем на театр»²¹⁴.

Однако по ряду причин в первые десятилетия своего существования томский театр оказался невостребованным. Во-первых, между заездами гастролирующих трупп постоянно возникали длительные перерывы, которые могли длиться годами: «Город мелких ремесленников и торговцев, Томск, как и другие провинциальные города первой половины XIX в., несмотря на значительный круг зрителей, не способен был экономически обеспечить содержание постоянных трупп и даже тех самых скромных передвижных актерских групп, которые продолжали приезжать в Томск»²¹⁵.

Вместе с тем, Томск пока не имел контингента постоянных театралов, готовых посещать спектакли регулярно. Наконец, местных зрителей

---

²¹³ См.: Родченко Ю.И. Томский театр в военном собрании (1882–1884) // Вопросы истории, международных отношений и документоведения : сборник материалов Всероссийской молодежной научной конференции (17–19 апреля 2013 г.). Томск, 2013. Вып. 9. С. 124–129.

²¹⁴ Иванов А. Первый театр в Томске // Сибирская старина: краеведческий альманах. 2003. № 20. С. 31.

²¹⁵ Театр в Томске // Очерки истории Томской области (с древнейших времен до конца XIX в.). Томск, 1968. С. 128.

отталкивала неблагоустроенность самого театрального здания. В статье из «Томских губернских ведомостей» за 1868 г., подписанных инициалом «Х», содержатся любопытные подробности по этому поводу: «Надо признаться, что только отчаянный любитель решится идти в наш театр, где он рискует быть пронизанным холодом, сыростью и сквозным ветром, рискует задохнуться в коридоре от угара, чада и табачного дыма, рискует отсидеть себе ноги, вскарабкавшись на немилосердные табуреты»²¹⁶.

Г.А. Вяткин следующим образом описал состояние театрального дела в Томске: «В шестидесятых и семидесятых годах каких-либо постоянных артистических трупп в городе не было, заезжали иногда труппы артистов в 5–10–15 человек, ставили убогие спектакли, но целого сезона не выдерживали, а если и выдерживали, то только потому, что не на что было выехать дальше»²¹⁷.

Наконец, во время сезонов 1880–1882 г., связанных с антрепризой Елизаветы Петровны Авраховой (Никольской), сформировалась «первая действительно хорошая», по выражению Г.А. Вяткина, труппа. Но при этом помещение театра в городской роще было столь ветхим, что зрителям приходилось самостоятельно «облагораживать» его. На спектакли они привозили из дома ковры и самовары, чтобы с удобством предаваться «чарам Мельпомены», о чем писал профессор В.М. Флоринский, ставший первым ректором Императорского Томского университета²¹⁸. Уже летом 1882 г. деревянное здание театра было продано на слом и томская труппа оказалась бездомной.

История первого каменного театра в Томске началась с прибытия в город в 1883 г. нового губернатора Ивана Ивановича Красовского, заядлого театрала, знакомого со многими столичными актерами. Обнаружив, что в городе нет театра, он нашел пять местных купцов, каждый из которых готов

---

²¹⁶ Х. Желать ли в Томске театра? // Томские губернские ведомости. 1868. № 17 (3 мая). С. 8.

²¹⁷ Вяткин Г. Театр в Томске // Город Томск. Томск, 1912. С. 324.

²¹⁸ См.: Заметки и воспоминания В.М. Флоринского (1865–1880) // Русская старина. 1906. Кн. V (май). С. 292; Родченко Ю.И. История первого томского театра (1850–1882 гг.) (на материале «Томских губернских ведомостей» и «Сибирской газеты») // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 78–81.

был пожертвовать двадцать пять тысяч рублей на строительство театрального здания.

Об этой новости услышал и томский миллионер, ростовский купец первой гильдии, советник коммерции Евграф Иванович Королев (1823–1900). Он отправился к И.И. Красовскому и заявил о том, что самостоятельно построит театр, причем каменный, а не деревянный, как планировалось изначально. Купец заранее обговорил с губернатором и зафиксировал на бумаге важное условие постройки театра: «Но чтобы театр был вполне мой, чтобы я во всякое время, никого не спрашиваясь, мог замки на него повесить и чай сложить»²¹⁹.

К осени 1885 г. Е.И. Королев завершил возведение трехэтажного здания, сразу же прозванного в народе «Королевским театром» Г.А. Вяткин уточнил его местоположение: «К сезону 1885–6 гг. коммерции советником Е.И. Королевым был построен на собственные средства каменный театр на улице Московский тракт, прилегавший к Ново-Соборной площади»²²⁰. 19 сентября 1885 г. состоялось открытие театра, которое получило широкое освещение в местной печати²²¹. За очень короткий период времени театр стал важнейшим атрибутом культурной жизни города, но приобщение томских зрителей к культуре происходило медленно, а иногда и сама атмосфера в театре оставляла желать лучшего.

Так, на страницах «Сибирского вестника» за 1885 г. была обнаружена занимательная заметка о поведении местных зрителей во время посещения театра: «Совершенно пьяный зритель привел с собой собаку, которая и поместилась в первом ряду кресел; другой орал благим матом и подрался так, что побитого им будто бы отвезли в больницу»²²². В начале 1887 г. то же издание сообщало: «Театр у нас считается местом бесчинства по

²¹⁹ Суздальский В.И. Театр уж полон... из истории Томского драматического. Томск, 1995. С. 20

²²⁰ Вяткин Г. Театр в Томске. С. 325.

²²¹ См.: Родченко Ю.И. К истории первого сезона театра Е.И. Королева в Томске (на материале «Сибирской газеты» и «Сибирского вестника») // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6 (26). С. 27–32.

²²² Щукин. Чем мы живы // Сибирский вестник. 1885. № 32 (19 декабря). С. 16.

преимуществу, пьяные зрители райка орут, ругаются и дерутся без всякого препятствия и, при отсутствии мировых судей, не подвергаются за это никакому наказанию. Случается, что и посетитель партера тоже выкинет коленце в роде того, что шапку наденет, заснет или начнет громко переругиваться со знакомым»²²³.

Пиком безобразия явилась драка артистов А.А. Александрова и М.Ф. Ленского-Самборского, устроенная на маскараде в январе 1887 г. Сорвав друг с друга костюмы, они вступили в схватку, в результате чего занавес был опущен, а участники столкновения были оштрафованы. Более того, в труппу проникли «артисты» с уголовным прошлым. 29 декабря 1886 г. в театре был арестован один из актеров местной труппы по обвинению в сбыте медных вещей в качестве золотых с выставлением на них фальшивых проб. В феврале 1887 г. «Сибирская газета» сообщала: «Целых полгода писал декорации для местного театра художник Малицкий и вдруг... оказался беглокаторжным Маевским, содержавшимся в Тобольской ссыльнокаторжной тюрьме, из которой был отправлен в Восточную Сибирь, но бежал оттуда с фальшивым паспортом и устроился в Томске в качестве декоратора»²²⁴.

Театральный сезон 1886/87 гг. выдался чрезвычайно богатым на всякого рода происшествия. Так, 15 декабря 1886 г. поздно вечером любимец томской публики артист И.С. Топорков выстрелом из револьвера опасно ранил себя в голову, спустя девять дней он скончался. «Сибирская газета» прокомментировала эту ситуацию следующим образом: «Многие полагают, что И.С. – самоубийца, но, по словам близко знавших его людей, по словам, наконец, его семейства, это была несчастная случайность, неосторожность, объяснимая тем ненормальным состоянием, в котором находился в этот вечер покойный вследствие излишне выпитого вина»²²⁵.

По окончании сезона 1888/89 гг. владелец театра Е.И. Королев прервал свою антрепренерскую деятельность и начал сдавать театральное здание в

²²³ Жукин. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1887. № 5 (11 января). С. 2.

²²⁴ Городские известия // Сибирская газета. 1887. № 8 (22 февраля). Стб. 282.

²²⁵ Городские известия // Сибирская газета. 1886. № 52 (28 декабря). Стб. 1566.

аренду. Каждый из приезжих антрепренеров внес в театральную жизнь Томска что-то новое. Так, в сезоне 1889/90 гг. антрепренер М.М. Крылов впервые предложил Томску смешанную опереточно-драматическую труппу, заслужившую признание местной критики и зрителей. «Сибирский вестник» в начале октября 1889 г. писал о том, что «некоторые пьесы, даже применяя строгий критерий к игре исполнителей, проходят настолько удовлетворительно, что, право, такое исполнение не считалось бы худым ни в Москве, ни в Петербурге»²²⁶.

Сразу в трех сезонах с 1893 по 1896 г. действовала антреприза бывшего артиста Императорских театров С.В. Брагина (1857–1923). После окончания Санкт-Петербургского Императорского театрального училища в 1878 г. С.В. Брагин (настоящая фамилия – Владимиров) был принят в состав драматической труппы Александринского театра, а по выходе в отставку в 1881 г. в течение двадцати лет занимался антрепренерской деятельностью в разных городах России. С.В. Брагин стал одним из первых антрепренеров, понявших, что театр в Томске можно снимать не только на зимний сезон, но и на весенне-летние месяцы. Таким образом, театр был открыт круглый год, что стало новшеством для Томска. Кроме того, С.В. Брагин одним из первых стал одновременно обслуживать два города. В конце ноября 1894 г. он с опереточной частью труппы отправился в Красноярск, где также снял театр. В это время в Томске играла драматическая часть труппы, которой помогали любители. Затем оперетта возвратилась в Томск, а драма отправилась в Красноярск.

В апреле 1898 г. Томск посетили с гастролями знаменитые драматические артисты – братья Роберт Львович и Рафаил Львович Адельгейм, сыгравшие десять спектаклей. Театральное образование братья Адельгейм получили в Австрии, где в 1888 г. учились на отделении драматического искусства Венской консерватории. В течение нескольких лет

---

²²⁶ Неизменный театрал [В.А. Долгоруков]. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1889. № 114 (4 октября). С. 3.

после ее окончания они выступали в различных театрах Австрии, Германии и Швейцарии. Вернувшись в Россию, артисты связали свою жизнь с работой в театрах российской провинции, где, играя трагический репертуар «высокой классики», они поднимали сценическую и зрительскую культуру²²⁷. Неудивительно, что их гастроли стали важным событием в культурной жизни Томска. Братья Адельгейм поразили местных зрителей прекрасной игрой в классических трагедиях «Король Лир», «Гамлет», «Шейлок» и «Отелло» У. Шекспира, «Разбойники» Ф. Шиллера и «Уриэль Акоста» К. Гуцкова.

30 мая 1903 г. в театре Е.И. Королева начались гастроли артистов московского Малого театра во главе с будущей народной артисткой СССР А.А. Яблочкиной (1866–1964). Гости показали «Грозу», «Лес» и «Невольниц» А.Н. Островского, «Сильных и слабых» Н.И. Тимковского, «Воспитателя Флаксмана» О. Эрнста, «Школьных товарищей» Л. Фульда, «Мисс Гоббс» Дж.К. Джерома. Отзывы «Сибирской жизни» об исполненных А.А. Яблочкиной ролях всегда были одобрительные.

В июне 1905 г. томским театрам посчастливилось посетить гастроли труппы известного артиста М.М. Петипа (1850–1919). Внебрачный сын известного балетмейстера и театрального педагога М.И. Петипа, он пошел по стопам отца и выбрал артистическую карьеру. С 1875 г. по 1888 г. М.М. Петипа являлся драматическим актером Александринского театра, но из-за недоразумения с дирекцией ему пришлось выйти в отставку, покинуть императорскую сцену и работать в провинции. Среди спектаклей, поставленных его труппой в Томске и заслуживших признание зрителей, можно выделить «Дон Жуана» и «Тартюфа» Ж.-Б. Мольера, а также «Ревизора» Н.В. Гоголя.

В октябре 1905 г., когда страну охватила волна революционного движения, местом митингов и собраний в Томске стал театр Е.И. Королева. 20 октября 1905 г. в театре шли выборы в новую городскую думу. Черносотенцы, устроившие демонстрацию по случаю дарования царского

²²⁷ См.: Крути И.А. Русский театр в Казани : материалы к истории провинциального драм. театра. М., 1958. С. 323.

манифеста от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», напали на театр, но милиция сумела отразить атаку. К вечеру черносотенные войска по приказу губернатора В.Н. Азанчеевского-Азанчеева под защитой солдат подожгли «Королевский театр» и управление Сибирской железной дороги, в котором укрылась милиция, отказавшаяся сдать оружие властям. В огне погибли десятки людей, пытавшихся выбраться из пламени расстреливали, добивали топорами и дубинками²²⁸.

Владелица сгоревшего театра, вдова Е.И. Королева, скончавшегося в 1900 г., решила не восстанавливать здание. Прослужив городу двадцать лет, «Королевский театр» навсегда прекратил свою деятельность. Его гибель отрицательно сказалась на дальнейшем развитии сценического искусства в Томске, которое долгие годы ютилось в клубах и приспособленных для спектаклей помещениях.

Отныне гастрوليрующие труппы давали спектакли на сцене Общественного собрания, а с 1908 г. и в летнем деревянном театре в саду «Буфф», построенном известным томским ресторатором В.Л. Морозовым. Любители драматического общества выступали в Железнодорожном и Коммерческом собраниях, Бесплатной народной библиотеке, манеже Общества содействия физическому развитию и школе Общества ремесленников. Сцена и зрительный зал в Общественном собрании были небольшие, но тем не менее, эта сцена и этот зал видели знаменитостей. Крупнейшим событием в истории томского театра явились гастроль знаменитой русской актрисы В.Ф. Комиссаржевской (1864–1910). Как верно отмечает В.И. Суздальский, «значение этих гастролей вышло далеко за рамки культурной жизни, обретя характер события большого общественного и даже политического звучания»²²⁹. Со своей небольшой труппой артистка выступала на сцене Общественного собрания с 17 по 22 мая 1909 г., показав шесть спектаклей: «Бой бабочек», «Родину» и «Огни Ивановой ночи» Г. Зудермана,

---

²²⁸ См.: Шиловский М.В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск, 2010. 148 с.

²²⁹ Суздальский В.И. Театр уж полон... из истории Томского драматического. С. 32.

«Дикарку» А.Н. Островского и Н.Я. Соловьева, «Кукольный дом» Г. Ибсена и «Бесприданницу» А.Н. Островского.

Перед отъездом состоялась беседа В.Ф. Комиссаржевской с Г.А. Вяткиным. По его словам, артистка осталась довольна своей поездкой: Сибирь, тайга и горы произвели на нее сильное впечатление²³⁰. 23 мая 1909 г. В.Ф. Комиссаржевская вместе со своей труппой отбыла на пароходе «Николай» в Новониколаевск. Артистка обещала еще раз посетить Сибирь, однако 10 февраля 1910 г. она скоропостижно скончалась в Ташкенте от черной оспы. Вместе со всей Россией оплакивали ее гибель и томичи.

С 7 по 11 июня 1909 г. на сцене Общественного собрания состоялись гастроли артистов Малого театра под управлением Н.М. Падарина (1867–1918). Наиболее известной артисткой труппы была В.Н. Пашенная (1887–1962) – будущая народная артистка СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий, профессор московского Театрального училища им. Щепкина. Гастрольный репертуар москвичей включал «Дни нашей жизни» Л.Н. Андреева, «Большого человека» И.И. Кольшко, «Сполохи» («Жизнь достанет») В.А. Тихонова, «Сильных и слабых» Н.И. Тимковского.

3–5 февраля 1910 г. в Общественном собрании сыграл три лучшие роли своего репертуара знаменитый русский артист, будущий народный артист РСФСР П.Н. Орленев (1869–1932): Освальда в «Привидениях» Г. Ибсена, царя Федора Иоанновича в одноименной трагедии А.К. Толстого и Дмитрия в инсценировке романа «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского.

В 1912 г. возник вопрос об организации драматической школы в Томске, по поводу чего заинтересованно высказывалась местная интеллигенция, в число которой входил молодой писатель В.Я. Шишков, живший в это время в Томске. В статье, опубликованной в «Сибирской жизни» за 1912 г., он писал: «Ежели не надо в Сибири школы драматического искусства, – есть в Москве, – то не надо и музыкальной, не надо и художественной, все это есть в Москве,

²³⁰ См.: Георгий В. [Г.А. Вяткин]. У В.Ф. Комиссаржевской // Сибирская жизнь. 1909. № 106 (21 мая). С. 3.

пожалуйте в Москву, пешком с котомкой или по железной дороге, только ради Бога в Москву»²³¹.

Однако подобные публикации в местных газетах (а их было достаточно много) ни к чему не приводили. У города не было денег, а купечество в постройке театра не видело выгоды.

В феврале 1913 г. проездом на Дальний Восток в Томске выступал артист Императорских театров Г.Г. Ге (1867–1942). Четыре спектакля – «Черт» Ф. Мольнара, «Хорошо сшитый фрак» Г. Дрегели, «Кухня ведьм» и «Трильби» самого Г.Г. Ге – привлекли многочисленную публику.

В 1915 г. томский ресторатор В.Л. Морозов соорудил небольшой каменный театр для избранной публики и назвал его «Интимный», но настоящего общедоступного театра в Томске так и не построили. А в Общественном собрании цельные зимние сезоны стали дробиться на части: начинала сезон, как правило, одна труппа, а заканчивала уже другая. Труппы были малочисленные и после неизбежного краха преобразовывались в товарищества, расплзаясь по клубам. Однако несмотря на многочисленность артистов, выступавших в Томске, остро ощущался недостаток серьезных драматических коллективов, к тому же, репертуар не отличался идейной значимостью. Увидеть русскую и зарубежную классику можно было на гастролях знаменитостей, достаточно часто посещавших город. Наплыв гастролеров остановила начавшаяся первая мировая война, когда стало рискованно ехать в далекую Сибирь.

Несмотря на довольно интенсивное развитие, томский театр имел ряд недостатков, характеризующих его как провинциальный хронотоп. Прежде всего, это был антрепризный театр: многие актеры и актерские коллективы постоянно «мигрировали» в другие города по завершении антрепризы, в отличие от постоянных трупп, например МХТ и других столичных театров. Еще более существенным недостатком было отсутствие режиссеров. Томский театр был исключительно актерским, в то время как в Москве и Петербурге к

---

²³¹ Шишков В.Я. К вопросу о театральной школе в Сибири // Сибирская жизнь. 1912. № 124 (5 июня). С. 5.

началу XX в. появились выдающиеся режиссеры (К.С. Станиславский, В.И. Немирович-Данченко, А.Я. Таиров, Е.Б. Вахтангов, В.С. Мейерхольд), и театр сделался режиссерским.

В целом, перед Первой мировой войной наметилось сближение между столичным и сибирским театральными хронотопами благодаря участвовавшим гастролям петербургских театров и трупп. Однако этот процесс был прерван империалистической, а затем гражданской войнами.

При помощи театральной летописи, создаваемой критиками и отраженной в периодике, удалось восстановить репертуар томского драматического театра. Выяснилось, что в него входили не только произведения русской классики (А.Н. Островского, А.С. Грибоедова и Н.В. Гоголя), но и западноевропейская драма. Оценивая западноевропейскую составляющую томского театрального репертуара конца XIX в., можно заметить, что из переводных пьес большой удельный вес имела именно зарубежная классика.

В отличие от ведущих столичных театров, которые в это время несколько охладели к классическому репертуару, на провинциальной сцене активно продолжали ставить пьесы У. Шекспира («Гамлет», «Отелло», «Король Лир», «Венецианский купец», «Укрощение строптивой»)²³², Ф. Шиллера («Разбойники», «Коварство и любовь», «Вильгельм Телль», «Орлеанская дева», «Дон Карлос»)²³³, К. Гуцкова («Уриэль Акоста»)²³⁴ и Ж.-Б. Мольера («Тартюф», «Дон Жуан»).

В начале XX в. в репертуаре томского театра наблюдается увеличение доли современной европейской драмы. Ставились пьесы Г. Гауптмана («Потонувший колокол», «Одинокие», «Роза Бернд», «Больные люди»,

²³² См.: Горенинцева В.Н. «Укрощение строптивой» У. Шекспира в театральных рецензиях томской периодики конца XIX – начала XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 314. С. 18–21.

²³³ См.: Лобачева Д.В. Драмы Ф. Шиллера на сцене томского театра (на материале «Сибирской газеты» и «Сибирского вестника») // Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2007. Вып. 2. С. 157–164.

²³⁴ См.: Кафанова О.Б. Трагедия Карла Гуцкова «Уриэль Акоста» на томской сцене // Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2007. Вып. 2. С. 165–174.

«Коллега Крамpton») ²³⁵, Г. Зудермана («Гибель Содома», «Бой бабочек», «Родина», «Огни Ивановой ночи») ²³⁶, Э. Ростана («Принцесса Греза», «Романтики», «Сирано де Бержерак», «Шантеклер») и М. Метерлинка («Монна Ванна», «Синяя птица»).

Французский компонент занял достойное место в репертуаре томского театра. В нем были представлены фактически все направления и жанры: от классицизма (Ж.-Б. Мольер), романтизма (В. Гюго) до «хорошо сделанной пьесы» (Э. Скриб, В. Сарду, А. Дюма-сын), неоромантизма (Э. Ростан) и «новой драмы» (М. Метерлинк). Всего на страницах томской периодики было опубликовано 43 рецензии на 33 постановки произведений французских драматургов на сцене местного театра.

3.2. Французские пьесы в репертуаре томского театра

3.2.1. Театр классицизма: «Тартюф» и «Дон Жуан» Ж.-Б. Мольера

Репертуар томского театра, подобно репертуару многих театров провинциальной России конца XIX – начала XX в., включал в себя постановки пьес Ж.-Б. Мольера (J.-B. Molière, 1622–1673). Томские зрители увидели две комедии великого драматурга: «Тартюф, или Обманщик» («Le Tartuffe ou L'Imposteur», 1664) и «Дон Жуан, или Каменный гость» («Dom Juan ou le Festin de pierre», 1665).

Впервые в Томске «Тартюф» был показан на сцене театра Е.И. Королева 28 октября 1888 г. Автором рецензии на постановку пьесы явился постоянный корреспондент «Сибирского вестника» В.А. Долгоруков, подписавшийся одним из своих постоянных псевдонимов – «Неизменный театрал» ²³⁷.

²³⁵ См.: Разумова Н.Е. «Сибирский вестник» о Г. Гауптмане: «автопортрет» томского интеллигента // Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2007. Вып. 2. С. 175–183.

²³⁶ См.: Олицкая Д.А. Пьесы Г. Зудермана в театральных рецензиях «Сибирского вестника» // Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2007. Вып. 2. С. 184–189.

²³⁷ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей : в 4 т. М., 1957. Т. 2. С. 258.

В.А. Долгоруков был одним из самых талантливых томских театральных критиков, являясь своего рода просветителем как зрителей, так и актеров. Он очень хорошо знал многие пьесы, постановки которых видел в Петербурге и Москве, подробно разъяснял их проблематику, рассматривал томские постановки в широком контексте столичного и европейского театра, давал рекомендации актерам. В.А. Долгоруков способствовал развитию театральной критики и вкуса зрителей²³⁸.

Его заметка о постановке «Тартюфа» представляла собой подробный анализ исполнительского мастерства участников труппы. По мнению В.А. Долгорукова, несмотря на талантливое исполнение своих ролей практически всеми артистами, плохая игра одного из них – В.В. Холина – отрицательно сказалась на всем спектакле: «В роли Тартюфа выступил г. Холин и не только не понял ее, но, местами, положительно безобразил. Вместо Тартюфа перед нами была какая-то жалкая ничтожная фигура какого-нибудь заштатного дьячка или пономаря»²³⁹. Кроме того, В.В. Холин не помнил слова и, следуя за суфлером, невероятно растягивал фразы, чем мешал другим актерам. Плохое знание роли артистом было достаточно частым явлением на местной сцене: «учитывая небольшое количество зрителей, томский театр, как и любой провинциальный, был вынужден в течение сезона постоянно ставить все новые пьесы, увеличивать число премьер, играть с двух-трех репетиций»²⁴⁰. Других сведений о постановке В.А. Долгоруков не предоставил.

Следующий спектакль по мотивам мольеровской пьесы был поставлен в театре Е.И. Королева 17 ноября 1892 г. Рецензия «Сибирского вестника» и на этот раз принадлежала перу В.А. Долгорукова. Представив краткий анализ актерского мастерства артистов, рецензент отметил общечеловеческую значимость пьесы и привел свое мнение об ее актуальности и злободневности:

²³⁸ См.: Кафанова О.Б. «Сибирский текст» В.А. Долгорукова. С. 421–425.

²³⁹ Неизменный театрал [В.А. Долгоруков]. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1888. № 74 (28 октября). С. 3.

²⁴⁰ Лобачева Д.В. Драмы Ф. Шиллера на сцене томского театра (на материале «Сибирской газеты» и «Сибирского вестника»). С. 159.

«Тартюфов мы и теперь найдем повсюду, в разных видах, это тип общечеловеческий и неумирающий. Поэтому комедия Ж.-Б. Мольера вряд ли когда потеряет свое значение»²⁴¹. Критик ничего не сообщил о наполненности театра, однако можно предположить, что зрителей на спектакле было немного. Уже в декабре 1892 г. в своих письмах в московский театральный журнал «Артист», корреспондентом которого он являлся, В.А. Долгоруков писал: «Драма, положительно, не привлекает томичей, и большинство спектаклей идет почти при пустом театре. Даже бенефисы дают незначительные сборы»²⁴².

В очередной раз «Тартюф» был инсценирован в Томске в зимний сезон 1900/1901 гг. За два месяца до постановки спектакля, в ноябре 1900 г., на страницах «Сибирского вестника» появилась статья о творчестве Ж.-Б. Мольера. Ее автор, сотрудник газеты Н.И. Соколов, подписавший своим постоянным псевдонимом «Невидимка»²⁴³, отмечал, что в то время как Ж.-Б. Мольер «все еще живет и близок всем», не меньшие «великаны театра» П. Корнель и Ж. Расин «почти уже забыты, и, во всяком случае, очень потускнели»²⁴⁴. Действительно, не сохранилось никаких сведений о постановке трагедий французского классицизма на томской сцене на рубеже XIX–XX в. Возможной причиной данного факта может являться устаревший тип героя и основного конфликта классицистических произведений, которые не могли заинтересовать местную публику, в основном представленную состоятельным купечеством, отдававшим предпочтение водевилям и мелодраме.

В отличие от П. Корнеля и Ж. Расина, Ж.-Б. Мольер не возрождал на сцене античных царей и императоров классицистических трагедий, а рисовал

²⁴¹ Неизменный театрал [В.А. Долгоруков]. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1892. № 137 (21 ноября). С. 3.

²⁴² В.С. [В.А. Долгоруков]. Провинциальные корреспонденции. Томск // Артист. 1892. № 25. кн. 12 (декабрь). С. 205.

²⁴³ См.: Петряев Е.Д. Псевдонимы литераторов-сибиряков : материалы к «Истории русской литературы Сибири». Новосибирск, 1973. С. 65.

²⁴⁴ Невидимка [Н.И. Соколов]. Тартюфф. Комедия Мольера // Сибирский вестник. 1900. № 250 (12 ноября). С. 2.

некий обобщенный, типичный образ героя, понятный зрителю любой эпохи. Кроме того, именно Ж.-Б. Мольер вывел на сцену представителя тогда еще нового слоя – мещанина – героя более близкого томской публике по времени и социальному статусу. В завершение своей статьи Н.И. Соколов привел цитату из сочинения известного знатока европейского театра Алексея Николаевича Веселовского, в которой он утверждал, что Ж.-Б. Мольер был и навсегда останется лучшим наставником и образцом везде, где ценится идеал комедии.

Спустя два месяца после выхода статьи Н.И. Соколова, 16 января 1901 г., в бенефис артиста М.И. Каширина «Тартюф» был инсценирован в театре Е.И. Королева. Для такого рода представления, сбор с которого полностью или частично поступал в пользу одного актера, обычно ставились пьесы, гарантирующие максимально большой доход. Скорее всего, пьеса Ж.-Б. Мольера также была выбрана с целью привлечения большего количества зрителей.

На этот раз рецензия на спектакль была помещена на страницах «Сибирской жизни» и подписана неким «Ю.», настоящее имя которого не удалось установить. Критик не представил подробного анализа театральной постановки, ограничившись перечислением имен актеров и актрис, игравших в спектакле. В заключение он дал собственную оценку произведению: «Комедия Мольера «Тартюф» очень сценичная вещь, как и большинство произведений этого автора: она смотрится легко, но глубокого впечатления на зрителя не производит»²⁴⁵. Несмотря на это, продолжил критик, артист А.Г. Аяров, игравший Тартюфа, «сделал все от него зависящее», чтобы обеспечить успех спектакля. В конце своей заметки рецензент упомянул о том, что М.И. Каширину были поднесены ценные подарки, деньги и приветственные адреса от томичей, поэтому «в смысле сбора и оваций» бенефис можно было назвать удачным.

Последнее газетное упоминание о мольеровском «Тартюфе» появилось на страницах «Сибирского вестника» 24 апреля 1905 г. Автором краткой

---

²⁴⁵ Ю. Театр и музыка // Сибирская жизнь. 1901. № 15 (19 января). С. 2.

заметки о спектакле на сцене Железнодорожного собрания был Г.А. Вяткин. Он ограничился информацией о распределении ролей, краткой характеристикой игры артистов и замечанием о том, что «Гартюф» прошел «довольно прилично»²⁴⁶.

В конце XIX – начале XX в. на сцене томского театра была поставлена еще одна комедия Ж.-Б. Мольера «Дон Жуан». Во Франции судьба этой пьесы, написанной в 1665 г., оказалась довольно печальной. Комедия, произведшая настоящий фурор в аристократических и клерикальных кругах, была запрещена после пятнадцатого представления. Ж.-Б. Мольер до конца своих дней ничего не предпринимал для сценического возобновления или публикации пьесы. Она вернулась на французскую, а затем и мировую сцену лишь сто семьдесят шесть лет спустя.

Согласно газетным данным, впервые в Томске «Дон Жуан» был поставлен в зимний сезон 1896/97 гг. 14 января 1897 г. в «Сибирском вестнике» появилась рецензия на первую постановку комедии за прозрачной подписью «В. До-ков» (очевидно, В.А. Долгоруков)²⁴⁷. Наиболее пристальное внимание критик уделил анализу игры двух главных исполнителей: В.М. Янова (Дон Жуан) и И.А. Покровского (Сганарель). По его мнению, комедия «сосредоточивает весь интерес» на роли главного героя и его слуги, остальные действующие лица являются «не более чем аксессуарами, ничего из себя не представляющими». Актерское мастерство двух главных исполнителей заслужило похвалу В.А. Долгорукова, в то же время исполнение остальных членов труппы подверглись критике из-за отсутствия «ансамбля в исполнении».

Действительно, в период перехода от актерского театра к режиссерскому провинциальный театр стал заметно отставать от столичного, и этот факт не мог остаться незамеченным критиками. «Постановки классических пьес держались на игре отдельных актеров, общая режиссерская концепция

---

²⁴⁶ Г. В-ин [Г.А. Вяткин]. Вяткин Г.А. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1905. № 86 (24 апреля). С. 3.

²⁴⁷ В. До-ков [В.А. Долгоруков]. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1897. № 10 (14 января). С. 3.

спектакля отсутствовала»²⁴⁸. Именно с плохой игрой второстепенных артистов В.А. Долгоруков и связал неудачу спектакля.

В следующий раз «Дон Жуан» был поставлен в Томске летом 1905 г. гастролирующей труппой М.М. Петипа. Рецензия на спектакль была опубликована в «Сибирском вестнике» от 11 июня 1905 г., ее автором явился Г.А. Вяткин²⁴⁹. Короткая заметка рецензента была полна сарказма в адрес зрителей, полагавших, что Ж.-Б. Мольер «устарел». Упрекая публику в подобном мнении, молодой критик, тем не менее, оправдывал отсутствие у зрителей интереса к постановке «Дон Жуана» напряженной политической ситуацией в стране: «Наши мысли и чувства сконцентрировались вокруг одного великого центра общественности и борьбы, и вне этого центра нас в данную минуту уже почти ничего не интересует»²⁵⁰.

Действительно, летом 1905 г., в период небывалого подъема революционного движения в стране, трудно было ожидать от томских зрителей чрезмерной увлеченности театральным искусством. Более того, спустя четыре месяца после гастролей М.М. Петипа в Томске, 20 октября 1905 г., в огне пожара, устроенного погромщиками, сгорел и сам «Королевский театр», унеся с собой десятки человеческих жизней.

В городском саду «Буфф» 13 июня 1911 г. была в очередной раз поставлена комедия Ж.-Б. Мольера «Дон Жуан» в переводе известного своей любовью к театральному искусству русского писателя В.И. Родиславского. Весна и лето вносили оживление в театральную жизнь Томска. В провинции, в отличие от центральной России, летние сезоны часто были продуктивнее зимних. Всегда оставался сравнительно большой избыток сценических сил, который искал приложения своего труда на окраинах.

2 мая 1911 г. Томск посетила труппа известного российского антрепренера и театрального предпринимателя Михаила Матвеевича Борода (1853–1930). М.М. Бородай являлся организатором театрального дела в

²⁴⁸ Кафанова О.Б. Трагедия Карла Гуцкова «Уриэль Акоста» на томской сцене. С. 172.

²⁴⁹ Г. В-ин [Г.А. Вяткин]. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1905. № 121 (11 июня). С. 3.

²⁵⁰ Там же.

Казани, а в летние сезоны гастролировал в провинциальных городах вместе с созданным им товариществом. М.М. Бородай один ведал всем хозяйством театра: читал пьесы, составлял репертуар, раздавал роли, выбирал декорации и смотрел все спектакли.

«Дон Жуан» также вошел в репертуар гастролирующих артистов. Рецензия на постановку комедии была написана критиком, подписавшимся криптонимом «Г.», и напечатана в «Сибирской жизни» за 15 июня 1911 г.²⁵¹ По словам рецензента, «Дон Жуан» оставил «какое-то неопределенное впечатление». Провал спектакля он связывал с недостатком репетиций, слабым знанием ролей, «убогими» декорациями и «редкой» невнимательностью труппы М.М. Бородая, которая, тем не менее, успела зарекомендовать себя с хорошей стороны в предыдущих спектаклях. Говоря о рассеянности артистов, критик упомянул и о непрофессиональной звуковой оркестровке спектакля: «При появлении статуи командора в четвертом акте каждый его шаг сопровождался глухим стуком, что создавало иллюзию движения статуи, при уходе же командора это было упущено, как будто статуя одела туфли»²⁵². Упущение подобных мелочей, по мнению «Г.», разрушило целостность всего спектакля.

Итак, исследование рецензий местных критиков доказывает, что театр французского классицизма был не слишком популярен в Томске в конце XIX – начале XX в. За исключением двух комедий Ж.-Б. Мольера, пьесы других французских классицистов не нашли воплощения на томской сцене. Впрочем, восприятие пьес Ж.-Б. Мольера «Тартюф» и «Дон Жуан» также не имело в Томске последовательной истории (они ставилась с промежутком в несколько лет) и носило преимущественно эпизодический характер. Каждая постановка игралась разным актерским составом и в разные театральные сезоны, репертуар которых определялся конкретным антрепренером. Тем не менее, ни

---

²⁵¹ Г. Театр // Сибирская жизнь. 1911. № 131 (15 июня). С. 3.

²⁵² Там же.

один театральный сезон не показал особого интереса томской публики к театру классицизма.

Говоря о критическом анализе постановок «Гартюфа» и «Дон Жуана», представленном местными рецензентами, необходимо заметить, что, несмотря на то, он складывался из разных отзывов, все критики рассматривали спектакли без объяснения их идейного содержания и раскрытия сути образов главных героев. Очевидно, проблематика пьес на фабульном уровне была достаточно хорошо известна как критикам, так и зрителям. Философского прочтения произведений ни артисты, ни рецензенты дать не могли, возможно, еще и потому что предреволюционная и революционная ситуация мало к этому располагала. Таким образом, интерпретация комедий Ж.-Б. Мольера сводилась томской критикой к разговору об исполнительском мастерстве артистов. Это представляется вполне закономерным, поскольку российский провинциальный театр конца XIX – начала XX в. был в основном актерским, о феномене режиссерского театра как принципиально нового вида художественного творчества заговорили в столице только на рубеже XIX и XX в.

3.2.2. Театр романтизма: В. Гюго

Драматургия В. Гюго (V. Hugo, 1802–1885), воплотившая в себе идейные и эстетические принципы романтизма, вошла в репертуар томского театра конца XIX в. В этот период на местной сцене были показаны два спектакля по романам писателя «Собор Парижской Богоматери» («Notre-Dame de Paris», 1831) и «Человек, который смеется» («L'Homme qui rit», 1869), а также четыре романтические драмы: «Лукреция Борджиа» («Lucrece Borgia», 1833), «Анджело, тиран Падуанский» («Angelo, tyran de Padoue», 1835), «Эрнани» («Hernani», 1830) и «Рюи Блаз» («Ruy Blas», 1838).

10 ноября 1883 г. в томском театре Военного собрания был показан спектакль по мотивам романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» под

названием «Эсмеральда». В небольшой заметке об этой инсценировке, опубликованной в «Сибирской газете», упоминалось лишь то, что спектакль не привлек в театр много публики, несмотря на «очень эффектную новую декорацию средневековой парижской улицы и площади», а также специально изготовленный костюм героини²⁵³.

Восторга у местных рецензентов не вызвала и постановка одноименной пьесы по мотивам романа В. Гюго «Человек, который смеется», прошедшая на сцене театра Е.И. Королева в зимний сезон 1886/87 гг. в бенефис артиста П.И. Фелонова. Спектакль осветили сразу два ведущих периодических издания Томска – «Сибирский вестник» и «Сибирская газета».

Автором анонимной рецензии, опубликованной в «Сибирской газете», вероятнее всего, явился Феликс Вадимович Волховский (1846–1914), ведущий театральный обозреватель и негласный редактор издания. Революционер-народник, дворянин по происхождению, он попал в Сибирь в 1877 г. по делу «193-х»²⁵⁴. Главную роль театра Ф.В. Волховский видел в «воспитании в обществе всех добрых чувств и стремлений, начиная гуманностью и чувством человеческого достоинства и оканчивая самоотвержением «правды ради»²⁵⁵.

Провал спектакля он объяснил непригодностью романтического произведения для постановки на театральной сцене. По мнению критика, «раздирательные эффекты, условность, аллегоричность действующих лиц и обстоятельств» усиливались в драме, а «оригинальный и сильный» язык В. Гюго, напротив, терялся, превращаясь в «ходульный»²⁵⁶. Вывод Ф.В. Волховского звучал категорично: «Общее впечатление свинцовая скука и усталость, а между тем, сыграна была драма добросовестно и талантливо»²⁵⁷.

«Сибирский вестник» также откликнулся на эту постановку. В анонимной статье (в роли автора, очевидно, выступил постоянный

²⁵³ Хроника // Сибирская газета. 1883. № 46 (14 ноября). Стб. 1171.

²⁵⁴ См.: Доманский В.А. Ф.В. Волховский – негласный редактор «Сибирской газеты» // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 147–166.

²⁵⁵ Волховский Ф.В. Театральные впечатления // Сибирская газета. 1882. № 43 (24 октября). Стб. 1081.

²⁵⁶ Томский театр // Сибирская газета. 1886. № 48 (30 ноября). Стб. 1431.

²⁵⁷ Там же.

театральный рецензент издания В.А. Долгоруков), также негативно оценивался выбор пьесы бенефициантом: «Г. Фелонов в течение двух лет сумел приобрести себе симпатию томской публики как артист, добросовестно относящийся к своему делу и хорошо исполняющий роли, где он является русским живым человеком. Нельзя не удивляться, почему на свой бенефис он избрал переводную пьесу, в которой ему пришлось играть второстепенную роль»²⁵⁸. Критик счел монологи героев излишне растянутыми, а сюжет пьесы «абсолютно оторванным от современности».

Таким образом, рецензенты двух томских газет оказались солидарны во мнении о неудачном выборе произведения для постановки в театре, с тех пор драматургические переделки романов В. Гюго не встречались в репертуаре томского театра.

Однако томским зрителям посчастливилось увидеть четыре романтические драмы В. Гюго. Особенностью романтической драматургии писателя стала масштабность и гипертрофированность в изображении характеров и чувств главных героев. Как отмечает Е.М. Евнина, драма В. Гюго «дает либо концентрированное злодейство, либо концентрированную героичность, она представляет пороки (точно так же, как и добродетели) в намеренно преувеличенных размерах, чтобы наиболее глубоко взволновать сердца»²⁵⁹.

Именно наличие резких контрастов в изображении действующих лиц, обращение к новому, преимущественно национальному сюжету, а также социально-политическая направленность драматургии В. Гюго привлекали в театр огромное количество зрителей.

Первой романтической драмой В. Гюго, показанной в Томске в зимний сезон 1888/89 гг. в бенефис Е.Г. Соболева, стала «Лукреция Борджиа». Во Франции эта пьеса впервые была поставлена на сцене театра Порт Сен-Мартен 2 февраля 1833 г. Главная героиня пьесы Лукреция вследствие

---

²⁵⁸ Сибирская летопись // Сибирский вестник. 1886. № 103 (28 ноября). С. 3.

²⁵⁹ Евнина Е.М. Виктор Гюго. М., 1976. С. 51–52.

нечаянного стечения обстоятельств отравляет группу молодых людей, среди которых находится ее незаконнорожденный сын Дженнаро. Будучи пораженным вероломством и жестокостью матери, он решает отомстить за своих друзей и убивает Лукрецию кинжалом.

Скорее всего, именно занимательность сюжета стала причиной постановки данной пьесы на томской сцене. По словам М.С. Трескунова, «Лукреция Борджиа» «по своим художественным особенностям была сходна с распространенным <...> жанром мелодрамы, основанной на внешней занимательности эффектных сцен – ужасов, убийств, отравлений»²⁶⁰.

Большая часть местных зрителей (состоящая в основном из буржуазно-мещанской публики, а также малограмотного населения) искала в театре развлечений, поэтому отдавала особое предпочтение мелодрамам с запутанным и трагичным сюжетом.

Рецензию на спектакль дал постоянный корреспондент «Сибирского вестника» В.А. Долгоруков. Небольшая заметка не содержала информации ни о сюжете произведения, ни о сценических эффектах, ни о количестве зрителей, посетивших спектакль. Из нее стало известно лишь то, что данная пьеса была прежде незнакома томскому зрителю. В итоге В.А. Долгоруков сделал вывод о том, что в целом бенефис артиста Е.Г. Соболева прошел «порядочно»²⁶¹.

Следующей романтической драмой В. Гюго, показанной на томской сцене 10 января 1891 г., стала пьеса «Анджело». В.А. Долгоруков вновь явился рецензентом постановки и ограничился лишь характеристикой исполнительского мастерства артисток труппы: «В драме Гюго выделились своим исполнением г-жи Киселева и Мондшейн. Особенно хороша была последняя. Она провела роль в высшей степени жизненно и произвела сильное впечатление»²⁶².

Еще одна романтическая драма В. Гюго «Эрнани» была показана на

²⁶⁰ Трескунов М.С. Виктор Гюго: очерк творчества. М., 1961. С. 180.

²⁶¹ Неизменный театрал [В.А. Долгоруков]. Музыка и театр // Сибирский вестник. 1888. № 90 (4 декабря). С. 5.

²⁶² Неизменный театрал [В.А. Долгоруков]. Музыка и театр // Сибирский вестник. 1891. № 6 (13 января). С. 3.

местной сцене 6 января 1899 г. Во Франции премьера пьесы состоялась 25 февраля 1830 г. на сцене театра «Комеди Франсез». Постановка этой пьесы стала значимым событием в истории романтического театра, определив судьбу романтической драмы в целом. Уже на премьерном показе спектакля пьеса имела колоссальный успех, и никакие выпады против В. Гюго не могли заглушить возраставший интерес к спектаклю.

Томским рецензентом постановки «Эрнани» на сцене «Королевского театра» в очередной раз стал В.А. Долгоруков, который на этот раз представил более глубокий анализ драмы²⁶³. Тщательному разбору подвергся сюжет, основной конфликт, а также идейное содержание образов основных действующих лиц пьесы.

Интерпретируя основной конфликт пьесы через призму современности, критик отметил, что в наше время, когда романтизм «убит» реализмом и натурализмом, «Эрнани» уже не может иметь прежнего значения, поскольку некоторые места пьесы «отзываются мелодрамой». Подробно описав сюжетную линию пьесы, наибольшее внимание В.А. Долгоруков традиционно уделил разбору актерского мастерства участников труппы. «Пальму первенства» за хорошее исполнение роли главной героини, по его словам, завоевала артистка Н.В. Пальчикова. В заключение критик заметил: «Нельзя сказать, чтобы пьеса в исполнении труппы г. Струйского прошла слабо, или чтобы декоративная часть была плоха, но, все-таки, цельного впечатления не получилось, и на такие сильно-драматические роли, какие в пьесе, в труппе не хватило персонажей»²⁶⁴.

Спустя всего месяц после постановки «Эрнани», 14 февраля 1899 г., томские зрители увидели драму В. Гюго «Рюи Блаз». Э. Золя отзывался об этой пьесе как о «самой сценичной, самой человечной, самой живой из всех драм Гюго»²⁶⁵. Сам же В. Гюго называл ее «Монбланом» своего театра. В «Рюи Блазе» французский драматург пошел дальше, чем во всех остальных

²⁶³ Всев. Долг-ков [В.А. Долгоруков]. Музыка и театр // Сибирский вестник. 1899. № 5 (8 января). С. 2.

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ Трескунов М.С. Виктор Гюго: очерк творчества. С. 193.

драмах: главный герой пьесы, лакей Рюи Блаз, наделен не только пламенным сердцем и преисполнен благородства, но также обладает государственным умом и глубокими патриотическими чувствами, что резко отличает его от знати, бесстыдно грабящей страну. Эта драма В. Гюго вызвала живой интерес французской публики благодаря своему злободневному острополитическому звучанию.

Премьера «Рюи Блаза» в Томске привлекла большое количество публики и имела колоссальный успех. Об этом свидетельствует рецензия В.А. Долгорукова, опубликованная в «Сибирском вестнике» за 16 февраля 1899 г.²⁶⁶ Отметив, что пьеса была написана «прекрасными стихами» и хорошо переведена покойным поэтом Д.Д. Минаевым, критик сосредоточил свое внимание на анализе актерского мастерства труппы. По его мнению, именно сценичность «Рюи Блаза» стала наиболее трудным местом в процессе воплощения драмы силами томской труппы: «пьеса Гюго, для того чтобы произвести сильное впечатление, требует особенно сильных исполнителей»²⁶⁷. Однако ансамбля в исполнении пьесы актерами не наблюдалось.

Как справедливо отмечает Д.А. Олицкая, «уровень театральных трупп конца XIX – начала XX в. был, конечно, несопоставим со столичным, поэтому в рецензиях на местные постановки мы находим свидетельства как триумфа одних актрис, так и провала других»²⁶⁸. В итоге В.А. Долгоруков пришел к следующему выводу: «Исполнение не давало должного впечатления, и многим, вероятно, даже малопонятен был смысл пьесы и ее настоящее значение»²⁶⁹. Тем не менее, сбор был хороший.

Итак, критический анализ драмы В. Гюго В.А. Долгоруковым, как и в случае с комедиями Ж.-Б. Мольера, основывался на восприятии трех главных аспектов: идейно-тематического содержания, художественного своеобразия и сценичности показанных пьес. Тем не менее, основное внимание критика

²⁶⁶ Всев. Долг-ков [В.А. Долгоруков]. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1899. № 37 (16 февраля). С. 3.

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Олицкая Д.А. Г. Зудерман в томской периодике рубежа XIX–XX вв.: литературно-театральный портрет // Европейская литература в зеркале сибирской периодики конца XIX – начала XX в. Томск, 2009. С. 150.

²⁶⁹ Всев. Долг-ков [В.А. Долгоруков]. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1899. № 37 (16 февраля). С. 3.

сосредоточивалось на третьем аспекте (то есть на исполнительском мастерстве).

В.Н. Горенинцева утверждает, что в своих рецензиях В.А. Долгоруков выступал, прежде всего, «как терпеливый и доброжелательный педагог. Констатируя факт удачи или провала актера, он скрупулезно анализировал причины, всегда основываясь на собственном видении воссоздаваемого на сцене характера, и давал ценные практические рекомендации по сценическому движению и речи»²⁷⁰.

Замечания В.А. Долгорукова об отсутствии ансамбля в исполнении, которые появлялись практически в каждой его рецензии, свидетельствуют о том, что лучшие томские критики осознавали необходимость перехода от актерского театра к режиссерскому.

3.2.3. «Хорошо сделанная пьеса» (Э. Скриб, В. Сарду, А. Дюма-сын)

В 40–50-х гг. XIX в. властителями французского театра становятся искусные мастера «хорошо сделанной пьесы» («la pièce bien faite») Э. Скриб и В. Сарду, а также автор сентиментально-нравоучительной драмы А. Дюма-сын. В это время коммерческое начало играет главную роль в жизни театра, успех пьесы нередко определяется не ее идейным содержанием, а доходом, который она приносит. На смену бунтарской неистовости романтизма приходит псевдореализм нового времени, поверхностно отображающий суть жизненных явлений. Такой театр воздействует на зрителя «не столько истинностью изображаемых характеров и страстей, сколько высоко разработанной техникой драматургии и актерского мастерства»²⁷¹.

В этот период на всех европейских сценах прочно утверждается так называемая «хорошо сделанная пьеса», популяризатором которой становится

²⁷⁰ Горенинцева В.Н. Рецепция английской и американской литературы в томской периодике конца XIX – начала XX вв. С. 60.

²⁷¹ История зарубежного театра : учебник для культурно-просветительных и театральных учебных заведений. М., 1972. Ч. 2. С 18.

Э. Скриб (E. Scribe, 1791–1861). Отличительным признаком такого типа драмы является наличие четкой структуры: каждая ее сцена проистекает из предыдущей, соединяется с последующей и движется к кульминации, постоянно удерживая внимание зрителя. Подобное композиционное построение осуществляется механическим способом: экспозиция – конфликт – разрешение. Именно четкое следование данной схеме и обеспечивает «хорошую сделанность» пьесы. Прием неожиданности также является характерной чертой подобной техники: автор изобретает множество неожиданных препятствий и заставляет героев искать хитроумные способы их преодоления.

«Хорошо сделанная пьеса» была горячо любима зрителями, но осуждаема драматургами и критиками, которые стремились к тому, чтобы сцена отражала подлинную жизнь. Так, ярким противником подобного рода произведений был Б. Шоу, который утверждал, что принципы «хорошо сделанной пьесы» сложились тогда, когда люди стали предпочитать театр дракам, но «не настолько, чтобы понимать шедевры или наслаждаться ими»²⁷².

Однако даже противники «хорошо сделанной пьесы» вынуждены были признать, что подлинная театральность этого жанра буквально притягивает внимание публики. С наибольшей полнотой вкусы массового зрителя воплотились в произведениях Э. Скриба. Обладая безусловным талантом, чрезвычайным трудолюбием, он создал около четырехсот драматических произведений. Э. Скриб организовал целое предприятие по написанию пьес под собственным именем. Он ввел в мастерскую литератора принцип разделения труда: у каждого сотрудника был свой круг обязанностей, сам же драматург редактировал и публиковал готовый текст.

Драматургия Э. Скриба поэтизировала мещанское счастье и буржуазный практицизм. Философия его пьес сводилась к тому, что человеку необходимо стремиться к материальному процветанию, которое, по мнению драматурга,

---

²⁷² См.: Аникст А.А. Шоу // История западно-европейского театра : учебное пособие для театроведч. фак. театр. учеб. заведений. М., 1974. Т. 6. С. 35–75.

представляет собой самое большое счастье в жизни. Героями Э. Скриба являлись веселые и предприимчивые дельцы, что бесконечно льстило массовому зрителю. Историк культуры XIX в. А.А. Шахов справедливо назвал Э. Скриба «драматургом буржуазии», пояснив: «Он разделяет ее понятия, сочувствует ее стремлениям, вместе с нею занимается аферами, вместе с нею становится на сторону всего срединного, дюжего, добропорядочного, – как и она доволен судьбой, поддерживает существующий общественный строй»²⁷³.

Его пьесы не давали анализа характеров и страстей, однако, при всей своей поверхностности занимали и развлекали зрителя искусно изобретенной интригой, неожиданными поворотами действия и богатством занятных происшествий. Главный творческий принцип Э. Скриба состоял в «ублажении» зрителя, который ходит в театр не для того, чтобы его «поучали или исправляли, но для того, чтобы рассеяться и развлечься»²⁷⁴.

Большинство пьес французского драматурга оказались однодневками, однако некоторые из них до сих пор остаются в репертуаре многих театров и пользуются зрительским успехом. Самыми популярными всегда признавались пьесы так называемого «исторического» жанра: созданные на основе реальных событий, они превращали историю в блестяще построенный сценический анекдот, а мастерски придуманный сюжет прекрасно подходил для воплощения пьесы на сцене.

В томском театре конца XIX в. была показана одна из самых известных исторических драм Э. Скриба – «Адриенна Лекуврер» («Adrienne Lecouvreur», 1849). Во Франции премьера спектакля состоялась на сцене театра «Комеди Франсез» в 1849 г. Пьеса была написана Э. Скрибом совместно с драматургом Э. Легуве специально для знаменитой актрисы Э. Рашель (E. Rachel, 1821–1858). В основу ее сюжета положена трагическая история жизни знаменитой французской артистки Адриенны Лекуврер (Adrienne Lecouvreur, 1692–1730),

²⁷³ Шахов А.А. Скриб и промышленное направление // Очерки литературного движения в первую половину XIX века : лекции по истории французской литературы, читанные на высших женских курсах в Москве. СПб., 1913. С. 244.

²⁷⁴ Аникст А.А. «Хорошо сделанная драма» во Франции // Теория драмы на Западе во второй половине XIX века. М., 1988. С. 21.

бывшей возлюбленной многих знаменитых людей Франции и по слухам отравленной одной из своих соперниц. Э. Скриб представил романтическую трактовку образа артистки и противопоставил его развращенному аристократическому обществу XVIII в., создав пленительную историю о любви, измене и ревности с эффектной мелодраматической развязкой.

В Томске пьеса выдержала три постановки. Первое упоминание о ней, появившееся в «Сибирской газете», относится к 1886 г. Пьеса была инсценирована в зимний сезон 1886/87 гг. Небольшая анонимная заметка о спектакле (авторство которой, скорее всего, принадлежало ведущему театральному обозревателю газеты Ф.В. Волховскому) была посвящена разбору актерского мастерства Ю.Ф. Строговой, выступавшей в роли Адриенны. Отмечая, что аплодисменты раздавались практически после каждой фразы, произнесенной артисткой, давно заслужившей признание томских зрителей, критик не воздержался и от язвительных комментариев по поводу ее игры. Так, его неприятно удивила сцена отравления и смерти героини: «были моменты, когда г-жа Строгова явно забывала, что она отравлена и получалось такое впечатление, точно у Адриенны действие яда чередуется с минутами полного здоровья»²⁷⁵. Несмотря на мелкие недочеты, спектакль имел шумный успех у местной публики.

Во второй раз «Адриенна Лекуверр» была инсценирована в бенефис артистки М.Э. Мондшейн в ноябре 1890 г. Осветил постановку театальный критик «Сибирского вестника» В.А. Долгоруков. Спектакль не вызвал у него никакого восторга. По его мнению, при столь малочисленной труппе, какая играла в Томске в зимнем сезоне 1890/91 гг., режиссеру не следовало включать в репертуар подобную пьесу из-за отсутствия подходящих на роли артистов²⁷⁶.

---

²⁷⁵ Томский театр // Сибирская газета. 1886. № 37 (14 сентября). Стб. 1093.

²⁷⁶ Неизменный театрал [В.А. Долгоруков]. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1890. № 132 (16 ноября). С. 3.

3 ноября 1893 г. «Адриенна Лекуврер» была поставлена в Томске в последний раз. Рецензию на постановку пьесы, появившуюся на страницах «Сибирского вестника», можно назвать самой восторженной из трех. Анонимный критик с самого начала упомянул о том, что после каждого акта публика встречала бенефициантку З.П. Панову, исполнявшую главную роль, шумными овациями. Игру артистки он назвал безукоризненной: «Трудная сцена медленной смерти от отравления в 1-м акте ей прекрасно удалась, не производила в зрителе раздражения или утомления, напротив, до конца возбуждала его напряженное внимание»²⁷⁷. После спектакля бенефициантка получила роскошную корзину с цветами, букет и серебряный сервиз.

Итак, анализируя постановку драмы Э. Скриба «Адриенна Лекуврер» на томской сцене, критики традиционно ограничились разбором актерского мастерства исполнителей. Очевидно, сюжет драмы был прекрасно известен как критикам, так и зрителям.

Еще одним драматургом, писавшим в технике «хорошо сделанной пьесы», был В. Сарду (V. Sardou, 1831–1908). Его пьесы, как и произведения Э. Скриба, не отличались особыми литературными достоинствами, создавались исключительно для постановки на сцене и составляли основу европейского театрального репертуара конца XIX – начала XX в.

Творчество В. Сарду было, прежде всего, ориентировано на мещанского зрителя, поэтому основными жанрами его пьес были комедии нравов из современной жизни, псевдоромантические драмы на исторические сюжеты, а также развлекательные комедии водевильного типа. В. Сарду прекрасно разбирался в сценических законах, вызывал интерес публики увлекательной интригой мелодраматического характера, живо, хотя и поверхностно изображая современные нравы и представляя карикатуры на современных политических деятелей. Успеху его пьес во многом способствовало создание эффектных ролей для актеров и особенно актрис.

---

²⁷⁷ Театр и музыка // Сибирский вестник. 1893. № 130 (7 ноября). С. 3.

В России малосодержательная драматургия В. Сарду вызвала резкую критику М.Е. Салтыкова-Щедрина. По его словам, В. Сарду представлял собой тип так называемого «паразита-художника», который, позабыв всяческий этикет и прибегнув к голословным площадным ругательствам, создавал нелепые комедии на потеху зрителю ради собственной наживы²⁷⁸.

Уже в начале XX в. пьесы французского драматурга стали стремительно терять популярность, а он сам подвергся беспощадной критике за пристрастие к стандартным театральным приемам и за безыдейность творчества в целом.

На рубеже XIX и XX в. на томской сцене было показано четыре пьесы В. Сарду: «Мадам Сан-Жен» («M-me Sans-Gêne», 1893), «Граф де Ризоор» («Patrie», 1869), «Спиритизм» («Spiritisme», 1897) и «Колдунья» («La sorcière», 1904).

Историческая комедия «Мадам Сан-Жен» была инсценирована в Томске дважды: в 1896 и в 1912 г. Эта пьеса признана классическим образцом псевдоисторической драмы с романтическим сюжетом. Она повествует о невероятной судьбе парижской прачки Катрин, которая сначала становится возлюбленной молодого Бонапарта, а затем и герцогиней при его дворе. В конце XIX в. эта комедия считалась одной из самых популярных и сценичных пьес европейского театрального репертуара.

Автором рецензии на спектакль, показанный в Томске в зимний сезон 1896/97 гг., явился В.А. Долгоруков. Его статья носила хвалебный характер: критику пришелся по нраву как сюжет пьесы, так и мастерство артистов: «Все сцены забавны и представляют живую карикатуру на придворных дам первой империи. <...> Большой мастер своего дела, Сарду, если и не дал верной исторической картины, то все-таки создал хорошую вещь, изобилующую живыми сценами и яркими типами»²⁷⁹.

Вторая рецензия, написанная И.А. Ивановым на спектакль, показанный 24 июня 1912 г. на сцене летнего театра в саду «Буфф» товариществом драматических артистов под управлением В.Л. Градова, также была вполне

²⁷⁸ Салтыков-Щедрин М.Е. Драматурги-паразиты во Франции // Собр. соч. : в 20 т. М., 1966. Т 5. С. 250– 265.

²⁷⁹ В. Д-ков [В.А. Долгоруков]. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1896. № 217 (6 октября). С. 3.

одобрительной: «Больше, чем удовлетворительная, для «Буффа» постановка и положительно хороши костюмы. Публики было очень много. Комедия имела шумный успех»²⁸⁰. Критик также предрекает комедии сценический успех на много лет вперед.

15 ноября 1898 г. в «Королевском театре» была поставлена еще одна драма В. Сарду «Patrie», озаглавленная в русском переводе «Граф де Ризоор». Именно перевод, сделанный Н.Ф. Арбениным в 1892 г., был признан самым лучшим из трех существовавших к тому времени: «Отечество!» (1872), «Родина» (1883) и «Предательница» (1897). Поэтому в России эта пьеса В. Сарду получила популярность под названием «Граф де Ризоор».

Свое произведение драматург посвятил американскому историку Д.Л. Мотлею, чтение «Истории Нидерландской революции» («The Rise of the Dutch Republic», 1856) которого вдохновило В. Сарду написать эту пьесу. Он заимствовал у Д.Л. Мотлея описание мрачной эпохи испанского владычества свирепого герцога Альбы в Нидерландах в 1567–1573 г., сюжет же пьесы был разработан самим автором. За основу драмы он взял любовную интригу испанки Долорес, жены графа де Ризоора, и ее возлюбленного, фламандца Карлоо, являвшегося другом ее мужа. Оба мужских персонажа являются патриотами своей страны и принимают участие в заговоре против герцога Альбы. Страстная испанка Долорес в пылу ненависти выдает герцогу своего мужа и других заговорщиков, которых приговаривают к сожжению на костре. Драма заканчивается трагически: Карлоо закалывает доносчицу и выбрасывается из окна на костер, чтобы подвергнуться общей участи со своими осужденными друзьями.

«Patrie» была написана В. Сарду в 1869 г. и тогда же впервые поставлена на сцене театра «Порт-Сен-Мартен». Постановка этой пьесы явилась своего рода знаменательным явлением в истории французского театра и произвела потрясающее впечатление на публику. Вот такая характеристика французской премьеры была приведена в предисловии к русскому переводу пьесы Н.Ф. Арбенина: «Со времен бурных постановок «Эрнани», «Марион де-Лорм»

---

²⁸⁰ Иванов И.А. Театр // Сибирская жизнь. 1912. № 142 (26 июня).

и «Рюи-Блаз», ни один из парижских театров не был свидетелем такого шумного, из ряда вон выходящего успеха, какой в этот вечер выпал на долю сенсационной новинки»²⁸¹.

После первой постановки пьеса выдержала более четырехсот представлений, а затем была снята с репертуара на долгих семнадцать лет, лишь в 1886 г. тот же театр «Порт-Сен-Мартен» вновь поставил эту драму. Реакция критиков и публики носила столь же восторженный характер, как и при ее первой постановке.

В России «Patrie» в переводе Н.Ф. Арбенина была впервые исполнена на сцене московского Малого театра в 1893 г. и в первый же сезон была показана более тридцати раз. Она оставалась в репертуаре театра и в 1898 г., в год ее инсценировки в Томске.

Рецензентом, осветившим постановку «Графа де Ризоора» на томской сцене, явился В.А. Долгоруков, который вслед за столичной критикой и зрителями с восхищением отзывался о пьесе: «Драма Сарду, бесспорно, выдающееся произведение. Все сильные места в ней проникнуты истинным драматизмом»²⁸². Он упомянул о том, что драма поразила томскую публику до глубины души. Зрителей также приятно удивили роскошные декорации, поэтому они шумно вызывали не только артистов, исполнявших главные роли, но и декоратора театра.

В этом же сезоне 24 января 1899 г. на сцене театра Е.И. Королева была поставлена драма В. Сарду «Спиритизм» в переводе Н.А. Лухмановой (1898). Пьеса была построена на мелодраматической основе: главная героиня, богатая аристократка Симона, возомнив, что ее муж – бессердечный человек, не способный к сильной страсти, сообщает ему, что отправляется в Лондон, а сама втайне остается в Париже с любовником-румыном. Поезд, едущий до Лондона и везущий служанку Симоны вместо нее, сгорает. Муж героини пребывает в отчаянии и находится на грани умопомешательства. Симона

²⁸¹ Сарду В. Граф де Ризоор : (Patrie!) : драма в 5 д. СПб., 1889. С. 6.

²⁸² Вс. Долг-ков [В.А. Долгоруков]. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1898. № 247 (17 ноября). С. 3.

узнает о его безумной любви и решает явиться к нему в виде духа, а затем, видя, что муж простил бы ее измену, если бы знал, что она жива, раскрывает ему всю правду. Спектакль заканчивается страстными объятиями главных героев.

Две томские газеты «Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь» поместили рецензии на постановку «Спиритизма» в Томске. Интересно, что мнения критиков о спектакле полностью разошлись. Так, В.А. Долгоруков, выступавший от лица «Сибирского вестника», воспринял ее негативно: «Драма Сарду ни в литературном, ни в сценическом отношении не представляет ничего выдающегося. Здесь нет ни типов, ни оригинальных личностей»²⁸³. Основную часть своей рецензии он уделил описанию сюжета произведения. Исполнение труппы критик оценил как «недурное», однако посетовал на чрезмерную «деланность» игры артистов в некоторых сценах.

Рецензент «Сибирской жизни», скрывший свое имя за криптонимом «Ю.», представил совершенно противоположную характеристику той же самой постановки: «Очень сценичное произведение иностранной театральной литературы, драма эта и в переводе является довольно ценным достоянием нашего театра»²⁸⁴. По его словам, спектакль прошел успешно, а некоторые сцены, художественно проведенные артистами, буквально приковывали внимание зрителя.

В своеобразной полемике двух рецензентов В.А. Долгоруков, являвшийся одним из самых сведущих театральных обозревателей, представил более адекватное истолкование пьесы, которая, действительно, обладала очень посредственным литературным достоинством даже в сравнении с другими произведениями французского драматурга.

Четвертая драма В. Сарду «Колдунья» была показана на сцене театра Е.И. Королева в зимний сезон 1904/05 гг. Действие пьесы происходит в 1506 г.

---

²⁸³ Всев. Долг-ков [В.А. Долгоруков]. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1899. № 20 (26 января). С. 3.

²⁸⁴ Ю. Театр и музыка // Сибирская жизнь. 1899. № 20 (26 января). С. 3.

в Испании. Гонимая инквизицией мавританка Зорайя, по мнению многих, являющаяся колдуньей, из чувства мести за свой гонимый народ заставляет безумно увлечься собой некоего дона Энрико. В итоге обоих героев ждет суд инквизиции.

Томскую постановку пьесы в общих чертах охарактеризовал Г.А. Вяткин. Критик остался недоволен премьерой, сетуя на чересчур примитивный сюжет произведения: «К сожалению, общественный элемент в пьесе – месть отверженной мавританки своему тирану и тирану ее народа – отодвинут на второй план, на первом же плане – несколько банальная любовная интрига»²⁸⁵. Игру артистов Г.А. Вяткин счел вполне достойной.

Таким образом, драмы В. Сарду «Спиритизм» и «Колдунья», имевшие ярко выраженный мелодраматический характер и не воссоздающие хотя бы частично какую-либо историческую эпоху, а потому слишком примитивные, пришлись не по вкусу местным рецензентам. Этот факт свидетельствует об эстетическом развитии томских критиков, в рецензиях которых все чаще звучит призыв к инсценировке произведений, затрагивающих острые социальные проблемы современной жизни.

Третьим автором, который также руководствовался техникой «хорошо сделанной пьесы», был А. Дюма-сын (A. Dumas fils, 1824–1895). Он открыто признавал свою связь с предшествующей драматургией, в частности с творчеством Э. Скриба, которое импонировало ему отточенностью техники, театральностью и логикой построения действия. Однако в отличие от драматургов типа Э. Скриба и В. Сарду, А. Дюма-сын не ограничивался чисто развлекательным назначением театра. Он полагал, что театр должен пробудить в зрителе добрые чувства и заставить его задуматься о вопросах нравственности. Главной темой творчества драматурга являлась борьба против разложения семьи: он утверждал, что только любовь является

---

²⁸⁵ Г. В-ин [Г.А. Вяткин]. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1905. № 5 (8 января). С. 3.

единственной здоровой основой супружеского союза. Несмотря на некоторую ограниченность своих морализаторских проповедей, А. Дюма-сын способствовал переходу французской драмы от романтизма к реализму, создав новый жанр так называемых «проблемных пьес» («*pièces des mœurs*» или «*pièces à thèse*»), которые носили нравоучительный характер и обличали нравы современного общества²⁸⁶.

Из большого количества пьес А. Дюма-сына в томском театре были показаны четыре: «Дама с камелиями» («*La Dame aux Camélias*», 1852), «Американка» («*L'Etrangère*», 1876), «Багдадская принцесса» («*Princesse de Bagdad*», 1881) и «Полусвет» («*Demi-Monde*», 1855).

В первый театральный сезон «Королевского театра» 1885/86 г. в репертуар театра вошли сразу две пьесы А. Дюма-сына. 29 сентября 1885 г. была поставлена драма «Дама с камелиями», известная под названием «Как поживешь, так и прослывешь» в переводе В.И. Родиславского, сделанном в 1873 г.

Небольшая рецензия на томскую постановку этой пьесы появилась в «Сибирской газете». Анонимный автор (предположительно, Ф.В. Волховский) отказался от пересказа сюжета произведения, сославшись на его широкую известность благодаря не только драме, но и одноименному роману французского автора. Он отметил, что вся пьеса держится исключительно на главной роли куртизанки Маргариты Готье, которая под влиянием всепоглощающего чувства любви совершает одну из величайших жертв: отказывается от семейного счастья с любимым ею Арманом Дювалем, чтобы не компрометировать его семью в глазах высшего общества. Затем рецензент похвалил артистку Ю.Ф. Строгову, исполнявшую главную роль, за то, что она «глубоко вдумалась в характер изображаемой ею личности» и смогла изобразить «блестящую царицу полусвета»²⁸⁷.

²⁸⁶ См.: Дюма Александр, младший (Дюма-сын) // Литературная энциклопедия. М., 1930. Т. 3. Стб. 626.

²⁸⁷ Хроника томского театра // Сибирская газета. 1885. № 40 (6 октября). Стб. 1052.

Комедия А. Дюма-сына «L'Etrangère» («Иностранка»), ставшая «Американкой» в переводе, сделанном Ф. Гриндиным и Н. Самойловым в 1877 г., была инсценирована в Томске 24 ноября 1885 г. Этот факт стал известен благодаря заметке, опубликованной в «Сибирской газете»²⁸⁸. Никаких дополнительных сведений об этом спектакле издание не предоставило.

Летом 1900 г. в Томск на гастроли из Барнаула приехала труппа Е.А. Вадимовой. Силами артистов этой труппы в расположенном на Московском тракте летнем театре-цирке томского купца И.Г. Горланова была поставлена комедия-драма А. Дюма-сына «Багдадская принцесса». В этом произведении французский драматург вновь выступил против нарушения моральных законов и разрушения семьи. Главная героиня Лионет не поддавалась соблазну уйти от мужа к богатому любовнику, не желая, чтобы ее маленький сын рос без отца. Анализ этой постановки представила местная корреспондентка, подписавшаяся псевдонимом «Идилия». Она назвала пьесу «картинкой из французской жизни» и отметила, что бенефициантка Е.А. Днепровская, игравшая Маргариту, «довольно жизненно провела свою роль»²⁸⁹. Из заметки стало известно, что театр посетило большое количество зрителей, а артистка Днепровская получила в подарок от поклонников золотые часы с цепочкой.

Комедия А. Дюма-сына «Полусвет» впервые была поставлена в Томске 19 сентября 1900 г. Пьеса, написанная практически пятьюдесятью годами ранее, явилась новинкой на томской сцене, поэтому неизвестный корреспондент «Сибирского вестника», подписавшийся криптонимом «Д.», посчитал необходимым пересказать ее содержание накануне премьерного спектакля. Скорее всего, это было сделано в целях своего рода рекламы, но также и для того, чтобы объяснить местному зрителю, что именно представляет собой «полусвет» (термин, введенный А. Дюма-сыном). Итак,

---

²⁸⁸ Хроника томского театра // Сибирская газета. 1885. № 47 (24 ноября). Стб. 1269.

²⁸⁹ Идилия. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1900. № 177 (12 августа). С. 3.

критик пояснил, что парижский «полусвет» состоял из женщин, «которые принадлежали когда-то к высшему кругу, но под влиянием разрыва с мужьями, разорения или какого-нибудь некрасивого поступка в прошлом, потеряли право принадлежать к нему»²⁹⁰. Это был некий промежуточный слой общества, в котором жажда наживы и успеха превалировала над моральными ценностями. Сюжет представлялся критику достаточно занимательным: Сюзанна д'Анж, сумевшая купить себе фамилию умершей за границей баронессы и благодаря этому попасть в высший свет, влюбляет в себя богатого аристократа Раймонда де Нанжака, который собирается жениться на ней, но вовремя узнает о ее корыстных планах.

Спустя три дня после томской премьеры тот же критик «Д.» представил рецензию на спектакль. Несмотря на, казалось бы, захватывающий сюжет, комедия показалась ему «длинной и скучной вещью, полной банальных диалогов и лишённой действия»²⁹¹. По мысли рецензента, все пять актов комедии были посвящены доказательству того, что неskomпрометированный мужчина может жениться только на неskomпрометированной женщине. При этом «Д.» ехидно заметил: «Не подумайте, что автор проповедует добрачную чистоту полов, нет, его буржуазно-светский катехизис слишком узок, слишком условен для такой проповеди. Греши, да не попадайся – вот, что, прежде всего, важно»²⁹². Критик не дифференцировал позиции автора и его героев, полагая, что А. Дюма-сын сам проповедует такую же мораль, что и персонажи его пьесы.

Действительно, «Полусвет», как и многие драмы А. Дюма-сына, несмотря на свой обличительный характер, не затрагивал самих устоев современного общества. Автор не шел дальше благих намерений в преодолении пороков общества, что очень точно, хотя и в достаточно резкой форме, отметил томский критик.

---

²⁹⁰ Д. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1900. № 205 (19 сентября). С. 3.

²⁹¹ Д. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1900. № 208 (22 сентября). С. 2.

²⁹² Там же.

Эту же постановку «Полусвета» на томской сцене осветил корреспондент «Сибирской жизни», скрывший свое имя за криптонимом «Ю.». Он так же, как и «Д.», отметил, что спектакль не имел успеха, и что в этом никак нельзя винить артистов, исполнение которых являлось безупречным. В отличие от своего коллеги, этот критик был менее категоричным в суждениях о художественной ценности произведения: «При отсутствии глубокого замысла в пьесе этой есть, однако, некоторые детали, которые делают ее интересной: написана она в игривом тоне, и потому смотрится легко»²⁹³.

Спустя двенадцать лет, 23 июня 1912 г., комедия А. Дюма «Полусвет» вновь была поставлена на томской сцене. Летний театр сада «Буфф» был полон зрителей. И вновь пьеса не пришлась по вкусу местному критику И.А. Иванову. Так, он писал: «Художественных достоинств, кроме старательного следования за бытом изображаемой среды, в комедии А. Дюма нет»²⁹⁴. Кроме того, критик, как в свое время рецензент «Д.», жаловался на наличие в пьесе «крупных изъянов» в виде длинных и скучных монологов. Исполнение было оценено как «удовлетворительно-ровное».

Итак, томская театральная рецепция творчества А. Дюма-сына хронологически была очень запоздалой. «Полусвет», написанный в 1855 г., был впервые инсценирован в Томске только в 1900 г. Именно поэтому реакция критики на постановку спектакля была вполне осмысленной и в связи с этим негативной. «Реализм» А. Дюма-сына, далекий от жизненной правды и вопросов, привлекавших прогрессивную интеллигенцию начала XX в., окончательно изжил себя, поэтому томским критикам не удалось обнаружить какой-либо художественной ценности в его пьесе.

---

²⁹³ Ю. Театр и музыка // Сибирская жизнь. 1900. № 205 (22 сентября). С. 3.

²⁹⁴ Иванов И.А. Театр // Сибирская жизнь. 1912. № 142 (26 июня). С. 3.

3.2.4. Театр неоромантизма: пьесы Э. Ростана

В репертуар томского театра конца XIX – начала XX в. вошли пьесы французского драматурга Э. Ростана (E. Rostand, 1868–1918). Расцвет его творчества пришелся на 1890-е гг. – время господства на французской сцене пошлой и бессодержательной мещанской драмы. Э. Ростану предстояло «возродить на французской сцене сильные чувства, большие страсти, выраженные в красочной романтической форме»²⁹⁵, и возглавить неоромантическое направление французского театра.

Своим учителем Э. Ростан считал В. Гюго, творчество которого В.А. Луков справедливо называет «связующим звеном между эпохой романтизма в литературе начала XIX в. и активизацией романтических тенденций в конце столетия»²⁹⁶. Однако в отличие от критического осмысления происходящего, свойственного романтической драме В. Гюго, отличительной чертой поэтики драматурга-неоромантика стал утопизм идей и мыслей, восприятие действительности сквозь призму иллюзий. Эта вера в возможность утверждения добра и красоты в реальной жизни была востребована современниками Э. Ростана, о чем свидетельствует огромный успех его творчества во Франции.

На томской сцене конца XIX – начала XX в. были показаны пять наиболее известных пьес Э. Ростана: «Принцесса Греза» («La Princesse Lointaine», 1895), «Романтики» («Les Romanesques», 1894), «Сирано де Бержерак» («Cyrano de Bergerac», 1897), «Орленок» («L'Aiglon», 1900) и «Шантеклер» («Chantecler», 1910).

Первой пьесой французского автора, инсценированной в Томске, стала драма «Принцесса Греза». Премьера пьесы во Франции состоялась 5 апреля 1895 г. в парижском театре «Ренессанс». Крупнейшая французская артистка

---

²⁹⁵ Ростан Э. Пьесы. М., 1958. С. 6.

²⁹⁶ Луков В.А. Французский неоромантизм : монография. М., 2009. С. 10.

того времени Сара Бернар (Sarah Bernhardt, 1844–1923) выступила в главной роли, которая была написана Э. Ростаном специально для нее.

В России «Принцесса Греза» была впервые показана 7 января 1896 г. в петербургском Театре литературно-артистического кружка А.С. Суворина в бенефис известной русской артистки Л.Б. Яворской (1871–1921). Перевод драмы, который представлял собой, скорее, вольную интерпретацию оригинала, был выполнен Т.Л. Щепкиной-Куперник, известной своими непревзойденными переводами почти всех стихотворных пьес и поэм Э. Ростана.

«Принцесса Греза» произвела на русскую публику колоссальное впечатление. Вот как охарактеризовала премьеру спектакля сама Т.Л. Щепкина-Куперник: «Из театра все расходилось, повторяя стансы. <...> Появились вальсы «Принцесса Греза», духи «Принцесса Греза», шоколад «Принцесса Греза», почтовая бумага с цитатами из «Принцессы Грезы». Издание пьесы разошлось так быстро, что скоро в газетах стали появляться объявления: «Доставшему экземпляру «Принцессы Грезы» будет предложено такое-то вознаграждение»²⁹⁷.

Столичные периодические издания беспрестанно расхваливали постановку. Буря восторга докатилась и до Москвы. Сразу же после петербургской премьеры спектакля рецензент московского журнала «Театрал» писал: «После бурного потока всякого рода театральных произведений натуралистической школы, в которых авторы с какой-то особою любовью соперничали друг перед другом в желании вывести на сцену как можно более житейской грязи и погрязших в этой грязи людей, приятно отдохнуть на мыслях, чувствах и стремлениях другого порядка, унести с поэтом в другие времена, хотя и далекие, но зато согретье исканием идеала, любовью к прекрасному, жаждою возвышенного»²⁹⁸.

²⁹⁷ Щепкина-Куперник Т.Л. Театр в моей жизни. М.; Л., 1948. С. 118.

²⁹⁸ Хроника // Театрал. 1896. № 54 (январь). С. 75.

В Томске «Принцесса Греза» была поставлена в год премьеры драмы в Петербурге в зимний сезон 1896/97 гг. После спектакля, прошедшего 13 октября 1896 г. на сцене театра Е.И. Королева, в «Сибирском вестнике» появилась рецензия В.А. Долгорукова. До ссылки в Сибирь он прекрасно знал репертуар столичных театров, однако в новом для него явлении – неромантической драме – разбирался плохо, как, впрочем, и другие сибирские критики.

С самого начала В.А. Долгоруков заметил, что постановка «Принцессы Грезы» привлекла в театр много публики, в то время как ни «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, ни «Генеральша Матрена» В.А. Крылова и Н. Северина, показанные в Томске, не заинтересовали зрителей. Пытаясь определить жанр произведения, критик писал: «Это не трагедия, не драма, не мистерия времен царей русских, и тем более не комедия и не водевиль. Это, собственно говоря, что-то невероятное, туманное, иногда с проблесками смысла и поэтическими картинами, а часто это какой-то бред больного человека»²⁹⁹. Вместе с тем он не без основания отнес драму Э. Ростана к новой школе декадентов и символистов, эстетика которых казалась ему столь же непонятной. Суждение В.А. Долгорукова являлось довольно верным, однако то, что было связано с иррациональным началом в пьесе, воспринималось им как большой недостаток. Он считал, что «поэзия» новых драматургов «иногда напоминает несвязный лепет сумасшедшего», и необходимо «особое усилие, напряжение ума, чтобы доискаться в этом какого-либо смысла»³⁰⁰. Поэтому, представляя содержание пьесы, В.А. Долгоруков снабжал его язвительными замечаниями по поводу нездорового душевного состояния героев.

В заключение критик похвалил режиссера театра Н.А. Корсакова за его решение поставить «Принцессу Грезу», столь популярную среди поклонников символизма в Петербурге и Москве. Однако В.А. Долгоруков предостерег местных зрителей от чрезмерной увлеченности драмой, поскольку интерес к

²⁹⁹ В. Д-ков [В.А. Долгоруков]. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1896. № 225 (16 октября). С. 3.

³⁰⁰ Там же.

подобным произведениям, по его мнению, является признаком упадка духовных сил. Он посоветовал зрителям посетить спектакль с целью изучения человеческой натуры конца века. Похвалы критика удостоилось декоративное убранство сцены, что являлось довольно редким явлением для провинции. От оценки актерской игры В.А. Долгоруков отказался в силу «болезненности» самого произведения.

Вслед за этой рецензией в «Сибирском вестнике» появился фельетон, посвященный постановке «Принцессы Грезы» в Томске, в котором развивались идеи В.А. Долгорукова о необычности и некоторой странности драмы Э. Ростана. Однако на этот раз рецензент пошел намного дальше в отрицании какой-либо нравственной и эстетической ценности произведения. Его резко негативное отношение к пьесе было отражено уже в очень грубом названии статьи – «Дегенераты высшего порядка»³⁰¹. Примечательно, что она была опубликована в рубрике «Фельетон», которая предполагала более яркую выраженность авторского начала и большую субъективность, чем в обычной рецензии. Фельетонист скрыл свое имя под псевдонимом «Medicus», тем самым как бы намекая читателю на авторитетность своих воззрений относительно «ненормальности» героев и автора пьесы.

Критик назвал пьесу бредом больного сознания, пояснив: «Я бы не взялся за оценку «Принцессы Грезы», если бы не был убежден, что разбор ее принадлежит не столько критикам изящной словесности, сколько врачам-психиатрам»³⁰². Возвышенную любовь трубадура к принцессе, символизирующую мечту, способную изменить человека к лучшему, фельетонист интерпретировал как влечение к женской красоте, свойственное только «психопатам». Он был уверен, что психопатия охватила весь экипаж корабля, в том числе и изнуренных голодом и жаждой матросов, которые «вдруг заявляют, что им легче стало после того, как они послушали очень плохенькие стихи про красавицу»³⁰³. Главную героиню томский критик и

---

³⁰¹ Medicus. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1896. № 228 (19 октября). С. 3.

³⁰² Там же.

³⁰³ Там же.

вовсе называл «истеричкой с болезненно развитым самомнением», поскольку после смерти трубадура она спокойно и даже равнодушно покинула корабль, словно ее возлюбленный «не умер, а уснул».

В итоге достаточно большой по объему фельетон сводился к доказательству невменяемости всех действующих лиц, ненормальности сюжета и сомнительной художественной ценности произведения в целом. Medicus пришел к выводу о том, что для артистов трудны и неблагодарны подобные пьесы, поскольку им приходится изображать «дегенератов высшего порядка». Итак, томский критик ограничился «клиническим» прочтением пьесы, будучи не в силах понять намеренное обращение Э. Ростана к полуполюгендарному сюжету о возвышенной любви, столь характерному для традиций неоромантизма конца XIX в.

В начале зимнего сезона 1900/1901 гг. на сцене «Королевского театра» была поставлена еще одна пьеса Э. Ростана «Романтики», принесшая первый настоящий успех молодому драматургу во Франции.

В России комедия «Романтики» впервые была показана в московском театре Ф.А. Корша 20 декабря 1894 г. в переводе Т.Л. Щепкиной-Куперник. Спектакль имел успех у московской публики: «Пьеса “Романтики” покорила публику прежде всего своим блеском и изяществом, тонкой иронией и веселостью, превосходно переданной драматургом атмосферой молодости и весны, а также несколько печальной мечтой о романтических движениях души и благородных, возвышенных поступках»³⁰⁴.

Театральные рецензии, опубликованные в центральной прессе, свидетельствуют о том, что комедия Э. Ростана пришлась зрителям по душе. Так, рецензент московского журнала «Артист» назвал драму «Романтики» «оригинальной, изящной и поэтической вещью, совсем не похожей на обычные произведения современной драматической музыки», предположив, что она

---

³⁰⁴ Михайлов А.Д. Драматургия Эдмона Ростана // От Франсуа Вийона до Марселя Пруста : страницы истории французской литературы Нового времени (XVI–XIX века) : в 2 т. М, 2010. Т. 2. С. 448.

сделается «одной из боевых новинок сезона»³⁰⁵. Такой взыскательный зритель, как А.П. Чехов также восторженно отзывался о «Романтиках» Э. Ростана³⁰⁶.

27 сентября 1900 г. эта комедия была в первый и в последний раз поставлена на томской сцене, спектакль осветил корреспондент «Сибирского вестника» некий Эхов. Описав сюжет пьесы в общих словах, он назвал ее «грациозной поэтической вещицей, полной прелестных звучных стихов»³⁰⁷. Критик довольно образно подметил достоинства произведения. Он похвалил артистов С.П. Арцыбашеву и Я.В. Орлова-Чужбинина за то, что им «удалось передать обаяние благоухающего аромата и свежести, которыми дышит изящная ростановская комедия»³⁰⁸. Эхов сетовал лишь на плохое знание стихов другими артистами труппы, вследствие чего суфлеру пришлось работать без отдыха. Никакой другой информации рецензия не содержала.

В этом же сезоне в томском театре Е.И. Королева была поставлена комедия Э. Ростана «Сирано де Бержерак», принесшая французскому драматургу мировую известность. Во Франции премьера комедии состоялась 28 декабря 1897 г. в парижском театре Порт-Сен-Мартен. Спектакль имел огромный резонанс. С тех пор героическая комедия Э. Ростана начала покорять сцены других стран. Примечательно, что даже М. Нордау, подвергая резкой критике европейское искусство конца XIX в. в своем сочинении «Современные французы», отзывался об этой пьесе как о шедевре и рекомендовал зрителям ее посмотреть³⁰⁹.

В России «Сирано» был поставлен уже 10 февраля 1898 г. в петербургском Театре литературно-артистического кружка А.С. Суворина. Переводчиком пьесы явилась Т.Л. Щепкина-Куперник. Рецензии, появившиеся в столичной периодике, пестрели восторженными отзывами. Так, рецензент еженедельного журнала «Всемирная иллюстрация» П.Н. Краснов

³⁰⁵ См.: В.П. Современное обозрение // Артист. 1895. № 45. Кн. 1 (январь). С. 207–211.

³⁰⁶ Заборов П.Р. Эдмон Ростан на русской сцене // Россия и Франция : литературные и культурные связи статьи и заметки. СПб., 2011. С. 380.

³⁰⁷ Эхов. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1900. № 213 (29 сентября). С. 3.

³⁰⁸ Там же.

³⁰⁹ См.: Нордау М. Сирано де Бержерак // Современные французы: очерки по истории литературы. М., 1902. С. 285–300.

писал: «Как и все предыдущие произведения Ростана, «Сирано де Бержерак» – изящная, поэтическая, полная мысли и чувства вещь»³¹⁰. Ко времени появления комедии в Томске она уже успела покорить театралов многих российских городов.

На томской сцене «Сирано» был показан 30 января 1901 г. Рецензия на спектакль появилась на страницах «Сибирской жизни». Местный критик «Ю.» отмечал, что комедия Э. Ростана, «не взирая на мелодраматический характер некоторых сцен, все же не лишена эстетических достоинств и замысла»³¹¹. Однако, по его мнению, артисту А.Г. Аярову, исполнявшему роль главного героя, не удалось достойно воплотить замысел драматурга: «Для того чтобы воспроизвести Сирано, порою дерзкого, порою нежного веселого головореза, борца за правду, честного бедняка, кумир которого – свобода, независимость и честь, нужен крупный талант, бенефицианту же эта роль удалась только местами»³¹².

Такие замечания были достаточно закономерными для театральных рецензий, публиковавшихся в томских газетах конца XIX в. Действительно, провинциальным артистам порой не хватало мастерства и широты диапазона для изображения неординарных ролей, но, критикуя игру актера, рецензент тем самым давал характеристику самого героя, что и было важно для просвещения читателей и зрителей.

В следующем сезоне 1901/02 гг. на сцене томского театра Е.И. Королева была поставлена драма Э. Ростана «Орленок». Во Франции эта драма впервые была показана 15 марта 1900 г. на сцене театра Сары Бернар, которая и исполнила главную роль в пьесе. В апреле 1900 г. петербургский «Вестник иностранной литературы» сообщал о том, что пьеса играется ежедневно, а ее успех возрастает с каждой постановкой³¹³.

³¹⁰ Всемирная иллюстрация. 1898. № 4 (17 января). С. 80.

³¹¹ Ю. Театр и музыка // Сибирская жизнь. 1901. № 26 (1 февраля). С. 3.

³¹² Там же.

³¹³ См.: Заграничная хроника // Вестник иностранной литературы. 1900. № 4 (апрель). С. 370–383.

Однако не все отзывы о новой драме Э. Ростана были положительными. Так, З.А. Венгерова, известный литературный критик столичного журнала «Вестник Европы», комментируя французское издание «Орленка», опубликованное в июне 1900 г., писала о том, что Э. Ростан обладает талантом «фабриканта поддельных изображений жизни» и не углубляется в анализ сложных душевных движений героя, ограничиваясь лишь внешними эффектами³¹⁴.

Впервые в России «Орленок» был поставлен на сцене Невского театра В.А. Неметти 1 апреля 1901 г. труппой Л.Б. Яворской, исполнившей главную роль. Русский перевод пьесы был сделан Т.Л. Щепкиной-Куперник.

Согласно данным томских газет «Орленок» появился на местной сцене один единственный раз 22 января 1902 г. Инсценировка драмы была приурочена к бенефису артистки В.М. Марченко, которая самостоятельно выбрала эту пьесу для своего выступления.

Спектакль привлек внимание сразу двух газет: «Сибирского вестника» и «Сибирской жизни». Рецензентом «Сибирского вестника» явился В.А. Долгоруков³¹⁵. Он в общих чертах описал сюжет произведения и охарактеризовал его главного героя, единственного законного сына Наполеона I, известного как «Орленок» в бонапартистских кругах, упомянув при этом, что бенефициантка провела эту роль «очень мило». Критик также затронул вопрос об актуальности пьесы для местного зрителя и пришел к следующему выводу: «Пьеса Ростана, может быть, представляет большой интерес для французов, среди которых до сих пор найдется немало приверженцев династии Бонапартов и чтущих имя ее гениального основателя. Но для нас, русских, события из жизни сына Наполеона I не имеют никакого значения»³¹⁶.

Подобное мнение можно назвать вполне справедливым, тем более если учесть аудиторию восприятия – сибиряков. К тому же, с точки зрения В.А. Долгорукова, такого рода пьесы требуют «особенной обстановки»,

³¹⁴ См.: Вестник Европы. 1901. Т. 1, кн. 2 (февраль). С. 873–883.

³¹⁵ Неизменный театрал [В.А. Долгоруков]. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1902. № 20 (24 января). С. 3.

³¹⁶ Там же.

хороших костюмов и большого количества исполнителей. Ничем из перечисленного томская труппа похвастаться не могла, поэтому знаток театрального дела посоветовал не включать такие произведения в репертуар. В завершение он упомянул о теплом приеме бенефициантки местными зрителями, которые приветствовали ее шумными, долго несмолкаемыми рукоплесканиями, а также преподнесли ей цветы и изящный серебряный сервиз.

Рецензия на этот же спектакль, опубликованная в «Сибирской жизни» корреспондентом, подписавшимся криптонимом «Ю», носила более негативный характер. Рецензент начал свой анализ с размышления о трудности исполнения данного произведения в театре, тем самым как бы намекая читателю, что пьеса не получила должного воплощения на томской сцене. Критик отметил, что бенефициантка, исполнявшая роль «Орленка», не имела успеха.

Далее, как и В.А. Долгоруков, рецензент «Сибирской жизни» кратко пересказал сюжет произведения, однако, описал главного героя пьесы в несколько фамильярном тоне: «Франц – это результат смешения крови Корсиканца и Габсбургов»³¹⁷. Затем он вновь вернулся к оценке актерского мастерства бенефициантки: «Г-жа Марченко передает Франца слишком бледно с чисто внешней стороны, так как у нее для этой роли не хватает ни голоса, ни властности в движениях»³¹⁸. О выступлении других членов труппы томский корреспондент предпочел не упоминать.

Последней драмой Э. Ростана, показанной в Томске, стал «Шантеклер». Над этой пьесой французский драматург работал около семи лет, поправляя пошатнувшееся здоровье на своей вилле Арнага на юго-западе Франции. Именно деревенская жизнь и подсказала ему форму для нового произведения. Действие пьесы разворачивается на птичьей ферме, а под видом птиц Э. Ростан выводит представителей разных слоев общества и

---

³¹⁷ Ю. Театр и музыка // Сибирская жизнь. 1902. № 21 (25 января). С. 3.

³¹⁸ Там же.

противопоставляет им всем петуха Шантеклера – восторженного идеалиста, убежденного, что его пение заставляет вставать солнце. Избранный драматургом жанр «символической поэмы» предполагал наличие в пьесе большого количества аллегорий и символов. Сам же Шантеклер олицетворял образ самоотверженного художника, убежденного в том, что его творчество необходимо людям.

К 1910 г. Э. Ростан являлся уже известным драматургом, членом Французской Академии наук, интерес к его личности все усиливался. Казалось, успех «Шантеклера» был предрешен. Однако премьера спектакля, состоявшаяся 7 февраля 1910 г. в парижском театре Порт-Сен-Мартен с популярным Люсьеном Гитри (Lucien Guitry, 1860–1925) в главной роли, вызвала скорее недоумение публики, нежели восторг. Так, корреспондент петербургского «Вестника иностранной литературы», побывавший на парижской премьере спектакля, писал: «Разобраться в туманной символистике пьесы довольно трудно. <...> В общем, пьеса Ростана – интересная новинка, которая на некоторое время заполнит жизнь парижан, но прочного литературного успеха она все-таки иметь не будет»³¹⁹.

7 апреля 1910 г., ровно через два месяца после парижской премьеры, «Шантеклер» в переводе Т.Л. Щепкиной-Куперник был инсценирован в петербургском театре литературно-артистического кружка А.С. Суворина. В России пьеса была принята вполне благожелательно. После показа спектакля в столице появились галстуки, шляпы, костюмы, шоколад под названием «Шантеклер»³²⁰. Однако успех пьесы был несопоставим с резонансом, который вызвали постановки «Принцессы Грезы», «Орленка» и «Сирано де Бержерака».

В марте 1910 г. в «Сибирской жизни» появился фельетон, посвященный детальному анализу новой драмы Э. Ростана. Корреспондент газеты

³¹⁹ Вестник иностранной литературы. 1910. № 3 (март). С. 285–288.

³²⁰ См.: Заборов П.Р. Эдмон Ростан на русской сцене. С. 414.

Е.Г. Григорьев, выступавший под псевдонимом «П. Ю-жин»³²¹, в мельчайших деталях описал всех персонажей пьесы, изучив многочисленные критические отчеты о ней, опубликованные в центральной периодике. Он отметил, что как французская, так и русская критика неоднозначно оценивает новое творение Э. Ростана, однако пьеса привлекает внимание мировой общественности. Вот как Е.Г. Григорьев описал парижскую премьеру «Шантеклера»: «Иностранные газеты утверждают, что многие для этого вечера специально приехали из Лондона, Америки и Аргентины, а в Нью-Йорке в настоящее время снаряжаются специальные пароходы, чтобы отвезти американских «театралов» в Париж на представление «Chantecler'a»³²². В целом, пьеса Э. Ростана получила положительную оценку томского фельетониста.

А уже 6 августа 1910 г., спустя полгода после премьеры драмы во Франции, «Шантеклер» был поставлен на сцене томского театра сада «Буфф». Заметка о спектакле некоего «И.П.» была опубликована на страницах «Сибирской жизни». Описав сюжет произведения, рецензент подверг критике игру артистов, в которой увидел всего лишь необходимую имитацию: «свист, кудахтанье, мяуканье и т.д., т.е. те слагаемые, из которых слагается внешняя обстановка птичьей поэмы Ростана»³²³. По словам «И.П.», пьеса имела успех только благодаря приличной костюмировке и стройности массовых сцен.

Итак, из анализа материала, представленного на страницах томской периодики, становится ясно, что театр французского неоромантизма был достаточно популярным в Томске в конце XIX – начале XX в. Несмотря на то, что в первой газетной презентации драматургии Э. Ростана местным зрителям была дана своеобразная установка для ее негативного восприятия («Принцесса Греза» была воспринята с сарказмом и отторжением), постепенно художественно-эстетическое своеобразие его неоромантической драмы было по достоинству оценено томскими критиками и зрителями. Теперь уже

³²¹ См.: Петряев Е.Д. Псевдонимы литераторов-сибиряков : материалы к «Истории русской литературы Сибири». С. 40.

³²² П. Ю-жин [Е.Г. Григорьев]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1910. № 50 (5 марта). С. 2.

³²³ И.П. Театр и искусство // Сибирская жизнь. 1910. № 173 (6 августа). С. 3.

практически в каждой рецензии они сетовали на то, что авторский замысел не получил должного воплощения на томской сцене из-за отсутствия талантливых исполнителей, необходимой обстановки, хороших костюмов. Очевидным становилось то, что росту критики и развитию зрителя явно не соответствовал уровень провинциальных артистов.

3.2.5. Новая драма: М. Метерлинк

Творчество бельгийского драматурга М. Метерлинка (M. Maeterlinck, 1862–1949) оказало непосредственное влияние на развитие драмы и театра во Франции конца XIX – начала XX в. Символистская драматургия М. Метерлинка явилась составной частью «новой драмы» – традиции, которая с 1870-х гг. противопоставила себя развлекательному театру, перенесла внимание зрителя с внешнего действия на внутренний мир человека.

Новаторство драматургической техники М. Метерлинка заключалось в том, что героем своих произведений он сделал бездействующего человека, ставшего жертвой неумолимых таинственных сил. «Метерлинк презирает действие, потому что пока человек действует, он во власти обыденных сил, в плену безжалостной необходимости; человек пошевелился – значит, невидимая властительная рука дернула марионетку за веревочку»³²⁴. В этом отразилась распространенная в это время декадентская концепция таинственного рока, управляющего судьбами людей.

Эстетика раннего творчества М. Метерлика была отражена в философском сочинении драматурга – «Сокровище смиренных» («Le Trésor des humbles», 1896). Примечательно, что в России начала XX в. его теория «новой драмы» вызвала критику русских символистов. Так, А. Белый отрицал идею М. Метерлинка о непротивлении человека судьбе, считая, что основным содержанием драмы должно стать изображение борьбы с роковыми силами, уничтожающими жизнь, которая осмыслялась им как одно из проявлений

³²⁴ Зингерман Б.И. Очерки истории драмы 20 века. М., 1979. С. 198.

творчества³²⁵. Ни одна из пьес раннего символистского театра М. Метерлинка не была инсценирована на томской сцене.

В начале 1900-х гг. под влиянием исторических событий (роста революционного движения в Бельгии) в творчестве М. Метерлинка происходит сдвиг. Он отказывается от эстетики «театра ожидания», «театра смерти», строившегося на идее рока, и утверждает активное отношение к жизни. За символом автор теперь признает роль художественного приема, открывающего зрителю истину жизни. Именно в это время его драматургия получает широкую известность не только в Центральной России, но и в провинции.

О высокой степени интереса к пьесам М. Метерлинка свидетельствует ряд заметок, опубликованных в томских газетах с целью ознакомления местной публики с личностью и творчеством драматурга, а также три рецензии на постановки его пьес на томской сцене начала XX в.

В первой заметке о М. Метерлинке, которая появилась на страницах «Сибирского вестника» за 1902 г., говорилось о запрете, наложенном английской цензурой на постановку нового произведения драматурга «Монна Ванна» («*Monna Vanna*», 1902)³²⁶. Сообщалось, что вскоре после запрета постановки образовалось «лондонское метерлинкское общество», которое поставило драму частным образом.

Через месяц в том же издании вышла заметка о предстоящей постановке «Монны Ванны» в Петербурге, в которой констатировалось, что М. Метерлинк «отступил от обычной своей манеры письма и дал очень интересную драму, написанную просто и красиво»³²⁷. Желая закрепить новое, непривычное представление о драматурге, анонимный критик пояснял: «Читая его мрачные пьесы, <...> многие представляли себе их автора болезненным меланхоликом, для которого нет в жизни ничего привлекательного, и были

---

³²⁵ См.: Белый А. Театр и современная драма // Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 138.

³²⁶ См.: Обо всем // Сибирский вестник. 1902. № 137 (27 июня). С. 3.

³²⁷ Пьесы Метерлинка // Сибирский вестник. 1902. № 207 (25 сентября). С. 3.

удивлены, когда узнали, что Метерлинк в действительности самый жизнерадостный человек, здоровый, веселый спортсмен, любящий хорошо покушать и выпить»³²⁸.

В 1903 г. в рубрике «Театральные новости» «Сибирского вестника» была опубликована статья, характеризующая еще одну новую драму М. Метерлинка «Жуазель» («Joyzelle», 1903). Неизвестный автор в общих чертах представил содержание пьесы и пояснил, что «Жуазель» написана «такой же лирической прозой, как «Монна Ванна»³²⁹. В статье вновь сообщалось, что М. Метерлинк является заядлым любителем автомобильного и велосипедного спорта – подробности, по-видимому, значительно повышающие авторитет автора.

Спустя четыре месяца в той же газете появилась заметка о майской премьеры драмы «Жуазель» на сцене парижского театра «Жимназ», на которую съехались больше восьмидесяти директоров театра из Англии, Германии, Австрии, Италии, Швеции и России. В статье содержалось краткое изложение пьесы, а также были приведены слова самого М. Метерлинка о том, что «Жуазель» является «переходной ступенью между «Монной Ванной» и его прежними пьесами»³³⁰.

В 1904 г. в «Сибирском вестнике» была опубликована статья некоего «Гр.Жр.» о недавно изданной на русском языке драме М. Метерлинка «Смерть Тентажиля» («La Mort de Tintagiles», 1894). Эта одноактная пьеса, написанная в период раннего символистского творчества писателя, повествует о том, как маленький мальчик Тентажилль становится невинной жертвой неведомых безжалостных сил. Именно поэтому это произведение подверглось резкой критике томского корреспондента, который был категорически не согласен с пассивной позицией автора в борьбе за собственное счастье: «Не дремать нужно и мучиться кошмаром предчувствий, а трезвыми глазами глядеть жизни

³²⁸ Пьесы Метерлинка // Сибирский вестник. 1902. № 207 (25 сентября). С. 3.

³²⁹ Театральные новости // Сибирский вестник. 1903. № 25 (31 января). С. 3.

³³⁰ Театр и музыка // Сибирский вестник. 1903. № 109 (24 мая). С. 3.

в лицо и, – или советоваться с ней, или предписывать ей»³³¹. Такая реакция волне соответствовала новой предреволюционной ситуации в России и Томске. Комментируя поведение сестры Тентажиля, которая в бессилии умоляет и проклинает злой рок, похитивший ее брата, корреспондент едко заметил, что ему «обидно становится за человека, который так унижается за свое буржуазное счастье на пуховиках»³³².

27 октября 1902 г. состоялась томская премьера «Монны Ванны» – первой и единственной пьесы М. Метерлинка, в которой действуют не сказочные или легендарные персонажи и действие которой разворачивается в реальном месте – итальянском городе Пизе конца XV в. Сюжет драмы обыгрывает эпизод старинной хроники. Начальник гарнизона осажденной Пизы Гвидо Колонна получает от главы вражеского войска Принчивалле оскорбительное предложение: в обмен на снятие осады с города он требует прислать ему на одну ночь обнаженную жену Гвидо Джованну. Принчивалле любит Джованну с детства, и все, что он делал в жизни, преследовало лишь одну цель – увидеть ее. Поэтому, когда она приходит к нему, он, признавшись ей в своих чувствах, отпускает пленницу на свободу и снимает осаду с Пизы. Джованна решает спасти Принчивалле, которому грозит казнь за измену флорентийцам. Она приводит его в Пизу, намеренно лжет своему мужу, обвиняя Принчивалле в том, что он овладел ею. Принчивалле заключают в темницу, а Джованна крадет ключ от тюрьмы ради его спасения. В этой драме М. Метерлинка прославляет активность и героическое самопожертвование героини, говорит о вере в человека, о подлинной любви и морали.

С целью ознакомления томских зрителей с новинкой сезона в день премьеры спектакля 27 октября 1902 г. в «Сибирском вестнике» появляется перепечатка содержания пьесы из одесской газеты «Южное обозрение». Автор статьи, некий Пекаторос, очень своеобразно интерпретирует произведение М. Метерлинка, посчитав, что история любви, лежащая в основе драмы,

---

³³¹ Гр. Жр. Библиография // Сибирский вестник. 1904. № 100 (11 мая). С. 4.

³³² Там же.

зидается на современной безнравственной морали. Пекатарос возмущен, что автор стремится представить Принцивалле непременно чистым и любящим, несмотря на то, что он требует, чтобы Монна Ванна, жена Гвидо Колонна, пришла к нему ночью обнаженной. В образе Принцивалле критик видит всего лишь грубого наемника, который «жаждет только насладиться тем, что кажется наслаждением его извращенно-развращенному чувству»³³³. По мнению одесского критика, подобные «сверхгрубые и подлые» требования становятся возможны потому, что «сам автор, этот «современный Шекспир», как прозвали его отуманенные и сбившиеся со всякого нравственного пути современники, <...> не находит это позорным»³³⁴.

Эта заметка мгновенно вызвала негативную реакцию со стороны томской критики. Так, уже в следующем номере «Сибирского вестника» В.А. Долгоруков без тени сомнения признавал, что в пьесе М. Метерлинка, имеющей глубокий смысл, «проповедана идея любви, вечно живущей в сердце человека и никогда не умирающей»³³⁵.

Критик «Сибирской жизни», скрывший свое имя за криптонимом «Ф.», и вовсе заявлял, что «Сибирский вестник» поступил легкомысленно, перепечатав фельетон из «Южного обозрения». Пекатароса томский рецензент отнес к числу людей, которые «по-старому видят в Метерлинке какую-то загадку, идеалы философа признают гнилыми, а самого его чуть не называют развратником»³³⁶. По его собственному мнению, в «Монне Ванне» автор поднимает вопрос «о любви духовной, которая должна покорить любовь плотскую»³³⁷. Кроме того, рецензент выразил уверенность в том, что если до выхода в свет «Монны Ванны» философия М. Метерлинка была малопонятна, то после появления этого произведения французский драматург заговорил общедоступным языком.

³³³ Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1902. № 231 (27 октября). С. 3.

³³⁴ Там же.

³³⁵ Неизменный театрал [В.А. Долгоруков]. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1902. № 232 (29 октября). С. 3.

³³⁶ Ф. Театр и музыка // Сибирская жизнь. 1902. № 235 (29 октября). С. 3.

³³⁷ Там же.

Премьера «Монны Ванны» прошла в Томске в зимний сезон 1902/03 гг. Характеризуя постановку, В.А. Долгоруков вынужден был признать, что «при том составе труппы, который у нас налицо, пьеса эта не могла быть обставлена удовлетворительным образом», поскольку артистам с трудом удалось передать сцены, основанные на «психологических моментах»³³⁸.

Рецензента «Сибирской жизни» помимо игры актеров не удовлетворила и режиссерская часть: «Курьезное впечатление произвел шум и звон за сценой: <...> вместо шума и гама большого воинского стана слышались возня и перебранка нескольких школьников, играющих в чехарду. Верхом же курьеза было то, что Принцевалле провожали в тюрьму <...> русские стрельцы в своих красных кафтанах. Это в Италии-то в эпоху возрождения?»³³⁹.

30 сентября 1908 г. на сцене Московского Художественного театра состоялась мировая премьера самой известной пьесы-сказки М. Метерлинка «Синяя птица» («L'Oiseau bleu», 1908). Сам автор, который заочно участвовал в постановке пьесы, переписываясь со К.С. Станиславским, остался доволен спектаклем. В то же время мнения петербургских и московских газет о спектакле совершенно разделились: одни восторгались им, другие восприняли с иронией.

В мае 1910 г. на сцене театра в саду «Буфф» состоялась томская премьера «Синей птицы». Спектакль в двух предложениях охарактеризовал некий «Влад-в»: «Приходится признать, что хорошая постановка «Синей птицы» ввиду ее сценических трудностей возможна только в МХТ, а постановка ее в нашем летнем театре является только пародией»³⁴⁰. В своей оценке критик был прав. Символистская драма М. Метерлинка требовала не столько хорошего актерского исполнения, сколько профессиональной режиссуры. Если в Москве постановкой «Синей птицы» занимался К.С. Станиславский, то в Томске за это отвечала труппа провинциального

³³⁸ Неизменный театрал [В.А. Долгоруков]. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1902. № 232 (29 октября). С. 3.

³³⁹ Ф. Театр и музыка // Сибирская жизнь. 1902. № 235 (29 октября). С. 3.

³⁴⁰ Влад-в. Театр и искусство // Сибирская жизнь. 1910. № 119 (1 июня). С. 3.

артиста Д.В. Пальмина, гастролирующая по Сибири летом 1910 г. и рассчитывающая «сорвать» сбор, поставив очередную театральную новинку.

Несмотря на то, что на рубеже XIX и XX в. в российском театре происходит рождение режиссуры, способной согласовывать отдельные актерские исполнения в единую художественную систему и добиваться таким образом целостного образа спектакля, «провинциальный театр остается в стороне от «режиссерского засилья» вплоть до революции, сохраняя тип актера-гастролера, для которого создается весь спектакль»³⁴¹.

Последнее упоминание о М. Метерлинке в томской периодике появляется в декабрьском номере «Сибирской жизни» за 1915 г., в котором приводится лекция столичного литературоведа П.С. Когана об основных тенденциях литературного процесса. В современной литературе он выделяет два полюса: модернизм и реализм. М. Метерлинк же, наряду с Ибсеном, Уайльдом и другими, назван литературоведом вершиной «модернизма»³⁴².

Как справедливо отмечает С.В. Татаркина, лекция П.С. Когана, «предметом которой явилась драма Метерлинка «Синяя птица», свидетельствует о том, что в 1910-е гг. бельгийский драматург становится литературным классиком, его произведения изучают в университетских кругах, им отводится место в учебных пособиях»³⁴³.

Таким образом, томская рецепция драматургии М. Метерлинка отличалась избирательностью характера и лишь отчасти отразила общую картину ее восприятия в России. Эпоха «русского Метерлинка» началась в 1890-е гг., когда о нем заговорили лучшие представители отечественной культуры, а его символистские пьесы стали участвовать в процессе формирования русской драматургии. В то же время наиболее заметный след в томской театральной рецепции «новой драмы» М. Метерлинка оставила «Монна Ванна», сочетающая в себе реалистичность изображения характеров и романтический пафос, в то время как восприятие ранних символистских пьес

---

³⁴¹ Данилов С.С. Очерки по истории русского драматического театра. М., 1948. С. 415.

³⁴² См.: От «Синей птицы» к «Чаше жизни» // Сибирская жизнь. 1915. № 274 (15 декабря). С. 2.

³⁴³ Татаркина С.В. Драматургия М. Метерлинка в томской периодике начала XX в. // Европейская литература в зеркале сибирской периодики конца XIX – начала XX в. Томск, 2009. С. 160.

драматурга имело опосредованный характер и отразилось, главным образом, в небольших информационных заметках.

Итак, из просмотра театральных рецензий, опубликованных в местной периодике, становится ясно, что французская драма составляла немаловажную часть репертуара томского театра конца XIX – начала XX в. На протяжении практически тридцати лет она была представлена пьесами сразу пяти литературных направлений: классицистической комедией Ж.-Б. Мольера, романтической драмой В. Гюго, «хорошо сделанной пьесой» Э. Скриба, В. Сарду и А. Дюма-сына, неоромантической драмой Э. Ростана и «новой драмой» М. Метерлинка.

Комплексный анализ рецензий позволяет говорить о наличии у местной критики сформированной системы критериев оценки драматического произведения, во многом обусловленной устоявшимся взглядом на театр как на народную школу³⁴⁴. К ним относились актуальность произведения для современников, отражение в нем «жизненной правды», историческое соответствие костюмов и декораций, а также «ансамблевость» актерского исполнения.

Оценивая жанровую составляющую французского репертуара томского театра, необходимо заметить, что классическая и романтическая драматургия Ж.-Б. Мольера и В. Гюго составила лишь третью часть от общего количества французских пьес, показанных в Томске на рубеже XIX–XX в., оставшиеся две трети пришлось на постановки произведений современных авторов.

Восприятие современной французской драмы томской критикой прошло путь от ее отрицания и непонимания (как в случае с «Принцессой Грезой» Э. Ростана) до осознания ее художественно-эстетического своеобразия и сценичности (рецензии на постановку «Монны Ванны» М. Метерлинка).

Увеличение доли современной драмы в репертуаре ярко ознаменовало кризис, переживаемый провинциальном театром в отсутствии талантливой режиссуры. Практически все рецензии, появившиеся в томской периодике

---

³⁴⁴ См.: Горенинцева В.Н. Рецепция английской и американской литературы в томской периодике конца XIX – начала XX вв. С. 56–58.

после 1900 г., содержали замечания о невозможности воплощения авторского замысла силами провинциальных артистов. Так, по признанию одного из местных рецензентов, для воспроизведения неординарного образа «Сирано де Бержерака» провинциальному артисту А.Г. Аярову не хватило таланта, а постановка «новой драмы» М. Метерлинка была и вовсе признана всего лишь пародией на правдивое исполнение.

Подобные замечания свидетельствовали о развитии томских критиков, которые осознавали необходимость перехода к единой, тщательно выстроенной режиссерской концепции спектакля.

Оперативная реакция томского театра и критики на выход в свет новинок французской драматургии (некоторые произведения инсценировались в Томске уже в год их премьерной постановки во Франции) подтверждает сложившийся повышенный интерес к произведениям французской литературы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предпринятом исследовании впервые осуществлена попытка рассмотреть рецепцию французской литературы как принципиально важный элемент региональной картины мира. Рецептивный дискурс томской периодики рубежа веков отражает геокультурную ситуацию эпохи. Сознательная стратегия ренессансной франкофилии была связана с культурно-историческим контекстом 1890-х–1910-х гг., периодом активного сближения между Россией и Францией в рамках военного союза. В то же время значительный корпус литературно-критических материалов, опубликованный на страницах томских газет, подтверждает стремление сибиряков к самоидентификации в том числе и за счет приобщения к магистральным процессам мировой культуры.

Томское «культурное общество» конца XIX – начала XX в. оказывается готовым к обсуждению французской литературы, представляющей синтез новых сложных философских и эстетических тенденций (декаданс, символизм, импрессионизм, натурализм). Дискурс о французской литературе находит отражение во многих жанрах литературной критики, охватывая всю местную публицистику от научных статей до фельетонов.

Введение иностранных текстов в пространство местной периодики, является теоретически обоснованным. Авторы томских публикаций, связанных с западноевропейской культурой и литературой, представляют собой слой русской либерально настроенной интеллигенции рубежа веков XIX–XX вв., одной из особенностей формирования философии самосознания которой становится адаптация элементов зарубежного опыта к специфическим условиям Сибирского региона.

Осмысление и критическое восприятие современных течений французской литературы в томской периодике конца XIX – начала XX в. представляется диалектичным. В 1890-е гг. в оригинальных статьях томских критиков и перепечатках из центральной и зарубежной периодики

наблюдается стратегия неприятия творчества символистов эпохи «fin de siècle» в лице П. Верлена, Ж. Мореаса и Ш. Бодлера (публикации «И.Д.» и «К. В-кова»). Наряду со стратегией отрицания в 1910-х гг. обнаруживается тенденция к активному освоению новейших веяний французской литературы (цикл обзрений А.С. Качоровской о поэзии Ш. Бодлера, отражающий самостоятельную точку зрения журналистки на модернистское и декадентское искусство). В целом, появление теоритически значимых публикаций на страницах местных газет свидетельствует о высоких темпах развития томской литературно-критической мысли.

Самой популярной фигурой в томской периодике не только из французских, но и всех западноевропейских авторов становится Э. Золя. Посвященные ему материалы появляются во многих рубриках местных газет и впечатляют своим разнообразием: хроникальные заметки, циклы фельетонных обзрений, рецензии на новые романы писателя, некрологи, вышедшие в 1902 г. в связи с его трагической гибелью. Особое освещение в томской периодике получает общественная деятельность писателя. Благодаря участию в деле А. Дрейфуса он приобретает всемирную славу борца за социальную справедливость, что неоднократно отмечается томскими критиками (цикл обзрений П.Л. Черневича «Загадочная драма»).

Критическое восприятие Г. де Мопассана, А. Франса и А. Доде сводится к небольшим информационным заметкам, содержащим отрывочные сведения о жизни и творчестве этих французских романистов, и является дополнением к солидной подборке переводов их новелл, появившихся на страницах местных газет.

Публикация значительного корпуса переводов малой прозы Г. де Мопассана, А. Доде и А. Франса, П. Бурже, Ф. Коппе и О. Мирбо объясняется их признанием в мировой и российской критике, актуальностью тематики и занимательностью сюжета их произведений для провинциального читателя, а также геокультурной ситуацией на международной арене 1890-х–1910-х гг.

Избирательный характер рецепции указывает на наличие у томских корреспондентов сформированной системы эстетических критериев, на основании которых происходит выбор определенного произведения и стратегии его перевода. Большинство рассматриваемых переводов вполне адекватно воссоздают оригинальные произведения французских авторов, передавая не только основную идею, но и манеру повествования каждого из них. Вместе с тем довольно значительная часть томских переводов обнаруживает реализацию установки на адаптацию переводного произведения ко вкусам массового читателя. Ее основным направлением является «одомашнивание» культурно-исторических реалий, снимающее сложности восприятия текста «чужой» культуры (переводы А.О. Станиславского, К. Мировича). Однако в ряде случаев адаптация носит более глубинный характер и ведет к трансформации нравственно-эстетического канона произведений (переводы «М.Ш.», «А. Сак», «П.А.», «Т.»).

Таким образом, корпус переводов французской литературы, обнаруженный в томской периодике и представляющий собой до сих пор неисследованный «провинциальный» срез российской рецепции западноевропейской литературы, существенно дополняет общий контекст восприятия многих французских авторов в России на рубеже XIX–XX вв.

Публикации по истории становления и развития томского театра последней трети XIX – начала XX в., выявленные на страницах томской дореволюционной прессы, свидетельствуют о его значительном вкладе в создание материальной и духовной культуры Томска, развитие города как интеллектуального центра Сибирского региона.

Французская драма играет важную роль в формировании репертуара томской сцены. На протяжении практически тридцати лет она представляется пьесами сразу пяти литературных направлений: классицистической комедией Ж.-Б. Мольера, романтической драмой В. Гюго, «хорошо сделанной пьесой» Э. Скриба, В. Сарду и А. Дюма-сына, неоромантической драматургией Э. Ростана и «новой драмой» М. Метерлинка.

Рецепция французской драмы томскими рецензентами идет по пути движения от усвоения эстетических принципов классической драматургии Ж.-Б. Мольера к осмыслению произведений в духе «*la pièce bien faite*» Э. Скриба и В. Сарду, неоромантизма Э. Ростана и «новой драмы» М. Метерлинка.

Комплексный анализ театральных рецензий позволяет говорить о наличии у местной критики системы критериев оценки драматического произведения, обусловленной взглядом на театр как инструмент воспитания и просвещения зрителя. Анализ рецензий подтверждает также и неуклонное развитие томских критиков, которые в период кризиса, переживаемого провинциальным театром при отсутствии талантливой режиссуры, осознают необходимость перехода к единой, тщательно выстроенной режиссерской концепции спектакля. К сожалению, процесс эволюции литературно-критической и эстетической мысли в Томске прерывается империалистической, а затем гражданской войнами.

Изучение рецепции событий мировой культуры и зарубежной литературы в томской периодике как принципиально важных факторов формирования самосознания сибиряков обуславливает перспективы дальнейшего исследования.

Важным представляется в дальнейшем продолжить изучение целостных образов Франции, Германии, Англии и Америки в провинциальной периодике конца XIX – начала XX в., потому что это направление исследований соответствует актуальным тенденциям современной гуманитарной науки, связанным с имагологией – конструированием образа той или иной страны в рецептивном дискурсе региона.

В то же время необходимым является выявление и изучение театрального дискурса, а также фактов рецепции зарубежной литературы в периодических изданиях других провинциальных городов Сибирского региона (Иркутска, Омска, Тобольска, Красноярска и т.д.). Эти разыскания могут стать основой для сравнительно-сопоставительного анализа материалов

томской периодики с публикациями в разных региональных изданиях, что позволит дополнить представление о специфике развития культурной жизни Томска в конце XIX – начале XX в., и, следовательно, – о структуре сибирского текста русской культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**Художественные, публицистические и мемуарные тексты**

1. Безелянский, Ю. Кумир женщин (Ги де Мопассан) / Ю. Безелянский // Прекрасные безумцы : литературные портреты. – М. : Радуга, 2005. – С. 8–43.
2. Бонт, Ф. Рыцарь мира : очерк о Викторе Гюго / Ф. Бонт ; [пер. с фр. Н. Жарковой и Н. Немчиновой ; предисл. В. Николаева ; ред. Е. Бабун]. – М. : Изд-во иностр. лит., 1953. – 136 с.
3. Бордо, А. Впечатления детства. Анатоль Франс / А. Бордо // Русский вестник. – 1898. – Т. 253, № 2. – С. 208–211.
4. Бордонов, Ж. Мольер / Ж. Бордонов ; [примеч. Ю.А. Гинзбург]. – М. : Искусство, 1983. – 412 с.
5. Бурже, П. Женское сердце : роман / П. Бурже ; [пер. с фр.]. – М. : Зевс, 1992. – С. 261–267.
6. Бурже, П. Очерки // Собрание сочинений : в 10 т. / П. Бурже. – СПб. : П.Ф. Пантелеев, 1901. – Т. 4. – 379 с.
7. Бурже, П. Очерки современной психологии : этюды о выдающихся писателях нашего времени, с прил. ст. о П. Бурже Жюля Леметра / П. Бурже ; [пер. Э.К. Ватсона]. – СПб. : Пантеон лит., 1888. – 333 с.
8. Всеволод Алексеевич Долгоруков : сборник материалов / [сост.: В.М. Костин, А.В. Яковенко, ред. С.С. Быкова]. – Томск : Ветер, 2013. – 239 с.
9. Гликман, И.Д. Мольер : критико-биографический очерк / И.Д. Гликман. – Л. : Худож. лит., 1966. – 278 с.
10. Данилин, Ю.И. Мопассан : критико-биографический очерк / Ю.И. Данилин. – М. : Гослитиздат, 1951. – 233 с.
11. Доде, А. Жены артистов : очерки нравов / А. Доде ; [пер. с фр. А.Н. Плещеева]. – СПб. : А.С. Суворин, 1886. – 123 с.
12. Доде, А. Собрание сочинений : в 7 т. / А. Доде ; [пер. с фр. ; вступ. статья А. Пузикова]. – М. : Правда, 1965. – Т. 1. – 544 с.

13. Доде, А. Тартарен из Тараскона : роман / А. Доде ; [пер. с фр. Н. Любимова ; вступ. статья А.И. Пузикова]. – М. : Знание, 1983. – 400 с.
14. Золя, Э. Собрание сочинений : в 26 т. : [пер с фр.] / Э. Золя ; [под общ. ред. И. Анисимова и др.]. – М. : Гослитиздат, 1966. – Т. 24. – 566 с.
15. Кеннан, Дж. Сибирь и ссылка : [пер. с англ.] / Дж. Кеннан. – СПб. : В. Врубелевский, 1906. – 224 с.
16. Коппе, Ф. Рассказы / Ф. Коппе ; [пер. и биогр. очерк З.Н. Журавской]. – СПб. : Изд. М.М. Ледерле и Ко, 1894. – 172 с.
17. Корш, Е.В. Восемь лет в Сибири / Е.В. Корш // Исторический вестник. – 1910. – № 5. – С. 423–449; № 6. – С. 806–834; № 7. – С. 27–57.
18. Лану, А. Мопассан / А. Лану. – М. : Молодая гвардия, 1971. – 389 с.
19. Лудмер, Я.И. Бабы стоны : из заметок мирового судьи / Я.И. Лудмер // Юридический вестник. – 1884. – № 11. – С. 446–467; № 12. – С. 658–679.
20. Метерлинк, М. Пьесы / М. Метерлинк ; [пер. с фр. ; вступ. статья Е. Эткинда]. – М. : Искусство, 1958. – С. 5–32.
21. Мирбо, О. Сад пыток ; Дневник горничной : романы / О. Мирбо ; [пер. с фр. А. Мирэ ; авт. предисл. и послесл. В. Ермаков]. – М. : Мистер Икс, 1993. – С. 412–415.
22. Михаил Иванович Боголепов и идея планирования народного хозяйства // Личность в истории Сибири XVIII–XX веков : сборник биографических очерков / [отв. ред. А.К. Кириллов]. – Новосибирск : Сова, 2007. – С. 161–172.
23. Михайловский, Н.К. Полное собрание сочинений : в 10 т. / Н.К. Михайловский. – СПб. : Изд. Н.Н. Михайловский, 1909. – Т. 7. – Стб. 512–589.
24. Мольер, Ж.-Б. Пьесы : [пер. с фр.] / Ж.-Б. Мольер ; [сост., коммент., справ. и метод. материалы Н.Я. Мировой ; вступ. ст. Ж. Бордонова]. – М. : Олимп, 2002. – 762 с.

25. Мопассан, Г. де. Собрание сочинений : в 6 т. : [пер. с фр.] / Г. де Мопассан. – М. : Терра, 1999. – Т. 1. – 380 с.; Т. 2. – 381 с.; Т. 3. – 381 с.; Т. 4. – 382 с.; Т. 5. – 382 с.; Т. 6. – 381 с.

26. Моруа, А. Анатоль Франс / А. Моруа // Литературные портреты / [сост. и авт. предисл. Ф. Наркирьер]. – Ростов н/Д. : Феникс, 1997. – С. 215–225.

27. Моруа, А. Олимпио, или Жизнь Виктора Гюго / А. Моруа ; [пер. с фр. Н. Немчиновой, М. Трескунова]. – М. : Книга, 1982. – 416 с.

28. Моруа, А. Три Дюма : литературные портреты / А. Моруа ; [пер. с франц. Л. Беспаловой, С. Шлапоберской]. – М. : Правда, 1986. – 669 с.

29. Николаев, В.Н. В. Гюго : критико-биографический очерк / В.Н. Николаев. – М. : Гослитиздат, 1955. – 84 с.

30. Новые французские писатели : сборник рассказов / [дослов. и лит. пер. по изд. С. Манштейна]. – Одесса : М.С. Козман, 1911. – 144 с.

31. Нордау, М. Вырождение ; Современные французы / М. Нордау ; [пер. и предисл. Р.И. Сементковского ; послесл. В.М. Толмачева]. – М. : Республика, 1995. – 400 с.

32. Нордау, М. Сирано де Бержерак / М. Нордау // Современные французы : очерки по истории литературы / [пер. с нем. А.В. Перелыгиной]. – М. : Д.П. Ефимов, 1902. – С. 285–300.

33. Пузиков, А. Пять портретов : Бальзак, Флобер, Доде, Мопассан, Золя : статьи и очерки / А. Пузиков. – М. : Худож. лит., 1972. – 463 с.

34. Пузиков, А. Эмиль Золя : очерк творчества / А. Пузиков. – М. : Гослитиздат, 1961. – 182 с.

35. Ростан, Э. Пьесы / Э. Ростан ; [пер. с фр. Т. Щепкиной-Куперник ; общ. ред. С.С. Мокульского]. – М. : Искусство, 1958. – 597 с.

36. Салтыков-Щедрин, М.Е. Собрание сочинений : в 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин ; [редкол. : С.А. Макашин (гл. ред.) [и др.]. – М. : Худож. лит., 1966. – Т. 5 : Критика и публицистика. 1856–1864. – С. 250–265.

37. Сарду, В. «Madam Sans-Gêne» : комедия : в 4 д. / В. Сарду ; [пер. Ф.А. Корша]. – М. : Театр. б-ка М.А. Соколовой, 1909. – 85 с.

38. Сарду, В. Граф де Ризоор : (Patrie!) : драма в 5 д. / В. Сарду ; [пер. Н.Ф. Арбенина]. – СПб. : Театр и искусство, 1898. – 72 с.

39. Сарду, В. Спиритизм : комедия : в 3 д. / В. Сарду ; [пер. с фр. В.К. Травского]. – М. : Лит. Моск. театр. б-ки С.Ф. Разсохина, 1898. – 108 с.

40. Скриб, Э. Адриенна Лекуврер : драма-комедия : в 5 д. / Э. Скриб ; [пер. В. Зотова]. – СПб. : Тип. Я. Ионсона, 1858. – 66 с.

41. Толстой, Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. : [юбилейн. изд. (1828–1928)] / Л.Н. Толстой ; [под общ. ред. В.Г. Черткова ; при участии ред. ком. в составе: А.Е. Грузинского и др.]. – М. : Худож. лит., 1951. – Т. 30 : Произведения 1882–1898. – 605 с.

42. Трескунов, М.С. Виктор Гюго : очерк творчества / М.С. Трескунов. – Л. : Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1969. – 149 с.

43. Труайя, А. Ги де Мопассан / А. Труайя ; [пер. с фр. С. Лосева]. – М. : ЭКСМО, 2005. – 411 с.

44. Труайя, А. Эмиль Золя / А. Труайя ; [пер. с фр. А. Васильковой]. – М. : ЭКСМО, 2005. – 444 с.

45. Франс, А. Воспоминания моего друга / А. Франс ; [пер. С.С. Миримановой] // Новый журнал иностранной литературы. – 1901. – № 7. – С. 1–16; № 8. – С. 17–32; № 9. – С. 33–48; № 10. – С. 49–64; № 11. – С. 65–92.

46. Франс, А. Мадам де Люзи / А. Франс ; [пер. Е.В.] // Новый журнал иностранной литературы. – 1903. – Т. 3. – № 7. – С. 7–9.

47. Франс, А. Происшествие, случившееся в месяце флореале II года / А. Франс ; [пер. В.А. Кошевич] // Русская мысль. – 1904. – № 12. – С. 37–41.

48. Франс, А. Пьер Нозьер / А. Франс ; [пер. С.С. Миримановой] // Новый журнал иностранной литературы. – 1900. – Т. 1. – № 1. – С. 1–16; № 2. – С. 17–32; № 3. – С. 33–56.

49. Франс, А. Собрание сочинений : в 4 т. : [пер. с фр.] / А. Франс ; [вступ. ст. В.А. Дынник]. – М. : Худож. лит., 1983. – Т. 1. – 607 с.; Т. 2. – 573 с.; 1984. – Т. 3. – 429 с.; Т. 4. – 477 с.

50. Фрид, Я.В. Анатолий Франс и его время / Я.В. Фрид. – М. : Худож. лит., 1975. – 389 с.

51. Щепкина-Куперник, Т.Л. Театр в моей жизни / Т.Л. Щепкина-Куперник. – М.; Л. : Искусство, 1948. – 424 с.

52. Bourget, P. À quarante ans [La ressource électronique] / P. Bourget // Recouvrements. – Paris : A. Lemerre, 1897. – P. 183–198. – La version électronique de la publication typographique. – URL: <http://www.archive.org/stream/recouvrements00bouruoft#page/183/mode/1up> (la date de l'accès: 17.06.2014).

53. Bourget, P. Autre Inconnue [La ressource électronique] / P. Bourget // Pastels : dix portraits de femmes. – Paris : A. Lemerre, 1889. – P. 319–330. – La version électronique de la publication typographique. – URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k68677c/f325.image> (la date de l'accès: 17.06.2014).

54. Bourget, P. L'Âge de L'Amour [La ressource électronique] / P. Bourget // Recouvrements. – Paris : A. Lemerre, 1897. – P. 87–112. – La version électronique de la publication typographique. – URL: <http://www.archive.org/stream/recouvrements00bouruoft#page/87/mode/1up> (la date de l'accès: 17.06.2014).

55. Coppée, F. Jalousie [La ressource électronique] / F. Coppée // Wikisource : la bibliothèque libre. – Les données électroniques. – URL: [http://fr.wikisource.org/wiki/Jalousie_\(Copp%C3%A9e\)](http://fr.wikisource.org/wiki/Jalousie_(Copp%C3%A9e)) (la date de l'accès: 17.06.2014).

56. Coppée, F. Le morceau de pain [La ressource électronique] / F. Coppée // Vingt contes nouveaux – Paris : A. Lemerre, 1883. – P. 1–13. – La version électronique de la publication typographique. – URL: <https://archive.org/stream/vingtcontesnouv00coppgoog#page/n11/mode/1up> (la date de l'accès: 17.06.2014).

57. Coppée, F. Le pardon [La ressource électronique] / F. Coppée // Oeuvres, longues et brèves. – Paris : A. Lemerre, 1894. – P. 111–120. – La version électronique de la publication typographique. – URL: <https://archive.org/stream/oeuvreslongueset00coppuoft#page/111/mode/1up> (la date de l'accès: 17.06.2014).

58. Coppée, F. Les fiancés de Noël [La ressource électronique] / F. Coppée // La bonne souffrance : Contes pour les jours de fête. – Paris : A. Lemerre, 1907. – P. 175–192. – La version électronique de la publication typographique. – URL: https://archive.org/stream/labonnesouffran00coppgoog#_page/n188/mode/1up (la date de l'accès: 17.06.2014).

59. Coppée, F. Souvenir filial [La ressource électronique] / F. Coppée // La bonne souffrance : Contes pour les jours de fête. – P. : A. Lemerre, 1907. – P. 80–86. – La version électronique de la publication typographique. – URL: https://archive.org/stream/labonnesouffran00coppgoog#_page/n93/mode/1up (la date de l'accès: 17.06.2014).

60. Daudet, A. La Partie de billard [La ressource électronique] / A. Daudet // Wikisource : la bibliothèque libre. – Les données électroniques. – URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Les_Contes_du_lundi/La_Partie_de_billard (la date de l'accès: 23.07.2012).

61. Daudet, A. Le Mauvais Zouave [La ressource électronique] / A. Daudet // Wikisource : la bibliothèque libre. – Les données électroniques. – URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Les_Contes_du_lundi/Le_Mauvais_Zouave (la date de l'accès: 23.07.2012).

62. Daudet, A. Le Porte-drapeau [La ressource électronique] / A. Daudet // Wikisource : la bibliothèque libre. – Les données électroniques. – URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Les_Contes_du_lundi/Le_Porte-drapeau (la date de l'accès: 23.07.2012).

63. Daudet, A. Le Prussien de Bélisaire [La ressource électronique] / A. Daudet // Wikisource : la bibliothèque libre. – Les données électroniques. – URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Les_Contes_du_lundi/Le_Prussien_de_B%C3%A9lisaire (la date de l'accès: 23.07.2012).

64. Daudet, A. Les Petits Pâtés [La ressource électronique] / A. Daudet // Wikisource : la bibliothèque libre. – Les données électroniques. – URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Les_Contes_du_lundi/Les_Petits_P%C3%A2t%C3%A9s (la date de l'accès: 23.07.2012).

65. Daudet, A. Un Malentendu [La ressource électronique] / A. Daudet // Textes libres. – Les données électroniques. – URL: http://textes.libres.free.fr/francais/alphonse-daudet_les-femmes-d-artistes.htm#6 (la date de l'accès: 23.07.2012).

66. Daudet, A. Un Ménage de chanteurs [La ressource électronique] / A. Daudet // Textes libres. – Les données électroniques. – URL: http://textes.libres.free.fr/francais/alphonse-daudet_les-femmes-d-artistes.htm#5 (la date de l'accès: 23.07.2012).

67. France, A. Anecdote de floréal, an II [La ressource électronique] / A. France // Wikisource : la bibliothèque libre. – Les données électroniques. – URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Anecdote_de_flor%C3%A9al,_an_II (la date de l'accès: 28.09.2013).

68. France, A. Le Livre de Pierre. Premières conquêtes [La ressource électronique] / A. France // Wikisource : la bibliothèque libre. – Les données électroniques. – URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Le_Livre_de_Pierre_-_Premi%C3%A8res_conqu%C3%AAtes (la date de l'accès: 28.09.2013).

69. France, A. Le Livre de Suzanne. Les Amis de Suzanne [La ressource électronique] / A. France // Wikisource : la bibliothèque libre. – Les données électroniques. – URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Le_Livre_de_Suzanne_-_Les_Amis_de_Suzanne (la date de l'accès: 28.09.2013).

70. France, A. Les contes de maman [La ressource électronique] / A. France // Wikisource : la bibliothèque libre. – Les données électroniques. – URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Pierre_Nozi%C3%A8re/1/05 (la date de l'accès: 28.09.2013).

71. France, A. Madame de Luzy [La ressource électronique] / A. France // Wikisource : la bibliothèque libre. – Les données électroniques. – URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Madame_de_Luzy (la date de l'accès: 28.09.2013).

72. Maupassant, G. de. L'orphelin [La ressource électronique] / G. de Maupassant // Maupassant par les textes. – Les données électroniques. – URL: <http://maupassant.free.fr/textes/orphelin.html> (la date de l'accès: 14.05.2011).

73. Maupassant, G. de. La Main [La ressource électronique] / G. de Maupassant // Wikisource : la bibliothèque libre. – Les données électroniques. – URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Contes_du_jour_et_de_la_nuit/La_Main (la date de l'accès: 14.05.2011).

74. Maupassant, G. de. La Main d'écorché [La ressource électronique] / G. de Maupassant // Wikisource : la bibliothèque libre. – Les données électroniques. – URL: http://fr.wikisource.org/wiki/La_Main_d%E2%80%99C3%A9corch%C3%A9 (la date de l'accès: 14.05.2011).

75. Maupassant, G. de. La Peur [La ressource électronique] / G. de Maupassant // Wikisource : la bibliothèque libre. – Les données électroniques. – URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Contes_de_la_b%C3%A9casse/La_Peur (la date de l'accès: 14.05.2011).

76. Maupassant, G. de. Le Gueux [La ressource électronique] / G. de Maupassant // Wikisource : la bibliothèque libre. – Les données électroniques. – URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Contes_du_jour_et_de_la_nuit/Le_Gueux (la date de l'accès: 14.05.2011).

77. Maupassant, G. de. Les idées du Colonel [La ressource électronique] / G. de Maupassant // Wikisource : la bibliothèque libre. – Les données électroniques. – URL: [http://fr.wikisource.org/wiki/Yvette_\(recueil\)/Les_Id%C3%A9es_du_Colonel](http://fr.wikisource.org/wiki/Yvette_(recueil)/Les_Id%C3%A9es_du_Colonel) (la date de l'accès: 14.05.2011).

78. Maupassant, G. de. Lettre trouvée sur un noyé [La ressource électronique] / G. de Maupassant // Wikisource : la bibliothèque libre. – Les données électroniques. – URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Lettre_trouv%C3%A9e_sur_un_noy%C3%A9 (la date de l'accès: 14.05.2011).

79. Maupassant, G. de. Mademoiselle Fifi [La ressource électronique] / G. de Maupassant // Wikisource : la bibliothèque libre. – Les données électroniques. – URL: [http://fr.wikisource.org/wiki/Mademoiselle_Fifi_\(recueil\)/Mademoiselle_Fifi](http://fr.wikisource.org/wiki/Mademoiselle_Fifi_(recueil)/Mademoiselle_Fifi) (la date de l'accès: 14.05.2011).

80. Maupassant, G. de. Rose [La ressource électronique] / G. de Maupassant // Wikisource : la bibliothèque libre. – Les données électroniques. – URL:

http://fr.wikisource.org/wiki/Contes_du_jour_et_de_la_nuit/Rose (la date de l'accès: 14.05.2011).

81. Maupassant, G. de. Sur le nuages [La ressource électronique] / G. de Maupassant // Maupassant par les textes. – Les données électroniques. – URL: <http://maupassant.free.fr/chroniq/nuages.html> (la date de l'accès: 14.05.2011).

82. Maupassant, G. de. Un parricide [La ressource électronique] / G. de Maupassant // Wikisource : la bibliothèque libre. – Les données électroniques. – URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Contes_du_jour_et_de_la_nuit/Un_parricide (la date de l'accès: 14.05.2011).

83. Mirbeau, O. Hé! Père Nicolas! [La ressource électronique] / O. Mirbeau // Contes de la chaumière. – Paris : E. Flammarion, 1923. – P. 117–124. – La version électronique de la publication typographique. – URL: <https://archive.org/stream/contesdelachaumi00mirb#page/117/mode/1up> (la date de l'accès: 17.06.2014).

84. Mirbeau, O. La Confession de Gibory [La ressource électronique] / O. Mirbeau // Contes de la chaumière. – Paris : E. Flammarion, 1923. – P. 81–95. – La version électronique de la publication typographique. – URL: <https://archive.org/stream/contesdelachaumi00mirb#page/81/mode/1up> (la date de l'accès: 17.06.2014).

85. Mirbeau, O. Un baptême [La ressource électronique] / O. Mirbeau // Atramenta : lire, écrire, partager. – Les données électroniques. – URL: http://www.atramenta.net/lire/contes-iii/26185/47#oeuvre_page (la date de l'accès: 17.06.2014).

Критика, литературоведение и философия

86. «Сибирская газета» в воспоминаниях современников / [вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.В. Жиликовой ; науч. ред. Н.М. Дмитриенко]. – Томск : Изд-во НТЛ, 2004. – 200 с.

87. Абашев, В.В. Пермь как текст : Пермь в русской культуре и литературе XX века / В.В. Абашев. – Пермь : [б.и.], 2008. – 492 с.

88. Адрианов, А.В. Периодическая печать в Сибири с указателем изданий в 1918 г. / А.В. Адрианов. – Томск : Типо-лит. Том. ж. д., 1919. – 31 с.

89. Азадовский, М.К. Сибирские страницы : статьи, рецензии, письма / М.К. Азадовский ; [сост., авт. предисл. Н.Н. Яновский]. – Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1988. – 335 с.

90. Айхенвальд, Ю.И. В спорах о театре / Ю.И. Айхенвальд. – М. : Книгоиздат. писателей, 1913. – 198 с.

91. Айхенвальд, Ю.И. Этюды о западных писателях / Ю.И. Айхенвальд. – М. : Научное слово, 1910. – 247 с.

92. Алексеев, М.П. Сравнительное литературоведение / М.П. Алексеев ; [отв. ред. Г.В. Степанов]. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. – 447 с.

93. Анатолий Франс : библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке (1877–1982) / [сост. Г.И. Лещинская, М.В. Линдстрем]. – М. : Книга, 1985. – 215 с.

94. Андреева, А. Ж. Леметр и его «современники» / А. Андреева // Северный вестник. – 1892. – № 5. – С. 223–238.

95. Аникст, А.А. Теория драмы на Западе во второй половине XIX века / А.А. Аникст. – М. : Наука, 1988. – 310 с.

96. Анисимов, И.И. Анатолий Франс / И.И. Анисимов // Мастера культуры : Анатолий Франс. Ромен Роллан. Теодор Драйзер. Генрих Манн. – М. : Худож. лит., 1971. – С. 13–98.

97. Анисимов, К.В. Литература Сибири : идентификация и поэтика / К.В. Анисимов // Евроазиатский межкультурный диалог : «свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры : сборник статей / [под. ред. О.Б. Лебедевой]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. – С. 370–397.

98. Анисимов, К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX вв. : особенности становления и развития региональной литературной традиции / К.В. Анисимов ; [отв. ред. А.С. Янушкевич]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. – 300 с.

99. Ауэрбах, Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе / Э. Ауэрбах ; [пер.: А.В. Михайлов, Ю.А. Архипов]. – М.; СПб. : Унив. кн., 2000. – 510 с.
100. Ачкасов, П.Б. Письма о литературе. Поль Бурже / П.Б. Ачкасов // Русский вестник. – 1895. – Т. 239 (август). – С. 247–270.
101. Бабушкин, Н.Ф. Анатоль Франс и фольклор / Н.Ф. Бабушкин // Вопросы художественного метода и стиля / [ред. тома А.А. Ачатов]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1964. – С. 201–209.
102. Белый, А. Символизм как миропонимание /А. Белый ; [сост., вступ. ст. и примеч. Л.А. Сугай]. – М. : Республика, 1994. – 525 с.
103. Библиографическая хроника // Отечественные записки. – 1845. – Т. 43. – № 11. – С. 1–5.
104. Библиография русских переводов произведений Виктора Гюго / [сост. М.С. Морщинер, Н.И. Пожарский ; отв. ред. Ю.И. Данилин]. – М. : [б.и.], 1953. – 158 с.
105. Богданович, Е.В. Стихотворное послание 1810-х – начала 1820-х гг. в контексте русской и французской поэтических традиций : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Е.В. Богданович. – СПб, 2011. – 203 с.
106. Богданович, Т. Салонный бунтовщик / Т. Богданович // Новый журнал для всех. – 1909. – № 6 (апрель). – Стб. 88–95.
107. Бояджиев, Г.Н. Мольер : исторические пути формирования жанра высокой комедии / Г.Н. Бояджиев. – М. : Искусство, 1967. – 553 с.
108. Быстрова, Ю.М. Русско-французские культурные связи в конце XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ю.М. Быстрова. – Саратов, 2010. – 264 с.
109. Венгерова, З. Новости иностранной литературы / З. Венгерова // Вестник Европы. – 1907. – Т. 6, кн. 12 (декабрь). – С. 869–879.
110. Венгерова, З.А. Октав Мирбо / З.А. Венгерова // Литературные характеристики : в 3 кн. – СПб. : Типо-лит. А.Э. Винеке, 1910. – Кн. 3. – С. 234–274.

111. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – М. : Высш. школа, 1989. – 404 с.
112. Волкова, В.Н. Сибирское книгоиздание второй половины XIX века / В.Н. Волкова. – Новосибирск : ГПНТБ, 1995. – 239 с.
113. Воложанин, В.Е. Модернизм и сибирские поэты / В.Е. Воложанин // Утро Сибири. – 1912. – № 140 (24 июня). – С. 2.
114. Волховский, Ф.В. Театральные впечатления / Ф.В. Волховский // Сибирская газета. – 1882. – № 43 (24 октября). – Стб. 1081–1085.
115. Вульфович, Т.Л. Творчество Мопассана / Т.Л. Вульфович. – М. : Высш. школа, 1962. – 50 с.
116. Вяткин, Г. Театр в Томске / Г. Вяткин // Город Томск. – Томск : Сиб. т-во печ. дела, 1912. – С. 324–330.
117. Вяткин, Г.А. О декадентах / Г.А. Вяткин // Сибирская жизнь. – 1907. – № 92 (14 августа). – С. 2.
118. Вяткин, Г.А. У В.Ф. Комиссаржевской / Г.А. Вяткин // Сибирская жизнь. – 1909. – № 106 (21 мая). – С. 3.
119. Гиммельфарб, Б. Э. Золя жизнь и творчество / Б. Гиммельфарб. – М.; Л. : Госиздат, 1930. – 144 с.
120. Гольдфарб, С.И. Д.А. Клеменц – революционер, ученый, публицист / С.И. Гольдфарб. – Иркутск, 1986. – 172 с.
121. Гольдфарб, С.И. Газетное дело в Сибири (XIX – начало XX в.) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / С.И. Гольдфарб. – Иркутск, 2003. – 426 с.
122. Горенинцева, В.Н. «Укрощение строптивой» У. Шекспира в театральные рецензиях томской периодики конца XIX – начала XX вв. / В.Н. Горенинцева // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 314. – С. 18–21.
123. Горенинцева, В.Н. Западноевропейская драма в томской театральной критике конца XIX – начала XX вв. / В.Н. Горенинцева // Жизнь провинции : материалы и исследования : сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием «Жизнь провинции как

феномен духовности» 15–17 ноября 2012 / [редкол.: М.Г. Уртминцева (отв. ред.) и др.]. – Н. Новгород : Дятловы горы, 2013. – С. 178–183.

124. Горенинцева, В.Н. Рецепция английской и американской литературы в томской периодике конца XIX – начала XX вв. : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / В.Н. Горенинцева. – Томск, 2009. – 218 с.

125. Горенинцева, В.Н. Стратегии адаптации переводного художественного текста в томской периодике конца XIX – начала XX вв. (на материале переводов с английского) / В.Н. Горенинцева // Издательская деятельность и перевод : сборник материалов Первой всероссийской научно-прикладной конференции 20–22 мая 2010 г. (г. Томск) / [ред. И.А. Айзикова [и др.]] – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. – С. 318–328.

126. Городские известия // Сибирская газета. – 1886. – № 52 (28 декабря). – Стб. 1566.

127. Городские известия // Сибирская газета. – 1887. – № 8 (22 февраля). – Стб. 282.

128. Горюшкина, И.А. Театры Сибири (краткий обзор становления и развития) / И.А. Горюшкина // Сибирь в XVI–XX веках : экономика, общественно-политическая жизнь и культура. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1997. – С. 251–301.

129. Гревс, И.М. Город как предмет краеведения / И.М. Гревс // Краеведение. – 1923. – Т. 5, № 3. – С. 245–258.

130. Гурвич, М.Я. Традиции французского натурализма в творчестве О. Мирбо / М.Я. Гурвич // Проблемы зарубежной реалистической прозы XIX–XX веков : сборник статей / [редкол.: Т.С. Николаева (отв. ред.) и др.]. – Саратов : Изд-во. Сарат. ун-та, 1985. – С. 48–58.

131. Данилов, С.С. Очерки по истории русского драматического театра / С.С. Данилов. – М. : Искусство, 1948. – 587 с.

132. Данилова, О.С. Французское «славянофильство» конца XIX – начала XX века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / О.С. Данилова. – Екатеринбург, 2005. – 234 с.

133. Диалог культур : проблема взаимодействия русского и мирового театра XX века. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. – 266 с.

134. Дмитриев, Ю.А. История русского и советского драматического театра (от истоков до современности) / Ю.А. Дмитриев, Г.А. Хайченко. – М. : Просвещение, 1986. – 158 с.

135. Долгоруков, В.А. Провинциальные корреспонденции. Томск / В.А. Долгоруков // Артист. – 1892. – № 25, кн. 12 (декабрь). – С. 205.

136. Долгоруков, В.А. Театр и музыка / В.А. Долгоруков // Сибирский вестник. – 1889. – № 114 (4 октября). – С. 3.

137. Доманский, В.А. Научный семинар на тему : «Театральный хронотоп в контексте городского сибирского текста конца XIX – начала XX вв.» / В.А. Доманский, О.Б. Кафанова, Д.А. Олицкая // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 4. – С. 266–268.

138. Доманский, В.А. Субстраты томского текста / В.А. Доманский // Северный и Сибирский тексты русской литературы как сверхтексты : типологическое и уникальное : сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, 9–11 октября 2013 г. / [сост., отв. ред. Е.Ш. Галимова, А.Г. Лошаков]. – Архангельск : ИД Северного (Арктического) фед. ун-та им. М.В. Ломоносова, 2014. – С. 101–111.

139. Доманский, В.А. Ф.В. Волховский – негласный редактор «Сибирской газеты» / В.А. Доманский // Русские писатели в Томске / [О.Н. Бахтина, О.Б. Лебедева, И.А. Поплавская ; гл. ред. Е. Кольчужкин]. – Томск : Водолей, 1996. – С. 147–166.

140. Евдокимова, О.К. «Золаизм» в русской журнальной критике 70-х гг. XIX века / О.К. Евдокимова // Литературные связи и традиции в творчестве писателей Западной Европы и Америки XIX–XX вв. : межвузовский сборник / [редкол.: И.В. Киреева (отв. ред.) и др.]. – Горький : Горьк. гос. ун-т, 1990. – С. 86–95.

141. Евнина, Е.М. Виктор Гюго / Е.М. Евнина. – М. : Наука, 1976. – 213 с.

142. Европейская литература в зеркале сибирской периодики конца XIX – начала XX в. : сборник / [отв. ред. О.Б. Кафанова, Н.Е. Разумова]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. – 293 с.

143. Егоров, Б.Ф. О мастерстве литературной критики : жанры, композиция, стиль / Б.Ф. Егоров. – Л. : Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1980. – 316 с.

144. Ермолинский, Л.Л. Сибирские газеты 70-80-х годов 19 века / Л.Л. Ермолинский. – Иркутск : Изд-во Иркутск. ун-та, 1985. – 134 с.

145. Ерофеев, В.В. Поэтика и этика рассказа (стили Чехова и Мопассана) / В.В. Ерофеев // В лабиринте проклятых вопросов. – М. : Сов. писатель, 1990. – С. 402–421.

146. Есин, Б.И. Русская газета и газетное дело в России : задачи и теоретико-методологические принципы изучения / Б.И. Есин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 132 с.

147. Есин, Б.И. Русская дореволюционная газета 1702–1917 гг. : краткий очерк / Б.И. Есин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 86 с.

148. Есин, Б.И. Русская журналистика 70–80-х годов XIX века / Б.И. Есин ; [под ред. А.В. Западова]. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1963. – 189 с.

149. Жанры русской литературной критики 70-80-х годов XIX века / В.Н. Коновалов, Л.Я. Воронова, Г.М. Магдеева [и др.] ; [науч. ред. В.Н. Коновалов]. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1991. – 163 с.

150. Желать ли в Томске театра? // Томские губернские ведомости. – 1868. – № 17 (3 мая). – С. 8.

151. Жеребцов, Б. Театр в Старой Сибири / Б. Жеребцов // Записки Государственного института театрального искусства им. Луначарского. – М. : Искусство, 1940. – С. 147–160.

152. Жилиякова, Н.В. «Томск газетный» : становление и формирование системы газетной периодики дореволюционного Томска / Н.В. Жилиякова // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 323. – С. 23–31.

153. Жилиякова, Н.В. Жанры литературной критики «Сибирской газеты» / Н.В. Жилиякова // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и

журналистики : материалы научно-методической конференции молодых ученых, 12–13 апреля 2002 г. / [отв. ред. А.А. Казаков]. – Томск : [б.и.], 2003. – Ч. 1. – С. 90–93.

154. Жилиякова, Н.В. Журналистика Томской губернии второй половины XIX – начала XX века : идея областничества : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 / Н.В. Жилиякова. – СПб, 2012. – 48 с.

155. Жилиякова, Н.В. Журналистика дореволюционной Томской губернии : идея областничества / Н.В. Жилиякова ; [науч. ред. Л.П. Громова]. – Томск, 2014. 288 с.

156. Жилиякова, Н.В. Издательская деятельность В.А. Долгорукова / Н.В. Жилиякова // Издательская деятельность и перевод : сборник материалов Первой всероссийской научно-прикладной конференции 20–22 мая 2010 г. (г. Томск) / [ред. И.А. Айзикова и др.] – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. – С. 129–142.

157. Жилиякова, Н.В. Цензурная история газеты «Сибирская жизнь» (1894–1919, г. Томск) / Н.В. Жилиякова // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 3 (7). – С. 102–115.

158. Жирмунский, В.М. Сравнительное литературоведение : Восток и Запад : избр. тр. / В.М. Жирмундский. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. – 493 с.

159. Заборов, П.Р. К истолкованию драмы В. Гюго «Эрнани» / П.Р. Заборов // Художественное сознание и действительность / [под ред. А.Г. Березиной]. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2004. – С. 58–67.

160. Заборов, П.Р. Россия и Франция : литературные и культурные связи статьи и заметки / П.Р. Заборов. – СПб. : Петрополис, 2011. – 450 с.

161. Заграничная хроника // Вестник иностранной литературы. – 1900. – № 4 (апрель). – С. 370–383.

162. Заметки и воспоминания В.М. Флоринского (1865–1880) // Русская старина. – 1906. – Кн. V (май). – С. 281–323.

163. Зингерман, Б.И. Очерки истории драмы 20 века / Б.И. Зингерман – М. : Наука, 1979. – 390 с.

164. Иванов, А. Первый театр в Томске / А. Иванов // Сибирская старина : краеведческий альманах. – 2003. – № 20. – С. 31–35.

165. Иванов, А.С. Потора века томской сцены / А.С. Иванов // Архив Томского драматического театра. – 770 с.

166. Игнатов, И.Н. Альфонс Доде / И.Н. Игнатов // Русские ведомости. – 1897. – № 344 (13 декабря). – С. 3.

167. История западно-европейского театра : учеб. пособие для театровед. фак. театр. учеб. заведений / [под общ. ред. проф. Г.Н. Бояджиева и др.]. – М. : Искусство, 1974. – Т. 6 : 1871–1918. – 655 с.

168. История зарубежного театра : учебник для культурно-просветительных и театральных учебных заведений / [под общ. ред. Г.Н. Бояджиева]. – М. : Просвещение, 1972. – Ч. 2. – 327 с.

169. История русского драматического театра : в 7 т. / Т.К. Шах-Азизова, Т.М. Родина, Ю.А. Дмитриев [и др.] ; [редкол.: Е.Г. Холодов (гл. ред.) и др.]. – М. : Искусство, 1982. – Т. 6. : 1882–1897. – 573 с.

170. История русского драматического театра : от его истоков до конца XX века / [сост.: Н.И. Короткова и др. ; отв. ред. Н.С. Пивоварова]. – М. : ГИТИС, 2013. – 660 с.

171. Каган, М.С. Синергетика и культурология / М.С. Каган // Синергетика и методы науки ; [отв. ред. д-р техн. наук, проф. М.А. Басин]. – СПб. : Наука, 1998. – С. 201–219.

172. Каганский, В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство / В.Л. Каганский. – М. : Новое лит. обозрение, 2001. – 573 с.

173. Казаркин, А.П. Литературная классика Сибири : подход и дефиниции / А.П. Казаркин // Сибирский текст в русской культуре : сборник статей / [под ред. А.П. Казаркина, Н.В. Серебренникова]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. – Вып. 2. – С. 32–44.

174. Кардынова, М.М. Провинциальный театр в общественной жизни России второй половины XIX – начала XX вв. : на материалах Нижегородской и Казанской губерний : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М.М. Кардынова. – Н. Новгород, 2010. – 28 с.

175. Картамышев, В.П. Мысли вслух / В.П. Картамышев // Сибирский вестник. – 1885. – № 17 (5 сентября). – С. 10–11.

176. Кафанова, О.Б. «Крупная фигура» (Э. Золя в оценке И.С. Тургенева) / О.Б. Кафанова // Тургеневские чтения : материалы международной научной конференции «И.С. Тургенев и Франция», Москва, 24–27 ноября 2010 г. / [сост. и науч. ред. Е.Г. Петраш]. – М. : Книжица, 2011. – Вып. 5. – С. 103–114.

177. Кафанова, О.Б. «Сибирский текст» В.А. Долгорукова / О.Б. Кафанова // Н.П. Анциферов. Филология прошлого и будущего : по материалам международной научной конференции «Первые Московские Анциферовские чтения» (25–27 сентября 2012 г.) / [редкол.: Д.С. Московская (отв. ред.-сост.) и др.]. – М. : ИМЛИ РАН, 2012. – С. 421–425.

178. Кафанова, О.Б. Русский мифообраз Гюго (к 200-летию со дня рождения писателя) / О.Б. Кафанова // Русская литература в современном культурном пространстве : материалы II Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию Томского государственного педагогического университета (1–3 ноября 2002 г.) : в 2 ч. / [ред.: Т.Т. Уразаева (отв. ред.) и др.]. – Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2003. – Ч. 1. – С. 139–146.

179. Кафанова, О.Б. Структура сибирской критики (на материале томских газет и изданий 1890–1916) / О.Б. Кафанова // *Sibirien – Russland – Europa. Eigen- und Fremdwahrnehmung in Literatur und Sprache.* – Hamburg, 2013. – S. 55–69.

180. Кафанова, О.Б. Театральный хронотоп Сибирского текста / О.Б. Кафанова // Северный и Сибирский тексты русской литературы как сверхтексты : типологическое и уникальное : сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, 9–11 октября 2013 г. /

[сост., отв. ред. Е.Ш. Галимова, А.Г. Лошаков]. – Архангельск : ИД Северного (Арктического) фед. ун-та им. М.В. Ломоносова, 2014. – С. 112–122.

181. Кафанова, О.Б. Тургенев и Золя : конструктивный и полемический дискурс / О.Б. Кафанова // Спасский вестник. – 2011. – Вып. 19. – С. 76–87.

182. Клерман, М.К. Золя в России / М.К. Клерман // Литературное наследство. – 1932. – Т. 2. – С. 235–249.

183. Клерман, М.К. Из переписки Золя с русскими корреспондентами / М.К. Клерман // Литературное наследство. – 1937. – № 31–32. – С. 943–980.

184. Коган, П.С. Очерки по истории западно-европейских литератур : в 2 т. / П.С. Коган. – М. : Скирмунт, 1905. – Т. 2. – 547 с.

185. Кройчик, Л.Е. Провинциальная частная газета : формирование концепции / Л.Е. Кройчик // Российская провинциальная частная газета : сборник / [сост. Л.Е. Кройчик ; под ред. Л.Е. Кройчика, Ю.Л. Мандрики]. – Тюмень : Мандр и Ка, 2004. – С. 3–20.

186. Крути, И.А. Русский театр в Казани : материалы к истории провинциального драм. театра / И.А. Крути. – М. : Искусство, 1958. – 396 с.

187. Крутовский, В.М. Периодическая печать в Томске / В.М. Крутовский // Город Томск. – Томск : Сиб. т-во печ. дела, 1912. – С. 279–309.

188. Кудрин, Н.Е. Галерея современных французских знаменитостей. П. Бурже / Н.Е. Кудрин // Русское богатство. – 1904. – № 3 (март). – С. 96–125.

189. Куклина, Е.А. Летопись сибирской периодики 1857–1916 гг. / Е.А. Куклина // Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири : сборник научных статей / [отв. ред. Л.П. Якимов]. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1989. – С. 214–231.

190. Лазновская, Г.Ю. Франция и французы в восприятии русской интеллигенции второй половины XIX в. : дис. ... канд. ист. наук : 24.00.01 / Г.Ю. Лазновская. – Волгоград, 2009. – 230 с.

191. Левин, Ю.Д. Восприятие творчества иносациональных писателей / Ю.Д. Левин // Историко-литературный процесс : проблемы и методы изучения : сборник статей / [под ред. А.С. Бушмина]. – Л. : Наука, 1974. – С. 237–273.

192. Леметр, Ж. Современные писатели / Ж. Леметр ; [пер. Д-ой]. – СПб. : Пантеон лит., 1891. – 254 с.

193. Литературная энциклопедия : в 11 т. – М. : Изд-во коммунистич. акад., 1930. – Т. 3. – 634 стб.

194. Литературные манифесты западноевропейских классицистов : собрание текстов / [вступ. ст. и общ. ред. Н.П. Козловой]. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 613 с.

195. Литературные манифесты западноевропейских романтиков : сборник текстов / [вступ. ст. и общ. ред. А.С. Дмитриева]. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 638 с.

196. Лиходзиевский, С. Анатолий Франс – патриот, друг русского народа / С. Лиходзиевский // Звезда Востока. – 1954. – № 4. – С. 109–119.

197. Лотман, Ю.М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю.М. О русской литературе : ст. и исслед. (1958–1993) : история рус. прозы. Теория лит. / [вступ. ст. И.А. Чернова]. – СПб. : Искусство-СПб., 1997. – С. 724–725.

198. Луков, В.А. Французский неоромантизм : монография / В.А. Луков. – М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. – 109 с.

199. Любимов, Л.С. История сибирской печати : учеб. пособие для студентов отделения журналистики / Л.С. Любимов. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1982. – 78 с.

200. Люсый, А.П. Сибирская триалектика : Сибирь как провинция, как фронт и как «другая Россия» / А.П. Люсый // Европейская литература в зеркале сибирской периодики конца XIX – начала XX в. : сборник / [отв ред. О.Б. Кафанова, Н.Е. Разумова]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. – С. 20–33.

201. Лясоцкий, И.Е. Томский театр / И.Е. Лясоцкий // Прошлое Томска в названиях его улиц, построек и окрестностей. – Томск : [б.и.], 1952. – С. 36–46.

202. Мандрика, Ю.Л. Неофициальная часть губернских ведомостей как тип провинциального издания : на материале «Тобольских губернских

ведомостей» : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Ю.Л. Мандрика. – Воронеж, 2004. – 159 с.

203. Мандрика, Ю.Л. Провинциальная частная печать : спорные вопросы становления периодики Сибири / Ю.Л. Мандрика. – Тюмень : РИЦ Тюм. гос. акад. культуры и искусств, 2007. – 103 с.

204. Марков, П.А. Правда театра / П.А. Марков ; [ред. О.Н. Россихина]. – М. : Искусство, 1965. – 537 с.

205. Марков, П.А. Театральные портреты / П.А. Марков. – М.; Л. : Искусство, 1939. – 232 с.

206. Масанов, И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей : в 4 т. / И.Ф. Масанов ; [ред. Б.П. Козьмин]. – М. : Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1957. – Т. 2. – 386 с.

207. Махонина, С.Я. История русской журналистики начала XX века / С.Я. Махонина. – М. : Флинта, 2008. – 367 с.

208. Махонина, С.Я. Русская дореволюционная печать (1905–1914) / С.Я. Махонина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1991. – 205 с.

209. Мельникова, Е.В. Театр и город сибирской провинции : вторая половина XIX – начало XX века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е.В. Мельникова. – Омск, 2000. – 281 с.

210. Мешкова, И.В. Творчество Виктора Гюго (1815–1824) / И.В. Мешкова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1971. – Кн. 1 – 284 с.

211. Михайлов, А.Д. Драматургия Эдмона Ростана / А.Д. Михайлов // От Франсуа Вийона до Марселя Пруста : страницы истории французской литературы Нового времени (XVI–XIX века) : в 2 т. – М. : Языки славянских культур, 2010. – Т. 2. – С. 445–461.

212. Михайлов, А.Д. Поэтический театр Мориса Метерлинка / А.Д. Михайлов // От Франсуа Вийона до Марселя Пруста : страницы истории французской литературы Нового времени (XVI–XIX века) : в 2 т. – М. : Языки славянских культур, 2010. – Т. 2. – С. 461–491.

213. Мнемозина : документы и факты из истории русского театра XX века / [сост., общ. ред. В.В. Иванов]. – М. : ГИТИС, 1996. – 288 с.

214. Мокульский, С.С. История западноевропейского театра : в 2 ч. / С.С. Мокульский. – СПб. [и др.] : Планета музыки, 2011. – 719 с.

215. Муравьева, Н.И. Гюго / Н.И. Муравьева. – М. : Молодая гвардия, 1961. – 382 с.

216. Никонова, Н.Е. М. Нордау в томской периодике рубежа XIX–XX вв. / Н.Е. Никонова // Проблемы художественной антропологии : материалы III межвузовской научно-практической конференции с международным участием (3–5 апреля 2009 г., Тара) / [отв. ред.: Т.Ю. Березина, В.Г. Пожидаева, Т.И. Царегородцева]. – Тара : А.А. Аскаленко, 2009. – С. 90–99.

217. Новикова, Е.Г. Журнальная, литературная и филологическая деятельность Г.Н. Потанина / Е.Г. Новикова // Доклады региональных межвузовских «Потанинских чтений», посвященных 160-летию со дня рождения выдающегося ученого-естествоиспытателя, путешественника, общественного деятеля и писателя Григория Николаевича Потанина (4 октября 1995 года, г. Томск) / [науч. ред. С.Ф. Фоминых ; отв. ред. В.З. Башкатов]. – Томск : [б.и.], 1995. – С. 31–37.

218. Одинокоев, В.Г. Критика в дореволюционной Сибири и проблемы экологии культуры / В.Г. Одинокоев // Критика и критики в литературном процессе Сибири XIX–XX вв. : сборник научных трудов / [отв. ред. Л.П. Якимова]. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1998. – С. 6–20.

219. Очерки истории русской театральной критики. Вторая половина XIX в. / А.Я. Альтшуллер, Н.С. Лесков, А.И. Урусов [и др.] ; [под ред. А.Я. Альтшуллера]. – Л. : Искусство. Ленингр. отд-ние, 1976. – 340 с.

220. Очерки истории русской театральной критики. Конец XIX – начало XX века / Ю.К. Герасимов, А.Я. Альтшуллер, С.К. Бушуева [и др.] ; [под ред. А. Я. Альтшуллера]. – Л. : Искусство. Ленингр. отд-ние, 1979. – 325 с.

221. Очерки по истории русской журналистики и критики : в 2 т. / Л.А. Плоткин, В.Г. Березина, А.Г. Дементьев [и др.] ; [редкол.: В.Г. Березина и др.] – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. – Т. 2. – 516 с.

222. Очерки русской литературы Сибири : в 2 т. / [гл. редкол.: А.П. Окладников (гл. ред.) и др.]. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1982. – Т. 1 : Дореволюционный период. – 605 с.

223. Петровская, И.Ф. Источниковедение русского дореволюционного драматического театра : учеб. пособие для театроведч. фак. театр. ин-тов / И.Ф. Петровская. – Л. : Искусство. Ленингр. отд-ние, 1971. – 199 с.

224. Петровская, И.Ф. Театр и зритель провинциальной России, вторая половина XIX в. / И.Ф. Петровская. – Л. : Искусство. Ленингр. отд-ние, 1979. – 247 с.

225. Петровская, И.Ф. Театр и зритель российских столиц, 1895–1917 / И.Ф. Петровская. – Л. : Искусство. Ленингр. отд-ние, 1990. – 269 с.

226. Петряев, Е.Д. Псевдонимы литераторов-сибиряков : материалы к «Истории русской литературы Сибири» / Е.Д. Петряев ; [отв. ред. Ю.С. Постнов]. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1973. – 73 с.

227. Пиксанов, Н.К. Областные культурные гнезда : историко-краеведческий семинар / Н.К. Пиксанов. – М.; Л. : Красный пролетарий, 1928. – 148 с.

228. Поль Бурже // Русская мысль. – 1894. – Кн. 9 (сентябрь). – С. 77–91.

229. Потанин, Г.Н. Интеллигенция и печать Сибири / Г.Н. Потанин // Сибирская жизнь. – 1913. – № 40 (17 февраля). – С. 3.

230. Почему романы Золя так популярны? // Вестник иностранной литературы. – 1897. – № 11 (ноябрь). – С. 285–289.

231. Развитие литературно-критической мысли в Сибири : сборник статей / [отв. ред. Л.П. Якимова]. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1986. – 221 с.

232. Разумова, Н.Е. «Сибирский вестник» о Г. Гауптмане : «автопортрет» томского интеллигента / Н.Е. Разумова // Сибирский текст в русской культуре

: сборник статей / [под ред. А.П. Казаркина, Н.В. Серебрянникова]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. – Вып. 2. – С. 175–183.

233. Реизов, Б.Г. Из истории европейских литератур / Б.Г. Реизов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. – 371 с.

234. Родиславский, В. Мольер в России / В. Родиславский // Русский вестник. – 1872. – Т. 98, кн. 3. – С. 38–96.

235. Родченко, Ю.И. История первого томского театра (1850–1882 гг.) (на материале «Томских губернских ведомостей» и «Сибирской газеты») / Ю.И. Родченко // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 366. – С. 78–81.

236. Рудикова, Н.А. Образы Парижа в русской и французской литературах конца XVIII – середины XIX вв. : диалог культур : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Н.А. Рудикова. – Томск, 2011. – 222 с.

237. Русские писатели, 1800–1917 : биографический словарь : в 5 т. / [гл. ред. П.А. Николаев]. – М. : Сов. энциклопедия, 1989. – Т. 1. – С. 506–507.

238. Рябцева, О.В. Театр оперетты в условиях российской провинциальной культуры конца XIX – начала XX века : культурно-исторический анализ : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / О.В. Рябцева. – М., 2006. – 16 с.

239. Сакулин, П.Н. Филология и культурология : сб. избр. работ / П.Н. Сакулин ; [сост. и авт. вступ. ст. Ю.И. Минералов]. – М. : Высш. шк., 1990. – 239 с.

240. Селезнева, Л.В. Российский либерализм на рубеже 19-20 веков и европейская политическая традиция : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Л.В. Селезнева. – Ростов н/Д., 1996. – 313 с.

241. Серебрянников, Н.В. Литературная критика областническая; религиозно-философская / Н.В. Серебрянников. – Томск : [б.и.], 2002. – 55 с.

242. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве / И.А. Айзикова, К.В. Анисимов, Д.Н. Замятин [и др.] ; [отв. ред. К.В. Анисимов]. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2010. – 234 с.

243. Сибирский текст в русской культуре : сборник статей / [под ред. А.П. Казаркина, Н.В. Серебренникова]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. – Вып. 2. – 273 с.

244. Сибирский текст в русской культуре к 400-летию Томска и 125-летию первого университета Сибири : сборник статей / [ред.-сост. А.П. Казаркин]. – Томск : Сибирика, 2002. – 270 с.

245. Смирнов, А.А. На путях изучения Мольера / А.А. Смирнов // Западный сборник 1 : статьи по истории западно-европейских литератур и литературным взаимодействиям Запада и России в XVIII–XIX в. / [под ред. В.М. Жирмунского]. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1937. – С. 145–154.

246. Современное обозрение // Артист. 1895. – № 45. – кн. 1 (январь). – С. 207–211.

247. Стефановский, К. Французский беллетрист-мыслитель / К. Стефановский // Вестник литературы. – 1905. – № 22 (23 ноября). – Стб. 491–495.

248. Суздальский, В.И. Театр уж полон... из истории Томского драматического / В.И. Суздальский. – Томск : [б.и.], 1995. – 127 с.

249. Табатчикова, Е.А. Русское актерское искусство в провинциальном театре на рубеже XIX–XX вв. : учеб. пособие / Е.А. Табатчикова. – Л. : ЛГИТМИК, 1981. – 60 с.

250. Театр // Родной край : очерки природы, истории, хозяйства и культуры Томской области / А.А. Земцов, М.П. Нагорский, В.А. Хахлов [и др.] ; [редкол.: И.В. Елизаров и др. ; ред. Б.Г. Иоганзен, И.П. Кинев]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1974. – С. 334–350.

251. Театр в Томске // Очерки истории Томской области (с древнейших времен до конца XIX в.). – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1968. – С. 128–139.

252. Театральная энциклопедия : в 5 т. – М. : Сов. энциклопедия, 1961. – Т. 1. – 1214 стб.; 1963. – Т. 2. – 1216 стб.; 1964. – Т. 3. – 1086 стб.; 1965. – Т. 4. – 1152 стб.; 1967. – Т. 5. – 1136 стб.

253. Темлинский, С. Золаизм в России / С. Темлинский // Кругозор. – 1888. – № 9. – С. 10–14.

254. Топоров, В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического : избранное. – М. : Прогресс : Культура, 1995. – С. 259–367.

255. Тюпа, В.И. Мифологема Сибири : к вопросу о «сибирском тексте» русской культуры / В.И. Тюпа // Сибирский филологический журнал. – 2002. – № 1. – С. 27–35.

256. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1887. – № 5 (11 января). – С. 2.

257. Флоровская, О.В. Мопассан-новеллист / О.В. Флоровская ; [отв. ред. Д.К. Царик]. – Кишинев : Штиинца, 1979. – 89 с.

258. Фрадкин, И. Анатоль Франс и Французская революция XVIII в. / И. Фрадкин // Литературный критик. – 1940. – Кн. 1. – С. 71–90; Кн. 2. – С. 35–56.

259. Хализев, В.Е. Драма как род литературы : поэтика, генезис, функционирование / В.Е. Хализев. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1986. – 259 с.

260. Хваленская, Е.Ю. Литературная критика на страницах сибирских газет в 70–90-е годы XIX века («Сибирь», «Сибирская газета», «Восточное обозрение») / Е.Ю. Хваленская // Вопросы языка и литературы. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1969. – Вып. 3, ч. 1. – С. 186–196.

261. Хроника // Театрал. – 1896. – № 54 (январь). – С. 75–78.

262. Чем мы живы // Сибирский вестник. – 1885. – № 32 (19 декабря). – С. 16.

263. Ченцов, Н.В. К вопросу об организации первой сибирской драматической школы в Томске / Н.В. Ченцов // Сибирская жизнь. – 1912. – № 104 (16 мая). – С. 3.

264. Чмыхало, Б.А. Критика «новейших течений» в сибирских изданиях начала XX в. / Б.А. Чмыхало // Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири : сборник научных статей / [отв. ред. Л.П. Якимов]. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1989. – С. 70–78.

265. Шайтанов, И.О. Западноевропейская классика : от Шекспира до Гете в помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам / И.О. Шайтанов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 126 с.

266. Шахов, А.А. Скриб и промышленное направление / А.А. Шахов // Очерки литературного движения в первую половину XIX века : лекции по истории французской литературы, читанные на высших женских курсах в Москве. – СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1913. – С. 242 – 252.

267. Шепелевич, Л.Ю. Романист-психолог. Поль Бурже / Л.Ю. Шепелевич // Книжки недели. – 1893. – № 8 (август). – С. 5–33.

268. Шишков, В.Я. К вопросу о театральной школе в Сибири / В.Я. Шишков // Сибирская жизнь. – 1912. – № 124 (5 июня). – С. 5.

269. Эмиль Золя : библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке, 1865–1974 / [сост. Г.И. Лещинская ; отв. ред. М.В. Толмачев]. – М. : Книга, 1975. – 342 с.

270. Ядринцев, Н.М. Начало печати в Сибири / Н.М. Ядринцев // Литературный сборник собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке / [ред. Н.М. Ядринцев]. – СПб. : [б.и.], 1885. – С. 352–406.

271. Янушкевич, А.С. Сибирский текст : взгляд извне и изнутри / А.С. Янушкевич // Сибирь : взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства / [сост. Н.В. Пономарева, науч. ред. И.И. Плеханова]. – Иркутск : Иркутск. гос. ун-т, 2004. – С. 227–235.

Труды по истории и теории художественного перевода

272. Бархударов, Л.С. Язык и перевод вопросы общей и частной теории перевода / Л.С. Бархударов. – М. : ЛКИ, 2013. – 235 с.

273. Виноградов, В.С. Перевод. Романские языки : общие и лексические вопросы учебное пособие / В.С. Виноградов. – М. : КД Университет, 2009. – 235 с.

274. Гарбовский, Н.К. Перевод как лингвистическая проблема : сборник статей / Н.К. Гарбовский ; [редкол.: Н.К. Гарбовский (отв. ред.) и др.]. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1982. – 120 с.

275. Галеева, Н.Л. Параметры художественного текста и перевод : Монография / Н.Л. Галеева ; [науч. ред. Г.И. Богин]. – Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 1999. – 154 с.

276. Казакова, Т.А. Художественный перевод : в поисках истины / Т.А. Казакова. – СПб. : Филол. фак. СПб. гос. ун-та [и др.], 2006. – 221 с.

277. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение : учеб. пособие / В.Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2002. – 424 с.

278. Левин, Ю.Д. Об истории эволюции принципов художественного перевода / Ю.Д. Левин // Международные связи русской литературы : сборник статей / [под ред. М.П. Алексеева]. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – С. 135–152.

279. Левин, Ю.Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода / Ю.Д. Левин ; [отв. ред. А.В. Федоров]. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. – 297 с.

280. Попович, А. Проблемы художественного перевода / А. Попович ; [под общ. ред. и с предисл. П.М. Топера]. – М. : Высш. школа, 1980. – 199 с.

281. Топер, П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения / П.М. Топер. – М. : Наследие, 2001. – 254 с.

282. Тороп, П. Тотальный перевод / П. Тороп. – Tartu : Tartu ülikooli kirjastus, Сор. 1995. – 220 с.

283. Федоров, А.В. Искусство перевода и жизнь литературы : очерки / А.В. Федоров. – Л. : Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1983. – 352 с.

284. Швейцер, А.Д. Теория перевода : статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер ; [отв. ред. В.Н. Ярцева]. – М. : Наука, 1988. – 214 с.

285. Venuti, L. The Translator's cInvisibility : a History of Translation / L. Venuti. – London; New York : Routledge, 1995. – 353 p.

Труды по истории Сибири и Томска

286. Баяндин, В.И. Государственное ополчение в Сибири в годы русско-японской войны и первой российской революции (1904–1906 гг.) / В.И. Баяндин // Из истории революций в России (первая четверть XX в.) / [редкол.: Л.И. Боженко (отв. ред.) и др.]. – Томск : [б.и.], 1996. – Вып. 2. – С. 96–107.

287. Бурмакин, Э.В. Томск уходящий / Э.В. Бурмакин. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. – 198 с.

288. Гончаров, Ю.М. Быт горожан Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / Ю.М. Гончаров. – Барнаул : Аз Бука, 2008. – 178 с.

289. Гончаров, Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.) / Ю.М. Гончаров. – Новосибирск : Сова, 2004. – 358 с.

290. Город Томск и Томская область : библиографический указатель основной литературы (по фондам Научной библиотеки ТГУ). – Томск : [б.и.], 1947. – Вып. 1. – 7 с.

291. Город. Томская панорама начала XX века / [идея проекта А.В. Здвижков ; авт. плана-панорамы Ю.П. Нагорнов ; авт. текста Э.К. Майданюк и др.]. – Томск : Курсив, 2004. – 212 с.

292. Городская культура Сибири : история, памятники, люди сборник / [под ред. Д.Я. Резуна]. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. – 190 с.

293. Из истории общественно-политической жизни Сибири / [редкол.: Л.И. Боженко (отв. ред.) и др.]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. – 184 с.

294. Обручев, В.А. В старой Сибири / В.А. Обручев. – Иркутск : Иркутское книж. изд-во. – 1958. – 294 с.

295. Очерки истории Томской области (с древнейших времен до конца XIX в.). – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1968. – 184 с.

296. Потанин, Г.Н. Культурно-просветительные организации / Г.Н. Потанин // Город Томск – Томск : Сиб. т-во печ. дела, 1912. – С. 90–100.

297. Сибирь в лицах / В.А. Зверев, А.С. Зуев, И.С. Кузнецов [и др.]. – Новосибирск : Масс-медиа-центр, 2001. – 593 с.

298. Сибирь в составе России XIX – начало XX вв. / [редкол.: Б.К. Андрущенко (отв. ред.) и др.]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. – 144 с.

299. Славин, В.Д. Томск : от крепости к городу / В.Д. Славин. – Томск : Томское книжн. изд-во, 2003. – 220 с.

300. Славин, В.Д. Томск сокровенный / В.Д. Славин. – Томск : Книж. изд-во, 1991. – 325 с.

301. Средства массовой информации Новониколаевска-Новосибирска, 1906–2006 гг. : словарь-справочник / [авт.-сост. А.Л. Посадсков, И.В. Лизунова]. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2007. – С. 329–331.

302. Судьба регионального центра в России (к 400-летию г. Томска) : сборник / [науч. ред. В.П. Зиновьев, С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняк]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. – 252 с.

303. Томск : история города от основания до наших дней / [под ред. Н.М. Дмитриенко]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. – 462 с.

304. Томская область : исторический очерк / Н.М. Дмитриенко, Е.А. Васильев, Л.М. Плетнева [и др.] ; [под ред. В.П. Зиновьева]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. – 656 с.

305. Томская область : путеводитель с картами / [сост. А. Юдин, ред. К. Павлов]. – М. : [б.и.], 2001. – 219 с.

306. Томский некрополь : списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах, 1827–1939 / [сост. и ред. Н.М. Дмитриенко]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. – 327 с.

307. Шиловский, М.В. Томский погром 20–22 октября 1905 г. : хроника, комментарий, интерпретация / М.В. Шиловский ; [науч. ред. В.П. Зиновьев]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. – 148 с.

Материалы рецепции французской литературы, опубликованные в томских газетах конца XIX – начала XX вв., нашли отражение в продолжении списка литературы, включенном в Приложение к настоящему диссертационному исследованию.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский Томский
государственный университет»

На правах рукописи

Родченко Юлия Игоревна

**Французская литература
в томской периодике конца XIX – начала XX в.**

Приложение

10.01.01 – Русская литература

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Кафанова Ольга Бодовна

Томск – 2014

ВВЕДЕНИЕ

Приложение к диссертации состоит из двух частей. Первая часть содержит библиографию литературно-критических статей, театральных рецензий и переводов с французского. Литературно-критические материалы систематизированы по хронологическому принципу. Внутри подраздела соблюдается алфавитный порядок. Каждый номер сопровождается краткой аннотацией или выдержкой из статьи. Театральные рецензии располагаются в хронологическом порядке и дополняются впервые собранной и систематизированной информацией о становлении и развитии томского театра в конце XIX – начале XX в. Подробная характеристика дается лишь тем театральным сезонам, когда на сцене театра инсценировались произведения французских авторов. Описание каждого театрального сезона включает в себя сведения о составе труппы и развитии театрального дела (приводится краткое описание деятельности артистов, подводятся итоги сезона). Переводы располагаются по алфавиту.

Во вторую часть Приложения вошли полные тексты переводов с французского, маркированные как «выполненные специально для газеты». При этом включены только те переводы, оригиналы которых удалось установить. Внутри второй части соблюдается алфавитный порядок. Если переведено несколько произведений одного автора, они располагаются в соответствии с хронологией их появления в томских газетах.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. БИБЛИОГРАФИЯ	226
Литературно-критические публикации	226
Театральные рецензии	237
Переводы	253
II. ПЕРЕВОДЫ	268
Бурже Поль (Bourget Paul, 1852–1935)	
Женщина в сорок лет	268
Возраст любви	275
Незнакомая подруга	292
Доде Альфонс (Daudet Alphonse, 1840–1897)	
Партия на биллиарде	297
Знаменосец	302
Пирожки	307
Плохой солдат	312
Рассказ Велизария	317
Брачная жизнь артистов	322
Роковая ошибка	326
Коппе Франсуа (Coppée François, 1842–1908)	
Прощаю!	330
Кусок хлеба	336
Ревность (Записки заключенного)	340
Воспоминания сына	354
Ревность (Записки арестанта)	358
Рождественский подарок	371
Мирбо Октав (Mirbeau Octave, 1848–1917)	
Дядя Николай	379
Эй дядя Николай	383
Крестины	386
Исповедь Жибори	392

Мопассан Ги де (Maupassant Guy de, 1850–1893)

Роза	399
Отцеубийца	406
Страх	412
На воздушном шаре	418
Ободранная рука.....	424
Воспитанник	430
Взгляды полковника	436
Мадмуазель Фифи	442
Письмо утопленника	453
Нищий.....	459
Рука	465
На баллоне.....	471

Франс Анатоль (France Anatole, 1844–1924)

Кисть винограда	476
Дама в белом.....	481
Андре	487
Из маминых сказок.....	495
Добровольная жертва.....	509
Госпожа де-Люзи.....	514
Из воспоминаний о Флореале, второго года республики	519

I. БИБЛИОГРАФИЯ

Литературно-критические публикации

1888

1. Фауст. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1888. № 25 (26 февраля). – С. 1–3.

Представлен краткий пересказ сочинения П. Бурже «Очерки по современной психологии», в котором он описал причины пессимизма современных литераторов: «По поводу Э. Ренана и бр. Гонкур автор указал зародыш меланхолии, облеченной в дилетантизм; по поводу Стендаля, И.С. Тургенева – отметил некоторые пагубные последствия космополитической жизни и т.д.».

2. Фауст. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1888. № 77 (4 ноября). – С. 1–3.

Рассматривается вопрос о смысле человеческого бытия. В качестве примера того, какое решение метафизического вопроса нашли во Франции, приводятся выдержки из «Очерков по современной психологии» П. Бурже.

1890

3. X. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1890. – № 104 (12 сентября). – С. 1–2.

Рассматриваются причины появления большого количества несчастных браков в современном обществе, для чего сравнивается повесть Л.Н. Толстого «Крейцера соната», очерк мирового судьи Я. Лудмера «Бабы стоны» и роман Г. де Мопассана «Наше сердце».

1891

4. Всеволод Сиб-ский [В.А. Долгоруков]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1891. – № 79 (14 июля). – С. 2–3.

Представлен краткий пересказ статьи известного русского писателя и публициста К.К. Арсеньева, опубликованной в майской книжке «Вестника Европы» за 1891 г., о новом сочинении Э. Ренана «История народа израильского».

1892

5. А. С-ский [А.О. Станиславский]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1892. – № 21 (19 февраля). – С. 2–3.

Сообщается о шокирующих подробностях жизни Г. де Мопассана: «Оказывается, что Г. де Мопассан вел неправильную и довольно распущенную жизнь, а, принимаясь за литературный труд, возбуждал себя одуряющими средствами».

1893

6. А. С-ский [А.О. Станиславский]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1893. – № 9 (20 января). – С. 2–3.

Сообщается о полемике вокруг романа Э. Золя «Разгром»: «Пolemика по поводу последнего его романа «La Débacle» до сих пор не прекратилась. Французские и немецкие офицеры продолжают ломать копья из-за вопроса: был ли Наполеон III нарумянен, как утверждает Золя, в день Седанского погрома, – или нет».

7. И.Д. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1893. – № 4 (8 января). – С. 2–3.

Об Э. Ренане: «Истинная слава Ренана, главная заслуга его в мастерстве французских стиля и языка и примеси художественного идеализма, которую он внес в серьезные вопросы знания».

8. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1893. – № 13 (29 января). – С. 2.

Приводится характеристика нового литературного течения декадентства, к главным представителям которого отнесены французские поэты С. Малларме, П. Верлен, А. Рембо и Ж. Мореас, а также прозаики Ж.-К. Гюисманс, Ж. Пеладан и Г. де Мопассан.

9. И.Д. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1893. – № 30 (12 марта). – С. 1–2.

На основании трудов итальянского врача-психиатра Ч. Ломброзо «Гениальность и помешательство» и его ученика М. Нордау «Вырождение» приводятся симптомы нравственного вырождения среди современных французских писателей, принадлежащих к новым литературным школам.

10. К. В-ков. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1893. – № 44 (21 апреля). – С. 2–3.

Дается общее представление о состоянии современной французской литературы, подробно рассматриваются причины «порчи стиля» у молодых писателей. Приводятся небольшие заметки о творчестве П. Бурже, Э. Золя, Э. Ренана и И. Тэна. Представлен сюжет еще не опубликованного романа Э. Золя «Доктор Паскаль». Сообщается о психическом расстройстве, обнаруженном у Г. де Мопассана.

11. Чернч. [П.Л. Черневич]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1893. – № 107 (14 сентября). – С. 2–3.

Представлен русский перевод статьи итальянского социолога и историка Г. Ферреро «Больны ли мы?», выполненный постоянным литературным корреспондентом «Сибирского вестника» П.Л. Черневичем. Статья посвящена актуальному вопросу о причинах невроза и пессимизма, охватившего европейское общество конца XIX века.

1894

12. Чернч. [П.Л. Черневич]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1894. – № 10 (23 января). – С. 2–3.

Упомянуто имя Г. де Мопассана, как одного из писателей, чьи произведения могут помочь читателю исследовать чувство любви.

13. Чернч. [П.Л. Черневич]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1894. – № 130 (6 ноября). – С. 1–2.

Сообщается о наложении папой римским духовного запрещения на роман Э. Золя «Лурд» из-за кощунственного отношения автора к религии и церкви.

14. П.Ч. [П.Л. Черневич]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1894. – № 143 (6 декабря). – С. 1–2.

Сообщается об истории создания романа Э. Золя «Лурд», описан сюжет произведения и представлен детальный анализ его идейного содержания. Подвергается критике широта охвата современного религиозного кризиса, на который Э. Золя, по мнению томского рецензента, смотрит «слишком поверхностно».

1896

15. П.Ч. [П.Л. Черневич]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1896. – № 166 (1 августа). – С. 2. Подпись: «П.Ч.».

Излагается содержание романа Э. Золя «Рим». Подвергается критике «довольно поверхностное осмысление» вопросов религии автором: «Сила христианства вовсе не в папах и черном мире, а прежде всего в нем самом, <...> но Золя так глубоко не заглянул вглубь вещей, оставаясь по-прежнему строгим протоколистом».

1897

16. Альфонс Доде // Сибирская жизнь. – 1897. – № 264 (10 декабря). – С. 3.

Об А. Доде: «Гений его был так разносторонен, что помимо капитальных романов, которыми он создал себе знаменитое имя, им написано много блестящих рассказов, драматических произведений, стихотворений, воспоминаний и пр. и все эти труды великого писателя проникнуты истинным реализмом».

1898

17. Текущая заметка // Сибирский вестник. – 1898. – № 84 (19 апреля). – С. 1–2.

Представлено письмо Э. Золя, в котором он обвиняет антидрейфусаров в том, что они незаконно привлекли его к суду за выступление в защиту Дрейфуса.

18. Телеграммы российского телеграфного агентства // Сибирский вестник. – 1898. – № 146 (9 июля). – С. 1.

Сообщается о последствиях выступления Э. Золя в защиту А. Дрейфуса: «Суд приговорил Золя к заключению в тюрьме на один год и к 3000 франков штрафа».

19. Среди газет и журналов // Сибирский вестник. – 1898. – № 159 (25 июля). – С. 3.

Представлен текст письма, написанного Э. Золя перед отъездом в Лондон, после вынесения обвинительного приговора за его участие в деле Дрейфуса.

20. П.Ч. [П.Л. Черневич]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1898. – № 40 (21 февраля). – С. 2.; № 42 (24 февраля). – С. 2.; № 43 (25 февраля). – С. 2.

В подробностях сообщается о развитии дела А. Дрейфуса и об участии в нем Э. Золя.

21. П.Ч. [П.Л. Черневич]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1898. – № 241 (8 ноября). – С. 2–4.

Сообщается о том, что после дела А. Дрейфуса «Франция более чем когда-либо нуждается в упорядочении внутреннего своего устройства и в людях, которые могли бы произвести необходимые реформы».

1899

22. Среди газет и журналов // Сибирский вестник. – 1899. – № 49 (4 марта). – С. 3.

Излагаются соображения С. Прюдома относительно участи женщин в XX в. Поэт уверен, что промышленный прогресс приведет к тому, что социальная роль женщин изменится: выполняя мужскую работу, они будут все более и более походить на мужчин, а их женское очарование и красота исчезнут.

23. М. П-с. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1899. № 222 (12 октября). – С. 2.

В качестве основной причины упадка французской беллетристики и вырождения жанра фельетона называется тот факт, что большинство повестей и романов, публикуемых во французских журналах и газетах, «заклеймены отпечатком заказа и притом чисто фабричного и даже ремесленного исполнения».

1900

24. Среди газет и журналов // Сибирский вестник. – 1900. – № 117 (1 июня). – С. 3.

Приводится отрывок из статьи Поля и Виктора Маргерит о новых явлениях французской литературы. По мнению авторов, современные французские романисты выказывают интерес к общественным вопросам и стараются отображать в своих произведениях социальные движения, передающие дух времени, что указывает на положительные изменения в литературе в целом.

25. Среди газет и журналов // Сибирский вестник. – 1900. – № 257 (24 ноября). – С. 4.

Представлена характеристика нового направления во французской литературе – натурализма, во главе которого стоит молодой писатель Сен-Жорж де Буэлье,

провозгласивший, что натурализм возник в противовес мрачному символизму, как реакция против культа всего нереального и искусственного.

1901

26. Среди газет и журналов // Сибирский вестник. – 1901. – № 162 (27 июля). – С. 3.

Представлено интервью Э. Золя, в котором он рассказывает о своем намерении в скором времени закончить романы «Истина» и «Справедливость», которые завершат тетралогиию «Четыре Евангелия».

1902

27. Боголепов М.И. Памяти Э. Золя // Сибирский вестник. – 1902. – № 203 (20 сентября). – С. 2.

«Может быть, некогда настанет такое время, когда забудутся романы Золя <...>, но его геройская борьба за вековечную правду, его страстная защита погранных прав человеческой личности навеки сохранит имя почившего писателя на страницах человеческой истории».

28. Внутренняя хроника // Сибирский вестник. – 1902. – № 252 (23 ноября). – С. 3.

Сообщается о проведении в Петербурге публичной лекции П.Д. Боборыкина о недавно скончавшемся Э. Золя.

29. Георг Брандес о Золя // Сибирский вестник. – 1902. – № 212 (3 октября). – С. 2.

Г. Брандес об Э. Золя: «Вместе с ним сходит в могилу один из величайших талантов нашего времени. Его произведения составили эпоху в истории романа. Никогда до него жизненные перипетии не были изображены так реально и в то же время так художественно. В течение 33 лет он писал, но никогда не выпустил ни одной плохой книги, создав дюжину превосходнейших произведений ума».

30. Дневник печати // Сибирский вестник. – 1902. – № 212 (3 октября). – С. 2.

Приведены подробности смерти Э. Золя от отравления угарным газом: «Положение тела Золя, он найден лежащим навзничь, головою на ковре, а ногами на кровати, — указывает на попытку его встать, быть может, открыть окно или дверь».

31. Дневник печати // Сибирский вестник. — 1902. — № 213 (4 октября). — С. 3.

Отмечено своеобразие некрологов Э. Золя, опубликованных в иностранной прессе: «Замечательно, что почти во всех статьях, посвященных покойному, защитник Дрейфуса оттесняет на второй план романиста».

32. Дневник печати // Сибирский вестник. — 1902. — № 216 (8 октября). — С. 2–3.

Представлено содержание речей, произнесенных на могиле Золя министром народного просвещения Ж. Шомье, председателем Общества литераторов А. Эрманом и писателем А Франсом во время похоронной церемонии на Монмартрском кладбище в Париже.

33. Золя о самом себе // Сибирский вестник. — 1902. — № 217 (9 октября). — С. 2.

Приводятся примеры того, как Э. Золя «наблюдал жизнь» для создания того или иного романа: «Прототипы и место действия для романа изучались Эмилем Золя самым тщательным образом с натуры».

34. Макс Нордау о Золя // Сибирский вестник. — 1902. — № 254 (26 ноября). — С. 2.

Приводится речь М. Нордау, которую он произнес на открытии национального европейского университета в Париже в 1902 г. и посвятил трагически скончавшемуся Э. Золя. М. Нордау, будучи одним из основателей Сионистской организации и евреем по происхождению, воздает должное Э. Золя, прежде всего, как «яркому защитнику» Дрейфуса.

35. Обо всем // Сибирский вестник. — 1902. — № 137 (27 июня). — С. 3.

Сообщается о запрете, наложенном английской цензурой на постановку драмы М. Метерлинка «Монна Ванна» на сцене английского театра.

36. Обо всем // Сибирский вестник. — 1902. — № 225 (18 октября). — С. 3.

Рассказывается о странных привычках Э. Золя: «Золя был мучеником известной формы ипохондрии, рабом необъяснимых для него самого бесцельных привычек. Так, например, бессознательно он начинал ходить по комнатам, считая все двери, окна, газовые

рожки и другие предметы. <...> Просыпаясь среди ночи, он должен был семь раз открыть и закрыть глаза, чтобы убедиться, что он не умер».

37. Памяти Золя // Сибирский вестник. – 1902. – № 208 (26 сентября). – С. 2.

Об Э. Золя: «Это не только писатель громадного таланта, давший десятки выдающихся произведений. <...> Это – родоначальник, создатель целого литературного течения в искусстве слова. Это – боевое знамя, вокруг которого собралась лучшая литературная молодежь Франции, тянувшая за собою выдающиеся литературные силы всей Европы».

38. Последний роман Золя // Сибирский вестник. – 1902. – № 218 (10 октября). – С. 2.

«Последний роман Золя «Правда», который он корректировал уже перед самой смертью, является в сущности криком негодования против жестокости, нетерпимости и властолюбия клерикалов и против бездушного эгоизма и индифферентизма дельцов из администрации и политического мира и самой буржуазной среды».

39. Пьесы Метерлинка // Сибирский вестник. – 1902. – № 207 (25 сентября). – С. 3.

«Первые пьесы Метерлинка появились в печати лет десять назад и сразу обратили на себя внимание своими необычными приемами. Как известно, Метерлинк старается возможно меньшими средствами достигать возможно большего эффекта».

40. Содержание последнего романа Э. Золя // Сибирская жизнь. – 1902. – № 221 (11 октября). – С. 3.

Представлено содержание последнего романа Э. Золя «Истина».

41. Среди газет и журналов // Сибирский вестник. – 1902. – № 19 (23 января). – С. 2.

Представлены выдержки из очерка А. Франса о конце света, в котором писатель иронизирует над тщетностью человеческого бытия и бесплодными попытками философов и литераторов оставить свой след в истории человечества, осужденного на исчезновение.

42. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1902. – № 233 (30 октября). – С. 2–3.

По поводу смерти Э. Золя: «Это несчастное событие невольно вызывает всеобщее внимание к тому частному вопросу, который послужил истинной причиной страшной кончины великого писателя; нет сомнения, что если бы камин его спальни не только был

устроен более рационально, но и находился в должной чистоте, катастрофа была бы немислима».

43. В.Ф. Эмиль Золя // Сибирская жизнь. – 1902. – № 205 (20 сентября). – С. 3.

«Умер, трагически и таинственно, – большой талант, – занимавший почетное место не только в ряду французских, но и среди общеевропейских мировых писателей. Умер Эмиль Золя».

44. Эмиль Золя // Сибирский вестник. – 1902. – № 203 (20 сентября). – С. 2.

«Телеграф принес грустную весть о кончине знаменитого французского романиста, отца натуралистической школы Э. Золя.<...> Кто не слышал о Золя? Кто не читал Золя? – Всякий поэтому с грустью встретит известие о его трагической смерти».

1903

45. Библиография // Сибирская жизнь. – 1903. – № 99 (9 мая). – С. 3.

Сообщается о публикации «Маленьких поэм в прозе» Ш. Бодлера в русском переводе А. Александровича (А.А. Булгакова).

46. Дневник печати // Сибирский вестник. – 1903. – № 58 (13 марта). – С. 2.

Сообщается о ликвидации имущества Золя: «В пустующем зале продают обстановку, среди которой жил и работал Эмиль Золя, его книги, картины, художественные вещи, мебель».

47. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1903. – № 109 (24 мая). – С. 3.

Сообщается о майской премьере драмы М. Метерлинка «Жуазель» на сцене парижского театра «Жимназ».

48. Театральные новости // Сибирский вестник. – 1903. – № 25 (31 января). – С. 3.

Представлен сюжет драмы М. Метерлинка «Жуазель».

1904

49. Гр. Жр. Библиография // Сибирский вестник. – 1904. – № 100 (11 мая). – С. 4.

Сообщается о публикации драмы М. Метерлинка «Смерть Тентажиля» на русском языке. Пассивная позиция автора в борьбе за собственное счастье подвергается критике томского рецензента: «Не дремать нужно и мучиться кошмаром предчувствий, а трезвыми глазами глядеть жизни в лицо и, – или советоваться с ней, или предписывать ей».

1909

50. Николаев П. Фельетон «Сибирской жизни» // Сибирская жизнь. – 1909. – № 26 (1 февраля). – С. 3.

«Безжалостный, полный желчи и сарказма О. Мирбо. Вы не можете читать хладнокровно его произведения, они вас всего потрясают невиданным до сих пор в литературе реализмом».

1910

51. П. Ю-жин [Е.Г. Григорьев]. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1910. – № 50 (5 марта). – С. 2.

Описывается история создания и премьерной постановки сатирической комедии Э. Ростана «Шантеклер». Приводится детальное содержание пьесы.

52. Качоровская А.С. Литературные очерки // Сибирская жизнь. – 1910. – № 187 (24 августа). – С. 3–4.

На примере анализа стихотворений Ш. Бодлера из сборника «Цветы зла» доказываем, что «язык Бодлера создает не только фон, рельеф и внутреннюю глубину образов, но обнажает и Ритм с его тишиной».

53. Качоровская А.С. Литературные очерки // Сибирская жизнь. – 1910. – № 190 (27 августа). – С. 2.

На примере анализа стихотворений Ш. Бодлера из сборника «Цветы зла» доказываем, что Ш. Бодлер рассматривает вещественные явления как символ психокосмических сил.

1911

54. В мире литературы, искусства и науки // Сибирская жизнь. – 1913. – № 170 (2 августа). – С. 5.

Сообщается об отказе А. Франса от степени командора Ордена Почетного легиона, предложенной ему министром народного просвещения.

1912

55. Золя // Сибирская жизнь. – 1912. – № 240 (30 октября). – С. 5.

Представлена юбилейная статья, посвященная десятилетию со дня смерти Э. Золя. Приводятся выдержки из речей друзей Золя об участии писателя в «дрейфусиаде» и ее положительных результатах, которых нельзя было бы добиться без его помощи.

56. Иванов И.А. Библиография // Сибирская жизнь. – 1912. – № 51 (3 марта). – С. 4.

Сообщается о публикации сборника стихотворений П. Верлена в русском переводе В. Брюсова, вышедшего в московском издательстве «Скорпион».

1913

57. Г.В. [Г.А. Вяткин]. Новые книги и журналы // Сибирская жизнь. – 1913. – № 80 (9 апреля). – С. 2.

Сообщается о публикации пятитомника «Произведения Гюи-де-Мопассана, избранные Л.Н. Толстым», а также о выходе в свет книги Франсуа Тассара «Воспоминания о Гюи-де-Мопассане его слуги Франсуа».

58. А. Что читают железнодорожные служащие? // Сибирская жизнь. – 1913. – № 150 (10 июля). – С. 2.

Приводится отчет библиотеки «Сибирской железной дороги» за 1912 г., в котором представлена подробная характеристика литературных предпочтений железнодорожных служащих. Согласно полученным данным, самым востребованным иностранным автором является Э. Золя.

1915

59. От «Синей птицы» к «Чаше жизни» // Сибирская жизнь. – 1915. – № 274 (15 декабря). – С. 2.

Приводятся выдержки из лекции столичного литературоведа П.С. Когана об основных тенденциях развития мирового литературного процесса.

Театральные рецензии

Зимний сезон 1883/84 гг.

Антреприза А.П. Бельского. **Состав группы:** А.А. Немирова-Бельская, А.И. Великанова, А.И. Балакшина-Карская, Е.А. Гродницкая, Е.А. Михайлова, Е.И. Туманская, Е.Ф. Сафронова, Е.Н. Шван, Н.В. Стрельская; В.А. Великанов, Е.В. Иконников, М.П. Тихомиров, И.Н. Херсонский, Н.И. Ржевский, В.А. Ральф-Немиров, А.Г. Бурцев, В.И. Флотов и другие (*Иванов А.С. Полтора века томской сцены // Архив Томского драматического театра. С. 55–56.*).

Состояние театрального дела: «Мы можем сообщить любителям театральных представлений, что в предстоящую зиму Томск не останется без театра. Военное собрание, войдя в соглашение с артистом А.П. Бельским, решило капитально переделать манеж, так, чтобы он имел все необходимые удобства театральной залы. Здание будет поднято на 2 1/2 аршина, покрыто железной крышей; внутри будет устроен новый потолок, пол переделается амфитеатром, буфет отделится от залы совершенно, будут сделаны теплые тамбуры при входе; число лож увеличится до 16, наверху предполагается обширный балкон и галерея, – словом, переделки предположены основательные и стоимость их исчислена в 5000 р.» (*Сибирская хроника // Томские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1883. № 27 (14 июля). Стб. 496–497.*).

«Как известно, в приспособленном для театра здании произведены некоторые существенные переделки: на той части здания, где помещается сцена и уборные, нарублено несколько венцов, так что сцена могла быть поднята; в зрительной зале устроен разборный накатной пол; ложи уменьшены в объеме и увеличены в числе, что повело к значительному их удешевлению; сделана особая пристройка для буфета» (*Хроника // Сибирская газета. 1883. № 36 (4 сентября). Стб. 917.*).

«Видно, что антреприза отнеслась к вопросу о необходимых удобствах публики с полным вниманием и сделала для доставления их все возможное. Теперь со сцены видно и слышно не только в последних рядах партера, но и на галерее. В расположении кресел нет прежней ненужной скученности, и никому не приходится оттаптывать чужие ноги» (*Хроника // Сибирская газета. 1883. № 37 (11 сентября). Стб. 939.*).

Характеристика зрителей: «Томск – изумительный город! Единственное разумное удовольствие в городе – театр посещается так неохотно, как будто мы живем в стране людей, не чувствующих ни малейшей потребности в действительно приятном и серьезном развлечении. Тяжело видеть полупустую залу даже в воскресенье, когда свободен весь

средний класс городского населения, неизвестно где проводящий свои немногие часы досуга. <...> Словом, г. Бельский оказывается антрепренером, имеющим полное право на сочувствие и поддержку публики, тем более обязательные для последней, потому что им сделаны, надо полагать, весьма немалые затраты на приведение театральной залы в ее настоящий вид, с соблюдением всех тех удобств для публики, которые возможно устроить в неспециализированном театральном здании» (*Театральные заметки // Томские губернские ведомости. 1883. № 36 (15 сентября). Стб. 624.*)

***

60. Гюго В. Эсмеральда // Хроника. Сибирская газета. – 1883. – № 46 (14 ноября). – Стб. 1171.

Зимний сезон 1885/86 гг.

Антреприза Е.И. Королева. **Режиссер** Н.А. Корсаков. **Состав труппы:** Ю.Ф. Строгова (жена Корсакова), П.Е. Косяковская, З.А.Топоркова; М.П. Тихомиров, И.Н. Херсонский, А.Г. Горбунов, П.И. Фелонов, А.Ф. Барнес, А.П. Иконникова, И.С. Топорков, А.Ф. Барановский и другие (*Иванов А.С. Полтора века томской сцены. С. 93.*).

Открытие первого каменного театра в Томске: «Театр внутри производит хорошее впечатление – он вполне просторен, удобен, изящно отделан. В театре может поместиться не менее 800 чел., а может быть, и 1000, в партере – до 300–400 человек, в 36 ложах, идущих в 2 яруса, – до 200 ч. и затем остальн. места на галерее. <...> Открытие театра предполагается 15 сентября; утром будет молебен, вечером на сцене будет поставлен транспарант, перед которым труппа исполнит гимн и затем начнется представление» (*Городские известия // Сибирская газета. 1885. № 34 (25 августа). Стб. 873–874.*).

«19 сентября 1885 г. должно занять одно из видных мест на страницах летописи Томской общественной жизни. До этого дня наш город не имел театра в буквальном смысле этого слова, т. е. здания, специально назначенного для сценических представлений, которые давались в помещениях, вовсе для этой цели не подходящих вроде, например, военного манежа. Вновь выстроенный Е.И. Королевым каменный театр, если и не отличается богатством и роскошью внутренней отделки, то, во всяком случае, как по размерам, так и по устройству, вполне должен удовлетворять потребностям нашей публики» (*Городские известия // Сибирская газета. 1885. № 38 (22 сентября). Стб. 986.*).

«Новый театр торжественно праздновал день своего рождения. Торжество был полное и о нем, как самой крупной новости, нельзя не говорить, да говорить очень приятно.

<...> Театр, открытый 19 сентября, построен г. Королевым на свой счет; это первый в Сибири каменный театр, принадлежащий частному лицу. Говоря о постройке его, я назвал ее общественной заслугой со стороны г. Королева, который, при самых благоприятных обстоятельствах, не может рассчитывать на большие барыши, и это мнение оправдалось вполне теми изъявлениями благодарности, которые владелец театра увидел от публики. Первые аплодисменты, огласившие театр, были в честь г. Королева. Дружно и долг раздавались они вместе с криками и словами благодарности. Это значит, что публика вполне поняла и оценила дело, назначенное на пользу общую. Этого мало, 29 сентября в честь г. Королева предполагается обед по подписке в Общественном собрании. Само собой разумеется, что в день открытия театр был полон. Билеты все были разобраны в один день, так как у нас, по особым условиям нашей жизни, все как-то приходится делать в последнюю минуту срока. <...> В сквернейший сентябрьский вечер, когда не то дождь, не то снег падал из мрачной бездны, называемой небом, по грязи, которою так знаменит город Томск еще с прошлых веков, собрался “весь Томск” в новый, весело светящийся театр» (*Щукин. Чем мы живы // Сибирский вестник. 1885. № 20 (26 сентября). С. 14.*)

О недостатках в устройстве театра: «Освещение необходимо усилить. Места между рядами кресел и стульев нужно расширить, ибо обивание коленей при проходе на свое место сопряжено с большими неудобствами. Ступени при обоих входах в партер должны быть уничтожены, иначе на них постоянно будут падать и спотыкаться, как было в этот раз. Вешалку следует устроить и на другой стороне входной лестницы, прибавить людей для приема платья и завести какой-нибудь порядок (можно, напр., поставить решетку и впускать публику к вешалке в один ряд), а то теперь около вешалки происходит свалка, во время которой приходится ждать по четверти часа, прежде чем сдашь платье, да еще на сквозном ветру. Зимние рамы нужно вставить и вообще позаботиться о том, чтоб в театре не было сквозного ветра и холода. Наконец, существенное упущение – в театре нет ни одного ватерклозета, так что в случае надобности нужно выходить на улицу, не взирая на то, что в ветер, в жестокие зимние морозы или хоть в такую погоду, как 19 сентября, можно серьезно рисковать здоровьем» (*Городские известия // Сибирская газета. 1885. № 38 (22 сентября). Стб. 987.*)

«Надо сделать в окнах вентиляторы, не позволять во время представления продавать в буфет амфитеатра чай и прохладительные напитки, а то пальба пробок, стук стаканов и говор, – все это мешает слушать» (*Тридцатикопеечный посетитель. Сибирская летопись // Сибирский вестник. 1885. № 23 (17 октября). С. 5.*)

«Мы во время оно сделали замечание на счет неустройства дамской уборной, а также и того лишения, какое испытывают дамы, не имея комнаты для курения, ибо в наш

подземельный буфет не одна из них не пойдут. Управление театром нашло эти претензии основательными и разрешает курить в фойе. Необходимо только здесь устроить хорошую вентиляцию, как это необходимо, впрочем, сделать и в буфете, так как образующейся тягой дым из буфета заносится в театральный зал. Ватерклозеты, оказывается, до сих пор не устроены. <...> Странно, что г. Королев, устроив такое единственное помещение в театре при своей ложе, не находит, что в нем могут нуждаться и другие» (*Хроника Томского театра // Сибирская газета. 1885. № 44 (3 ноября). Стб. 1180.*)

Характеристика зрителей: «Томск не такой город, где набрасываются на новинки, удовольствия; здесь ломиться место в театре никогда не будет, – публика холодная, расчетливая и нельзя сказать, чтоб обладала вкусом» (*Городские известия // Сибирская газета. 1885. № 29 (21 июля). Стб. 733.*)

«Публика превзошла себя в проявлении своих милых нравов. Совершенно пьяный зритель привел с собой собаку, которая и поместилась в первом ряду кресел; другой орал благим матом и подрался так, что побитого им будто бы отвезли в больницу» (*Щукин. Чем мы живы // Сибирский вестник. 1885. № 32 (19 декабря). С. 16.*)

Характеристика труппы: «Добросовестное отношение к делу, при наличии известных способностей, составляют, несомненно, отличительные черты труппы» (*Хроника томского театра // Сибирская газета. 1885. № 39 (29 сентября). Стб. 1018.*)

«На меня наши артисты произвели благоприятное впечатление: народ все молодой, энергичный, любящий дело, и, по-видимому, всеми силами старающийся быть не ремесленниками только театрального искусства». (*Картамышев В.П. Мысли вслух // Сибирский вестник. 1885. № 24 (24 октября). С. 10.*)

Итоги сезона: «Товарищество с 19 сентября по 23 февраля дало 64 спектакля 7 маскарадов, валовой сбор с которых составил сумму в 23620 р. 1 к. Сама по себе, в особенности в виду неблагоприятных денежных условий настоящего времени, сумма эта представляется довольно солидной, по крайней мере, настолько, что исключает возможность каких-либо нареканий на холодные отношения публики к театру» (*Хроника томского театра // Сибирская газета. 1886. № 9 (2 марта). Стб. 268.*)

***

61. Дюма-сын А. Дама с камелиями // Хроника томского театра. Сибирская газета. – 1885. – № 40 (6 октября). – Стб. 1052–1053.

62. Дюма-сын А. Американка // Хроника томского театра. Сибирская газета. – 1885. – № 47 (24 ноября). – Стб. 1269.

Зимний сезон 1886/87 гг.

Антреприза Е.И. Королева. **Режиссер** Н.А. Корсаков. **Состав труппы:** Ю.Ф. Строгова, П.Е. Косяковская, З.А. Топоркова, Э. Киселева, М.З. Мондшейн, Е.И. Кварталова, А.А. Александрова; Н.А. Корсаков, И.О. Топорков, П.И. Фелонов, И.О. Пальмин, М.Ф. Ленский-Самборский, А.А. Александров, А.М. Михайловский-Звездич и другие (*Иванов А.С. Полтора века томской сцены. С. 124.*)

Итоги деятельности труппы за первое полугодие: «Режиссерская часть была большим местом нашего театра: это сказывалось и в неудачном нередко распределении ролей, и в плохой постановке массовых сцен, и в недостатке ансамбля, и в грубых подчас ошибках или непростительной небрежности в смысле костюмировки, сценария. По доходившим до нас слухам, г. Королев никогда не ставил денежных препятствий требованиям режиссера; а между тем обстановка сцены и ее декоративная сторона были из рук вон бедны и плохи. Дело в том, что для режиссера недостаточно одной практической изворотливости, да сценической опытности: хороший режиссер может сам даже вовсе не играть на сцене, но он должен быть человек образованный, с развитым вкусом, способный оценить значение литературного произведения...» (*Театральные итоги // Сибирская газета. 1887. № 1 (4 января). Стб. 16.*)

Итоги сезона: «Итак, материальных выгод г. Королев не получил никаких: он не получил даже ничего за пользование театральным зданием и понес 596 р. чистого убытка на текущих расходах. Недобор зависел, несомненно, частью от плохого расчета самой дирекции в постановке театрального дела, частью от промахов режиссера» (*Театральные итоги // Сибирская газета. 1887. № 9 (1 марта). Стб. 336.*)

«Нам известно, что с самого начала сезона г. Корсаков принялся за дело и горячо добросовестно, но на первых же порах, частью в обществе, частью за кулисами, частью в местной печати встретил такие препятствия, перед которыми нельзя было не охладеть и не желать, хоть как бы то ни было дотянуть до конца сезона. Только вследствие этого он допустил большие режиссерские промахи и ошибки. Как актер, г. Корсаков – большая полезность, а в некоторых ролях и талантливый исполнитель. <...> Он лишь жертвовал художественными интересами в пользу материальной стороны дела так как сборы были плохи и никакие реальные артистки поднять их не могли. Поневоле приходилось прибегать к пьесам зазывательного характера. Винить г. Корсакова тут строго нельзя» (*За Щукина. Заметка упорного театрала // Сибирский вестник. 1887. № 29 (8 марта). С. 2.*)

***

63. Скриб Э. Адриенна Лекуврер // Томский театр. Сибирская газета. – 1886. – № 37 (14 сентября). – Стб. 1093–1094.

64. Гюго В. Человек, который смеется // Сибирская летопись. Сибирский вестник. – 1886. – № 103 (28 ноября). – С. 3.

65. Гюго В. Человек, который смеется // Томский театр. Сибирская газета. – 1886. – № 48 (30 ноября). – Стб. 1431–1432.

Зимний сезон 1888/89 гг.

Антреприза Е.И. Королева. **Режиссер** Н.А. Корсаков. **Состав труппы:** Ю.Ф. Строгова, М.А. Зверева, Е.Р. Кадмина, Е.Ф. Кугузова, Е.П. Полянская (дебютировала только 6 декабря 1888 г.), С.Ф. Северская, З.А. Топоркова; Н.А. Корсаков, М.М. Крылов, Н.Н. Трубецкой, В.В. Холин, С.А. Ярославцев-Сибиряк (брат Н.А. Корсакова), В.Н. Лонской, А.В. Владимиров, Е.Г. Соболев (он же – помощник режиссера) и другие (*Иванов А.С. Полтора века томской сцены. С. 175–176.*).

Итоги деятельности труппы за первое полугодие: «Сбора театр Королева за нынешний сезон по 1 января наступившего года дал всего 11941 р. 55 к. – с 59 спектаклей, маскарадов и части, удерживаемой в свою пользу владельцем его со спектаклей, даваемых драматическим обществом и любителями, и с бенефисных спектаклей. <...> Но сбор в общем меньше прошлогоднего, и даже праздничные спектакли дали сбора на 250 р. Менее прошлогоднего сезона 1887/8 г. Причиною уменьшения валового сбора против сезона 1887/8 гг. является, отчасти, и увеличение в Томске мест увеселений. Теперь у нас чуть ли не ежедневно бывает по три маскарада – в манеже, в общественном и ремесленном собрании. Публика разбивается, и театр наполняется меньше. Вообще, мне кажется, вряд ли какая труппа здесь даст барыш г. Королеву, если он оставит антрепризу по прежнему за собой. Но разумеется и на получение большой арендной платы за театр г. Королеву нельзя рассчитывать – рискуя в противном случае вовсе остаться без антрепренера и какой-либо труппы...» (*Неизменный театрал [В.А. Долгоруков]. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1889. № 2 (4 января). С. 2.*).

***

66. Мольер Ж.-Б. Тартюф / Неизменный театрал [В.А. Долгоруков] // Театр и музыка. Сибирский вестник. – 1888. – № 74 (28 октября). – С. 3.

67. Гюго В. Лукреция Борджиа / Неизменный театрал [В.А. Долгоруков] // Музыка и театр. Сибирский вестник. – 1888. – № 90 (4 декабря). – С. 5.

Зимний сезон 1890/91 гг.

Антреприза А.А. Кравченко и Н.П. Рыжакова. **Состав труппы:** В.Э. Киселева, М.З. Мондшейн, Е.Ф. Федорова, Т.И. Варламова роли, С.А. Калмыкова, Е.Н. Лаптева, П.А. Андрианова и В.Ф. Чернявская роли; А.А. Кравченко, В.А. Даверин-Кравченко, А.М. Калмыков, И.И. Печорин, В.Г. Лаптев, Э.Е. Мондшейн и другие. Дирижер Н.И. Энко (затем О.К. Ганиш), суфлер М.Н. Светлов (*Иванов А.С. Полтора века томской сцены. С. 191.*).

Характеристика труппы: «Г. Кравченко в нынешний сезон, кроме оперетки, дал нам и драму, обставив ее довольно хорошими исполнителями. Давно уже мы, томичи, не испытывали такого высокого эстетического наслаждения, какое получаем теперь» (*Неизменный театрал [В.А. Долгоруков]. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1890. № 104 (12 сентября). С. 3.*).

Характеристика зрителей: «Нам кажется, что Томску, вообще, трудно выдержать четыре спектакля в неделю. Любовь к театральным зрелищам у нас не развита в массе. В театре, обыкновенно, встречаешь одних и тех же лиц. <...> Труппа же, сформированная г. Кравченко – и в драматической, и в опереточной ее части, – для Томска положительно хорошая» (*Неизменный театрал [В.А. Долгоруков]. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1890. № 109. (23 сентября). С. 3.*).

Состояние театрального дела: К началу февраля 1891 г. положение томского театра резко ухудшилось и антреприза А.А. Кравченко и Н.П. Рыжакова распалась. На ее развалинах образовалось два товарищества профессиональных артистов: одно во главе с В.Э. Киселевой и И.И. Печориным играло в театре Королева, другое, возглавляемое М.Н. Чернявским, действовало в Бесплатной библиотеке (*См.: Язвин Г. Чем мы живы // Сибирский вестник. 1891. № 24 (24 февраля). С. 3.*).

Итоги сезона: «Сезон театральный кончился и, подводя ему итоги, мы должны признать, что сборы в общем были вполне удовлетворительные. Общий валовый сбор до 1-го февраля простирался до 30 тысяч, что составит до 6 тысяч в месяц. Несомненно, что раздоры, бывшие в труппе и распадение ее на две части значительно повлияли на уменьшение сборов. Следовательно, не будь их и будь другое, более умелое ведение дела, краха никакого бы не произошло, а антрепренеры бы благополучно свели концы с концами – даже без убытка» (*Неизменный театрал [В.А. Долгоруков]. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1891. № 27 (6 марта). С. 3.*).

68. Скриб Э. Адриенна Лекуверр / Неизменный театрал [В.А. Долгоруков] // Театр и музыка. Сибирский вестник. – 1890. – № 132 (16 ноября). – С. 3.

69. Гюго В. Анджело / Неизменный театрал [В.А. Долгоруков] // Театр и музыка. Сибирский вестник. – 1891. – № 6 (13 января). – С. 3.

Зимний сезон 1892/93 гг.

Антреприза Е.И. Королева. **Режиссер** М.М. Крылов. **Состав труппы:** А.В. Аксакова роли, А.В. Гринева, С.С. Томшева, М.М. Зверева, В.К. Дарьядова, М.Н. Александрова; А.П. Смирнов, К.А. Гарин, И.К. Камский, И.П. Пеняев, А.В. Добровольский, В.Д. Левин, Е.Г. Соболев и другие. Дирижер М.И. Маломет (*Иванов А.С. Полтора века томской сцены. С. 206.*)

Характеристика труппы: «Женский персонал оказался довольно слабым. Выделяется из него Аксакова <...> Г-жа Томшева недурная артистка, большая полезность, но преимущественно на водевильные роли – драматизм у нее тоже отсутствует. Г-жа Кирилова – вполне приличная комическая старуха, но и только. Г-жи Дарьяловы еще очень неопытны, хотя старшая с признаками несомненного дарования, над которым, однако, надо серьезно поработать. Мужской персонал значительно сильнее. Во главе его надо поставить г. Смирнова, Гарина и Крылова. Первые двое – солидные силы и были бы заметны на любой сцене. <...> После первого спектакля театр стал посещаться не особенно охотно, и ряды театралных завсегдатаев значительно поредели» (*Вс.С. [В.А. Долгоруков]. Провинциальные корреспонденции // Артист. 1892. № 23. кн. 10 (октябрь). С. 162–163.*)

«Такой тоски в томском театре, какая царит в этом сезоне, за последние пять лет не было. <...> При настоящем составе труппы об ансамбле не может быть и речи, а без стройного исполнения драму смотреть слишком томительно» (*Рецензент. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1892. № 145 (11 декабря). С. 2.*)

Характеристика зрителей: «Драма, положительно не привлекает томичей, и большинство спектаклей идет почти при пустом театре. Даже бенефисы дают незначительные сборы. Между тем, некоторые пьесы были исполнены вполне удовлетворительно, не говоря уже о легких комедиях, которые, за малыми исключениями, проходят безукоризненно» (*Вс.С. [В.А. Долгоруков]. Провинциальные корреспонденции. Томск // Артист. 1892. № 25. кн. 12 (декабрь). С. 205.*)

70. Мольер Ж.-Б. Тартюф / Неизменный театрал [В.А. Долгоруков] // Театр и музыка. Сибирский вестник. – 1892. – № 137 (21 ноября). – С. 3.

Зимний сезон 1893/94 гг.

Антреприза С.В. Брагина. **Состав группы:** З.П. Панова, А.Ю. Осберг, Е.А. Волынцева, М.В. Арбузова, Л.М. Зиновьева, Н.М. Гусева; С.В. Брагин, Е.А. Лепковский, И.А. Рудинский, Н.И. Зиновьев, П.В. Панин, М.М. Дольский, М.Д. Муравлев, Л.Л. Метцгер, Т.М. Савичев, И.И. Булатов и другие. Капельмейстер А.А. Вивьен, хормейстер М.И. Маломет (*Иванов А.С. Полтора века томской сцены. С. 213–214.*).

Характеристика группы: «Группа была смешанная – драматическая и опереточная. Артистам приходилось работать с утра до ночи и, при малочисленности состава группы, драматическим участвовать и в оперетке – в ролях, где можно обойтись без голоса, а чисто опереточным – в драме. Тем не менее, при этих условиях исполнение было удовлетворительное» (*Хроника и корреспонденции. Томск // Театральная библиотека. 1894. № 35. кн. 3 (март). С. 134–135.*).

***

71. Скриб Э. Адриенна Лекуврер // Театр и музыка. Сибирский вестник. – 1893. – № 130 (7 ноября). – С. 3.

Зимний сезон 1896/97 гг.

Антреприза Н.А. Корсакова. **Состав группы:** Ю.Ф. Строгова, А.П. Андросова, В.Н. Журина, Н.Н. Неверова, Е.А. Яблочкина; М.Н. Белина-Белинович, Б.С. Борисов, Л.В. Головинский, В.М. Янов, И.А. Покровский и другие. Художник Л.И. Зиновьев, капельмейстер Ф.Х. Франк (*Иванов А.С. Полтора века томской сцены. С. 225.*).

Характеристика антрепренера группы: «Целый ряд удачно исполненных пьес в настоящем сезоне дает нам право сказать, что группа, сформированная г. Корсаковым, заслуживает полного внимания, – заслуживает внимания сибиряков и г. Корсаков, едва ли не уроженец Сибири, сын некогда известного сибирского антрепренера Александра Харитоновича Астапова-Ярославцева, фигурирующего, между прочим, и в Томске в течение нескольких лет в 1850-х. годах. Это был чуть ли не первый антрепренер в Томске. В тоже время – это был и хороший даровитый артист. <...> Настоящий антрепренер Николай Александрович Корсаков, как и все его братья, вступил на сценическое поприще с

юных лет и подвизался тоже неоднократно в разных сибирских городках – как у нас в Томске, в 18880-х годах, и в Омске» (*В. Д-ков. [В.А. Долгоруков]. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1896. № 257. (28 ноября). С. 2–3.*)

Итоги сезона: «Вообще труппа г. Корсакова была вполне удовлетворительная. Один существенный недостаток – малочисленность персонала, через это многим приходится выступать в таких ролях, которые мало подходят к их средствам. По части развлечений Томск положительно растет и любовь к театру заметно усиливается в массе. Валовой сбор за сезон, открывшийся 9 сентября, составил 40 тыс. руб. Все артисты получили жалованье сполна» (*От наших корреспондентов. Томск // Театрал. 1897. № 115. кн. 15 (апрель). С. 59–60.*)

***

72. Сарду В. Мадам Сан-Жен / В. Д-ков [В.А. Долгоруков] // Театр и музыка. Сибирский вестник. – 1896. – № 217 (6 октября). – С. 3.

73. Ростан Э. Принцесса Греза / В. Д-ков [В.А. Долгоруков] // Театр и музыка. Сибирский вестник. – 1896. – № 225 (16 октября). – С. 3.

74. Ростан Э. Принцесса Греза / Medicus // Фельетон «Сибирского вестника». Сибирский вестник. – 1896. – № 228 (19 октября). – С. 3.

75. Мольер Ж.-Б. Дон Жуан / В. До-ков [В.А. Долгоруков] // Театр и музыка. Сибирский вестник. – 1897. – № 10 (14 января). – С. 3.

76. Мольер Ж.-Б. Дон Жуан // Местная хроника. Сибирский вестник. – 1897. – № 9 (12 января). – С. 3.

Зимний сезон 1898/99 гг.

Антреприза П.П. Струйского. **Состав труппы:** Н.В. Пальчикова, О.С. Кадмина, С.Л. Лорина, Е.В. Гнедич, Е.Н. Миртова; М.Г. Диевский, П.А. Горин-Гульшин, Г.Г. Уланов и другие (*Иванов А.С. Полтора века томской сцены. С. 231.*)

Характеристика труппы: «Первое впечатление, безусловно, в пользу артистов, и нас поразила, прежде всего, естественность игры: нет тех ненужных кривляний, судорожных подергиваний, выворачивания глаз, излишних выкрикиваний, котрые так часто практикуются провинциальными актерами, и мы едва ли ошибемся, если скажем, что в нынешнем сезоне драматическая труппа, сформированная артистом Струйским, должна бы иметь в Томске успех» (*Е.Н. Театр и музыка // Сибирская жизнь. 1898. № 207 (29 сентября). С. 3.*)

77. Сарду В. Граф де Ризоор / Вс. Долг-ков [В.А. Долгоруков] // Театр и музыка. Сибирский вестник. – 1898. – № 247 (17 ноября). – С. 3.

78. Гюго В. Эрнани / Всев. Долг-ков [В.А. Долгоруков] // Театр и музыка. Сибирский вестник. – 1899. – № 5 (8 января). – С. 2.

79. Сарду В. Спиритизм / Ю. // Театр и музыка. Сибирская жизнь. – 1899. – № 20 (26 января). – С. 3.

80. Сарду В. Спиритизм / Всев. Долг-ков [В.А. Долгоруков] // Театр и музыка. Сибирский вестник. – 1899. – № 20 (26 января). – С. 3.

81. Гюго В. Рюи Блаз / Вс. Долг-ков [В.А. Долгоруков] // Театр и музыка. Сибирский вестник. – 1899. – № 37 (16 февраля). – С. 3.

Летний сезон 1900 г.

Антреприза Е.А. Вадимовой, приехавшей на гастроли из Барнаула со своей труппой. **Состав труппы:** Е.А. Вадимова, Е.А. Днепровская, З.И. Истомина, П.П. Мешерская, Е.П. Лирская, С.П. Морева, Н.П. Кронье, С.Г. Новикова; В.Ю. Вадимов, И.А. Панормов-Сокольский, Г.К. Невский, В.И. Верстовский, А.Н. Помпа-Лирский, Н.П. Волчековский, П.М. Николаев, А.П. Орлов-Давыдов, Л.А. Петровский. Режиссер Г.К. Невский, помощник режиссера Н.П. Волчек, суфлер М.С. Попов (*Местная хроника // Сибирский вестник. 1900. № 162 (26 июля). С. 3.*)

Спектакли проходили на сцене расположенного на Московском тракте летнего сада-театра, принадлежащего томскому купцу И.Г. Горланову.

***

82. Дюма-сын А. Багдадская принцесса / Идилия // Театр и музыка. Сибирский вестник. – 1900. – № 177 (12 августа). – С. 3.

Зимний сезон 1900/01 гг.

Антреприза М.И. Каширина и А.Г. Аярова. **Состав и характеристика труппы:** «Труппа Каширина и Аярова составлена умело. На роли героинь – Н.А. Смирнова, молодая артистка с хорошей сценической внешностью <...> За Смирновой следует поставить Е.Е. Эллер, драматическую инженерю и С.П. Арцыбашеву – инженерю-комик и водевильную. Обе они с несомненными способностями. Г-жа Эллер, видимо, еще не особенно опытная

артистка. Г-жа Арцыбашева ведет роли живо и бойко и производит хорошее впечатление. Опытные артистки Е.В. Горская – на роли комических старух и К.С. Суревич – грандам и драматических старух. <...> Из мужского персонала на первом плане следует поставить А.Г. Аярова – на роли характерные и фатов <...> Опытные артисты – И.И. Белоконь – на роли характерные и героев, Н.А. Раковский и С.П. Чупров – комики. Г-н Раковский обладает неподдельным комизмом и пользуется значительным успехом. Недурен как резонер В.Ф. Цвилленев, но у него не совсем удовлетворительная мимика. В ролях первых любовников выступает Я.В. Орлов-Чужбинин. У него хорошая фигура, иногда проблески чувства, но часто холодность, сухость исполнения и плохой грим, из второстепенных персонажей отметим артиста на роли простаков Ф.С. Соколовского» (*Провинциальная летопись. Томск // Театр и искусство. 1900. № 43. С. 772.*)

***

83. Дюма-сын А. Полусвет / Д. // Театр и музыка. Сибирский вестник. – 1900. – № 205 (19 сентября). – С. 3.

84. Дюма-сын А. Полусвет / Ю // Театр и музыка. Сибирская жизнь. – 1900. – № 205 (22 сентября). – С. 3.

85. Дюма-сын А. Полусвет / Д. // Театр и музыка. Сибирский вестник. – 1900. – № 208 (22 сентября). – С. 2–3.

86. Ростан Э. Романтики / Эхов // Театр и музыка. Сибирский вестник. – 1900. – № 213 (29 сентября). – С. 3.

87. Мольер Ж.-Б. Тартюф / Невидимка [Н.И. Соколов] // Тартюфф. Комедия Мольера. Сибирский вестник. – 1900. – № 250 (12 ноября). – С. 2.

88. Мольер Ж.-Б. Тартюф / Ю. // Театр и музыка. Сибирская жизнь. – 1901. – № 15 (19 января). – С. 2–3.

89. Ростан Э. Сирано де Бержерак / Ю. // Театр и музыка. Сибирская жизнь. – 1901. – № 26 (1 февраля). – С. 3.

Зимний сезон 1901/02 гг.

Антреприза Л.М. Богданович-Самойловой. **Состав труппы:** С.А. Волгина-Покровская, Е.В. Пояркова, В.М. Марченко, М.П. Кундасова, М.А. Нининская, Т.А. Попова, В.П. Маркова, В.М. Александрова, О.Н. Петровская, В.В. Рубажевская; С.Н. Нерадовский, П.Р. Абрамов, А.И. Крамов, Д.В. Пальмин, Л.В. Дубецкий, А.К. Гончаров, В.А. Савельев, А.Б. Половцев, В.И. Любавин, В.С. Шуйский,

Д.Ф. Крутилин, Н.П. Разумов. Режиссеры А.И. Крамов и Д.В. Пальмин, помощник режиссера А.А. Таллер, суфлер Г.А. Вишняков, главный администратор Ж.Н. Богданович (Иванов А.С. *Полтора века томской сцены*. С. 246.).

Характеристика труппы: «Мы любим драму, ценим ее как один из двигателей культуры, искренно желаем, чтобы публика посещала лучше театр, чем кабаки всякого рода. Но артисты – это истолкователи идей автора, от их дарования зависит дать жизнь, воплощать образы, подчас только бледно намеченные драматургом. <...> Общая интеллигентность и даровитость – вот необходимые условия успеха. Жизненность игры создается из т.н. ансамбля – гармонии исполнения. При таких условиях – задача театра быть учителем общества в сфере искусства и морали очень высока. И если труппа не удовлетворяет этому запросу, если уровень публики оказывается выше того, что ей дают, обязанность критики сказать: господа, поднимайте вкусы Царевококшайска, Томск для вас и вы для него – недоразумение» (*W. Театр и музыка // Сибирский вестник. 1901. № 219 (10 октября)*). С. 3.).

Итоги сезона: «Сезон начался, вместо обещанного 22-го, только 28 сентября. Артистам, получившим полумесячные авансы еще постом в Москве, несмотря на условие вычета его в рассрочку, пришлось с самого начала сезона (обязаны были приехать к 8 сентября) почти 2 месяца жить без гроша в незнакомом городе, так как г-жа Самойлова удержала весь аванс из первого же полумесячного жалованья. Таким образом, между антрепризой и артистами сразу создалось неудовольствие. Далее, по заявлению самой антрепризы, за два первых месяца валовой сбор составил 9000 руб. но уже с 15 ноября по 1 декабря жалованье в срок не выплачено. Приехавший из Красноярска представитель прогорающей оперетки начал с г-жей Самойловой переговоры о переводе оперетки в Томск, а драмы в Красноярск. Против этого восстала вся труппа, не желая менять университетский город на глухой и дальний. Отношения все более и более обострялись. Наконец, по истечении уже пяти льготных дней труппе было заявлено, что жалованье будет выдано 8 декабря утром. Между тем за это время тайком были вывезены все домашние вещи антрепренерши, а театральное имущество переведено на другое лицо еще 23 ноября. 9 декабря по телефону сообщили в театр, что спектакли прекращаются на неопределенное время. Благодаря только вмешательству администрации, у которой не оказалось никакого залога, спектакли 9, 10, 11 и 12 декабря продолжались, и сбор с них целиком пошел на процентное удовлетворение жалованья труппе» (*Провинциальная летопись. Томск // Театр и искусство. 1902. № 7. С. 158.*).

***

90. Ростан Э. Орленок / Неизменный театрал. [В.А. Долгоруков] // Театр и музыка. Сибирский вестник. – 1902. – № 20 (24 января). – С. 3.

91. Ростан Э. Орленок / Ю. // Театр и музыка. Сибирская жизнь. – 1902. – № 21 (25 января). – С. 3.

Зимний сезон 1902/03 гг.

Антреприза Ю.Ф. Строговой. **Состав труппы:** Ю.Ф. Строгова, В.П. Абарова, М.Н. Александрова, О.В. Галли-Яновская; Н.А. Корсаков, В.Я. Шамардин, Н.С. Тимирев, Н.Н. Николаев-Невский, В.П. Аркунин и другие (*Иванов А.С. Полтора века томской сцены. С. 250.*).

Итоги сезона: «Ю. Ф. Строгова потерпела крах, и артисты за последние месяцы едва получили жалованье и то не сполна. Публика посещала театр неохотно, и полные сборы являлись редким исключением. Причиной этого, главным образом, являлась недостаточность труппы в количественном отношении. Но и по качеству – труппа была из слабых. Особенно страдал женский персонал» (*В. Дог-ков [В.А. Долгоруков]. Театры в Сибири. В Томске // «Сибирский наблюдатель». 1903. кн. 4 (апрель). С. 108.*).

***

92. Метерлинк М. Монна Ванна // Фельетон «Сибирского вестника». Сибирский вестник. – 1902. – № 231 (27 октября). – С. 3.

93. Метерлинк М. Монна Ванна / Ф. // Театр и музыка. Сибирская жизнь. – 1902. – № 235 (29 октября). – С. 3.

94. Метерлинк М. Монна Ванна / Неизменный театрал [В.А. Долгоруков] // Театр и музыка. Сибирский вестник. – 1902. – № 232 (29 октября). – С. 3.

Зимний сезон 1904/05 гг.

Антреприза А.А. Прозорова. **Состав труппы:** М.А. Саблина-Дольская, М.В. Ратмирова, В.К. Дарьялова, Н.А. Тамара-Пеллинг, О.В. Зиновьева, Л.Г. Лидина, М.А. Ларина, А. А. Каменская; Г.Ф. Сарматов, И.В. Фролов, А.А. Прозоров, П.П. Ратмиров, П.В. Стрепетов, И.О. Аржанников, С.А. Дундук, И.А. Вольский, А.П. Невский. Режиссер П.П. Ратмиров, помощник режиссера А.А. Иванов, суфлер Н.И. Сергеев. Однако вскоре из труппы вышли В. Башкиров, К.П. Краснова, П.П. Щепкин и В.Ф. Волынский и другие артисты. Башкиров основал собственное товарищество артистов, спектакли которого

давались в Железнодорожном собрании (*Иванов А.С. Полтора века томской сцены. С. 260.*).

Характеристика труппы: «Больше месяца играет в нашем театре драматическая труппа товарищества под управлением А.А. Прозорова. Первое время дела товарищества шли хорошо, но затем сборы стали хуже. <...> Труппа, надо сознаться, малочисленная. Любовника, после ухода из-за каких-то недоразумений даровитого актера Башкирова, нет. <...> Женский персонал значительно полнее мужского. Успех имеет г-жа Дарьялова. Она правильно разбирается в ролях и играет жизненно. Другая героиня – г-жа Краснова, артистка даровитая и опытная, но для некоторых ролей уже устарела. Из других отметим г-жу Тамару-Пеллинг, способную и живую артистку. Такая малочисленная труппа, впрочем, только и может выдержать весь сезон. Многого ей не надо, а малое всегда можно взять с томичей. По понедельникам труппа играет в Общественном собрании и благодаря тому, что цены на места там не высоки, сборы бывают полные. Постановки очень скромные» (*Провинциальная летопись. Томск // Театр и искусство. 1905. № 6. С. 94.*).

***

95. Сарду В. Колдунья / Г. В-ин [Г.А. Вяткин] // Театр и музыка. Сибирский вестник. – 1905. – № 5 (8 января). – С. 3.

96. Мольер Ж.-Б. Тартюф / Г. В-ин [Г.А. Вяткин] // Театр и музыка. Сибирский вестник. – 1905. – № 86 (24 апреля). – С. 3.

97. Мольер Ж.-Б. Дон Жуан / Г. В-ин [Г.А. Вяткин] // Театр и музыка. Сибирский вестник. – 1905. – № 121 (11 июня). – С. 3.

Летний сезон 1910 г.

Антреприза Д.В. Пальмина, приехавшего на гастроли в Томск со своей труппой. Спектакли давались на сцене летнего деревянного театра, построенного в 1908 г. томским купцом В.Л. Морозовым в городском саду «Буфф».

***

98. Метерлинк М. Синяя птица / Влад-в // Театр и искусство. Сибирская жизнь. – 1910. – № 119 (1 июня). – С. 3.

99. Ростан Э. Шантеклер / И.П. // Театр и искусство. Сибирская жизнь. – 1910. – № 173 (6 августа). – С. 3.

Летний сезон 1911 г.

Антреприза М.М. Бородая, приехавшего из Иркутска в Томск 2 мая 1911 г. со своей группой. Спектакли проходили в саду «Буфф» на сцене летнего деревянного театра.

***

100. Мольер Ж.-Б. Дон Жуан / Г. // Театр. Сибирская жизнь. – 1911. – № 131 (15 июня). – С. 3.

Летний сезон 1912 г.

Антреприза В.Л. Градова, выступавшего вместе с товариществом драматических артистов на сцене летнего деревянного театра сада «Буфф».

***

101. Дюма-сын А. Полусвет / И.А. Иванов // Театр. Сибирская жизнь. – 1912. – № 142 (26 июня). – С. 3.

102. Сарду В. Мадам Сан-Жен / И.А. Иванов // Театр. Сибирская жизнь. – 1912. – № 142 (26 июня). – С. 3.

Переводы

103. Амель А. Любовь в деревне / А. С-кий [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1891. – № 87 (2 августа). – С. 2–3.
104. Арап / А. С-кий [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1898. – № 65 (22 марта). – С. 3.
105. Арен П. Кукла / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1904. – № 144 (6 июля). – С. 3–4.
106. Арен П. Лавры / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1904. – № 116 (2 июня). – С. 3–4.
107. Арен П. Танцовщица / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1904. – № 134 (23 июня). – С. 2.
108. Арен П. Фея нищета / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1904. – № 139 (29 июня). – С. 3.
109. Арен Э. Бунт в Канберре / Т // Сибирский вестник. – 1901. – № 127 (15 июня). – С. 2.
110. Базен Р. Два путешествия / Е.К.С. // Сибирская жизнь. – 1910. – № 90 (27 апреля). – С. 3.
111. Бассе С. В военном совете // Сибирский вестник. – 1903. – № 170 (6 августа). – С. 2.
112. Берр Ж. Мать / Х // Сибирский вестник. – 1896. – № 67 (24 марта). – С. 2–3.
113. Берто Ж. Желтая Франция / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1905. – № 27 (4 февраля). – С. 2.
114. Бланко-Фомбон Р. Горе Крепе / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1904. – № 141 (2 июля). – С. 3.
115. Бланко-Фомбон Р. Любовь Лузбеля / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1904. – № 45 (27 февраля). – С. 2.
116. Бланко-Фомбон Р. Признание паралитика / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1904. – № 129 (17 июня). – С. 3.

117. Брио К. Тетя Лора / В. Я...ва // Сибирский вестник. – 1898. – № 55 (11 марта). – С. 2.
118. Бурже П. Возраст любви / А.М. // Сибирский вестник. – 1896. – № 233 (27 октября). – С. 2–3; № 234 (29 октября). – С. 2; № 236 (31 октября). – С. 2.
119. Бурже П. Женщина в сорок лет / Чернч. [П.Л. Черневич] // Сибирский вестник. – 1893. – № 40 (11 апреля). – С. 2–3.
120. Бурже П. Месть / Х. // Сибирский вестник. – 1894. – № 67 (12 июня). – С. 2–3.
121. Бурже, П. Незнакомая подруга / Ел.А. // Сибирский вестник. – 1898. – № 67 (25 марта). – С. 3.
122. В глуши / Всевол. С-кий [В.А. Долгоруков] // Сибирский вестник. – 1890. – № 46 (25 апреля). С. 2.
123. В караул при тюрьме / А. С-ский [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1896. – № 55 (9 марта). – С. 2.
124. В стране вендетты / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1903. – № 188 (29 августа). – С. 2.
125. Вечерняя песня / Е.С. // Сибирский вестник. – 1904. – № 31 (11 февраля). – С. 2–3.
126. Вилье де Лиль Адан О. Дочери Мильтона / А.Баскаков // Сибирская жизнь. – 1903. – № 132 (21 июня). – С. 2.
127. Вилье де Лиль Адан О. Мучения надежды / Ч. // Сибирский вестник. – 1896. – № 43 (24 февраля). С. 2.
128. Вилье де Лиль Адан О. Нетерпение толпы / А. Б-в // Сибирская жизнь. – 1903. – № 136 (26 июня). – С. 2.
129. Внушение / А. С-ский [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1895. – № 108 (14 сентября). – С. 2.
130. Возмездие / А. С-ский [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1895. – № 178 (15 декабря). – С. 2.

131. Встреча / Чернч [П.Л. Черневич] // Сибирский вестник. – 1893. – № 139 (28 ноября). – С. 2–3.
132. Выстрел / В. Я-ва // Сибирский вестник. – 1898. – № 130 (19 июня). – С. 2.
133. Гавинар / А. С-ский [А.О. Станиславский]. // Сибирский вестник. – 1896. – № 165 (31 июля). – С. 2.
134. Гашон Ж. де. Две милостыни / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1904. – № 117 (3 июня). – С. 2; № 118 (4 июня). – С. 2.
135. Гези П. Благотворительность / Е.Г. // Сибирская жизнь. – 1906. – № 214 (5 октября). – С. 2.
136. Гендер Т. На ложном следу / О. Ка-я // Сибирский вестник. – 1902. – № 234 (31 октября). – С. 2; № 235 (1 ноября). – С. 2.
137. Герольд Ф. Плод бессмертия / М.У. // Сибирская жизнь. – 1903. – № 55 (9 марта). – С. 3–4.
138. Гнездышко поэта / А. С-ский [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1893. – № 71 (23 июня). – С. 2.
139. Гонкур Э. де. Братья Земганно / М.Ф. // Сибирский вестник. – 1896. – № 194 (6 сентября). – С. 2.
140. Готье-Виллар А. Кошель с деньгами // Сибирская жизнь. – 1909. – № 139 (28 июня). – С. 2–3.
141. Гразилье Л. Идеи доктора Панглоса // Сибирский вестник. – 1891. – № 19 (13 февраля). – С. 1–3.
142. Грамон Л. де. Увертка / Т. // Сибирский вестник. – 1901. – № 129 (17 июня). – С. 2.
143. Гриль Ф. Саладэн / П.Ч. [П.Л. Черневич] // Сибирский вестник. – 1896. – № 15 (20 января). – С. 2.
144. Гэвиллер А.Ф. Минотавру на съедение / Альфани // Сибирский вестник. – 1891. – № 116 (9 октября). – С. 2–3.
145. Дайо А. Яичница с ветчиной / А. С-кий [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1890. – № 99 (29 августа). – С. 1–2.

146. Два девиза / Т. // Сибирский вестник. – 1894. – № 144 (9 декабря). – С. 2–3.
147. Дебо К. Поле битвы / Чернч. [П.Л. Черневич] // Сибирский вестник. – 1894. – № 52 (8 мая). – С. 2–3.
148. Демон-Бретон В. Судьба / П. // Сибирский вестник. – 1897. – № 115 (25 декабря). – С. 2.
149. Дескав Л. Ее входной день / М. П-с. // Сибирский вестник. – 1899. – № 235 (29 октября). – С. 2.
150. Дескав Л. Особый аттестат / Илья Л. // Сибирская жизнь. – 1909. – № 26 (1 февраля). – С. 3–4.
151. Доде А. Брачная жизнь артистов / А. Сак. // Сибирская жизнь. – 1905. – № 3 (5 января). – С. 3.
152. Доде А. Знаменосец / А. С-кий [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1890. – № 119 (17 октября). – С. 2–3.
153. Доде А. Партия на биллиарде // Сибирская жизнь. – 1897. – № 278 (28 декабря). – С. 2.
154. Доде А. Партия на биллиарде / А. С-кий [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1890. – № 105 (11 сентября). – С. 2.
155. Доде А. Пирожки / А. С-кий [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1890. – № 128 (7 ноября). – С. 2–3.
156. Доде А. Плохой солдат / А. С-кий [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1891. – № 106 (14 сентября). – С. 3.
157. Доде А. Рассказ Велизария / А. С-кий [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1894. – № 43 (13 апреля). – С. 2.
158. Доде А. Роковая ошибка / А.Р. Сак // Сибирская жизнь. – 1905. – № 9 (13 января). – С. 3.
159. Доде А. Смерть Шовена // Сибирская жизнь. – 1905. – № 220 (2 ноября). – С. 2.
160. Доде Э. Очаровательная m-me Шероннэ / А. Михайлович // Сибирский вестник. – 1894. – № 116 (5 октября). – С. 2–3.

161. Доде Э. Страстная пятница во время террора / Л. // Сибирский вестник. – 1895. – № 34 (22 марта). – С. 2–3.
162. Друг / А. С-кий [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1895. – № 38 (31 марта). – С. 2–3.
163. Жеффруа Г. Ряса / А.Б. // Сибирская жизнь. – 1911. – № 97 (3 мая). – С. 2.
164. Жинисти П. Шевалье де-Музен / Р. Ш-ая // Сибирский вестник. – 1905. – № 55 (11 марта). – С. 2.
165. Жюльен Ж. Вечное / П. // Сибирский вестник. – 1896. – № 242 (7 ноября). – С. 2.
166. Замок счастья // Сибирская жизнь. – 1899. – № 35 (13 февраля). – С. 3.
167. Иван Коля / А. С-кий [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1894. – № 93 (12 августа). – С. 2–3.
168. Игрок / А. С-кий [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1895. – № 86 (26 июля). – С. 2–3.
169. Идиллия / В. Я-ва // Сибирский вестник. – 1898. – № 156 (21 июля). – С. 3.
170. Из воспоминаний бывшего студента / В. Я-ва // Сибирский вестник. – 1899. – № 34 (12 февраля). – С. 2.
171. Каз А. Электрический свет без проводов / А.Щ. // Сибирский вестник. – 1901. – № 157 (21 июля). – С. 2.
172. Клемансо Ж. Фетиш Макубамбы // Сибирский вестник. – 1903. – № 130 (21 июля). – С. 2.
173. Конфетти / Е. Ф-с // Сибирский вестник. – 1904. – № 112 (28 мая). – С. 2–3.
174. Коппе Ф. В четверг на страстной / Ив. С. // Сибирский вестник. – 1896. – № 66 (22 марта). – С. 2.
175. Коппе Ф. Воспоминания сына / В. Я-ва // Сибирский вестник. – 1900. – № 117 (1 июня). – С. 2.

176. Коппе Ф. Кусок хлеба / И.М. О-вич // Сибирский вестник. – 1898. – № 209 (29 сентября). – С. 2.
177. Коппе Ф. Молодежь / Н. // Сибирский вестник. – 1894. – № 152 (30 декабря). – С. 3.
178. Коппе Ф. Прощаю! / А. Михайлович // Сибирский вестник. – 1894. – № 47 (27 апреля). – С. 1–3.
179. Коппе Ф. Ревность // Сибирская жизнь. – 1900. – № 212 (1 октября). – С. 2; № 214 (4 октября). – С. 2.
180. Коппе Ф. Ревность / А. Ф-ман // Сибирский вестник. – 1900. – № 54 (9 марта). – С. 2; № 58 (14 марта). – С. 2.
181. Коппе Ф. Рождественский подарок / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1900. – № 237 (2 ноября). – С. 2–3.
182. Куртелин Ж. Лестница / Н. Корсаков // Сибирская жизнь. – 1908. – № 229 (26 октября). – С. 3.
183. Куртелин Ж. Счастливая находка // Сибирский вестник. – 1894. – № 130 (8 ноября). – Прибавление. – С. 1.
184. Лаведан А. Мосье Паппилон / Т. // Сибирский вестник. – 1901. – № 220 (12 октября). – С. 2.
185. Лаведан А. Трус / Т. // Сибирский вестник. – 1901. – № 131 (20 июня). – С. 2.
186. Левель М. Который!.. // Сибирский вестник. – 1903. – № 98 (8 мая). – С. 3.
187. Левель М. Слава / М.Г. // Сибирская жизнь. – 1907. – № 104 (29 августа). – С. 2.
188. Легюэ Ж. Черная обедня / Т. // Сибирский вестник. – 1901. – № 145 (7 июля). – С. 2; № 150 (13 июля). – С. 2; № 154 (18 июля). – С. 2–3; № 155 (19 июля). – С. 2.
189. Леметр Ж. Любовь / Иван Северный // Сибирский вестник. – 1895. – № 35 (24 марта). – С. 2–3.

190. Леметр Ж. Свадьба / В.Т. // Сибирский вестник. – 1899. – № 168 (6 августа). – С. 3.
191. Лемонье К. Духовные пастыри / Н. Корсаков // Сибирская жизнь. – 1909. – № 29 (6 февраля). – С. 2.
192. Лемонье К. Кто-то ходит в доме / Е. Фукс // Сибирский вестник. – 1904. – № 258 (26 ноября). – С. 2–3.
193. Леру Г. Курильня опия в Париже / Т. // Сибирский вестник. – 1901. – № 132 (21 июня). – С. 2.
194. Леру Г. Шаги / П. // Сибирский вестник. – 1894. – № 82 (17 июля). – С. 3.
195. Лилла Ф. Эпизод из жизни артиста Айра-Ольридже / О. К-ская // Сибирский вестник. – 1903. – № 133 (22 июня). – С. 2–3.
196. Линьи М. де. Смерть вахмистра / А. С-кий [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1891. – № 92 (14 августа). – С. 2–3.
197. Лоран Э. Посещение Бухарской тюрьмы / А.М. // Сибирский вестник. – 1897. – № 2 (3 января). – С. 2.
198. Лоти П. В цирке / М. Наи-ич // Сибирская жизнь. – 1902. – № 123 / (9 июня). – С. 2.
199. Лоти П. Две бедные бельгийские птички / Т. Сапожникова // Сибирская жизнь. – 1915. – № 78 (12 апреля). – С. 5.
200. Луис П. Исповедь госпожи / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1904. – № 125 (12 июня). – С. 2.
201. Луис П. Ставень / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1905. – № 242 (21 сентября). – С. 2.
202. Маделин Ж. Любовь / С.Я. // Сибирская жизнь. – 1903. – № 30 (6 февраля). – С. 3.
203. Мален А. Медор / В. Я...ва // Сибирский вестник. – 1898. – № 30 (7 февраля). – С. 2.
204. Маленький натурщик / В. Я...ва // Сибирский вестник. – 1898. – № 225 (18 октября). – С. 3.

205. Маргерит П. Встреча / Т. // Сибирский вестник. – 1894. – № 165 (31 июля). – С. 2.
206. Маргерит П. Наброски карандашом / М. Славинская // Сибирская жизнь. – 1910. – № 89 (25 апреля). – С. 3–4.
207. Маргерит П. Счастливая случайность / М. Герцман // Сибирская жизнь. – 1911. – № 174 (6 августа). – С. 3–4.
208. Маргерит П. Тревога / Мунтян // Сибирская жизнь. – 1902. – № 264 (4 октября). – С. 2.
209. Марн Ж. Первый четверг // Сибирский вестник. – 1904. – № 256 (24 ноября). – С. 2.
210. Мендес К. Вечер одного цветка / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1904. – № 12 (16 января). – С. 2.
211. Мендес К. Другая! / Иван Северный // Сибирский вестник. – 1894. – № 118 (9 октября). – С. 3.
212. Мендес К. Звезды и глаза // Сибирская жизнь. – 1903. – № 129 (18 июня). – С. 2.
213. Мендес К. Приведение и роза // Сибирская жизнь. – 1903. – № 102 (14 мая). – С. 2.
214. Мендес К. Три добрые феи / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1903. – № 278 (25 декабря). – С. 3.
215. Мендес К. Трус // Сибирская жизнь. – 1902. – № 221 (11 октября). – С. 3.
216. Мендес К. Трус / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1903. – № 223 (15 октября). – С. 2.
217. Мечь госпожи Мюрре / А. С-кий [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1894. – № 129 (4 ноября). – С. 2–3.
218. Миллионер / А. С-кий [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1896. – № 70 (30 марта). – С. 3.
219. Мирбо О. Безумные // Сибирская жизнь. – 1905. – № 218 (30 октября). – С. 2–3.

220. Мирбо О. Дядя Николай / Т. // Сибирский вестник. – 1901. – № 173 (10 августа). – С. 2.
221. Мирбо О. Исповедь Жибори / М.Г. // Сибирская жизнь. – 1907. – № 72 (20 июля). – С. 2.
222. Мирбо О. Крестины / Е.Г. // Сибирская жизнь. – 1907. – № 28 (20 мая). – С. 3–4.
223. Мирбо О. Наслаждения богатых / Е. Галка // Сибирская жизнь. – 1905. – № 200 (28 сентября). – С. 2.
224. Мирбо О. Праздничный сбор / Е.Г. // Сибирская жизнь. – 1906. – № 186 (29 августа). – С. 2. Пер. «Е.Г.».
225. Мирбо О. Убогая и нарядная / О. Мирбо // Сибирская жизнь. – 1907. – № 17 (6 мая). – С. 2.
226. Мирбо О. Эй дядя Николай / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1905. – № 125 (16 июня). – С. 2.
227. Мистер Джон-Булль / Т. // Сибирский вестник. – 1901. – № 265 (9 декабря). – С. 2.
228. Монахиня / В. Я...ва // Сибирский вестник. – 1898. – № 261 (5 декабря). – С. 2.
229. Моно Г. Урок истории / А.Щ. // Сибирский вестник. – 1901. – № 111 (27 мая). – С. 2; № 115 (1 июня). – С. 2–3.
230. Мономан // Сибирский вестник. – 1903. – № 96 (4 мая). – С. 3.
231. Монселе Ш. Письма к соседке / К. Мирович // Сибирская жизнь. – 1904. – № 234 (27 октября). – С. 3.
232. Монте Ж. Анархист / Иван Северный // Сибирский вестник. – 1894. – № 123 (23 февраля). – С. 3.
233. Монтегю М. Буржуазная мораль / Е. Галка // Сибирская жизнь. – 1905. – № 236 (24 ноября). – С. 2.
234. Монтегю М. Сюрприз / Н. // Сибирский вестник. – 1894. – № 23 (21 октября). – С. 3.

235. Мопассан Г. де. Роза / А. С-кий [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1891. – № 66 (12 июня). – С. 3.
236. Мопассан Г. де. Взгляды полковника / А. С-кий [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1895. – № 128 (13 октября). – С. 2.
237. Мопассан Г. де. Воспитанник / А. С-кий [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1895. – № 56 (17 мая). – С. 3.
238. Мопассан Г. де. Любовь / Сибирский вестник. – 1902. – № 226 (19 октября). – С. 2.
239. Мопассан Г. де. Мадмуазель Фифи / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1903. – № 207 (24 сентября). – С. 2–3.
240. Мопассан Г. де. На баллоне / А. Сак // Сибирская жизнь. – 1904. – № 206 (22 сентября). – С. 2.
241. Мопассан Г. де. На воздушном шаре / Чернч. [П.Л. Черневич] // Сибирский вестник. – 1893. – № 85 (25 июля). – С. 2–3.
242. Мопассан Г. де. Нищий / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1904. – № 98 (8 мая). – С. 2.
243. Мопассан Г. де. Ободранная рука / «А. С-ский» [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1893. – № 120 (15 октября). – С. 2–3.
244. Мопассан Г. де. Отцеубийца / «А. С-ский» [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1891. – № 68 (16 июня). – С. 2–3.
245. Мопассан Г. де. Письмо утопленника / М.В. // Сибирская жизнь. – 1903. – № 248 (14 ноября). – С. 2.
246. Мопассан Г. де. Рука / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1904. – № 101 (12 мая). – С. 3.
247. Мопассан Г. де. Страх / «А. С-ский» [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1892. – № 25 (28 февраля). – С. 2–3.
248. Моревеер Ж. Ноктюрн / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1904. – № 250 (17 ноября). – С. 2.
249. Моревеер Ж. Остроумное самоубийство / П.Ю. // Сибирская жизнь. – 1909. – № 102 (14 мая). – С. 3.

250. Мулен М. Грот Бриза / В. Я...ва // Сибирский вестник. – 1898. – № 103 (17 мая). – С. 2.
251. На поле битвы / Чернч. [П.Л. Черневич] // Сибирский вестник. – 1893. – № 52 (9 мая). – С. 2–3.
252. Наездница / Е.Г. // Сибирская жизнь. – 1906. – № 149 (14 июля). – С. 2–3.
253. Наше сердце / В. Я...ва // Сибирский вестник. – 1899. – № 221 (10 октября). – С. 2–3.
254. Нион Ф. де. Галантный спутник / Е.В. Фукс // Сибирский вестник. – 1904. – № 16 (21 января). – С. 2.
255. Нион Ф. де. От Брива до Кагора / Е.В. Фукс // Сибирский вестник. – 1904. – № 128 (16 июня). – С. 2.
256. Норман Ж. Скромность / Д. // Сибирская жизнь. – 1906. – № 160 (28 июля). – С. 2.
257. Норман Ж. Старый извозчик / К. Мирович // Сибирская жизнь. – 1904. – № 38 (19 февраля). – С. 2.
258. Ночь под рождество 1793 г. / А. Степной // Сибирская жизнь. – 1900. – № 280 (25 декабря). – С. 3.
259. О, женщины! / В.Р. // Сибирский вестник. – 1896. – № 33 (13 февраля). – С. 2–3.
260. О'Монруа Р. Необходимо сказать / М.В. // Сибирская жизнь. – 1905. – № 13 (18 января). – С. 3.
261. Падение ангела / Z. // Сибирский вестник. – 1894. – № 77 (6 июля). – С. 2–3.
262. Паломничество в Мекку / А. С-ский [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1895. – № 90 (5 августа). – Прибавление. – С. 2.
263. Пасси Ф. Две жатвы // Сибирская жизнь. – 1899. – № 62 (19 марта). – С. 3.
264. Прево М. Вторая весна / -й // Сибирский вестник. – 1895. – № 126 (11 октября). – С. 2.

265. Прево М. Двадцать восемь дней / А. Новицкая // Сибирский вестник. – 1897. – № 116 (28 декабря). – С. 3.
266. Прево М. Духовные пастыри / П.А. // Сибирская жизнь. – 1907. – № 10 (22 апреля). – С. 4–5.
267. Прево М. Женские письма / Влад-ова // Сибирская жизнь. – 1912. – № 34 (6 февраля). – С. 3.
268. Прево М. Завещание // Сибирский вестник. – 1903. – № 110 (25 мая). – С. 2.
269. Прево М. Режина // Сибирский вестник. – 1902. – № 246 (13 ноября). – С. 3.
270. Прево, М. Сена // Сибирский вестник. – 1902. – № 275 (21 декабря). – С. 2–3.
271. Прованс М. Право на счастье / А. Сакк // Сибирский вестник. – 1905. – № 22 (28 января). – С. 2–3.
272. Провен О. Проклятая птица / Е.Г. // Сибирская жизнь. – 1906. – № 206 (24 сентября). – С. 3.
273. Рабле Ф. Из неизданных записок / Д'Овод // Сибирская жизнь. – 1911. – № 255 (18 ноября). – С. 4–5.
274. Рамо Ж. Последний посев // Сибирская жизнь. – 1904. – № 31 (11 февраля). – С. 2–3.
275. Рамо Ж. Сигнальный звонок / Т. // Сибирский вестник. – 1901. – № 159 (24 июля). – С. 2.
276. Ребраш Ж. Кукла / А. С-ский [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1895. – № 53 (9 мая). – С. 3.
277. Реми К. Хищник-шутник / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1904. – № 6 (9 января). – С. 2.
278. Ренар Ж. Мама Жанна / Т. // Сибирский вестник. – 1901. – № 173 (10 августа). – С. 2.
279. Ренье А. де. Стансы / Иосиф Иванов // Сибирская жизнь. – 1912. – № 15 (19 января). – С. 3.

280. Риш Д. Похититель / В. Я...ва // Сибирский вестник. – 1898. – № 157 (22 июля). – С. 2.
281. Рише К. Война // Сибирская жизнь. – 1900. – № 49 (3 марта). – С. 2.
282. Ришпен Ж. Господин с бледными глазами // Сибирский вестник. – 1902. – № 242 (9 ноября). – С. 2.
283. Ришпен Ж. Охотничий рассказ / А. М-х-ч // Сибирский вестник. – 1895. – № 116 (29 сентября). – С. 2.
284. Ришпен Ж. Убийца // Сибирский вестник. – 1903. – № 186 (27 августа). – С. 2–3.
285. Ришпен Ж. Шедевр преступления / Ш.М. // Сибирский вестник. – 1904. – № 79 (14 апреля). – С. 2–3.
286. Робер Л. де. Поздно / А. С-ский [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1895. – № 58 (21 мая). – С. 2–3.
287. Рождественский рассказ / В. Я...ва // Сибирский вестник. – 1898. – № 278 (25 декабря). – С. 3.
288. Самообладание // Сибирский вестник. – 1903. – № 69 (27 марта). – С. 2.
289. Сенешаль К. Нежный отец / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1904. – № 132 (20 июня). – С. 3.
290. Серезоль А. Швейцарские рассказы // Сибирский вестник. – 1903. – № 173 (10 августа). – С. 2.
291. Серпад Ф. Ультиматум / Илья Л. // Сибирская жизнь. – 1909. – № 117 (3 июня). – С. 2.
292. Сестра Тереза / В. Я...ва // Сибирский вестник. – 1898. – № 237 (4 ноября). – С. 2.
293. Сиделка // Сибирская жизнь. – 1897. – № 280 (31 декабря). – С. 2.
294. Скандал / Зет // Сибирский вестник. – 1892. – № 106 (12 сентября). – Прибавление. – С. 2–3.
295. Смерть паяца / W.B. // Сибирская жизнь. – 1903. – № 74 (2 апреля). – С. 3.
296. Смех // Сибирский вестник. – 1902. – № 219 (11 октября). – С. 2.

297. Сперо Е. Барашек / А. Сак // Сибирская жизнь. – 1904. – № 205 (21 сентября). – С. 2.
298. Счастливый / О. Ка-я // Сибирский вестник. – 1902. – № 146 (9 июля). – С. 2–3.
299. Терамон Г. де. Кровь скажется / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1904. – № 59 (14 марта). – С. 2.
300. Терамон Г. де. Последняя иллюзия / Вас. Щ-цов // Сибирский вестник. – 1905. – № 202 (1 октября). – С. 2.
301. Терье А. Бретонка / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1904. – № 163 (29 июля). – С. 3–4.
302. Терье А. Майоран / М.Г. // Сибирская жизнь. – 1907. – № 34 (27 мая). – С. 3.
303. Терье А. Цыганские музыканты // Сибирский вестник. – 1904. – № 218 (8 октября). – С. 2.
304. Терье А. Чувства ребенка // Сибирская жизнь. – 1903. – № 88 (25 апреля). – С. 2–3.
305. Тивар М. Бедная тетушка // Сибирский вестник. – 1891. – № 16 (6 февраля). – С. 2–3.
306. Тормоз-двигатель / А. С-ий [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1893. – № 141 (3 декабря). – С. 2–3.
307. Утешение / Е. М-ая // Сибирский вестник. – 1904. – № 275 (17 декабря). – С. 2.
308. Фабрег Э. Под розами / В. Я...ва // Сибирский вестник. – 1898. – № 124 (12 июня). – С. 2.
309. Фетишизм / Зет // Сибирский вестник. – 1892. – № 69 (17 июня). – С. 3.
310. Фиксье О. Евгения Буржуа / Е. Галка // Сибирская жизнь. – 1905. – № 205 (5 октября). – С. 3.
311. Форж А. де. Агентство славы / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1904. – № 111 (27 мая). – С. 2.

312. Форлей Ш. У телефона / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1903. – № 203 (19 сентября). – С. 2.
313. Франс А. Андре / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1903. – № 258 (29 ноября). – С. 2.
314. Франс А. Госпожа де-Люзи / М.Г. // Сибирские отголоски. – 1907. – № 43 (28 августа). – С. 2–3.
315. Франс А. Дама в белом / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1903. – № 231 (26 октября). – С. 2.
316. Франс А. Добровольная жертва / М.Л. // Сибирская жизнь. – 1905. – № 254 (16 декабря). – С. 2.
317. Франс А. Из воспоминаний о Флореале, второго года республики / П.А. // Сибирская жизнь. – 1907. – № 145 (21 октября). – С. 3.
318. Франс А. Из маминых сказок / К. Мирович // Сибирская жизнь. – 1904. – № 69 (6 апреля). – С. 2–3; № 72 (28 марта). – С. 2–3.
319. Франс А. Кисть винограда / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1903. – № 217 (8 октября). – С. 2.
320. Храбрец / А. С-ский [А.О. Станиславский] // Сибирский вестник. – 1894. – № 111 (24 сентября). – Прибавление. – С. 1.
321. Человек без удовольствий / К. Мирович // Сибирская жизнь. – 1904. – № 216 (5 октября). – С. 3.
322. Шарбаннель В. Погрузи свой кубок в глубину вод // Сибирская жизнь. – 1903. – № 252 (20 ноября). – С. 2.
323. Шлем / Н. // Сибирский вестник. – 1894. – № 58 (22 мая). – С. 3.
324. Экар Ж. Бедная дева / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1905. – № 150 (22 июля). – С. 2–3.
325. Юльмес Т. де. Впотьмах / М.Ш. // Сибирский вестник. – 1904. – № 3 (4 января). – С. 2.
326. Юльмес Т. де. Потолок / И. // Сибирская жизнь. – 1905. – № 11 (15 января). – С. 3.

II ПЕРЕВОДЫ**Бурже Поль (Bourget Paul, 1852–1935)****Женщина в сорок лет***(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1893. № 40 (11 апреля). С. 2–3).*

Как-то раз, после обеда, я и романист Жюльен Дорзенн встретились в рабочем кабинете нашего общего старого друга. Каждое воскресенье его уютный кабинет, сплошь заваленный книгами, с высокими окнами, выходящими в сад, превращался в маленький салон, где собирались одни лишь мужчины. Здесь в продолжение четырнадцати лет часто слушал я Тургенева, красноречиво развивавшего свои взгляды на роман, восхищался Ренаном и его великими мыслями об истории, заслушивался Тэна, дававшего легкие эскизы из своего сочинения о воле, и не раз даже сам, лично, принимал участие в рассуждениях по разным вопросам из области философии, политики, эстетики и т.д. Надо сказать, что эстетические вопросы и психологические в особенности часто разбирались в нашем обществе в том случае, когда слабое здоровье не удерживало дома поэта нашего кружка; беседа наша блистала тогда остроумием, оригинальностью и поэтическими формами. В день, о котором я говорю, наш любимый поэт тоже неожиданно явился и положительно всех нас очаровал своими оригинальными и блестящими мыслями. Помню я, речь зашла об употреблении сравнений в поэзии. Он развивал ту мысль, что самые нежные оттенки души современного человека могут быть выражены теми же образами, какими для этой цели пользовались поэты древности; настолько последние верно схватили и выразили отношение между сердцем человеческим и природою.

– Разве в выражении древних поэтов, – продолжал он, – где они сравнивают времена года с возрастом человека, одна лишь только произвольная и случайная аналогия? Не кажется ли нам, что они инстинктивно предвосхитили великолепное выражение одного из лучших

наших стилистов, что «пейзаж – это настроение души»? И на самом деле, тот, кто любит молодую девушку, разве не грезит о чудном весеннем пейзаже?

А тому, кто видит, как на глазах его стареет дорогое ему существо, мужчине, который испытывает подле сорокалетней женщины тысячи полных боли волнений, где жалость смешана со страстью, не чудится разве вокруг этой увядающей красоты другая столь же грустная картина: пожелтевшие ветви, тишина лесов, тронутых рукою осени и агония солнца за полуобнаженной рощей? На него действует тот же мотив, под влиянием которого Симонид сказал, что людские поколения похожи на листья деревьев... Вы не измените все это, как не измените таинственное отношение, которое связывает расцвет тридцатилетней жизни с летом и холодную ясность старости с зимою. Если вы имели счастье, будучи ребенком, подложить свою кудрявую головку под морщинистую руку бабушки, то не в зимний ли ясный день всякий раз вызываете вы перед собою эту картину? Также образ любимой вами тридцатилетней женщины не встает ли перед вами в жаркий полдень июньских или июльских дней?..

– Я его не перебивал, – сказал Дорзенн, когда мы очутились одни на тротуаре, несколько минут спустя после чудной тирады нашего друга, всю прелесть которой я едва ли в силах передать. – Да! Я его не перебивал, – повторил он, – хотя, слушая его, я тихо повторял про себя не совсем поэтический, но полный правды стих одного поэта:

Чье ты, сердце? Из чего ты, сердце?

Я не знаю, быть может, мое сердце сделано из другого материала, чем сердца прочих людей, но я знаю одно лишь очень хорошо, что я испытал нечто совсем противоположное тому, что высказал наш друг по поводу возраста и времен года.

– Почему же раньше не вставил ты своего замечания? Быть может, он тебе кое-что возразил бы, – заметил я Дорзенну. По правде сказать, я удивлялся, что Дорзенн в этот день молчал, в это время он всегда парадоксировал с таким увлечением и не прошел еще через ту суровую драму,

которую я недавно рассказал в Космополисе, драму, что навеки потушила в нем игривый огонь фантазии и то пламя легкой лихорадки, которым он всегда упивался.

– Нет! – ответил он, – я не мог свободно говорить у моего друга, так как позади моей теории кроется история, к несчастью, слишком свежая. Но и не будь этой истории, если мы возьмем один только определенный возраст и одно лишь только время года, например, возраст в сорок лет и осень, то весьма вероятно, что некоторое ослабление любви и юности и на самом деле больше всего соответствует увяданию всего окружающего. Но что, если мы возьмем другие?..

Разве сорокалетняя женщина, которая еще в силах испытать и внушить любовь, не чувствует инстинктивного отвращения к меланхолии, что могла бы обнаружить все истинно в ней осеннее, слишком напоминающее увядающие листья, подернутое тучами небо, иль солнце, становящее с каждым днем все более и более холодным? Напротив, ей нужно все, что только может приблизить того, кто ее любит. Ей нужна весна, одна из тех весен, которые для нее уж сочтены, так как в прошествии их вся магическая сила ее вдруг исчезнет, и мужчина будет любить ее с болью, если он романтичен, или только по привычке, если он не таков. А между тем, в восхитительные апрельские дни ее милый и она чувствуют так сильно течение жизни, чувствуют его, упиваясь уходящей жизнью. Это время – возрождение красоты для нее и любви для него с последним усилием не потерять ни капли из этой драгоценной чаши, что протянута им в последний раз.

– Может быть, ты и прав, – отвечал я ему, – я познакомился как-то с прелестной женщиной, которую встретил однажды в один из последних ясных апрельских дней в темной аллее парка. Я ей поклонился, и мы начали разговаривать. Ей было сорок два или сорок три года, а между тем она была божественно прекрасна. В этот день она снова возродилась и с чудесной прежней улыбкой на устах и в глазах тихо заметила мне: «О, как бы я хотела

бежать и покрепче привязать все листья к веткам, чтобы они не отпадали так быстро»...

– Вот видишь, она думала так же, как и я, – возразил Дорзенн, – а если б ты ее любил, то был бы заодно с нами. Но я перехожу к своей истории. Говорил ли я когда-нибудь тебе кое-что о моей страсти к одной итальянке, в которую я был безумно влюблен в двадцать четыре года? Про маркизу Андриану? Нет? В таком случае, я не назову тебе второго ее имени, имени ее мужа и детей, хотя мое признание и не из тех, которые могут кого-либо компрометировать. Как прекрасно звучит одно это ее венецианское имя! Моя маркиза, – я ее называю моей, хотя никогда она не была для меня кем иным, как только другом, – не была между тем венецианкой. Она родилась в каком-то маленьком городке Ломбардии. Муж ее был кровный пизанец и назывался именем, которое если тебе угодно, упоминается даже в «Божественной комедии». Этот потомок современников Данте исправлял должность секретаря при королевском посольстве во французской республике, и я думаю, что он столь же мало думал о своих предках, как о своей жене, так как это был самый неутомимый и бесстрашный игрок в баккара. Маркиза же была одной из самых восхитительных женщин, каких мне до сих пор не доводилось даже встречать. Впрочем, ты сам, быть может, знаешь эти чудные головки, какие можно видеть только у миланок. Понятно, что это прелестное создание, связанное с мужем – грубым животным, должно было вселять волшебные мечты во многих молодых людей. Мне говорили, что она недоступна и чиста, но этому я не верил и со всем пылом, полный надежды, отдался страстному влечению, которое я почувствовал к ней, лишь только ее узнал. Вскоре мои надежды обратились в уверенность в победе, а мое увлечение в глубокую страсть, когда простой случай свел нас в Турине, у одной из общих наших подруг... Но все кончилось тем, что я преподнес ей самое пылкое признание и наткнулся на простое предложение дружбы с ее стороны. Теперь я знаю, что я тогда очень ей нравился. Тогда она любила, когда за ней ухаживали, потому что была кокетка, но не хотела отдаться, так как была честна. Должен ли я ко

всему этому прибавить, что, полный молодого самолюбия, я рассердился, и мы расстались, как будто поссорившись.

До сих пор моя история была столь же мало оригинальна, как и все ближайšie, наступившие вслед за тем события. Муж маркизы получил вскоре место министра и полгода спустя умер, оставив жене значительное состояние. Она же преспокойно переселилась в Пизу для воспитания своих дочерей, как будто до сих пор не была царицей моды в Лондоне и Петербурге. Не правда ли, такое отречение от всего – это героизм?

– Это еще вопрос, – возразил я. – Когда женщина не имеет какой-либо любовной интриги, которая удовлетворила бы ее тщеславие, жизнь ее является только простым развлечением и похожа на жизнь офицера великой армии. Одна из таких барынь, имени которой и не назову, однажды, поверишь ли, сказала мне: «Я знаю одну лишь только счастливую минуту, – это когда я ложусь спать. Тогда я с любовью поглядываю на свою кровать и говорю: вот единственный мой друг!».

– Маркиза Андриана не такая! – отвечал Дорзенн, – она из тех физиологически сильных натур, на которых обеды, театры, балы и ужины не производят никакого заметного действия, с которых они соскальзывают как вода с мрамора, ни на минуту не нарушая их могучей жизненности. Но я возвращаюсь к своему рассказу. Итак, мы расстались в ссоре, но как опять сошлись, думаю, что тебе это не очень понравится. Мы начали свои отношения через письма – через одну мою книгу. По поводу выхода в свет какого-то моего сочинения, она прислала мне длинное письмо, написанное с таким чувством, умом и душою, что я счел своей обязанностью ей ответить, и между нами завязалась правильная корреспонденция, затянувшаяся и на следующие годы. В нашу переписку не вкрался, между тем, ни один намек на мою былую страсть. А эта страсть, как и многие другие, оставила волшебный след в моей сентиментальной памяти, но я, боясь прикоснуться к нему, отсрочивал с года на год свидание со своей милой. Для меня же, с моими бродяжническими наклонностями, путешествие в Пизу – это такая же

безделица, как для тебя, например, переезд из Парижа в Версаль; но я, между тем, только недавно решился поехать туда...

– А, понимаю, ты выбрал, должно быть, для этого месяц апрель, чтобы испытать и вместе с тем проверить теорию относительно сорокалетнего возраста и осени? – сказал я не без иронии. – Как счастлив тот, кто со своим сердцем обращается, как с ретортой!

– Ты ошибаешься, – ответил он серьезно. – Я об этом тогда вовсе не думал. Отправляясь в свое путешествие по Италии, я написал к ней письмо, извещая о своем скором приезде и с просьбою назначить для моего визита послеобеденный час меланхолического осеннего дня. Я стал готовиться к этому грустному путешествию, полному воспоминаний, которых я должен был бы избегать, а не искать. Но, ведь сердце, чтобы чувствовать, должно страдать...

Красавицу, которую я когда-то боготворил, я должен был найти поблекшей, полуразвалившейся в городе, что кажется теперь призраком минувшего величия и славы, во время, когда тяжелое впечатление должно было стать раздирающим душу: осень женщины, осень природы, осень сердца! Ты видишь, здесь целая гамма!.. Но вдруг получаю от нее несколько писем подряд, в которых она просит меня не посещать ее теперь, а отложить свой визит до обратной поездки во Францию, другими словами, до весны. На это она прибавила в конце, что имеет свои причины, которые мне выскажет потом. Сначала я рассердился. Зачем эта игра в прятки. Я надеялся, что буду более желанным гостем. Потом, я не знал, как объяснить это противоречие. Не тем ли, например, что в данную минуту находится в Пизе лицо, которое она желает от меня спрятать, какой-нибудь пошлый любовник, взятый от скуки, которого она теперь стыдится!.. Но мой принцип – всегда повиноваться желаниям женщины, по той простой причине, что если она хочет обмануть, то всегда успеет это сделать; поэтому, лучше быть обманутым наиболее приятным образом, т.к. так, как ей хочется. Как бы то ни было, поблуждав по Италии, в один чудный весенний день я очутился перед палаццо маркизы

Андрианы. Сердце мое сильно билось. С волнением глядел я на протекающую вблизи реку, думая, как постарела, как изменилась та, которая в продолжение десятка лет смотрела на игравшие на солнце волны так же, как и я теперь. Наконец, я решился позвонить.

Я подаю свою карточку; меня вводят, но не в дом, а в сад, и не в сад, а, скорее, в целое царство цветов. Масса белых и голубых ирисов, нарциссов, кругом деревья в цвету и прекрасно распустившиеся розы вокруг темных кипарисов!..

Здесь, среди чудной зелени, тысячи цветов, опьяняющего аромата и пения птичек, в этом волшебном саду с колоннадами, вазами и статуями я замечаю вдруг Андриану столь же прекрасную, как и прежде. Она приближалась ко мне вся озлащенная лучами солнца, как будто в ореоле. В потоках света, окружавшего ее, утонули бесследно все следы, которые могло оставить на ней время. Возрождение природы словно повлияло и на нее, на ее улыбку, на ее прекрасные глаза – все с тою же поволокою, все с той же тайною.

Она была столь похожа на себя прежнюю, что через полчаса я сделался снова сумасшедшим, каким был десять лет тому назад, и уже готовился повторить свое признание, как вдруг с улыбкой она сказала мне: «Вы ничего не знаете? Вот уже два месяца, как я называюсь бабушкой»...

– А что сказала она по поводу отсрочки вашего свидания? – спросил я его, когда он замолчал...

– Она ответила, опустив голову, что это последнее ее кокетство, что она молода только весной.

Чернч.

Возраст любви**(Рассказ репортера)**

(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1896. № 233 (27 октября).

С. 2–3; № 234 (29 октября). С. 2; № 236 (31 октября) С. 2).

I.

Когда я предложил директору *Бульвара*, – самого литературного из больших парижских журналов, – проект моего «опроса о возрасте любви», он, казалось, удивился, что такая «журналистическая», по его выражению, идея зародилась единственно только в мозгу одного из его наиболее новых сотрудников. Я был у него уже около двух недель и вот в чем состоял мой первый разговор.

– Дополните ваш вопрос, любезный Лябарт, – сказал он мне с видом немного менее обыкновенного сосредоточенным; потом, прослушав меня несколько минут, он заключил. – Хорошо, так. Вы, значит, пойдете и спросите этих господ и дам: во-первых, в каком возрасте любят более всего, в каком возрасте они и они лично любили больше всего? Такова ваша идея? А теперь, кого же вы будете интервьюировать прежде всего?

– Я составил список, – отвечал я, и вынул из кармана лист бумаги. Здесь я набросал имена личностей, которых я предполагал опросить об этой животрепещущей проблеме. И я начал читать свой лист. Тут были: два генерала, два бывших министра, один доминиканец, четыре актрисы, из них две кафешантаннх, и пять актеров, из них один знаменитость, три финансиста, два адвоката, один хирург, один судебный медик и целый ряд знаменитых литераторов.

Мой собеседник то одобрительно кивал головою, то говорил своим отрывистым голосом, на манер американцев: «Скверно, вычеркните», до тех пор, пока я не добрался до имени, которое я приберег к концу – Пьера Фошери, знаменитого романиста.

– Зачеркните еще, – сказал он, пожимая плечами: он в ссоре с нами.

– Однако, – осторожно возразил я, – если он их тех, чье мнение было бы интересно узнать нашим читателям и читательницам... Я рассчитывал даже начать с него.

– Тьфу! – прервал главный редактор, – да, ведь, Фошери из принципа не принимает репортеров. Я не одного, а десяток посылал к нему, и он никого из них не принял. *Бульвар* не любит, чтобы над ним издевались. Мы его выкурили... два или три раза... Так...

– Хорошо, – говорю, – я все-таки попытаюсь интервьюировать Фошери для *Бульвара*. Даю вам слово, у меня есть верное средство...

Если вы этого добьетесь, – сказал, смотря на меня, собеседник, – я плачу вам еще два луидора. По правде сказать, он меня бесит, этот господин, который показывает вид, будто плюет на рекламу. Нужно, чтобы он прошел, как товарищи... Но, – прибавил он, пожимая своими широкими плечами, – вы этого не добьетесь... Так какое у вас верное средство?..

– Позвольте мне сказать вам об этом после. Но через сорок часов, достигну или нет я...

– Идите и, пожалуйста, не щадите этого господина.

Решительно, я сделал успехи, как журналист. Уже по одному тому, что через две недели после первого опыта я оставил г. Паскаля, мерзкого импресарио, от которого я зависел, – говорить так о писателе, которого я считал величайшим среди живущих!

Но спустя еще следующую неделю, когда, истомленный тем, что не ел при всем голоде, я решился найти свою нору в этой парижской сумятице, я употреблял столько усилий, чтобы систематически освободиться от своего старого я, как ящерицы меняют старую кожу, что почти достиг этого.

Я хорошо знал, имея доказательство в выдвижном ящике, полном проектов, поэм, драм и романов, что когда-то было время, – (это «когда-то» называлось вчерашним днем), когда – теперь известный – Жюль Лябарт прибыл из своей провинции в Париж, чтобы сделаться великим человеком. Это-то лицо, которое верило в литературу (с прописной буквы), в идеал

(другая прописная), в славу (третья прописная), умерло и погребено. Начал ли бы он когда-нибудь, хоть раз за время своей достигнутой карьеры, писать из любви к искусству? Очень может быть, но в ту минуту я не знал, я не допускал даже, чтобы энергичный и непонятный Лябарт проник в прессу с идеей быть впереди своего времени и достигнул наискорейшим образом пятидесяти тысяч франков годового дохода.

Что касается до второго индивидуума, каков поганый Паскаль, хваставшийся тем, что он «выкурил» наиболее деликатного и могущественного из наследников Бальзака, то я сам – Лябарт нового рода – приготовился к предприятию, которое в тонкости не уступало способам моего главного редактора. Я, действительно, застраховал свое средство так, чтобы оно привело к хорошему концу мое свидание; дело вот в чем. В период моей беспомощной наивности я послал Пьеру Фошери стихи и повести. Это, по правде, были стихи и повести, неудача которых у четырех издателей побудили меня потом войти в журналистику под покровительством благосклонного товарища. Великий писатель, тогда путешествовавший, ответил мне. Я с своей стороны скоро ответил письмом, на которое он снова отвечал, приглашая меня зайти к нему, когда он возвратится из путешествия.

Я пошел туда, но не застал его. Снова направился туда, но не с большим успехом. Потом нечто вроде стыда помешало мне дойти до надоедливости. Итак, я никогда не видал его. Из двух моих прошлогодних посланий он знал обо мне только то, что это молодой Элиасэн. Этого для меня было достаточно, чтобы вынудить его на разговор, в котором он без сомнения отказал бы газетчику.

Мой план был очень прост: пойти к нему, быть принятым, скрыть от него мою настоящую профессию, рассказать ему неопределенный сюжет романа, где был вопрос о «возрасте любви», заставить его разговориться, и потом, когда он нашел бы свой разговор очень скоро напечатанным... Тут я испытывал некоторые угрызения совести. Но их я заглушил страшным

словом: борьба за существование, а также припоминанием бесчисленных примеров в той корпорации, к которой я отныне имел честь принадлежать.

II.

На следующий же день после моего разговора с уважаемым директором, я позвонил у двери маленького отеля, где жил Пьер Фошери, на улице Дебор-Вальмор, в отдаленном углу Пасси. Захватив принадлежности для записывания истории, очень простой во всей своей истине, я не знаю – почему я умолчал об очень гадком чувстве удовольствия, щекотившем мое сердце в то время, как звенел звонок, – думать, что я пришел сыграть хорошую шутку с жильцом этого мирного убежища. Последним основанием для таких побуждений, как то, на которое я решился, обыкновенно считают зависть к тем, кто восторжествовал в мучительной литературной битве.

Для меня было действительным обманом, когда слуга, очевидно, в довольно дурном расположении духа, вышел с ответом, что г. Фошери нет в Париже. Я осведомился: когда он вернется? Слуга не знал. Его адрес? Слуга тоже не знал. Бедный знаменитый человек, думавший, что застраховал анонимность своей удачной жизни!

Получасом позже я знал, что он жил в настоящее время в замке Проби, близ Немура: я потрудился только сходить к его издателю.

А два часа спустя я взял билет на Лионской станции до маленького городка, где Бальзак поместил свою восхитительную Урсулу Мируэ. Я взял с собою чемодан, чтобы было на чем спать ночью. В случае, если бы не застал наставника дома после обеда, я решил во что бы то ни стало захватить его завтра утром; и ровно шесть часов спустя после того, как камердинер, верный его приказанию, объявил мне, что не знает, где находится романист, я передавал свою карточку этому последнему в вестибюле замка.

Внизу карточки я позаботился написать напоминание о моих прошлогодних посылках, и на этот раз я был введен, после десятиминутного сиденья в этом вестибюле, в продолжение которого я, с особенным

любопытством и усмешкою, увидел проходившими двух совсем молоденьких женщин, очень изящных и милых, которые вышли на прогулку пешком.

– Превосходно, – сказал я себе, – вот секрет этого добровольного отшельничества. Интервью обещает быть интересным...

Я нашел романиста в маленькой гостиной друга, выходившей окнами в парк, в этот момент пожелтевший от наступившей осени. Тихий огонь пылал в камине и освещал весело стены, обитые светлым кретоном, на котором были размещены английские раскрашенные гравюры, представлявшие травлю борзыми и скачки с препятствиями. Это именно была дань светским привычкам, за которые хроника очень часто упрекала Фошери. Но бумаги и книги загромождали стол, свидетельствуя, что временный гость этого кокетливого убежища жил основательным литературным работником, и об этом постоянном труде еще более свидетельствовала его физиономия, которая, признаюсь, тотчас заставила меня почувствовать маленькое угрызение совести за коварство, к которому я прибегал в этот момент. Ах, если бы я нашел Фошери гордым и высокомерным, как упомянутые хроники имели обыкновение разглашать, – это было бы для меня, напротив, утешением обмануть его дипломатичность. Но, увы! Я заметил, в то время как он клал перо, чтобы принять меня, человека около 57 лет, с лицом, изборожденным морщинами от размышления, с усталыми от бессонных ночей глазами, со лбом, на котором виднелись отпечатки дум, человека, который сказал мне, приглашая садиться в кресло:

– Вы меня извините, мой дорогой собрат, что я замешкался принять вас.

Это – я, его дорогой собрат! Если бы он знал!

– Вы видите, – и он показал мне свой еще влажный листок, – что рабство переписки не выпускает человека; только в мой возраст это не так легко, как в ваш.

– А теперь поговорим о вас... Как вы очутились в Немуре? Что вы делали после повести и стихов, которые вы мне прислали?

Как-никак, а его идеал молодого человека был сразу зарезан. Но когда любишь литературу, как я любил ее в 20 лет, не утешаешься в 26 лет тем, что посвятил их описанию любовных связей, даже в силу неумолимой необходимости. Итак, Пьер Фошери вспомнил о моих несчастных стихах и повести! Намек, который он здесь сделал мне, еще более доказал мне это. Мог ли я сказать ему, в этот именно миг, что, со времени сочинения этих первых моих трудов, я отчаялся в самом себе и решил посвятить себя совсем другому способу существования? Вид различных конторок *Бульвара* вдруг всплыл в моей памяти. Я услышал голос моего главного редактора: «Интервьюировать Фошери? Вы этого не добьетесь!»

И я ответил, оставаясь верным роли, которую я на себя взял:

– Я удалился в Немур, чтобы обрабатывать большой роман под заглавием «Возраст любви», и вот об этом именно пункте я и хотел бы немножко посоветоваться с вами, дорогой наставник...

Мне показалось, – но не была ли то иллюзия? – что при произнесении так называемого заглавия моего романа усмешка и тень скользнули разом в глазах и на губах Фошери. Мне вспомнился образ двух молодых женщин, только что встреченных в вестибюле. Действительно ли автор стольких chefs-d'oeuvre'ов анализа намерен пережить новую главу из книги жизни, прежде чем описать ее?

У меня не было времени ответить на эти вопросы, потому что, посмотрев на агат, в котором лежало несколько папирос, он предложил одну мне, другую закурил сам, и, в свою очередь, начал спрашивать меня и отвечать на мои расспросы.

Я увидел теперь, что мысли его очень возвышенны, и совсем позабыл про свои макиавеллиевы комбинации; я вдруг испытал так много внутренней радости от этой общности с умом, который я так любил за его произведения. Это был первый, между великими писателями нашего времени, к которому я вошел в полуинтимность. Я наблюдал, во время нашего разговора, за поразительным тождеством его разговорной речи и его уже написанных слов,

удивлялся прелестной простоте, с которой он предавался удовольствию высказаться перед встречным, его умственному превосходству, живости его выражений и полному отсутствию в нем спеси и рисовки.

– Для любви не существует возраста, – сказал он мне кратко, потому что человек способен любить, в полном смысле идеального увлечения, в каком вы понимаете это слово, – он никогда не перестает любить... Скажу больше: он никогда не перестает любить то же самое существо.

– Вы знаете опыт, который один современный физиолог произвел над серией портретов, чтобы определить: в чем состоят сходства, поддающиеся определению, которые мы называем фамильными сходствами...

– Он берет фотографии двадцати лиц одной крови, потом он снова снимает эти фотографии на той же пластинке, последовательно накладывая карточки. Он открывает, таким образом, общие черты, которые, выделенные от других, устанавливают тип.

– Ну! Я убежден, что если бы можно было испробовать подобный опыт и фотографировать по способу наложения различные портреты женщин, которых ты любил, или думал, что любит, один и тот же человек в своей жизни, то открыли бы, что эти женщины похожи.

– Наиболее непостоянные страстно любили всегда одно и то же лицо в пяти, шести, иногда двадцати лицах, они постоянно гнались за тем же самым существом во многих личностях. Все это зависит от того, в каком возрасте они встретят женщину, наиболее приближающуюся к той, образ которой они носят в себе. Этот возраст и будет для них возрастом любви.

– Возраст любимого существа? – заговорил он снова. – Но глубочайшая из страстей некогда вдохновляла человека, одного из наших великих учителей, поэта, который имел свой предмет, когда ему было уже 70 лет. Правда, он держался прямо, как молодой человек, ходил и выступал такою же легкой походкою, как ваша, болтал как Ривароль, сочинял такие же прекрасные стихи, как Виньи, и, вдобавок ко всему этому, он был очень беден, большой отшельник и несчастливец...

Я напомню вам то, что говорит мавр у Шекспира: «Она любила меня за опасности, которые я преодолел, а я, я любил ее за жалость, которую она во мне возбуждала».

– Этот великий художник возбудил такую страстную преданность в одной прекраснейшей, благороднейшей и очень богатой молодой русской девушке, что она из-за него не вышла замуж и нашла средство ухаживать за ним день и ночь, в его последней болезни, вопреки своей семье, и что в настоящее время, совсем выкупив у наследников вещи, принадлежавшие поэту, она сохраняет комнаты, в которых он жил, неприкосновенными, как в последний день его жизни. И это вот уже десять лет!..

– А все потому,, что она встретила в этом человеке, втрое старше ее, существо наиболее соответствовавшее тому идеалу, который она носила в своем сердце...

– Впрочем, и Гете, и Ульрих фон Левецов, и Ламартин, и столько других!.. Но чтобы обрисовать красками чувства этой высоты, – прибавил он, – вы должны отказаться от мелкого способа пустого наблюдения, составляющего болезнь художников настоящего времени. Чтобы возлюбленному, которому перевалило за шестьдесят, и который не казался вам ни странным, ни ненавистным, нужно прилагать к нему то, что старый Корнель так гордо говорил о себе самом в своих стансах маркизе: «Однако у меня есть несколько прелестей, довольно блестящих для того, чтобы не слишком жаловаться на эти изъяны времени».

– Имейте смелость анализировать высшие эмоции, создавать персонажи высшие и правдивые; все искусство романа – в этом»...

При этих словах глаза писателя блеснули таким умом, сам он представлялся мне настолько ровней тем высшим личностям, описывать которые он побуждал меня, что я не думал находить немного очень претенциозную теорию этого чуть ли не шестидесятилетнего старика, который мог быть любимым во всяком возрасте! Контраст был слишком силен между

миром идей, в котором вращался знаменитый художник, и атмосферой литературной лавочки, где я закабалился вот уже несколько месяцев.

Все походило на мои первые молодые мечты в этом человеке, прожившем с такою силою таланта в своих тридцати томах и состарившаяся физиономия которого казалась живой иллюстрацией прекрасного девиза: «так как нам нужно износиться, будем изнашиваться благородно».

Его худощавость говорила о суровости его долгих трудов, его плотно сжатый рот указывает на решительный характер; его изборожденный широкими складками лоб обладал бледностью бумаги, над которой он столько склонялся, между тем как тонкость его рук, пользовавшихся тщательным уходом, скромная изящность его манер, известный вид врожденной аристократичности – указывали, что эти хорошие профессиональные качества сохранились в продолжении всей жизни, полной суетных наклонностей. Но эти наклонности не помешали интеллектуальной этике труженика.

И со всем тем великий человек был большой простака, потому что после продолжительного разговора со мною, он закончил так свою речь:

– Так как вы в Немуре, то я надеюсь еще и не раз увидеться с вами, а сегодня я не могу позволить вам уйти, не представив вас своим хозяевам...»

Что тут отвечать? Вот как простой репортер *Бульвара* очутился, в пять часов вечера, за чайным столом большого зала замка, куда, вероятно, никогда не ступала нога журналиста, будучи представлен старой маркизе де Проби, у которой писатель находился в гостях, – как молодой поэт и романист будущего. Спрошенный этою седоволосою милою вдовою о моих предполагаемых трудах, я лгал ей напропалую, краснея при этом, – что добрая дама должна была приписать моей наивной робости.

И словно злой гений старался увеличить побуждения к дурным действиям в известных моментах: как раз в середине этого непредвиденного визита вошли те две молодые женщины, о которых я упоминал раньше.

Ах, мое интервью с великим человеком о «возрасте любви», какой живой комментарий я получил тотчас, и как совершенно осветились

рассуждения старого писателя, при виде его внезапной болтовни с двумя прибывшими. Одна из них была молодая девушка лет двадцати, может быть, – m-lle де Руссэ, – если я хорошо расслышал ее имя. Это было взрослое дитя, с немного продолговатым лицом, которое освещали два очень черных глаза, обнаруживавшие необыкновенную пылкость и постоянство. Она представляла действительно разительное сходство с портретом в квадратном зале Лувра, приписываемым Франсуа и известным под именем L'Homme noir, за темный цвет одежды и капюшона.

Вокруг ее рта и ноздрей трепетала та укрощенная нервность, та сдержанная горячность, придающая этому портрету такое поразительное свойство; и я не пробыл там с четверть часа, как угадал, по ее манере смотреть и слушать Фошери, какой страстный интерес возбуждал в ней старый писатель. Когда он говорил, она, казалось, вся превращалась во внимание. Когда она говорила ему, я чувствовал, как дрожал ее голос, если можно так сказать, и он, славный писатель, пресыщенный успехами, изнуренный трудом, он, казалось, с тех пор, как очутился в слиянии этой наивной идолятрии, снова нашел всю ту живость и гибкость выражений, составляющие господствующую прелесть самой молодости!

– Теперь я понимаю, почему он недавно говорил о Гете и молодой девушке из Мариенбада, – смеясь в душе, говорил про себя, в то время как моя наемная карета увозила меня прочь от Немура. – Он думал о самом себе. Он любит эту крошку и любим ею взаимно. Мы узнаем про его женитьбу. Вот брак, который вызовет подражания, и если бы господин Паскаль знал, что я присутствовал при помолвке!..

– А теперь подумаем об интервью. Будет ли изумлен Фошери, прочитав об этом послезавтра в журнале? Это не очень корректно. Но какое зло я ему причиняю?.. А впрочем: борьба за существование!

Я припоминаю. Подобными рассуждениями попытался я усыпить внутренний голос, который мне кричал: «Ты не имеешь права изложить на бумаге и отдать в распоряжение публики то, что сказал тебе великий писатель,

думая, что в лице твоём он принимает поэта, а не репортера». Но я услышал также голос главного редактора: «Вы ни за что не добьетесь этого!» И этот второй голос, к стыду моему должен признаться, настолько взял верх над другим, что в этот вечер я убил лучшую сторону своего я.

В Немуре я запоздал на поезд, идущий в Париж, приехал как раз в обеденное время. Мне отвели в старой гостинице довольно чистую и сносную комнату, и, подумав, что здесь хорошо писать, я до сна употреблял время на исправление обрывков, по которым можно было восстановить мой опрос.

Тут я набросал на скорую руку, под живым впечатлением после обеда и – кто знает? – может, таланта, взвинченного, как мои нервы, пустяками угрызений совести, – да, я набросал четыре страницы, которые не обезобразили бы дневника Гонкуров, этого руководящего очерка совершенного репортера. Здесь было все: и мое путешествие и приезд в замок, силуэт этого кокетливого здания восемнадцатого столетия с его шпалерными деревьями и подровненными аллеями, зал учителя – писателя и сам писатель, и его разговоры; и чай, наконец, и смех старого романиста в кругу его друзей-женщин, старых и молодых, словом там ничего не доставало. «Я найду его завтра», – говорил я сам себе, и – такова природа пишущей братии – я лег спать с чувством исполненного долга! Я только что написал и чувствовал под покровом интервью свою лучшую страницу романа.

III.

Что происходит с нами во время сна? Есть ли то секрет и непреодолимый труд наших идей, бродящих без нашего ведома в то время, как наши чувства закрыты для впечатлений внешнего мира? Только всегда выходило так, что при моем пробуждении я находился в расположении духа крайне отличном от того, с каким засыпал.

Теперь я минут с десять не открывал глаз, пока образ Пьера Фошери носился предо мною. Вдруг мысль о том, что я злоупотребил его благосклонным приглашением, стала так невыносима, что я ощутил страстную потребность снова увидеться с ним, чтобы попросить у него

прощения за свой обман. Я хотел сказать ему, кто я такой, с какой целью явился к нему, и что теперь раскаиваюсь в этом.

Достаточно было бы уничтожить листы, которые я написал накануне. С этим намерением я встал. Но прежде чем их разорвать, я перечитал их... И потом, – литераторы поймут меня, – потом они показались такими удачными, что я вовсе не разорвал их. Мне пришла в голову мысль: «Фошери так умен, так благороден! За всем тем, что заключается на этих страницах такого, что могло бы действительно оскорбить его? Ничего, абсолютно ничего!»

А если бы я снова явился к нему и даже сегодня утром? Если б я рассказал ему всю свою историю, и что от успеха этого моего небольшого опроса зависит, может быть, вся моя будущность журналиста? Когда бы он узнал, что я прожил целые годы в бедности и труде, не достигнув того, к чему стремился, что я должен был вступить в прессу, чтобы иметь кусок хлеба; он понял бы меня, он пожалел бы меня, сказал бы мне: «Опубликуйте ваше интервью». А если он запретит мне это? Да нет, он не запретит.

Все утро провел я в разборе этого странного предположения. Естественный стыд причинял мне истинное мучение. Но, вместо с этим, нужно было примирить в одно и то же время: разборчивую щепетильность, чистую любовь кандидата-хроникера и интересы кошелька.

Я знал, что господин Паскаль очень благороден в отношении интервью, особенно когда ему понравится вещь. Да, впрочем, разве мне не была обещана награда?

Короче, я решился испытать опыт. Когда, покончив с ранним завтраком и садясь в нанятую с вечера карету, я увидел проезжающим крупной рысью на кровном рысаке, украшенным гербом виктории, и – к ужасу своему – узнал в нем, сидящего на подушках, и погруженного в сумрачную задумчивость, так противоположную его вчерашнему добродушному юмору, кого же? Самого Пьера Фошери!..

Небольшой чемодан, положенный с боку сиденья кучера, достаточно показывал, что он направляется на станцию.

Смотрю на часы. Парижский поезд отходит через двенадцать минут. Времени достаточно, чтобы мне кое-как уложить свои пожитки в саквояж, заплатить по счету, не проверяя его, и – карета, которая должна была отвезти меня в замок Проби, во весь дух мчала меня к станции.

И когда поезд тронулся, я сидел в пустом отделении, лицом к лицу с великим писателем, который говорил:

– И вы, вы тоже покидаете Немур? Вам, как и мне, нужно быть в Париже, чтобы хорошо работать.

Разговор, начатый таким образом, очень легко должен бы был привести меня к тому признанию, которое я решил сделать.

Но для этого нужно было сначала, чтобы я не был захвачен врасплох пред своим компаньоном непобедимым ложным стыдом, и чтобы его положение не возбудило во мне любопытства, равного моей робости. Что он с такой стремительностью покинул замок, где я его оставил вчера так комфортабельно расположившимся, тысячи случаев могли объяснить это, начиная с депеши, полученной от больного родственника и до более простого делового свидания. Но чтобы выражение его физиономии изменилось со вчерашнего вечера так, как это было в действительности, чтобы он через эти двадцать четыре часа сделался человеком озабоченным, обескураженным, изнуренным, каким он стал, тогда как я его оставил вчера таким жизнерадостным, так весело суется около этого милого ребенка, m-lle де-Руссэ, которая любила его и которую он, казалось, любил, – это было загадкой, о которой он мне должен был сказать прежде, чем мы приедем в Париж.

Впрочем, я всегда верил, что рассуждение, которое он одно время вел со мною, заключало, в косвенной форме, дружеское признание в неожиданном происшествии, с которым он покончил, и его поспешный отъезд и внезапная перемена в том, что он сам назвал в стиле своих романов «внутренним небом». Да, я всегда верил в это, я любил верить в это, потому что это так походило на него, его манеру чувствовать.

Это было так кстати для воображаемого сюжета моего так называемого романа, т.е. о, ирония! очень кстати для реального сюжета моего разговора, – то, что он начал.

– Я много раздумывал о нашем вчерашнем разговоре и о вашей книге, и боюсь, что вы дурно истолкуете мою мысль...

– Когда я говорил, что можно любить и быть любимым во всяком возрасте, я должен был бы прибавить, что эта любовь иногда приходит очень поздно... Когда не имеешь права доказать, что любишь так, как любишь, что жертвой...

– Я хотел бы, прося вас не воспользоваться этим, так как это не моя тайна, дать вам документ, как говорят теперь, который служит для него единственной маленькой драмой и развязкой.

И на мое обещание быть скромным, он сказал:

– У меня был друг, товарищ моих лет, полюбивший двадцатилетнюю молодую девушку. Он был беден. Она богата. Родители разлучили их. Девушка эта вышла замуж за другого, и вскоре затем умерла... Мой друг пережил.

– Вы узнаете когда-нибудь, что одинаково справедливо сказать, что вылечиваешься от всего и ничем не утешаешься. Я был доверенным его сумасбродства. Я принимал участие в его авантюрах, которым он предался после этого первого неизгладимого обольщения. Он чувствовал, вдыхал в себя любовные приключения.

– Он отведал другого счастья, испытал другие печали. И однако, когда мы оставались одни и поверяли друг другу свои тайны, которые я называю задворками сердца, всегда его идеальная двадцатилетняя невеста появлялась в его речах. Так что раз он сказал мне: «Я всегда искал ее во всех других, и так как они никогда не походили вполне на нее, то я после нее в действительности и не любил никого».

– А она? – спросил я, – любила ли она его?

– Он никогда об этом не думал, – ответил он, – впрочем, она никогда ему не говорила.

– Теперь представьте, что мой друг достиг того или почти того возраста, что и я. Посмотрите на него, уже совсем поседевшего, наскучившего жизнью и вполне уверенного, что наконец он достиг великого успокоения; и вот, во время гощения у своих родственников в провинции, он встретил лицом к лицу двадцатилетнего ребенка, портрет, вылитый портрет той, на которой он хотел жениться тридцать лет тому назад. Вы знаете одно из этих поразительных сходств, начиная с цвета глаз до звука голоса, от смеха до мысли, от жеста до тончайших сердечных оттенков. Нельзя выразить этого двумя фразами во время разговора, для этого потребуются целые страницы, чтобы изучить те исключительные чувства, которые волновали моего друга: эта нежность в одно время и настоящая и оглядывающаяся на прошлое, к мертвому существу через живое, эта полугаллюцинация души, не знающей, где кончаются воспоминания и мечты, и где начинается реальное чувство, это ежедневное смешение того, что было давно – не от мира сего, призрак потерянной невесты и той, которая была самой жизненной, самой свежей, необыкновенно наивной, молодой девушкой.

– Она ходит, уходит, смеется, поет, он прогуливается с нею в интимности, какую налагает жизнь в замке, а рядом с нею он видит... умершую!..

– И теперь, после двухнедельного одиночества, почти не думая об опасных удовольствиях этого внутреннего помешательства, вообразите моего друга случайно входящим, утром, в одно из наименее посещаемых отделений замка; в галерее, где он очутился, между другими картинами, висела пастель, срисованная с него, когда ему было двадцать пять лет. Он в рассеянности приближается к этому портрету. В камине был разведен огонь, так что легкий пар осел на стекле, покрывавшей пастель – и, на этом стекле, благодаря пару, он различил ясно отпечатанный след двух губ, прикасавшихся к его портрету

там, где были его глаза, две тонких и нежных губы, вид которых заставил биться его сердце.

– Он вышел из галереи и спросил слугу.

– Оказывается, что никто не ходит сюда с утра, кроме любимой им девушки...

– И тогда, – спросил я, когда он остановился.

– Тогда мой друг вошел в галерею снова посмотреть на эту обожаемую черту невиннейшей и страстнейшей ласки. Портрет был перед ним, как вылитый, так что он мог смотреть и сравнивать свое лицо в былое время и теперь, каким оно было и каким стало.

– Что произошло с ним в это время, он об этом мне никогда не рассказывал, а я его не расспрашивал. Было ли то чувство, что он очень виноват, возбудив страсть в молодой девушке, на которой он не мог жениться?

– Понял ли, что через этого состарившегося и знаменитого человека девушку любил молодой человек? Вспомнил ли он, с чрезвычайно скорбным сочувствием, о другой, о той, которая никогда не поцеловала его, когда он мог ей отвечать тем же?

– Я знаю только, что в то же утро он уехал, чтобы никогда больше не видеть той, которую он не мог любить молодой любовью, чистосердечно, своей двадцатилетней душою, как он любил ту.

IV.

Несколько часов спустя после этого разговора, я снова был в конторе редакции *Бульвара* и сидел в кабинете г. Паскаля, который говорил мне:

– Уже? Вы интервьюировали Пьера Фошери?

– Он не пожелал даже принять меня, – нагло отвечал я.

– Что я Вам говорил! – вскричал директор, пожимая своими широкими плечами, и затем он прибавил, смотря на меня:

– Впрочем, Вы знаете, мой маленький Лябарт, что вы кажетесь добрым малым. Что же вы хотите делать в прессе?

Он наклонился ко мне со скверным юмором патрона. Что бы он сказал, если бы знал, что вот здесь, у меня в кармане, лежит интервью, а вот тут, у меня в голове – анекдот, к которому составлена веселая хроника с ключом? Но он не получил ни того, ни другого.

С тех пор я сделал свою карьеру в той прессе, где чуть не сел на мель. Я потерял свой вид хорошего молодого человека, и теперь получаю пятьдесят тысяч франков в год, на широкую ногу. Но, увы! у меня нет такого сочинения, которое бы мне доставило удовольствие опубликовать его, как то, что ускользнуло в мой стол, чтобы никогда оттуда не показаться, – это листки, рассказывающие о моем немурском визите.

Я часто думаю, что я не служил литературе, как бы хотел, так как при всех своих многочисленных работах не написал ни одной книги. И все же, когда я припоминаю о неодолимом чувстве уважения к таланту, который удержал меня от нескромности по отношению к моему любимому учителю, я говорю себе: «Если ты не служил литературе, зато и не изменял ей». И вот почему теперь, когда Фошери нет больше в живых, я считаю возможным рассказать о моем первом «опросе».

Ничего нет другого, чем бы я более гордился.

А.М.

Незнакомая подруга**(С французского)***(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1898. № 67 (25 марта). С. 3).*

Узнаю ли я когда-нибудь окончание этого маленького романа, интригу которого я более угадывал, чем наблюдал, и который, быть может, был только создан моей фантазией. А если не узнаю, пожалею ли я об этом? Но как бы то ни было, я часто думаю об этом романе более, чем о событиях моей собственной жизни, в особенности, когда погода пасмурна, как теперь, и когда на душе глубокая осень. В такие дни я вновь вспоминаю также ясно, как если бы это происходило вчера, первую из трех встреч, давших повод к моим размышлениям. Я отправлялся в Германию, где собирался слушать серию Вагнеровских опер. Я не торопился и решил ехать потихоньку. Первая моя остановка была в Нанси. Я хотел видеть там картину Делакруа, изображающую смерть Карла Смелого. Осмотрев музей, я пересек красивую площадь, украшенную железными вызолоченными решетками, с ее дворцами, фонтанами, статуями, ее счастливым спокойствием, и прошел в зеленый садик, который в этот прекрасный летний день представлял оазис чарующей прохлады. В этом маленьком уголке парка почти не было гуляющих, но если бы даже громадная толпа теснилась под высокими деревьями и на зеленых лужайках, я тем не менее заметил бы те два лица, о которых я в данную минуту вспоминаю с тем глубоким, жгучим интересом, с которым вспоминаешь о близких и дорогих людях.

Из этих двух лиц, встреченных мною в одной из аллей тихого сада, одна была женщина, другой молодой человек. Женщина была брюнетка, изящная и грациозная; она была одета в один из тех дорожных костюмов, которые тотчас же, при первом взгляде, указывают на социальное положение обладательницы его. На ней был костюм из клетчатой атласной материи, с коротенькой кофточкой, и маленькая английская шляпа такого же цвета. Ее мужской воротник, длинный галстук, вышитые перчатки, узкие лакированные ботинки

придавали ей несколько мужской вид, тем более шедший к ней, что ее глаза и ее улыбка были так чарующе женственны. Ах, эти прекрасные глаза, которые сами по себе были самой страстной, самой таинственной повестью! Эти-то глаза любящей женщины и заставили меня, помимо моей воли, последовать за гуляющими, или скорее за ней одной. Ах, эти ясные глаза, цвета которых я даже более не помню, – я видел лишь один их взгляд! Они полны были блаженства, озарявшего все ее прекрасное лицо и выразившегося в ее божественной улыбке и в ее медленной, как бы усталой походке. Она опиралась на руку своего спутника, и чувствовалось, что каждое движение, которое они совершали, доставляло ей бесконечное наслаждение.

Она не была уже совсем молодой женщиной и хотя красота ее не пострадала от времени, но одно уже выражение ее лица показывало разницу по крайней мере на десять лет между нею и тем, которого она, казалось, так беззаветно любила; ему же было около двадцати пяти лет. Он был строен, красив, немного бледен и как бы благодарен за то, что его так любят. Его движения были нежны, его глаза отвечали глазам его подруги, его улыбка была ответом на ее улыбку. Они шли, и я шел за ними, стараясь угадать, какое тайное свидание привело их в этот провинциальный сад. Они, по-видимому, принадлежали к высшему обществу, но не были мужем и женой, разница лет слишком ясно выдавала это.

Они все шли, то торопясь, то задерживая шаги, увлеченные разговором и не замечая невинного шпиона, следовавшего за ними и завидовавшего этому юноше в том, что он сумел возбудить столь сильное чувство.

С тех пор прошло четыре года, в продолжение которых я видел много человеческих лиц и пережил горести и радости многих людей, весь отдавшись страстному любопытству, усиливающемуся с годами. В тот вечер я был в Париже, в одном из маленьких театров, и во время антрактов разглядывал залу в бинокль. Шло пятидесятое представление модной оперетки, и в зале, опустелой, так как это было лето, я не встретил ни одного знакомого лица. И вдруг мой взгляд упал на ложу бенуара, в которой находились мужчина и

женщина, совершенно одни. Он – лет пятидесяти, полный, массивный, с грубыми чертами лица, – я его не знал. Но она? Где же я видел этот профиль, опирающийся теперь на затянутую в перчатку руку? Где я видел эти чудные глаза, эти темные волосы? Правда, волосы побелели прядями, темные круги оттеняли глаза; благородный профиль сохранил следы забот, перенесенных за долгое время, и рот, наверно, уже никогда не складывался в такую улыбку блаженства, как тогда, когда она проходила по зеленому саду старинного города под руку с тем, которого она так любила. Да, это была она, и, несмотря на годы, прошедшие с тех пор, несмотря на выражение утомления, написанного на всех ее чертах, я все-таки узнал то женское лицо, которое тогда так поразило меня...

С кем же была она в этой ложе маленького театра. Как я тогда не сомневался в том, что она гуляла под руку со своим любовником, так и тут я не сомневался, что на этот раз ее спутник – муж ее. Я разглядывал этого человека со странным, лишенным всякой иронии любопытством. Положив оба локтя на красный барьер ложи, одетый в черный сюртук, он также порой разглядывал залу через бинокль, делал какие-то замечания и затем зевал, развалиясь в кресле и не давая себе даже труда прикрыть рот широкою и загорелою рукою. Так как никто не входил в ложу во время антрактов, то это обстоятельство еще более убедило меня в том, что они были иностранцы. Так как эта женщина, которую несколько лет назад я видел такой счастливой и сияющей, казалась теперь такой утомленной, такой безучастной, то я невольно подумал о человеке, которого она, как мне тогда показалось, так горячо любила. Где он был? Что он делал? Умер ли он, уехал ли, изменил ли ей? Лежала ли между ними неизбежная разлука смерти или разлука самовольная, еще более жестокая, но столь же неизбежная. Нет, не она его бросила. Ее годы, к сожалению, не были уже из тех, в которые уходят первыми, да и душа ее была создана не для того. Ее глаза бесконечно бы лгали, если бы она была непостоянна и неверна. Я вновь стал вспоминать роман, который однажды

набросала моя фантазия. Я дочитывал его последние главы, главы о разрыве, где все – что прежде радовало сердце – становится пыткой.

Три месяца тому назад я как-то прогуливался по палубе парохода, шедшего из Булони в Фолькетон. Море было дивно прекрасное, синее, спокойное, того синего цвета, который оно имеет в ясные дни. Я ехал в Англию, и эта пароходная палуба уже напоминала мне лондонские вокзалы, благодаря странностям туалетов и багровому цвету некоторых пассажиров. Сколько стаканов портеру пришлось выпить некоторым из подданных ее величества, для того, чтобы приобрести такой пламенный цвет лица. Как раз около одного из этих господ я увидел и тотчас же узнал молодого человека из Нанси, бывшего друга грустной незнакомки, виденного мною в прошлый раз в театре. Он мало изменился. Его усы только как будто удлинились. Он сохранил то же изящество манер и движений. Около него опять была женщина, молоденькая, белокурая, хорошенькая, но хорошенькая красотой молодости, сквозь которую уже проглядывала будущая сухость и угловатость черт. Ее глаза были голубые, но если голубые глаза – самые нежные, то они также самые холодные, а ее глаза были ледяные. Промелькнет ли когда в этих глазах искра истинного чувства? В данную минуту и глаза ее, и она сама казались равнодушными к молодому человеку, который, по-видимому, был сильно увлечен своей спутницей. Он разговаривал с нею, стараясь ей понравиться, а она еле отвечала ему. Была ли она его любовницей или женой? Я скорее предполагал последнее, судя по впечатлению полной порядочности, которое производила вся ее наружность и костюм, сшитый, очевидно, модным портным, но лишенный той индивидуальности, которую та, другая, выказывала в малейших движениях. И я стал думать о ней и старался подметить на лице неизвестного мне молодого человека грустный взгляд, сожаление или воспоминание. Я знал прекрасно, хотя не мог назвать ни его имени, ни родины, – что он был некогда любим, а теперь нет. Но он, казалось, не помнил, что знал некогда лучшие часы. И в самом деле, если он любил этого холодного красивого ребенка, не был ли он более счастлив близ нее, чем

подле той, которая больше любила его, чем он ее? И вот о ней-то я постоянно вспоминаю в эти как бы подернутые флером осенние дни умирающей природы. Ах, как желал бы я еще раз встретиться с ней и попросить ее довериться мне, и с каким благоговением выслушал бы я ее исповедь. Но я никогда не увижу ее, не услышу ее исповеди, и долго буду чувствовать себя неизвестным другом той, страдания которой я разгадал, неизвестный друг далекой, незнакомой подруги.

Ел.А.

Доде Альфонс (Daudet Alphonse, 1840–1897)**Партия на биллиарде**

(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1890. № 105 (11 сентября). С. 2).

Сражаются уже двое суток и солдаты измучены до крайности. Тем более что последнюю ночь провели под ружьем, с ранцами на спинах и под проливным дождем. Однако же, они стоят в бездействии уже целых три часа, в больших лужах и глубокой грязи.

Отяжелевшие от усталости и бессонных ночей, промокшие они жмутся друг к другу, чтобы разогреться и взаимно поддерживать. Некоторые спят стоя, склонив головы на ранцы своих соседей, страшная усталость и лишения запечатлены на лицах спящих. Дождь, грязь, нет огня, нет горячей пищи, небо с нависшими черными облаками, присутствие неприятеля кругом чувствуется. Все это грустно, ужасно...

Что же они делают? Что там творится?

Пушки повернули к лесу свои пасти, и как будто поджидают кого-то, митральезы в засаде неподвижно смотрят в горизонт. Все кажется вполне готовым к наступлению, но почему не наступают? Чего же ждут еще?

Ждут приказаний, а их все нет из главной квартиры.

Главная квартира, однако, недалеко. Это красивый замок в стиле Людовика XIII; красные кирпичи его стен, обмытые под дождем, блестят между большими, окружающими их деревьями. Настоящая княжеская резиденция, вполне заслуживающая, чтоб на ней красовался значок маршала Франции. Позади широкой канавы и невысокой каменной стены, отделяющей замок от дороги, зеленые газоны, окруженные букетами цветов, поднимаются до самого крыльца. С другой стороны, в передней части парка, видны беседки, красивый пруд, по которому плавают лебеди, а под крышей огромного птичника, построенного в форме пагоды, резко кричат и токают золотистые фазаны. Хотя хозяева уехали, но не видно еще запустения и неряшливости — обыкновенных последствий войны. Почет, окружающий начальника целой

армии, защитил здесь все, – каждый цветок остался еще на своем месте и невольно удивляешься, видя так близко от поля сражения это богатое, роскошное барское жилище.

Дождь, наделавший столько отвратительной грязи по дорогам, размывший их во многих местах, здесь, как приятное купанье, обмыл кирпичные стены, придал блеск листве деревьев и белым перьям плавающих лебедей. Все блестит, кругом все спокойно. Если бы не знамя, развевающееся на верхушке крыши, если бы не два солдата на карауле у решетчатых ворот, – никто бы не подумал, что здесь помещается главная квартира. Лошади отдыхают в конюшнях, кое-где видны конюхи и денщики, шляющиеся возле кухни, или садовники, спокойно скребущие дорожки в парке и во дворе.

В столовой, с окнами, обращенными на крыльцо, виден наполовину убранный стол, раскупоренные бутылки, тусклые порожние стаканы на измятой скатерти. Видно, что гости только что отобедали и ушли оттуда. В соседней комнате слышен громкий говор, смех, звон стаканов. Маршал играет на бильярде и вот почему армия ждет приказаний. Когда маршал начал свою партию, небо может обрушиться, – ничто в мире не заставит его бросить партию неоконченной.

Биллиард – это слабая сторона этого знаменитого боевого генерала. Возле него он серьезен, как и во время сражения, в парадной форме, с грудью, покрытой орденами и звездами, с блестящими глазами и лицом, покрасневшимся после обеда, игры и пунша. Адъютанты окружают его, улыбающиеся, почтительные, готовые исполнить всякое его желание и восхищаются каждым его ударом. Записывают на доске его очки; когда маршал хочет пить, всякий старается приготовить и подать ему стакан пунша. Приятно смотреть на эти милые улыбки, подобострастные поклоны, на массу блестящих эполет, аксельбантов и золотого шитья на новеньких, одетых как с иголки, мундирах, собравшихся в этой высокой зале со стенами резного дуба, открывающей свои окна на парк и передний двор. Это напоминает осень в Компьене, когда там пребывал весь двор и позволяет глазу отдохнуть после

грустного вида этих грязных шинелей, целая масса которых столько времени тоскливо ждет чего-то среди дороги, в глубокой грязи и под дождем.

Маршал играет с напوماженным молодым капитаном, блестящим молодым капитаном генерального штаба. Он так играет на бильярде, что мог бы свободно обыграть всех маршалов целого мира, но он умеет держаться на приличном расстоянии от своего начальника, старается не выиграть, но, вместе с тем, не позволяет себя легко победить. Перед этим офицером блестящий путь.

Берегитесь, молодой человек у маршала уже 15 очков, а у вас только 10. Держите себя умненько, так именно следует довести партию до конца и тогда гораздо больше сделаете в пользу своего производства в следующий чин, чем если бы вы стояли вместе с другими, там – под потоками дождя, если бы вы марали в грязи свой новенький мундир и блестящие аксельбанты, ожидая распоряжений, которых никто не думает делать.

Партия очень интересная. Шары бегают, сталкиваются, скрещиваются, борты отлично отдают, сукно хорошее.... Вдруг, молния пушечного выстрела мелькнула по темному горизонту, стекла задрожали от глухого удара. Все вздрогнули, беспокойно посмотрели друг на друга. Один лишь маршал ничего не видел, нечего не слышал: наклонившись над бильярдом, он рассчитывает сделать оттяжку: ох! Он большой мастер делать оттяжки!...

Но вот опять молния, другая – пушечные выстрелы все чаще следуют один за другим.

Адъютанты бегут к окнам. Разве прусаки наступают?

– Так что же, пусть наступают! – говорит маршал, намазывая кий мелом...

– Вам играть капитан!

Весь штаб затрепетал от восхищения. Тюрен, заснувший на лафете, ничего не стоит против этого маршала, столь спокойного и непоколебимого у бильярда в минуты начинающегося сражения... Шум увеличивается. К пушечному грому присоединилась трескотня митральез и переливы

батальонного огня. Красноватые облака дыма с черной каймой поднимаются над парком; в глубине его начался уже бой. Павлины и фазаны, перепуганные, кричат в птичнике, в конюшнях арабские лошади почуяли уже пороховой дым, ржут и встают на дыбы. Главная квартира начинает беспокоиться. Одна за другою летят депеши, ординарцы на полном скаку. Спрашивают маршала.

Но маршал неумолим. Я вам говорил, что ничто не заставит его бросить неоконченную партию.

– Вам играть капитан!

Капитан уже немного смутился. Вот что значит молодость! Он потерял голову и в два удара сделал столько очков, что партия у него почти выиграна. Не этот раз, маршал уже серьезно сердится; удивление, даже возмущение, видно на его лице. В это мгновение во двор влетает всадник, и его лошадь падает среди двора. Адъютант, весь покрытый грязью, несмотря на запрещение, одним прыжком вскакивает на ступеньки крыльца и кричит: «Маршал, маршал!»... Следует посмотреть, как его принимает... Страшно разгневанный, весь красный как петух, маршал с кием в руке показывается у открытого окна.

– Чего нужно?.. Что это такое?.. Разве здесь нет караула?

– Маршал, позвольте...

– Ладно,... сейчас... Пусть ждут моих приказаний, черт возьми!.. и окно закрывается с треском.

Пусть ждут приказаний!

Они ведь только это и делают, несчастные! Ветер прямо в лицо несет им дождь и град картечи. Целые полки раздавлены, тогда как другие праздно стоят, не понимая, что заставляет их бездействовать. Что тут сделаешь – ждут приказаний... Правда, что никаких приказаний не требуется для того, чтобы умирать, и люди целыми сотнями падают за кустами, но рвы и на дороге перед молчаливым замком. Даже тогда, когда они уже пали, картечь рвет их на клочья, из открытых ран льется благородная французская кровь... А там

наверху, в бильярдной, дело тоже загорелось: маршал опять впереди, но капитан защищается как лев...

– Семнадцать! Восемнадцать! Деятнадцать!..

Едва успевают записывать очки. Гром сражения все приближается. Маршалу недостает лишь одного очка.

Гранаты начинают залетать в парк. Одна из них разорвалась над прудом, зеркальная его поверхности взволновалась, перепуганный лебедь плавает в облаке окровавленных перьев. Последний удар сделан...

Теперь уже царит тишина. Слышен шум дождя между кустами и деревьями и под горою какой-то невнятный гул, да по размокшим дорогам шлепанье многих ног, будто большого стада, быстро возвращающегося с полей... Армия разбита и отступает в беспорядке. Маршал выиграл партию.

А. С-кий.

Знаменосец

(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1890. № 119 (17 октября). С. 2).

Полк сражался, выстроенный на железнодорожной насыпи и служил мишенью для целой прусской армии, расположенной против него у опушки леса. Стреляли друг в друга и расстреливались взаимно на расстоянии 150 шагов; офицеры кричали: «Ложитесь!» но никто не хотел слушать и гордые солдаты стояли, окружая свое знамя. Под лучами заходящего солнца, окруженные лугами и полями, покрытыми созревающим хлебом, они похожи были на стадо, застигнутое в открытом поле во время сильной грозы.

Град свинца и железа летел на насыпь! Слышно было только трескотню перестрелки, шума щебня, скрываемого с насыпи пулями и свист пуль, которые, пролетая над полем сражения, звучали как натянутые струны инструмента, поющего похоронную песню. Время от времени знамя, развевавшееся над головами и шевелившееся от ветра, производимого полетом картечи – падало среди дыма; тогда раздавался громкий повелительный голос, покрывавший звуки выстрелов, хрипение умирающих и проклятия раненых: «К знамени, ребята, к знамени!...» тотчас же кто-нибудь из офицеров бросался в середину тумана и, вновь оживая, геройское знамя поднималось над полем сражения.

Оно падало двадцать два раза!... Двадцать два раза теплое еще древко, выроненное из рук умирающего, подхватывалось и поднималось; когда же солнце закатилось и оставшаяся от полка горсть людей тихо отступала, знамя, сделавшееся какою-то изодранною тряпкой, было в руках унтер-офицера Гормуса, который в этот день был двадцать третьим знаменосцем.

Сержант Гормус был старый солдат, едва умевший подписать свою фамилию; после двадцатилетней службы, он получил лишь унтер-офицерские нашивки. Невзгоды, перенесенные незаконнорожденным ребенком, отупение казарменной жизни, видны были на низком загорелом лбу, на спине, сгорбленной тяжестью ранца, даже в небрежной походке, как будто

бесцельной, походке старого солдата, находящегося в строю. Кроме того, он немного заикался, – но ведь это никому не мешает. В тот же вечер полковник ему сказал: «Знамя к тебе попало, старина, так пусть и остается у тебя». Маркитантка сейчас пришила эполет подпоручика к его грязной походной шинели.

Это была единственная честь и гордость, выпавшая на долю скромной жизни этого человека. Вся фигура старого солдата выпрямилась. Бедняга привык же ходить сгорбленный, с опущенными к земле глазами, – теперь он держался прямо, глаза всегда глядели вверх, чтобы видеть, как развеваются эти клочья материи, чтобы их держать прямо, высоко – выше смерти, выше измены и поражения.

В день сражения, не было в мире человека счастливее Гормуса, когда он обеими руками держал древко, прочно закрепленное в кожаном футляре, он не говорил, не двигался с места и серьезный, как священнодействующий, держал свою святыню. Вся его жизнь, вся сила была в десяти пальцах, судорожно поддерживавших эти прекрасные золоченые лохмотья, осыпанные пулями; в глазах, которые в упор смотрели на пруссаков и как будто говорили: «Попробуйте взять его у меня!...» никто и не пробовал – даже смерть.

После самых кровопролитных сражений у Борни и Гравелота, знамя шло дальше, изодранное, продырявленное, прозрачное от полученных ран, но его все нес старик Гормус.

Подошел сентябрь. Армия – в стенах города; осада, продолжительная в грязи, где пушки покрывались ржавчиной, где лучшие войска деморализовались бездействием, недостатком жизненных припасов, отсутствием всяких сведений и умирали на бастионах от тифа и скуки. Начальство и солдаты ни во что уже не верили; один только Гормус не потерял веры в будущее. Трехцветные лохмотья заменяли ему весь мир; пока он их чувствовал возле себя, ему казалось, что ничего еще не потеряно. К несчастью, тогда совсем не дрались; знамя было у полковника, в его квартире в одном из предместий Меца и бедный Гормус был как мать, которая должна

отдать своего ребенка мамке. Он постоянно о нем думал. Когда слишком уже скучал, он бежал в Мец и довольно ему было увидеть знамя, убедиться, что оно на месте, неподвижно стоит в углу комнаты. Тогда он уже спокойно возвращался в крепость, полон храбрости и терпения и под своей мокрой палаткой мечтал о сражениях, о наступлении с тремя цветами, развевающимися над прусскими траншеями.

Приказ маршала Базена рассеял все его мечты. В одно утро, проснувшись, Гормус увидел весь лагерь в волнении; в оживленных группах солдат слышны были злобные крики, кулаки поднимались в сторону города, грозя невидимому виновнику. Кричали: «Возьмем его, пусть его расстреляют!...». Офицеры молчали.... Они ходили в стороне, с поникнувшими головами, как будто стыдясь своих людей. Это действительно было слишком постыдно. Перед хорошо вооруженной армией в полтораста тысяч человек еще способных к бою, прочитали приказ маршала, которым он, без выстрела, отдавал всех этих людей неприятелю.

– А знамена? – спросил Гормус, бледнея.... Знамена отдавались тоже, вместе с оружием, с обозом – со всем, что было.

– Про... про... проклятие! – едва выговорил бедный заика. – Однако же, моего то не получат!... и бегом бросился в город.

Там тоже все были в большом волнении. Национальная гвардия, мещане, добровольцы, металась во все стороны. Разные депутации с трепетом направлялись к маршалу. Гормус ничего не видел, ничего не слышал; он сам с собой разговаривал, направляясь к предместью:

– Отнять у меня знамя!... Вот еще!... Разве это возможно?... Разве кто-нибудь имеет на это право?... Пусть он отдает пруссакам то, что ему принадлежит: золоченые кареты, прекрасные серебряные сервизы, привезенные им из Мексики! Но это – мое!... это – моя честь. Я не позволю, чтобы кто-нибудь дотронулся до него.

Эти отрывочные фразы он бормотал на бегу, но, в сущности, старый солдат думал другую думу. У него прочно и ясно сложилась мысль, что он

схватит знамя, принесет его в свой полк и прорвется по телам пруссаков, со всеми, кто захочет за ним последовать.

Когда прибежал на место, его даже не впустили. Полковник тоже был взбешен, не хотел никого видеть... но Гормус с этим не соглашался.

Он кричал, ругался, толкал караульного: «Мое знамя!... Я хочу мое знамя!»... Наконец одно окно открылось:

– Это ты, Гормус?

– Да, полковник, я...

– Все знамена в арсенале, ступай туда... там тебе дадут квитанцию...

– Квитанцию? Зачем это?...

– Такой приказ маршала!...

– Но, полковник...

– Убирайся! – и окно опять закрылось.

Старик Гормус зашатался как пьяный. «Квитанцию... квитанцию» - повторял он машинально. – Наконец, он пошел опять в крепость, понимая только то, что его нужно взять оттуда во что бы то ни стало.

Ворота арсенала были широко раскрыты, чтобы пропустить прусские фургоны, стоявшие во дворе. Гормус вошел туда и вздрогнул. Все знаменосцы были налицо; их было человек до шестидесяти, все молчаливые и огорченные; темные фургоны стояли под дождем, позади их группы солдат с непокрытыми головами, – точно похороны.

В одном углу все знамена армии Базена лежали сложенные в кучу на грязной мостовой. Что могло быть грустнее этих ярко цветных шелковых тряпок, кусков золотой бахромы, резных древков, всех этих остатков прежней славы, смоченных дождем и перепачканных в грязи. Офицер поднимал их по одному и называл полк, которому знамя принадлежало; знаменосец выступал вперед и получал квитанцию. Два прусских офицера, точно деревянные, безмолвно и безучастно наблюдали за нагрузкой.

А вы, славные, святые лохмотья, тащились по грязи и грустно уходили, как птицы с переполненными крыльями! Вы уходили так, как постыдно

уходить все, что прежде было прекрасно, а потом закидано грязью; каждое из вас уносило с собой частицу Франции. Солнечные светлые лучи великих походов уносились между вашими выцветшими складками. В следах, сделанных на вас пулями, остались воспоминания о неизвестных, умерших, павших под знаменем, всегда служащем мишенью.

– Гормус, твоя очередь: тебя зовут, ступай за квитанцией...

Так он и думал о квитанции!...

Знамя было перед его глазами, краше всех, больше всех изодранное пулями.... Когда он его увидел, то ему показалось, что он еще там – на насыпи. Он слышал свист пуль, шум падающего щебня и голос полковника: «К знамени, ребята, к знамени!»... Видел своих 22 товарищей, распростертых на земле, а сам, двадцать третий, бросался в свою очередь, чтобы поднять и поддержать бедное знамя. В этот день он поклялся, что до смерти будет его охранять! А теперь...

Все это он вспомнил, и вся кровь бросилась ему в голову. Как пьяный, ошалелый, он бросился на прусского офицера, вырвал у него возлюбленное знамя, схватил его обеими руками; потом хотел его поднять как можно выше, прямо и закричал: «К зна...» – но... голосу не хватило. Почувствовав, что древко дрожит – выскользывает у него из рук. В этом спертom воздухе, который, как дуновение смерти, тяготел над сдавшейся крепостью, знамя не могло уже развиваться, – все, что было гордо – умирало.... Старый Гормус грохнулся на землю, сраженный ударом.

А. С-кий.

Пирожки

(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1890. № 128 (7 ноября). С. 2–3).

Как-то в воскресенье утром пирожник Сюро позвал одного из своих мальчиков и сказал ему:

– Вот пирожки для господина Боникар, ступай, снеси их, да возвращайся поскорее... Кажется, что версальские войска вошли в Париж.

Мальчик, не понимавший еще никаких политических соображений, положил пирожки в круглую жестяную коробку, завернул ее в чистенькую белую салфетку, уставил все это, соблюдая равновесие, на своей поварской шапочке и бегом направился в один из старинных кварталов Парижа, где жил г. Б... Утро было роскошное; великолепное майское солнце ярко освещало букеты цветущей сирени и вишневых деревьев. Не смотря на издали долетающие звуки выстрелов и сигналы трубачей, раздающиеся на углах улиц, весь старинный квартал имел совершенно мирный, спокойный вид. Видно было, что это праздничный день; дети играли между собой в глубине дворов, девушки разговаривали у ворот домов, и скользящая по улице белая фигура поваренка, окруженная запахом свежего печенья, довершала эту идиллическую воскресную обстановку, хотя где-то вдали слышен был гром сражения. Главное оживление квартала сосредоточилось в улице Риволи. Там тащили пушки, воздвигали баррикады; на каждом шагу встречались группы возбужденных солдат национальной гвардии, но мальчик пирожник не растерялся между ними. Такие дети привыкли уже к шумной уличной толпе! Им более всего приходится бегать по городу, во время самого усиленного движения, в день нового года и на масленице, а революции совсем их не удивляют.

Нельзя было без удовольствия смотреть, как эта белая поварская шапочка скользила между солдатскими шапками и, избегая толчков, то быстро покачивалась, то опять медленно подвигалась вперед. Сражение ее вовсе не интересовало. Мальчику нужно было поспеть к г. Б... как раз к двенадцати

часам и получить маленький подарок на чай, вперед уже положенный на столике в передней.

Вдруг в толпе сделалась страшная давка; дети республики прошли быстрым шагом, распевая Марсельезу. Это были мальчишки, от 12 до 15 лет, вооруженные штуцерами, в длинных сапогах, перепоясанные красными шарфами; теперь они точно также были довольны, что их снарядили солдатами, как и тогда, когда на масленице бегали целыми толпами по бульварам, следуя по грязи за кортежами масок. На этот раз маленькому пирожнику трудно было соблюсти равновесие, однако ж он кое-как удержал на голове коробку с пирожками и отделался одним лишь страхом. К несчастью, весь этот шум и гам, песни, красные шарфы, восторг и любопытство, вскружили голову мальчика, и ему захотелось пройтись немного в такой хорошей компании. Сам этого не замечая, он миновал ратушу, прошел один из мостов и скоро сам уже не знал, где он находится и куда его увлекает бешеное движение толпы.

***

В течение по крайней мере двадцати пяти лет, семья Б. привыкла каждое воскресенье лакомиться свеженькими пирожками. Ровно в двенадцать часов, когда все – и маленькие и большие – были в полном сборе, раздался громкий звон дверного колокольчика и все говорили:

– А-а!.. Вот и пирожник.

Тогда, гремя стульями, шумя накрахмаленными юбками и праздничными платьями, словно лакомки-дети, все эти добрые буржуа садились кругом стола, на котором по середине красовались пирожки, симметрически расположенные на серебряном блюде, подогреваемом снизу горячей водой.

В этот памятный день звонок безмолвствовал. Г. Б. –, удивленный и даже возмущенный, посмотрел на часы с кукушкой, которые никогда в жизни не спешили и не отставали. Дети, зевая, смотрели в окошки на тот угол улицы, откуда обыкновенно появлялся мальчик с пирожками. Разговор не клеился, и

голод, возбужденный двенадцатью ударами часов, на столько давал себя чувствовать, что столовая казалась присутствующим слишком большой и мрачной, не смотря на старинное серебро, блестящее на белоснежной скатерти, и на такие же салфетки, аккуратно сложенные возле тарелок.

Уже несколько раз старая служанка приходила и шептала хозяину на ухо: Жаркое пригорит – горошек переварится... Г. Б. заупрямился и не хотел завтракать без пирожков; наконец, совсем уже взбешенный, решил сам пойти узнать, что значит такая неслыханная неаккуратность. Когда он выходил из дому, видимо взволнованный, кому-то грозивший своей тростью, соседи предупредили его:

– Г. Б., берегитесь!.. Говорят, что версальцы вступили в Париж.

Но он ничего не хотел слышать – ни звуков перестрелки, гулко долетавшей по реке, ни тревожных выстрелов из пушки у ратуши, от которых дрожали стекла во всем квартале.

– Ах! Этот Сюро... этот Сюро!..

Быстро шагая, он сам с собой разговаривал: видел уже себя в лавке пирожника, где он стучит тростью об пол и громит всех так, что дрожат стекла и «бабы» на тарелках. Волнение г. Б... улеглось только у баррикады возле моста. Там было десятка два коммунаров с неприятными физиономиями, растянувшихся на солнце среди улицы, где из мостовой выворотили все камни.

– Куда идете, гражданин?

Гражданин объяснился, но история с пирожками показалась подозрительной, тем более что г. Б. был в праздничном сюртуке, но носу имел золотые очки и вообще похож был на реакционера.

– Это шпион, – решили коммунары, – надо его отправлять в главную квартиру.

Сейчас же нашлось четыре охотника, которые очень рады были уйти с баррикады и подталкивая прикладами, повели беднягу, совсем уже пришедшего в отчаяние.

Не знаю, право, как это случилось, но через полчаса, всех их забрала линейная пехота и, присоединив к массе других арестованных, длинной вереницей погнала в Версаль. Г. Б. протестовал, божился, поднимал к небу свою трость и в сотый раз рассказывал приключение с пирожками. К несчастью, среди совершавшегося крупного переворота, вся эта история показалась такой нелепой, смешной выдумкой, что офицеры только улыбались, слушая ее.

– Ладно, ладно старичок... там уже объяснитесь... в Версали. Пошел!

И вдоль Елисейских полей, еще полных дыма от недавнего сражения, двинулась длинная вереница арестованных, сопровождаемых стрелками.

***

Пленники шли густыми рядами, по пяти человек в ряд. Чтобы они как-нибудь не разбрелись, их заставили держать друг друга под руки, и в таком виде гурьба людей, словно стадо, с шумом плелась по пыльной дороге.

Несчастный Б. думал, что он все это видит во сне. Потный, запыхавшийся, ошалелый от страха и усталости, он на силу тащился в хвосте вереницы, между двумя старыми ведьмами, от которых разило керосином и водкой. Кто слышал, как он, ругаясь и проклиная судьбу, постоянно повторял: «пирожник-пирожки», тот думал, что он сошел с ума.

По правде сказать, бедняга совсем потерял голову. Когда на спусках и подъемах ряды пленников немного раздвигались, ему даже казалось, что впереди он видит белую куртку и поварскую шапку мальчика от Сюро. И это повторялось раз десять. Этот белый призрак, как молния, мелькал перед его глазами и, как будто насмехаясь над ним, исчезал в огромной толпе мундиров, блуз и лохмотьев. Наконец, к вечеру доплелись таки до Версали, и, когда толпа увидела этого буржуа в золотых очках, растрепанного, в пыли, с блуждающими глазами, все согласилось, что это должен быть страшный злодей. Кругом его говорили:

– Это Феликс Пия... Нет! Деликюз (начальники коммуны)!

Конвоирующие солдаты, хотя и через силу, но ввели его невредимым во двор Оранжереи.

Там несчастное стадо могла рассеяться: кто хотел – мог растянуться на земле и отдохнуть, кто заснул, кто ругался, кто кашлял, некоторые плакали; Б. не спал и не плакал. Он сел на ступени крыльца, спрятал голову между руками и полумертвый от голода, стыда и усталости, мысленно припоминал себе все приключения этого злосчастного дня. Он видел, как уходил оттуда – из дому, видел беспокойство семьи, свой прибор и теперь еще – вечером – ожидающий его на столе, затем принимал оскорбления, грубую ругань, удары прикладами, – и все это из-за какого-нибудь неаккуратного пирожника!

– Господин Б., вот ваши пирожки!.. – сказал вдруг кто-то возле него, и старик, поднимая голову с величайшим удивлением, увидел перед собой мальчика от Суро, которого подцепили вместе с детьми республики. Теперь этот мальчик, как ни в чем не бывало, стоял перед г. Б., открывая свою жестяную коробку, спрятанную под белым передником...

Вот каким образом, не смотря на государственный переворот и на свой арест и в это воскресенье, как и всегда, господин Б. – поел пирожков от Суро.

А. С-кий.

Плохой солдат**(Перевод с французского)***(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1891. № 106 (11 сентября). С. 2).*

Кузнец Лори, уроженец и постоянный одного из небольших городов Уэльса, был сильно не в духе в этот вечер.

Обыкновенно, когда вместе с закатом потушен был кузнечный горн, он садился на скамейку пред своим домом, смотрел, как расходились рабочие из соседних фабрик, и, сладко отдыхая после тяжелого дневного труда, прежде чем отпустить своих молодцов, выпивал с ними по кружке холодного пива. В этот вечер мастер оставался в кузнице до самого ужина; когда же пришел домой, то сел за стол как будто нехотя. Смотри на него, жена думала:

– Что с ним такое?... Уж не получил ли он из полка худого известия, которого не хочет мне сообщить?... Не заболел ли старший?...

Но она не смела спрашивать, старалась лишь успокоить трех светловолосых мальчуганов, которые весело хохотали за столом, уплетая редьку со сметаной.

Наконец, кузнец, гневно отталкивая свою тарелку, вскричал:

– Ах! Бездельники – негодяи!...

– На кого это ты?... Скажи, пожалуйста?

Тут он разразился:

– Я сержусь на тех пятерых или шестерых негодяев, которых с утра видно было, как они во французских мундирах, расхаживали по городу под руку с баварцами. Это еще из тех, которые... как это вежливо выражаются?... приняли прусское подданство. И – делать нечего – теперь каждый день мы видим этих фальшивых эльзасцев!... Чем это их опоили?..

Женщина старалась их защищать:

– Что же ты хочешь, мой милый? Это еще почти дети и они немного виноваты... Этот Алжир, куда их посылают, так далеко отсюда!.. Они тоскуют по родине, а ведь, какое искушение вернуться и перестать быть солдатом...

Лори изо всей силы стукнул кулаком по столу.

– Молчи, матушка!.. Вы, бабы, ничего в этом не смыслите. Вы всегда живете с детьми и только для детей и потому все умяете так, чтобы не превышало роста сопляков... Я же тебе говорю, что эти люди – негодяи, изменники, регенераты и последние подлецы и что если к несчастью, наш Христиан был бы в состоянии сделать подобную мерзость, как верно то, что меня зовут Жорж Лори и что семь лет прослужил во французских драгунах, так верно и то, что зарубил бы его своей старой саблей.

Страшный, но половину привставший со стула, кузнец указывал рукой на длинную драгунскую саблю, висевшую на стене, под портретом его старшего сына, портретом зуава, сделанным там, далеко – в Африке. Однако же когда он взглянул на честное эльзасское лицо, прежде белое и розовое, а теперь почерневшее под жгучими лучами африканского солнца, он вдруг успокоился и засмеялся.

– Да стоит ли волноваться из-за пустяков... Разве наш Христиан может подумать о том, чтобы сделаться прусаком, он, который столько перенес во время войны!

Эта мысль вернула кузнецу хорошее расположение духа, и он весело окончил ужин, а потом, отправился в трактир «Штрасбург» выпить пару кружек пива.

Теперь, старуха Лори одна. Она уже отправила спать своих трех мальчиков, но они щебечут в соседней комнате, как птички, укладывающиеся в гнезде. Она принялась за какую-то работу, но время от времени вздыхает и думает:

– Да, я согласна. Они подлецы и регенераты... но все равно! Их матери счастливы, что они опять с ними.

Она припоминает время, когда ее сын, до ухода на службу, был здесь и как раз в этот же час ухаживал за садиком. Она видит его, как одетый в блузу, с длинными белокурыми волосами, которые обрезали, когда он поступил в зуавы – черпает из колодца воду для поливки гряд и цветов.

Вдруг она вздрогнула. В глубине заднего двора калитка скрипнула. Собаки не залаяли, однако же тот, кто вошел, как вор скользит между ульями и под стенами забора и дома.

– Здравствуйте, мама!

Ее Христиан перед ней, в истрепанном мундире, пристыженный, смущенный, с засохшим во рту языком. Несчастный, вернулся вместе с другими и теперь. Целый час кружил вокруг дама, не смея зайти туда до ухода отца. Мать хотела сердиться, но храбрости не хватило; она так давно не видела, не целовала его! При том он представлял ей такие уважительные причины: он ужасно тосковал по родине и кузнице; тяжело было жить так далеко, под усиленную военную дисциплиной; наконец, вследствие его эльзасского акцента, товарищи постоянно называли его прусаком. Она всему верит; впрочем, довольно взглянуть на него, чтобы поверить. Разговаривая, они вошли в дом. Дети проснулись, и босиком, в одних рубашках, бегут расцеловать старшего брата; ему хотят дать поесть, но он не голоден, только страшно пить хочется и после пива и белого вина, которое для храбрости целый день выпивал, ожидая вечера в кабаке, – он пьет два больших ковша воды.

Но кто-то видел во дворе – это кузнец, возвращающийся домой.

– Христиан, отец идет. Скорее прячься, чтобы я успела переговорить с ним, объяснить ему... И мать толкает его за большую кафельную печь, а сама дрожащими руками начинает шить. К несчастью, головной убор зуава остался на столе, и это была первая вещь, которую увидел Лори, взойдя в комнату, затем, – бледность жены, ее замешательство... Он все понял.

– Христиан здесь! – вскричал он страшным голосом и, сорвав со стены саблю, как сумасшедший кинулся за печь, где зуав, посиневший от страха, прижался к стенке, чтобы не упасть.

Мать бросилась на помощь.

– Лори, Лори, не убивай его... это я ему написала, чтобы он возвращался, что он нужен тебе в кузнице...

Она вцепилась в руку мужа и с плачем пала к его ногам. Дети, проснувшись в темной комнате, не узнавая голосов, измененных гневом и слезами, закричали... Кузнец остановился и, смотря на жену, сказал:

– А! так это ты сделала?.. в таком случае – ладно, пусть идет спать, а завтра увижу, что мне делать.

На другой день, после тяжелого сна, прерываемого кошмаром, Христиан проснулся в своей старой комнатке. Сквозь маленькие стекла, вставленные в свинцовые рамки, виден был цветущих за окном хмель; солнце было уже высоко и хорошо грело; внизу наковальня звенела под ударами молотов... Мать была у его изголовья; она так боялась гнева мужа, что всю ночь не спала и не покидала комнату сына. Кузнец тоже не ложился; до утра слышно было как он ходил по дому, плакал, вздыхал, отворял и запирали шкафы, и теперь со строгим лицом он вошел в комнату сына. Одет он был по-дорожному, в длинных сапогах, широкополю шляпе, в руке у него была длинная, окованная железом палка для ходьбы по горам. Он подошел прямо к постели сына и сказал:

– Пора!.. вставай.

Молодой человек, смущенный, хотел надеть свой мундир.

– Не это... сурово сказал отец.

– Но, друг мой, у него другого платья нет – несмело сказала мать.

– Дай ему мое, мне оно уже не нужно.

Пока сын одевался, отец аккуратно сложил мундир, куртку и широкие красные шаровары, уложил все это в ранец, потом надел на шею тонкий ремень, к которому прикреплена была большая жестянка с проходным листком сына.

– Теперь пойдем вниз, – и все трое, не говоря ни слова, направились к кузнице.... Мех пыхтел, все работали. Смотря в широко открытые двери обширной кузницы, зуав вспомнил свое детство, когда он поочередно играл во дворе, греясь на солнце или в кузнице, где любовался снопами искр, блестящих на черном фоне пола и стен. Он был растроган и страстно хотел

получить прощение отца, но поднимая глаза, каждый раз встречал его неумолимый взгляд.

Наконец, кузнец заговорил:

– Слушай парень, – вот наковальня, инструменты... все это твое... и это тоже! – прибавил он, указывая на виднеющийся сквозь закоптелые двери кузницы – садик, залитый солнечными лучами и полный жужжащих пчел. Пчельник, виноградник, дом – все тебе принадлежит... если для таких вещей ты пожертвовал своей честью, так, по крайней мере, стоишь, чтобы все это осталось за тобой... Ты здесь хозяин... Я уйду... Ты должен Франции пять лет жизни, – я рассчитаюсь за тебя.

– Лори, Лори! Куда ты? – вскричала бедная старуха.

– Батюшка!.. умолял сын, но кузнец уже ушел и, не оборачиваясь, быстро зашагал по дороге...

В Сиди-бель-Аббес, в третьем полку зуавов, поступил пятидесятилетний доброволец.

А. С-кий.

Рассказ Велизария**(Перевод с французского)***(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1894. №43 (13 апреля). С. 2).*

Вот что я слышал на прошлой неделе в одной кабачке на Монмантре. Для того, чтобы хорошо передать вам все это, мне бы нужен особый жаргон, употребляемый в предместьях, большой передник столяра Велизария и два – три стаканчика того белого винца, какое даже жителю Марсели может дать чистый парижский акцент. Тогда и по вашим жилам пробежал бы тот трепет, который я чувствовал, слыша, как, за общим столом, Велизарий рассказывал эту мрачную правдивую историю.

Это было на другой день после заключения перемирия. Жена послала меня с ребенком прогуляться в Вильнев, чтобы справиться там на счет нашего домишки над рекой, о котором мы ничего не знали с самого начала осады. Мне не хотелось брать с собою мальчугана. Я знал, что там везде будем встречать пруссаков, а так как до этих пор я их в глаза не видел, то и боялся, чтобы со мной не случилась какая-либо история. Но старуха крепко держалась на своем: – Ступай! Ступай! пусть и ребенок подышит свежим воздухом.

По правде сказать, он, действительно, нуждался в этом после пятимесячной осады!

Итак, мы отправились вдвоем прямо через поля. Уж и не сказать вам, как малец был рад, когда увидел, что есть еще деревья, птицы и что он опять может пачкаться на свежеизрытой земле. Мне то не слишком было весело; на пути больно часто попадались остроконечные каски. Только их и было видно, – да какие нахалы! Так и нужно было всеми силами сдерживаться, чтобы не наделать скандала. Но пуще всего я злился, когда мы вошли в Вильнев, когда я увидел наши разоренные садики, отпертые и ограбленные дома и всех этих разбойников, расположившихся у нас, перекликавшихся из окон и сушивших свои шерстяные чулки на наших окнах и ставнях. Хорошо, что мальчик был возле меня и всякий раз, когда рука слишком у меня чесалась, глядя на него, я

говорил себе: – смотри Велизарий, берегись, чтобы несчастье не случилось с мальчуганом. – Это удерживало меня от всяких глупостей, и тогда я понял, почему мать навязала мне ребенка.

Домишко стоит на конце деревни, на набережной, последним на правой руке. Я нашел его, как и другие, с верху до низу пустым. Не было ни мебели, ни хотя бы одного целого стекла, в комнате осталось только несколько вязанок соломы и последняя нога больших кресел догорала в камине. Везде слышен был запах пруссаков, но нигде их не было видно... Однако ж, мне показалось, что что-то шевелится в подполье. У меня там была маленькая мастерская, где я, по праздникам, от нечего делать, мастерил разные безделушки. Сказав мальчику, чтобы он подождал, я сошел вниз посмотреть, что там делается.

Едва я отворил двери, как с кучи стружек поднялся большущий вильгельмовский солдат и начал подходить ко мне, свирепо вороча глазами и ругаясь непонятными для меня словами. Должно быть, он проснулся не в духе, потому что – животное! – с первого слова, которое я ему сказал, начал вынимать с ножен свою саблю...

Тогда уже кровь во мне заиграла. Вся желчь и злоба, накипевшая в течение последних двух часов, подступила к горлу... Я сгреб с верстака большой фуганок и стукнул солдата по башке. Знаете, братцы, что у Велизария кулак всегда здоровый, но, кажется, что в этот день молния была в моей руке. С первого удара мой пруссак сделал – пай! и раскинулся во всю длину. Я сначала думал, что только оглушил его, но – нет! готов... Совсем готов и отдан... под орех! Вот тебе на!

В жизни своей я никогда никого не убивал, – даже воробья, так что совсем мне неловко стало, когда я увидел перед собой это большое тело... А право, красивый был блондинчик, с бородкой, вьющейся, как мелкая стружка. Поджилки тряслись у меня, когда я глядел на него. В это время мальчуган начал скучать наверху и я услышал, как он во все горло орет: – Папа! Папа!

Пруссаки проходили по улице; через окошки подполья видны были их сабли и большие ноги. Тогда мне, вдруг, пришло в голову: – «Если они сюда взойдут, ребенок пропал... все разнесут». Тут и конец, я перестал дрожать. Поскорее я закинул пруссака под верстак, сбросал на него все попавшиеся под руку доски, стружки и опилки и пошел наверх за мальчиком.

– Пойдем!

– Что с тобой папа? Какой ты бледный!

– Иди, иди...

Мы и пошли, но даю вам слово, что тогда всякий мог бы меня толкнуть или обругать и я ничего бы ему не сказал. Мне все казалось, что кто-то бежит и кричит позади нас. Когда я услышал, что кто-то на полном скаку верхом нагоняет нас, я чуть было не упал с перепугу. Однако ж, пройдя мост, я начал приходить в себя. В Сен-Дени было полно народа; тут уже ни за что не поймали бы меня в толпе, но тогда я начал думать о нашем бедном домике. Пруссаки, найдя мертвым одного из своих товарищей, наверное, сожгли бы дом; кроме того, наш сосед Яков, речной сторож, единственный француз, оставшийся в деревне, мог бы иметь большие неприятности по случаю так близко убитого солдата. При таких обстоятельствах совсем не хорошо было уходить втихомолку.

Надо было устроить так, чтобы он исчез.... По мере того, как мы приближались к Парижу, эта мысль все больше беспокоила меня. Никак невозможно было оставить пруссака в погребке и когда мы подошли к окопам, я не выдержал:

– Ступай домой, – сказал я мальцу. Мне еще нужно повидаться с одним знакомым в С. – Дени. Поцеловав его, я вернулся обратно. Правда, сердце крепко у меня стучало, но все равно, – я рад был, что ребенок уже не со мной.

Начинало смеркаться, когда я вернулся в Вильнев. Понимаете, что я держал ухо востро и шаг за шагом подвигался вперед. Однако ж, деревня казалась совсем спокойной. Домишко, как в тумане, все стоял на своем месте. На набережной виднелся какой-то длинный черный – не то заплот, я и сам не

знал, что такое; но оказалось, что это пруссаки выстроились на вечернюю переключку. И то ладно, – в доме никого не будет. Скользя вдоль забора, я увидел соседа Якова, спокойно развешивающего во дворе свои сети. Стало быть, ничего еще не знают... Прихожу домой, спускаюсь в подполье и щупаю. Мой пруссак все лежит на своем месте, под стружками; даже две небольшие крысы залезли в его каску, а меня в пот бросило – когда они там зашевелились. Было мгновение, когда я думал, что он придет в себя... но нет! Голова была тяжелая и холодная. Я присел в уголке и ждал; я задумал спроводить его в Сену, когда все улягутся...

Не знаю было ли это вследствие близкого соседства с покойником, но прусская вечерняя зоря показалась мне тогда особенно грустной. Большие трубы в три темпа ревели: – Та, та, та! Черт знает что за музыка. Под этот мотив наши линейцы не захотели бы ложиться спать...

Жду пять минут, слышу, как брякают сабли, стучат двери; затем солдаты входят во двор и начинают звать:

– Гофман! Гофман!

Бедный Гофман смирехонько лежит под стружками... но у меня душа совсем в пятки ушла.... Каждую секунду я ждал, что они покажутся в подполье. Я поднял саблю покойного и сидел не шевелясь, мысленно говоря себе: – «Ну, батенька, если выкрутишься на этот раз, то должен поставить большую свечу св. Иоанну...».

Однако ж, когда мои квартиранты вволю накричались, зовя своего Гофмана, они наконец, решились идти спать. Я слышал, как они стучали на лестнице своими сапогами и скоро по всему дому раздался громкий храп. Этого-то я и ждал, чтобы отправиться в путь, но сначала я пошел посмотреть, что делается кругом дома.

На набережной никого не было, во всех домах потушили огни. Дело хорошее. Скорее спускаюсь в подполье. Вытаскиваю моего Гофмана из под верстака, кое-как ставлю на ноги и нагружаю себе на спину, как носилки рассыльного...

Тяжел же был разбойник! При этом страхе; в желудке с самого утра ничего не было... Я думал, что никогда не дотащусь. Вдруг, по середине набережной мне показалось, что кто-то идет за мной. Я оглянулся, – никого нет... Новая беда! Луна начинает всходить... говорю себе: – теперь берегись, часовые сейчас начнут палить.

В довершение всего, вода в Сене очень малая. Если бы я его бросил тут же возле берега, то он – бы там и остался... Спускаюсь вниз и иду вперед, воды все нет. Я страшно утомился и почти окоченел... Наконец, когда мне показалось, что я уже отошел довольно далеко от берега, бросаю моего солдата... ступай, – но он завяз в тине. Никак не сдвинуть его с места. Пихаю, толкаю... ничего не могу поделать... К счастью подул западный ветер и погнал воду к берегу, я почувствовал, что мой пруссак снялся с якоря и тихонько отчаливает ... Счастливого пути. Я почерпнул рукой воды, выпил и поскорее выбрался на набережную.

Когда я возле деревни проходил по мосту, по середине реки чернелось что-то похожее на маленькую лодку. Это был мой пруссак, медленно уносимый течением Сены.

А. С-кий.

Брачная жизнь артистов**(Перевод с французского для «Сиб. Ж.»)***(Опубликовано в «Сибирской жизни». 1905. № 3 (5 января). С. 3).*

Как могли не полюбить друг друга? Оба, красивые и знаменитые, они пели в одних и тех же пьесах, жили одной и той же жизнью вместе делили колоссальный успех, выпавший на их долю, ежедневно переживали одни и те же чувства!

Это была жизнь пылкая, артистическая.

Весь Париж скоро узнал об их любви и интересовался ею. Это было новостью сезона.

Однажды, когда после многократных вызовов, занавес опустился и отделил усыпанную живыми цветами сцену от зрительного зала, где все еще не умолкали клики восторга публики, оба певца очутились во власти неудержимого чувства, как будто их любовь, несколько искусственная, только и ждала такого триумфа, чтобы проявиться.

Они соединились узами брака.

После свадьбы они оставили сцену на некоторое время. Используя свой отпуск, они снова выступили в этой же самой пьесе. Но что же случилось? До сих пор из двух певцов, супруг имел предпочтение. Он был старше и, публика, слабости которой он знал, любила его больше.

Жена его была удивительно способная ученица его, с большим талантом, но ее слишком молодой голос имел еще шероховатость, был тонок и несколько резок. Но теперь, после возвращения, ее голос, полный, богатый, окрепший, звучал легко, свободно не напрягаясь; она играла им, как мячиком, и легко перескакивала с ноты на ноту, точно проворно ударяла в струны, а ее супруг не мог за ней поспевать и сердился на нее и на самого себя. Чувствуя превосходство свое в знании сцены, он завидовал ее до сих пор скрытому умению играть, и это обижало его. Лицо ее принимало возбужденное выражение, и казалось, будто что-то неожиданно загорелось в ней; она

ощущала в своей груди жгучее чувство вдохновения и на минуту ее душа осветилась чудным светом красоты, силы и таланта. Между ней и зрителями вдруг почувствовалась какая-то связь, будто в воздухе внезапно протянулись тонкие серебряные нити.

О супруге ее забыли совершенно, и весь интерес сосредоточился на ней.

Эту страсть, которая развилась в нежном голосе певицы, в ее игре, вселил ведь он! Он сам сообщил этот чудный огонек ее выразительным глазам; мысль эта делала его гордым, но чувство обиженного тщеславия артиста в нем было больше и сильнее. Он выходил из себя, сердился на капельмейстера, жаловался антрепренеру, но продолжал оставаться незамеченным публикой, тогда как слава его жены росла. При каждом новом ее появлении он был мрачным, нервным и раздражительным; ее успех действовал на него угнетающим образом. Это неприязненное чувство он старался скрывать от всех, в особенности от жены.

Однажды вечером она поднималась по лестнице в свою ложу, держа в обеих руках свое белое платье, покрытое букетами и, когда она, после несмолкаемых аплодисментов сказала ему: «У нас теперь очень благоустроенный театр». Он так грубо ей ответил, что она очень удивилась и стала мысли своего супруга.

Да он был ревнив! Но это не была ревность мужа, который хочет иметь свою красивую жену только для себя, это была холодная, непримиримая ревность и зависть артиста!

Теперь, когда после спетой арии зал оглушался аплодисментами, ее лицо принимало страдальческое выражение и, ее взгляд как бы говорил зрителям: «Перестаньте, прошу вас аплодировать».

Великие артисты часто умирают еще при жизни; они перестают жить, когда уже больше не встречают восторгов публики. Его охватило отчаяние, вследствие равнодушия к нему последней, он терзал себя.

Перед выходом на сцену, он всегда говорил себе: «Ведь это моя жена... и я ее люблю!»

Он любил ее как жену, но ненавидел как артистку.

Она это хорошо видела, и боялась, чтобы это не превратилось в манию.

Сначала она сдерживала себя, старалась не петь полным голосом, не высказывать всего своего умения, чтобы этим умалить свой успех, но ее старания оставались тщетными, когда она попадала на залитую блеском сцену.

Ее талант со всей силой, во всей своей красоте, помимо ее воли вырывался наружу и не признавал этих искусственных препятствий.

Супруг ее был всегда недоволен. В те вечера, когда она имела особенно большой успех, он говорил ей тоном неискренней дружбы:

«Береги свой голос..., иначе тебе придется взять отпуск»... он уверял ее сегодня, что она не в голосе, завтра – что она охрипла и т. д., или говорил ей, уже сердясь, что финал в дуэте она слишком быстро пропела и этим умалила его успех, что она делала это намеренно.

Она никогда не жаловалась, потому что очень любила его и была снисходительна.

В театре скоро все заметили ревность артиста и забавлялись этим. Все восхваляли талант его жены; ему показывали рецензию, где таланту его жены, как восходящей звезде критика посвящала целых четыре столбца, а о нем упоминалось только вскользь.

Он зашел в своей ревности так далеко, что однажды, читая рецензию, вскипел от бешенства и, побледнев от гнева, вскричал:

«Этот рецензент был, наверно, твоим любовником!?»

Эта несчастная прославленная женщина, имя которой большими буквами печаталось на афишах, расклеенных во всех концах Парижа, влачила печальное и жалкое существование. Она опасалась теперь читать газету из боязни увидеть там себе похвалу, она плакала над цветами, которые ей преподносили, и которые должны были вянуть в углу ее ложи, чтобы дома, глядя на них, она не вспоминала об успехах на сцене, причинявших столько страданий. Она хотела совсем оставить сцену, но муж ее не соглашался.

– «Скажут, – говорил он – что я принудил тебя к этому».

И эта ужасная пытка тянулась для них обоих.

Однажды, перед выходом на сцену, кто-то шепнул ей: «Берегитесь, против вас что-то затевается!»

Она, конечно, посмеялась над этим. Против нее что-то затевают! Кто, зачем? Против нее, которая заслужила у публики только симпатию, и которая стоит вдали от всяких интриг?

Но это было так! Она начала петь дуэт со своим супругом. Дуэт очень соответствовал по содержанию ее собственной жизни, и она пела с большим чувством.

Что-то могучее, красивое, девственное чувствовалось в этих ярких и цельных звуках. Казалось, что этот голос вносит в жизнь яркие солнечные лучи, их теплоту; он переливался и дрожал, и было в нем что-то хватающее за сердце и глубоко печальное. Все в зале затаив дыхание, как бы застыли, слушая ее. Вдруг, сильный свист прорезал воздух. У нее сперло дыхание. В ее голове пронеслась ужасная мысль...

Он сам был с ней, здесь на сцене.

Увидев злорадную улыбку, скользнувшую на перекошенном лице ее супруга, ей стало все ясно. Бедная женщина залилась слезами и исчезла за кулисами...

А. Сак.

Роковая ошибка**(Перевод с французского для «Сиб. Жизни»)***(Опубликовано в «Сибирской жизни». 1905. № 9 (13 января). С. 3).*

Я все обдумал, прежде чем жениться и принял меры предосторожности; я не хотел иметь женой парижанку, потому, что парижанок я боялся. Я не хотел взять жену с богатым приданым, потому что она была бы очень требовательна. Моя жена казалась мне именно такой, о какой я мечтал.

Я говорил себе: «Она будет для меня всем. Какая радость иметь около себя существо с чистой детской душой. Она будет моей музой, она вдохнет в меня новый энтузиазм!»

Она была красива, как античная статуя; у нее были большие, черные, улыбающиеся глаза, глубокие, как море. А ее профиль! В жизни своей я такого больше не видел: строго правильный греческий, с тонко очерченными чертами.

К этому присоединялся еще несколько иностранный акцент, который мне особенно нравился и к которому я, для более полной иллюзии, прислушивался с закрытыми глазами, как это делают люди при воспоминании о счастливой молодости – или – мечтая о покойной жизни в далеком, незнакомом уголке.

А теперь я должен сказать, что ее акцент сделался для меня невыносимым...

Тогда я был счастлив. Как только я женился, полный энергии, я начал писать новое сочинение. Обыкновенно вечером я читал ей написанные днем стихи.

Я хотел ее ввести в свою жизнь, в свои святая святых.

Сначала она мне говорила: «это красиво...» и я был ей благодарен за эти похвалы; я надеялся, что она со временем будет понимать меня лучше; этого так жаждала моя душа.

Бедная! Как, должно быть, ей было скучно со мной.

После того, как я ей читал свои стихи, я объяснял их ей и все ждал, что в ее красивых, удивленных глазах засветится чудный возбуждающий огонек понимания.

И я думал его найти!!

Я старался мыслить ее мыслями, чтобы проникнуться ее понятиями, но она своим равнодушием меня отталкивала.

Я так страстно желал сделать из нее истинную жену, жену художника-поэта!

Но нет!... Она ничего не понимала. Я мог читать ей великих поэтов, их стихи проходили мимо ее ушей!

Я старался объяснить ей, что нет на свете ничего красивее поэзии, которая есть сущность бытия.

О! эта насмешливая улыбка на ее лице, ее снисходительный и пренебрежительный взгляд!

Можно было подумать, что имеешь дело с непроходимым глупцом.

Сколько бесполезного труда и слов было мною потрачено!

И не только поэзией она пренебрегала.

До нашей свадьбы я ее считал музыкальной. Казалось, она понимала вещи, которые играет.

Но как только мы поженились, она больше не открывала рояля и забыла музыку.

Можно ли себе представить что-нибудь более печальное, чем пренебрежение молодой женщиной, всем тем, что так нравилось в ней, когда она была девушкой? – Урок сдан, роль сыграна, и женщина снимает свою маску.

Сначала я думал развить в ней стремление к изящному, довести ее до понимания искусства, хотел сделать ее душу возвышенной, благородной...

Но что поделаешь с женщиной, которая не читает книг, не любит картину, не хочет развиваться?

Я скоро увидел, что в желаниях надо ограничиваться тем, чтобы иметь у себя хозяйку дома. Я смирился: так много поэтов в моем положении!

Но она не удовлетворялась скромной ролью хозяйки.

Она постаралась удалить от меня всех моих друзей; при ней мы, не стесняясь, рассуждали о задачах поэзии, передавались нашим фантазиям.

Это все ее только смущало и раздражало. Сидя в темном углу залы, она прислушивалась, не говоря ни слова, утешая себя мыслью, что она скоро, какой-нибудь грубой выходкой, выпроводит всех этих людей, которые были ей в тягость.

Несмотря на радушие, с которым я их принимал, друзья мои скоро заметили недружелюбное отношение моей жены, которая казалось, говорила им своим упорным молчанием, что они могут уйти.

Моих друзей, нужных мне, она заменила своими. Скоро я очутился среди общества, ничего не смыслящего в искусстве, скучающего и глубоко презирающего поэзию, потому что «она не приносит доходов».

Зарабатывать деньги – это все для этих людей! Я страдаю от сознания, что и моя жена принадлежит к ним.

Пятнадцать тысяч франков ренты! Мне казалось, что мы на эти деньги прекрасно проживем. Но нет! Я всегда слышу, как она жалуется, говорит о необходимости увеличить доходы и то и дело предлагает мне выгодные должности.

По мере того, как жена приставала ко мне со своими глупыми требованиями; я все больше и больше углублялся в работу, в которой находил свой отдых.

Часто она приходила к моему столу и перелистывала, не читая начатые стихи. «К чему это?» - говорила она и считала, сколько часов я на это потратил.

Когда я вспоминаю, что я когда-то отдал этой женщине свое сердце, что на ней сосредотачивались все мои мечты; когда я вспоминаю, что возбуждаю

в ней неприязненные чувства тем, что, не зарабатывая денег – мне становится стыдно и за нее и за себя.

Я не зарабатываю денег! Этим объясняется все, даже то, что она нашла мне должность – я не знаю какую – в бюро у министра.

Но я тверд в своем убеждении, не смотря на ее нападки и попытки меня переубедить. Часами она может стоять и говорить – это ни к чему не поведет!

Итак, мы приговорены к совместной жизни, хотя нас разделяет пропасть...

И мы, малодушные, не можем сделать тот решительный шаг, который бы нас разделил. И эта ужасная пытка красной нитью пройдет через всю жизнь.... Это ужасно!!

А.Р. Сак.

Коппе Франсуа (Coppée François, 1842–1908)**Прощаю!****(С французского)**

(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1894. № 47 (27 апреля). С. 1–3).

Вот уже полгода Тони Робек живет в своей каморке на улице Делаамбр, в доме, сверху донизу наполненном такими же ремесленниками, как и он. Соседи считают его вдовцом, но овдовевшим не особенно давно, так как с ним живет его маленький шестилетний сынишка, хорошенький и чистенький, словно наряжает его ежедневно добрая и любящая рука матери. Одного только соседи не могут понять, почему нет черного крепа ни на шапке отца, ни у сына.

Каждое утро Тони Робек отправляется в типографию в Латинском квартале, где он состоит наборщиком. На руках у него маленький Андрие протирает заспанные глазенки. Они расстаются в передней одной из соседних школ, где Андрие встречает целая стая товарищей. Долго грустно-задумчивый Тони Робек смотрит вслед улепетывающей с криком и шумом детворе... Таким же образом в урочный час возвращаются отец с сыном в свою квартиру с тою только разницей, что левая рука отца нагружена теперь всем необходимым для обеда, и до следующего утра дверь их квартиры затворяется.

– Этот интересный вдовец должен снова жениться. Вот попиrowали бы! – говорили сострадательные соседки, не без удовольствия поглядывая на бледное, но еще красивое лицо сорокалетнего вдовца, окаймленное черной бородой, в которой кой-где серебрилась уже седина, и на добрые глаза, правда печальные и утомленные, но не лишены еще юношеского блеска. А ведь он нашел бы себе хорошую невесту, которая, конечно, не бросила бы его маленького Андрие... А вы заметили, как он за ним ухаживает, ведь на мальчонке ни дырочки, ни пятнышка... По всему видно, что обстоятельный человек. Наверное, он откладывает кое-что ежедневно из своих десяти франков...

Со стороны самых интересных соседок не было недостатка в попытках завести с ним знакомство, что, пожалуй, и нетрудно было сделать, но Тони обладал прекрасным секретом приветствовать на лестнице желающих с ним познакомиться, так что сразу отбивал охоту к подобным и на будущее время.

В воскресенье отец и сын, принарядившись, отправлялись гулять; и их можно было встретить в столь многочисленных в Париже музеях, в *jardin des Plantes*, а в предобеденное время – в маленьком кафе их квартала, где Тони потягивал, смакуя, с видом знатока, стакан славного, крепкого абсента – единственная роскошь, которую позволял он себе раз в неделю, – а маленький Андрие, усевшись у его ног, перелистывал картинки иллюстрированных журналов.

– Нет, сударыни, этот вдовец никогда уже не женится более, – говорила привратница, подперши рукой щеку и грустно качая головой – она была немного сентиментальна. В прошлое воскресенье я встретила его на Монпарнасском кладбище. Там, по всей вероятности, могила его жены... И он, должно быть, благоговеет пред памятью покойной... Это редкостное в наше время явление, но это так... Да! Бедный, неутешный Тони!..

Да! Тони Робек любил свою жену. И правда, он потерял ее и даже, действительно, не находил утешение в своей потере. Но вдовцом Тони не был.

История его любви слишком незатейливая и обыкновенная история. Добросовестный рабочий, Тони не мог даже надеяться на то, чтобы быть когда-нибудь хотя посредственным мастером и иметь солидное обеспечение, а потому о женитьбе он подумал лишь тогда, когда ему стукнуло тридцать лет. Жениться ему следовало бы на девушке рассудительной, знакомой, как и он, с нуждой и лишениями. Но что же поделаешь с этой легкомысленной вертушкой – любовью?! Тони потерял голову, а вскоре сложил и сердце, и руку у ног кокетливой, семнадцатилетней цветочницы, хорошенькая головка которой была полна мечтами о не менее хорошеньких туалетах, а маленькие розовенькие пальчики умели делать одни только прелестные розочки, гиацинты и наряжать их обладательницу при помощи трех, четырех лоскутков

с роскошью, по меньшей мере, принцессы, но больше... больше эти пальчики не могли, не умели... да и не хотели ничего делать!

Бережливый Тони имел в своей кубышке небольшое сбережение, на которое он обзавелся прехорошеньким хозяйством и приобрел за 25 франков в предместье Saint-Antoine – роскошный шкаф с зеркальной дверцей, в котором Клементина могла видеть с ног до головы свою хорошенькую фигурку.

В один из роскошных весенних дней их повенчали. Как они любили друг друга! Их раем были две комнатки в пятом этаже на бульваре Port-Royal с кусочком балкона, с которого можно было любоваться целым Парижем. Каждый вечер выходил Тони Робек из своей типографии, эффектно прикрывая плащом рабочую куртку, и с видом довольного буржуа поджидал на конце моста Saints-Peres свою маленькую, миленькую женку, которая должна была возвращаться из улицы Saint-Henore, где находилась ее мастерская. Немного времени спустя они шли уже в свою квартиру под руку, весело болтая, предвкушая аппетитный обед и веселый вечер с глазу на глаз. Но в особенности хороши были воскресенья. Слишком большое уже счастье было для них быть всегда вместе; они дорожили этим счастьем и не выходили в воскресенье даже из своей квартиры. Хороший вкусный завтрак, открытое окно на громадный, полный непонятной суеты и движенья город, синее воскресное небо, и под этим небом они двое, их любовь, счастье, счастье без конца... В то время как Тони попивал кофе и благодушно зажигал сигаретку, Клементина поливала на балконе цветы. Но она была так очаровательна, что Тони невольно соскакивал со стула, со всех ног мчался к ней на помощь и принимался целовать ее шею, глаза, уши... «Да будет же... противный... несносный!» – вырывалось среди поцелуев.

Скоро у них родился ребенок, которого отец и мать после длинных рассуждений решили назвать Феликсом. «Феликс – ведь это значит счастливый, – говорила Клементина. – Ну, конечно, он будет счастливый». Из ее маленького рая ей весь мир казался счастливый. Каждые две недели они вместе ходили смотреть своего Феликса к кормилице в Margancy, но через год ребенок умер от каких-то конвульсий. Впрочем, на смену Феликсу явился

Андрие, которого утешившаяся мать решила кормить сама. Для этого надо было покинуть мастерскую, брать работу на дом и поменьше тратить времени на туалет. Но зато с какой гордостью она прогуливалась в Люксембургском саду, подгоняя впереди себя камышовую колясочку со своим крошкой. Тони работал за четверых, занимался по ночам в редакции одного журнала. Хозяйственные расходы были сокращены, но тем не менее им пришлось задолжать. Когда же Андрие стал подрастать, так что его стали отправлять даже в школу, дела их должны были бы, по-видимому, поправиться, но Клементина, освобожденная воловьими трудами своего мужа от излишних занятий, и ни мало не утратившая за это время желаний пококетничать, приобрела пагубную привычку прогуливаться в Люксембургском саду, на бульварах, и дома стала все более и более скучать... Можете ли вы себе представить бедного мужа, преждевременно состарившегося, истомленного нуждой, непосильным трудом, постоянными заботами о милой Клементине, и эту безумную двадцатилетнюю головку, скучающую по нарядной толпе и тем взглядам, какие выпадали на ее долю на бульварах?

Однажды вечером, возвратившись со своим сыном, которого он захватил по дороге из школы домой, Тони Робек нашел на камине письмо, при распечатывании которого выпало обручальное кольцо Клементины.

В этом письме она прощалась с ним и сыном и просила их забыть ее навсегда.

Прекрасная читательница. Мы привыкли восторгаться отвратительными вердиктами, которые выносит суд мужу, убивающему жену в припадке ревности: ведь тут красивая психологическая драма, интересное «преступление по страсти»... Неудивительно, если нам, прелестная очаровательница, Тони покажется смешным. Он не спешил отомстить изменнице... Нет, он был опечален более, чем взбешен. Он долго плакал, и когда Андрие спросил его: «Где мама? Скоро ли она воротится обедать?» – он страстно обнял сына и, отвернувшись, ответил: «Мама долго не придет к нам, Андрие... Молись за нее пуще, мой милый мальчик».

Клементина убежала в первых числах мая, лишь только потянуло в воздухе расцветающей сиренью, а в кустах раздались первые трели пернатых певцов... О, как ужасен бывает иногда аромат лилии!.. К началу июля Тони уже распродал все свое имущество, чтобы расплатиться с долгами, и поселился на улице Делаамбр, желая уйти подальше от назойливых вопросов и взглядов... Таково-то было вдовство Тони.

В конце сентября Тони Робек получил от своей жены бессвязное письмо на целых четырех листах, в котором было все – отчаяние, слезы, ненависть... Сманивший ее, студент медицины, вот уже пять недель как уехал на вакач к своим родным куда-то на юг и канул, как в воду. Она также покинута, забыта, изменница! Она раскаивается, плачет, молит о прощении... Каково было читать это бедному Тони? – но успокойтесь все обладатели душевных качеств венецианского мавра: у Тони хватило, однако, столько гордости, чтобы ответить на письмо молчанием.

До самой Пасхи он не имел никаких известий от Клементины.

В Светлый день вот уже в течение нескольких лет он имел трогательное обыкновение вместе с женой уносить букет фиалок и роз на могилу их первенца Феликса.

В нынешнем году ему приходилось сделать это с одним Андрие. И вот, лишь только он отворил дверь кладбища, ему невольно вспомнилась Клементина и он уже не мог отогнать от себя грустных мыслей: «Где-то она встретила Пасху? Что с ней? Увидятся ли они когда-либо?»

Но, отыскавши, хотя и с немалым трудом, могилу Феликса, он с изумлением заметил на могильной плите три или четыре игрушки, какие обыкновенно дарят самым бедным детям; – они, очевидно, лежали тут недолго, так как были совершенно новенькие и куплены по всем признакам сегодня же.

– Ах, папа, игрушки, – радостно вскрикнул Андрие при виде восхитительной находки.

Отец, заметивший воткнутый в одну из игрушек клочок бумаги, наклонился и прочел следующие слова, почерк которых ему был хорошо

знаком: «Андрие от его брата Феликса, который теперь там, на небе, вместе со Страдальцем».

Но вдруг Андрие крепко прижался к отцу и испуганно прошептал: «Мама!»... В нескольких шагах от них под группой кипарисов Тони увидал склонившуюся на колени жену в более чем бедной одежде, с бледным, испитым лицом и с взглядом, который молил, каялся, страдал и снова молил...

Не думаю, чтобы Тони слишком много думал в эту минуту о Том, Кто воскрес в этот день и всей своей жизнью учил нас прощать. Он не был настолько религиозен, но его простое сердце не выдержало. После небольшого замешательства, под наплывом сострадания к этой жалкой женщине, в которой не было уже старой Клементины, он толкнул к ней мальчика.

– Андрие, – сказал он, – иди, обними свою маму!

Клементина нервно схватила сына в дрожащие объятия и покрыла поцелуями его глаза, лоб, волосы и все лицо.

– Как вы добры, – опомнившись, прошептала она.

Но Тони стоял уже возле нее.

– Молчи... и дай мне руку, – сухо, почти сурово сказал он. И они быстро направились к улице Делаамбр, которая была вблизи кладбища.

Тони снова чувствовал, как в его руке дрожит рука Клементины. Андрие бойко бежал за ними, восторгаясь своими игрушками.

– Сударыня, – сказал Тони привратнице того дома, где он жил, – вот моя жена, которая шесть месяцев провела в провинции у своей больной матери.

Когда они поднимались на лестницу, Тони должен был почти донести несчастную – она задыхалась от рыданий.

Войдя в свою комнату, Тони усадил ее на единственное, имевшееся у него, кресло, посадил к ней на колена ребенка, открыл ящик комода, достал из него старую картонку, в которой хранилось его обручальное кольцо, торжественно надел его на палец Клементины и затем также торжественно поцеловал ее в лоб... И ни одного упрека, ни одного случайно брошенного слова о прошлом...

А. Михайлович.

Кусок хлеба

(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1898. № 209 (29 сентября). С. 2).

Молодой князь de-Hardimont пребывал в купальнях «Aix», когда газеты принесли известие о несчастье под Рейхсгофеном. Известие это прочитал он во время завтрака. Он приказал камердинеру сложить вещи и спустя два часа был уже по дороге в Париж. В Париже он вступил в рядовые.

Хотя с 19 до 25 года своей жизни князь наслаждался роскошью, но он, однако, не забыл, что должен отчизне и памяти предков. Несчастье под Рейхсгофеном огорчило его и разбудило в нем рыцарское чувство.

***

В начале ноября князь вернулся с полком в Париж, который назначен был для защиты наскоро укрепленной местности.

Окрестность эта пустынна и угрюма. При дороге, тянущейся среди обнаженных полей, стоял постоялый двор, служивший теперь казармой. Два дня тому назад произошло здесь сражение. На обнаженных деревьях виднелись следы выстрелов. Крыша была продырявлена пулями. Казалось, на стенах виднелись следы крови. Над этой угрюмой местностью простиралось свинцовое небо, затянутое медленно двигавшимися тучами.

Молодой князь стоял у входа в постоялый двор с карабином через плечо. Сдвинув кепи на глаза, запрятав руки в карманы красных панталон, он щелкал зубами от холода.

Невеселые мысли о разорении отчизны толпились в мозгу, а глаза, устремленные вдаль, казалось, ожидали, что вот-вот пушки Круина начнут извергать убийственный огонь.

Скоро князь почувствовал голод. Став на колени, он достал из ранца солдатский хлеб и принялся его жевать. Но аппетит также скоро пропал, как и появился: хлеб был кислый и твердый. С каким бы теперь удовольствием съел князь хотя бы кусочек жаркого и выпил бутылку вина. Хлеб казался ему все худшим и, наконец, выведенный из терпения, он бросил его на землю.

Выходивший в это время из постоянного двора солдат увидел это и поднял хлеб, а отойдя в сторону, обтер его и с жадностью начал есть.

Князь покраснел и с сочувствием посматривал на товарища по службе. Это был высокий юноша, плохо сложенный и сухой, как скелет.

– Наверно, ты очень голоден, товарищ? – спросил князь солдата.

– Немного, – пробормотал солдат, продолжая жевать хлеб.

– Прости мне, если бы я знал, не бросил бы на землю...

– А разве это мешает? Я не господин, – ответил солдат.

– Во всяком случае, я плохо поступил и жалею об этом. Чтобы поправить это, выпьем со мною коньяку; немного его осталось в манерке. Ну что, согласен? – спросил князь.

Солдат перестал есть хлеб, и они оба глотнули из манерки.

– Как тебя звать? – спросил солдат.

– Гардимонт, а ты?

– Jean Victor, – отвечал солдат. – Я только что прибыл в компанию. Возвращаюсь из госпиталя... Я был ранен под Хатиллон. Ах, как там было хорошо! Там я получал хороший суп из лошадиного мяса... Но рана была небольшая, зажила скоро, и майор велел возвращаться в ряды. Теперь опять придется испытывать голод... Я ведь, товарищ, всю жизнь голодал.

Услышав эти слова, князь содрогнулся, взглянул на товарища с ужасом и сочувствием. Лицо солдата исказилось чем-то вроде улыбки.

– Послушай, господин, – продолжал солдат, – расскажу я тебе вещи, о которых, вероятно, ты еще не слышал. Но пройдемся, может, согреемся.

– Называюсь я Jean Victor, – продолжал солдат. – Не знаю ни отца, ни матери... Я подкидыш, а воспитывался в монастыре. Помню мою кроватку, убранную в белую постель, раскидистые деревья в большом саду, под которыми играл я с товарищами, молодую, бледную, страдавшую грудью монашку, которой был я любимец... Часто ходил я с ней по саду, и это было для меня приятнее, чем играть с детьми... Не раз она клала свою горячую исхудалую руку на мою голову... Слова ее глубоко запали в мою память...

Так дошел я до 12 года жизни и после первой исповеди отдан был выплетальщику тростей для изучения этого дела. И вот начались мои страдания. Три года у мастера я терпел постоянный голод. Три года!.. Вы удивились, видя меня поднимающим кусок хлеба с земли. Привык я давно к этому. Собирал я куски и крохи, бросаемые учениками на улицу, а если они были очень сухие, то мочил их всю ночь в воде, и утром съедал, как сладкое кушанье...

Научился я ремеслу, которое не давало мне хлеба. А я так желал трудиться. Брался я за все: был я и помощником у каменщиков, подметал улицы... да Бог знает, чем я только ни был. Но вместе с тем часто не хватало работы, и досыта никогда я не мог наесться. Иногда, когда я проходил мимо пекарни, дьявол шептал мне на ухо плохую мысль, но мне вспоминались нравоучения монашки, и казалось мне тогда, что я чувствую ее руку на своей голове... Наконец, в 18 лет я сделался солдатом. Я надеялся отдохнуть... Но вот затянулась осада и опять голод. Так вот, господин, я сказал правду, что всю жизнь был голоден.

***

Рассказ этот тронул князя до глубины души. Две слезы заблестали в его глазах.

– Виктор, – заговорил князь, – если нам Бог даст счастливо окончить компанию, то встретимся опять, и тогда я, может, буду тебе полезным; пока же будем делиться с тобою моей порцией, которая для меня велика.

Они сердечно пожали друг другу руки, а так как уже наступила ночь, то вошли в избу, где отдыхали на соломе товарищи, и легли рядом с ними.

Около полуночи Виктор проснулся, – вероятно, почувствовал голод. Ветер разогнал тучи, и луна заглянула сквозь окно, осветив голову князя. Виктор посматривал на него и думал о великой доброте молодого господина. Вошел сержант и позвал пять солдат на смену караула; в числе их должен был находиться и князь.

– Гардимонт, вставай! – повторил сержант, но князь даже не пошевелился.

– Если позволите, господин сержант, то я его заступлю... он так хорошо спит; я его друг, – сказал Виктор.

– Хорошо, если желаешь, – ответил сержант.

Спустя полчаса послышались выстрелы. В одну минуту все солдаты стояли под ружьем и осторожно с карабинами в руках двинулись дорогой, освещенной лучами луны.

– Который час, – спросил князь, – с полуночи я имел идти на караул.

– Виктор пошел за тебя, – отвечал какой-то солдат.

Вдруг прибежал солдат с караула.

– Что случилось?

– Немцы напали! – отвечал, задыхаясь, солдат, – нужно защищать укрепления.

– А наш караул?

– Возвращается, только Виктор...

– Что? – крикнул вопросительно князь.

– Упал на месте от первого выстрела.

***

Однажды зимою около двух часов ночи князь Гардимонт возвращался из клуба со своим другом графом де-Саульнес. Он проиграл несколько сот луидоров и был немного не в духе.

– Пойдем домой пешком, я хочу подышать свежим воздухом, – сказал князь своему товарищу.

– Хорошо, хотя мостовая немного твердая.

Они отослали карету, поставили воротники шуб и пустились в дорогу. Вдруг князь почувствовал какой-то предмет под ногами. Он наклонился и увидел загрязненный кусок хлеба. Подняв его, он обтер платком и положил на скамейку.

– Что ты делаешь? – спросил удивленный граф.

– Это воспоминание о человеке, который отдал за меня свою жизнь, – ответил смущенный князь. – Не смейся – ты меня глубоко этим огорчаешь.

И.М. О-вич.

Ревность**(Записки заключенного)**

(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1900. № 54 (9 марта). С. 2;

№ 58 (14 марта) С. 2).

Завтра утром оканчивается шестимесячный срок заключения, к которому я был приговорен за кражу двух тысяч франков из кассы моего патрона. Завтра утром мое преступление будет считаться искупленным, наказание отбытым.

В восемь часов тюремный страж войдет в мою камеру. Он принесет мне платье, которое я должен был переменить на арестантский костюм, войдя сюда.

Я помню, оно было совсем новое, и когда я надену его, я буду таким же, как и все другие, и даже буду иметь вид довольно элегантный. Мне останется только пройти в тюремную канцелярию, где возьмут мою подпись, и затем отправиться к Маргарите, которая обещала ждать меня в фиакре у тюремных ворот. Я буду свободен!

Я буду свободен и могу быть еще счастливым, потому что Маргарита, для которой я совершил воровство, клянется мне в своем вчерашнем письме, что она все еще любит меня, и что мы будем жить по-прежнему, как супруги. В этом огромном Париже, где легко можно скрыть свое прошлое, человеку, как я, обладающему энергией, довольно представительной наружностью и врожденной способностью к коммерции, – до случившегося несчастья мой патрон хотел даже взять меня в компаньоны, – такому человеку нетрудно найти какое-нибудь подходящее место. Я чувствую в себе смелость и мужество и готов работать, как омнибусная лошадь, чтобы обеспечить свою жизнь и жизнь Маргариты.

Но отложим эти серьезные вопросы. Будем думать только о завтрашнем дне, в котором я уверен. Как только переступлю я порог тюрьмы, я увижу в глубине экипажа хорошенькое личико Маргариты, бледное от волнения под

своею вуалью. Я скажу кучеру адрес дам ему сто су, чтобы он ехал поскорее; вскочу в фиакр, который быстро помчит нас. Бедная Маргарита вся в слезах упадет ко мне на грудь. Каким поцелуем обменяемся мы!

Мы войдем к себе, в нашу комнату верхнего этажа, из окна которой виден весь Люксембургский сад. В этот чудный конец сентября, ясный и чистый, деревья должны быть восхитительны со своими пожелтевшими листьями. Мы накроем стол подле открытого окна. Нежный солнечный луч будет скользить по белой скатерти, освещать посуду, и мы будем весело обедать, не отрывая друг от друга глаз, будем молчать, умиленные, растроганные, или же болтать без умолку и строить тысячу проектов. Налив мне кофе, Маргарита присядет возле меня, как делала это раньше. Она положит обе руки на мое плечо, обопрется своим хорошеньким подбородком и будет смотреть мне в глаз. Я буду слышать ее дыхание, буду чувствовать аромат ее белокурых волос, которые будут щекотать мои губы... и я нежно и горячо заключу ее в свои объятия.

Да! Вот что будет завтра, после шести месяцев одиночества, ужасного одиночества! Вот что я могу иметь завтра, если захочу. Свобода, счастье и любовь!

Ну, так ничего же этого не будет.

Я лишу себя жизни сейчас же, как только испишу эти несколько листков, на которых я попытаюсь объяснить самому себе причину моей непреодолимой потребности умереть. О, страж, который, вопреки правилам, охотно продал мне свечу, при свете которой я пишу эти строки, будет очень удивлен, когда придет ко мне завтра, чтобы вывести меня на свободу, и увидит меня висящим на одной из этих перекладин, холодного уже, почерневшим, с высунутым языком... И все это именно так и случится. Я повешусь в двенадцать часов ночи.

Постараемся разобраться в чувствах, волнующих меня.

Прежде всего, должен в этом сознаться, мое преступление не вызывает во мне укоров совести. А между тем, я низко злоупотребил доверием, я

обокрал человека, который был всегда справедлив и добр по отношению ко мне, который щедро оплачивал мою работу, заботился о моем будущем, уважал меня настолько, что хотел сделать меня компаньоном в своем деле. И тем не менее, к чему мне это скрывать, я не чувствую раскаяния. Возможно ли повторение этого?.. Да, если бы я чувствовал руку Маргариты, дрожащей в моей руке в то время, когда мы стояли перед витриной ювелира, если бы я видел ее глаза, жадно устремленные на маленький браслет с бриллиантами, я бы еще раз украл из кассы эти сто луидоров и купил бы ей этот браслет. Преступник я или сумасшедший? Но я повторил бы то, что сделал уже раз.

О, эта женщина! Как быстро вспыхнула моя любовь к ней, при первом взгляде!

Я помню все. Два моих приятеля предложили мне отправиться на бал, бывших в одном из салонов Монмартра. Сначала я было отказался, чувствовал себя усталым, и мне хотелось лечь пораньше. Но они настаивали, и я уступил им.

Оркестр играл польку, вульгарный мотив которой резко подчеркивался *cornet a piston*. Несколько пар танцевало, толпа ходила взад и вперед между тощими деревьями, казавшимися при свете газ декоративными. Навстречу нам шли две женщины. Более высокая из них, брюнетка, с нарумяненным лицом – типичная посетительница садовых балов – знала одного из моих товарищей и потребовала, чтобы он угостил ее вином. Мы уселись за стол, причем я занял место подле другой женщины, блондинки, покоренный уже ее нежным грациозным лицом, ее сдержанной, почти застенчивой манерой держаться. Было видно, что она только недавно стала посещать подобные собрания. Никаких украшений, – простенькое черное платье, уже поношенное, платье честной девушки.

Только одна шляпа, оригинально изогнутый фетр с розовым пером, давал подойти к ней первому встречному и сказать: «Хочешь ужинать?» Шляпа эта была своего рода вывеской.

Мы разговорились: голос ее был также нежен, как и глаза. Ни малейшего цинизма. Один из моих товарищей обратился к ней с каким-то грубым комплиментом, она ответила на него смущенной лишь улыбкой, в которой выразились в одно время и вежливость, и решимость, и отвращение. Она производила всей своей особой чарующее впечатление и в то же время возбуждала жалость; мне невольно пришло в голову сравнение, хотя я совсем не поэт, с отражением звезд в ручье. И в первом поцелуе, которым мы обменялись, очутившись вдвоем в экипаже в тот вечер, с моей стороны была уже нежность.

Я чувствую до сих пор ее горячие слезы, которые она проливала, склонившись ко мне на плечо и рассказывая о своем ужасном детстве, протекшем на тротуарах Парижа, о своей молодости, полной лишений, о своем неизбежном, надрывающем душу падении. После этой ночи я вырвал Маргариту из постыдной нищеты и поселил ее у себя.

Это было безумие. Единственными моими средствами было жалованье кассира в магазине «Petit Saint-Germain». Тем не менее, если бы Маргарита была несколько экономна, можно было как-нибудь устроиться жить. Но ничего подобного не было.

Кроткая и нежная по натуре, с холодным сердцем и горячей кровью, опустившаяся до разврата скорее по слабости, чем по склонности, Маргарита была истинной парижской гризеткой, ленивой и обожающей наряды, валяющейся на кровати, уткнувшись носом в роман, готовой целую неделю питаться одним салатом, чтобы купить себе шелковую пару чулок.

Вскоре мое маленькое хозяйство пришло в полнейшее расстройство. Вечером, когда я возвращался из магазина, я застал Маргариту в утреннем капоте, еще только предполагающую заняться своим туалетом. Об ужине она и не думала, и приходилось посылать консьержа за колбасой или ветчиной. Когда я пытался дать ей некоторые советы, упрекнуть ее в нерадении, она говорила мне совсем просто, не сердясь: «Я отлично знаю, что я не такая

женщина, какую тебе надо... Что ж делать? Оставь меня. Я не буду иметь права жаловаться».

И я не знал, что ответить, злясь при мысли, что она совсем не дорожит мною, тогда как я не могу обойтись без нее.

Оставить ее? Я думал об этом иногда в первое время. Но мысль, что она холодно простится со мной, что она в тот же вечер отправится на этот ужасный бал, откуда я извлек ее, и что кто-нибудь увезет ее к себе за одну или две двадцатифранковые монеты... О! эта мысль была для меня невыносимой. Оставить ее! Да, когда я подумаю, что я могу не видеть ее, не ощущать возле себя, я готов прийти в отчаяние. За несколько недель, проведенных мною с этой женщиной, мое чувство к ней приобрело горячность страсти, силу привычки.

Я любил ее! Любил! Она владела мною безраздельно.

Когда я познакомился с Маргаритой, она жила в крошечном номере меблированных комнат и имела самое небольшое количество белья, простенькое, заношенное платье, надетое на ней, и эту ужасную шляпу с розовым пером, служившую для нее вывеской на публичных балах. Чтобы одеть ее более прилично, чтобы сделать ей маленькое приданное, я истратил все мои маленькие сбережения и даже несколько задолжал. Ее беспорядочность, отсутствие всякой заботливости, новые издержки, которые приходилось делать, чтобы рассеяться, повести на спектакль, в кафе-концерт, я боялся, что она покинет меня с тоски, быстро завершили мое разорение. Я должен был довольно большие суммы моим товарищам. Но я не поверял моих забот и опасений Маргарите.

Чему бы это помогло? Она еще раз сказала бы мне, я это предвидел, своим кротким, безропотным голосом: «Чего же ты хочешь от меня? Ну, расстанемся». Я силился не думать о грозящей катастрофе, старался казаться беззаботным, находясь подле Маргариты, устраивал с нею *parties de plaisir*, как только у меня имелось хоть немного денег. Но в глубине души я страшился будущего.

Обыкновенно, находясь в моем отчаянном положении, испытывают счастье в игре. Я мог сделать это тем более легко, что служащие «Petit-Saint-Germain» постоянно говорили при мне о своих выигрышах и проигрышах на бегах и скачках, за которыми они следили с увлечением. Однажды заведывающий шелковым отделением, который всегда был очень счастлив в своих пари, утверждал, что он имеет относительно исхода предстоящих скачек очень ценные указания от одного из жокеев. По словам этого жокея, приз возьмет совсем неизвестная лошадь, Grain-de-Sel, и те, которые будут держать за нее, выиграют в десять раз больше, чем их ставка.

Тщетно приказчик из отделения белья перечислял достоинства своей любимой лошади Sept-de-Pique, заведующий шелковым отделением утверждал, что победа будет за Grain-de-Sel, и рассказывал при этом с таинственным видом какую-то грязную конюшенную интригу, которая собственно и обеспечивала победу за названной им лошадью.

Такая уверенность взволновала меня.

Если бы у меня еще сохранился мой билет в 500 франков, находившийся в моей конторке в то время, как Маргарита переселилась ко мне, я бы непременно рискнул им. Увеличение ставки в десять раз! Пять тысяч франков!.. Уплата всех долгов, спокойствие, довольство, спокойное обладание Маргаритой в продолжение долгих месяцев. Но в моем портмоне было только два луидора. Я отогнал от себя движением плеч эти мечты.

Я дал обещание Маргарите пойти с нею в этот вечер в Folies Bererge, где производили фурор какие-то странные клоуны. Мы пошли туда пешком, под руку, чтобы не издерживаться на фиакр, и проходили мимо витрин Пале-Рояля. Маргарита не была бы женщиной, если бы она не остановилась два-три раза около ювелирных витрин. Она указала мне на тоненький porte Bonheur, украшенный бриллиантами, который возбуждал ее восторг.

– Скажи, пожалуйста, сколько может стоить этот маленький браслет?

– Пятьдесят луидоров, не меньше, – отвечал я. Она медленно отошла от витрины с грустным выражением лица.

– Пойдем, – сказала она, – эти безделушки не для нас.

Как раз в эту самую минуту, точно прозревая будущее, я вспомнил вдруг об интриге, рассказанной моим товарищем. Я верил беспредельно в успех Grain-de-Sel, и у меня мгновенно явилось искушение взять из кассы две тысячи франков, купить браслет Маргарите, а остальное употребить на ставку.

Я придумывал средства, чтобы замаскировать на несколько дней совершенную кражу, пока я не возвращу обратно денег, выиграв их на скачках. Я воображал себя свободным от всех забот, с карманами, набитыми золотом, сидящим с моей возлюбленной в ложе театра, или обедающим с нею в лучшем ресторане.

Все это промелькнуло в моей голове в одну минуту, раньше, чем Маргарита отошла от ослепительной витрины.

Я увлек ее, сжимая ее руку, ускоряя шаги, с сердцем, усиленно бившимся. Вдруг я почувствовал, точно какой-то удар в голову и в то же время у меня вырвались слова:

«А что, если я не выиграю?»

Я взглянул на Маргариту. К счастью, она смотрела в другую сторону, в сторону ослепительных витрин, и ничего не заметила. Но в зеркале магазина я с ужасом увидел лицо безумца, похожее на меня.

Сильным усилием воли мне удалось овладеть собой.

Ну что ж? Если я не выиграю?.. Я отправлюсь с поникшей головой на скамью подсудимых. Я буду приговорен к аресту, к ссылке, может быть... Но без риска ничто не дается. А в случае несчастья этот мой поступок будет служить для этой женщины, сделавшей меня своим рабом, но холодного сердца которой я не сумел воспламенить, будет служить ужасающим доказательством моей любви к ней, и, может быть, она полюбит меня, наконец, может быть, и она в свою очередь будет страдать, когда узнает, что я совершил воровство для нее!..

Но время уходит... К чему передавать нравственную борьбу и душевную бурю, в которой потерпела крушение моя прежняя честность? К

чему рассказывать подробности моего преступления? К чему говорить об ужасном волнении, которое испытывал я, смотря на бег двух лошадей, яростно стегаемых их жокеями, и слыша, как аплодирует толпа *sert-de-Pique*, которая пришла раньше *Grain-de-Sel* на целую голову? Преступление мое было раскрыто. Я был арестован, предан суду, приговорен и заключен, наконец, в эту тюрьму, где я испытал самые ужасные мучения и откуда я выйду только мертвым.

О, да! Самые ужасные мучения. Не от угрызений совести, не от раскаяния, повторяю это, не от потери свободы, не от сообщества с преступниками. О! нет, мучения большие, гораздо большие, мучения ревности!..

Я никогда еще не испытывал мучений этого ужаснейшего чувства, ревности. Маргарита за пять месяцев, которые провели с ней вместе, ни разу не пробудила его во мне. Апатичная и ленивая, она проводила дома целый день, я имел на это доказательство, и вечером, когда мы выходили вместе на улицу, я ни разу не уловил у нее ни одного из тех приветливых взглядов, которые самая порядочная женщина, идя даже под руку с мужем, бросает первому встречному, который, ей кажется, нашел ее интересной. Маргарита не была ни капли кокеткой.

Более того, то, что я предвидел в ту минуту, как решался на преступление, случилось в действительности. Маргарита была глубоко тронута совершенным мною: она увидела в этом доказательство моей любви к ней. Прощаясь со мною, она проливала искренние слезы, обвиняя себя в том, что она погубила меня, и как только ей позволили навещать меня в тюрьме, — она назвалась моей сестрой, — я видел за решеткой в приемной побледневшее от горя лицо. Она, наконец, любила меня! Я был уверен в этом. Помню я наше первое свидание. Мы грустно смотрели друг на друга через железную решетку.

— Так ты меня любишь немного? — сказал я ей. — Это правда?

— Больше и лучше, чем прежде, ты видишь это.

– Ты прежде была так холодна со мной!

– То, что ты сделал, очень изменило меня... Могла ли я думать, что ты до такой степени любишь меня?.. Испытай и ты меня.

– Я хочу от тебя только одного...

– Чего же?

– Чтобы ты ждала моего освобождения и оставалась верной мне...

– Обещаю тебе это... клянусь тебе в этом!..

– Но как же ты будешь жить?

– Я буду работать.

– Ты, моя бедная Маргарита?

– Я училась шить... Ты увидишь.

Она пришла после этого через неделю, сняла перчатки и показала мне свои пальцы, исколотые иглой. Она достала, как сказала она мне, работу в один из модных магазинов. Она уже зарабатывала по сорок су в день, но скоро еще более наловчится и дойдет до трех франков.

– С этим можно жить, – добавила она, улыбаясь. – О! конечно, очень скромно, но я и не думаю ни о каких развлечениях... Теперь для меня важно одно... доставить удовольствие моему милому.

Эти слова «моему милому», которые она прежде произносила с таким равнодушием, так пошло, как говорила она, увы! всем своим любовникам, теперь были сказаны ею с самой нежною трогательной интонацией. Слезы навернулись у меня на глаза.

Что значило для меня заключение, что значил отвратительный суп из одной посуды с преступниками, бесконечные, бессонные ночи... Маргарита любила меня; она зарабатывала свой хлеб, чтобы остаться верной мне и ждала моего возвращения. Возможно ли это? Жалкий человек, я совершил воровство ради женщины, и потом, отбыв наказание, я найду уважение и защиту в объятиях этой самой женщины, но ставшей уже совершенно другой, перерожденной любовью и трудом, и которая теперь первая помешает мне пасть, поддержит меня, если бы снова явилось искушение. О, я мужественно и

бодро, без малейшей жалобы сносил свое заслуженное наказание. В самые тяжелые минуты моего заключения я думал о Маргарите, и надежда на счастье и блаженство наполняла мою душу и согревала меня, и мои ужасные компаньоны спрашивали, почему у меня такой счастливый вид и что вызывает на лице моем улыбку.

Это отрадное состояние души, – да! Одетый в арестантский костюм, осужденный, выслушивающий грубые понукания тюремных сторожей, я переживал в то время отрадные часы – это состояние души моей, этот период надежды продолжался целых два месяца. В продолжение этого времени Маргарита аккуратно являлась, чтобы видеться со мною раз в неделю, и при каждом ее посещении, длившемся не более часу, я с чувством невыразимой жалости смотрел на ее покрасневшие от поздней работы глаза, на похудевшие щеки, на бедные, исколотые пальцы и на ее платье, приходившее все в большую ветхость.

Однажды, – с этого времени и началось мое мучение, – она явилась в новом платье.

Сердце мое дрогнуло от подозрения. Но она посмотрела мне прямо в глаза и сказала, улыбаясь:

– Ах, ты смотришь на мое платье! Мне дала его Клотильда... Ты знаешь, Клотильда... приятельница, с которой я была, когда в первый раз встретилась с тобой. У нее теперь любовник, который делает для нее разные безумства. Увидя меня так бедно одетой, она подарила мне это платье, которое сама она надевала не более пяти-шести раз. Я только переделала его немного... Оно совсем как новое, не правда ли?

Это была ложь! Никогда с тех пор, как мы жили вместе, Маргарита не говорила мне о Клотильде, как о своей приятельнице. Раньше обе эти женщины жили в одном доме по соседству, ходили вместе на балы, и только. Я помню Клотильду немолодой и некрасивой девушкой, находившейся в бедности, которая могла бы произвести некоторую иллюзию разве только под румянами и за ужином с вином. Подобная особа не могла бы найти богатого

любовника, доставлявшего бы ей довольство и роскошь. Это была ложь, и если бы я в этом сомневался, я увидел бы доказательство этому в глазах Маргариты, которыми она нарочно глядела мне прямо в лицо и взгляд которых трепетал, а ресницы нервно дрожали... я узнал бы все в глазах этой обманщицы!..

Я готов был высказать ей все, что думал, готов был разразиться упреками, сделать сцену. Но я побоялся, что она не возвратится, и ничего не сказал.

Она продолжала нежно говорить со мной, рассказывала мне, что она зарабатывает теперь ежедневно по три франка пятьдесят, до четырех франков, что у нее много заботы, но что ей все-таки не хватает на жизнь, и она думает взять место. Она продолжала обманывать, я был уверен в этом.

Хотя внутри меня и клокотал гнев и отчаяние, но я нашел в себе силу остаться до конца спокойным. На всю ее болтовню я отвечал незначительными фразами. Она приписала, вероятно, мою молчаливость моему несчастному положению и рассталась со мною довольная, воображая, что провела меня.

Итак, Маргарита обманывала меня. В то время, когда я отбывал из-за нее наказание за воровство, она взяла себе любовника, что я говорю? она, может быть, продавала себя, как прежде, за тряпки! Теперь на ней новое платье, а на следующий раз, – готов руку отдать на отсечение, – у нее будут новые перчатки и свежая шляпа, и все ее лживые рассказы имеют целью подготовить меня к появлению новых туалетов. И она даже не подумала о том, чтобы, идя ко мне, надеть свой прежний костюм, или может быть и думала, но не захотела появляться на улице в поношенном платье! Нет! для нее приятнее сочинить тысячу нелепостей. Вероятно, она пожала плечами и сказала сама себе: «Тем хуже для него, если он мне не верит!». О, глупая, бесстыжая девушка! И из-за нее я сидел в заключении, и из-за нее я обесчестил себя!

Но если она способна на подобную низость, если она не любит меня, то зачем же видится со мною? А, черт возьми, из-за глупого милосердия, из-за

чувствительности; она точно носила бы апельсины в больницу больной привратнице.

Какой стыд! Она жалела меня!

Я провел ужасную неделю, непрерывно думая все об одном и том же. Затем меня вдруг охватил ужас: «Что, если она не придет в обычное время?» И тогда только по тому отчаянию, которое охватило меня при этом страхе, я понял, как, несмотря на все, дорога для меня Маргарита. Я дал себе клятву, которую и сдержал, скрыть от нее мою ревность, ничего не делать, не говорить такого, что могло бы выдать мои страдания и мои подозрения.

Она пришла, – о, я предсказывал это, – в хорошенькой весенней шляпе. Туалет ее был изящен; вид не усталый, цвет лица свежий. Нет, эта женщина не испытывала нужды и не снискивала себе пропитания работой днем и ночью в магазине.

Между тем она имела смелость... или доброту, – как знать? она, может быть, считает, что поступала хорошо, – сказать мне, что она очень довольна тем, как устроилась и что у нее есть две помощницы.

Тысяча новых обманов. Я радовался вместе с ней и, сообщив своему голосу самое ласковое выражение, я просил ее снять перчатку и положить на решетку, разделявшую нас, свою руку, чтобы я мог прикоснуться к ней губами. Она послушалась меня и, целуя ее руку, я увидел, что на пальцах ее уже не было следов иглы...

Но на тюремных часах бьет половина одиннадцатого. Мой огарок скоро догорит.

Поспешим.

Если бы у меня было достаточно времени, я бы с наслаждением проанализировал здесь все мучения, которые я испытал и которые можно резюмировать в этих двух словах, сочетание которых невольно заставит содрогнуться; ревнующий заключенный! Да! я бы с радостью описал все подробности страданий, которые доставлял мне каждый визит Маргариты.

Один из них в особенности. О, об этом я напишу, потому что это был самый жестокий, самый ужасный.

В этот день, поджидая Маргариту, я старался уверить себя, что я был слишком подозрителен по отношению к ней, что ничего нет невозможного в том, чтобы женщина зарабатывала настолько, чтобы купить себе новенькое платье и другие принадлежности туалета. Одна подробность, которая внезапно припомнилась мне, почти даже успокоила меня. Никогда на Маргарите, которая не скрывала от меня своих новых туалетов, – подумав хорошенько, я нашел, что и это даже может служить доказательством ее невинности, – никогда я не видел на Маргарите ни малейшего драгоценного украшения. Купленный мной на краденые деньги браслет был единственной драгоценностью, которою она когда-либо обладала. До тех же пор, имея какую-то инстинктивную антипатию ко всему фальшивому, бедная девушка ни разу не украсила своего туалета даже самой скромной безделушкой, и уши ее не были даже проколоты. Воспоминания об этой последней подробности меня глубоко трогало.

Да, но вспоминая о том, что пальцы не были украшены кольцами, я вспоминал также, что с некоторого времени они не носили на себе следов работы. Я говорил также себе, что она могла принимать драгоценные вещи и не надевать их, идя ко мне. Но в тот день я был склонен видеть и думать все хорошее, я хотел убедить себя в своей несправедливости, и среди тысяч предположений, пробегающих в моей голове, я останавливался только на таких, которые служили к оправданию Маргариты.

Она пришла в обычный час, и я, увидя ее издали, почувствовал, что все мои подозрения разлетаются. Но когда я очутился подле нее, – о! злая ирония предчувствий, сейчас же, при первом взгляде, я увидел у нее в ушах два маленьких отверстия, совсем свежие! У этой женщины, не носившей других камней, как настоящие, за которые я мог заплатить только украденными деньгами, теперь были драгоценности. Она носила в ушах жемчуг и

бриллианты, и то, что она не надела их теперь, было только доказательством ее деликатности по отношению ко мне.

С этого-то дня, когда у меня не осталось ни малейшего сомнения относительно измены Маргариты, с этого дня я решил покончить с собою.

Проходили длинные дни, в которые я мог совершить это, но, что поделаешь! Человек труслив, боится смерти и притом... притом, я должен признаться в этом, я все еще люблю эту женщину... О! я испытал приступ слабости! я думал о том, чтобы примириться со всем. Я смеялся надо собою, над своею ревностью: «Ты слишком щепетилен для вора» – говорил я сам себе. Но это сильнее меня. Мысль, что она обманула меня, что она продавалась кому-то или многим в продолжение всего этого времени, как я находился в тюрьме, в тюрьме из-за нее, приводит меня в бешенство...

Да! я мог бы, как говорил в начале этой рукописи, я мог бы завтра утром завтракать с нею в нашей маленькой комнате, возле окна, откуда виден огромный осенний сад с прекрасными пожелтевшими деревьями. О! это было бы восхитительно... но если бы я увидел вдруг в пепле камина окурок сигары ее любовника, бывшего накануне, я был бы способен схватить со стола нож и всадить ей в сердце.

Я не хочу стать убийцей. Достаточно быть вором. Лучше умереть.

Прощай, Маргарита! ты не злая, и, читая эти строки, ты, я уверен, заплачешь на минуту, но все забывается, и позже, когда один из твоих случайных любовников попросит тебя ради забавы рассказать свою жизнь, ты с гордостью передашь этот эпизод, потому что ты так же тщеславна, как и все женщины. Ты соскочишь босыми ногами с постели, вынешь эти листки из ящика комода, где они будут лежать вместе с твоими картами, станешь читать их своему гостю, гордая тем, что можешь доказать ему, что действительно один несчастный человек лишил себя жизни из-за тебя.

Ах! бьет полночь... Моя свеча догорает. Я уже скрутил, как веревку, простыню, а деревянная перекладка крепка. Смелее, и конец!

А. Ф–ман.

Воспоминания сына

(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1900. № 117 (1 июня). С. 2).

Вчера, приведя в порядок свою библиотеку, я нашел старую книгу, по которой моя мать учила меня читать.

Это была биография Людовика Святого, в простом кожаном переплете, данная в награду моей матери, когда она училась в школе. Связанная с воспоминаниями моего детства, эта книга была свидетельницей также и ее детских лет. Я перевертываю пожелтевшие от времени страницы, где читал, бывало, по складам – как медленно и с каким трудом! – слова, которые она показывала мне концом вязальной иголки, и вдруг мне приходит мысль, что над этими листами, когда-то очень давно, сидела, склонившись, маленькая девочка, и это была моя мать. Странная вещь! Эта мысль, что моя мать была ребенком, явилась в первый раз в моей жизни, очень удивила и растрогала меня.

Матери моей было около сорока пяти лет, когда я родился. Говорили, что в молодости она была очень хороша собой, но на единственном портрете, который был сделан незадолго до смерти, а также в моих воспоминаниях, она является уже старушкой. Те, которые помнят свою мать молодой и красивой, испытывают ли они особую нежность, вспоминая ее такой? Я не знаю. По моему, счастливее те, над колыбелью которых склонялось лицо, где жизнь успела уже наложить свою печать. Воспоминание о ней будет, если не более дорогое, то более священное, так как к уважению к матери здесь прибавляется еще и почтение к старости.

Моя мать была маленькой девочкой... Я никак не могу себе представить ее детских игр и работ, а тем более ее грез, когда она была уже молодой девушкой, или ее счастья, как супруги. Я хочу в ней видеть только мою мать, мою старушку мать.

Мне кажется, что я бы погрешил против пятой заповеди и что мое уважение и любовь, которыми я окружаю в своих воспоминаниях дорогой

образ моей матери, уменьшились бы, если бы я представил ее себе хоть на одно мгновение вне ее материнских обязанностей, без седеющих волос и без морщин, которые уже у ней были, когда я был еще совсем маленьким мальчиком.

У меня нет тех нежных слов, я не обладаю таким стилем, чтобы выразить это чувство. Я напомним только одно из главных учений христианской религии, такое трогательное и такое глубокое, о непорочности Матери Божией.

Да, и истинно сыновнее чувство окружает мать ореолом чистоты.

Для матери я также был всегда только ребенком.

Она умерла семидесяти одного года, мне было тридцать три. Я был уже пожившим человеком, испытавшим и наслаждения, и страдания и совершившим уже много ошибок...

Моя мать, конечно, знала это. Она поддерживала меня, понимала мои слабости и извиняла меня, сочувствовала моим радостям и утешала в скорбях. Она говорила со мной, как со взрослым, когда я обращался к ней за советом; но потом я снова становился – чудная иллюзия! – ребенком, ее бедным маленьким ребенком, которому нужна только ее любовь.

Я не беру только тех минут, когда, изнемогая под бременем печали, я находил поддержку и утешение в объятиях моей матери, осушая слезы на ее груди, как в то время, когда она меня носила на руках. Нет, я беру обычное течение повседневной жизни, когда моя чудная мама обращалась со мною, как бывало в детстве.

– Не упади с лестницы... Не простудись... Ты, вероятно, забыл свой носовой платок.

Эти нежные заботы всегда трогали меня до глубины души. Но, может быть, я более, чем кто-нибудь другой, был предметом этих мелких забот, так как в молодости был серьезно болен, и моя мать заботилась тогда обо мне, как о больном ребенке.

Зимой врачи отправили меня на юг. Возвратившись, я нашел мою бедную мать сильно изменившейся после нескольких месяцев, проведенных вдали от меня. На следующий год, все еще больной, я остался в Париже, и мать очень уже слабая и дряхлая, не оставляла моей комнаты. Я привожу здесь старинное стихотворение, оно навсегда запечатлелось в моей памяти и напоминает мне приятные минуты, проведенные с ней, минуты полного довольства в этой чистой атмосфере материнской любви.

J'écris près de la lampe. Il fait bon. Rien ne bouge.
 Toute petite, en noir, dans le grand fauteuil rouge,
 Tranquille auprès de feu, ma vieille mère est là.
 Elle songe sans doute au mal qui m'exila,
 Loin d'elle, l'autre hiver, mais sans trop d'épouvante,
 Car je suis sage et reste au logis, quand il vente.
 Et puis, se souvenant qu'en octobre la nuit
 Peut fraichir, vivement et sans faire de bruit
 Elle met une bûche au foyer plein de flammes.
 Ma mère, sois bénie entre toutes les femmes!

Сейчас я шептал эти стихи, перелистывая книгу и целые листы, стараясь отыскать следы ее пальцев. Между тем, сколько горя, сколько мучений причинял я ей, этой чудной, святой женщине! Конечно, она не могла ни одной минуты сомневаться в моем уважении и любви к ней, сохрани Бог! Но я был молод, волна жизни захлестнула меня, я слишком часто покидал ее, мою родную. Очень снисходительная, она едва осмеливается робко упрекнуть своего взрослого сына, но как она тревожится, как страдает, как оплакивает его ошибки!

Я желал бы, чтобы эта страница обратила внимание молодого человека... Ах! если бы он знал, как горько это будет потом на закате жизни, думать, что ты и не был дурным человеком, но доставлял огорчение своей матери.

Вот уже более двадцати лет, как не стало ее, и вместе с ней умерло все лучшее моей души.

Никогда я так часто не думал о ней, как во время моей последней болезни и долгого выздоровления.

Когда, после стольких лет неверия, я шептал слова молитв, которым научила меня мать в детстве, моя душа возносилась к Богу. В надежде снова увидеться с родной, я хочу теперь верить в вечную жизнь, и чтобы заслужить эту награду, встретиться с ней там, я обещал остальную мою жизнь употребить на лучшие дела.

Христос, возвеличивший Свою Мать в Его божественном царстве, услышит молитвы сына и христианина.

Говорят, что наш слабый ум не может постичь того блаженства, которое уготовал Он избранным! Но мне кажется, мне, нищему духом, бедному грешнику, что я испытал рай, когда я был невинным ребенком и засыпал в твоих объятиях, моя родная!

В. Я–ва.

Ревность**(Записки арестанта)****(Перев. для «Сиб. Жиз.»)***(Опубликовано в «Сибирской жизни». 1900. № 212 (1 октября). С. 2;**№ 214 (4 октября) С. 2).*

Завтра утром конец шестимесячному тюремному заключению, к которому я был приговорен за кражу двух тысяч франков из кассы моего хозяина, завтра утром я искуплю свою вину, претерпев назначенное за нее наказание.

В мою камеру войдет надзиратель и принесет мое платье, которое при поступлении сюда я должен был сменить на арестантскую одежду. Платье мое было совсем новое, и, надев его, я буду иметь вид обыкновенного молодого человека, даже довольно изящного. Мне останется только зайти в канцелярию, где мне вручат статейный список, а затем присоединиться к Маргарите, обещавшей ждать меня на извозчике у тюремных ворот – я буду свободен!

Я буду свободен и могу еще быть счастливым. В своем вчерашнем письме Маргарита клянется, что любит меня по-прежнему, и мы по-старому проживем вместе, как муж и жена. В этом огромном Париже, где так легко скрыть свое прошлое, такому человеку, как я – представительному, энергичному и с коммерческими способностями (до моего несчастья хозяин хотел меня сделать компаньоном), – такому человеку легко найти место. Я чувствую несокрушимое мужество и готов работать, как лошадь, чтобы зарабатывать средства существования для меня и Маргариты.

К тому же, серьезные дела отложим на после. Будем думать только о завтрашнем дне, в котором я уверен и который будет восхитителен.

Едва ступив за ворота тюрьмы, я увижу в тени кареты красивое и бледное от волнения лицо Маргариты. Я крикну кучеру адрес, обещаю ему одно су, чтобы он хорошенько вез нас, вскочу в карету, которая помчится, и бедная девушка, рыдая, упадет ко мне на грудь... Какие поцелуи!..

Мы войдем в нашу комнату в верхнем этаже, на улице Madame, откуда виден весь Люксембургский сад. В эту прекрасную погоду, в конце сентября деревья должны быть удивительно красивы со своими пожелтевшими листьями... Мы поставим стол у открытого окна, кроткие лучи солнца заиграют на посуде, и мы весело позавтракаем, не спуская глаз друг с друга, то замолкая, охваченные нежностью, то болтая и строя тысячи планов.

Наливши мне кофе, Маргарита подойдет ко мне, положит обе руки ко мне на плечо, и на них свой хорошенький подбородок и станет смотреть на меня. Я почувствую аромат ее тела, ее волосы будут щекотать мои губы...

Да, вот что может быть завтра, после шести месяцев одиночества, страшного одиночества! Вот что может быть завтра, если я захочу! свобода, счастье, любовь...

Но ничего этого не будет. Я умру, как только кончу писать на этих листках, где я стараюсь выяснить самому себе мое непреодолимое желание умереть. Как удивится надзиратель, продавший мне, вопреки правилам, восковую свечу, при свете которой я пишу эти строки, как удивится он, когда войдет завтра в мою камеру, чтобы освободить меня, и найдет меня повесившимся на одном из этих брусьев, уже окоченевшим, с синим лицом и высунувшимся языком! А между тем, все будет именно так – я повешусь в полночь.

Поразмыслим же и постараемся выяснить волнующие меня чувства.

Прежде всего, надо признаться, я не чувствую ни малейшего укора совести за мой проступок. А между тем, я виноват в недостойном злоупотреблении доверием, я обокрал человека, который всегда был справедлив и благосклонен ко мне, честно вознаграждал мой труд, заботился о моем будущем, относился ко мне с таким уважением, что хотел сделать своим компаньоном... Но, зачем скрывать? я не чувствую раскаяния... А если бы снова случилось то же?... Да, если б я снова почувствовал, как дрожала рука Маргариты в моей перед этой витриной, снова увидел, какой жадностью горели ее глаза при виде этого украшенного бриллиантами браслета – ну да, я

опять украл бы сто луидоров из кассы и подарил бы ей браслет. Не знаю, может быть, я злодей или сумасшедший, но я сделал бы то же.

Ах, эта женщина! Как я полюбил ее сразу, лишь только наши взгляды встретились!

Помню, ко мне пришли два товарища и предложили пойти с ними на публичный бал. Я сначала отказывался, так как устал и хотел пораньше лечь спать. Но они настаивали, и я отправился с ними.

Оркестр играл польку, вульгарный мотив которой резко наигрывался на корнет-а-пистоне. Вокруг асфальтового помоста, на котором прыгало несколько пар, под жалкими деревьями, имевшими вид картонных при газовом освещении, ходила толпа.

К нам подошли две женщины. Одна из них, высокая брюнетка с развязными манерами, типичная уличная женщина, знала одного из моих товарищей и нахально потребовала, чтобы он купил вина.

Мы сели за стол, я рядом с другой женщиной, блондинкой, уже очарованный ее нежным, изящным лицом и сдержанными, почти робкими манерами. Было легко угадать, что она лишь очень недавно стала посещать публичные балы: никаких драгоценностей и скромное, поношенное черное платье, платье честной девушки. Только ее огромная фетровая шляпа с розовым пером давала право первому встречному пригласить ее на ужин. Эта шляпа была вывеской.

Мы болтали. Ее голос был кроток, как и глаза. Никакого цинизма. Когда один из товарищей обратился к ней с грубым комплиментом, она ответила ему только смущенной улыбкой, в которой была видна вежливость, смирение и отвращение. Она очаровывала, внушая жалость, и напоминала мне отражение звезды в речке. В первом поцелуе, который я ей дал, садясь с нею на извозчика по выходе с бала, была уже нежность.

Ночь мы провели вместе. О! мне кажется, я и сейчас еще чую на своем плече горячие слезы, когда она плакала, рассказывая мне про свое детство, проведенное на парижских тротуарах, свою нищенскую юность, свое падение,

жалкое и неизбежное! Эта ночь сделала то, что через несколько дней я вырвал Маргариту из ее позорной жизни, и она стала жить со мной.

Это было безумием, так как все мои средства заключались в жалованье, которое я получал в качестве кассира в Petit Saint Germain. Однако, на него могли бы жить, если бы Маргарита была хоть немного экономна и занималась хозяйством. Но ничего подобного не было, мягкая по природе, с холодным сердцем и горячим темпераментом, павшая скорее по слабости, чем по влечению к разврату, она была настоящей парижской уличной девчонкой, ленивой, обожающей наряды, остающейся в постели до полудня, уткнув нос в роман, и готовой целую неделю питаться одним салатом, чтобы иметь возможность купить себе пару шелковых чулок.

Когда я пробовал делать замечание моей любовнице, она отвечала мне совершенно просто, не сердясь: «Я знаю, что я не такая женщина, какую тебе нужно... Что ж с этим сделаешь?.. Брось меня... Я не имею права жаловаться...»

А я не знал, что отвечать на это, и бесился при мысли, что для нее я ничего не значил, тогда как я не мог жить без нее. Бросить ее? В первое время я иногда думал об этом. Но мысль, что она хладнокровно простится со мной и в тот же вечер отправится на ужасный бал, где я нашел ее, а оттуда кто-нибудь из гостей уведет ее к себе за одну-две двадцатифранковые монеты, – эта мысль была невыносима. Бросить ее! Но при одном представлении, что на другой день, проснувшись, я не почувствую подле себя теплоты ее тела, силы оставляли меня. За несколько недель влечение к этой женщине превратилось в страсть и приобрело силу привычки... Я полюбил ее, она владела мной всецело.

Когда я познакомился с Маргаритой, она жила в скверной меблированной комнате, и все ее имущество заключалось в небольшом количестве белья, да одном платье, которое было на ней, и афишировавшей ее ужасной шляпе с розовым пером. Чтобы одеть ее приличнее и сделать ей маленькое приданое, я пожертвовал всеми своим и сбережениями и даже

вошел в долги. Ее беспорядочность и небрежность, а также издержки на ее развлечения – я боялся, что она, соскучившись, уйдет от меня – быстро довершили мое разорение. Я задержал платежи всем поставщикам и был должен многим товарищам довольно крупные суммы.

Но я не говорил с Маргаритой о своих затруднениях. К чему бы это привело? Я знал, что она опять сказала бы мне своим кротким и покорным голосом: «Чего же ты от меня хочешь?.. Разойдемся...» Поэтому я старался не думать о неизбежной катастрофе и притворялся беззаботным перед Маргаритой, устраивая с ней какую-нибудь *partie de plaisir*, как только у меня было хоть немного денег, но в глубине души я дрожал перед будущим.

В отчаянном положении все прибегают к игре. Я сделал это тем легче, что приказчики в *Petit Saint Germain* постоянно говорили при мне о своих выигрышах и проигрышах на лошадиных скачках, за которыми они следили со страстью. Однажды заведующий отделением шелковых материй, пари которого до сих пор были удачны, заявил, что ему прекрасно известен результат предстоящих скачек в Отейле, так как он получил сведения опытного жокея, по словам которого главный приз возьмет неизвестная лошадь Грэн-де Сель, и, кто будет держать за нее, тот выиграет в десять раз больше своей ставки. Несмотря на возражения, он стоял на своем и с таинственным видом рассказал довольно грязную интригу, в которой были замешаны известные спортсмены, и которая должна была обеспечить победу Грэн-де-Селя. Такая уверенность меня смутила.

– Если бы у меня был еще, – подумал я, – билет в пятьсот франков, бывший у меня до переезда Маргариты ко мне, я бы рискнул, конечно! В десять раз больше ставки! Пять тысяч франков!.. Мои долги были бы уплачены, спокойствие, довольство, мирное обладание Маргаритой в течение долгих месяцев...

Но в моем портмоне было всего два луидора, и я отогнал от себя несбыточную мечту, пожав плечами.

Я обещал Маргарите, несмотря на безденежье, пойти с нею в тот день в Folies bergeres, где производили фурор новые клоуны. Чтобы не платить за извозчика, мы отправились туда пешком через галереи Пале-Рояля. Маргарита не была бы женщиной, если бы не останавливалась несколько раз перед витринами ювелиров.

– Скажи, сколько может стоить этот маленький браслет? – спросила она, указывая на понравившийся браслет, осыпанный бриллиантами.

– По крайней мере, пятьдесят луидоров, – ответил я.

Она медленно отошла от витрины, продолжая глядеть на нее с сожалением.

– Пойдем! – сказала она, – эти игрушки не для нас.

Именно в эту минуту у меня молнией мелькнула мысль, я во всех подробностях вспомнил конюшенную интригу, про которую рассказывал товарищ, и почувствовал безусловную веру в успех Грэн-де-Сея. У меня появилось намерение взять из кассы две тысячи франков, купить Маргарите браслет, а на остальные играть. Я придумал, как скрыть на несколько дней кражу, чтобы после выигрыша пополнить кассу. Я видел себя освобожденным, наконец, от тревоги, с карманами, полными золота, заказывающим тонкий обед для нас, сидящим в театральной ложе позади своей любовницы...

Обо всем этом я думал зараз, в течение какой-нибудь секунды, пока Маргарита не отвела глаз от соблазнявшей ее витрины. Тогда я повлек ее вперед, сжимая ее руку, ускоряя шаг, с сильно бьющимся сердцем. Вдруг мой мозг пронизала внезапно мысль:

– А вдруг я проиграю?

Я искоса взглянул на свою спутницу, но, к счастью, она не могла видеть моих глаз, так как продолжала рассматривать витрины. В зеркале одного из магазинов я с ужасом заметил лицо сумасшедшего, походившее на мое...

Но усилием воли я овладел собою... Ну, так что, если я проиграю?.. Мне придется сесть на скамью подсудимых, попасть в тюрьму, может быть, в каторгу... Ничего нельзя сделать, не рискуя, и в случае неудачи я дам, по

крайней мере, страшное доказательство своей любви этой женщине, которая поработила меня, но ледяное сердце которой я никогда не мог затронуть, и, может быть, она полюбит меня и будет страдать, узнавши, что я совершил кражу для нее!

Но время идет... К чему рассказывать, как душевная буря сломила мою честность? Зачем говорить, как была сделана кража, какую страшную муку пережил я на скачках, видя, как Се-де-пик на целую голову опередил Грен-де-Сель и слыша аплодисменты толпы? Мое преступление было открыто, меня арестовали, отдали под суд и осудили, и я попал, наконец, в эту тюрьму, где я испытываю более страшные муки, и откуда я выйду только мертвым.

Да, более страшные муки! Не муку раскаяния, повторяю, не муку лишения свободы совместной жизни со злодеями, а гораздо более страшные муки ревности!

До сих пор я не знал этого чувства, в течение пяти месяцев, прожитых вместе, Маргарита ни разу не дала мне повода испытать его. Ленивая и апатичная, она целый день сидела дома одна – у меня были доказательства этого, и вечером, когда мы выходили вместе, я ни разу не подметил у нее того удовлетворенного взгляда, которым даже честная женщина, идя под руку с мужем, смотрит на проходящего, выразившего тоже взглядом свое восхищение ею. Маргарита совсем не была кокеткой.

Даже более, случилось то, что я предполагал, когда обдумывал свой план. Маргарита была глубоко тронута моим поступком, в котором она видела доказательство моей любви к ней. На суде она искренне плакала, обвиняя себя в том, что погубила меня, и как только ей разрешили, она сейчас же явилась ко мне в тюрьму с побледневшим от горя лицом. Наконец-то, она любила меня, я в этом уверен.

Помню наше первое свидание, мы печально смотрели друг на друга через железную решетку.

– Так ты меня любишь немножко? – спросил я ее. – Правда это?

– Больше и лучше, чем прежде – ты сам это видишь.

– Однако, еще недавно ты была так холодна ко мне.

– То, что ты сделал, очень переменяло меня. Разве я могла думать, что ты так сильно меня любишь? Подвергни меня какому-нибудь испытанию...

– Только одно могло бы убедить меня.

– Что же именно?

– Если бы ты была свободна, в ожидании моего освобождения, остаться мне верной?

– Обещаю тебе это... Клянусь!

– Ба, чем же ты будешь жить?

– Я буду работать.

– Ты, моя бедная Маргарита?

– Я училась шить... Увидишь!

Через неделю она пришла опять, сняла перчатки и показала мне свои пальцы, на которых были следы от уколов иглой! Она нашла работу, рассказывала она, в одном из магазинов новостей и зарабатывала уже сорок су в день, и скоро, привыкши к работе, дойдет и до трех франков.

– С этим можно жить, – прибавила она, улыбаясь. – О, конечно, не роскошно, но я об этом и не думаю! У меня теперь одна забота: сделать удовольствие своему любимому...

Это выражение «мой любимый», которое она так равнодушно употребляла прежде в отношении ко мне и к другим любовникам, конечно, теперь было произнесено таким нежным, взволнованным тоном, что у меня навернулись слезы на глазах.

Что же после этого значил для меня арест, позорный костюм, отвратительный обед в обществе преступников, бесконечные бессонные ночи впотьмах?! Маргарита любила меня; она жила своим трудом, желая быть честной и верной мне. Итак, это оказалось возможным? И я, презренный человек, укравший из-за женщины, я буду иметь утешение, раз кончится мое наказание, в обществе этой самой женщины, но перерожденной любовью и трудом, и она первая помешает мне пасть, если у меня снова явится

искушение. О! я был полон мужества и без малейшей жалобы переносил заслуженное мною наказание. В самые тяжелые минуты моей тюремной жизни я думал о Маргарите, и надежда ободряла меня и согревала, а мои ужасные товарищи спрашивали, отчего у меня такой счастливый вид, и чему я улыбаюсь.

Это блаженное душевное состояние продолжалось около двух месяцев. Да, я преступник, в арестантской одежде, я, которому тюремщики кричали, как собаке: «Сюда!» – я пережил тогда счастливые часы. Маргарита приходила на свидание со мной аккуратно раз в неделю, и при каждом ее посещении я со страстной жалостью смотрел на ее ввалившиеся от бессонницы глаза, похудевшее лицо, исколотые пальцы и изношенное платье. Однажды – с тех пор началась моя мука – она явилась в новом платье. У меня тотчас же сердце сжалось от подозрения. Но она, взглянув на мое лицо, сказала, улыбаясь:

– А, да! Ты удивляешься моему платью... Мне его подарила Клотильда... Знаешь, подруга, с которой я была на балу, когда мы в первый раз встретились... У ней теперь любовник, который безумствует для нее... Увидев меня так бедно одетую, она подарила мне это платье, надеванное не больше пяти-шести раз... Оно совсем как новое, не правда-то?

Это была неправда! За все время нашей совместной жизни Маргарита никогда не говорила о Клотильде, как о подруге. Они обе жили рядом в меблированных комнатах и ходили вместе на публичные балы – вот и все. Я помнил эту Клотильду, уже немолодую и некрасивую, могущую даже под белилами и румянами понравиться разве какому-нибудь пьяному гуляке. Такая женщина не могла иметь богатого и щедрого любовника. Все это ложь, и если б я сомневался, мне достаточно было бы взглянуть в глаза Маргариты с бегающим взглядом и трепещущими веками – глаза лгуны!

Я уже хотел сказать ей это, разразиться упреками, сделать ей сцену, но испугался, что она может не прийти больше, и сдержался.

Она продолжала рассказывать, что теперь зарабатывает три с половиной и даже четыре франка в день, что она не успевает делать всю работу и хочет взять помощницу, – словом, загромождала одну ложь другой.

Во мне кипела буря негодования и горя, но у меня хватило силы остаться спокойным до конца, и на всю ее болтовню я отвечал лишь несколькими незначащими словами. Этот припадок молчаливости она приписала, без сомнения, моему печальному положению и удалилась почти веселая, воображая, что ей удалось обмануть меня.

Итак, Маргарита меня обманывала. В то время, как я из-за нее сидел в тюрьме, она взяла любовника, может быть, просто продавала себя на одну ночь, как раньше, – и ради нарядов? я только что видел на ней новое платье, а в следующий раз, я готов был прозакладывать голову, она явится в новых перчатках и свежей шляпе, и все те небылицы, которые она мне наговорила, имели целью только подготовить меня к появлению новых туалетов. Ей не пришло в голову, идя ко мне, надеть старое платье, а если и пришло, то она не захотела выйти в нем на улицу! Нет, она предпочла выдумать глупейшие небылицы и, вероятно, пожимая плечами, говорила себе: «Тем хуже для него, если он не поверит!..» О, глупая, вульгарная женщина! И из-за нее-то я попал в тюрьму и опозорил себя».

Но зачем же она приходила на свидание со мной, раз она была способна на такую глупость и не любила меня? Да просто по глупой сентиментальности, по своей животной доброте, как она понесла бы апельсины своей привратнице, если бы та была в больнице. О, позор! она жалела меня.

Я провел ужасную неделю, постоянно думая об этом. Потом вдруг меня охватил ужас: «Что, если она не придет больше?» Только тут по той боли, которую я почувствовал при этой мысли, только тут я понял, как я люблю ее, несмотря ни на что, и я дал себе клятву, которую и сдержал, скрыть от нее свою ревность, ничего не говорить и не делать такого, что могла бы выдать мучившие меня сомнения.

Она пришла, как я угадал, в новой весенней шляпе. Она принарядилась, цвет лица был свеж, и худоба исчезла. О, конечно, эта женщина не бедствует и не проводит дни и ночи за работой!

У нее, однако, хватило смелости, а может быть, доброты – заявить мне, что она очень довольна своим положением, что она держит двух работниц, вообще, кучу новых выдумок. Я притворился, что тоже доволен, и самым нежным голосом попросил ее снять перчатки и протянуть руку через разделявшую нас решетку, чтобы я мог поцеловать ее. Она исполнила просьбу, и, целуя ее руку, я увидел, что на пальцах уже нет следов от уколов.

Пробило половина двенадцатого, огарок мой скоро догорит. Надо спешить. Если бы у меня было время, я позволил бы себе жестокое наслаждение описать во всех подробностях те муки, которые доставляло мне каждое свидание с Маргаритой, особенно одно из них... О, это я хочу описать, как самое жестокое мучение!

В этот день, ожидая свою любовницу, я старался уверить себя, что я слишком недоверчив, что женщина может все-таки зарабатывать достаточно и купить себе кое-что из нарядов, мысль, внезапно вспомнившаяся мне, почти совсем успокоила меня. Маргарита, не боявшаяся являться ко мне в новом платье, что также могло служить доказательством ее невиновности, никогда не надевала никакой драгоценности. Единственной драгоценностью, которая была у нее когда-либо, был браслет, купленный мною на украденные деньги, честно возвращенный ею полиции, когда началось дело. Ранее же она не имела никаких украшений, потому что была слишком бедна, чтобы покупать настоящие бриллианты и золото, а к подделкам она чувствовала отвращение; даже уши ее не были проколоты, и воспоминание об этом меня глубоко растрогало.

Вспоминая, что я никогда не видел колец у ней на руках, я вспоминал в то же время и о том, что с некоторого времени я не замечал и следов работы на пальцах, и говорил себе, что она могла иметь драгоценности, но снимала их, идя на свидание со мною. Но в этот день я был склонен видеть все в

лучшем свете, я хотел убедиться в своей несправедливости и останавливался только на тех предположениях, которые были благоприятны Маргарите.

Она явилась, как обыкновенно, аккуратно к назначенному часу, и, увидя ее издали через решетку, я в первый раз почувствовал, что мои подозрения рассеялись. Но она подошла ближе, и я с первого взгляда заметил – о, злая ирония предчувствий! – свежие ранки на ее маленьких ушах!.. У ней были драгоценности, у этой женщина, которая желала иметь только настоящие. Она носила в ушах жемчуг или бриллианты, и, конечно, считала большой деликатностью со своей стороны, что не показывала их мне!

С этого дня, с тех пор, как исчезло всякое сомнение относительно поведения Маргариты, я решил убить себя. Давно уже следовало сделать это, но... человек слаб, смерть страшна, и потом, надо сознаться, я все еще люблю эту женщину и по ночам вижу ее во сне... О, я готов был на всякое унижение! Я мечтал ее взять опять себе, готов был согласиться делить ее с первым встречным, терпеть все... Я насмеялся над самим собою, над своей ревностью: «Ты слишком щепетилен для вора!» Но это было сильнее меня. Мысль, что Маргарита обманывала меня, что она продавалась одному или нескольким в то время, как я сидел из-за нее в тюрьме, эта мысль доводила меня до бешенства, до потери сознания!

Да, как я сказал вначале, я мог бы завтра утром завтракать в нашей комнате, у окна, из которого виден большой сад, с великолепными деревьями. Да, это было бы восхитительно!.. Но если бы в это время я увидел в печке камина окурок сигары, брошенный туда ее вчерашним «кавалером», я способен был бы схватить нож и всадить ей в сердце... Я не хочу быть убийцей – довольно и того, что я сделался вором! Лучше умереть...

Умереть без ненависти к ней, сказавши себе, что все случившееся было неизбежно, что, в общем, она была искренна, даже немножко любила меня, когда дала обещание, которое у ней не хватило сил сдержать.

Прощай, Маргарита! в глубине души ты не злой человек и, прочтя это, думаю, всплакнешь минутку. Но все забывается, и потом, когда кто-нибудь из

твоих случайных любовников попросит тебя рассказать твою жизнь, ты будешь даже тщеславиться, как все тебе подобные! Босиком вскочишь ты с кровати, чтобы достать эти листки из верхнего ящика комода, где они у тебя хранятся вместе с квитанциями из ломбарда и колодой карт. Улегшись снова, ты заставишь своего гостя читать мою исповедь, и будешь гордиться, имея возможность доказать ему, что из-за тебя убил себя какой-то несчастный...

А! бьет уже полночь! Моя свеча сейчас догорит. Я уже скрутил жгутом простыню, брус у окна прочен... Смелей, пора кончить с этим!..

Рождественский подарок**(Перевод с французского для «Сиб. В.»)***(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1900. № 237 (2 ноября). С. 2–3).*

Дезире Мюге, рисовальщик и гравёр анатомических таблиц, выбрал карьеру художника, как вы, конечно, предполагаете, вовсе не с предвзятым намерением заняться этой полезной, но не привлекательной специальностью.

Когда юным учеником рисовальной школы, на вечерних курсах он работал над гудоновским Escorche, он и не предчувствовал своей судьбы, всматриваясь в эту фигуру, с обнаженными мускулами и лишенную кожи, точно очищенный апельсин. Напротив, этот Escorche вызвал в нем отвращение, и он почувствовал истинное облегчение, когда учитель позволил ему перейти к рисованию Аполлона и Венеры.

Как и другие, Дезире во времена своей артистической юности мечтал о славе, но от этих мечтаний ему пришлось отказаться. Допущенный к конкурсу на получение римской премии, он не получил ее. А между тем сюжет был прекрасный: «Фемистокл, просящий гостеприимства у молосского царя Адмета». Его композиция была удачна, но он забыл про молосских собак! Отсюда жюри сделало вывод, что у него недостает воображения, и предпочло ему Петраза, который из того, что в этот день думал о знаменитых собаках, сделал великолепную карьеру, получил крупные заказы, институт, ордена, а в настоящее время малюет портреты наших знаменитых современников, портреты бледные, на туманном фоне.

«Неудача!» – мог бы отмечать черными буквами на своей почтовой бумаге Дезире Мюге в качестве девиза, если бы ему не приходилось для своих редких писем довольствоваться тетрадкой в два су, купленной в лавочке напротив. И, однако, этот честный малый при самом появлении на свет имел удачу, самую крупную, по-моему: его отец и мать были честные люди...

Это не такая обычная и не имеющая значения вещь, как вы думаете. А вы, эволюционист, надоедающий нам законом наследственности, не смейтесь:

почему вы не хотите допустить, что любовь к добру может также передаваться по наследству, как подагра, что от предков можно одинаково унаследовать как болезни, так и добродетели? Как бы там ни было, но Дезире, несомненно, получил от своих родителей ясное и твердое понимание чести и доброты, нечто постоянное, что всю жизнь должно было согревать его. Отец Дезире, бывший солдат, занимал скромную, почтенную должность посыльного в одном замке. Есть ли необходимая связь между самой щепетильной честностью, с одной стороны, и серым суконным фраком с широкими фалдами и треуголкой – этим мундиром банковского посыльного, с другой: весьма возможно, так как вы смело можете подарить туго набитый тысячефранковыми билетами портфель всякому человеку, одетому в этот мундир, хотя получающему обыкновенно очень ничтожное вознаграждение. Что же касается отца Мюге, он был образцовым банковским посыльным и, сверх того, добрым мужем и отцом, который геройски отказался от куренья, когда увидел, что его жена, прекрасная белошвейка, работает до полночи, теряя зрение, чтобы покрыть издержки, вызванные рождением Дезире.

Это мать, хотя была только скромной работницей, передала своему сыну утонченную, аристократическую чувствительность.

Такие женские характеры встречаются нередко среди парижского простонародия. Мать Дезире была счастлива, когда ее мальчик обнаружил большие способности к рисованию. «Может быть, из него выйдет великий артист», – говорила она, когда отец несколько тревожился по поводу призвания сына, что помешало ему чувствовать гордость, получая от мальчика в подарок на именины целую тетрадь рисунков.

Бедные люди подвергали себя всевозможным лишениям, чтобы только дать Дезире возможность получить художественное образование, а это требовало долгих лет. Усы отца успели поседеть, изящное лицо матери покрыться морщинами, а Дезире все еще оставался простым учеником и ничего не зарабатывал. Честного малого это мучило, он упрекал себя за то, что его родителя из-за него приносят жертвы, он двадцать раз предлагал им

отказаться от артистических надежд и взяться за какое-нибудь ремесло, но добряки, веря в будущее своего сына, мужественно сопротивлялись.

Скромный по натуре, Дезире довольно скоро сам начал сомневаться в себе. По правде сказать, у него не было ничего оригинального, он не обладал гениальностью. Твердой волей и большим трудом он мог бы добиться, самое большое, таланта делать добросовестные, хорошие портреты. Но так как учитель постоянно ставил его в пример товарищам за безукоризненность рисунка, то его похвалы поддерживали в Дезире некоторые иллюзии, хотя иногда они заставляли его краснеть.

Он несколько помогал семье, давая уроки, получая то там, то здесь какой-нибудь небольшой заказ; он пытался работать в иллюстрированных газетах, но тут потерпел неудачу, так как ему не доставало тонкости рисунка, способности быстро импровизировать.

В общем – невеселая юность. Будучи нежным сыном, он видел, что его любимые родители стареют в нужде и лишениях из-за него, и по чувству долга отказывал себе в развлечениях, по временам с невольным ужасом спрашивая себя – что же дала ему жизнь, и чего он может ждать от нее. Ответ на это дала ему неожиданная катастрофа.

Отец его умер скоростижно, а мать, почти ослепшая от шитья, принуждена была отказаться от работы. Дезире в это время был тридцать лет, и он только что провалился с римской премией, забыв про собак молосского царя, так что все беды обрушились на него сразу. Но неприятности служат хорошим возбуждающим средством для людей, у которых сердце на месте.

Дезире сразу отказался от своих мечтаний об артистической славе, которые, к слову сказать, не особенно и мучили его. Прежде всего, нужно было подумать о маме, взяться хоть за какую-нибудь работу, чтобы было чем жить. Ему уже раньше предлагали рисовать и гравировать анатомические таблицы, и тут его достоинство хорошего рисовальщика имело большее значение, и он принял предложение издателей медицинских сочинений Тестеуида и Ко. Бедный Дезире Мюге, носивший имя Цветка (Muguet –

Ландыш), обладавший нежной, как цветок, душою, чуть не падавший в обморок при виде крови, когда ему случалось порезать себе палец, теперь храбро преодолевал свое отвращение, целые дни проводив в анатомических театрах, возле дифекционных столов, рисуя с натуры все эти ужасы.

Это было ужасно, но за это Дезире зарабатывал теперь двенадцать или тринадцать франков в день. С восьми до одиннадцати он проводил в ученых бойнях перед сердцем, лопнувшим от аневризма, или перед изъеденным раком желудком и т.п. Он также тщательно, как делал это в школе, отделявал свой рисунок. Потом, вернувшись в свою маленькую квартиру на четвертом этаже, в улице de la Harpe, бедный мальчик после завтрака садился гравировать до вечера другое гипертрофированное сердце или желудок больного раком. Нельзя сказать, чтобы это было весело, но зато в печке был уголь, в буфете имелся хлеб; в кухне кипел суп в кастрюле, а возле самоотверженного работника-сына, сидя в большом кресле, мама с больными глазами, защищенными от света светло-зеленым зонтиком, спокойно вязала шерстяной чулок.

Нельзя сказать, чтобы сознание исполненного долга совершенно заглушило у Дезире всякое сожаление о прошлом, потому что, отказавшись от искусства, он должен был также вырвать из сердца зарождающуюся любовь, что для него было гораздо большее.

Дезире познакомился в Лувре с m-ле Кларой, такой же бедной артисткой, как он, жившей копиями и уроками вместе с разбитым параличом отцом, который получал ничтожную пенсию в качестве отставного чиновника министерства финансов. Дезире был так робок, что не скоро решился обратиться к хорошенькой художнице с разговором, и она окончила копию с одной картины и приготавливалась копировать «Положение во гроб» Тициана, когда он придумал предлог просить одолжить краски и завел разговор с молодой девушкой. Их идиллия расцветала медленно, и фоном ей всегда служила какая-нибудь знаменитая картина. Они признались друг другу в любви перед «Кустами» Рюнеделя; он подарил ей обручальное колечко перед

«Жокондой», и Клара только что начала копировать «Разбитый кувшин» Греза, когда он рассказал ей, какое несчастье обрушилось на него, смерть отца и глазную болезнь матери, и они должны были признать, что они слишком бедны и несут слишком много обязанностей, чтобы мечтать о браке; и они распрощались, избегая смотреть друг другу на друга, чтобы не расплакаться. С тех пор прошло уже десять лет, а Дезире все еще не мог забыть хорошенькой художницы, хотя знал о ней только то, что она потеряла отца и была теперь учительницей рисования в женских пансионах.

Наконец, ко всем печалям прибавилось еще одно смешное огорчение, – хотя Дезире едва только минуло сорок лет, его борода начала седеть, но по странной случайности она поседела только с одной стороны, слева, так что несчастный похож был на живую рекламу какого-нибудь парфюмера, изобретшего новое средство для окраски волос. Дезире никогда не находил никакой красоты в своем тщедушном, меланхолическом лице и не обращал на него ни малейшего внимания. Но его раздражала эта физическая странность, благодаря которой он обладал двумя различными профилями – справа профилем молодого человека, а слева профилем старика. Ему казалось, что он стал уродом. На улице все оглядывались на него, и это так расстраивало его, что ему приходило в голову желание испытать новые огорчения, которые заставили бы поседеть и остальную часть бороды.

Однако, мало по малу его жизнь вошла в колею. У Тестеуида и Ко им были очень довольны. Он имел теперь небольшие сбережения и мог доставлять своей милой старой маме кой-какие удобства. Но все же, что это была за печальная, безрадостная жизнь! В этот вечер, накануне Рождества, Дезире, просидел до одиннадцати часов за гравированием мозга сумасшедшего, обернулся к дремавшей у печки матери и, зная ее религиозность и любовь полакомиться, предложил ей:

– Если мы в силах, мама, я провожу тебя в церковь Сен Северин к ночной службе, а на обратном пути – ты знаешь, в сочельник колбасные не запираются, – мы купим что-нибудь хорошенькое и справим сочельник.

Но добрая старушка боялась выходить в такую погоду.

– Ступай один, милый Дезире, а я прочитаю службу дома, в ожидании твоего возвращения, но ты все-таки купи галантину и мешок каштанов.

Когда он, уходя, поцеловал ее в лоб, она обняла его и прошептала.

– Мой бедный мальчик, Рождеству следовало бы тебе принести немножко счастья!

Ужасная погода! Черный, сырой, пронзительный холод. Крупные хлопья снега падая таяли на мостовой.

Но в средневековых переулках, ведущих к церкви, все лавки были освещены по случаю сочельника, и квартал имел праздничный вид. Хозяйки, с корзинками в руках, бегали из одной лавки в другую, а около кафе и ресторанов выставлены были целые горы устричных раковин, и слышалось пение. Дезире наслаждался народным весельем. Но шедшая под руку со студентом, высокая девушка в шляпе с перьями посмотрела на художника и воскликнула, расхохотавшись: Погляди ка на это! Отчего это его только с одного боку запорошило снегом?

И Дезире Мюге, внезапно опечаленный воспоминанием о своей физической странности, поскорее пошел в церковь. Там, стоя в глубине церкви, под торжествующие звуки органа, он вспоминал о словах матери. Да, Рождеству следовало бы принести ему какой-нибудь приятный сюрприз, вроде мешка с конфетами, какой он находил по утрам в своем башмаке, когда был маленьким. Разве, в самом деле, он так и должен состариться и умереть, не увидев в жизни ничего, кроме труда и обязанностей? Он не был требователен, но, право-же, из радостей ему досталась уж слишком ничтожная часть. У него ничего не было, ничего, даже и любви.

И вот он вспомнил m-lle Клару и их бледный маленький роман, и тот день, когда он, весь дрожа, опустил первую любовную записку в ящик с красками, принадлежащий молодой девушке. Увы! после признания, после подарка обручального кольца, им пришлось из-за семейных обязанностей отказаться от своих надежд на счастье. И позже, когда Дезире сознался своей

матери, какую жертву принес он, добрая женщина, вынудившая это признание у сына, которого неожиданно застала в слезах, расплакалась и сама, но все-таки сказала: «В конце концов ты хорошо и сделал, мой бедный мальчик, это было бы неблагоприятно».

Что-то случилось теперь с хорошенькой Кларой. Когда-то ему сказали, что она осиротела и продолжала давать уроки рисования. «Ах, у ней должно быть много горя! Бедная девушка! Она любила его, в этом он уверен, и, по его просьбе, согласилась оставить у себя подаренное им обручальное кольцо, жалкий золотой обруч, который он купил за двенадцать франков»

Эти воспоминания привели Дезире в такое печальное настроение, что он ушел из празднично освещенной церкви и, купив галантину и каштанов, вернулся на свой четвертый этаж. Но что такое происходит в его квартире? Дверь полуоткрыта, он слышит два женских голоса, и как-будто рыдания... Случилось какое-то несчастье!.. Может быть, мама захворала. Торопливо вошел он и остолбенел...

В старом кресле сидит женщина, бледная в лохмотьях, а подле нее, на табуретке, мама держит руки бедняжки точно отогревая их. Не сон-ли это? Он узнал несчастное создание! Эти исхудалые, но чистые черты лица, эти впалые, но кроткие глаза – это черты, это глаза его Клары, которую он не видел десять лет, но которую никогда не забывал! С громким криком «Клара!» Дезире бросился вперед.

Мать встала и, положив обе руки на плечи сыну, сказала хрипящим голосом:

– Да, Клара, твоя бедная Клара, которая только что рассказала мне свою жизнь, жизнь честной и мужественной девушки... Два года назад Клара лишилась своего отца, тщетно старалась заработать себе хлеб уроками, терпела самую ужасную бедность... Она уже три дня – о, это разрывает мне сердце! – ночевала в ночлежном приюте, а сегодня, когда ее не впустили туда – ты знаешь, там можно ночевать не более трех дней подряд, – едва не бросилась в Сену... Кларе, доведенной до отчаяния все-таки пришла в голову

хорошая мысль обратиться за помощью к маме своего бывшего возлюбленного, к старухе, которая сама того не зная и не желая, разлучила вас, мои бедные детки!.. Не правда-ли, Дезире, теперь она у себя дома, и мы за ней будем ухаживать, и она переночует со мной на кровати после того, как поужинает с нами?

Дезире не понимал, что с ним делается, где он?.. Вот он, рождественский-то сюрприз! Он поцеловал мать и упал к ногам Клары, взял ее руку в свои, покрывая ее слезами и поцелуями, и вдруг заметил на этой руке кольцо... В волнении он поднял глаза на свою подругу, и та, улыбнувшись печальной улыбкой, обнажавшей зубы, прошептала слабым голосом:

– Да... я скорей умерла бы с голоду, чем расстаться с ним...

Бесполезно и говорить, что Дезире не спал и минуты в эту рождественскую ночь, думая о Кларе, которая лежала тут за перегородкой, на одной подушке с мамой. О, как он был рад, что у него есть в сберегательной кассе полторы тысячи франков, а в копилке три луидора! – будет чем заплатить за свадьбу, когда Клара немножко поправится. А потом?.. Ну, потом он будет работать для троих, вот и все! О, теперь он будет рисовать сколько угодно легких, мозгов, печеней, изъеденных самыми ужасными болезнями, и даже не сделает гримасы перед диссекционным столом!

Счастливец Дезире! Положительно, Рождество решилось вознаградить его за все невзгоды, потому что, когда он взглянул на другой день в зеркало, он увидел, что от волнений, пережитых в ночь, правая половина его бороды тоже поседела; и, когда под руку с мамой появилась Клара, хорошо отдохнувшая, не особенно изменившаяся и постаревшая, по правде говоря, почти похожая на прежнюю Клару, она увидела лицо Дезире, уже не похожее на вывеску парфюмера, лицо с седой бородой, но с глазами, полными юношеской любви.

М.Ш.

Мирбо Октав (Mirbeau Octave, 1848–1917)**Дядя Николай****(С французского)***(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1901. № 173 (10 августа). С. 2).*

Два часа мы шли по полям под лучами солнца, падавшими с неба подобно огненному дождю; пот струился по моему телу, и меня пожирала жажда, палящая жажда. Тщетно искал я ручейка, чистая вода которого журчит под листьями, или, еще лучше, источника, каких много находят в стране, маленького источника, покоящегося в своем ложе из мшистой земли, похожем на ниши в стенах, где гнездятся святые поселяне. Я приходил в отчаяние; язык засох и в горле горело.

– Пойдем до Гертодьера, этой фермы, которая видна там внизу, – сказал мой товарищ, – дядя Николай даст нам хорошего молока.

Мы прошли через широкую пашню, на которой глыбы земли рассыпались под нашими ногами в красную пыль; потом, прошед вдоль по полю с овсом, усеянному васильками и диким маком, как звездами, мы пришли во фруктовый сад, где коровы, пестрея, спали под тенью яблонь. В конце фруктового сада была ферма. Во дворе, обставленном четырьмя плохими строениями, не было ни одного живого существа, кроме куриц, клевавших навозную кучу, которая близ овчарни мокла в грязной луже навозной жижи. После бесплодной попытки отворить запертые и забаррикадированные двери, товарищ мой сказал:

– Без сомнения все в поле!

Потом он позвал:

– Дядя Николай! Эй! дядя Николай!

Никто не отвечал.

– Эй! дядя Николай!

Этот второй зов имел результат только тот, что напугал кур, которые встрепенулись, кудахтая и хлопая крыльями.

– Дядя Николай!

Очень обманувшись в ожиданиях, я серьезно думал идти сам в сад доить коров, когда в полуотворенной двери чердака показалась голова старой женщины, угрюмая, сморщенная и красная.

– Что такое? – вскричала крестьянка. – Это тут вы, мосье Жозеф? Я не вдруг пустила вас. Извините меня вы с товарищем вашим.

Она появилась совсем. Голова была в шерстяном колпаке, кисточка которого торчала на лбу; часть плеч и шея, о которых можно было сказать, что они сделаны из кирпича, до того обожгло и пережгло их солнце, выставлялись – сухие, изрытые морщинами, будто водяными потоками, – из складок толстого полотна, к которому привязана была на бедрах маленькая, как у дитяти, юбочка с черными и серыми полосами. Деревянные башмаки (sabot), грубо вырезанные едва ли не из целого ствола березы, служили обувью для ее босых ног фиолетового цвета, истрескавшихся, как старая кожа.

Крестьянка заперла дверь, прикрепила лестницу, по которой спускалась; но прежде чем ступила на первую ступеньку, спросила моего товарища:

– Это вы кликали дядю Николая, моего мужа?

– Да, тетушка, я кликал.

– Чего хотите вы тут, от дяди Николая?

– Жарко, нас мучит жажда; и мы хотели попросить у него чашку молока.

– Подождите меня, мосье Жозеф; я схожу, что касается до вас.

Она спустилась по лестнице, медленно, шлепая башмаками.

– Стало быть, дяди Николая тут нет? – спросил мой товарищ.

– Извините, – отвечала старуха, – он тут. Ах, да! Тут он, бедный добряк, с места не трогается, да! Его положили в гроб сегодня утром.

Она совсем спустилась. Отерши лоб, по которому крупными каплями струился пот, она прибавила:

– Да, мосье Жозеф, он умер, дядя Николай. Случилось это вчера, под вечер.

Мы сделали печальные мины.

– Это ничего, совсем ничего, – сказала она, – войдите освежиться малость и располагайтесь, как вам угодно, да подождите, чтоб я принесла, что вам должно.

Она отперла дверь жилья, запертую на два оборота.

– Войдите, господа, не стесняйтесь... будьте как у себя... Смотрите, вон он там, дядя Николай.

Под закоптелыми балками, в конце большой темной комнаты, между двумя кроватями, драпированными ситцем, на двух стульях поставлен был гроб из некрашеного дерева, полуприкрытый скатертью из небеленого полотна, украшенный только медным распятием и освященною веткою букса. В ногах у гроба поставлен был маленький столик, на котором сальная свеча в подсвечнике, вместо восковой церковной свечи, печально догорала, и где стоял бурого цвета глиняный горшок со святою водою, с тонкою метелкою из дрока, служившею кропилом. Перекрестившись, мы брызнули несколькими каплями св. воды на гроб, и, ни слова не говоря, уселись за большим столом, смотря один на другого как ошеломленные.

Жена Николая немедленно воротилась. Она осторожно несла большую чашку молока, которую поставила на стол, говоря:

– Вы можете пить досыта, вот! Хорошее, свежее!

Между тем как она ставила чашки и доставала из квашни большой круглый черный хлеб, мой товарищ спросил ее:

– Долго был он болен, дядя Николай?

– Совсем нет, мосье Жозеф, – ответила старуха. – Сказать так: с некоторого времени она был не храбер, не храбер. Это мучило его в легких, – кровь, думаю я. Были два удара: он сделался белым, потом фиолетовым, потом черным, потом затих, – полумертвый.

– А вы не искали доктора?

– Конечно, нет, мосье Жозеф, не жаловалась я доктору. Да и больной не был, так сказать, болен. Это не мешало ему поворачиваться направо, налево, ходить везде с ребятами. Вчера пошла я на рынок; когда воротилась вот, вижу:

дядя Николай сидел, головой на стол склонившись, руки висели, и он не шевелился, как камень. «Муж!» – сказала я ему. – Ничего. – «Дядя Николай! Муженек!» – вскричала я ему на ухо. – Ничего, ничего, совсем ничего. Тогда я пошевелила его, – так вот. Но вот как пошевелила его, – он потом и упал на пол, да лежит там, не шевеля ни одной лапой, – и черный, черный, почти как уголь.

«Значит, говорю, умер дядя Николай!» – И он умер... но вы не пьете... Не стесняйтесь... У меня, видите, мозоль... И потом, мы не делаем теперь масла...

– Это большое несчастье, – говорю я.

– Что ж вы хотите! – отвечала крестьянка. – Верно, Богу так угодно.

– У вас никто не смотрит за покойником? – прервал ее мой товарищ. – А ваши дети?

– О, нет опасности, чтобы он ушел, бедняк. И потом, ребята в полях, косят сено... Не надо для этого останавливать работу... Ведь от этого он не воротится, потому что умер!

Мы допили наше молоко. Поблагодарив, мы оставили вдове Николая, не зная, должно ли удивлять или проклинать эту бесчувственность крестьянина к смерти, смерти, которая, однако ж, заставляет собак печально тявкать в опустелой конуре, а птиц выражать пеньем будто рыдания и жалобы близ опустошенных гнезд.

Т.

Эй дядя Николай**(Пер. с франц. для «Сиб. Вестн.»)***(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1905. № 218 (30 октября).**С. 2–3).*

Два долгих часа шли мы по полям, под палящими лучами солнца, огненным дождем падавшими с неба; пот лил с меня ручьями, жгучая жажда пожирала меня. Тщетно я искал какого-нибудь ручейка, журчащего под деревьями, или хоть маленького источника, дремлющего в устланном мхом углублении, что так часто встречается в тех местах, и я приходил в отчаяние.

Идем в Эртодьер – ферму, что видна внизу, – сказал мой спутник; – дядя Николай угостит нас чудным молоком.

Мы пересекли поле, остававшееся под паром, потом мимо овсов, прошли во фруктовый сад, где под яблонями мирно спали коровы. За садом находилась ферма. Во дворе, окруженном четырьмя жалкими строениями, не было ни души живой, кроме кур, рывшихся в навозе около скотного двора. Тщетно попытавшись отворить запертые ворота, мой спутник сказал:

– Без сомнения, все теперь в поле! – но тем не менее, крикнул, – эй, дядя Николай! – Никто не отвечал.

– Эй, дядя Николай!

В результате этого второго окрика тоже молчание. Только испуганные им куры разбежались в разные стороны с клохтаньем.

В огорчении я уже серьезно подумывал отправиться самому подоить корову в саду, когда в полуоткрытой двери сеновала показалось недовольное, морщинистое и покрасневшее лицо старухи.

– Кто там? – крикнула крестьянка. – Это вы, г. Жозеф? Я вас не признала сразу, право, уж извините, господа честные.

Она вышла из двери. Коленкорковый чепчик покрывал ей голову; из-под рубахи из грубого холста виднелись шея и плечи, обожженные солнцем, точно кирпич, костлявые и морщинистые; полосатая юбка была коротка, как у

девочки. На голых, посиневших ногах были одеты грубо сработанные деревянные башмаки.

Крестьянка заперла дверь на сеновал, приставила лестницу, чтобы сойти, но сначала обратилась к моему спутнику:

– Это вы звали дядю Николая, моего хозяина?

– Да, тетушка, я.

– Что вам от него угодно, от дяди Николая?

– Жарко, нам хочется пить, и мы хотели попросить у него крынку молока.

– Подождите, г. Жозеф, я вам принесу молоко.

Она медленно, стуча башмаками, спустилась с лестницы.

– Значит, дяди Николая нет дома? – спросил мой спутник.

– Извините, – отвечала старуха, – он дома. Да, он дома, бедняга, и уж наверное не собирается уходить! Сегодня утром его уложили в гроб.

Она уже сошла на землю и, вытерев крупные капли пота на лбу, прибавила:

– Да, г. Жозеф, он умер, дядя Николай! Это случилось вчера под вечер. Но это ничего, ничему не мешает, – продолжала она, видя, что мы придали своим лицам соблезнующее выражение. – Войдите, освежитесь и отдохните минутку, пока я достану что вам требуется. Она открыла дверь в дом.

– Войдите, господа, и не стесняйтесь... будьте, как дома... Глядите, вот он, дядя Николай!

Под закопченными балками потолка, в глубине большой, полутемной комнаты, между двумя кроватями, задрапированными кисеей, на двух стульях был поставлен гроб, который украшало только медное распятие и освященная ветка букса. У ног покойника, закрытого до половины покрывалом из небеленого холста, догорала оплывшая свечка на маленьком столике, и возле нее глиняный горшок с освященной водой и маленьким кропилом из дрока. Перекрестившись и покропив гроб, мы молча уселись за большой стол.

Старуха скоро явилась с большой крынкой, которую поставила на стол со словами:

– Можете кушать в волю! Вам не найти молока вкуснее и свежей!

– Давно он хворал, дядя Николай? – спросил ее мой спутник.

– Вовсе не хворал, г. Жозеф, – отвечала старуха, ставя на стол чашки и доставая из квашни толстый ломоть хлеба. – Последнее время слаб он был, кровь мучила, как я понимаю... Два удара – он побелел, потом стал синий... потом почернел... а потом и упал, почитай, уж мертвый...

– Значит, вы не звали доктора?

– Конечно, нет, г. Жозеф, я не звала доктора. Ведь болен-то он не был. Это ничуть не мешало ему ходить туда и сюда, всюду шататься с сыновьями. Вечор я пошла на базар. Прихожу назад, а дядя Николай сидит, опустил голову на стол, руки повисли, и не шевелится, как каменный. «Муженек!» – говорю я – молчит! «Дядя Николай, муженек!» – кричу ему над самым ухом – как есть ни гугу! Тогда я давай толкать его, вот этак. Тут он зашатался, да и упал на пол, ни рукой, ни ногой не шевельнется, а сам черный-пречерный. «Право слово, – говорю я, – дядя Николай помер!» И правда, он уж мертвый был... Но вы кушайте... Не стесняйтесь: у меня еще найдется...

– Это большое горе, – заметил я.

– Что поделаешь! Видно, Богу угодно, – отвечала старуха.

– У вас некому посидеть у покойника? А сыновья? – перебил ее мой спутник.

– О, он не сбежит уж, бедняжка! Чего сторожить? А потом, парни теперь на поле, сено возят – работе не стоять же из-за этого... Это не вернуло бы его все равно!

Мы кончили свое молоко. Поблагодарив и расплатившись, мы вышли, взволнованные, не зная, восхищаться или негодовать на такое равнодушие крестьянина к смерти, к той смерти, которая заставляет даже собак жалостно выть при виде опустевшей конуры, а птиц рыдать в песнях над разоренными гнездами.

М.Ш.

Крестины

(Перевод с франц. для «Сиб. Жизни»)

(Опубликовано в «Сибирской жизни». 1907. № 28 (20 мая). С. 3–4).

Ребенок родился очень слабым, и мать решила крестить его раньше, чем сама примет от священника очищающую послеродовую молитву. А она, между тем, так радостно надеялась, что сама будет присутствовать при обряде крещения, что сама проводит в церковь свою разряженную в белые пышные ленты дочь!.. Но маленькое, слабенькое существо чуть дышало и, неизвестно, что могло с ним приключиться каждую минуту.

Но необходимо, чтобы души таких младенцев, в случае их смерти, отправлялись прямо в рай, к ангелам. Ее дочь тоже могла внезапно умереть. Она даже родилась со сморщенной, как у старых людей, кожей и с синеватым цветом лица. Она не хотела брать груди и все кричала и извивалась. При таких условиях надо было поступить благоразумно. По соседству нашли крестного отца и крестную мать, и вот, после полудня, все, кроме матери, отправились в приходскую церковь Анны Орейской. Один из священников этой церкви еще утром был извещен, что предстоят крестины.

Следует, однако, сказать правду: бедные крестины бывают так же мрачны, как похороны какого-нибудь бродяги. Наша процессия состояла из четырех человек. Спереди двигалась услужливая соседка старушка, несшая на руках завернутого в пеленки ребенка. Он всю дорогу немилосердно кричал под своей кисеей, надетой на него ради предстоящего торжества. Следом за этой старушкой медленно ступали крестный отец в синей куртке, обитой бахромой, и крестная мать в нарядном чепчике. Позади них шел отец. Он был одет в старомодный узкий и залоснившийся сюртук и потертые плисовые брюки. Кроме этих четырех человек не было ни родственников, ни друзей, ни ярких лент, ни музыки, ни веселых процессий. Погода была пасмурная, как перед дождем. На маленьких красноватых кустарниках лежал какой-то отпечаток невыразимой грусти и тоски.

Когда они пришли в церковь, священника еще там не было. Приходилось дожидаться. Крестный отец и крестная мать опустились на колени перед изображением св. Анны и забормотали вполголоса молитвы. Старушка укачивала тоскливо стонавшего ребенка, инстинктивно перемешивая свои молитвы с колыбельными припевами. Отец безучастно разглядывал церковные колоннады, тяжелые своды, весь этот мрамор, все это золото, всю эту роскошь, которая, как бы по мановению волшебницы, поднималась здесь над непроходимой нищетой обездоленной страны. Женщины, распростершись перед свечами и почти прильнув лицом к разноцветным плитам, тихо и усердно молились. Их бормотание, похожее на отдаленное вечернее щебетание перепелов, и шелканье перебираемых четок странно, точно пересыпаемое зерно, звучали среди тяжелого молчания мрачной и пышной базилики.

Наконец, запоздав на целый час, в церкви появился священник, – весь красный, нахмуренный и нетерпеливо завязывавший шнурки своего стихаря... Он был в дурном расположении духа, как человек, которого насильно оторвали от обеда. Бросив презрительный взгляд на более чем скромных крестников, не обещавших богатого дохода, священник резко обратился к отцу:

– Тебя как зовут?

– Луи Морен.

– Луи Морен?!.. Морен?!.. Гм... здесь нет такой фамилии... Луи Морен!.. Ты не здешний?..

– Нет, господин викарий...

– Ты кто – христианин?

– Да, господин викарий, христианин...

– Христианин?.. Христианин... И твоя фамилия – Морен? И ты не здешний!.. Гм... Гм... Это, впрочем, ничего не значит... откуда ты?

– Я из Анжу...

– Из Анжу... ну, это меня не касается... это твое дело... Что ты здесь делаешь?

– Я вот уже два месяца состою сторожем в имении господина Любек...

Викарий пожал плечами и проворчал:

– Господин Любек сделал бы гораздо лучше, если бы нанимал сторожей для имения из здешних людей... а не развращал местность пришлыми и иностранцами... людьми, о которых не знают, кто они и откуда они пришли... Вот, например, я совершенно не знаю тебя!.. А так же и твою жену!.. Что ты – женат?..

– Конечно, женат, господин викарий. Я вам уже передал через посланного свои бумаги, необходимые для совершения крещения.

– Женат... женат... Легко сказать! Твои бумаги? Это легко сделать. Словом, увидим... Почему я никогда не вижу тебя в церкви?!.. Ты никогда не бываешь в церкви, а также и твоя жена и все твои домашние?!..

– С тех пор, господин викарий, как мы здесь, моя жена все больна; она не вставала все это время с постели... И кроме того, у нас очень много работы...

– Ты – нечестивец! вот и все... ты – бездельник... разбойник!.. И твоя жена – то же самое!.. Если бы ты поставил нашей защитнице, святой Анне, дюжину свечей, твоя жена не болела бы. Это ты ходишь за коровами у Любека?

– Да, господин викарий, с вашего позволения...

– И за садом тоже ты?

– Да, господин викарий...

– Хорошо... тебя зовут Морен... Луи Морен... Словом, это – твое дело...

И, внезапно обернувшись после этого диалога к старушке, священник приказал ей снять с ребенка чепчик и нагрудник.

– Мальчик или девочка? Какого пола ребенок?

– Эта милая крошка – девочка... – скрипуче проговорила старушка. Дорогое божье дитя!.. Ее неискусные пальцы никак не могли развязать ленты у чепчика. Священника это очевидно сердило.

– А почему она так кричит?.. Она больна?.. Впрочем, это ее дело... Да ну, поворачивайся живее!..

Чепчик был, наконец, снят, и пред священником обнаружилась голова ребенка со сморщенным и безволосым черепом. С обеих сторон лба, около висков, виднелись большие синеватые пятна.

Викарий, увидав эти пятна, вскричал не своим голосом:

– Но девочка появилась на свет Божий противоестественным образом!..

Отец поспешил рассказать, как было дело:

– Нет, господин викарий... Мать чуть было не умерла... Ребенка вынули щипцами... Доктор сначала говорил, что ребенка придется вынимать по частям... Мы страшно беспокоились в течение двух дней... мы думали, что мать при смерти...

– Но прочитали ли вы, по крайней мере, родильную молитву, когда она родилась?

– Конечно, господин викарий, прочитали... Мы очень боялись, что она не выживет.

– А кто читал молитву?.. Повивальная бабка?!..

– О, нет, господин викарий... Доктор Дюранд...

Кюрэ при этом имени страшно вспыхнул.

– Доктор Дюранд?!.. Да разве ты не знаешь, что доктор Дюранд – безбожник, разбойник... негодяй... что он вечно пьянствует и живет со своей горничной?!.. И ты воображаешь, что доктор Дюранд окрестил твою дочь?!.. Болван!.. Дурак ты этакий!.. Знаешь ли ты, что сделал он, этот разбойник, это чудовище с твоей дочерью?!.. Знаешь ли ты это?.. Он впустил беса в твою дочь!.. Теперь в твоей дочери сидит нечистый!.. Вот почему она так кричит! Я не хочу ее крестить!

Викарий перекрестился и пробормотал какие-то латинские слова таким гневным возмущенным тоном, что они скорее походили на брань, чем на молитву.

Отец, ошеломленный, подавленный и с широко открытым ртом, молча стоял перед священником.

– Ну, что ты смотришь на меня с таким глупым видом?.. – ворчал, между тем, викарий. – Я сказал ведь уже тебе, что не могу крестить твою дочь!.. Понял?!.. Отнеси ее туда, откуда она пришла... Девочка, в которой живет нечистый!.. Это тебе наука: зови в другой раз доктора Моррена... Можешь идти к своим коровам... Морен, Дюранд, преисподняя и Ко...

Луи Морен сосредоточенно мял в своих руках шляпу и смущенно повторял:

– Это невозможно!.. это невозможно!.. что же делать?.. Боже мой!.. что же делать?!..

Викарий подумал немного и затем более уже спокойным голосом проговорил:

– Слушай-ка... средство, может быть, и есть... Я не могу окрестить твою дочь, пока в ней будет пребывать нечистый... Но я могу, если хочешь, выгнать из нее беса, только это будет стоить десять франков!

– Десять франков?! – воскликнул с ужасом Луи Морен, – десять франков?!.. Это ведь страшно дорого, господин викарий... Страшно дорого!..

– Ну, хорошо, скинем пять франков на твою бедность... Сейчас ты мне дашь пять франков... После уборки ты принесешь мне четверть картофеля, а в сентябре 12 фунтов масла... Ну, что – ты согласен на все это?..

Морен в течение нескольких секунд смущенно чесал голову. Наконец, он проговорил:

– И вы, кроме того, ее еще окрестите?

– Да, и сверх того я окрещу ее... Идет, что ли?

– Много очень расходов... – бормотал Морен. – Много расходов!..

– Согласен ли ты, наконец?

– Да... только это все-таки слишком много расходов...

Тогда викарий провел рукою по голове ребенка, похлопал его несколько раз по животику, пробормотал какие-то латинские слова, проделал в воздухе несколько странных, таинственных жестов.

– Ну, – сказал викарий, – теперь бес изгнан... Теперь можно и окрестить девочку...

Он снова произнес латинские слова, покропил водою ее лоб, положил зернышко соли в ее ротик и весело закончил:

– Ну... теперь она настоящая христианка и может спокойно умереть...

Объятые какими-то смутными и тяжелыми предчувствиями, они, молчаливые и с низко опущенными головами, медленно возвращались домой. Старушка шла впереди с ребенком, который все еще продолжал кричать. Крестный отец и крестная мать шли позади нее. Отец плелся в некотором отдалении от них.

Наступил полный неясных очертаний и видений туманный вечер. И только с высоты башни, точно призрак, виднелась статуя святой Анны, покровительницы бедных бретанцев... И таинственно и как бы насмешливо она выделялась в этом холодном и гнетущем сумраке...

Е.Г.

Исповедь Жибори**(Перевод с французского для «Сиб. Жизни»)***(Опубликовано в «Сибирской жизни». 1907. № 72 (20 июля). С. 2).*

Дом священника и домик крестьянина Жибори расположены один подле другого: первый – двухэтажный с прекрасным желтым фасадом и белыми ставнями, второй – низенький, темный и шаткий. Оба сада, разделенные тонким частоколом, спускаются к речке Рили, узкой и неглубокой, которая тихо журчит между камышами и тростником; одинаково расположенными аллеями, густо заросшими травой, одинаковыми клумбами, вполне симметричные, окруженные кустами клубники, они кажутся близнецами. В саду священника, в самом центре, под высоким лавровым деревом возвышается раскрашенная гипсовая статуя св. Девы, местами покрытая мхом и смытая дождем; Жибори и у себя поставил статую, которую в насмешку назвал статуей св. Иосифа; она представляет соломенное чучело на длинном шесте, в высокой порыжевшей шляпе в виде винта, в красных лохмотьях, с раскинутыми руками, предназначенное для вспугивания воробьев... Направо и налево расходятся небольшие фруктовые аллеи, доходящие до самого жилища; вдали расстилается долина, цветущая и широкая, окаймленная тощими тополями и ольхой – целое море свежей и густой травы, на которой пасутся стада.

Однажды после полудня, когда Жибори собирался пересаживать пирей в только что вскопанной земле, священник вышел из своего дома с требником в руках и остановился по другую сторону изгороди. Старый крестьянин тотчас же встал на четвереньки, выгнул спину и склонился лицом почти к самой поверхности земли; насторожившись, как гончая собака, он не шевелился. Священник, бормоча латинские слова, ходил взад и вперед вдоль общей изгороди, из-за которой выступала только голова его, покачивающаяся, фиолетовая, с седыми жесткими волосами.

Окончив священное чтение, он остановился, положил на забор свой требник, покрытый черным сукном, и скрестил на нем руки.

– Эй, Жибори! – крикнул он.

Жибори притворился, что не слышит; по-прежнему неподвижный; с блестящими и хитрыми глазами, с трепещущими ноздрями, он походил на хищное животное, почуявшее добычу.

– Жибори! – громче крикнул священник. – Жибори! Разве вы не слышите? Жибори!..

Медленно, тихо, как животное настороже, крестьянин поднялся и повернул голову.

– Шт! – произнес он, делая жест большой, узловатой рукой, как бы отгоняя назойливую муху. И тотчас же принял свое прежнее положение, вытянувшись на четвереньках. Наступило молчание. Можно было подумать, что совершается нечто важное, торжественное и страшное. Пролетела красношейка, вдали застрекотали две сороки, и пронесшийся ветерок заколыхал соломенное чучело на длинном шесте.

Жибори оставался неподвижен. Священник потерял, наконец, терпение и снова позвал:

– Жибори, эй! Жибори? Ну, что? Опять крот?

Старик поднял голову и сердито стал стучать кулаками о землю.

– А, черт возьми! Вы его испугали, и он скрылся; ведь он ничего не щадит, всюду роет... Я пойду за ловушкой...

Он поднялся, проклиная, и с согнутым вдвое туловищем, дрожащими руками и ногами, направился было к дому, но священник, лукаво улыбаясь, остановил его.

– Послушайте, Жибори, почему принимаетесь подстерегать крота, как только увидите меня?

– Разве я знаю, – отвечал старик, ворча, – может быть, по вашей же вине: ведь крот и священник – две вещи разные. Я пойду за ловушкой...

– Подождите, Жибори. Как ваше здоровье?

– Плохо, господин священник, плохо; ноги мои слабы, голова также, все во мне вертится, как в мельнице.

– Итак, – ответил священник после небольшого молчания, все в вас вертится, как в мельнице! Нужно обратить на это серьезное внимание. Вот и Пасха приближается...

При последних словах Жибори широко, до самых ушей разинул свой рот, в котором желтел единственный пенек.

– Так что же? – прошептал он.

– Я говорю, что скоро Пасха, – повторил священник.

– Ну и что? Что же делать? Пусть приходит...

– Ну, ну, шутите, старая лиса. Вы отлично понимаете, в чем тут дело. Может быть, вы думаете опять не исповедоваться, как в прошлые годы?

– Довольно об этом, довольно... Я пойду за ловушкой...

Священник продолжал повелительно:

– Послушайте, Жибори, – произнес он серьезно, – вы причиняете много горя вашей дочери... Она плачет, она в отчаянии, ваше нечестие делает ее несчастной.

– Амалия! – вскричал старик. – Это ее не касается, пусть занимается своим делом, и вы также. Я люблю Бога, по воскресеньям бываю на обедне. Что же касается исповеди и прочего, то я об этом другого мнения, конечно!

– Вы стары, Жибори, у вас были припадки... Жизнь и смерть не в наших руках...

Он скрестил руки и покачал головой.

– Если бы с вами случился припадок сегодня вечером, сейчас... Что вы сказали бы?

– Припадок?! Ночью? Со мной?

– Да, да!

– Как бы вам не пришлось умереть раньше меня... И вы не молоды, не очень крепки!.. Я пойду за ловушкой!..

– Тише, тише!

Бедному священнику нечего было прибавить; ответы Жибори, сопровождаемые хитрым взглядом маленьких подмигивающих глаз, спокойное упрямства и грубая ирония расстраивали его, возмущали, пугали в такой мере, точно перед ним был сам черт; он проклял бы его, если не опасение испортить дело окончательно и не слабая надежда вернуть на путь раскаяния этого старого, закоренелого грешника, и он воздержался.

Птицы перелетали от одного дерева к другому, колеблющаяся на солнце вдали тихо переливалась речка, касаясь качающихся ветвей тростника; рыжий кот, растянувшись под ростками молодого латук-салата, внезапно поднялся, в два прыжка перебежал сад и скрылся в отверстие изгороди.

Сильно смущенный священник изыскивал удобный способ для возобновления разговора; он вынул табакерку из кармана рясы, вял щепотку табаку, отряхнул часть, понюхал и громко чихнул.

– Знаете, Жибори, – заговорил он вдруг, забарабанив пальцами по требнику. – Вы человек хороший, и мне хочется сделать вам одно предложение... О! одно прекрасное предложение!..

Старый крестьянин наострил уши и недоверчиво посмотрел на священника.

Последний продолжал: «У меня осталась последняя бутылка старого вина, очень старого – ему более двадцати лет... Чтобы найти подобную, нужно пройти сто верст... Она стоит... О, Боже! Она стоит, по меньшей мере, десять, а то и пятнадцать франков; неизвестно, сколько может стоить такая бутылка вина, ее и оценить невозможно... Итак, если вы хотите исповедоваться, я принесу эту бутылку ... Она будет ваша, и вы сумеете похвастать такой редкостью, которую не имеет ни епископ, ни владелец Гильбо – никто.

– Да, да! – запрыгал старик, почесывая у себя за ухом. – Но не обманете меня?

– Я вам это обещаю. Что же, вы согласны, Жибори?

– Согласен.

- Итак, я сейчас же иду к вам.
- А бутылка?
- Да, с бутылкой...
- Хорошо.

II-я гл.

Амалия была худощавая, истощенная девушка, с беспокойным взглядом, неизменно одетая с ног до головы в черное, как монахиня. Большую часть времени она проводила в церкви, дома занималась хозяйством, шепча молитвы и украшая стены иконами; с отцом она не разговаривала вовсе не потому, что они были в ссоре: не вмешиваясь в проявления ее крайней набожности, он требовал и для себя полной свободы действия, не допуская с ее стороны ни малейшего указания «относительно религии», и так как Амалия умела говорить только о Боге, св. Духе и святых, то им не о чем было поговорить друг с другом; в продолжение десяти лет они хранили полное молчание.

Жибори вошел в квартиру, не глядя на дочь, которая с подобранными юбками и засученными по локоть рукавами была занята чисткой котла, бормоча молитвы; он прошел в свою комнату и закрыл дверь.

Спустя четверть часа в соседней комнате послышалось шушуканье, подавленные восклицания; дверь открылась и появился священник, улыбающийся, торжествующий, с бутылкой в руке.

– Ах, ах! Жибори, – восклицал он радостно... – Вот она! Это она, единственная, последняя, самая лучшая! Ах, старый счастливец! – С этими словами он поднял бутылку над своей головой за край горлышка, показывая ее во всей красоте, окутанную паутиной, как почтенной сединой.

– Хорошо, хорошо, – бормотал старый крестьянин, устремляя на бутылку косые и блестящие глаза... Как же мы устроимся?

Священник окинул комнату быстрым взглядом и сказал:

– Очень просто... Возьмем столик... Вы сядете у одного конца, я у другого...

– А бутылка в середине, – прибавил Жибори.

– Так... подумайте, ведь я хранил ее к столетию св. Лациума, но я обещал... Вы готовы? Мы начинаем.

Священник с благоговением поставил бутылку на стол, сел и, осеняя себя крестным знаменем, прошептал серьезно и глухо: «Во имя Отца, сына и св. Духа, аминь! Повторите, Жибори». Последний не спускал глаз с бутылки, у него вдруг зародилось подозрение, он боялся быть обманутым и спросил: «Какое это вино?»

– Бургонское, старое бургонское, – ответил священник.

– Бургонское! Мне больше нравится бордо! Но уверены ли вы, по крайней мере, что это бургонское? Вы смеетесь надо мной!

– Я ведь сказал вам. Итак, начнем сначала. Во имя Отца и Сына и св. Духа! Повторите, Жибори.

Жибори рассеянно пробормотал:

– Во имя Отца и Сына и св. Духа... Аминь. Ну что мне сказать вам? Мне нечего сказать, нечего... Я не убил, не ограбил, не украл...

Дверь внезапно отворилась, и в комнате появилась Амалия, с сверкающими глазами и угрожающими жестами.

– Может ли Бог допустить, – кричала она, приближаясь к столу, – может ли Бог допустить подобную ложь на исповеди, священнику. Вы украли!

Да, он крал, и не один только раз, а много раз... Ах, пусть он не лжет... Он может ночью умереть... он попадет в ад... я не хочу... Он украл кролика у жены Рено, серп у учителя Трепальера, веревку у господина Баку, мой чудотворный крест... Украл две меры овса у Маршанда, украл... Да разве можно перечислить все то, что он украл?

Старик, с пеной у рта, показывая кулаки, кричал:

– Вон отсюда! Замолчи!.. Подожди же, подожди!

Он хотел подняться и второпях толкнул стол так сильно, что бутылка наклонилась, покатила и прежде, чем священник успел ее подхватить, упала на пол с тем сухим треском, который производит разбившееся стекло.

Одно мгновение все трое оставались изумленные, уничтоженные, с полуоткрытыми ртами, вытаращенными глазами, следя за маленькими, извилистыми, пурпурными ручейками, которые текли, разделялись, соединялись и исчезали в отверстиях каменного пола.

– Проклятый бездельник! – вскричал священник, стуча по столу.

– Св. Дева! – молилась Амалия, складывая руки.

– Я пойду за ловушкой, – сказал Жибори, поднявшись и медленно удаляясь, волоча за собою деревянные башмаки и размахивая руками.

М.Г.

Мопассан Ги де (Maupassant Guy de, 1850–1893)**Роза**

(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1891. № 66 (12 июня). С. 3).

Две молодые женщины завалены были множеством цветов; сидели они в большом ландо, нагруженном букетами разных размеров, как громадная корзина, которую везут на рынок. На передней скамейке два белых атласных лотка, полны пахучих фиалок, а на медвежьей шкуре, покрывающей ноги женщин, масса букетиков из самых разнообразных цветов, перевязанных шелковой лентой, будто бы давили своею тяжестью два нежных создания. Из под этого прекрасного пушистого покрывала видны только были их головки, плечи, руки и верхние части двух светлых лиффов.

Бич кучера, вожжи, колесные спицы, все это убрано было разными живыми цветами на месте фонарей, красовались два огромных круглых букета, которые казались глазами этого странного цветущего и движущегося зверя.

Экипаж крупною рысью проехал по улице Антиб, а впереди, позади и рядом с ним, множество других, тоже убранных цветами и зеленью, в волнах которых утопали женщины. Это было весною, в день цветочного праздника в Канне.

Приехали на бульвар Фонсьер, где происходила битва цветами. Во всю длину громадного проспекта, в одну и в другую сторону, тянутся две бесконечные вереницы разукрашенных экипажей, из них катающиеся бросают друг в друга цветы. Букеты летают по воздуху как ядра, падают на колени, на груди и свежие личики и нередко в пыль уличной мостовой, откуда их поднимает целая армия мальчишек.

На тротуарах, по обеим сторонам бульвара, суетится толпа пешеходов, смотрит и громко хохочет. Порядок поддерживают конные жандармы, которые иногда грубо оттесняют слишком любопытных, не позволяя бедноте смешиваться с богачами.

Из экипажей зовут друг друга, здороваются и бомбардируются розами. Большая колесница, полная красивых женщин, одетых в красивые костюмы демонами, привлекает и ласкает взоры. Какой-то мужчина, похожий на портреты Генриха IV, весело бросает огромным букетом, придерживаемым резинкою. Женщины и женщины, опасаясь удара, закрывают глаза и уклоняют головы, но вежливый снаряд, быстрый и послушный, описывает в воздухе дугу и послушно возвращается к своему господину, который тотчас кидает его в другую сторону к другому лицу.

Обе молодые женщины полными пригоршнями опустошают свой арсенал и в свою очередь засыпаны градом букетов; наконец, после баталии, длившейся около часа, немного утомленные, они велели кучеру ехать по берегу моря, по дороге к заливу.

Солнце закатывается, обрисовывая черный зубчатый силуэт горы Эстерель. Тихое море простирается вдоль и, наконец, сливается с небосклоном, а эскадра, укрепленная на якорях по середине залива, кажется стадом гигантских, пузатых, закованных в стальную броню сказочных зверей, глаза которых загораются с наступающей темнотою.

Молодые женщины, лениво развалившись под теплым покрывалом, томно глядят вперед. Наконец, одна из них сказала:

– Какие, однакож, выдаются чудесные вечера! Все кругом нас кажется прекрасным! Не правда ли, Марго?

– Да, действительно хорошо. Но все-таки чего-то не достает, – ответила другая.

– Чего же ты хочешь? Я чувствую себя совершенно счастливо. Ничего мне не нужно.

– Как бы не так. Это только так кажется. Как бы хорошо ни было нашему телу, мы всегда еще чего-то желаем ... для сердца.

– Немножко любви? – с улыбкою спросила подруга. – Да ...

Они замолкли, задумчиво глядя вдаль; потом, та, которую звали Маргаритой, прошептала: жизнь мне кажется невыносимую без этого. Я

чувствую потребность быть любимой, хотя бы собакою. Чтобы ты ни говорила, а все мы таковы.

– Да нет же, милая моя. Я предпочитаю, чтобы никто меня не любил, чем быть любимой первым встречным. Разве ты думаешь, что мне было бы приятно, если бы меня любил, например...

Она не находила подходящего сравнения и глазами искала кругом. Взор ее, обожав все окружающее их пространство, остановился на двух металлических пуговицах на талии кучера, и она прибавила смеясь,

– Если бы меня любил мой кучер.

Марго слабо улыбнулась и тихо ответила:

– Уверяю тебя, что это очень забавно быть любимой кем-либо из прислуги. Это случалось со мною два или три раза. Они так ворочают глазами, что умереть можно со смеха. Конечно, чем больше они влюблены, тем строже нужно с ними обращаться, а потом, прогнать под первым предлогом, потому что можно бы быть осмеянной, если бы кто заметил.

Подруга слушала с удивлением, наконец, заявила:

– Нет, не могу согласиться с тобою, я бы никак не могла удовлетвориться сердцем своего лакея. Расскажи мне, как это ты замечала, что они влюбляются в тебя.

– Я это замечала так, как у других мужчин, потому что они тогда становятся совсем глупыми.

– Что касается меня, то если меня любят, они мне не кажутся глупыми.

– Милая моя, они становятся идиотами, не в состоянии разговаривать, отвечать, понимать что либо.

– Но что же ты чувствовала, если в тебя влюблялся кто-нибудь из твоей прислуги. Тебя это волновало... или доставляло удовольствие?

– Волновать-то не волновало – но действительно доставляло некоторое удовольствие. Всегда приятно быть любимой мужчиною, несмотря на то, кто он такой.

– Что ты, Марго!

– Это верно. Вот, я тебе расскажу, какой странный случай был однажды со мною. Ты увидишь, как любопытно и неопределенно то, что в нас тогда происходит.

Осенью будет четыре года, когда я вдруг очутилась без камеристки. Я их перепробовала штук пять или шесть, но все оказывались никуда негодными, я уже теряла надежду найти что-нибудь подходящее, когда прочитала в газетных объявлениях, что молодая девушка, умеющая шить, вышивать, причесывать, ищет места и может представить хорошие аттестации. При этом говорит по-английски.

Я написала несколько слов по указанному адресу, и на следующий день ищущая места явилась ко мне. Это была довольно высокая девушка, худощавая, немного бледная, и казалась довольно застенчивою. У нее были красивые черные глаза, прекрасный цвет лица и она сейчас мне понравилась. Я спросила у нее об аттестатах, и она показала мне один, на английском языке, от леди Римуель, в доме которой, по ее словам, служила десять лет.

В аттестате сказано было, что она рассчиталась по собственному желанию, чтобы вернуться во Францию и что в течение долголетней службы, ее можно было упрекнуть в небольшом *французском кокетстве*.

Целомудренная английская фраза заставила меня только улыбнуться и я тотчас наняла эту горничную. В тот же день она и поступила ко мне. Звали ее Розою. По истечении месяца я восхищалась ею. Она была настоящей находка, жемчужина, феномен.

Она умела причесывать меня с артистичным вкусом, отделявала шляпки, как самые лучшие модистки, умела даже шить платья. Я просто поражена была ее способностями, у меня никогда не бывало такой отличной горничной.

Она одевала меня быстро и чрезвычайно легкою рукою. Я никогда не чувствовала ее пальцев на своей коже, а для меня нет ничего более неприятного, как прикосновение пальцев горничной к моему телу. Скоро я ужасно разленилась, потому что мне доставляло удовольствие, когда эта

большая девушка, всегда молчаливая, застенчивая и немного краснеющая, одевала меня с ног до головы, начиная с сорочки, кончая перчатками. После холодной ванны, когда я дремала немного на кушетке, она растирала мое тело и делала массаж и я, право, смотрела на нее скорее как на ниже меня поставленную подругу, чем как на простую камеристку.

Вдруг, как-то утром, явился привратник, говоря, что ему нужно сообщить мне что-то по секрету. Я удивилась и велела ввести его. Это был верный человек, старый солдат, бывший денщик моего мужа. Его видимо стесняло то, что должен был мне сообщить; наконец, запинаясь, он сказал:

– Барыня, там внизу ждет частный пристав.

– Что ему нужно? – спросила я с изумлением.

– Он хочет сделать обыск в нашем отеле.

Нет сомнения, что полиция нужна и полезна, но я все-таки не люблю ее и потому рассерженная и отчасти оскорбленная, я ответила:

– Какой обыск? По какой причине? Я его не пущу.

– Он утверждает, что здесь скрывается какой-то преступник – пояснил привратник.

Тогда я уже велела ввести пристава, чтобы объясниться с ним. Это был благовоспитанный человек, кавалер почетного легиона; он извинился, просил у меня прощения, но утверждал, что между моею прислугой есть – беглый каторжник!

Я была возмущена, сказала, что ручаюсь за всю прислугу и начала пересчитывать ее.

– Привратник – Петр К., отставной солдат.

– Это не он.

– Кучер – Франц П. – крестьянин из Шампани, сын фермера моего отца.

– Не он.

– Помощник кучера, тоже из Шампани и тоже сын крестьянина, которого я лично знаю, лакей, которого вы только что видели.

– Тоже не он.

– В таком случае видите сами, что ошибаетесь.

– Извините сударыня, я вполне уверен, что не ошибаюсь. Так как дело касается очень опасного преступника, я должен просить, чтобы вы были так любезны и приказали явиться сюда, ко мне, всей прислуге.

Сначала я отказалась, потом уступила и велела позвать всю мужскую и женскую прислугу. Пристав окинул их одним взглядом и тотчас заявил:

– Здесь не все на лицо.

– Извините, недостает только моей камеристки и надеюсь, что не будете считать эту молодую девушку – беглым каторжником.

– Могу ли видеть ее?

– Конечно.

Я позвала Розу, которая сейчас вошла в комнату. Едва она появилась, как пристав дал знак, и два человека, которых я не видела спрятанных за дверью, бросились на нее, схватили за руки и связали веревками.

Меня это взбесило, я вскрикнула и хотела кинуться ей на помощь, но пристав остановил меня.

– Сударыня, фамилия этой девушки Иван Николай Лекапе; в 1879 году он был приговорен к смертной казни за насилие и убийство. Приговор был смягчен и заменен пожизненной каторгой. Он бежал четыре месяца тому назад, и мы его до сих пор разыскивали.

Я ошалела, была совсем уничтожена и все еще не верила. Пристав сказал смеясь:

– Я могу сейчас представить вам доказательство. Правая рука у него татуированная.

Отвернули рукав, и я действительно увидела, что он сказал правду. Полицейский чиновник прибавил еще довольно дерзко:

– Думаю, что теперь можете уже нам поверить и не требовать других доказательств?

Мою горничную увели.

– И вот, поверишь ли, что меня тогда больше всего затрагивало? Меня не столько сердило то, что меня так грубо обманули и насмеялись надо мною; мне не столько было стыдно того, что этот человек одевал, раздевал меня, поворачивал на все стороны, касался ко мне руками, нет ... я была глубоко унижена ... унижена как женщина... Понимаешь ли?

– Нет не совсем.

– Однакож... подумай... этого парня приговорили за... насилие... вот что! я думала... о той, над которою он совершил насилие... и... это унижало меня... Вот оно что... Теперь понимаешь?

Марго ничего не ответила. Она пристально смотрела вперед, на две пуговицы, блестевшие на ливрее кучера и улыбалась тою загадочною улыбкою сфинкса, какою иногда улыбаются женщины.

А. С-кий.

Отцеубийца

(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1891. № 68 (16 июня). С. 2–3).

Защитник доказывал, что обвиняемый сумасшедший, да и как можно было иначе объяснить это дикое преступление?

Утром, в кустах над берегом Сены, нашли два трупа – мужчины и женщины, людей хорошо известных в свете, богатых и еще довольно молодых. Они повенчались только в минувшем году, она же овдовела после первого мужа, три года тому назад. Никто не знал, чтобы у них были неприятели и их не обокрали. Их видимо бросили в реку после нанесения нескольких ударов длинным острым орудием.

Следствие ничего не обнаружило. Рыбаки ничего не знали и власти думали уже предать это дело забвению, когда вдруг, молодой столяр из соседнего села, Георгий Луи, объявил, что он совершил это убийство. На все вопросы он только отвечал:

– Мужчину я знал уже два года. А женщину шесть месяцев. Они часто велели мне исправлять старинную мебель, зная, что я хороший столяр.

Когда же его спрашивали, почему он их убил, он упрямо отвечал:

– Убил потому, что хотел их убить.

Ничего больше нельзя было от него узнать.

Он был незаконнорожденный; ребенком его отдали к мамке, а потом покинули. У него не было никакой фамилии, но когда он вырос и оказался способным человеком и человеком с врожденными изящными манерами и наклонностями, товарищи прозвали его «баринном», и это прозвище заменяло ему фамилию. Он славился как очень искусный столяр и даже исполнял некоторые резные работы. Говорили, что он легко увлекался, что воспринял некоторые теории социалистов и даже нигилистов, был большим любителем чтения кровавых романов и драм и, как оратор, имел влияние и успех на сходках рабочих.

Итак, защитник доказывал, что он сумасшедший.

Как в самом деле допустить, чтобы ремесленник убил лучших своих заказчиков, людей богатых и не жалеющих денег; сам он сознавал и его книги доказывали, что в течение двух лет он исполнил для них разной работы на сумму свыше 3000 франков. Было только одно объяснение его преступления: сумасшествие – *idée fixe* человека, который мстит господам за свое неопределенное положение, защитник говорил:

– Разве это не ирония судьбы, ирония возмущающая несчастного парня, у которого нет ни отца, ни матери? Он горячий республиканец – мало того, он даже принадлежит к политической партии, которую прежде республика растравливала и отправляла в ссылку, а теперь принимает с распростертыми объятиями. Он принадлежит к партии, считающей поджог – принципом, а убийство самым простым средством для достижения намеченной цели!

Это грустное учение с восторгом встречаемое теперь на публичных собраниях, погубило обвиняемого. Не его нужно осуждать – господа, осуждайте коммуну!

Присутствующие одобрительно перешептывались между собою. Успех защиты легко можно было предвидеть. Прокурор отказался от обвинения, а председатель суда обратился к обвиняемому с обычным вопросом:

– Подсудимый, имеете ли что-нибудь еще сказать в вашу пользу?

Молодой человек поднялся; он был небольшого роста, светлый блондин, с выразительными ясными глазами. Он говорил сильным звучным голосом, которого нельзя было ожидать от такого на первый взгляд тщедушного человека. Он говорил громко, с пафосом, но так отчетливо, что каждое слово слышно было даже в глубине большой залы суда:

– Я не желаю быть запертым в сумасшедший дом, лучше пусть пойду под гильотину. Я все скажу... Я убил этих людей потому, что это были мои родители. А теперь, слушайте и судите меня...

Женщина родила сына и отправила его куда-то к мамке. Знала ли она куда ее сообщник унес это невинное существо, обреченное на вечную нищету,

на позор незаконного происхождения, мало того – на смерть, так как его бросили, об нем забыли, а мамка, не получая месячного жалования, могла уморить его, как это делают многие другие, у которых такие дети умирают от истощения и голода.

Но меня вскормила честная женщина, она была честнее, выше, была больше матерью, чем моя мать – она воспитала меня. Положим, что она дурно сделала, исполняя свою обязанность. Лучше бы было, если бы умирали все эти дети, которых как городские нечистоты вывозят в окрестные деревни.

Я рос, чувствуя, что надо мною тяготит бесчестие. Однажды, другие дети называли меня оскорбительным словом, которое слышали от старших, но не понимали его значения. И я тоже его не понимал, но – догадывался.

Могу сказать, что в школе я был одним из самых способных учеников. Я бы сделался честным, быть может выдающимся человеком, если бы мои родители не совершили преступления, покидая меня. Это преступление они совершили против меня; я был жертвою, они были виновниками. Я был беззащитен, они без сострадания; они должны были любить меня, а между тем – покинули.

Они дали мне жизнь – но разве это был хороший подарок? Моя жизнь была одним лишь несчастьем. Когда они меня постыдно покинули, я должен был только отомстить им. Они совершили против меня самый бесчеловеческий, самый подлый, самый отвратительный поступок, какой можно совершить против живого существа.

Оскорбленный человек поднимает руку в свою защиту; обокраденный силою отнимает свое добро. Человек обманутый, измученный – убивает, получивший пощечину – убивает, обесчещенный – убивает. Я был более чем обокраденный, обманутый, измученный, обесчещенный, получил больше нравственных пощечин, чем все те, которым вы прощаете их гнев.

Я отомстил, я убил. Я взял у них счастливую жизнь, взамен за ужасное существование, какое они заставили меня влачить.

Вы будете говорить об отцеубийстве! Да разве они были для меня родителями. Эти люди, для которых я был отвратительным бременем, ужасом, пятном позора; люди, для которых мое рождение было несчастьем, угрозой, стыдом? Они искали эгоистических удовольствий, получился неожиданный ребенок. Они уничтожили ребенка, потом пришла его очередь.

Между тем, еще недавно я готов был любить их.

Я вам уже говорил, что два года тому назад, он, – мой отец, пришел ко мне в первый раз. Я ничего не подозревал. После я только узнал, что он тайно, собирал обо мне сведения у местного священника. Он стал часто ко мне ходить, давать работу и хорошо платить. Иногда он кое о чем разговаривал со мною, и я даже привязался к нему.

В начале текущего года он привел ко мне свою жену – мою мать. Когда она вошла, то так сильно дрожала, что я думал, что она подвержена какой-либо нервной болезни. Она села и попросила стакан воды. Ничего не говоря, она как сумасшедшая смотрела на мою мебель, а на все мои вопросы без толку отвечала – да или нет. Я думал, что она помешанная.

Через месяц она опять пришла с мужем, спокойная и владеющая собою. В этот день они довольно долго просидели у меня, разговаривали и сделали мне крупный заказ. Я видел ее еще три раза, но ничего не догадывался, наконец она однажды начала говорить со мною о моем детстве и родителях. Я ответил: «сударыня, мои родители негодяи, которые покинули меня». Тогда она схватилась рукою за грудь и упала в обморок. Я сейчас подумал – это моя мать! Но ничего не сказал, желая еще ее видеть.

Однакож, я со своей стороны собрал кое-какие справки. Я узнал, что они недавно повенчались, так как моя мать овдовела три года тому назад. Поговаривали, что они любили друг друга еще при жизни первого мужа, но доказательств не было. Я был доказательством, которое сначала спрятали, а потом уничтожили.

Я ждал. Однажды вечером она опять пришла вместе с моим отцом. Не знаю, почему, но она была очень взволнована и когда уходила, сказала:

«желаю вам добра, так как вы кажетесь мне честным и трудолюбивым парнем; вы должно быть скоро подумаете о женитьбе, я помогу вам, чтобы вы могли по своему желанию выбрать подходящую жену. Я была один раз замужем против моего сердца и знаю чего это стоит. Теперь я богата, детей у меня нет, я свободна и самостоятельна. Вот приданное для вашей будущей жены».

Она подала мне большой запечатанный конверт.

Я пристально посмотрел на нее и сказал:

– Вы моя мать?

Она отступила шага на три, закрывая глаза рукою, чтобы не глядеть на меня. Он, мой отец, поддерживая ее, крикнул мне: «вы сумасшедший»!

– Вовсе нет, ответил я. Я хорошо знаю: что вы мои родители. Сознайтесь, я сохраню тайну, ничего от вас не буду требовать, останусь тем, чем я есть – столяром.

Он отступил к выходной двери, поддерживая рыдавшую жену. Я опередил его, запер двери, спрятал ключ в карман и спросил:

– Разве и теперь вы можете отрицать, что она моя мать?

Тогда он стал выходить из себя и сильно побледнел, опасаясь, что вспыхнет давно избегаемый скандал, что их положение, счастье, могут быть разом разбиты, он бормотал:

– Вы негодяй, вы хотите выманить у нас денег. Вот, и делайте добро народу, помогайте этим нищим!

Моя мать, чрезвычайно испуганная, постоянно повторяла:

– Уйдем, уйдем отсюда.

Но дверь была заперта, и он крикнул:

– Если вы сейчас же не отворите, я вас засажу в острог за шантаж и насилие!

Я овладел собою, отворил дверь и видел, как они исчезли в темноте.

Тогда мне показалось, что я только что сделался сиротою, что меня покинули, швырнули в грязь. Мною овладела странная тоска, с примесью злобы, ненависти и отвращения; в моем существе как будто взбунтовались

чувства справедливости, чести и отвергнутой любви. Я побежал за ними вдоль Сены, по дороге, по которой им надо было идти домой. Я скоро их нагнал. Было уже совсем темно. Я шел по траве тихими шагами, так что они меня не слышали. Мать продолжала плакать, а отец говорил:

– Ты сама виновата, зачем тебе непременно нужно было его видеть! Ведь при нашем положении – это сумасшествие! Не показывая себя, ему можно было издали помогать. Раз мы не можем его узаконить, на что эти опасные посещения?

Тогда я бросился вперед, загораживая им дорогу и слезно говорил:

– Вы же действительно мои родители. Вы раз уже бросили меня, неужели и теперь оттолкнете?

Тогда – господа судьи, и клянусь в этом честью, законом, клянусь всем, что люблю и уважаю, – он меня ударил... я схватил его за шиворот, а он достал из кармана револьвер. В глазах сделалось красно, я ничего уже не видел. У меня в кармане был циркуль, им я его ударил и потом, сколько мог, продолжал наносить удары. Она начала кричать – караул! – убийца! Рвала мне бороду руками. Кажется, что я и ее убил. Разве я знаю, что я тогда делал? Наконец, когда я увидел, что они оба лежат на земле, ни о чем не думая, я их столкнул в реку.

Я все сказал – теперь, – судите меня.

***

Обвиняемый сел на свое место. В виду такого сознания, дело нужно было пересмотреть; оно скоро будет вторично разбираться. Если бы вы были в числе присяжных заседателей – что бы вы сделали с этим отцеубийцей?

А. С-кий.

Страх**(Перевод с французского)***(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1892. №25 (28 февраля). С. 2–3).*

После обеда все общество вышло на палубу. Впереди нас, освещенная полнолунием, расстилалась совершенно гладкая неподвижная поверхность Средиземного моря. Большой пароход бросал к искрящемуся звездами небу змееобразную ленту черного дыма; позади белая полоса воды, взволнованной колесами, пенилась и блестела такою массою света, что казалось, что в ней сосредоточились и, как будто, кипят все лунные лучи.

Нас было шесть или восемь человек и молча, восхищаясь окружающею нас картиною, мы смотрели в сторону отдаленной еще Африки куда направлялись. Командир парохода, куривший сигару, нарушил молчание, продолжая прерванный в конце обеда разговор.

– Да, в этот день я боялся. Мое судно шесть часов стояло под ударами волн, на подводной скале; к счастью к вечеру нас спас и принял на свой борт заметивший нас английский корабль.

Высокий мужчина со строгим видом, с загорелым лицом, один из тех людей на которых заметно, что среди постоянных опасностей они прошли неизвестные земли; у таких людей в спокойном и глубоком взоре сквозит что-то чужеземное и во всей фигуре видна испытанная храбрость. Он в первый раз заговорил:

– Вы говорите, капитан, что боялись, я этому не верю. Вы ошибаетесь в определении чувства, какое вы испытали. Энергический человек не боится, встретившись лицом к лицу с опасностью, он взволнован, возбужден, трепещет, но страх, это другое дело.

– Вот еще! А я еще вам повторяю что боялся.

Тогда человек с бронзовым лицом медленно произнес:

– Позвольте объяснись. Боязнь или страх (самые смелые люди могут бояться) это ужасное чувство, как будто разложение души, судорога мысли и сердца; человек содрогается от одного воспоминания об этом. Храбрые не

испытывают этого чувства ни перед атакою, ни перед какими известными формами опасности; это случается при не нормальных обстоятельствах под влиянием таинственной и не определенной опасности. Настоящий страх, это как будто действительное возвращение прежних фантастических ужасов. Человек, верующий в приведения, которому ночью кажется, что видит призрак, должен испытывать отвратительно-ужасное чувство страха. Лет десять тому назад я в белый день разгадал чувство страха. Вторично я его испытал в прошлом году в зимнюю декабрьскую ночь. Однакож со мною было много приключений, на первый взгляд угрожающих смертью. Я много раз дрался. Разбойники замертво бросили меня на дороге. В Америке, в качестве инсургента, меня приговорили к смертной казни через повешение, а у берегов Китая меня выбросили за борт корабля. Каждый раз я думал, что погиб и соглашался с этим, не растрогиваясь и ни о чем не сожалея.

Все это не страх.

Я его разгадал в Африке, хотя он дитя севера; солнце рассеивает его как туман. Заметьте господа, что на Востоке жизнь ни во что не считается; человек тотчас на все решается. В светлых ночах нет легенд, в душах нет мрачного беспокойства, какое царит в умах жителей холодных стран. На Востоке знают панику, но страха не знают.

Вот что со мной случилось на горячей африканской земле:

Я проезжал через песчаную пустыню на юге Уаргли, самой странной местности во всем мире. Вы знаете ровные бесконечные пески на берегах океана. Представьте же себе сам океан, превратившийся в песок во время урагана: представьте себе молчаливую бурю и неподвижные волны желтой пыли. Эти волны высокие как горы, но не равны между собою, совсем похожи на взбешенные морские валы, стоят под вертикальными лучами жгучего солнца. Без отдыха, без тени нужно подниматься на эти горы золотистой пыли, то спускаться с них. Лошади хрипят на подъемах, погружаясь в песок по колени, скользят на спусках.

Я ехал с одним своим другом; при нас было восемь человек конвойных кавалеристов и четыре верблюда с жожаками; мы молчали мучимые

усталостью, жарою и жаждою. Вдруг, один из наших людей странно вскрикнул; все остановились и тали неподвижные, удивленные непонятым явлением известным путешественникам, бывшим в этой не приветливой стране.

Где-то далеко от нас, в неопределенном направлении, слышно было барабанную дробь, отбиваемую таинственным барабаном песчаной пустыни; звуки были отчетливые, усиливались, слабели, останавливались и опять раздавались.

Арабы с испугом смотрели друг на друга, и один из них сказал на своем наречии: «смерть возле нас!» Вслед за этими словами мой товарищ, друг, почти брат, головою вперед падает с лошади, сраженный солнечным ударом.

В течение целых двух часов, пока я безуспешно старался спасти его, неуловимая, бесконечная и непонятная барабанная дробь, поглощала мой слух и, наконец, в виду любимого трупа между четырьмя песчаными горами, в яме, сжигаемой солнцем, я почувствовал страх, настоящий отвратительный страх, который проскользнул и проник меня до мозга костей. В двухстах милях от ближайшего французского селения неизвестное эхо продолжало передавать нам быструю дробь барабанного боя.

В этот день я понял, что значит бояться и еще лучше узнал об этом в следующий раз...

Капитан прервал рассказчика.

– Извините, сударь, но этот барабанный бой? Что же это было?

– Не знаю, и никто не знает. Наши офицеры, часто слышавшие эти странные звуки, полагают, что это звуки, издаваемые песчиными носимыми ветром и ударявшимися о стебли сухих трав, звуки усиленные и учащенные эхом между песчаными волнами. Всегда можно было заметить, что это явление повторяется в местностях, где вблизи можно встретить не большие растения, листья которых, засохшие на солнце, делаются твердыми и плотными, как пергамент. Таким образом, кажется, что этот барабанный бой не что иное, как обман слуха, – вот и все, но я узнал об этом лишь после описанного случая. Теперь расскажу второе свое приключение.

Это было прошлой зимою, в лесу, в юго-западной Франции. Было так пасмурно, что стемнело двумя часами раньше обыкновенного. Мой проводник, – местный мужик, шел рядом со мною по узкой дорожке, под сводом сосновых деревьев, воющих под ударами порывов ветра. Местами на прогалинах я видел быстро скользившие тучи, как будто испуганно убежавшие, и иногда весь лес склонялся под ветром в сторону убежавших туч, тогда несмотря на быструю ходьбу и тяжелую одежду, мне становилось холодно. Мы должны были ужинать и ночевать у лесного сторожа, дом которого был уже в не большом от нас расстоянии, шел же я туда на охоту.

Мой проводник, время от времени поднимал глаза вверх, говоря – «скверная погода!» потом начал рассказывать о семействе, к которому мы направились. Хозяин дома, два года тому назад убил лесного вора или браконьера и с тех пор оставался мрачным, как будто его преследовали угрызения совести; его два сына были женаты и жили при отце.

Темнота была страшная. Я ничего не видел ни перед собою, ни вокруг себя, слышал только бесконечный шум древесной листвы. Наконец, я увидел свет и скоро мой товарищ постучал в двери дома. В ответ на его стук раздались пронзительные женские крики; затем, сдавленный мужской голос спросил: «Кто там?». Мой проводник сказал свою фамилию, – мы взошли и я увидел картину, которой никогда не забуду.

Посередине кухни нас ждал старик с седыми волосами, с блуждающим взором и с заряженным ружьем в руках; у порога стояли два дюжих молодца, вооруженных топорами. В темных углах я заметил двух женщин, стоявших на коленях, лицами к стенам. Нужно было объясниться. Старик поставил ружье к стене и велел приготовить для меня комнату, но так как женщины не двигались со своих мест, он резко сказал мне:

– Видите ли, сударь, сегодня ночью истекает два года с тех пор, как я убил человека. В прошлом году он приходил и звал меня, сегодня я опять его жду. Вот почему мы беспокоимся, – прибавил он таким тоном, что я невольно улыбнулся.

Я насколько мог, старался успокоить его, сам же я рад был, что пришел именно в этот вечер и что буду иметь способность наблюдать за суеверным страхом этих людей. Я начал рассказывать им разные истории и кое-как всех успокоил. У очага, уткнув нос между передними лапами, спала старая, усатая, почти слепая собака, одна из тех собак, морды которых имеют некоторое сходство со старческим человеческим лицом. На дворе разбушевалась буря и сквозь маленькое окошко, пробитое возле дверей, при блеске молнии видны были деревья, колеблемые ветром.

Несмотря на мои усилия, я видел, что окружающие меня люди ужасно бояться и что всякий раз, когда я преставал говорить, они к чему-то прислушиваются. Мне наскучило смотреть на проявление глупого страха и я хотел уже идти спать, как вдруг старик вскочил со стула, схватил опять ружье и невнятно пробормотал: «Вот он! вот он! я слышу его!» Обе женщины пали на колени в своих углах, а сыновья принялись за топоры. Я хотел было успокоить их, как внезапно проснувшаяся собака, вытянув голову к очагу и смотря на огонь своими потухшими глазами, завывала тем жалобным воем, который ночью, в пустынных местностях, приводит в содрогание почти всякого человека. Все глаза устремились на собаку, которая, стоя неподвижно на вытянутых вперед ногах, как будто всматриваясь в явившееся перед ней привидение, опять начала выть на что-то невидимое, неизвестное и вероятно очень страшное, так как вся шерсть дыбом на ней стала. «Она чувствует, чувствует его! она была со мной со мною, когда я его убил», лепетал старик. Перепуганные женщины взвыли вместе с собакою.

После этого собака выла целый час не двигаясь с места; она выла голосом каким кричит человек мучимый кошмаром и страх, – ужасный страх охватывал меня. Чего я боялся? Разве я знаю? Это был страх, и больше ничего...

Мы сидели бледные и неподвижные, как будто в ожидании ужасной катастрофы, вздрагивая при малейшем шорохе. Собака, продолжая выть, начала ходить кругом комнаты, обнюхивая стены. Это животное, просто, сводило на с ума! Вдруг, приведший меня крестьянин, видимо под влиянием

бешеного страха, бросился на собаку, схватил ее и, отворив задние двери, выбросил собаку на маленький огороженный двор.

Она тотчас стихла и нас окружила еще более страшная тишина. Внезапно все мы вздремнули; кто-то прошел под стеною дома со стороны леса; затем, подошел к дверям и пошевелил их, как будто не смелою рукою; потом все стихло на две минуты полные ужаса и опять невидимое существо прошло, касаясь наружной части стены и слегка царапнуло по ней будто детским ноготком. Вдруг, в форточке у дверей появилась белая голова, с глазами блестящими как у хищного зверя и из уст ее вырвался неопределенный звук, похожий на стон.

Тогда в кухне разразился сильный удар. Это старик выстрелил из ружья, а сыновья его бросились к форточке, заткнули ее чем-то, и заставили большим столом и шкафом от посуды.

Клянусь вам, что я почти не слышал выстрела, а между тем в мое сердце, душу и тело он вселил такой ужас, что я чувствовал, что теряю сознание и готов умереть от испуга.

Под влиянием невыразимого оцепенения, граничащего с сумасшествием, мы просидели до утра, будучи не в состоянии пошевелиться, или произнести хотя бы одно слово. Баррикаду у входных дверей осмелились отодвинуть только тогда, когда сквозь ставней проникли к нам дневные лучи.

У дверей лежал труп старой собаки с простреленной пулей головою. Собака вышла со двора, прокопав дыру под заплотом.

Загорелый господин замолчал и через несколько минут прибавил:

– В эту ночь я ведь вовсе не был в опасности, однакож, я скорее согласился бы вернуться ко временам, когда мне угрожала почти верная гибель, чем вторично пережить минуту, в которой выстрел направлен был в бородатую голову, появившуюся в форточке.

А. С-кий.

На воздушном шаре

(С французского)

(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1893. № 85 (25 июля). С. 2–3).

Морской офицер, прикомандированный к Медонской военной школе воздухоплавания, прибыл к нам с единственной целью видеть наш подъем и при этом помочь нам. Он держал еще обеими руками веревку, привязывавшую шар к земле, как вдруг раздался крик Жовиса: «Пускайте!».

Большой круг окружавших нас и оживленно болтавших с нами друзей, светлые платья, протянутые руки, черные шляпы, все это внезапно, как будто погрузилось куда-то и исчезло. Мы поднялись и улетаем.

Вот, – мы парим уже над громадным городом, над неизмеримым планом Парижа, подобным рельефному плату выставок, с голубыми крышами, прямыми и извилистыми улицами, серой рекою, остроконечными памятниками, позолоченными куполами дворца Инвалидов, виднеющейся вдали неоконченной колокольной Notre Dame de La Chaudrennerie и башней Эйфеля.

Склоняясь на борт лодки, мы видим во дворе мастерской толпу маленьких мужчин и женщин, машущих нам руками, шляпами и белыми платками. Но они – такие маленькие, так далеки, издали как будто насекомые, то даже не верится, что мы покинули их только минуту, только восемь или десять секунд тому назад.

– Смотрите, с энтузиазмом кричит Жовис, как чудесно, друзья!

К нам доносится глухой гул, составленный из тысячи звуков уличной жизни, стука экипажей, ржания лошадей, щелкания бичей, голосов людей и пыхтения поездов. Покрывая все эти звуки, слышатся близкие и далекие, резкие и глухие локомотивные свистки, которые, как кажется, раздирают, воздух своей резкостью и чистотою звука.

А вот, теперь, – под нами расстилается окружающая город равнина, зеленая равнина, прорезанная белыми, прямыми, разбегающимися в

бесчисленном множестве по всем направлениям дорогами. Но вдруг ясно выраженные до сих пор детали земли, словно слегка замазанные, скрадываются, покрываются непроницаемой дымкою, сливаются и почти исчезают. Мы проникаем в облака.

Легкая, прозрачная завеса окутывает нас. Она сгущается, становится серою, непрозрачною, сжимает и охватывает, запирает и сдавливает нас. Затем, вскоре эта стена влажного и мрачного тумана светлеет, белеет, освещается. Мы летим теперь через легкую ткань из паров; через молочную дымку или раствор серебра. С каждой секундою какой-то таинственный, ослепительный свет, приходящий сверху, освещает все более и более белые волны, через которые мы мчимся; – и вдруг, неожиданно, мы всплываем вверх; мы вынырнули в голубое небо, залитое солнечным светом. Даже в сумасшествии нельзя вызвать образ, подобный тому, который мы увидели.

Мы летим, продолжая подниматься над неизмеримым хаосом облаков, имеющих вид снега. Фантастические, невообразимые, сверхъестественные, они тянутся докуда только видит глаз. Под нами, эти снежные громады, ослепительного блеска, разворачиваются и скатываются по всем направлениям. Там виднеются равнины, горные вершины, пики, долины... Формы этого нового мира, этого фантастического мира неизвестны на земле; их можно наблюдать только с неба. Виднеются в этом мире своды, арки, хрустальные башни и океаны волн, которые опускаются и поднимаются, стоят неподвижно и яростно бросаются, а их сверкающая пена ослепляет глаза. Там видны фиолетовые пропасти, образованные облаками, находящимися ниже; там – фантастические горы, поднимающиеся в бесконечное пространство свои горящие ослепительным блеском – вершины.

Но внезапно, возле нас, близко, далеко ли сказать с точностью трудно, так как здесь судить о пространстве невозможно, в воздухе появляется прозрачное, круглое пятно, которое летит, подымается; это воздушный шар, какой то другой воздушный шар с лодкой, флагом и пассажирами. Я подымаю руку и вижу, как один пассажир призрачного шара проделывает то же самое.

А между тем, сквозь эту фантастическую тень ясно, как будто ее не существует, различаются облака и необъятный горизонт. В то же время вокруг видения рисуется радуга, окружающая его светящимся и многоцветным кольцом. Этот хорошо известный феномен называется ореолом аэронавтов. Тень, брошенная шаром на соседние облака, вполне объясняет это восхитительное явления, но чтобы объяснить происхождение окружающей его радуги, было предложено несколько теорий. Наиболее правдоподобная из них следующая: материя, из которой сделан воздушный шар, не смотря на достоинство ткани и шелка, остается, все таки, в достаточной степени проницаемой для газа, заключенного внутри. Являющаяся таким образом, беспристрастная потеря газа производит вокруг шара легкий слой влажности. Проходя через этот слой, солнце вызывает в нем такие же цвета призмы, как и в тончайшей пыли каскадов и отбрасывает их вслед за тенью шара на ближайшие облака.

Так как мы все продолжаем подниматься, то паровой призрак перестает вскоре следовать за нами и, делаясь с каждой секундою все меньшим и меньшим, по мере того как мы удаляемся, остается далеко внизу под нами, одиноко парящим над белым океаном облаков. Косвенные лучи солнца отбрасывают его все ниже и ниже туда, где он, подобно детской игрушке, блуждающей в мятежной снежной пустыне, следует за всеми нашими движениями.

Чем выше мы поднимаемся, там жар кажется сильнее и тем удивительнее и невыносимее становится отражение солнечных лучей от ослепительно блестящей громады облаков. Термометр показывает 26 градусов в то время, как на земле мы имеем всего 13, и расширившийся вследствие этого шар испускает струи газа, который, подобно дыму, стелется вслед за нами в воздух.

Мы пролетели две тысячи метров; следовательно, мы парим на высоте тысячи пятисот метров над уровнем облаков и ничего не видим кроме

бесконечных серебряных струй под собою и – ничего кроме необъятного лазурного свода над собою.

Внизу, местами виднеются фиолетовые отверстия, – бездны, dna которых не видно. Гонимые легким, почти нечувствительным ветерком, мы медленно подвигаемся по направлению к одному из таких отверстий. Издали, можно было бы сказать, что громадный ледник занял все необъятное пространство, оставив лишь неизмеримую расщелину между двумя горами.

Я беру подозрную трубку, чтобы исследовать голубоватое дно этой пропасти, и замечаю там, в глубине клочок поля, две дороги и большую деревню. Вот, бараны в поле, коровы, коляски. Как все далеко крошечно, незначительно! Но облака, бегущие под нами, нагло закрывают открытый проход в потолке из туч.

Между тем, Малле твердит ежеминутно: «бросайте балласт, бросайте балласт!». Воздушный шар, раздутый через расширение газа и внезапно охладившийся при приближении вечера, падает как камень.

Кусочки папиросной бумаги, беспрестанно бросаемые нами, чтобы узнать, поднимаемся ли мы, или опускаемся, подобно белым бабочкам, порхают вокруг нас. Это – наилучшее средство узнать, что делается воздушным шаром. Когда он поднимается, папиросная бумага, кажется, падает на землю; когда же листки, как будто, улетают в небо, шар опускается.

– Балласт! Бросайте балласт!

Горсть за горстью, мы опорожняем мешки с песком, который желтым дождем, позлащенным лучами солнца, рассыпается под нами, «Norla» продолжает опускаться, и вдруг призрачный шар, не имевший возможности все время следовать за нами, теперь снова, словно на встречу нам, выплывает в своем цветном ореоле.

Теперь мы плывем по поверхности моря облаков и наша лодка, как будто погружается в испаряющуюся вокруг нас пену волн.

Вот, снова – отверстия, через которые мы замечаем землю, замок, старую церковь, вечные дороги и зеленые поля.

Бросая беспрестанно балласт, нам удастся наконец, остановить падение шара, но он, влажный и бессильный, похожий на лоскут желтого надутого полотна, заметно тощает вследствие холодного тумана, заставившего газ быстро сжаться. Снова мы погружаемся в облака и тонем в волнах мглы.

К нам уже ясно долетают земные звуки, слышатся детские крики, лай собак, грохот экипажей, щелканье бичей.

Вот, наконец, и земля, громадная географическая карта, которую мы уже видели в продолжение полминуты, когда подымались вверх. Мы над нею на высоте каких-нибудь шестисот метров и ясно различаем малейшие детали.

Курицы в чьем-то большом дворе, приняв нас за громадного коршуна, парящего над ними, испуганно улетают.

А это – какое странное животное бежит там в поле? Белый ли это индюк, или гусь? Нет, - это маленький мальчик. Весь в белом, увидев нас и подняв нос кверху, он бежит, падает, что и дает мне возможность различить человеческое происхождение.

Из нашего рожка мы даем земле сигналы. Люди отвечают нам криками и бегом, по полю сопровождают нас, оставивши свои дома и работу. Возницы покидают свои экипажи на дорогах, и мы видим на зеленых нивах шумящую толпу, которая топчет их.

Шар продолжает опускаться. Первый спущенный канат задевает уже за деревья; второй почти коснулся земли, как вдруг мы видим перед собой телеграфную линию, проволоки которой готовы остановить на полет.

– Нужно перепрыгнуть через линию. Проволоки – это гильотина аэронавтов! кричит Жовис.

Он выбрасывает последний мешок балласта, и шар в агонии делает последнее усилие, и, как будто, одним взмахом крыла перелетает через преграду в то мгновение, как мимо мчится поезд, машинист которого приветствует нас громким свистком.

Мы снова на высоте тридцати метров над землею. Одним ударом ножа Жовис перерезает узел, прикрепляющий якорь, и он падает на засеянное

хлебом поле. Освобожденная от последней тяжести «Norla» немного подымается, но мы изо всех сил тянем за веревку, и лодка без потрясений опускается среди толпы крестьян, которые хватаются за нее и придерживают ее.

Мы выпрыгиваем из лодки с сожалением, что уже кончился наш недолгий, великолепный полет, наше ни с чем несравнимое путешествие через пространство в феерическую область белых облаков, о которой не смеет грезить даже поэт.

Чернч.

Ободранная рука**(Пер. с франц.)***(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1893. № 120 (15 октября).**С. 2–3).*

Около восьми месяцев тому назад, один из моих друзей Луи Р. пригласил к себе несколько школьных товарищей; мы пили пунш, курили, толковали о литературе, живописи и, как это обыкновенно бывает на собраниях молодых людей, рассказывали веселые анекдоты. Вдруг двери широко распахнулись и один хороший друг моего детства, как буря, ворвался в комнату.

– Угадайте, откуда я являюсь? – вскричал он.

– Готов пари держать, что из Мабиля, – сказал один из присутствующих.

– Нет, ты слишком весел, должно быть ты занял денег, похоронил богатого дядю, или часы отдал в стирку, – говорил другой.

– Ты налимонился, – заметил третий, и как почуял пунш у Луи, прибежал, чтобы поправиться на другой бок.

– Никто не угадал. Возвращаюсь из Нормандии, из П..., где я пробыл недельку, привожу оттуда важного преступника и прошу позволения представить вам его.

Говоря эти слова, он вынул из кармана ободранную кисть человеческой руки; отвратительная это была рука, сухая, очень длинная и как будто судорожно скорченная, с необыкновенно сильными мускулами, кисть, как браслетом, окружена была полосой высохшей кожи, похожей на пергамент; желтые, узкие ногти остались на концах пальцев. Издали чувствовалось, что эта рука принадлежала худому человеку.

– Представьте себе, – говорил мой приятель, – что несколько дней тому назад продавали с аукциона разную рухлядь, оставшуюся после смерти старого колдуна, известного в нашем участке. Каждую субботу он ездил на метле к ведьмам, занимался бедой и черной магией, умел портить молоко у

коров и приделывал им такие хвосты, какой носил соблазнитель св. Антония. Во всяком случае старый мошенник очень дорожил этой рукой, которая, по его словам, принадлежала знаменитому преступнику, казненному в 1736 году за то, что головой вперед спустил свою законную жену в колодец. Положим, что делая это, он, быть может, был прав, но, затем, он повесил на колокольне священника, который его венчал. После такого двойного подвига, он пошел гулять по белому свету, но во время своей недолгой, хотя энергической, деятельности, успел на больших дорогах ограбить двенадцать человек, в подожженном им монастыре задушил в дыме и пожаре около 20-ти человек монахов и, забравшись в женский монастырь, превратил его в гарем.

– Но, что же ты будешь делать с этой мерзостью? – спрашивали мы все.

– Повешу ее вместо ручки для звонка, чтобы пугать являющихся ко мне кредиторов.

– Друг мой, сказал Генри Смит, большой, очень хладнокровный англичанин, я полагаю, что эта рука есть ничто иное, как индийское копченое мясо; советую тебе приготовить из нее бульон.

– Не насмехайтесь, господа, сказал очень серьезно один из товарищей, – студент-медик, бывший уже наполовину пьян; тебе же Петр могу посоветовать только одно, вели похоронить по-христиански эту частицу человеческого тела, чтобы собственник не пришел требовать ее у тебя; впрочем, быть может, эта рука имеет дурные привычки; знаете пословицу «кто убивал – будет убивать», и «кто пил, тот и будет пить» прибавил хозяин, наливая и предлагая студенту большой стакан пунша. Тот выпил залпом и свалился под стол абсолютно пьян. Поднялся общий хохот, а Петр, поднимая стакан, сказал «пью за здоровье твоего будущего таинственного посетителя – собственника руки». Затем разговор перешел на другие темы и скоро все разбрелись по домам.

На другой день, проходя мимо, я зашел к нему; было около двух часов дня, он курил и читал какую то книгу. Как поживаешь? – Отлично. – А твоя рука?

– Моя рука! ты должен был видеть ее у звонка, где ее повесил возвращаясь домой вчера вечером, но представь себе, «что какой то дурак, видно для того, чтобы сыграть со мною глупую шутку, около полуночи начал изо всех сил звонить ко мне; я спросил кто там, но так как никто не отвечал, то я опять улегся и заснул.

В эту минуту кто-то позвонил; это был хозяин дома, человек грубый и дерзкий. Он вошел и, не поклонившись, сказал моему другу: «прошу вас немедленно убрать ту падаль, какую вы повесили у звонка, в противном случае я должен буду отказать вам от квартиры».

– Сударь, ответил важно Петр, вы оскорбляете руку, которая вовсе не заслужила этого, знайте же, что эта рука принадлежала очень благовоспитанному человеку. Хозяин повернулся и, как пришел, так и ушел. Вслед за ним пошел Петр, отвязал руку и, подвешивая ее к звонку в своей спальне, сказал: – так будет лучше; вид этой руки, как знаменитое «брат, нужно умереть») каждый вечер, когда я буду ложиться спать, будет давать серьезное направление моим мыслям.

Плохо и беспокойно я провел следующую ночь, чувствуя какое то нервное раздражение; мне даже показалось что кто-то вошел и ходить по моей комнате, я встал и заглянул под кровать и в гардероб. Наконец, когда к шести часам утра я начал засыпать, сильные удары в мои двери заставили меня вскочить с постели; на пороге бледный и дрожащий стоял лакей моего друга, – ах! сударь, вскричал он рыдая, моего бедного хозяина убили! Я оделся как можно скорее и побежал к Петру. Весь дом был полон народа; толковали, густились, бегали взад и вперед, все ораторствовали и всякий по-своему рассказывал и комментировал происшествие. Я на силу пробрался до порога спальни, куда не пускали посторонних, когда я сказал свою фамилию, меня пропустили. Посередине комнаты стояло четверо полицейских с записными книжками в руках; они все осматривали, шепотом советовались и записывали свои замечания; два доктора разговаривали около кровати, на которой лежал Петр в бессознательном состоянии. Он не был мертв, но видеть его было

ужасно. Казалось, что его широко открытые глаза с расширенными зрачками, пристально и с неопишным ужасом, смотрят на что-то страшное и неизвестное; руки были судорожно сжаты и с подбородка он был покрыт простыней, которую я приподнял. У него на шее были следы пяти пальцев, глубоко впившихся в тело; рубашка была замарана несколькими каплями крови. В это время меня поразило одно обстоятельство, я взглянул на шнур от звонка, – на нем не было уже ободранной руки. Должно быть доктора сняли ее, чтобы избавить от неприятного впечатления заходивших туда людей, так как эта рука действительно была отвратительна. Я так и не спросил, что с ней случилось.

* * *

На другой день в газетах появился рассказ о преступлении со всеми подробностями, какие удалось добыть полиции. Вот что там говорилось:

«Ужасное покушение на жизнь молодого человека Петра Б., студента юридического факультета, совершено было вчерашней ночью. Этот молодой человек, принадлежащий к одной из лучших семей в Нормандии, вернувшись домой около десяти часов вечера, отпустил своего лакея, некоего В., говоря, что чувствует себя усталым и ляжет спать. Около полуночи лакей был внезапно разбужен звуками звонка, который очень сильно дергали. Он испугался, зажег свечу и ждал. Звонок на минуту перестал звенеть, но опять его начали дергать с такою силою, что обезумевший от испуга лакей бросился вон из своей комнаты и побежал разбудить привратника. Последний немедленно дал знать полиции и через четверть часа двое агентов выломали запертые изнутри двери спальни. Они нашли комнату в ужасном виде; мебель была опрокинута и все доказывало, что между жертвою и нападавшим происходила отчаянная борьба. Посередине комнаты лежал на спине, весь вытянувшийся молодой Петр Б. с широко раскрытыми глазами; у него на шее были глубокие следы пяти пальцев. Согласно рапорту доктора Бурдо, приглашенного на место происшествия, злоумышленник должен обладать большою силою и иметь необыкновенно худую и жилистую руку, потому что

пальцы, оставившие на шее углубления как будто от пяти пуль, почти соединились между шейными мускулами потерпевшего. До сих пор не обнаружено ни мотивов преступления, ни следов преступника. Следствие и розыски продолжаются».

В следующем номере той же газеты напечатано:

«Г. Петр Б. – жертва ужасного покушения, о котором мы рассказывали вчера, пришел в себя после двухчасового тщательного ухода за ним доктора Бурдо. Жизнь его вне опасности, но сильно опасаются за его рассудок. Нет никаких следов преступника».

Мой бедный друг, действительно сошел с ума. В течение семи месяцев я ежедневно навещал его в больнице, где мы его поместили, но не один светлый луч не проявился в его уме. В бреду он говорил странные вещи и, как у всех вообще сумасшедших, у него была мания (*idée fixe*): ему казалось, что его преследует какой то призрак. Однажды прибежали за мною, требуя, чтобы я немедленно пришел, так как ему очень худо; я нашел его уже в агонии. В течение двух часов он был очень спокоен, но вдруг, несмотря на наши усилия, вскочил с постели и, размахивая руками, как в величайшем испуге вскричал: «Возьми ее! возьми ее! Она душит меня! Помогите! помогите!». Крича таким образом, он два раза кругом обошел комнату и ничком пал мертвый на пол.

* * *

Так как он был сиротой, мне было поручено отвезти его тело в небольшое село П. в Нормандии, где были похоронены его родители. Из этого села он приехал в тот вечер, когда мы пили пунш у Луи Р. и когда он нам показал ободранную руку. Тело его положено было в свинцовый гроб и через несколько дней я грустно прогуливался на маленьком кладбище со старым священником, который был знаком с родственником покойного. На кладбище рыли для него могилу. Погода была великолепная; голубое небо, залитое солнечным светом, птицы пели на деревьях и в кустах, на окраине кладбища, где не раз, когда мы с ним были еще детьми, приходили собирать и есть чернику. Мне казалось, что вижу его, как он идет вдоль заплота и пролезает

через небольшую, хорошо и мне знакомую, дыру, там в углу, в самом конце, позади общей могилы для бедных; потом мы возвращались домой с черными от ягод губами. Я взглянул вниз, черники была масса, я сорвал одну ягодку и машинально поднес ее ко рту. Священник раскрыл свой молитвенник и бормотал молитвы, с конца аллеи до меня ясно долетал стук инструментов рабочих, роющих моему другу могилу. Вдруг они нас позвали, священник закрыл книгу и мы пошли узнать, чего от нас хотят. Они нашли старый гроб; от одного удара кайлой крышка отскочила и мы увидели необыкновенно длинный скелет, вытянутый на спине; казалось, что он смотрит своими глазными впадинами и насмехается над нами. Мне сделалось неловко и почти страшно, хотя и не знаю почему.

– Смотри-ка, сказал один из рабочих, у этого мерзавца отрезана одна рука. Вот она! И возле скелета он поднял и показал нам большую высохшую руку.

– Эй брат! – сказал другой рабочий смеясь, он будто глядит на тебя и хочет схватить тебя за горло, чтобы ты отдал ему руку.

– Слушайте, ребята, заговорил священник, оставьте мертвых в покое и закройте этот гроб, в другом месте выройте могилу для бедного господина Б.

На другой день все было кончено и я возвращался в Париж, оставив священнику пятьдесят франков, чтобы он служил обедни за упокой души того человека, которого мы потревожили в его могиле.

А. С-ский.

Воспитанник**(Перевод с французского)***(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1895. № 56 (17 мая). С. 3).*

При грустных обстоятельствах г-жа Сурс взяла этого мальчика на воспитание. Ей было тогда тридцать шесть лет; она была старой девой. Будучи еще малюткой, она как-то соскользнула с колен задремавшей няньки и упала на камин, где получила жестокие ожоги, обезобразившие ее лицо, вследствие этого недостатка она не могла выйти замуж, не желая, чтобы на ней женились ради денег.

За это время жившая по соседству вдова умерла после родов. Старая барышня приютила новорожденного, отдала к мамке в пансион и, когда ему было 14 лет, взяла к себе, чтобы в пустом доме иметь любящее ее существо, которое заботилось бы о не и усладило бы ее старость.

Она жила в небольшом в собственном доме, в деревне, в десяти верстах от Рейна, и уже не держала прислуги. Расход удвоился с появлением воспитанника в ее доме, так что 3000 фр. дохода не хватило бы на содержание трех человек. Она сама занималась хозяйством и кухней, за разными делами посылала воспитанника, работавшего в саду. Он был тихого нрава, молчалив и ласков. Когда он целовал ее, не обнаруживая ни удивления, отвращения к ее безобразному лицу, она чувствовала глубокую, до сих пор неизвестную ей радость. Он ее называл тетей и обращался как с матерью.

По вечерам они садились вдвоем у камина, она приготавливала что-нибудь вкусненькое – подогревала вино и поджаривала куски булки, а до сна это была отличная закуска. Часто брала она его на колени и покрывая поцелуями, на ухо нашептывала нежные слова. Называла его: «мой ангел, херувим, цветок, сокровище», он же ничего не отвечал, клал голову на плечо старой девы. Хотя ему было 15 лет, но он был маленький и худощавый и имел несколько болезненный вид.

Иногда барышня водила его к единственным родственницам, двум старухам, жившим в предместье города, Как предполагаемые наследницы, эти

женщины всегда злились на нее за то, что она усыновила мальчика, но все-таки предупредительно принимали ее, надеясь, что если придется делить ее состояние, то и им, быть может достанется третья часть.

Постоянно занятая своим мальчиком, она была счастлива – очень счастлива, чтобы развить его ум, начала покупать для него книги, и он с упоением принялся за чтение. Теперь уже, по вечерам он не лез на ней на колени, но скорее садился возле камина и открывал книгу. Лампа, поставленная на краю столика над его головой, освещала его вьющиеся волосы и часть лба. Он не шевелился, не поднимал глаз и, читая, всецело увлекался содержанием книги. Сидя напротив, она пристально и ревниво глядела на него и настолько удивлялась его увлечению, что часто готова была плакать. Иногда говорила: «Ты утомишься, сокровище мое!» надеясь, что он поднимет голову и придет расцеловать ее, но он даже не отвечал, не слышал, не понимал, не видел ничего, кроме того, что было на страницах книги. В течение двух лет он поглотил массу книг и его характер изменился. Несколько раз просил он у барышни денег и получал их, но так как начал все больше и больше просить, она, наконец, отказала, будучи благоразумною в делах и энергичной, в случай надобности, однажды после настойчивых просьб, воспитанник получил приличную сумму, но когда через несколько дней опять начал умолять дать еще денег, она не уступила и окончательно отказала. Казалось, что он смирился с судьбою.

По-прежнему он сделался очень спокоен, но целыми часами любил просиживать на одном месте, неподвижный, с опущенными глазами, углубленный в свои думы. Он даже с тетей не говорил, отвечая ей краткими отрывистыми фразами. Однакож, он был для нее ласков и предупредителен, но больше никогда не целовал ее. Вечером, когда они оставались вдвоем возле камина, она иногда побаивалась. Хотела его разбудить, поговорить о чем-нибудь, чтобы только нарушить молчание, которое пугало ее как лесная тьма. Но казалось, что он ничего не слышит, и бедная слабая женщина, не добившись ни слова на несколько вопросов – вздрагивала от ужаса. Что с ним? Что происходило в этой плотно замкнутой голове? Когда она провела с

ним два, три таких часа, ей казалось, что она с ума сойдет, готова была бежать в поле, чтобы избавиться от молчаливого общества, причем, ничего не подозревая, чувствовала неопределенную опасность. Оставаясь дома одна, она часто плакала.

Что с ним сделалось? Если она выражала какое либо желание, он тотчас беспрекословно исполнял его. Нужно ли ей было что-нибудь из города, он немедленно отправлялся туда. Жаловаться не него она ни в коем случае не могла! Однакож...

***

Таким образом прошел год и ей показалось, что новая перемена произошла в уме непроницаемого молодого человека. Она это заметила, чувствовала, угадывала. Каким образом? Не в том дело! Она была уверена, что не ошиблась, но не могла сказать в чем именно изменилось течение мыслей странного человека. Ей показалось, что он был как человек, который, не зная что ему делать, вдруг принял какое-то решение. Эта мысль пришла ей в голову однажды вечером, когда она встретилась с его пристальным взглядом, до сих пор ей незнакомым. С того времени он начал постоянно на нее смотреть, и она хотела спрятаться куда-нибудь, чтобы избежать этого холодного взгляда.

Он смотрел на нее по целым вечерам и отворачивался лишь тогда, когда измученная говорила:

– Не смотри так на меня, дитя мое!

Тогда он опускал голову, но едва она поворачивалась к нему спиной, как опять чувствовала на себе этот взгляд. Куда бы не повернулась, ее везде преследовал упрямый, прикованный к ней взор. Иногда, гуляя по саду, вдруг видела она его в кустах, сидевшего как будто в засаде, или же, когда в комнате занималась починкой белья, он в саду, копая грядки под овощи, постоянно исподлобья за ней наблюдал. Напрасно спрашивала она:

«Что с тобою, милый мой, вот уже три года, как ты совсем изменился. Я тебя не узнаю. Умоляю тебя, скажи, сто случилось, о чем ты думаешь?»

Неизменно спокойно, как будто усталый, он отвечал:

– Да ничего, тетя.

Если, повторяя свои вопросы, она просила:

– Дитя, отвечай же, когда с тобою говорят, еслиб ты знал, как меня огорчаешь, ты бы всегда отвечал и не смотрел на меня таким образом. Если грустишь, скажи – я тебя утешу...

***

Он немного вырос и на взгляд казался ребенком, хотя в чертах его лица было выражение взрослого человека. Эти черты, казалось, были вчернь набросаны и не отделаны. В нем чего-то не доставало; это было замкнутое непроницаемое существо и казалось, что в нем происходит непрерывная, деятельная и опасная работа.

Старая барышня чувствовала все это; это пугало ее и отнимало сон. Ей снились ужасные кошмары по ночам, намученная страхом, запиралась она в своей комнате и заставляла двери. Чего боялась? Она и сама не знала. Боялась всего: ночи, стен, окон, лунного света, проникавшего сквозь стекла и занавески, но больше всего боялась его! Почему?

Разве она знала, чего боится?..

Но так жить больше нельзя. Она была уверена, что ей угрожает несчастье, – страшное несчастье.

Однажды утром, ничего не говоря, она ушла из дома и отправилась к своим родственницам и прерывающимся голосом все им рассказала. Старухи подумали, что она с ума сходит и старались успокоить ее. Она говорила:

– Если б вы знали, как он с утра до вечера смотрит на меня? Глаз с меня не спускает! Бывают минуты, что я так боюсь, что хочу кричать, соседей звать на помощь. Но что бы я им сказала? Он ничего мне не делает, только смотрит на меня.

Родственницы спрашивали:

– Он, быть может, дурно с вами обращается, невежливо отвечает?

– Нет, никогда; делает все, что я хочу; хорошо работает; теперь ведет себя хорошо, но я все-таки боюсь. Я уверена, вполне уверена, что у него есть

что-то в голове. Я больше не могу с ним так оставаться, одна, в уединенном доме.

Обеспокоенные женщины говорили, что люди будут удивляться и не поймут, чего она хочет, советовали успокоиться, но вместе с тем, не советовали скорого переселения в город, надеясь, что эти путем получит все наследство. Обещали даже помочь продать старый дом и купить новый, поблизости к ним.

Барышня вернулась домой, но была так расстроена, что вздрагивала при малейшем шуме и руки у нее дрожали при всяком волнении. Два раза была у родственников; советовалась с ними и окончательно решила, что не будет жить в старом доме. Наконец, нашла в предместье небольшой подходящий для нее домик и купила его, соблюдая строжайшую тайну. Условие подписала во вторник утром, остальную часть дня употребив на приготовление к переезду. В восемь часов вечера села в омнибус, который проходил в одной версте от ее дома и сошла с экипажа на обыкновенном месте. Кондуктор, погоня лошадей в дальнейший путь, когда она удалялась в вечернем мраке, крикнул:

– Покойной ночи, барышня!

– Прощайте, – ответила барышня, уходя к дому.

***

На другой день в семь часов утра, почтальон, разносивший письма по окрестным деревням, на проселочной дороге заметил большую лужу свежей еще крови. Он подумал: – «Должно быть какому-нибудь пьянице кровь из носа бросилась». Но в десяти шагах дальше увидел он носовой платок, тоже замаранный кровью. Он его поднял. Платок был тонкий. Удивленный почтальон приблизился к канаве, где увидел нечто страшное.

В канаве, на траве, лежала старая барышня с перерезанным горлом.

Через час жандармы, судебный следователь и другие власти, делали дознание около тела.

Обе родственницы, вызванные в качестве свидетельниц, рассказали о проектах покойной и ее тревожном состоянии.

Воспитанник был арестован. Со дня смерти своей опекунши он плакал с утра до ночи и, казалось, был чрезвычайно огорчен случившимся несчастьем.

Он доказал, что до одиннадцати часов вечера был в кафе. Десять человек видели его и остались после его ухода. Кондуктор заявил, что высадил покойную между 9 ½ и 10 ч. вечера, следовательно преступление могло быть совершено между ее домом и большой дорогой, не позже десяти часов.

Обвиненный был оправдан.

По старому духовному завещанию, сохраненному у нотариуса в Рейне, ему досталось все имущество убитой.

Местные жители подозревали его и долгое время держали как в осадном положении, избегая его на улицах. Но он оказался таким славным, откровенным малым, что тяжкое подозрение понемногу забывалось. Он был великодушен, предупредителен, со всеми и обо всем готов был поговорить.

Нотариус г. Рамо первый открыто принял его сторону. Однажды, обедая у сборщика податей, он заявил:

– Человек, который так свободно разговаривает и всегда бывает в таком хорошем расположении духа, не может иметь но совести столь ужасное преступление.

Тронутые этим замечанием, присутствующие пришли в раздумье; они начали вспоминать длинные разговоры с этим человеком, который останавливал их на дороге, чтобы что-нибудь сообщить, почти насильно приглашал в свой дом, когда они приходили мимо его садика, шутил как жандармский поручик и был так заразительно весел, что не смотря на отвращение, какое к нему питали, нельзя было не хохотать в его обществе.

Ныне он состоит мэром общины.

А. С-ский.

Взгляды полковника**(Перевод с французского)**

(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1895. № 128 (13 октября). С. 2).

– Да что тут толковать, господа – говорил полковник Лапорт – у меня подагра, ноги, как деревянные колоды, однакож... однакож, если бы женщина, конечно хорошенькая, велела мне пройти сквозь игольное ухо, так кажется, что я проскочил бы сквозь него, как клоун через обруч. Таков уже останусь по гроб. Это в крови. Я ученик старой школы: вид женщины – само собою красивой женщины – всегда сильно меня волнует.

Впрочем, мы французы, все более или менее таковы и до конца мира останемся рыцарями любви. У нас оставили за штатом Бога, которому мы сердцем и мечем служили, но никакая сила не вырвет женщины из нашей груди. До тех пор, пока Франция будет существовать на карте Европы, мы будем готовы сходить с ума ради женщины. Если бы даже Франция исчезла, французы все-таки останутся. Я, господа, ради глазок женщины – конечно хорошенькой, как бабочка в огонь бы пошел. Ах, черт возьми! Когда чувствую на себе ее взгляд – такой, который огонь по жилам разливает, так готов из кожи вылезть, хотел бы воевать, драться, мебель ломать, показать, что храбр и силен, самый храбрый и сильный человек!

Разве я один это испытываю? Со всей французской армией тоже происходит. Когда дело коснется женщины – понятно красивой женщины – то, начиная с солдата и кончая генералом, всякий в ад бы за ней пошел. Вспомните, куда нас повела Жанна д'Арк!

Я готов побиться за что хотите, что, если бы накануне Седанского сражения, когда маршал Мак-Магон был ранен, начальство под нашей армией приняла женщина – само собою хорошенькая, нам ничего бы не стоило прорваться сквозь прусские ряды. Париж не нуждался бы ни в каком Трошю; ему нужна была новая Жанна.

Вот, я вспомнил мелкий эпизод из военного времени, красноречиво свидетельствующий, что в присутствии женщины увеличиваются наши силы и храбрость.

***

Я был тогда капитаном – обыкновенным капитаном и вел разведочный отряд, который должен был отступать, в местности занятой пруссаками. Нас окружали, преследовали, настигали, а мы просто падали от голода и истощения. К рассвету нужно нам было добраться до Бар-sur-Тэн, иначе нас могли отрезать от корпуса, постыдно и бесполезно перерезать. Пока, мы почти чудом ускользали от врага. Впереди было еще 12 лье и их нужно было пройти ночью, по снегу и под снегом, с пустыми желудками. Я думал себе: «Дело дрянь! Моим бедным людям не добраться туда. Придется кости положить». Со вчерашнего дня у нас ни маковой росинки во рту не было. Весь день мы пролежали в каком-то сарае, ради теплоты плотно прижатые друг к другу, и были настолько изнурены, что ни руками, ни плечами двигать почти не могли; дремали в полу-забвении и, как обыкновенно бывает при большой усталости, ежеминутно просыпались.

В пять часов вечера – темнота бала такая, что хоть глаз выколи – я разбудил своих. Некоторые не могли подняться собственными силами, ни держаться на окоченевших ногах. Впереди мы имели гигантскую белую равнину, а снег продолжал идти, покрывая ее толстым белым слоем.

– В путь ребята – кричал я.

Они глядели на эту белую ночь, я же чувствовал, что думают:

– Будет всего этого. Умирать, так лучше здесь – на месте!

Я вынул револьвер.

– Кто отстанет, пулю в лоб пущу! – неистово заревел я.

Все встали, волоча будто чужие ноги. Четырех я послал в качестве разведчиков, за 300 метров вперед, остальные потянулись в беспорядке. Несколько самых бодрых я оставил позади и велел им штыками подгонять

отстававших. Казалось, что снег живьем хочет нас похоронить; он осыпал фуражки, шинели и составлял на них толстую не таявшую корку.

– Разве чудом выберемся отсюда! – повторял я себе.

Через небольшие промежутки времени нужно было останавливаться, так как то одному, то другому не хватало сил, чтобы продолжать путь, и тогда, среди мертвой тишины, слышен был слабый шелест падающих снежных хлопьев. Только немногие стряхивали их со своей одежды, остальные и этого уже не в состоянии были делать. Поход продолжался крайне медленно и с невероятным напряжением последних сил.

Вдруг разведчики вернулись к нашему отряду, так как слышали будто бы шум человеческих голосов. Я послал вперед шесть человек солдат и фельдфебеля. Мы ждали.

Тяжелую мрачную тишину нарушил острый крик, вырвавшийся из женской груди.

Наши привели двух пленников: старика и молодую девушку. Они сбежали от пьяных пруссаков, ворвавшихся ночью в их дом. Отец боялся за дочь и ночью убежал из дому, не предупредив даже свою прислугу. Я сразу увидел, что они из довольно зажиточных мещан.

– Идите с нам – сказал я.

Мы опять двинулись в путь. Старик знал местность и служил нам проводником. Снег перестал идти, появились звезды, но мороз усилился. Девушка, опираясь на руку отца, шла, пошатываясь на ногах. Я слышал, как она повторяла: «Ног под собой не чувствую!» я душевно жалел ее и, кажется, больше ее страдал, потому что ничем не мог помочь. Вдруг она остановилась.

– Батюшка! – сказала девушка – сил нет. Не могу дальше идти. Останусь здесь!

Старик хотел взять ее на руки, но даже поднять не мог, и она грянулась в снег. Мои люди тотчас их окружили, я же переступал с ноги на ногу, не зная, что делать, но ни за что не бросил бы этого старика с девушкой.

В эту тяжелую минуту один из солдат, парижанин, называемый «Практиком» вскричал:

– А ну-ка, ребята! Понесем барышню, а то, черт возьми, не будем стоять имени французов.

Я так даже выругался от радости.

– Хорошо сказано... К делу ребята!

Вблизи чуть-чуть померещилась группа деревьев; несколько человек побежало туда и скоро вернулись с носилками, на скорую руку сделанными из ветвей.

– Кто даст шинель? – кричал Практик. – Шинель для хорошенькой девушки. Живее!

Десять шинелей бросили к стопам девушки. В одно мгновение ее завернули в теплую одежду, осторожно уложили на носилки, которые шесть пар рук подняли в гору. Я стал во главе отряда и совсем уже не чувствовал усталости.

Мы двинулись более бодро, чем после стакана хорошего вина. Ко мне доходили даже шутки и смех солдат. Ведь французу достаточно взглянуть на женщину, чтобы сделаться сильнее и бодрее! Старый воин, шедший за носилками, чтобы заменить первого уставшего, прошептал своему соседу настолько громко, что я услышал:

– Женщина, брат, это эликсир! Чтобы поддержать дух, нет ничего лучше женщины!

До трех часов утра уже мы шли, не останавливаясь. Вдруг разведчики вернулись вспять. Мы припали к земле, составляя как будто черное пятно на снегу. Я командовал тихим голосом. За моими плечами сухо шелкали заряжаемые ружья. Вдали, на белой равнине, двигалось что-то очень большое: оно бежало, делало круг, развивалось как змея, опять сливалось в клубок, бросалось вправо влево, останавливалось, опять бежало вперед.

Затем вся эта двигавшаяся масса приблизилась к нам. Я разглядел двенадцать человек прусских улан, ехавших крупной рысью. Они, видимо,

искали дорогу и были так близко, что слышно было, как храпят лошади и бряцают сабельные ножны.

Я скомандовал: «пли»!

Пятьдесят выстрелов грянуло в ночной тишине, потом еще несколько, наконец один и, когда дым развеялся, мы увидели, что все пали – двенадцать человек и десять лошадей. Три лошади бешено скакали, а одна из них волочила за собою повиснувший в стремени труп.

Кто-то из моих неприятно захохотал.

– Вдовы останутся – сказал один.

– Почему ты знаешь, что он был женат?

– Дело не мудреное! – прибавил третий.

На носилках из-под шинели высунулась головка.

– Что случилось? Сражение?

– Ничего, барышня. Не беспокойтесь, дюжину прусаков мы на тот свет отправили.

– Бедные! прошептала.

Но ей, видно, холодно сделалось и она замолкла под шинелью.

Мы опять двинулись в поход и долго шли. Наконец, снег начал блестеть, небо побледнело, на востоке появился розовый отблеск.

– Кто идет? – раздался издали чей-то голос.

Мой отряд остановился; я один вышел вперед, чтобы меня опознали.

Мы добрались до французской передовой стражи. Командир, увидев носилки, грозно спросил:

– Что там такое?

Высунулась белокурая растрепанная головка.

– Это я, сударь! – пролепетали розовые губки.

Этот наивный ответ вызвал громкий искренний взрыв хохота. Мы все радовались. «Практик», шествуя возле носилок, поднял фуражку и вскричал:

– Да здравствует Франция!

Я был взволнован, сам не зная из-за чего. Нам казалось, что мы чуть ли не отечество спасли и совершили что-то необыкновенное, не для всякого возможное.

Да что тут говорить! Никогда я не забуду это хорошенькое личико. Если бы кто попросил у меня совета, я предложил бы заменить во всех полках трубы и барабаны – красивыми девушками. Они действовали бы несравненно лучше Марсельезы. Совсем другой дух вступил бы во всех солдат!

Старый полковник замолк, задумался и, наконец, качая головой, прибавил:

– Нечего правду скрывать, все мы, французы, чертовски любим женщин – конечно, хорошеньких женщин...

А. С-ский.

Мадемуазель Фифи**(Перевод с франц. для «Сиб. Вест.»)***(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1903. № 207 (24 сентября).**С. 2–3).*

Прусский комендант, майор граф фон Фульсберг, углубившись в большое бархатное кресло и протянув ноги на изящный мраморный камин, в котором его шпоры за три месяца его пребывания в замке Д'Ювиль пробили углубления, просматривал только что полученную почту. Возле него, на мозаичном столике, прожженном сигарами и изрезанным перочинным ножиком, которым майор чинил здесь карандаш, дымилась чашка кофе.

Кончив чтение писем и просмотрев полученные немецкие газеты, майор встал и, подбросив в камин три или четыре полена, совсем сырые, с зелеными листьями, потому что эти господа вырубали парк на топливо, подошел к окну. Дождь лил проливной, косыми полосами образуя сплошную завесу, настоящий нормандский дождь, какой бывает в окрестностях Руана.

Офицер долго смотрел на залитые водой луга и вздувшуюся Аведемгу, выступившую из берегов, выбивая на стекле барабанную дробь, когда шум заставил его обернуться: вошел его помощник барон фон Кельвенгштейн, имевший чин капитана.

Майор был громадного роста, с широкими плечами, с длинной бородой, веером падавшей на грудь, и всей своей высокой, торжественной фигурой вызывал представление о воинственном павлине, хвост у которого вырос на подбородке вместо обычного места. Глаза у него были голубые, холодные и мягкие, на одной щеке шрам от сабельного удара, полученного в войне с Австрией, и он пользовался репутацией храброго человека и офицера.

Капитан, маленький, с толстым животом, красный, был крепкого сложения. Его остриженные волосы огненного цвета придавали ему при известном освещении вид, точно он натерся фосфором. Вследствие отсутствия зубов, выбитых в попойке, по какому поводу – он сам хорошенько не помнил,

он выплевывал слова, не всегда понятные. На самой макушке у него была круглая, как монашеская tonsura, лысина, с густой, курчавой шерстью вокруг.

Комендант пожал ему руку и, слушая его рапорт, залпом выпил свою чашку кофе (шестую с утра), после чего они оба подошли к окну, жалуясь на скуку. Майор, человек семейный, спокойного характера, мирился со всем; но барон капитан отъявленный жуир и ловелас, посетитель всех увеселительных заведений приходил в бешенство от трехмесячного вынужденного воздержания в этом глухом уголку, где был их пост.

В дверь постучали. Комендант крикнул, чтобы вошли, и в дверном отверстии показалась фигура одного из машинообразных немецких солдат, самое появление которого доложило, что завтрак подан. В столовой, куда перешли майор и капитан, находилось еще три офицера, по чинам ниже их: лейтенант фон Грослинг и два помощника лейтенанта Фриц Шейнаудург и Маркиз фон Эйрик.

Последний был совсем миниатюрный блондин, надменный и грубый с солдатами, жестокий с побежденными и вспыльчивый, как порох. Со времени вступления во Францию, товарищи не называли его иначе, как «мадемуазель Фифи», дав ему это прозвище за его кокетливые манеры, тонкую точно затянутую в корсет талию, белое лицо, на котором едва начинали пробиваться усики, а также за привычку, в знак своего полнейшего презрения ко всему и ко всем, употреблять постоянно французское восклицание: «fi fi donc», которое он произносил с легким присвистом.

Столовая в замке д'Ювиль была большая, роскошно убранная комната, старинные зеркала которой, пробитые пулями, и фландрские драпировки высокой ценности, изрезанные в куски сабельными ударами, достаточно ясно свидетельствовали, чем занимался «мадемуазель Фифи» в часы досуга. На стенах три фамильных портрета: одетый в кольчугу воин, кардинал и президент курили длинные фарфоровые трубки, а из вызолоченной рамы высокомерно смотрела благородная дама с огромными черными усами, нарисованными углем.

Завтрак офицеров прошел почти в полном молчании, в полумраке дождливого дня, в этой печальной комнате, старый дубовый паркет которой залоснился точно пол в кабаке. Когда они, кончив есть, взялись за свои трубки, они заговорили по обыкновению о своей скуке. Бутылки с коньяком и ликерами переходил из рук в руки, и все, развалившись в своих креслах, потягивали вино маленькими глотками, не выпуская изо рта изогнутой трубки, заканчивающейся фарфоровой круглой головкой, раскрашенной в готтентском вкусе. Как только стаканы опоражнивались, они усталым жестом наполняли их снова, и мадемуазель Фифи моментально проглатывал свой, а один из прислуживавших ему солдат тотчас же подавал ему другой.

Густой острый дым окружал их, и они, казалось, погружались в печальное сонное опьянение, в мрачное опьянение людей, которым нечего делать. Но барон вдруг выпрямился, внезапно возмущенный, и выругался:

– Черт побери! Так не может продолжаться! Надо, наконец, придумать что-нибудь.

Лейтенант Отто и помощник лейтенанта Фриц, оба с неподвижными и военными, чисто немецкими лицами, спросили сразу:

– Но что же, капитан?

– Что? Ну, надо устроить праздник, если комендант позволил, ответил он, подумав несколько секунд.

– Какой праздник, капитан? спросил майор, вынув трубку изо рта.

Барон подошел к нему.

– Я беру все на себя, комендант. Я пошлю «Долг» в Руан, и он привезет нам дам – я знаю, где их раздобыть. Здесь приготовим ужин, для которого у нас есть все нужное, и мы, по крайней мере, один вечер проведем весело.

Граф фон Фарльсберг, улыбаясь, пожал плечами:

– Вы, друг мой, с ума сошли.

Но офицеры поднялись со своих мест и, окружив своего начальника, стали просить его:

– Позвольте капитану распорядиться, комендант, здесь так скучно!

В конце концов, майор уступил, и барон тотчас же велел позвать «Долг» – старого унтер-офицера, которого никогда не видали смеющимся, но который фанатически исполнял все приказания своих начальников, каковы бы то они не были. С бесстрастным лицом, стоя, он выслушал инструкции барона, потом вышел, и через пять минут крытая воинская повозка, запряженная четверкой, пустилась галопом под страшным ливнем. Тотчас же все проснулись, выпрямились, лица оживились, и завязался разговор.

Хотя дождь лил по-прежнему, майор утверждал, что делается не так темно, и лейтенант Отто убежденно заявил, что небо скоро прояснится. Мадемуазель Фифи не находил себе места, то вставал, то снова садился, своим светлым и жестоким взглядом отыскивая, что уничтожить. Вдруг, устремив взгляд на даму с усами, он вынул револьвер и проговорил: «Ты-то этого не увидишь!» прицелился, не вставая с места – две пули, одна за другой, выбили портрету оба глаза.

Потом он вскрикнул: «Устроим мину!» И все разговоры сразу смолкли, точно всех охватил какой-то новый интерес. Мина была его выдумкой, его способом разрушать, его любимой забавой.

Покидая замок, его законный владелец граф Фернанд д'Амоис д'Ювиль не имея времени увезти что-либо или спрятать, кроме серебра, запрятанного им в одну из стен, и, так как он был богат, его салон был роскошно убран различными предметами искусств. На стенах висели ценные рисунки, картины и акварели, а на столах, этажерках и в изящных витринах были расставлены тысячи драгоценных безделушек, статуэток, саксонский и китайский фарфор, старинные изделия из слоновой кости, венецианский хрусталь и тому подобные украшения.

В настоящее время из всего этого оставалось очень немного, не потому, чтобы эти произведения искусства были разграблены – это комендант не позволил бы, но потому, что мадемуазель Фифи время от времени «устраивал мину», как и сегодня, когда он доставил всем офицерам развлечение, по крайней мере, на пять минут.

Маленький маркиз открыл дверь, которая соединяла столовую с этим салоном, нашел там, что ему нужно, и вернулся в столовую с хрупким китайским чайником в руках, который он наполнил порохом, а через носик остроумно вставил фитиль, зажег последний и бегом отнес в соседнюю комнату. Вернувшись поспешно оттуда, он захлопнул за собой дверь, и все немцы, улыбаясь, с детским любопытством стояли в ожидании; когда же взрыв потряс замок, они гурьбой бросились в салон.

Войдя первым, мадемуазель Фифи с восторгом захлопал руками перед статуэткой Венеры с отбитой головой, и каждый удивлялся прихотливым извилинам фарфоровых обломков, стараясь определить, что именно разбито теперешним и что прежними взрывами, а майор благосклонно осматривал этот обширный салон, потерпевший разрушение во вкусе Нерона, и при выходе заявил добродушным тоном: «Очень удачный взрыв!».

Через открытую дверь в столовую нашло столько порохового дыма, что там невозможно было дышать. Комендант открыл окно, и все офицеры, вернувшиеся допивать свой коньяк, подошли к нему. Сырой воздух проникал в комнату, оседая водяными каплями на бородах. Офицеры смотрели на поникшие под ливнем высокие деревья, обширную равнину, затянутую туманом и на поднимавшуюся вдали, как серая стрела, церковную колокольню.

Со временем их прихода сюда, с колокольни ни разу не раздавалось звона. Впрочем, это сопротивление колокольни было единственным, какое завоеватели встретили здесь. Кюре не отказывался принять в свой дом и кормить прусских солдат, даже несколько раз принимал приглашение распить бутылку пива с приятелем комендантом, который часто прибегал к его помощи, как посредника; но от него нельзя было требовать колокольного звона, он скорее позволил бы расстрелять его. Это было способом протеста мира, протеста молчания, единственного, по его словам который был приличен священнику, и все, на десять миль в окружении, хвалили твердость и героизм аббата Шавуана, осмелившегося открыто заявлять о народном горе упрямым молчанием своей колокольни. Вся деревня, воодушевленная этим

сопротивлением, готова была поддерживать до конца своего священника, несмотря ни на какие опасности, считая этот молчаливый протест охраной национальной чести. Крестьянам казалось, что таким образом они оказывают родине услугу не меньше, чем Бельфор или Страсбург, и что имя их деревушки будет увековечено, и, помимо этого они ни в чем не отказывали победителям прусакам.

Комендант и его офицеры смеялись над этим безобидным героизмом, и так как весь край исполнял все их остальные требования, они охотно терпели это немое выражение патриотизма. Только маленькому маркизу Вильгельму хотелось бы заставить колокол звонить. Его бесило тактичная любезность коменданта в отношении священника и он каждый день умолял своего начальника позволить ему «динь-динь» хоть раз, чтобы только развлечься немножко. И он при этом ласкался, точно кошечка, говорил нежным голосом, каким женщина, до безумия жаждущая чего-нибудь, просит своего любовника исполнять ее желание. Но комендант не уступал, и мадемуазель Фифи в утешение устраивал в замке д'Ювиль свои мины.

Несколько минут все пятеро стояли перед окном, вдыхая в себя влагу, прежде чем лейтенант Фриц заметил с глупы смехом: *«не особенно приятная погода для прогулки этих барышень»*. Потом все разошлись, каждый по своим делам, а капитан занимался приготовлением к обеду.

Когда в сумерки они опять сошлись в столовой, они рассмеялись, увидав, что каждый принарядился точно для генерального смотра. Несмотря на дождь, окно было открыто, и по временам один из них приходил слушать. В десять минут седьмого барон услышал отдаленный стук экипажа. Все бросились к окну, и скоро увидали, что повозку по прежнему в галоп подкатила к крыльцу и из нее вышли пять красивых девушек, тщательно выбранных товарищем капитана, карточку которого *долг* привез ему.

Они не заставили упрашивать себя, уверенные, что им хорошо заплатят, причем же уже привыкшие к пруссакам за три месяца и примирившиеся с обстоятельствами. «Такое уж ремесло», говорили они друг другу дорогой, отвечая на тайные упреки совести, шевелившиеся в них.

Тотчас же по приезде их повели в столовую. При освещении она казалась еще мрачнее, а стол, убранный всевозможными кушаньями в роскошной сервировке и сверкавший серебром, которое было найдено в стене, куда его спрятал хозяин, придавал комнате вид разбойничьего притона после удачного грабежа. Сияющий капитан завладел женщинами, целуя и обнимая их, производя им оценку, как предметам удовольствия. Когда трое младших офицеров хотели взять себе каждый по даме, он властно воспротивился ему, оставляя за собой право произвести это распределение соответственно рангу каждого, чтобы не нарушать принципа иерархии. Во избежание подозрений в пристрастии, он построил всех женщин в ряд по росту и, обращаясь к самой высокой, спросил тоном команды:

– Твое имя?

– Памела, отвечала она, стараясь басить.

– Номер первый, по имени Памела, – присуждается коменданту, объявил он. Потом, поцеловал в знак собственности Блондину, вторую в ряду, он предложил толстую Арманду лейтенанту Отто; Фрицу досталась Эва, миниатюрному маркизу Вильгельму фон Эйраку самая маленькая из всех еврейка Рашель, совсем еще юная брюнетка, с черными как чернила, глазами и вздернутым носиком. Впрочем, все девушки были хорошенькие и мало различались между собой манерами и выражением лица, вследствие совместной жизни в публичных домах.

Младшие офицеры хотели тотчас же увести своих дам, под предлогом дать им почиститься и одеться. Но капитан благоразумно воспротивился этому, увидав, что дамы достаточно чисты, чтобы сесть за стол. Он одержал верх, и все уселись за стол. Комендант казался довольным; посадив справа Памелу возле себя, а слева Блондину, он заявил, развертывая салфетку:

– Вам пришла счастливая мысль, капитан.

Вдруг Рашель раскашлялась до слез и задохнулась, выпуская дым носом; маркиз, делая вид, что хочет поцеловать ее, пустил ей в рот сильную струю табачного дыму. Она не рассердилась, ничего не сказала, но пристально посмотрела на своего обладателя, и в глубине ее черных глаз сверкнул гнев.

Соседки Отто и Фрица немножко робели, так как их кавалеры были с ними церемонно вежливы, как со светскими дамами. Зато барон Кельвенгштейн сиял, чувствуя себя в привычной ему обстановке, и отпускал дамам трактирные комплименты, сопровождая их брызгами слюны через выбитые зубы, и сыпал непристойными словами. Дамы почти не понимали его и схватывали только отдельные выражения, грубые, исковерканные его французско-рейнским акцентом. Тогда они начинали хохотать, как сумасшедшие, и целовали своих кавалеров, опьянев с первых же выпитых стаканов вина и отбросив под влиянием вина всякое стеснение. Совершенно пьяные, они раздавали свои поцелуи направо и налево, пели французские куплеты и отрывки из немецких песен, заученные в ежедневных сношениях с неприятелем. Скоро и мужчины последовали их примеру, и только комендант сохранял свою сдержанность.

Мадемуазель Фифи посадил Рашель к себе на колени и то целовал безумно черные локоны, вившиеся на ее шее, то с яростью щипал ее через платье, заставляя ее кричать от боли, охваченный своею потребностью разрушать. Крепко сжав ее в своих объятиях, он прильнул к свежему роту еврейки и вдруг укусил ее так сильно, что струйка крови побежала по подбородку девушки. Она опять посмотрела ему прямо в лицо и, промывая рану, прошептала:

– За такую вещь платят.

– Я заплачу, ответил он, рассмеявшись жестким смехом.

Подали десерт, налили шампанское. Комендант встал и тем же тоном, каким он провозглашал здоровье императрицы Августы, произнес:

– За наших дам!

И начался ряд тостов, к которым примешивались пошлые шутки, казавшиеся еще грубее, благодаря ломанному языку. А дамы, совсем опьянев, с осоловелыми глазами, неистово аплодировали каждому тосту. Капитан, желая быть любезным, поднял свой стакан и произнес:

– За наши победы над сердцами!

Тогда лейтенант Отто, напомилавший своим видом медведя, поднялся и крикнул, охваченный пьяным патриотизмом:

– За наши победы над Францией!

Как ни были они пьяны, женщины промолчали, а Рашель, вся дрожа, повернулась к нему и проговорила:

– Ну, я знаю французов, перед которыми ты не посмел бы сказать этого.

Маркиз, державший ее на своих коленях, весело рассмеялся:

– Ну, я таких не видал! Как только мы появляемся, они сейчас же бросают лагерь!

Доведенная до отчаяния, девушка крикнула ему в лицо:

– Ты лжешь, негодяй!

С секунду он пристально смотрел на нее своими светлыми глазами, как смотрел на картины, которые потом пробивал выстрелами из револьвера, но потом снова рассмеялся:

А! Есть о чем говорить, красотка! Разве мы были бы здесь, еслиб они были храбры.

Она быстрым движением соскользнула с его колен и упала на свой стул. Он встал, протянул до середины стола свой стакан и повторил:

– Пусть, принадлежит нам Франция и французы, французские леса, поля и дома!

Остальные, совсем пьяные, схватились за свои стаканы и с криком: «Да здравствует Пруссия!» осушили их одним махом. Охваченные страхом, девушки не протестовали, и даже Рашель не нашлась, что ответить. Потом маленький маркиз поставил свой бокал, заново дополненный шампанским, на голову еврейки и крикнул:

– Нам также все французские женщины!

Она вскочила так быстро, что вино из бокала пролилось на ее черную головку, прежде чем самый бокал упал на пол. С дрожащими губами она смело смотрела в лицо продолжавшему смеяться офицеру и прерывающимся от злобы голосом проговорила:

– Это, это не правда, вы никогда не получите французских женщин!

Он сел, чтобы посмеяться вволю и сказал, стараясь подражать парижскому акценту:

– Она неподражаема! Но в таком случае – зачем же ты явилась сюда?

Она сначала не поняла в своем волнении, что он хотел сказать, но, уяснив себе смысл его слов, воскликнула со страстным негодованием:

– Я, я! Разве я женщина? Я просто развратница ... а, впрочем, прусакам больше ничего и не нужно...

Она не успела кончить, как он из всей силы дал ей пощечину, и, так как он снова поднял руку, она, обезумев от ярости, схватила со стола десертный нож с серебряной ручкой и так быстро, что сначала никто ничего не заметил, всадила его прямо в горло ему, как раз во впадину, где начинается грудь. Начатое им слово было точно перерезано в горле, и он остановился с открытым ртом, со взглядом, полным ужаса.

Все в суматохе вскочили с криком и бросились на Рашель. Но она, швырнув свой стул в ноги лейтенанту Отто, который растянулся во всю длину, подбежала к окну и выскочила в него прежде, чем успели добежать до нее, исчезнуть во мраке ночи, под проливным дождем.

Через две минуты мадемуазель Фифи умер. Тогда Фриц и Отто хотели перебить оставшихся женщин, валявшихся у них в ногах. Майор не без труда удержал их от этой резни, велел запереть в особую комнату четырех растерявшихся девушек под стражей двух солдат и снарядил погоню за беглянкой, не сомневаясь, что ее скоро найдут.

Пятьдесят солдат бросились в парк, а две сотни других должны были обыскать лес и окрестные дома. Стол был убран в одну минуту и превращен в смертное ложе, а четыре офицера, суровые, протрезвившиеся, с видом военных людей за исполнением свои обязанностей, стояли у окон и вглядывались в ночной мрак.

Ливень продолжался, и во мраке слышался только посторонний шум воды. Вдруг раздался выстрел, и в течение четырех часов время от времени слышались близкие и далекие выстрелы, оклики, какие-то странные восклицания. Утром все вернулись. Два солдата были убиты, а трое других

ранены товарищами в пылу этого ночного преследования. Рашель не отыскали.

Тогда все местное население было подвергнуто угрозам и допросам, все дома перевернуты вверх дном, весь край осмотрен во всех направлениях – еврейки нигде не было и следа. Генерал, уведомленный об этом, приказал замять дело, чтобы не подавать дурного примера армии и подверг капитана дисциплинарному взысканию, заявив: «Войну ведут не для того, чтобы развлекаться с публичными женщинами». Граф фон Фальсберг решил выместить свои неприятности на крае.

Так как ему нужен был предлог для начала, он призвал кюре и приказал ему звонить в колокол при погребении маркиза фон Эйрик. Против всякого ожидания, священник покорился смиренно, и, когда тело мадемуазель Фифи солдаты понесли из замка на кладбище, в первый раз послышался похоронный звук колокола с какими-то веселыми нотами. Он опять звонил вечером, и на другой день, и каждый день, когда этого требовали. Иногда даже, ночью он сам собой приходил в движение и издавал два-три тихих звука, точно охваченный странным весельем, разбуженный неизвестно чем. Тогда крестьяне стали считать его заколдованным, и никто больше не решался подходить к колокольне, кроме священника и причетника.

Причиной этого обстоятельства было то, что на верху колокольни жила бедная девушка, в уединении и постоянной тревоге, получая пищу тайком от этих двух человек. Она оставалась там до ухода немецких войск, а потом однажды вечером кюре взял шарабан у булочника и отвез свою пленницу до ворот Руана. Тут он поцеловал ее на прощанье, и она быстро дошла пешком до публичного дома, хозяйка которого считала ее уже умершей.

Через некоторое время ее взял оттуда патриот, свободный от предрассудков и полюбивший ее за подвиг. Полюбив ее впоследствии за нее саму, он женился на ней, и таким образом она сделалась *дамой* право же, не хуже, если не лучше патентованных дам.

Письмо утопленника**(Перевод с французского для «Сиб. Жиз.»)***(Опубликовано в «Сибирской жизни». 1903. № 248 (14 ноября). С. 2).*

Вы спрашиваете меня, не смеюсь ли я над вами. Вам плохо верится, чтобы человек ни разу не испытывал чувства любви.

А между тем, это так, я никогда не любил, никогда. Отчего? Не знаю. Никогда я не испытывал того дурмана, который зовется любовью. Никогда я не переживал этого состояния мечтательности, экзальтации, безумия, в которое нас повергает образ любимой женщины. Никогда не владело мной, захватив всего нераздельно, туманя мозг, разгорячая воображение, и наполняя душу неземным блаженством, предвкушение обладания существом, ставшим вдруг дороже всего в мире, прекраснее и важнее всей вселенной. Никогда ни одна женщина не была для меня причиной слез и страданий, не была виновницей бессонных ночей, полных мечтаний о ней. Никогда не вставал передо мной первым гостем при пробуждении ее сияющий образ, окрашивающий в радужные краски все окружающее.

Я не знавал блаженно-нетерпеливого ожидания перед ее приходом и красивой тоски разлуки, когда она уходила, оставив за собой легкий аромат фиалок и себя.

Часто самому мне приходил в голову вопрос, почему это. И право, трудно ответить. Сам я находил причины, но они заходят в область метафизики, и я боюсь, что не будут вам понятны. Я слишком привык составлять суждение о женщинах, чтобы попасть под их чары.

Прошу извинения и поясню. В каждом человеке живут рядом два существа: нравственное и физическое. Чтобы любить, для меня необходимо найти между этими двумя существами гармонию, которой я никогда не находил, ибо всегда или то, или другое берет верх.

Ум, который мы вправе требовать от женщины, которой отдаем свою любовь, сильно разнится от ума мужского. Он и выше, и ниже. Он должен

быть открытым, тонким, гибким, изящным, легко усваивающим, впечатлительным. Ей не нужна мощь и инициатива мысли, но необходима доброта, изящество, нежность, кокетливость и та способность ассимилироваться, благодаря которой она так быстро подходит под уровень того, чью жизнь она делит. Самым высшим ее достоинством должен быть такт, это неуловимое чувство, которое тоже для души, что осязание для тела. Он ей открывает тысячи мелочей: контуры, углы и формы в сфере интеллектуальной. У красивых женщин в большинстве случаев интеллект не стоит на уровне физической красоты. А малейший недостаток соответствия здесь меня оскорбляет. В дружбе это не важно.

Здесь мы различаем хорошие и дурные черты нашего друга, все равно, будь то мужчина или женщина, признаем первые, миримся с последними и верно оцениваем человека, отдаемся симпатии глубокой, прочной и ценной.

Чтобы любить, надо быть слепым, отдаться безраздельно, ничего не видеть, ни о чем не рассуждать, ничего не понимать, дойти до такого состояния, чтобы слабостями восхищаться, как и красотой, отказаться от всякой оценки, взвешивания, беспристрастного взгляда.

Я не способен на такое ослепление и не могу поддаться очарованию в том случае, когда и разум не подает своего голоса.

Но и это еще не все. У меня такое высокое и изощренное представление о гармонии, что ничто и никогда не удовлетворит моего идеала. Я боюсь, что сочтете меня за сумасшедшего, но слушайте. По-моему, у женщины может быть чудная душа и прекрасное тело, но не гармонирующие между собой. Я хочу сказать, что люди, имеющие известную форму носа, не могут мыслить известным образом. Толстые не имеют права употреблять те же слова и фразы, что и худые.

Вы, у которых глаза голубые, вы не можете смотреть на жизнь, на вещи и события так, как смотрели бы, если бы у вас были черные глаза. Оттенки в цвете наших глаз должны придавать и известную окраску нашему мышлению. Смейтесь, если хотите, но это так.

Но раз, однако, в течение часа, я думал, что люблю. Я просто напросто подпал влиянию окружающих обстоятельств. Я пленился миражем зари. Хотите, я расскажу вам эту коротенькую историю.

Я встретился раз вечером с хорошенькой сумасбродной экзальтированной головкой, в которой зародилась поэтическая фантазия провести ночь со мной в лодке.

Пообедавши в одной из гостиниц на берегу, часов в десять мы сидели в лодке. Я находил наше положение глупым, но так как моя спутница мне нравилась, я не слишком сердился. Я сел на лавочку, против нее, взял весла, и мы поплыли. Не стану отрицать: обстановка была волшебная. Мы огибали остров, густо заросший лесом, соловьи так и заливались, течение быстро несло нас к реке, покрытой серебристой рябью. Монотонный и ясный крик жаб стоял в воздухе, лягушки захлебывались от крика в прибрежных тростниках, а журчание воды вокруг нас давало впечатление какого-то шума, неясного, почти неуловимого, тревожного, создавало какое-то жуткое и таинственное ощущение. Нами овладело очарование теплой ночи и лунного света, играющего на воде. Так сладко ощущалось сознание жизни, этого погружающего в мечты движения и присутствие рядом молодой, красивой женщины, охваченной тем же очарованием.

– Сядьте около меня, – сказала она.

Я повиновался.

– Скажите мне какие-нибудь стихи, – снова заговорила она.

Мне показалось, что уж слишком; я отказался, она настаивала. Ей, по-видимому, хотелось игры со всеми операми, требовалась вся сентиментальная гамма: и луна, и стихи. В конце концов, я уступил и прочел, желая подразнить ее, прелестное стихотворение Луи Буилье, которое заканчивается так:

«Как жалок мне сей бард со взором умиленным,
Что звездам нежно шепчет имя своей феи,
И мнит все в мире для того лишь сотворенным,
Чтоб рамкою служить любовной эпопеи.

Гармонии природы не понять тому,
Ее таинственного не постигнуть гласа,
Кто красотой ее пленялся потому,
Что к прелести любви в ней видел лишь прикрасу».
Я ожидал упреков. Ничуть не бывало. Она прошептала:

– Как это верно!

Я был ошеломлен. Уж поняла ли она?

Лодку нашу прибило к берегу, она зацепилась за какой-то сучек и стала. Я тихо обвил рукой талию моей спутницы и склонился к ее лицу, но она резким движением оттолкнула меня и произнесла раздраженным тоном:

– Перестаньте же! Как это грубо!

Но я не выпускал ее, она, отбиваясь, ухватилась за ветку, росшей на берегу ивы, лодка чуть не опрокинулась, я счел более благоразумным прекратить борьбу.

– Я скорее опрокину лодку. Мне так хорошо. Я мечтаю, - сказала она и с некоторой дозой лиховства в голосе прибавила:

– А вы уж разве забыли стихи, которые сейчас говорили мне?

Это было верно. Я промолчал.

И я снова заработал веслами. Я начинал находить ночь слишком длинной, а мое положение смешным.

– Дайте мне обещание, – заговорила снова моя спутница.

– Извольте, но какое же именно!

– Оставаться спокойным и вести себя прилично и скромно, если я вам позволю...

– Договаривайте! Что?

– Вот в чем дело! Мне хотелось бы прилечь на дно лодки и вместе с вами смотреть на звезды.

– Вполне разделяю это желание! – воскликнул я.

– Вы меня не понимаете, – возразила она с досадой, мы будем близко друг к другу, но я запрещаю вам дотрагиваться до меня... целовать меня... ну... ласкать меня.

Я обещал.

Если вы сделаете хоть одно движение, я опрокину лодку, – сказала она.

И вот мы друг около друга, устремив взоры к небу. Лодка тихо плыла по течению; ее мерное покачивание убаюкивало нас, слабые звуки ночи теперь лучше доходили до нашего слуха, и я чувствовал, как во мне поднималось какое-то странное и острое волнение, какое-то бесконечное умиление, какая-то потребность раскрыть для кого-нибудь свои объятия, открыть кому-нибудь свое сердце, отдаться, отдать свои мысли, тело, жизнь, всего себя кому-нибудь.

Сердце сильно забилося в моей груди. Я не мог произнести ни слова; мне казалось, что я ее любил. Я не испытывал никаких желаний, мне было просто хорошо рядом с ней...

Не знаю, сколько времени пробыли мы так, какая-то чудная сила сковывала нас, неведомая, неземная, сила высшего порядка, полнейшее, тесное слияние наших существ, но в форме бестелесной. Мы были так близки, и так далеки! Что это было? Кто скажет? Быть может, любовь?

Заря занималась. Было около трех часов утра. Небо светлело. Вдруг лодка ударилась обо что-то. Я вскочил. Мы наткнулись на маленький остров. Зрелище, представившееся моим взорам, очаровало меня: все небо впереди нас было залито красновато-розовым светом, легкие тучки, похожие на золотой дым, пестрили его, река казалась пурпурной, а три домика на берегу будто горели.

Я наклонился к ней и хотел сказать: «посмотрите-ка!» Взглянув на нее, я остолбенел, забыл обо всем и не мог оторвать от нее глаз. Румянец и багрово-алый свет зари сливались на ее щеках, и вся она была в этом розовом сиянии: ее волосы были розовые, ее глаза розовые, ее зубы розовые, ее платье,

ее кружева, ее улыбка – все было розовое, и мне казалось (я был вроде помешанного), что передо мной сама заря.

Она медленно приподнимаясь, протягивала мне губы, я склонился к ней, дрожа от блаженства, вне себя от восторга, чувствуя, что я сейчас поцелую небо, поцелую счастье, поцелую мечту, ставшую женщиной, поцелую идеал, принявший вид человеческий.

А она произнесла: «у вас гусеница в волосах»!

Этому-то она и улыбалась. Меня как будто обухом ударили по голове, и сердце мое охватила такая печаль, как если бы из жизни моей ушли всякие надежды.

И это все. Это ребячество, это глупо, нелепо. Но с тех пор мне кажется, что я никогда не полюблю. А впрочем... кто знает?

.....

Труп молодого человека, у которого оказалось в кармане это письмо, был найден вчера в Сене между Буживалем и Марли.

Рыбак, который обыскивал его, чтобы узнать его имя, принес эту бумажку.

М.В.

Нищий

(Перевод с французского для «Сиб. Вестн.»)

(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1904. № 98 (8 мая). С. 2).

Несмотря на свою нищету и убожество, он знал лучшие дни. Ему было пятнадцать лет, когда на дороге в Варвиль он попал под экипаж, раздробивший ему обе ноги. С этих пор он стал просить милостыню, бродя по дорогам, заходя во двор ферм, раскачиваясь на своих костылях, которые подняли его плечи вровень с ушами, так что голова его находилась в углублении между двумя возвышенностями.

Подкидыш, найденный священником во рву деревни Билет накануне дня поминовения умерших и окрещенный поэтому Николаем Туссэном, воспитанный на счет общественной благотворительности, не получивший никакого образования, сделавшийся калекой из-за того, что опьянел от нескольких стаканов водки, которые ради смеха поднес ему деревенский булочник, и ставший с тех пор бродягой, он не умел ничего делать, как только протягивать руку.

Раньше баронесса д'Авари предоставляла ему для ночевки нечто вроде ниши, наполненной соломой, возле курятника, в принадлежащей замку ферме, а в голодные дни он был уверен, что всегда получит в кухне кусок хлеба и стакан сидра. Часто старая дама бросала ему также несколько су с крыльца или окон. Теперь она умерла.

В деревнях ему ничего не подавали: его слишком хорошо знали, и за сорок лет он надоел всем, шатаясь из хижинки в хижинку на своих деревянных лапах. Он, однако, не хотел уходить отсюда, потому что их всей земли он не знал ничего, кроме того уголка, тех трех или четырех деревушек, где он влачил свою жалкую жизнь. Он определил границы своего нищенства и никогда не переступал их.

Он не знал, далеко ли еще простирается мир за теми деревьями, которые ограничивали его кругозор, и никогда даже не задавал себе такого вопроса. И

если крестьяне, которым надоело видеть его постоянно на краю их полей или на дорогах, кричали ему: «Отчего ты не пойдешь в другие деревни вместо того, чем ковылять постоянно здесь?» – он не отвечал и уходил от них, охваченный страхом перед неизвестностью, страхом бедняка, питающего смутный ужас ко многому – к новым лицам, оскорблениям, подозрительным взглядам не знающих его людей, к жандармам, которые ходят парами по дорогам, и которые заставляли его инстинктивно прятаться в кусты или за кучу камней.

Когда он замечал издали жандармов, блестевших под лучами солнца, он вдруг обнаруживал удивительное проворство, проворство чудовища, старающегося добраться до потайного убежища. Он соскакивал со своих костылей, падал, точно какая-то бесформенная масса, шаром катился по земле, прижимаясь к ней своими темными лохмотьями, делался незаметным, совсем маленьким. Однако, он никогда не имел с ними столкновений. Но он носил этот страх и хитрость в крови, точно получив их в наследство от родителей, которых он никогда не знал.

У него не было крова, пристанища. Летом он спал всюду, где придется, а зимою с замечательной ловкостью пробирался в ригу или хлев и уходил всегда раньше, чем заметили его присутствие. Он знал все дыры, через которые можно было пролезть, и на руках поднимался даже на сеновал, где иной раз оставался по четыре-пять дней безвыходно, если ему удавалось во время обхода набрать достаточно провизии.

Он жил, как зверь в лесу, среди людей, но никого не зная, никого не любя и вызывая к себе в крестьянах только презрительное равнодушие или нерасположение. Его прозвали «Колокол», потому что он покачивался между своими костылями, точно колокол между подпорками.

Два дня он ничего уже не ел. Никто ему больше ничего не подавал, его не хотели больше знать. Крестьянки из своих дверей кричали ему издали, завидя его:

– Уйдешь ли ты, наконец, шатун? Нет и трех дней, как я подала тебе кусок хлеба!

И он поворачивался на костылях и шел к соседнему дому, где его встречали так же.

– Невозможно же кормить целый год этого лентяя, переговаривались между собой женщины из одной двери в другую.

Однако лентяю нужно было есть каждый день.

Он обошел Сент-Илер, Варвиль, Билет, не получив ни одного сантима, ни одной корки хлеба. Ему оставалась надежда только на Турноль, но до него было две мили по большой дороге, а он чувствовал себя таким уставшим, что не в силах был больше тащиться с пустым желудком и карманом. Тем не менее, он пустился в путь.

Это было в декабре. Холодный ветер пробегал по полям, свистал в обнаженных ветвях, и тучи неслись по низкому, темному небу, торопясь неизвестно куда. Калека шел медленно, с трудом передвигая свои костыли один за другим, опираясь на остававшуюся у него сломанную ногу, заканчивавшуюся деревяшкой.

Время от времени он садился на вал и отдыхал несколько минут. Голод беспокоил его неподвижную, темную душу. У него была только одна мысль: «поесть», но он не знал, как это сделать. Три часа мучился он на дороге и заторопился, увидев жандармов.

Первый, встреченный им крестьянин, у которого он попросил милостыню, отвечал:

– Ты опять тут, старый знакомый? Так я от тебя никогда не отделаюсь?

И колокол ушел. Из двери в дверь ему отвечали грубо, отгоняли, ничего не давая. Но он терпеливо и упрямо продолжал свой обход и не получил ни одного су. Тогда он направился по фермам, через размокшие от дождя поля, до такой степени истощенный, что едва в состоянии был передвигать свои костыли. Его прогнали отовсюду. Это был один из тех печальных и холодных

дней, когда сердца сжимаются, умы раздражаются, когда душа мрачна и рука не открывается ни для подаяния, ни для помощи.

Посетив все знакомые ему дома, он упал в углу вала, окружавшего двор фермера Шике. Он «отцепился», как говорили, чтобы выразить, каким образом он опускался со своих высоких костылей, заставляя их постепенно выскользывать из-под рук. И он долго лежал неподвижно, мучимый голодом, но слишком отупевший, чтобы понять всю неизмеримую глубину своего несчастья.

Он ждал, сам не зная чего, тем смутным ожиданием, которое всегда живет в нас. Он ждал в углу этого двора, на ледяном ветру таинственной помощи, которую всегда надеются получить от неба или от людей, не спрашивая себя, как, почему и через кого она может явиться к нему. Мимо него проходила стая черных кур, отыскивая пищу в земле, которая кормит всех. Каждую минуту они клевали зерно или незаметное насекомое и потом продолжали свои медленные, но верные поиски.

Колокол смотрел на них, ни о чем не думая. Потом ему пришло скорее в желудок, чем в голову, и скорее ощущение, чем мысль, что одну из этих птиц можно бы съесть, зажарив на хворосте.

Подозрение, что это будет воровством, даже не шевельнулись в нем. Он взял камень, попавшийся под руку и, так как был ловок, бросив его, убил наповал ближайшую к нему курицу, которая упала, взмахнув крыльями. Остальные убежали, покачиваясь на своих тонких лапах, а Колокол, взобравшись опять на костыли, отправился подобрать свою добычу.

Когда он дошел до маленького черного тела с красным пятном на голове, он получил страшный удар в спину, заставивший его выпустить костыли и откатиться на десять шагов. А фермер Шике, обозленный, бросившись на мародера, с бешенством бил его по всему телу беззащитного калеки кулаками и ногами.

Пришли работники и стали вместе с хозяином бить нищего. Потом, утомившись битьем, они подняли его и оттащили в дровяной сарай, где и

заперли в ожидании жандармов, за которыми отправился сам хозяин. Колокол, полумертвый, истекающий кровью, терзаемый голодом, не поднимался с земли. Наступил вечер, потом ночь, потом рассвет, а он все еще ничего не ел.

Около полудня явились жандармы и открыли сарай с предосторожностями, ожидая сопротивления, так как Шике уверил их, что нищий напал на него, и он, Шике, с трудом отбил его.

Бригадир крикнул:

– Ну, вставай!

Но Колокол не в состоянии был подняться, хотя и пытался взобраться на свои подпорки, но это ему не удалось. Это сочли притворством, хитростью, нежеланием преступника, и два вооруженных человека грубо схватили его и силой поставили на костыли. Его охватил страх, прирожденный страх перед мундиром, страх дичи перед охотником, мыши перед кошкой, и с нечеловеческими усилиями ему удалось устоять.

– В путь! – скомандовал бригадир. Он пошел. Все люди на ферме смотрели ему вслед. Женщины грозили ему кулаком, мужчины издевались над ним, ругали его: Наконец-то, его взяли? Слава Богу, что отделались от него!

Он удалялся посреди двух жандармов. У него хватило энергии отчаяния, и он тащился до вечера, совершенно отупев, не понимая, что с ним случилось, слишком испуганный, чтобы быть в состоянии понять что-нибудь.

Встречные останавливались и смотрели на него, когда он проходил мимо них, а крестьяне бормотали:

– Воришка какой-нибудь!

К ночи добрались до главного города кантона, до которого он никогда раньше не доходил. Он не мог себе, в самом деле, представить, что происходит вокруг него и что будет потом. Все эти страшные непредвиденные события, эти новые дома и лица повергали его в ужас.

Он не произнес ни слова, так как ему нечего было сказать, раз он ничего больше не понимал. Притом же он столько лет ни с кем не разговаривал, что

почти потерял употребление языка, да и мысли его были слишком смутны, чтобы он мог формулировать их в словах.

Его заперли в городскую тюрьму. Жандармы не подумали, что ему, может быть, нужно поесть и его оставили до следующего дня. Но когда рано утром явились, чтобы снять с него допрос, его нашли на земле мертвым. Какая неожиданность.

М.Ш.

Рука**(Перевод для «Сиб. Вест.»)***(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1904. № 101 (12 мая). С. 3).*

Все столпились вокруг судебного следователя г. Бермютье, говорившего о загадочном преступлении в Сен-Клу, которое уже месяц волновало Париж и в котором никто ничего не мог понять. Г. Бермютье говорил, стоя спиной к камину, сопоставляя улики, оспаривал высказанные мнения, но не делал никакого заключения. Возле него стояло несколько женщин, охваченных жадным любопытством и потребностью ужасного. Одна из них, побледневшая, сильнее других, произнесла среди молчания:

– Но это ужасно! Это нечто сверхестественное, и никогда нельзя будет узнать.

Судья повернулся к ней.

– Да, madame, вероятно, никогда ничего не узнают. Но употребленное вами слово «сверхестественное» здесь неуместно: перед нами просто преступление, чрезвычайно искусно задуманное и окруженное такой таинственностью, что мы не в состоянии разобраться в его условиях. Но в моей практике был случай, когда мне пришлось расследовать дело, в котором было, действительно, нечто фантастическое... его, впрочем, пришлось оставить за невозможностью выяснить.

Несколько женщин воскликнули в один голос:

– О, расскажите нам!

Г. Бермютье улыбнулся с важностью, как подобает улыбаться следователю, и начал:

– Не подумайте только, чтобы я, хоть на минуту, мог предположить что-либо сверх естественное – я верю только в естественные причины. Но, если мы заменим «сверх-естественное» словом «необъяснимое» для определения того, чего мы не знаем, то это будет более удобно. Во всяком случае, в деле,

которое я вам расскажу, меня поразили окружающие, подготовительные обстоятельства. Дело происходило так.

В то время я был следователем в Аяччио, белом городке, расположенном у восхитительного залива, который со всех сторон окружают высокие горы. Мне, главным образом, приходилось расследовать дела вендетты, среди которых бывают великолепные, геройские, драматические до последней степени; в них мы встречаемся с самыми удивительными мотивами мести, с вековой враждой, лишь затихающей на короткое время, но никогда не угасающей, с возмутительными хитростями, с убийствами, переходящими в целые восстания. Целых два года я слышал только о цене крови, этом ужасном корсиканском суеверии, заставляющем вымещать каждую обиду на причинившем ее лице, на его потомках и родственниках. Я видел, как убивали стариков, детей, дальних родственников. Голова моя была полна таких историй.

Однажды я узнал, что какой-то англичанин снял на несколько лет маленькую виллу, стоявшую в глубине залива. Он привез с собой нанятого проездом через Марсель слугу – француза. Скоро всех заинтересовал этот странный человек, живший один во всем доме, откуда он выходил только на охоту да на рыбную ловлю. Сложились на его счет легенды. Уверяли, что он был высокопоставленным лицом, бежавшим из отечества по политическим причинам; потом стали уверять, что он скрылся, совершив какое-то ужасное преступление, рассказывали даже страшные обстоятельства этого преступления.

В качестве следователя, я хотел собрать сведения об этом человеке, но не мог ничего узнать. Он называл себя сэром Джон Роуэлл. Я удовольствовался тем, что устроил за ним наблюдение, так как ни на что подозрительное, на самом деле мне в отношении него не ссылались. Однако, толки о нем все разрастались, становились всеобщими, и я решил попытаться лично повидать этого иностранца, для чего стал регулярно охотиться в окрестностях его виллы.

Я долго ждал случая, который представился, наконец, благодаря куропатке, которую я застрелил под самым носом у англичанина. Моя собака принесла ее мне, но, взявши у нее дичь, я тотчас же отправился извиниться перед сэром Джоном Роуэлл за свою дерзость и просить его принять в знак извинения убитую птицу. Это бы очень высокий человек, с рыжими волосами и такой же бородой, настоящий геркулес, вежливый и хладнокровный. В нем вовсе не было так называемой британской сухости, и он горячо благодарил меня за мою вежливость ломанным французским языком, с английским акцентом. В течение месяца мы с ним встречались и разговаривали раз пять или шесть.

Наконец, проходя вечером как-то мимо его дома, я увидел, что он сидит в своем доме, и я раскланялся с ним. Он пригласил меня зайти выпить стакан пива, и я, конечно, не заставил повторять приглашения.

Он принял меня с самой изысканной английской любезностью и с похвалой отзывался о Франции и Корсике, заявляя, что он очень любит «эту страна и эту берег». Тогда я с большими предосторожностями предложил ему несколько вопросов по поводу его жизни, его планов на будущее. Он отвечал охотно, без всякого смущения и рассказал мне, что он много путешествовал, в Африке, Индии, Америке.

– Я имела много приключения, oh, yes! прибавил он, смеясь.

Потом я перевел разговор снова на охоту, и он сообщил мне любопытные подробности об охоте на гиппопотама, тигра, слона и даже на гориллу.

– Все эти звери слишком страшны, заметил я.

Он улыбнулся.

– О, нэт! Самая злой была человек.

Он расхохотался добрым смехом толстого, довольного собой англичанина.

– Я много охотиться и на человека.

Потом он заговорил об оружии и пригласил меня войти в дом, чтобы показать мне ружья различных систем.

Его салон был затянут черной материей, на которой были вышиты золотым большие цветы, блестящие, точно огненные.

– Это японская материй, объяснил он.

Но мой взгляд был привлечен странным предметом, висевшим на стене. На четырехугольнике из красного бархата выделялся какой-то черный предмет. Я подошел: это была человеческая рука, не чистая, белая, рука скелета, а засохшая, почерневшая рука, с пожелтевшими ногтями, с обнаженными мускулами и следами запекшейся крови, с костями, перерубленными как будто топором на середине предплечья. Тяжелая вьевшаяся в мускулы железная цепь прикрепляла эту руку к стене посредством кольца, годившегося для привязи слона.

– Что это такое? спросил я.

– Это моя лучшая враг, спокойно ответил англичанин. Она приехать из Америка. Она быть отсечен саблей, а снят кожа острый кремень и высушить в солнце неделя. О, очень хороша мне, эта!

Я дотронулся до этого ужасного человеческого останка, который должен был принадлежать какому-то колоссу, судя по пальцам непомерной длины. Ободранная таким образом, эта рука была ужасна на вид и, естественно, наводила на мысль о мести дикаря.

– Должно быть, этот человек был очень силен, заметил я.

– Oh, yes! ответил англичанин мягко. Но я была сильнее его. я положила эта цепь, чтобы держать ее.

Я подумал, что он шутит, и сказал:

– Теперь-то эта цепь бесполезна – рука уж никуда не убежит.

– Он постоянно хотела ходить, серьезно возразил сэръ Джон Роуэлл, этот цепь необходим.

Я быстро взглянул ему в лицо, спрашивая себя:

– Что это, сумасшедший или просто шутник дурного тона?

Но лицо оставалось непроницаемым, спокойным и благодушным; я заговорил о другом и полюбовался ружьями. Я, однако, заметил, что на столах лежало три заряженных револьвера, точно этот человек жил в постоянном ожидании нападения.

Я был у него еще несколько раз, потом перестал ходить. К его присутствию все привыкли и перестали обращать на него внимания.

Прошел год. Однажды утром, в конце ноября, лакей разбудил меня и сообщил, что ночью убили сэра Джона Роуэлл. Через полчаса я входил в дом англичанина с центральным комиссаром и жандармским капитаном. Растерянный слуга плакал на крыльце. Я сначала заподозрил его, но он был невиновен, и виновного так и не могли найти.

Входя в салон сэра Джона, я сразу увидел труп, лежавший на спине посреди комнаты. Жилет был разорван, оторванный рукав рубашки висел у плеча, все показывало, что происходила страшная борьба. Англичанин был задушен. Его искаженное, почерневшее и вздувшееся лицо, казалось, выражало ужас перед чем-то отвратительным; в стиснутых зубах он держал что-то, а шея, на которой виднелось пять дыр, точно проткнутых острым железом, была порята кровью.

К нам присоединился доктор. Он долго рассматривал следы пальцев на шее трупа и произнес следующие странные слова:

– Можно подумать, что его задушил скелет.

Дрожь пробежала у меня по спине, я взглянул на стену, где раньше висела страшная рука, – ее там больше не было, висела только разбитая цепь. Тогда я наклонился к мертвецу и в его стиснутых зубах нашел палец от этой исчезнувшей руки, отрезанный, вернее, отпиленный зубами как раз у второго сустава. Потом мы приступили к осмотру, но не открыли решительно ничего: ни одна дверь, ни одно окно, ничего из мебели не было сломано. Две сторожевые собаки даже не просыпались.

Вот, в нескольких словах, показания слуги. Приблизительно за месяц до своей смерти, его господин, казалось, начал волноваться – он получал много

писем, которые сжигал немедленно по прочтении. Часто, взяв хлыст, он с непонятым гневом яростно хлестал по высушенной руке, которая была прибита к стене и в самый час преступления похищена неизвестно каким образом. Он ложился очень поздно и тщательно запирался. Часто ночью он громко разговаривал, точно ссорился с кем-то. В ночь убийства, напротив, не было слышно никакого шума и только придя открыть окна, слуга нашел сэра Джона убитым. Подозрений слуга ни на кого не имел.

Я сообщил суду и полиции все, что знал о покойном, и весь остров тщательно обыскали, но не открыли решительно ничего. Но через месяц после совершения преступления, однажды ночью у меня был страшный кошмар. Мне казалось, что я видел, как ужасная рука, точно скорпион или паук, бегают по моим стенам и занавесам. Три раза я просыпался, снова засыпал, и все три раза видел, как этот отвратительный предмет скачет вокруг моей комнаты, передвигая пальцами, как лапами. На другой день мне принесли эту руку, найденную на кладбище, на могиле сэра Джона: его похоронили на нашем кладбище, потому что не могли отыскивать его родственников.

Вот, mesdames, моя история, больше я сам ничего не знаю.

Женщины сидели, бледные, дрожащие. Одна из них воскликнула:

– Но ведь это не развязка, не объяснение! Мы не в состоянии будем заснуть, если вы не расскажите нам, что же произошло, по вашему мнению.

Судья улыбнулся строгой улыбкой.

– О, я, mesdames, только испорчу вам страшные сновидения! Я попросту думаю, что законный собственник руки был жив и явился за нею. Но я не могу знать, как он это проделал. Это была своего рода вендетта.

– Нет, прошептала одна из женщин, так не могло быть.

– Я же говорил вам, возразил следователь, продолжая улыбаться, что мое объяснение не удовлетворит вас.

М.Ш.

На баллоне

(Перевод с французского для «Сиб. Ж.»)

Лейтенант, прикомандированный к школе военных аэронавтов в Медоке, приехал с целью совершить плавание вместе с нами. В его обеих руках находится веревка, посредством которой мы придерживаемся земли до тех пор, пока не раздастся команда Жовиса: «Спускайте все».

– Спускайте все!

Множество друзей, которые нас окружают, с которыми сию минуту говорили, светлые платья, протянутые руки, черные шляпы, – все это моментально увязает на земле и исчезает: – ничего кроме воздуха и неба! – мы отплыли, мы улетаем!

Мы уже обзираем необъятный город, колоссальный рельефный план Парижа с голубыми крышами, прямыми и кривыми улицами, серую Сену, остроконечные памятники, золоченый купол дома Инвалидов, а там, дальше неоконченную колокольню церкви Парижской Богоматери, Эйфелеву башню...

Опершись на борт лодочки, мы то и дело видим дворы многочисленных заводов, толпы маленьких мужчин и женщин, машущих руками, шляпами и белыми платками. Становится непонятным, как это, за такое короткое время, за 8–10 секунд, они все очутились так далеко и сделались маленькими, как насекомые!

– Посмотрите, – кричит с энтузиазмом Жовис, – не красиво ли все это?

Грандиозный ропот поднимается к нам, тысячи криков со всех улиц Парижа, скрип телег на мостовых, ржание лошадей, щелкание кнутов, человеческие голоса, громы поездов – все это сливается в один общий гул. Только частый свист паровозов, казалось, пронизывает воздух и доходит до нас ясным.

Теперь вокруг города равнина, зеленая, которую перерезывают белые дороги, прямые, бесчисленные, скрещивающиеся во всевозможных

направлениях. Но вдруг детали земли, до сих пор ясные, начинают мутиться, как будто их отерли слегка губкой, окутываются легкой дымкой, затем совершенно перепутываются и исчезают почти совершенно: – мы пронизываем облака. Сначала нас будто окутывает тонкий, прозрачный занавес, который, понемногу утолщаясь, делается даже серым, темнеет, еще более усиливается, словно мы попадаем в темницу, сжимающую нас...

Затем скоро эту туманную стену, сырую и темную, понемногу освещает солнце, появляются отблески света – она постепенно светлеет и делается совершенно светло. Мы катимся теперь точно в молочной, слегка серебрищейся дымке. С минуты на минуты таинственный свет, все увеличивающийся, идущий сверху, делает все более и более ясными белые волны, через которые мы летим; и вдруг, неожиданно для нас, мы вступаем под голубое небо, залитое сиянием солнца!

Никакая фантазия не может создать мечту, подобную которой мы видели.

Мы летим, подымаясь все время над беспредельной ширью облаков, походящих на снег. Они, принимающие фантастические формы, невообразимые, сверхъестественные, простираются так далеко, что их теряет глаз. Эти облака изощряются, принимая всевозможные формы под нами, под ослепительным блеском солнца. Здесь вы видите равнины, вершины гор и долины. Формы этой новой вселенной, этой фантастической страны вы увидите только в небе; они неизвестны людям на земле!!

Вдруг на виду у нас, – далеко ли, близко ли, трудно сказать наверно – в светлом пространстве является прозрачное пятно, громадное, круглое; оно носится, подымается; – это шар, такой же шар, как и наш, с такими же лодочкой и флюгером, с такими же людьми. Я подымаю руку и вижу один из пассажиров делает то же самое. Странное явление! Сквозь эту фантастическую тень видны тучи, необъятный горизонт. Этой тени как будто на самом деле нет! А вокруг нее вырисовывается широкая радуга – светлополосная, многоцветная корона. – Красиво и великолепно!

Этот фантастический баллон-двойник неотступно следует за нами через пространство над бесконечной пустыней облаков; окруженный многоцветным ореолом, он нам представляется апофеозом!

Этот феномен известен под именем «ореол аэронавтов». Поразительное появление баллона-двойника легко объясняется тенью, падающею от баллона на соседние тучи, но, чтобы объяснить радугу, его окружающую, составилось несколько теорий; наиболее верная, – такая:

Материя, из которой сделан аэростат, несмотря на качество ткани и политуру, достаточно проницаема для газа, заключенного внутри. Но постоянная потеря газа через поры всей оболочки образует вокруг баллона легкий слой влаги, превращающейся в пар. Солнечные лучи, пронизывая этот пар, рождают различные цвета, как это видно в мелком дождике, и бросают их на наиболее близкое облако.

Когда мы поднимаемся, этот спектр скоро перестает за нами следовать, с минуты на минуту уменьшаясь, и наконец, когда мы поднялись уже очень высоко, он уже под нами, и продолжает носиться в океане туч. Косвенные лучи солнца бросают его далеко-далеко, где он повторяет все наши движения, подобный теперь упавшему детскому мячу, который катается, блуждает в беспорядочной пустыне снегов. Чем дальше мы улетаем, тем более усиливается жара, и отражение лучей света на эту блестящую бесконечность становится ужасным и невыносимым. Термометр показывает 36°, тогда как на поверхности земли было только 13°.

***

Мы прошли две тысячи метров; мы летим приблизительно 1500 метров над облаками и ничего другого не видим как серебряные волны на беспредельном расстоянии под синей лазурью неба.

То здесь, то там, видны бездонные пропасти, кажущиеся фиолетовыми и голубыми пучины; мы идем теперь по направлению к одной из них, слегка подталкиваемые бризом, почти не ощущаемым нами. Казалось издали, что глетчер, разломившись на две половины, образовал неизмеримую расщелину.

Я взял бинокль, чтобы лучше рассмотреть голубоватую даль этой пропасти, а там, на дне, я вижу край равнины, две дороги и большую деревню. Скоро мы уже внизу. Вот и овцы на лугу, коровы, телеги! Радостно становится, сердце усиленно бьется. Как, однако, это далеко! все это миниатюрно, незначительно!

Но тучи, внезапно сильно сгустившись, закрывают этот вид. Жовис теперь все время повторяет: «Бросайте балласт, бросайте балласт!»

Баллон, облегченный выпуском газа и охлажденный приближением вечера, падает как камень.

Вокруг нас листочки бумаги, которые мы беспрестанно бросаем, чтобы определить, опускаемся мы, или поднимаемся, летят как белые бабочки. – Это лучшее средство узнать поднятие или опускание. Когда шар подымается, бумажки кажутся падающими на землю; когда он опускается – улетающими вверх.

– Бросайте балласт, бросайте балласт!

Мы высыпаем мешки песку, который падает вниз желтоватым дождем, блестящим на солнце. Вдруг опять появляется совсем близко от нас, как будто идущий нам навстречу, баллон, фантастический призрак в своем ореоле...

Вот снова расселина, смотря на которую, мы видим землю, замок, старую церковь, дороги и зеленые поля. Мы быстро опускаемся. Шум внизу становится все яснее и яснее, лай собак, крик детей, стук телег и щелканье кнутов. Приблизительно на расстоянии 600 метров мы уже ясно различаем малейшие детали; кур, стремительно прячущихся, вероятно, принявших нас за ястреба.

– Но какое это странное животное, что бежит на поле? Целый индюк, овца или гусь?

– Нет, это мальчуган, одетый в штанишки и рубашку, увидел нас, и, задрав нос кверху, упал; это позволило узнать в нем человеческий образ. Мы начинаем часто трубить в наш рожок. Люди отвечают криками, сопровождают нас, бегая за нами через поля, оставив свои дома и работу.

Аэростат все время опускается. Первый якорь задел за деревья, второй коснулся земли, как вдруг мы увидели линию железной дороги и вдоль нее столбы с телеграфными проводками.

– Надо перелететь через линию, – кричит Жовис, – потому что телеграф – это гильотина для аэронавтов. Он бросает сразу последний мешок балласту, и баллон, в агонии, делает последнее усилие, словно последний раз взмахнул крыльями, перелетает железнодорожную насыпь как раз во время прохода поезда; и машинист, делая свистки, приветствует нас, махая шляпой.

Мы снова в 30 метрах от земли. Жовис быстро отрезал веревку, которою придерживает нас погрузившийся в землю якорь. Освобожденный от этой тяжести, наш «Горла» приподнимается немного, но мы хватаемся, что есть мочи, за веревку клапана, и лодочка коснулась земли без сотрясения. Нас окружила толпа крестьян, схвативших ее. Мы окончили поездку, преисполненную великолепия, этот трудно вообразимый полет через волшебное пространство белых облаков, о каком ни один поэт и мечтать не может!!

А. Сак.

Франс Анатоль (France Anatole, 1844–1924)

Кисть винограда

(Перевод с франц. для «Сиб. Вестн.»)

(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1903. № 217 (8 октября). С. 2).

Я был счастлив, очень счастлив. Отец, мать и нянька казались благодатными великанами, которые были свидетелями первых дней существования мира и остались неизменными, вечным, единственными в своем роде. Я был убежден, что они сумеют защитить меня от всякого зла, и с ними чувствовал себя в полнейшей безопасности. К матери я чувствовал безграничное доверие, и, когда я вспоминаю это божественное, восхитительное доверие, мне хочется расцеловать простодушного маленького человека, каким я был тогда; так трудно в этом свете иметь цельное чувство во всей его полноте, что понятно умиление, вызываемое подобными воспоминаниями.

Я был счастлив. Тысячи вещей, привычных и в то же время таинственных, занимали мое воображение, тысячи вещей, которые сами по себе были ничтожны, но которые составляли часть моей жизни. Она была совсем маленькая, моя жизнь, но все-таки это была жизнь, т.е. центр всех вещей, всего мира. Не улыбайтесь моим словам или улыбнитесь дружески и подумайте над ними: кто живет, хотя бы собачонка, тот находится в центре всего окружающего.

Я был счастлив, что вижу и слышу. Моя мать не могла открыть своего зеркального шкафа, не вызывая во мне утонченного и поэтического любопытства. Что же было в этом шкафу? Боже мой! да то, что только и могло быть там: белье, саше с духами, картонки, коробки. Теперь я подозреваю, что у моей бедной матери была слабость к коробкам, которых она имела поразительно много и всевозможных сортов, и эти коробки, к которым мне было запрещено прикасаться, погружали меня в глубокие размышления. Игрушки также заставляли работать мою головку, по крайней мере, те,

которые мне были обещаны, и которых я ждал, потому что игрушки, бывшие уже у меня в руках, уже не представляли для меня ничего таинственного, а, следовательно, теряли и свое очарование. Но как хороши были игрушки моих мечтаний! Другим чудом для меня было то множество линий и фигур, которые можно извлечь из карандаша и пера. Я рисовал солдат, делал овальную голову, а над ней помещал кивер, и только после продолжительных и разнообразных наблюдений стал вводить глаз в голову. Я любил цветы, духи, роскошный стол, красивую одежду, и моя шляпа с перьями и ажурные чулки вызывали во мне некоторую гордость. Но больше, чем каждую вещь в отдельности, я любил совокупность всего: дом, воздух, свет, не знаю что, — жизнь вообще, и я нежился, как птенчик в пуховом гнездышке.

Я был счастлив, очень счастлив, и, однако, завидовал другому ребенку. Его звали Альфонс; фамилии его я не знал; возможно, что он и не имел ее. Его мать была прачка и работала в городе. Альфонс же целыми днями бродил по двору или по набережной, а я смотрел из окна на его грязное лицо, порыжевшую блузку, рваные штанишки и башмаки, которыми он шлепал по канавам, и мне очень хотелось также свободно бродить по лужам. Альфонс заходил к кухаркам, от которых получал много пощечин и несколько черствых кусков пирога. Иногда конюха посылали его к насосу за водой, и он с гордостью приносил им полное ведро, весь покраснев от натуги и высунув язык. И я завидовал ему. Он не должен был учить басни Лафонтена, как я; он не боялся, что его будут бранить за пятна на блузке, не обязан был говорить: «*bonjour, monsieur!*», «*bonjour, madame!*» людям, дни и вечера которых, хорошие или дурные, совершенно не интересуют его; а если у него не было ноева ковчега и заводной лошади, как у меня, зато он играл, как хотел, с воробьями, которых сам ловил, с бродячими собаками, даже с лошадьми в конюшне, пока кучер метлой не выгонял его оттуда. Он был свободен и смел и со двора смотрел на меня, когда я стоял у моего окна, как на птицу в клетке.

На дворе было очень весело, потому что не нем постоянно были разные животные и прислуга. Корпус дома, выходявший на середину этого

просторного двора, был обвит старой виноградной лозой, а над нею помещались солнечные часы со стертыми дождем цифрами, и тень от их стрелки, нечувствительно скользившая по камню, приводила меня в изумление. Из всех моих воспоминаний этот большой двор показался бы страннее всего теперешним парижанам; их дворы имеют всего четыре квадратных метра величины, и оттуда, над пятью этажами окружающего двор ящика, можно видеть кусочек неба с носовой платок. В этом виден прогресс, но он вреден для здоровья.

Однажды случилось, что этот веселый двор, двор, куда хозяйки приходили за водой к насосу, и где в шесть часов вечера кухарки, потряхивая своими проволочными корзинками с салатом, перекидывались шутками с конюхами, случилось, что этот двор должны были вымостить заново, для чего сняли старую мостовую. Так как во время работы шел дождь, то во дворе стояла грязь, и Альфонс, живший там, как сатир в своем лесу, с ног до головы был покрыт землей. Он весело возился с камнями, потом, подняв голову и увидав меня наверху, сделал мне знак, чтобы я шел к нему. – Мне очень хотелось поиграть с ним – у меня в комнате я не мог ведь возиться с камнями, которых там не было! Дверь квартиры оказалась открытой, и я сошел во двор.

– Вот и я, сказал я Альфонсу.

– Тащи этот камень, приказал он мне.

У него был дикий взгляд и резкий голос, и я повиновался. Вдруг камень был вырван у меня из рук, и я почувствовал, что меня поднимают с земли. Это была моя нянька, с негодованием унесшая меня домой. Она вымыла меня марсельским мылом и пристыдила, что я захотел играть с шалуном, бродягой, бездельником.

– Альфонс дурно воспитан, прибавила моя мать, это не его вина, а несчастье: но хорошо воспитанные дети не должны знаться с невоспитанными.

Я был очень понятливым и вдумчивым ребенком. Я запомнил слова матери и связал их каким-то образом, что я узнал о проклятых детях, когда

мне объясняли мою старую библию в картинках. Мои чувства к Альфонсу совершенно изменились. Я больше не завидовал ему – нет, он теперь внушал мне ужас, смешанный с состраданием. Это не вина его, а несчастье – эти слова моей матери волновали меня за него. Ты хорошо сделала, мама, что сказала мне это, что в самом нежном возрасте объяснила мне невинность отверженных. Твои слова были справедливы, и на моей уже обязанности лежало применить их к жизни.

На этот раз, по крайней мере, эти слова возымели свое действие, и я был растроган участью проклятого ребенка. Однажды, когда он мучил на дороге попугая, принадлежавшего жившей в доме старухе, я всматривался в этого мрачного и сильного Каина со всем состраданием маленького Авеля – только счастье, увы! создает Авелей. Я ломал себе голову, придумывая, как я могу выразить Альфонсу свое сострадание. Я хотел послать ему поцелуй; но к его свирепому лицу так не подходил поцелуй, что мое сердце воспротивилось тому дару. Я долго отыскивал, что ему подарить, и был в большом затруднении. Подарить Альфонсу мою заводную лошадь, у которой уже нет ни хвоста, ни гривы, показалось мне уже чересчур большой щедростью. К тому же разве подарком лошади разве можно выразить жалость? Нужен был подарок прилучающий проклятому. Цветок, может быть, в столовой стояли букеты... но цветок – все равно, что поцелуй, и я очень сомневался, чтобы Альфонс любил цветы. В большом затруднении я прошелся по комнате и вдруг весело хлопнул в ладоши: я нашел!

На буфете стояла ваза с великолепным виноградом. Я влез на стул и взял длинную и тяжелую кисть, занимавшую три четверти вазы. Бледно-зеленые ягоды отливали золотом с одной стороны, и легко было себе представить, как они должны были таять во рту; тем не менее, я не попробовал ни одной! Я побежал достать клубок ниток из рабочего стола моей матери. Правда, мне было запрещено брать из него что-либо, но нужно уметь не послушаться, когда следует.

Я привязал кисть к концу нитки, и, опершись на оконную решетку, позвал Альфонса и медленно спустил кисть винограда во двор. Чтобы лучше видеть, невымытый мальчик откинул назад свои рыжие волосы и, как только кисть достаточно для него опустилась, вырвал ее у меня вместе с ниткой; потом, подняв голову, он высунул язык, натянул нос и, повернувшись задом, убежал с кистью. Мои маленькие друзья не приучили меня к таким манерам, сначала меня это очень рассердило, но соображение успокоило. Я хорошо сделал, подумал я, что не послал ему ни цветка, ни поцелуя.

При этой мысли моя злоба испарилась – справедливо, что, раз самолюбие удовлетворено, все остальное не важно. Но все-таки, когда я подумал, что нужно будет сознаваться моей матери в моем поступке, я впал в большое уныние. Я был не прав: моя мать побранила меня, но, весело, что я увидел по ее глазам, которые смеялись.

– Нужно дарить свое имущество, сказала она мне, и нужно уметь дарить.

– В этом секрет счастья, прибавил мой отец, и не многие умеют.

Сам-то он умел это делать.

М.Ш.

Дама в белом**(Перевод с французского для «С. Вест.»)***(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1903. № 231 (26 октября). С. 2).*

В одном доме с нами жили две дамы, одна одетая во все белое, другая во всем черном.

Не спрашивайте, были ли они молоды – это превосходило мое тогдашнее понимание. Но я знал, что от них хорошо пахло, и что от них я получал всевозможные ласки. Моя мать, очень занятая и не любившая быть в гостях, очень редко посещала их, но я часто ходил туда, особенно после завтрака, потому что в эти часы дама в черном давала мне пирожные. Поэтому я один делал визиты. Нужно было перейти двор. Мать смотрела на меня в окно и стучала по стеклу каждый раз, когда я слишком долго забывался в созерцании кучера, чистившего лошадей. Настоящим трудом было для меня взойти на лестницу с железными перилами, так как высокие ступеньки были сделаны не для моих маленьких ног. За то я был щедро вознагражден за этот труд, как только входил в комнату дам, потому что там была масса предметов, приводивших меня в экстаз. Но ничто не могло сравниться с двумя фарфоровыми обезьянами, сидевшими на камине, по обеим сторонам столовых часов; они сами собой качали головой и высовывали язык. Я узнал, что они приехали из Китая, я решил непременно побывать там. Я составил себе твердое убеждение, что Китай находится за Триумфальной Аркой, и затруднение состояло лишь в том, чтобы заставить няню проводить меня туда, чего я никак не мог добиться.

В комнате дам был также ковер с цветами, по которому я катался с наслаждением, и диванчик, мягкий и глубокий, который изображал у меня то лодку, то лошадь, то карету. Дама в черном, немного ожиревшая, была, по-видимому, очень мягкого характера и никогда меня не бранила. Дама в белом иногда раздражалась неожиданно, но она так красиво смеялась! Мы жили все трое очень дружно между собой, и я забрал себе в голову, что в комнату с

китайским обезьянами, кроме меня, никто не должен приходить. Дама в белом, которой я сообщил это решение, немножко посмеялась надо мной, как мне показалось, но я настаивал, и она обещала сделать все, что я хочу.

Она обещала. Однако, придя раз к дамам, я застал там какого-то господина, сидящим на моем диванчике, протянув ноги на мой ковер и разговаривая непринужденно с моими дамами. Он даже дал им письмо, которое они возвратили ему по прочтении. Это мне не понравилось, и я попросил сахарной воды, так как мне хотелось пить, и в тоже время хотелось обратить на себя внимание. В самом деле, господин взглянул на меня.

– Это наш маленький сосед, сказала дама в черном.

– Он один сын у матери, не правда ли! спросил господин.

– Правда, ответила дама в белом. Но как вы это узнали?

– Потому что он, по-видимому, очень избалован, ответил господин, и в эту минуту широко раскрыл глаза.

Это было, чтобы лучше видеть. Я не хочу льстить себе, но отлично понял из разговора, что у дамы в белом есть муж, который был чем-то в какой-то далекой стране, что посетитель принес письмо от этого мужа, и что его благодарили за любезность. Все это не доставило мне удовольствия, и, уходя, я в наказание не отказался поцеловать даму в белом.

В этот день, за обедом я спросил своего отца, что значит секретарь. Отец ничего мне не ответил, а мать сказала, что секретарем называется такая мебель, куда прячут бумаги – ну, можно ли было тут что-нибудь понять?

Вы очень ошибаетесь, если думаете, что на другой день я думал о господине, которого встретил у дамы в белом: я забыл о нем от всего сердца, и от него самого зависело, чтобы воспоминание о нем совсем у меня изгладилось. Но он имел смелость снова заявиться к моим подругам. Я не знаю, было ли это через десять дней или через десять лет после первого визита, но теперь склонен думать, что через десять дней. Он был удивлен, этот господин, занимая таким образом мое место! На этот раз я разглядел его и не нашел в нем ничего привлекательного. У него были блестящие волосы,

черные усы и бакенбарды, бритый подбородок с ямочкой посередине, тонкая талия, красивый костюм и при этом самодовольный вид. Он говорил о кабинете министра иностранных дел, к которому он был прикомандирован уже два года, о модах и новых книгах, о вечерах и балах, на которых он тщетно искал этих дам. А они его слушали! Скажите, пожалуйста, разве это разговор? И разве не мог он говорить, как это делала со мной дама в черном о стране, где горы из карамели, а реки из лимонада?

Когда он ушел, дама в черном заявила, что он очаровательный молодой человек, а я сказал, что он старый и безобразный. Это очень насмешило даму в белом, а между тем в моих словах ничего смешного не было; но вот, подождите ж! она смеялась потому, что я сказал, а, впрочем, может быть, она не слушала, когда я говорил. У дамы в белом были оба эти недостатка, не считая третьего – способности плакать, плакать, плакать. Мать говорила мне, что большие никогда не плачут. Ах! она так говорила, потому что не видела, как видел я, когда дама в белом упала на кресло, держа письмо на коленях, откинув назад голову и прижимая платок к глазам. Это письмо (теперь я готов держать пари, что это письмо было анонимное) причиняло ей большое горе, и это было жаль, потому что она умела так хорошо смеяться! Эти два моих визита навели меня на мысль просить ее выйти за меня замуж. Она ответила, что у нее уже есть большой муж в Японии, а теперь будет маленький муж на набережной Малаке; мы так и условились, и она дала мне пирожное....

Но господин с черными бакенбардами приходил очень часто. Однажды, когда дама в белом рассказывала мне, что она велит прислать мне из Китая голубых рыбок и удочку для них, о нем доложили. И он был принят; потому, как мы взглянули друг на друга, видно было, что между нами существует взаимная нелюбовь. Дама в белом сказала ему, что ее тетка (она хотела сказать – дама в черном) отправилась за покупками к двум обезьянам; но так как я видел обеих обезьян на камине, то я никак не мог понять, зачем понадобилось выходить, чтобы купить у них чтобы то ни было – впрочем, каждый день приходится встречать столько непонятного. Господин, по-видимому, ничуть

не огорчился отсутствием дамы в черном и заявил даме в белом, что хочет с ней серьезно поговорить. Она кокетливо оправилась на своей кушетке и сделала знак, что слушает его. Но он смотрел на меня и, казалось, был в затруднении.

– Он очень мал, этот мальчик, сказал он, наконец, погладив меня по голове, но....

– Это мой маленький муж, заметила дама в белом.

– Но, продолжал господин, разве вы не могли бы отослать его к матери? То, что я имею сказать вам, не должен никто слышать кроме вас.

Она ему уступила.

– Милый, сказала она мне, иди играть в столовую, и не возвращайся, пока я тебя не позову. Иди, милый!

Я шел туда с тяжелым сердцем. А между тем эта столовая была очень интересна из-за картины на столовых часах, представлявшей гору на берегу моря и церковь под голубым небом. Когда часы били, по волнам плыл корабль, локомотив с вагонами выходил из туннеля, и воздушный шар поднимался в воздух. Но когда на душе печально, – ничто ей не улыбается. К тому же, картина на часах была неподвижна, корабль и воздушный шар, по-видимому, отправлялась раз в час, а час так длинен! По крайней мере, он был таким в то время. К счастью, кухарка пришла за чем-то в буфет и, увидев меня печального, дала мне конфеток, которые успокоили мое сердечное огорчение. Но, когда конфетки все вышли, я снова загрустил, и мне казалось, что целые часы протекали в этом печальном одиночестве, хотя картина на часах еще ни разу не приходила в движение. Иногда до меня доходили из соседней комнаты звуки голоса господина; он умолял даму в белом, потом сердился на нее. Это хорошо, но неужели они никогда не кончат? Я прижимался носом к оконным стеклам, выдергивал набивку из стульев, вертел дыры в обоях, обрывал кисти у штор, – не помню уж, что я еще делал. Скука – страшная вещь. Наконец, будучи больше не в силах терпеть, я бесшумно подошел к двери, ведущей в комнату с обезьянами, и нажал на ручку. Я, конечно, знал, что нехорошо поступаю, но это самое внушало мне некоторую гордость.

Я открыл дверь и увидел, что дама в белом стоит у камина. Господин, на коленях у ее ног, широко раскрывал руки, точно собираясь взять ее. Он был красен, как петушиный гребень, и таращил глаза. Ну, можно ли доводить себя до такого состояния!

– Перестаньте, говорила взволнованно дама в белом, бывшая розовее обыкновенного, перестаньте, раз выговорите, что любите меня.... и не заставляйте меня жалеть....

И она, по-видимому, боялась его и едва крепилась.

Увидев меня, он быстро поднялся, и я думаю, что на минуту ему пришла мысль выбросить меня в окошко. Но она не бранила меня, как я ожидал, а схватила на руки и назвала своим милым. Она унесла меня на диванчик и долго и тихо плакала у меня на плече. Чтобы утешить ее, я сказал ей, что господин с бакенбардами скверный человек и что у нее бы не было бы горя, если б она всегда оставалась одна со мной, как мы условились. Тем не менее, я все-таки нашел, что большие иногда бывают очень смешны.

Едва мы успели прийти в себя, как вернулась с покупками дама в черном. Она спросила, был ли кто-нибудь.

– Господин Арнульд приходил, ответила спокойно дама в белом; но он сидел какую-нибудь секунду.

На счет этого я знал, что это было ложью, но, без сомнения, возле меня в эту минуту стоял добрый гений дамы в белом и закрыл мне рот.

Я не видел больше господина Арнульда, и моя любовь с дамой в белом больше ничем не была встревожена, и потому-то, конечно, я и не сохранил об этом воспоминания. Еще вчера, то есть больше тридцати лет, я не имел сведений, что стало с дамой в белом.

Вчера я отправился на бал в министерство иностранных дел. Я согласен с лордом Пальмерстоном, что жизнь была бы сносно без удовольствий. Моя ежедневная работа не превышает моих сил и ума, и мне удалось заинтересоваться ею. Меня удручают приемы. Я знал, что бесполезно и суетно идти на бал министра, знал и все-таки пошел, потому что в натуре человека рассуждать умно, а поступать нелепо.

Едва я вошел в большой салон, как доложили о посланнике Х и его жене. Я встречал посланника Х несколько раз. На его изящном лице лежал отпечаток утомления, вызванного не одними трудами дипломатии. У него, по слухам, была бурная молодость, на его счет ходило много любовных рассказов между мужчинами.

Его пребывание в Японии, тридцать лет назад, было особенно богато приключениями, о которых любили разговаривать между собой, за чашкой кофе. Жена его, с ней я еще не был знаком, на вид была пятидесяти лет. Она была вся в черном; великолепные кружева удивительно шли ее увядшей красоте, следы которой еще сохранились.

Я был очень рад, когда меня ей представили, так как страшно не разговаривать с пожилыми женщинами. Мы говорили о разных вещах под звуки скрипок, под которые танцевали молодые женщины, и случайно она упомянула, что жила одно время в старом отеле на набережной Малаке.

– Вы были дама в белом! воскликнул я.

– В самом деле, сказала она, я некогда одевалась в белое.

– А я был вашим маленьким мужем!

– Как! вы сын этого милого доктора Нозьера? Вы очень любили пирожные, вы их все еще любите? Приходите же к нам покушать их. У нас по субботам бывает чай для интимных друзей. Однако, как иногда приходится свидеться!

– А дама в черном?

– Теперь я стала дамой в черном; бедная тетушка умерла в год войны, последнее время она часто вспоминала вас.

В то время, как мы разговаривали таким образом, какой-то господин с седыми усами и бакенбардами, почтительно, со всей грацией бывшего красавца раскланялся с госпожой Х; мне показалось, что его выбритый подбородок мне знаком.

– Господин Арнульд, старый друг, сказала она мне.

Андре**(Перевод с французского для «Сиб. Вест.»)***(Опубликовано в «Сибирском вестнике». 1903. № 258 (29 ноября). С. 2).*

Вы знали доктора Тревьера. Вы помните его сияющее открытое широкое лицо и прекрасные голубые глаза. У него была рука и душа великого хирурга. Невозможно было не восхищаться его присутствием духа в затруднительных обстоятельствах. Однажды он делал в амфитеатре серьезную операцию, во время которой пациент вдруг так ослабел, что приходилось остановить: он похолодел, кровообращение прекратилось – словом, человек умирал. Тогда Тревьер схватил его за обе руки, прижал к себе и с силой стряхнул это окровавленное, изувеченное тело. Потом он снова взялся за скальпель и закончил операцию со свойственной ему осторожностью и смелостью. Кровообращение восстановилось, человек был спасен.

Снимая свой рабочий фартук, Тревьер становился опять наивным и добродушным человеком, с искренним, заразительным смехом. Через несколько месяцев после рассказанной операции, вытирая свой бистури, он укололся, на что не обратил внимания. Но этот привил ему гнилостное заражение, от которого он в два дня умер, оставив после себя жену и сына.

В солнечные дни под елями Булонского леса постоянно можно было видеть молодую женщину в трауре, вязавшую кружево и через свою работу, поглядывавшую на маленького мальчика, который на четвереньках возился со своей лопаточкой у кучки земли. Это была m-me Тревьер. Солнце ласкало ее лицо теплого, матового цвета, ее грудь поднималась тяжело от слишком сильной полноты жизни и в больших темных лазах зажигались золотые искорки. Она следила взглядом за своим мальчиком, который желая показать ей сделанные им из земли «пирожки», поднимал к ней свою русую голову с голубыми глазами, голову и глаза отца.

Он был круглый, крепкий и розовый. Потом, с ростом он стал тоньше, и его усеянные веснушками щеки побледнели. Мать беспокоилась. Иногда, если

он, бегая по лесу со своими маленькими товарищами, приближался к стулу, на котором она работала, она перехватывала его на лету, молча приподнимала его лицо, хмурила брови, рассматривала эту бледненькую рожицу и незаметно покачивала головой, когда он снова убегал от нее. По ночам при малейшем шуме, она вскакивала и стояла босиком, склонившись над его кроватью. Врачи, бывшие товарищи ее мужа успокоили ее: ребенок был только деликатного сложения, но ему нужен был свежий воздух.

М-ме Тревьер уложились и отправилась в Броль, где родители ее мужа занимались земледелием – как вам известно, Тревьер был сыном крестьян и до двенадцати лет разорял гнезда скворцов в свободные от школьных занятий часы.

В закопченной комнате под висевшими в ней окороками родственники расцеловались. Матушка Тревьер, сидя перед печкой и не оставляя своей прялки недоверчиво разглядывала парижанку, и ее няньку, но мальчика она нашла «милашкой и вылитым портретом его отца». Добряк Тревьер, сухой и стесняемый курткой из толстого сукна, тоже был рад увидеть своего внука Андре.

Ужин еще не был кончен, как Андре уже крепко целовал своего дедушку, подбородок которого так забавно кололся. Потом, встав на колени старика, Андре всадил ему в щеку кулачок, допытываясь, от чего это провалилось.

Потому что у меня нет больше зубов.

– А от чего у тебя нет зубов?

– От того, что они совсем черные стали, и я посеял их на пашне, чтобы поглядеть, не вырастет ли белых.

И Андре хохотал от восторга. Щеки его дедушки были совсем не такие, как мамины!

Парижанке с ее мальчиком отвели почетную комнату, где стояла брачная постель, на которой добряки спали только раз, и дубовый комод, набитый бельем и запертый на ключ. Для внука принесли с чердака кровать,

которая служила когда-то сыну хозяев, и поставили ее в самый уютный уголок комнаты, под полку, заставленную банками с вареньем. М-ме Тревьер, как женщина аккуратная, хотела повесить вещи по местам и несколько раз обошла комнату, но не нашла ни одной вешалки.

Потолок с выступающими балками и стены были выбелены известью. М-ме Тревьер не рассматривала раскрашенных картин, висевших в этой прекрасной комнате, но все-таки заметила над брачной постелью гравюру, изображающую мальчиков, в черных курточках и белых панталонах с бантом на рукаве и со свечой в руке, перед готической церковью и прочла внизу печатную надпись, имена в которой были вписаны от руки: «Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что Пьер Агенор Тревьер получил первое приобщение в приходской церкви в Бромсе 15 мая 1879 года. Священник Гонтарь».

Вдова прочла и вздохнула одним из тех вздохов рассудительной и сильной женщины, которая наряду со слезами любви составляет самое драгоценное сокровище на земле. Те, кого любят, не должны бы умирать.

Раздев Андре, она сказала ему:

– Ну, говори свою молитву.

– Мама, я люблю тебя, прошептал он и с этой молитвой заснул моментально.

Проснувшись, Андре увидел скотный двор. Удивленный и восхищенный, он смотрел на кур, на корову, старую кривую лошадь и свинью; особенно восхитила его свинья. И это очарование длилось все время. К обеду его с трудом удавалось увести со скотного двора, и он являлся весь в соломе и навозе, с паутиной в волосах, с черными руками, ободранными коленями, но с розовыми щеками, веселый и довольный.

Не подходи ко мне, маленькое чудовище! – кричала ему мать, и тут начинались поцелуи без конца. Сидя за столом, на краю скамейки, и держа в руках огромную кость от домашней птицы, он был похож на маленького Геркулеса, собирающегося пожрать свою палицу. Он ел, сам того не замечая,

забывал пить и все и время болтал.

Мама, что это за зеленый цыпленок? Это, должно быть, попугай, слишком легкомысленно ответила парижанка, благодаря чему Андре стал называть попугаями уток своего дедушки, и это делало его рассказы удивительно непонятными.

Но другим, кроме мамы, он нелегко верил.

– Мама, знаешь, что мне сказал дедушка? Он сказал мне, что яйца делают куры, но я знаю, что это неправда. Я отлично знаю, что яйцо делает зеленщик на улице Нельи, а потом их относит курам, чтобы те нагрели их. Потому что, как же ты хочешь, мама, чтобы куры делали яйца, когда у них нет рук?

И Андре продолжал исследовать природу. Во время прогулок по лесу с мамой он испытывал все волнения Робинзона Крузо. Однажды, когда вдова, сидя под дубом, на краю дороги, вязала свое кружево, он нашел крота. Ну, и огромная же штука крот! Правда, он был мертвый, но мордочке была даже кровь. Мама крикнула ему:

– Андре, брось, пожалуйста, эту мерзость. Посмотри скорее снова на дерево.

И он увидел белку, прыгавшую с ветки на ветку. Мама была права: белка красивее крота. Но она быстро скрылась, и Андре спрашивал, есть ли у белок крылья, когда какой-то прохожий мужественное и красивое лицо которого было окаймлено красивой черной бородой, снял соломенную шляпу и остановился перед m-me Тревьер.

– Здравствуйте, madame, как ваше здоровье? Как пришлось свидеться-то! А это ваш сынок? Он очень мил. Мне говорили, что вы живете у батюшки Тревьера.... Простите, что я так называю его – мы с ним столько лет уже знакомы!

– Мы приехали сюда для мальчика, потому что его надо было увезти в деревню. Но вы, monsieur, уже, жили в этих краях еще при жизни моего мужа.

– Да, madame, ответил он серьезным тоном, заметив, что голос вдовы дрогнул, и склонил голову, точно отдавая дань почтения ее великой потери. Потом, помолчав с минуту, он продолжал:

– Хорошее это было время! Сколько славных ребят умерло с тех пор! Бедные мои пейзажисты, бедный Милье! Но это ничего не изменило, и я по-прежнему остаюсь другом живописцев, как они все зовут меня там в Барбигроне. Я их всех знаю, это добрые ребята.

– А ваша фабрика?

Андре прервал их разговор, бросившись к матери.

– Мама, мама! Под большим камнем много боженькиных животных, по крайней мере, миллион, ей Богу!

– Замолчи и иди играй, сухо ответила ему мать.

Друг живописцев продолжал тепло.

– Так приятно свидеться! Друзья меня часто спрашивают, что случилось с прекрасной m-me Тревьер. Я им скажу, она по-прежнему, даже более чем прежде прекрасная madame Тревьер. До свиданья!

– До свиданья, m-г Лассаль.

Андре подбежал опять.

– Мама, разве есть животные дьявола? Разве не все животные боженькины? Мама, ты мне не отвечаешь... отчего?

И он дернул ее за юбку. Тогда она его побранила:

– Андре, не следует прерывать меня, когда я разговариваю с кем-нибудь, слышишь?

– Почему?

– Потому что это невежливо.

Пролило было несколько слез, кончившихся улыбкой под поцелуями матери. Это был хороший день, напоминавший облачное небо, которое освещается солнечными лучами и наводит одно и то же время и грусть, и умиление.

Через несколько дней после этого, в сильный дождь, г. Лассаль в ботфортах

явился с визитом к вдове.

– Здравствуйте, madame. Что, батюшка Тревьер, кажется, крепче прежнего?

– Сундук-то еще крепок, а ноги никуда него.

– Ну, а вы, матушка? Вечно нос в горшок, а? Вы попробуйте суп – видно хорошую кухарку!

Эти фамильярности заставили старуху улыбаться, и глаза ее блестели на морщинистом лице. Г. Лассаль взял Андре к себе на колени, но мальчик высвободился и уселся верхом на колени к своему деду.

– Ты лошадь, а я почтальон. Ну, быстрее, быстрее!..

В течение визита вдова и посетитель не обменялись и четырьмя словами, но взгляды их часто встречались.

– Папа, вы хорошо знаете этого господина? Спросила молодая женщина с видом равнодушия.

– Я его знал, когда он бегал еще без штанов. Кто не знал у нас его отца? Совсем хорошие люди, честные и состоятельные. Г. Филипп (мы его зовем г. Филипп) на своем заводе держит не меньше шестидесяти рабочих.

Андре нашел своевременным высказать свое мнение:

– Он противный, этот господин, заявил он.

Мама ответила ему с живостью, что лучше пусть он молчит, чем говорить глупости.

С тех пор случай устраивал постоянно так, что на всех поворотах дороги m-me Тревьер встречала господина Лассаля. И мама Андре стала тревожной, рассеянной, задумчивой. Она вздрагивала, когда ветер шумит листьями. Она забывала свое кружево и подолгу сидела, задумавшись, опершись подбородком о руку.

В один вечерний вечер, когда пришедшая с моря буря ревела над домом батюшки Тревьера, вдова поспешила отпустить няньку, затоплявшую печку, и

уложить Андре. В то время как она снимала с него шерстяные чулки и отогревала в своих руках его ножки, он, прислушиваясь к завываниям бури, обвился ручонками вокруг шеи склонившейся над ним матери.

– Мама, сказал он, мне страшно. Я плаваю.

Плавать на его языке было самым сильным выражением удовольствия. Но она, поцеловав, сказала:

– Не шали, спи, дорогой!

Потом села у огня и прочла письмо. По мере того, как она читала, щеки ее алели, и что-то горячее разливалось в груди, и, когда она кончила чтение, она осталась в своем кресле, опустив руки и погружившись в раздумье. Она думала:

– Он любит меня; он такой хороший, чистосердечный, честный! Зимние вечера очень печальны, когда одинок. Сколько деликатности проявил он по отношению ко мне! Несомненно, он сердечный человек. Это видно уже из того, как он делает мне предложение.

В это время взгляд ее упал на гравюру, изображающую первое причащение: «Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что Пьер Агенор Тревьер...». Она опустила глаза, потом подумала снова:

– Женщина одна не может хорошо воспитать мальчика... У Андре будет отец...

– Мама!

Этот призыв неожиданно раздался из кровати, заставив ее вздрогнуть.

– Что тебе, Андре? Ты сегодня что-то волнуешься!

– Мама, я думал об одной вещи.

– Вместо того, чем спать. О чем ты думал?

– Папа умер, правда?

– Да, мой бедный мальчик.

– В таком случае он не вернется?

– Увы, нет, мой милый

– Ну, мама, знаешь ли, это все-таки хорошо.... Потому что я тебя так люблю, видишь ли, мама, так люблю.... что люблю за обоих. И, если бы он вернулся, я совсем не мог бы любить его.

Она несколько времени смотрела на него с тревогой, потом опять упала в кресло и долго сидела неподвижно, спрятав лицо в руки. Ребенок спал под шум бури уже более двух часов, когда она подошла к нему и со вздохом прошептала:

– Спи, он не вернется!..

Он не вернется. Господин Лассаль не имеет надежды, его предложение отвергнуто. Вечером, сидя в своей комнате, украшенной картинами, он думает о том, что зимние вечера очень печальны, когда одинок. Он больше не виделся с вдовой, но когда друзья его спрашивают, что с нею случилось, он мужественно и с увлечением, под которым скрывается большое горе, отвечает:

– Она по-прежнему, даже более чем прежде прекрасная m-me Тревьер.

М.Ш.

Из маминых сказок**(Перевод с французского для «Сибирской жизни»)***(Опубликовано в «Сибирской жизни». 1904. № 69 (6 апреля). С. 2–3;**№ 72 (28 марта). С. 2–3).*

«У меня не хватает воображения», говаривала мама. А говорила она так потому, что была убеждена, что ей не хватило бы воображения для сочинения романа с его небылицами. Но она не сознавала, что взамен того у нее было то редкое прекрасное воображение, которое находит для себя выражение не в одних только фразах. Мама целыми днями бывала поглощена своим домашним хозяйством, и вот у нее хватило воображения скрасить свой скромный мирок. У нее был дар ободрять других и живая способность рассказывать поэмы о сковородках, чугунках, ножах, вилках, тряпках, утюгах. По существу своей натуры она была чрезвычайно искусной и неутомимой рассказчицей. В угоду мне сочиняла она свои сказки, но так как чувствовала себя неспособной выдумывать, то сказки ее касались только предметов, меня окружавших.

Привожу некоторые из ее рассказов. Насколько было возможно, я сохранил в них ту превосходную форму, в которой они были переданы.

I. Школа

Женскую школу мадмуазель Жансень я провозглашаю лучшей школой из всех существующих в мире. Объявляю нехристями, злыми болтунами всех, кто будет думать и говорить противное. Все ученицы мадмуазель Жансень – чрезвычайно умные и прилежные девочки. Уморительно смотреть на их неподвижно сидящие фигурки: точно это ряд флакончиков, в который мадмуазель Жансень вливает науку.

Мадмуазель Жансень на своем высоком стуле держится очень прямо. Особа важная, но снисходительная. Ее гладкий широкий пояс и черное платье внушают уважение и симпатию.

Мадмуазель Жансень чрезвычайно ученая. Вот она обучает своих маленьких воспитанниц счету.

«Роза Бенуа! Если я из двенадцати вычту четыре, сколько останется?»

«Четыре» – отвечает Роза Бенуа.

Мадмуазель Жансень не удовлетворена этим ответом.

«Скажите вы, Эммелина Капель: если от двенадцати отнять четыре, сколько останется?».

– Восемь! Отвечает Эммелина Капель.

Услышав это, Роза Бенуа погружается в глубокое размышление. Она слышала, что у мадмуазель Жансень осталось восемь, но она не может понять, что это такое: восемь шляп или восемь платков? Или еще лучше: восемь яблоков или восемь перьев? Эта неуверенность долго мучит ребенка. Когда ей говорят: шестью шесть будет тридцать шесть, она не знает, то ли это надо понимать тридцать шесть стульев или же тридцать шесть орехов. Многого в арифметике она совсем не может понять.

Наоборот, к священной истории она очень способна. У мадмуазель Жансень нет другой ученицы, которая могла бы так рассказать о земном рае или Ноевом ковчеге, как это делает Роза Бенуа. Роза Бенуа знает в раю каждый цветок, все животные ковчеге – ее знакомые. Басен она знает не меньше самой мадмуазель Жансень. Знает она все разговоры Вороны и Лисицы, Осла и Собачки, Петуха и Курицы. Она не удивляется, если ей рассказывают, что животные некогда говорили человеческим языком. Скорее всего, она удивилась, если бы ей сказали, что теперь они уже больше не говорят. Она уверена, что слышит разговор своей огромной собаки Тома и маленькой канарейки Кюип. И она права: животные всегда говорили и теперь все говорят, но говорят только с друзьями. Роза Бенуа любит их, и они ее

любят. Потому-то она и понимает их. Для того чтобы понимать друг друга, надо только любить.

Сегодня Роза Бенуа безошибочно рассказала урок из священной истории. У нее хорошая отметка. Эммелина Капель также получила хороший балл, так как хорошо знала свою арифметику.

Выйдя из школы, она рассказывает маме о своих хороших отметках и спрашивает:

– Мама! Какую пользу я получу от хороших отметок?!

– Хорошие отметки не приносят никакой пользы! отвечала Эммелине мамаша: они только для того, чтобы ты гордилась получением их! Придет время, дитя мое, и ты узнаешь, что самые лучшие человеческие награды те, получение которых не приносит человеку никакой материальной выгоды.

II. Дитя

У девочек врожденное стремление рвать цветы и хватать звезды. Но звезды не даются и девочки приучаются к мысли, что на свете удовлетворяются не все их желания. Мария с няней отправилась в городской сад, где ей попалась клумба с гортензиями. Девочка с первого взгляда почувствовала, что гортензии очень красивые цветы. Поэтому-то она и решила сорвать одну из них. Но не легко было эту мысль привести в исполнение. Девочка схватила растение обеими ручками и чуть-чуть не упала назад, когда подломился стебель. Сделавши это, она чувствовала себя очень довольной. На цветок нельзя было налюбоваться – так красив был этот благородный шар с голубоватым отливом на кончиках лепестков! Цветок, составленный из множества других, маленьких, цветочков.

Но няня видела все и бросилась к девочке. Схватив ее за ручонку, она бранила шалунью, кричала на нее – одним словом сделалась страшной. Мария с удивлением смотрит, все еще не веря своим глазам и ушам. В ее детской душе, смущенной неожиданным натиском, царит этот образ прекрасной

гортензии. Вы не можете себе представить, до чего трудно, в семилетнем возрасте, вопрошать свою совесть, тем более что она остается незапятнанной и пребывает на распутье: посередине между совершенным проступком и готовящимся наказанием.

Няня подвергает преступницу наказанию, но садит ее не в темную комнату, а под тень большого китайского зонтика, служившего для свалки каштанов. Здесь Мария, задумчивая и удивленная неожиданностью развязки, садится и размышляет. С цветком в руках под китайским балдахином она производит впечатление маленького языческого божка.

Няня говорит: «Теперь, мадмуазель, отдайте мне этот цветок!»

Но девочка сжала в своей маленькой ручке стебель цветка, лицо ее покраснело, лоб нахмурился – вот-вот расплачется! Няня же вовсе не хотела вызывать слезы у ребенка и она сказала:

– Я запрещаю тебе подносить этот цветок к губам! Если не послушаешься, собачка Тото откусит тебе ухо!

С этими словами няня уходит. Маленькая невольница в неподвижной позе под своим прозрачным балдахином озирается вокруг, но видит только небо и землю. Необъятное небо и огромная земля некоторое время занимают малютку. Но гортензия занимает ее больше всего. Всегда и везде запрещенный цветок бывает самым лучшим цветком. Потому она так и нравится: Мария думает:

– Гортензия – цветок, значит, она должна хорошо пахнуть, – и подносит цветущий шар гортензии к носу, пробует нюхать, но не чувствует никакого аромата. Она еще не умеет вдыхать аромат: еще так недавно она дышала на розы вместо того, чтобы вдыхать их в себя. Но не надо над ней смеяться. Нельзя же так скоро научиться всему! Детей учат сначала пить молоко. А вдыхать ароматы цветов учат уже гораздо после: это не так полезно!

Но и помимо того, если бы у Марии было даже тонкое обоняние ее мамы, она все-таки не ощущала бы запаха, потому что гортензии не пахнут!

Вот почему девочка оставляет ее в покое, больше не обращая на нее никакого внимания.

И это все-таки не конец. Наша маленькая героиня очень изобретательна. Ей вдруг приходит на ум: а что, если этот цветок сладкий?! И она, широко раскрывая рот, совсем уже приготовилась положить его. В эту минуту раздается громкое «гаф»!

Это собачонка Тото, кинувшаяся к ней через грядки с геранями. Вот она села перед Марией и смотрит на нее своими блестящими круглыми глазенками. Спрятавшаяся за деревья няня подходит и отгоняет собачку....

Изумление Марии теперь уже не знает границ.

III. Роза и Миро

Роза и Миро – задушевные друзья. Роза – маленькая девочка, а Миро – огромный пес. Оба они из одного круга, так как оба деревенские жители. Отсюда их огромная взаимная любовь. С каких пор они познакомились и стали друзьями – они не помнят: это превышает силу памяти большой собаки и маленькой девочки. Да им и надобности нет знать это. У них вообще нет желания или необходимости что-либо знать. Твердо знают наши друзья только одно, что сошлись они очень давно – с начала сотворения мира, потому что ни тот, ни другая не могут себе представить, чтобы когда-нибудь вселенная существовала без них.

Мир, как они его понимают, молод, прост и наивен, как сами они. В самом центре его Роза видит своего Миро, для Миро же центр вселенной – маленькая Роза! Роза прекрасно понимает, что такое Миро, но это понимание не может быть выражено словами. Слова вообще не могут выразить мысли Розы: они слишком грубы для этого! Что же касается мыслей Миро, то, без сомнения, у него хорошие и здравые мысли, но, к несчастью, они почти никому неизвестны. Миро не говорит, он не скажет того, о чем он думает.

Конечно, у него есть ум, но, по всем соображениям, область его ума остается спутанной и неясной.

Каждую ночь Миро видит свои сны: он видит собак, таких же, как он, маленьких девочек, как Роза; нищих; Ему снится и веселое, и печальное.

Сообразно с этим, он, во время сна, то лает, то ласково ворчит. Это только сны и иллюзия, но Миро не отличает их от действительной жизни. Он постоянно смешивает в своем уме то, что видит во сне, с тем, что видит наяву, и это смешение препятствует пониманию многого из того, что понимают дети. Да и затем, так как Миро – собака, у него и мысли собачьи. Почему же вы хотите, чтобы мы понимали мысли собаки лучше, чем собаки понимают мысли людей?! Но человек и собака все-таки могут разговориться между собой, так как у собаки иногда бывают человеческие мысли, а люди нередко мыслят, как собаки. Для дружбы этого достаточно.

Миро гораздо больше и сильнее Розы. Положив свои передние лапы на плечи ребенка, Миро становится выше ее на целую голову. Он мог бы проглотить ее в три глотка: но он знает, он чувствует, что сила на ее стороне и, как бы она мала не была, она ценнее, дороже его! Он любуется движениями ее, находит их милыми. Он дивится тому, что она умеет играть, говорить. Он влюблен и, в знак сочувствия, лижет ее.

Роза со своей стороны считает Миро существом необыкновенным, достойным удивления. Она видит, что он силен и восхищается его силой: без этого восхищения ведь не была бы она маленькой девочкой! Она видит, что он добр и любуется его добротой. Доброта такое качество, которое всегда приятно видеть в других. Она глубоко уважает Миро; подмечает, как много знает он сокровенных тайн, для нее недоступных. В нем, по ее понятиям, обитает темный дух земли. Она видит, как Миро велик, важен и милостив и чтит его, как некогда под другими небесами и в другие времена люди чтили своих косматых и диких богов.

Но вот она внезапно поражена, встревожена, повергнута в изумление: она видит своего старого духа земли, своего косматого гения Миро

привязанным на длинной привязке к столбу у колодца. В глубоком раздумье, смотрит она на Миро, тот в свою очередь смотрит на нее своими хорошими, честными и покорными глазами. Он не удивляется. Он любит хозяина и совсем не сознает себя старым земным гением и косматым богом по представлениям Розы. Без гнева Миро носит цепь и ошейник. Но Роза не смеет теперь к нему подойти. Она не может понять, каким это образом ее дивный таинственный друг мог лишиться свободы, и неясная грусть пробирается в сердце не ведущей Розы

IV. Промахи сильных

Дороги похожи на реки.

Это потому так, что реки те же дороги, проведенные самой природой, но такие дороги, по которым ходят только в больших-больших *деревянных сапогах*. Какое же еще другое название могло бы подходить к деревянным баркам, плотам, пароходам?!

Итак, дороги все равно, что реки, устроенные человеком для человека!

Дороги, прекрасные дороги! Вы также гладки, как водная поверхность реки! Колесо экипажа и подошва пешехода встречают в вас живую и в тоже время прочную опору!

Дороги – лучшие творения наших предков, которые умерли безызвестными, не оставив нам своего имени, мы знаем их только по их добрым делам.

Да будут благословенны дороги, по которым в таком изобилии подвозится к нам произрастания земли! благословенны пути, сближающие друзей!

Чтобы повидаться с другом Жаном, пятеро товарищей: Леон, Марсель, Бернар, Жак и Поль отправились большой дорогой, которая, как говорят, проходит через все государство. Развертываясь на солнце, как красивая пестрая лента и, проходя по полям и лугам, она пересекает города, деревеньки,

и, в конце концов, по рассказам, приводит их к огромному морю, где плавают корабли.

Пятеро названных выше товарищей так далеко не заходят; хотя для того, чтобы достигнуть места, в котором проживает их общий товарищ, им необходимо сделать добрый конец. Вот они вышли. Их отпустили без провожатого, так как все они обещали вести себя умниками: ни под каким предлогом не свертывать с прямого пути; остерегать лошадей и экипажей и не покидать самого меньшего их всей этой компании – Поля.

Вот они вышли и идут в полном порядке в одном направлении. Лучше невозможно ходить! Но в этой образцовой маршировке один недостаток: Поль слишком мал!

В нем разгорается непомерное мужество. Он усиленно шагает, разворачивая всю силу своих коротеньких ног, усиленно махает руками. Но он слишком мал и не может успеть за товарищами. Он отстает. Это неизбежно. Философы знают, что одинаковые причины всегда приводят к одинаковым последствиям. Но Жак, Бернар, Марсель и даже Леон не философы. Они идут насколько позволяют им ноги, а Поль шагает в меру своих собственных сил. Согласия не выходит. Поль пускается бегом, едва переводит дух, кричит, но вес так остается позади.

Сильные и взрослые должны бы, скажите вы, подождать слабейшего и сообразовать свою походку с его походкой. Увы! Это было бы с их стороны большой добродетелью, но они в этом случае ведут себя как все люди вообще. «Вперед!» – кричат сильные и оставляют позади себя слабых, но подождите конца этой истории.

Вдруг четверо наших взрослых и сильных мальчиков останавливаются: перед ними прыгающее животное. Животное прыгало, потому что это была лягушка.

Не простая, а зеленая лягушка! Она походила на свежий древесный листок, и это сходство придавало ей что-то таинственное. Бернар, Леон, Жак и

Марсель бросаются за нею вдогонку. Прощай Польша, прощай прекрасная дорога, прощай навсегда данное слово!

Вот они на лугу и чувствуют, что вязнут их ноги в мягкой и жидкой земле, питающей высокую, густую траву. Еще несколько шагов и они тонут по колено в грязи. Под травой скрывалось болото. Едва они выбрались, башмаки, чулки, панталоны почернели от грязи. Зеленая нимфа лугов наложила слой грязи на четырех непослушников.

Сильно запыхавшийся Польша догнал наконец, но увидя товарищей в запачканной обуви, не знал, что ему делать: радоваться или скорбеть!

Он перебирает в своем невеликом уме катастрофы, которые постигают взрослых и сильных

Товарищи должны были возвратиться назад, потому что невозможно в таком загрязненном виде отправляться к товарищу Жану.

Когда они вернуться домой, матери прочтут их проступок по загрязненным ногам, между тем как чистота и невинность Польша будут просвечивать во всем их незапятнанном блеске!

V. На лоне природы

После завтрака Катя и ее маленький братишка Жан отправились на поле. Когда они вышли из дома, день казался таким же новым и свежим, как сами они. Небо было не совсем голубое. Скорее оно высматривало серым, но его серый цвет казался мягче, чем все голубые оттенки. Глаза Кати были также светло серого цвета, составляя нечто общее с этим утренним небом.

Катя и Жан одиноко проходят лугами. Мать содержит ферму и теперь занята работой. У них нет служанки, которая могла бы провожать, да они и не нуждаются в этом, так как знают дорогу: им знакомы все эти леса, холмы и поля. Катя, взглянув на солнце, может сказать, который час и чувствует те чарующие тайны природы, о которых городские дети и не подозревают. Даже маленький Жан и тот многое понимает во всем, что касается жизни леса и

горных вершин, потому что в нем живет душа селянина. Катя и Жан проходят по цветущему лугу. Катя на ходу составляет букеты. Она любит цветы, а любит их потому, что они прекрасны! Повод, я думаю, достаточный, чтобы любить!? Все прекрасное привлекательно. Прекрасное смягчает жизнь, приближает к добру! Потому составление прекрасных букетов относится к лучшим деяниям человека.

Катя рвет васильки, мак, кукушкины слезки, золотистый лютик. Рвет она также и те фиолетовые цветы, что растут по дорогам и носят название Венерин башмачок. Рвет она темные головки чернобыльника, желтоцветные петушии гребни, розовый журавельник, луговые лилии с белыми колокольчиками, колеблющимися при малейшем движении воздуха и издающими нежный аромат.

Катя любит цветы, потому что они красивы. Любит еще потому, что из них составляются венки для головного убора. Она простая маленькая девочка и ее красивые волосы прикрывает обыкновенный темный чепчик; ситцевый передник, простое без складок платье; ходит она в деревянных башмаках и дорогие наряды видала только в своей сельской церкви на святой Деве Марии, да на святой Екатерине. Но о некоторых вещах маленькие девочки получают понятие уже при самом рождении! Вот почему Кате известно, что цветы самое лучшее украшение и что красивая дама, прикладывая цветы, становится еще красивее.

– «В эту минуту – думает по себя Катя: – я должна быть очень красива, потому что у меня веночек больше моей головы!..»

И Катя исполнена радостью от сознания своей красоты. Мысли ее блестят и благоухают, как вот эти цветы. Словами подобные мысли не выразить. Словам не достает красоты, и они не годятся для выражения счастливого душевного состояния маленькой девочки. Для этого нужна песня с ее веселым и нежным напевом, самая милая песня! Срывая цветы, Катя поет: «Выйду я в лес одинешенька!».

Маленький Жан другого характера. Он руководится другими мнениями и ведет себя молодцом, хотя еще и не носит штанишек. По уму он далеко опередил свои годы, так как нет ума более изворотливого и веселого, чем у него. Вот он одной ручонкой цепляется за передник сестры, чтобы не упасть, а другая рука его бойко владеет хлыстом с твердостью, свойственной только взрослому и лихому малому. Едва ли первый работник его отца сумел бы так же лихо щелкнуть своим хлыстом, когда, погоняя лошадей с водопоя, вдруг повстречал бы свою невесту.

Маленький Жан не утопает в возвышенно-благородных мечтах. Он не обращает внимания на полевые цветы и даже для игр выбирает тяжелые работы. В воображении его рисуется обляпанная грязью телега и лошадь, выбивающаяся из силы под крики погонщика и удары хлыста.

Он преисполнен сознания силы и гордости. Потому и идет мелкими шажками по лугу, ступая на камни и держась одной рукой за передник сестры.

Катя и Жан поднялись над лугами, на холм – самое возвышенное место, откуда виден дым всех окрестных деревень, спрятавшихся в листве, а на горизонте отделялись колокольни шести сельских церквей. С этого места было видно, как земля велика и здесь именно Катя как нельзя лучше понимала все заученные в школе истории: голубя в ковчеге, израильтян в земле обетованной и Иисуса Христа, переходящего из города в город. «Сядем здесь!» – говорит она брату и садится, разбрасывая руками цветочную жатву. Катя вся усыпана благоухающими цветами, вокруг нее порхают бабочки. Она выбирает и связывает цветы, подбирая цветные тона в приятное для глаз сочетание. Чем ярче краски, тем они больше нравятся ей. У нее острое зрение и ярко-красный цвет ей не режет глаза. Только для притупившихся взоров горожан художники осторожно смягчают краски. Глазки Кати – добрые маленькие глазки – от красного мака еще больше оживляются. Мак – ее любимый цветок. Но пурпурные лепестки его уже завяли, и легкий ветерок колеблет смытые листочки в руках девочки. Она восхищенно осматривает цветочные стебли и видит, как насекомые самых разнообразных видов бегают и летают по листьям

и цветочкам. Цветы, которые она нарвала, служили пристанищем для мух и жуков, которые, видя свои жилища в опасности, теперь скорбят и волнуются.

Но Катя не заботится о насекомых. Решив, что это слишком мелкие существа, она не чувствует к ним никакой жалости. Она не знает, что в одно и то же время можно быть и очень маленьким и очень несчастным. Но это уже философские мысли, а к несчастью для жучков и других насекомых, философия никогда не заглядывала в голову Кати.

Вся она в венках и в гирляндах и возле ушей – цепь колокольчиков. Так пастухи украшают свою чтимую икону. Маленький Жан, справлявшийся все это время с воображаемым табуном лошадей, вдруг замечает сестру, убранную цветами и зеленью. Он изумлен до глубины души и любуется ею; его охватывает чувство религиозного восторга. Он останавливается, роняет хлыст. Он понял, что сестра его – красивое создание. Ему хочется так же быть красивым, убрать себя цветами с ног до головы. Тщетно пытается он выразить свои желания в неясном, хотя и милом лепете. Но сестра угадала. Ведь маленькая Катя – старшая сестра: она для него большая сестра и маленькая мама. Она сделает для него это, потому что она поняла его желания.

– Милый мой! – говорит Катя: – сейчас сделаю тебе чудный-чудный венок. Ты будешь у меня королем!

Быстро сплетаются голубые, желтые, красные цветы в венок на голову маленького Жана. Мальчик краснеет от радости. Катя целует, поднимает вверх и усыпанного цветами с ног до головы, ставит на большой камень и любуется им: как красив он в этом наряде! Он прекрасен и Катя любит его еще больше.

Стоя на своем пьедестале, наш маленький Жан чувствует, как он прекрасен. Это сознание внушает ему глубокое уважение к самому себе. Он понимает, что он особа. Стоя прямо, неподвижно, с широко раскрытыми глазами, сжав губы, опустив руки с растопыренными, как спицы у колеса, пальцами он вкушает неземную радость, сознавая себя кумиром.

Над ним небо, а кругом поля и леса, склонившиеся у его ног. Он в центре вселенной. Один он велик, один он прекрасен!

Вдруг Катя раздражается смехом и кричит: «Ай-ай-ай! Какой ты смешной, Жан, какой ты смешной!».

Бросается к нему, целует, трясет. Тяжелая корона цветов, падая, скользит уже по его лицу. А она все повторяет:

– Какой ты смешной, какой ты смешной! И заливается задумчивым раскатистым смехом.

Но маленький Жан не смеется. Он опечален и дивится, что все это так скоро прошло и что он уже не так прекрасен, как был. Ему приходится снова стать обыкновенным маленьким Жаном.

Распавшаяся корона цветов уже свалилась на землю, и маленький Жан стал человеком, подобным каждому из нас. Он уже утратил все королевское величие, но все-таки это солидный мальчуган. Он снова схватил свой хлыст и снова погоняет шестерку фантастических лошадей. Дети легко представляют себе предметы, которых в действительности нет, но которые они желали бы иметь. Если они и в зрелом возрасте сохраняют ту же чудесную способность, их называют то поэтами, то сумасшедшими.

Маленький Жан кричит, погоняет хлыстом, рвет и мечет. Катя еще играет с цветами. Но одни цветы уже погибли, другие погружаются в сон. Цветы спят так же, как и животные. Вот почему сорванные колокольчики закрывают через несколько часов свои голубые лепесточки и вянут их в той маленькой ручке, которая разлучила их с жизнью.

Катя пришла бы в умиление, если б только знала об этом. Но ей не известно, что цветы спят, что они одарены жизнью. Она ничего не знает. Да и сами мы знаем ли больше? Если мы заучили фразу «цветы живут», то все-таки не далеко ушли от Кати, потому что все-таки не знаем, что значит «жить». Но, может быть, не нужно слишком жалеть и том, что не все мы знали; я думаю, что у нас не хватило бы смелости жить, и мир кончился бы вместе с нашей кончиной.

Поносятся легкий ветерок, и Катю охватывает легкая дрожь. Надвигается вечер.

«Есть хочу!» говорит маленький Жан.

И в самом деле, ведь необходимо, чтобы конновожатый ел, когда он голоден. Но у Кати нет для него хлеба и она говорит:

«Братец, пойдем домой!»

И оба они мечтают о горячих дымящихся щах! Катя собирает цветы и, взяв братишку за руку, ведет его домой.

Солнце медленно опускается над горизонтом. Ласточка, пролетая, задевает детей своим неподвижно распростертым крылом. Настал вечер, Катя и Жан прижимаются друг к другу.

Катя роняет свои цветы один за другим по дороге. В глубокой тине слышится трескотня неугомонных сверчков. Оба охвачены страхом, оба печальны, потому что вечерняя грусть наполняет их детские души. Все окружающее давно им знакомо, но теперь они уже не узнают того, что до сего времени узнали как нельзя лучше.

Им вдруг показалось, что земля чересчур велика и чересчур стара для них. Они устали и боятся, что никогда не вернуться домой, где мат готовила ужин. Маленький Жан уже не работал хлыстом; Катя выпустила из уставшей руки свой последний цветок. Она тащила брата, и оба молчали.

Наконец издалека показались крыши их родного села и дым, расстилавшийся над потемневшим горизонтом. Дети остановились и, хлопая в ладошки, закричали от радости. Катя поцеловала своего маленького брата, и оба пустились бежать, насколько позволяли уставшие ноги. Когда они входили в деревню, возвращавшиеся с поля женщины сказали им «добрый вечер». Тогда дети перевели дух.

Мать была в белом платочке на голове с ложкой в руке.

– Идите же, идите, ребята! закричала она. Дети бросились в объятия матери. Войдя в комнату с запахом супа, Катя снова вздрогнула: она почувствовала теперь, что ночь опустилась на землю. Жан, сидя на скамейке и, положив подбородок на стол, чинно съедал свою порцию.

К. Мирвич.

Добровольная жертва**(Перевод с французского для «Сиб. Жизни»)***(Опубликовано в «Сибирской жизни». 1905. № 254 (16 декабря). С. 2).*

Тюремщик затворил дверь тюрьмы за бывшей графиней Фанни д'Авено, задержанной в видах охранения общественной безопасности, как было сказано в списке, но в действительности арестованной за укрывательство изгнанников.

И вот она очутилась в старинном здании, бывшем дворце, где когда-то люди, правившие миром, жили в полном одиночестве, и из которого можно было сделать тюрьму, не изменивши в нем ничего.

Сидя на скамейке, она размышляла о своей судьбе, пока сторож записывал ее имя:

– К чему все это, Боже мой, и что вам нужно от меня?

У тюремщика был более суровый, чем злой вид, и его хорошенькая дочка была очень мила в белом чепчике с бантиками и кокардой национальных цветов. Тюремщик повел Фанни на большой двор, в середине которого росла чудная акация. Там она должна была ждать, пока ей приготовят кровать и стол в комнате, где уже находилось пять или шесть заключенных, так как тюрьма была переполнена. И хотя каждый день избыток ее направлялся в революционный трибунал и на гильотину, но комитеты каждый день наполняли ее снова.

На дворе Фанни увидела молодую женщину, вырезавшую буквы на коре дерева, и узнала в ней Антуанету д'Ориак, подругу детства.

– Ты здесь, Антуанета?

– Ты здесь, Фанни? Вели поставить свою кровать рядом с моей. У нас есть много о чем поговорить.

– Много.... А где г-н д'Ориак, Антуанета?

– Мой муж? Право, милая, я немного забыла о нем. Хотя это и несправедливо, он всегда был безупречен относительно меня. Я думаю, теперь он где-нибудь в тюрьме.

– Но что же ты делаешь, Антуанета?

– Тише!.. Который час? Если уже есть пять часов, то друга, имя которого я соединяю с моим на коре этого дерева, уже нет в живых, так как в полдень его повели в революционный трибунал. Звали его Жерин, он был волонтером в Северной армии. Я познакомилась с ним здесь в тюрьме, и мы провели под этим деревом много чудных часов. Это был выдающийся человек... Но нужно тебя устроить здесь, красавица моя.

И, обнявши Фанни, она повела ее в комнату, где стояла ее кровать, и упросила сторожа, чтобы он не разлучал обеих подруг.

Они решили на другое утро вымыть вместе окно в своей комнате.

Скудный ужин подавался всем вместе. Каждый заключенный приносил свою тарелку и деревянный прибор (было строго запрещено иметь металлические приборы) и получал свою порцию свинины с капустой. Фанни увидела за этим грубым столом много женщин, веселость которых ее удивила. Как и г. Ориак, они были тщательно причесаны, и платья их были чисты и изящны. Готовясь умереть, они сохраняли желание нравиться. Разговор их был весел и непринужден, и Фанни скоро узнала о любовных интригах, которые завязывались и развязывались под замком, в этих мрачных казематах, где ожидание смерти придавало особенную остроту и прелесть любви. Желание сжать чью-нибудь руку в своей охватило и ее непонятным волнением.

Она вспомнила о том, кто любил ее, и кому она не отдалась, и сердце ее сжалось от сожаления. Горячие слезы покатались по щекам. При свете коптящей лампочки освещавшей стол, она наблюдала за своими товарками, глаза которых лихорадочно блестели, и думала:

– Мы умрем вместе. Почему же я грустна, и сердце мое болит, а для них так же легка смерть, как и жизнь?

Всю ночь она проплакала на своей жесткой постели.

***

Медленно тянулись однообразные дни. Сегодня вечером двор, где влюбленные находили тишину и уединение, пусть. Фанни, задыхаясь в сырости

воздухе коридоров, уселась на клочке газона под старой акацией, осеняющей двор. Акация цветет, и легкий ветерок, пробегающий по ее листьям, весь наполнен ароматом. Под буквами, вырезанными Антуанетой, Фанни заметила дощечку, прибитую к коре, на которой она прочла стихи поэта Виже, такого же заключенного, как и она.

«Здесь сердца, не знавшие преступлений, покорные жертвы подозрения, забывали свою печаль, думая о любви под тенистой листвой этого дерева, закрывающего их. Оно было свидетелем их любовных тревог; часто слезы омывали его листья. Вы, которые в более счастливые времена попадете за эту ограду, уважайте, оберегайте это великодушное дерево. Оно утешало в горе, успокаивало в страхе и давало счастье под сенью своих листьев».

Прочитав стихи, Фанни задумалась. Вся ее жизнь прошла перед ней, спокойная и тихая: замужество без любви, для занятия ума – музыка, поэзия, серьезная, без волнений дружба; потом любовь светского человека, которая не задела ее сердца, и которую она сильнее чувствовала в тюрьме. При мысли, что она должна умереть, отчаяние овладело ею; холодный пот выступил на висках.

В бесконечной печали, она обратила свой горящий взор к небу, покрытому звездами, и прошептала, ломая в руки:

– Боже мой! Возврати мне надежду.

В это время легкие шаги послышались около нее. Это была Розина, дочь сторожа, которая тайком пробралась к ней.

– Гражданка, сказала ей хорошенькая девушка, завтра вечером человек, который тебя любит, будет ждать тебя на улице Обсерватории с экипажем. Возьми этот пакет, в нем находится похожая на мою одежду; во время ужина ты переоденешься в своей комнате. Рост и белокурый цвет наших волос одинаков. В темноте нас можно принять одну за другую. Сторож, который меня любит и который находится в заговоре, принесет тебе в комнату корзину, с которой я хожу за провизией.

Вместе с ним ты сойдешь по лестнице, ключ от которой находится у него, и которая ведет в комнату моего отца. С этой стороны дверь не заперта и никем не охраняема. Постарайся только не попасться на глаза моему отцу.

Мой возлюбленный загородит спиной окно в комнату и обратится к тебе, как бы ко мне. Он тебе скажет: «До свиданья гражданка Роза, и не будьте так жестоки». Ты спокойно выйдешь на улицу, а я в это время выйду через главный подъезд, и мы вместе сядем в экипаж, который увезет нас отсюда.

Фанни казалось, что с этими словами она впитывает дыхание весны и природы. Всей грудью, наполненной жаждой жизни, она вдыхала свободу.

Она уже видела, чувствовала заранее спасение, а так как к этому чувству свободы примешивалась мысль о любви, то сердце ее готово было разорваться от счастья, и она прижала его обеими руками, чтобы сдержать его биение.

Но мало помалу рассудок, как и всегда, взял у нее верх над чувством. Она устремила пристальный взгляд на дочь сторожа и спросила ее:

– Красавица, почему вы показываете мне такую преданность, не зная меня?

– Потому что, ответила Роза, забывая говорить ей ты, ваш друг даст мне много денег, когда вы будете свободны, а тогда я выйду замуж за Флорентина, моего возлюбленного. Вы видите, гражданка, что я забочусь о себе. Но мне приятнее спасти вас, чем кого-либо другого.

– Благодарю вас, дитя мое, но почему же это?

– Потому что вы очень милы, и ваш друг очень грустит вдали от вас. И так все решено, не правда ли?

Фанни протянула руку, чтобы взять сверток с платьем, который держала Роза.

Но, отдернув вдруг руку, она воскликнула:

– Роза, знаете ли вы, что, если откроют наш заговор, вы будете приговорены к смерти?

– К смерти! Вы меня пугаете. О, нет, я этого не знала....

Потом, успокоившись, Роза сказала:

– Гражданка, ваш друг сумеет спрятать меня.

– В Париже нет верного убежища. Благодарю вас за вашу преданность, Роза, но я не могу принять ее!..

Роза остановилась в недоумении.

– Вас – поведут на гильотину, гражданка, а я не выйду замуж за Флорентина!

– Успокойтесь, Роза. Я могу оказать вам эту услугу, не принимая того, что вы мне предлагаете.

– О, нет. Это были бы украденные деньги.

Дочь сторожа долго просила, плакала, умоляла и бросилась, наконец, на колени перед Фанни, схватившись за край ее платья.

Фанни тихонько оттолкнула ее и отвернула голову. Бледный свет луны осветил ее прекрасное и спокойное лицо.

Ночь была тепла и спокойна, дул легкий ветерок. Дерево заключенных роняло бледные цветы со своих благоухающих ветвей на голову добровольной жертвы....

М.Л.

Госпожа де-Люзи**(Пер. с французского)***(Опубликовано в «Сибирских отголосках». 1907. № 43 (28 августа).**С. 2–3).*

Когда я вошел в комнату, Полина де-Люзи протянула мне руку; одну минуту мы хранили молчание. Ее шарф и соломенная шляпа небрежно лежали на кресле. Подойдя к окну, Полина стала глядеть на заходящее багровое солнце.

– Госпожа де-Люзи, произнес я, наконец: «помните ли вы те слова, которые я повторял вам изо дня в день, два года тому назад, у подошвы этого холма, на берегу реки, на которую обращены теперь ваши глаза? Помните ли, как вы, пророча, предсказали мне тогда тяжелые испытания, преступления и ужас? Вы старались останавливать на моих устах слова любви, и вы говорили мне: «живите, боритесь за правду и свободу». С тех пор, как рука ваша, которую я в то время покрыв слезами и поцелуями, указала мне путь, я смело шел вперед, повинуюсь вам: я писал и говорил. В течение двух лет я сдерживал возмущения голодающих, сеющие ужас и ненависть, поражал ораторов, прельщающих народ судорожными демонстрациями ложной любви, и трусов, приносящих жертвы власти»...

Она жестом остановила меня и знаком заставила прислушаться. Ароматный воздух сада, с звучащими в нем трелями птиц, внезапно огласился отдаленными криками смерти: «на башню, аристократ!.. Посадить его голову на копье!».

Госпожа де-Люзи стояла бледная, неподвижная, с пальцем у рта.

«Должно быть, они преследуют какого-нибудь несчастного, сказал я: они приходят в дом и арестовывают в Париже днем и ночью. Может быть, они идут сюда: мне следовало бы удалиться, чтобы не компрометировать вас своим присутствием, хотя в этом квартале меня и мало знают, но в настоящее время я являюсь, вообще, опасным гостем».

– Оставайтесь, произнесла она.

Крики снова наполнили спокойный вечерний воздух; к ним присоединились звуки шагов и выстрелов, постепенно приближающихся. «Закройте все выходы, услышали мы, чтобы он не убежал, этот злодей!».

Госпожа де-Люзи, казалось, становилось тем спокойнее, чем ближе подходила опасность.

– Пойдемте во второй этаж, сказала она, мы сумеем увидеть сквозь жалюзи все то, что происходит извне.

Но едва только мы успели открыть дверь, как увидели на площадке человека, бледного, изнуренного, со щелкающими зубами и подгибающимися коленями: «спасите меня, спрячьте меня!.. Они там... Они взломали мою дверь, ворвались ко мне в дом; я прыгнул через окно в ваш сад. Они идут...».

Г-жа де-Люзи узнала в нем Планшонэ, старого философа, живущего в соседнем доме, и тихонько спросила его: «видела ли вас моя кухарка? Она якобинка».

– Никто меня не видал.

– Слава Богу.

Она увлекла его в спальню, куда и я последовал.

Необходимо было немедленно сообразить, найти место, куда можно было бы спрятать Планшонэ на несколько дней, по крайней мере, на несколько часов, чтобы обмануть, утомить тех, которые его разыскивали. Мы условились, что я осмотрю местность вокруг, и по данному сигналу бедняга выйдет через маленькую калитку сада.

Планшонэ едва держался на ногах, он пытался объяснить нам, что его преследовали – его, врага священников и королей, за то, что он, будто, составил заговор с Газотом против конституции и 10 августа присоединился к защитникам Тюльери. Это была недостойная клевета. В действительности, Любен преследовал его по личной ненависти, Любен, бывший мясник, которого Планшонэ не раз порывался отколотить за обвешивание и который теперь председательствовал секцией в помещении прежней мясной лавки.

Когда Планшонэ произносил своим сдавленным голосом имя этого человека, ему вдруг показалось, что сам Любен перед ним, и он испуганно закрыл лицо обеими руками.

На лестнице, действительно, слышались чьи-то шаги.

Г-жа де-Люзи поспешно задвинула задвижку и толкнула старика за ширмы. Постучались в дверь, и Полина услышала голос своей кухарки, сообщавшей, что у калитки ожидали власти вместе с национальной гвардией, пришедшие произвести обыск. «Они говорят, прибавила девушка, что Планшонэ скрывается у нас; я знаю прекрасно, что это не так, что вы не пожелали бы укрыть у себя этого злодея, но мне не верят».

– Хорошо, пусть войдут! Крикнула г-жа де-Люзи через дверь. Покажите им весь дом от погреба до чердака.

Услыхав этот разговор, бедный Планшонэ упал в обморок, и мне с трудом удалось привести его в чувство.

– Друг мой, обратилась к нему молодая женщина, доверьтесь мне, помните, что женщины чрезвычайно хитры.

Спокойно, точно занятая ежедневной заботой по домашнему хозяйству, она выдвинула из алькова кровать немного вперед, смяв при этом покрывало, и с моей помощью разместила подушки, как бы желая их лучше сохранить, таким образом, что за ними образовался узкий свободный проход от самой высокой до самой низкой части алькова.

В то время, когда она была занята этой перестановкой, на лестнице слышался сильный стук башмаков, сапог и ружейных прикладов. Для нас троих это была ужасная минута, но, к счастью, процессия поднялась вверх, и мы поняли, что охрана, сопровождаемая кухаркой якобинкой, начала розыск с чердака. Мы легко вздохнули, но нельзя было терять ни минуты. Планшонэ с моей помощью проскользнул в проход, образованный подушками. Г-жа де-Люзи покачала головой: постель, казалось, имела подозрительный вид; она пыталась расправить покрывало, разложить подушки аккуратнее, но ей это не удалось.

– Нужно лечь, сказала она и взглянула на часы; было семь; раннее время сна могло показаться неестественным; также нельзя было допустить мысли о том, чтобы прикинуться больной, так как кухарка, якобинка, обнаружила бы хитрость.

Несколько секунд г-жа де-Люзи оставалась в раздумье; затем спокойно, просто, с какой-то священной непорочностью разделась при мне, легла в постель и мне также приказала снять с себя башмаки, платье и галстук.

«Нужно, чтобы они приняли вас за моего возлюбленного и застали нас.... Когда они придут, вы сделаете вид, что не имели времени привести себя в порядок, и, растрепанный, откроете дверь».

Все предосторожности были приняты. Люди теперь спускались с чердака, проклиная и ругаясь.

Несчастный Планшонэ так дрожал, что потрясал всю постель, и его дыхание было так громко, что свист можно было услышать в коридоре.

– Как жаль, шептала г-жа де-Люзи, я была так довольна своей маленькой хитростью; но не будем отчаиваться, авось, Бог нам поможет.

Грубый удар кулака потряс дверь.

– Кто стучит? спросила Полина.

– Народные представители.

– Не можете ли вы подождать одну минуту?

– Открой, или мы разобьем дверь!

– Друг мой, открой.

В этот момент, по какому то чуду, Планшонэ перестал дрожать и хрипеть.

Любен вошел первый, опоясанный шарфом, в сопровождении двенадцати гвардейцев. Взглянув по очереди на г-жу де-Люзи и на меня, он вскричал: «черт возьми! Мы вспугнули возлюбленных. Простите, красавица».

Обращаясь к гвардии, он прибавил: «только приверженцы республики обладают добрыми нравами».

Вопреки обыкновению, он развеселился, благодаря этому неожиданному случаю, сел на край постели и, взяв за подбородок прекрасную аристократку, произнес:

– Этот ротик, действительно, создан не для того, чтобы днем и ночью бормотать: «Отче наш»; было бы жаль. Но республика – прежде всего. Мы ищем предателя Планшонэ, он здесь, я в этом уверен, он мне нужен, я должен его гильотинировать, в этом мое счастье!».

– Ищите его!

Они смотрели под мебелью, в шкафах, шарили копьями под кроватью и пробовали матрасы штыками. Любен, почесывая у себя за ухом, искоса на меня поглядывал. Опасаясь неудобного для меня допроса, г-жа де-Люзи обратилась ко мне: «друг мой, ты знаешь мой дом так же хорошо, как и я сама; возьми ключи и поведи повсюду г. Любена, я знаю, что ты с большим удовольствием будешь указывать дорогу патриотам».

Я повел их в погреб, где они перерыли связки хворосту и выпили много бутылок вина. После этого Любен ударами приклада разбил полные бочки и, выйдя из погреба, залитого вином, подал знак уходить. Я проводил их до калитки, запер ее и пустился бежать к г-же де-Люзи сказать ей, что мы спасены.

Услышав это, г-жа де-Люзи, склонившись к подушкам, позвала: «Планшонэ, Планшонэ!».

Слабый вздох был ответом.

– Слава Богу, вскричала она, Планшонэ, вы меня страшно напугали, я подумала, что вы умерли.

Обращаясь ко мне, она прибавила: «бедный друг, для вас было таким удовольствием повторять мне от времени до времени, что любите меня; теперь вы мне этого не скажите!».

М.Г.

Из воспоминаний о Флореале, второго года Республики**(Перевод с французского для «Сиб. Ж.»)***(Опубликовано в «Сибирской жизни». 1907. № 145 (21 октября). С. 3).*

I.

Привратник тюрьмы быстро прихлопнул калитку вслед за графиней Фанни д'Авено, арестованной Комитетом Общественного Спасения за укрывательство беглецов.

Тюрьма эта представляла собой старое здание, служившее раньше местом заключения наемных войск порт-ройяля и приспособленное теперь ко всем тем, кто сопротивлялся народной воле.

Пока секретарь записывал графиню, та, сидя на деревянной скамье, тоскливо думала:

– Боже мой, к чему все это?.. Чего вы от меня хотите?

По окончании допроса к графине подошел привратник. Это был угрюмый, озабоченный, хотя и с добрым лицом человек, которого сопровождала молоденькая с красивым личиком девушка, – очевидно дочь. Ее голова была украшена маленьким чепчиком, кокетливо повязанным лентами из национальных цветов. Они молчаливо провели графиню в обширный двор и, усадив ее на скамью под цветущей акацией, отправились в камеру. Здесь было уже пять человек заключенных, и привратник с дочерью устраивали для графини шестую постель. Тюрьма, – сколько жизней она не выбрасывала ежедневно на гильотину и в революционный трибунал, – все оставалась переполненной: новые и новые жертвы каждый день с избытком покрывали освобожденных.

Фанни увидела неподалеку от себя молодую женщину, вырезавшую перочинным ножичком дату своего заключения на коре дерева. Это была ее подруга детства Антуанета д'Оргак.

– Вы здесь, Антуанета?

– И вы здесь, Фанни?... Велите поставить вашу постель рядом с моей, – мы многое можем порассказать друг другу.

– Многое?... А что произошло с Оргак?

– С моим мужем? Я, признаться, милая, немного позабыла о нем.... Это, может быть, и не совсем справедливо: он был так безупречен со мною.... Я думаю, что он теперь в какой-нибудь тюрьме.

– Ну, а тебе, Антуанета, как здесь живется?

– Мне?... Ах!.. Который теперь час? Если – пять, то друг, имя которого я здесь соединяю со своим уже не жилец на этом свете.... В полдень его судил военный трибунал. Его звали Героном. Это был волонтер в северной армии.... Сколько сладких минут провели мы с ним здесь, под этим деревом!.. Это был достойный во всех отношениях человек.... Но необходимо, милая, позаботиться о тебе...

Она обняла Фанни за талию и увлекла в свою одиночную камеру, вся мебель которой заключалась в единственной кровати.

После целого ряда переговоров с привратником, Антуанете д'Оргак удалось все-таки оставить Фанни в своей комнате. Приведение в порядок комнаты и мытье каменного пола подружки отложили до следующего утра.

Наступило время ужина. Это была более чем скромная, закуска, приготовляемая мальчиком-поваренком, и подаваемая в общей комнате. Каждый заключенный приносил с собою свою тарелку и деревянный прибор – металлические приборы запрещались, – сам получая свою порцию свинины с капустой.

Фанни была чрезвычайно поражена веселостью сидевших за столом женщин. Все они, как и графиня Оргак, были кокетливо причесаны и чисто и даже изящно одеты. Их галантная внешность, манера и тема беседы невольно наводили на мысль, что им хотелось во что бы то ни стало нравиться. Фанни скоро пришлось познакомиться со всеми их интригами, зарождавшимися и завязывавшимися под тяжелыми запорами этой мрачной тюрьмы, где смерть безжалостно косила любовь. И ее охватило страстное необъяснимое волнение.

Она вспомнила некогда любимого человека, и горькое сожаление и мучительное угрызение совести рвало ей душу на тысячу кусков... Она боялась, она страшилась тогда исполнить свое желание!.. Теперь все это – лишь отошедшие в область истории воспоминания.... По ее разгоряченным страстью щекам катились крупные обжигавшие ее слезы.

А товарки ее были веселы и беспечны, как всегда. Лихорадочно блестели их красивые глаза в тусклом свете тюремной лампы.

– Мы умрем ведь в одно время, думала Фанни, почему же я так печальна? Как счастливы все эти женщины, которые и жизнь, и смерть переносят с одинаковой легкостью!..

И, лежа на койке, Фанни всю ночь провела в слезах.

II.

Так утомительно однообразно протянулись двадцать тяжелых дней. Сегодня вечером двор с акацией, против обыкновения, был пуст. Задыхаясь в сырых и удушливых коридорах, Фанни вышла подышать свежим воздухом и расположилась под деревом на зеленой траве. Случайно она заметила вырезанную Антуанетой на коре надпись, состоящую из стихов заключенного в этой же тюрьме поэта Ренэ.

Фанни прочла:

«Здесь под тенью ветвистой акации

Покорные жертвы тяжелых подозрений

В мечтах о любви забывали свое горе.

И вы, кого менее жестокие времена бросят сюда,

Охраняйте и уважайте это благородное дерево.

Благодатная сень его листвы

Утешала печали и наполняла счастьем

Последние минуты обреченных на смерть».

Фанни задумалась.

В ее мыслях протекала вся ее прошлая жизнь: тихое и спокойное детство, увлечение музыкой и поэзией, замужество без любви, дружба со

своими товарками и страстная любовь к ней красивого юноши. Тогда эта любовь не трогала ее души. Но теперь в тюрьме она почему-то волновалась, когда о ней вспоминала....

Но мысль о приговоре, о близкой смерти затушевывала все эти воспоминания и приводила ее в отчаяние. Капли холодного пота выступили на лбу и висках Фанни. Она в ужасе подняла глаза к усеянному звездами небу и, ломая руки, дрожащим голосом шептала:

– Боже, верни мне надежду!.. Верни мне надежду!..

В эту минуту позади нее послышались шаги. К ней приближалась Розина, дочь привратника тюрьмы, для каких-то таинственных переговоров.

– Гражданка, – обратилась к ней молодая девушка, завтра вечером на площади Обсерватории тебя будет ждать с каретой любящий тебя юноша. Возьми вот этот пакет. В нем находится платье, похожее на то, которое я ношу. Ты оденешь его во время обеда в своей камере, и в полутьме тебя легко можно будет принять за меня, так как мы одного роста. Сторож, мой жених, предупрежден обо всем. Он принесет тебе в комнату корзину, с которой я ежедневно хожу на базар.

Ты спустишься по лестнице, как он тебе укажет, и пройдешь в квартиру моего отца. С этой стороны дверь не заперта и никем не охраняется. Берегись только попадаться на глаза отцу. Жених заслонит спиной окошечко и обратится к тебе, как он постоянно обращается ко мне, когда я ухожу: «До свиданья, гражданка Роза! Не сердитесь на меня!». Ты выйдешь спокойно на улицу и у главной калитки встретишь меня. Мы садимся и в заранее приготовленном фиакре уедем на площадь Обсерватории. Там ты будешь спасена.

Фанни, как ошеломленная, слушала девушку и трепещущею грудью сладко вдыхала аромат весны и грядущую свободу.

Она живо представила себе свое освобождение. В ее уме рисовались картины, одна заманчивее другой, образы, один ярче другого. Все это было полно бесконечного счастья и радости, и любви, и страсти. И, скрестив на

груди руки, Фанни предалась этим сладким грезам, пока девушка описывала план побега. Когда та кончила, графиня пристально взглянул анна дочь привратника.

– Милое дитя, обратилась она к ней, почему вы так преданы мне? Ведь вы совершенно не знаете меня!

– Ваш друг, ответила Роза, обещал вознаградить меня, если вы очутитесь на свободе. Тогда я буду иметь возможность обвенчаться с Флорентином, которого очень люблю.

Вот видите, гражданка, я больше всего забочусь о себе, но мне все-таки приятно спасти вас, чем кого-нибудь другого.

– Благодарю вас, дорогая! Но почему же именно меня?

– Потому что вы прекрасны и ваш друг вдали от вас тоскует по вас. Так, значит, все условлено, гражданка?

Фанни протянула руку за пакетом, который ей передавала девушка, но мгновенно отдернула ее назад. Разум взял верх над чувством.

– Знаете ли, Роза, произнесла графиня, что вам грозит смерть, если выяснятся причины моего побега?..

– Смерть?!.. воскликнула девушка, но вы приводите меня в ужас! О, нет, не знала.... Я не думала об этом!

Но, успокоившись, она добавила:

– Гражданка, ваш друг сумеет нас спрятать.

– Нет, милая, в Париже нет надежного убежища. Благодарю вас за преданность, но я не могу ее принять.

Этот ответ ошеломил Розу.

– Как!.. Ведь перед вами гильотина, а я не выйду замуж за Флорентина!..

– Успокойтесь, Роза! Я сумею оказать вам здесь услугу и, не приняв вашего предложения.

– О, нет!.. Это было бы низостью с моей стороны...

Дочь привратника долго плакала и умоляла графиню согласиться. Она опустилась на колени и, целуя складки ее платья, убеждала ее бежать.

Но Фанни осталась непоколебимой. Она отстранила рукой девушку и повернула влажное от слез лицо в сторону.

Серебряными снопами освещала луна прекрасную голову молодой графини. Ночь улыбалась, и легкий ветерок, колыхая пахучие ветви акации, осыпал бледно-розовыми лепестками цветов голову добровольной жертвы.

П.А.